ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ГЕНДЕР В ФОКУСЕ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Москва 2019

УДК 94(47+396)
ББК 63
Г34

При поддержке гранта РФФИ № 19-09-20061
«XIII конгресс антропологов и этнологов России»

Г34 **Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности** / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 332 с.

ISBN 978-5-4211-0240-3

В книге собраны материалы, представленные в качестве докладов на XIII Конгресс антропологов и этнологов России (2019 г.), а также результаты и итоги исследований, связанных с различными аспектами гендерной антропологии и женской истории России и других стран.

Сборник посвящен 60-летнему юбилею доктора исторических наук, профессора, заведующей сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Натальи Львовны Пушкаревой – основательницы направления женской и гендерной истории в российской исторической науке. Тематика статей отражает многогранные интересы и широкую исследовательскую проблематику, разрабатываемую научной школой, созданной профессором Н.Л. Пушкаревой, чьи труды и достижения признаны во многих странах мира.

УДК 94(47+396)
ББК 63

ISBN 978-5-4211-0240-3

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Наталья Львовна Пушкарёва

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Из истории рождения гендерного направления в науках о прошлом и этнологии 7

Белова А.В., Мухина З.З. Наталья Львовна Пушкарёва – основоположница изучения женской и гендерной истории в отечественной историографии 7

Белова А.В. К 20-летию общения и дружбы с Н.Л. Пушкарёвой 17

Заболотная Л.П. Женщины, которые творят современную историю 20

Михайлова М.В. Беседы в Москве начались с прогулок по Фрайбургу... 21

Мухина З.З. Несколько эпизодов из женских и гендерных исследований до «эры» Н.Л. Пушкаревой 22

Скорик А.П. Всегда в движении, всегда в познании реальности 25

Раздел II. Женская повседневность и проблемы гендерных исследований 27

Алексеева Е.В. Женщины в мировом движении за сохранение индустриального наследия 27

Безгин В.Б. «О бедной крестьянке замолвите слово»: русская баба в современной историографии 34

Белова А.В. Концепт «женская повседневность» в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории 39

Белова Н.А. Гендерный состав советских учителей 48

Валькова О.А. «Научная семья» в России в середине XIX века 54

Васеха М.В. «Советская женщина: модель для сборки» в контексте социальной реальности сибирской деревни в первое десятилетие советской власти 64

Веременко В.А., Семёнова О.А. «Сирота при живых родителях» – детское одиночество в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. 72

Годовова Е.В. Положение женщины-казачки в семье и обществе во второй половине XIX – начале XX в. 79

Горячева А.Н. Москва 1919 года в неизданном дневнике Н.Д. Андросовой 84

Громова А.И. Новые виды женской деятельности периода Первой мировой войны в отечественной женской прессе 87

Долгов В.В. Детство в Древней Руси XI–XIII вв.: начальный этап 89

Жидченко А.В. «Creation of new space»: особенности этногендерного подхода в изучении городской повседневности середины XX века 95

Заболотная Л.П. Правовое положение молдавской женщины в системе семейно-имущественных отношений. Условия заключения и расторжения брака (XIV–XVII вв.) 99

Икута М. Ещё один рассказ о сибирском пленении: в центре внимания – женщины 108

Кабакова Г.И. У истоков гендерного неравенства: по материалам восточнославянского фольклора 115

Калачева И.И. Образ советской семьи: зарисовки из жизни горожан 121

Канныкин С.В. Сравнительный анализ воззрений на духовные основания семейной жизни русских философов-идеалистов 132

Керов В.В. Место женщин в старообрядческом сообществе и женское предпринимательство в России XVIII – начала XX в. 138

Котовская М.Г., Юдина Т.Н. Инофоны (девочки и мальчики): гендерный фактор и знание русского языка в новой этнокультурной среде 144

Крюкова С.С. Девичья честь в русской деревне второй половины XIX в.: историко-культурная идентификация понятия 150

Курто О.И. «В начале славных дел…». Первопроходцы гендерных исследований в России 163

Левин Е. Первая женщина-врач в России 170

Лисицына О.И. Гендерная цензура и литература «не для дам» в контексте сексуального воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. 177

Меньшикова Е.Н. Женская и гендерная история на историко-филологическом факультете Белгородского государственного университета: к истории «белгородской ветви» научной школы Н.Л. Пушкарёвой 182

Михайлова М.В. Лидия Зиновьева-Аннибал и Фрида Кало: притяжение сквозь время 187

Мицюк Н.А. Перспективы изучения истории материнства в российской исторической науке (основные темы, источники, методы исследования) 193

Морозова О.М., Трошина Т.И. Женщина как жертва гражданской войны 204

Нестерова В.Л. Динамика гендерных стереотипов в современном обществе 209

Нижник Н.С. Милиционерка: новый образ трудящейся женщины в России 214

Николаева Д.А. Культ матери в системе жизнеобеспечения бурят традиционной культуры 220

Петрич Л.В. Культурно-просветительные учреждения Оренбургской губернии как важный элемент досуга горожан конца XIX – начала XX века 225

Пивоварова Л.Н. Главенство в русской крестьянской семье в пореформенный период: гендерный аспект (на материалах Курской губернии) 233

Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. «История повседневности» в современном историческом исследовании 239

Радина Н.К. Между критикой и поиском идентичности: об интенциональных особенностях гендерных дискуссий 248

Ратчайлд Рошель Непослушные женщины и русские революции 1917 г. 250

Рябкова Е.С. Женский быт в СССР середины 1950 – середины 1960 гг. в отечественной историографии 256

Синова И.В. «Цветы» в пыли: детская проституция во второй половине XIX – начале XX вв. как форма девиантного поведения 263

Скорик А.П. Гендерные образовательные экспектации в судьбе молодого донского казака в начале XX века 268

Сорокина Е.А. Дети и родители современной Швеции 272

Сулейманова Р.М. Вопрос о равенстве полов в российском парламенте в начале XX века 278

Текуева М.А. Сексуальная культура адыгов 282

Трофимова Е.И. «Женский вопрос» в прозе и публицистике Александры Коллонтай 289

Шаповалова В.О. Материнство: голоса из Гулага 296

Шаповалова С.П. Изменение ментальности русской крестьянки в конце XIX – 30-х гг. XX века (на примере народных частушек) 301

Шендерюк М.Г. Берберова vs Одоевцева: особенности женского эго-нарратива 310

Щербинин П.П. Повседневная жизнь солдатских жен в российской империи в XVIII – начале XX века сквозь призму гендерной и социальной истории 314

*Якушкина Е.И.*К вопросу о специфике женского активизма в России 320

Сведения об авторах 327

РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ РОЖДЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В НАУКАХ О ПРОШЛОМ И ЭТНОЛОГИИ

А.В. Белова

Россия, г. Тверь, Тверской государственный университет

З.З. Мухина

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА ПУШКАРЁВА – ОСНОВОПОЛОЖНИЦА ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В этом году мы отмечаем юбилей Натальи Львовны Пушкарёвой – доктора исторических наук, профессора, заведующей сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

Известно, что до 1991 г. существовала обширная научная литература, в которой героинями были женщины. Как отмечает в историографических обзорах сама Н.Л. Пушкарёва, к началу 1990-х гг. были исследования по истории «женского вопроса» в дореволюционный период, написаны десятки биографий революционерок, монографии о декабристках, защищены диссертации об «освобождении женщин» после Октябрьской революции, в годы Советской власти… Но создание направления женской и гендерной истории в отечественной историографии связано с именем Н.Л. Пушкарёвой.

Наталья Львовна родилась 23 сентября 1959 г. в семье профессиональных историков – Ирины Михайловны и Льва Никитича Пушкарёвых, сотрудников Института российской истории (тогда – Института истории СССР АН СССР). По воспоминаниям родителей, с раннего детства в Наташу «вливали» всю мыслимую и немыслимую (дореволюционных детских писателей) литературу и, конечно же, она очень любила книги. В 9–10 лет Наташа полюбила ходить в Центральную детскую библиотеку, которая была напротив дома. Родители записали её в студию художественного слова во Дворце пионеров на Ленинских горах. Наташу взяла в свою группу, несмотря на ранний возраст, послушав, как она читает стихи и как знает литературу, Евгения Михайловна Ростова. Из ее студии вышло немало артистов, режиссеров. Во время прогулок Наташа читала маме стихи поэтов буквально «всех стран и народов» – от огромного числа произведений Пушкина, Лермонтова и др. до поэтов Франции, Германии, Латинской Америки, Кубы, Японии и т.д. И.М. Пушкарева вспоминает: «Не случайно на городской олимпиаде в Москве в 10 классе Наташа написала сочинение по произведению Давида Самойлова “Пушкин, поэт и Анна”, выиграла, мне позвонили устроители олимпиады, спросили, как Наташа учится. Я сказала, что идет на золотую медаль. Мне ответили, что, если будет поступать на филфак в МГУ, то, считайте, что она будет принята».

Круг ее увлечений и интересов сформировали не только родители, привившие ей огромное трудолюбие и умение добиваться поставленных задач, но также знакомые и друзья семьи, прежде всего специалисты по истории страны феодального периода (В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин), позже – приехавший из Ленинграда в Москву социопсихолог, антрополог, философ, сексолог и культуролог И.С. Кон.

Именно близкий друг семьи Пушкарёвых – специалист по истории внешней политики Рос-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)» (№ 19-09-00191).

сии в древнейший период, в будущем член-корреспондент Академии наук СССР и заведующий сектором древнейших государств Института истории – Владимир Терентьевич Пашуто отговорил Наталью поступать на филфак МГУ и подсказал ей тему, которая захватила Н.Л. Пушкареву на всю жизнь. В.Т. Пашуто в 1970-е гг. был частым участником международных научных конференций, в том числе зарубежных, где он сумел заметить новое явление в мировой историографии: интерес к «женской теме». В.Т. Пашуто набросал Наташе Пушкарёвой своим характерным, похожим на клинопись, почерком план будущей книги и перечислил обязательные к выполнению задачи, в том числе «выучить немецкий и польский языки», «тщательно обработать материалы ГИМа и ЦГАДа». Этот листок 1975 года, с которого начались все книги и само научное направление, Наталья Львовна хранит до сих пор, гордясь тем, что ни одна из перечисленных задач не осталась невыполненной.

Окончив с золотой медалью школу, по совету В.Т. Пашуто, Н.Л. Пушкарёва поступила с одним экзаменом на исторический факультет МГУ. В.Т. Пашуто предложил Наталье Пушкарёвой заняться реконструкцией истории женщин в Древней Руси. Стать научным руководителем такой темы среди университетской профессуры никто не желал (В.Т. Пашуто работал в Академии наук и не преподавал). Доводы молодой увлеченной исследовательницы шли вразрез с выводами классиков марксизма-ленинизма, считавшими начало социальной истории «началом исторического поражения женского пола»[1] (первое в биографии интервью с Натальей Львовной так и называлось: «Мог ли Энгельс ошибаться?»). Изучать само поражение не считалось нужным. Старшие коллеги Н.Л. Пушкарёвой убеждали ее «бросить фантазии» и «заняться чем-то действительно важным», но будущая российская «история женщин» была спасена нежданным согласием археолога – продолжателя дела А.В. Арциховского в Новгороде, исследователя берестяных грамот В.Л. Янина (ныне он академик РАН, а в те годы был профессором, заведующим кафедрой археологии МГУ). Он взял на себя риск стать научным руководителем темы «Положение женщины в семье и обществе Древней Руси» при условии, что никаких вопросов Наталья Львовна задавать ему не будет и станет всего добиваться сама. Тема женской истории стала ее судьбой, ей Наталья Львовна верна всю свою жизнь. Через год изучать тему, суженную до материалов по истории женщин в Великом Новгороде домосковского времени, приехала из США студентка Ева (Ив) Левин(а) (Eve Levin, ныне профессор университета Канзаса, главный редактор журнала «Russian Review»). Знакомство Н. Пушкарёвой с Е. Левиной стало основой их прочной многолетней сердечной дружбы и особого научного «сестринства» [41], счастливым подтверждением которого послужил позже блестящий перевод Е. Левиной с русского на английский язык созданной Н.Л. Пушкарёвой истории русских женщин за десять веков – монографии, изданной в Нью-Йорке и Лондоне [45].

В 1981 г. Н.Л. Пушкарёва, окончив с отличием исторический факультет МГУ, поступила в целевую аспирантуру Института этнографии АН СССР и под руководством В.Л. Янина продолжила исследование избранной ею темы. С изумительным для юной особы упорством Наталья каждый день ходила в архивы – ведь количество выдававшихся на руки дел всегда было ограничено, а во множестве прочтенных ею «церковных сборных рукописей» подчас не удавалось найти ничего, относящегося к теме. Тяжел и неблагодарен труд медиевиста! Все найденные к тому времени эпиграфические материалы, все 28 томов Полного собрания русских летописей, множество источников всех типов и видов в Москве и Ленинграде были тщательно обработаны воссоздательницей российской женской истории, что и позволило автору сделать важнейший для историографии вывод об огромной значимости женской домашней сферы для экономики того времени, а самих женщин – для политической жизни и культуры Древнерусского государства. В 1983 г. вышла первая статья Н.Л. Пушкарёвой [16].

После отнюдь не беспроблемной защиты Натальей Львовной диссертации «*Положение женщины в семье и обществе Древней Руси*» на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 1985 г. [28] (один из оппонентов сказал, что выбранная тема «узка», другой оспорил: «Половина населения страны за пять веков – разве этого мало?») текстом заинтересовалось самое нонконформистское для того времени издательство «Мысль». Несмотря на советы родных и знакомых, научного руководителя и оппонентов «даже не сметь соваться туда!» (очереди на издание книг

[1] См. более подр.: Ф. Энгельс. Происхождения семьи, частной собственности и государства.

в те годы исчислялись порой десятками претендентов), она все же не послушалась и отнесла рукопись в издательство, заменив лишь первую страницу и убрав слово «диссертация». Через день ей перезвонили и сказали, что рукопись принята, но нужно ее доработать.

Последующие несколько лет Наталья Львовна занималась дополнением и расширением ее текста (в том числе хронологическим), и в начале 1989 г. издательство собрало (так было ранее принято для определения тиража) около 1 млн заявок от желающих выкупить публикацию – от библиотек до конкретных людей. Уменьшив это число в десять раз, «Мысль» издала первую научную монографию Н.Л. Пушкарёвой «*Женщины Древней Руси*» [17] беспрецедентным (особенно для нынешнего времени) тиражом в 100 тысяч экземпляров. Книга имела огромный читательский успех и продавалась вместе с произведениями художественной литературы. В одном из интервью Наталья Львовна отмечает, что она «даже ходила в магазин послушать, как там спрашивают и обсуждают книгу» [9]. Несмотря на немыслимый для сегодняшнего дня тираж, книга продавалась из-под полы.

Первая большая книга о женщинах раннесредневековой русской истории быстро привлекла внимание американских славяноведов. Важно отметить, что в России на эту публикацию не вышло ни одного отклика в журналах. А за рубежом – более двадцати (см., например: [44; 43; 42] и др.). Книгу «Женщины Древней Руси» даже в США считают началом нового направления – рождения женской истории в России.

В это время (с 1987 г.) Наталья Львовна уже работала в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в должности старшего лаборанта. Не удивительно, что Ученый совет института отверг предложение И.С. Кона о выдвижении книги Н.Л. Пушкарёвой на Государственную премию: слишком молод был автор, незначителен в тот момент статус (лаборантка!), а саму книжку назвали «популярным изданием в мягкой обложке». Несмотря на наличие у автора книги уже десятка опубликованных статей (в те времена это была редкость) и изданную монографию, администрация Института не нашла для нее научной ставки, так и оставив Наталью простой научно-технической сотрудницей сектора русского народа, где она проработала двадцать лет. Женская тема и там казалась экзотикой, поэтому ей приходилось выполнять «производственный план» – заниматься зарубежной историографией восточно-славянской этнографии и историей русской эмиграции, освещать их, публиковать на эти темы статьи [см., например: 37]. А женская история была дополнением к плановой работе. Занимаясь плановыми темами сектора, Н.Л. Пушкарёва читала зарубежные книги, статьи; видела, какой огромный интерес к женской теме на Западе; продолжала собирать материал по истории русских женщин [20; 21; 15; 20; 24; 26; 32; 33].

Впоследствии Наталья Львовна не раз говорила, что ее собственные взгляды на особость женского пути в науке, стремление разобраться в причинах дискриминаций сформировали события ее собственной жизни.

На гонорар от издания первой написанной ею детской книги (тоже по «женской истории», рассказывающей о событиях XIII века и жене рязанского князя Евпраксии [13]) Наталья Львовна смогла оплатить свое индивидуальное участие в работе делегации советских историков, направлявшихся в августе 1990 г. в Мадрид, где был созван XVII Международный конгресс исторических наук. На этом конгрессе работала сессия, посвященная истории женщин. На ней молодую лаборантку Института этнографии Н.Л. Пушкарёву избрали постоянным представителем от СССР в созданной на том заседании «Международной федерации исследователей женской истории» (оргкомитет Конгресса исторических наук 2015 г. прислал ей приглашение с обращением: «Уважаемая проф. Наталья Пушкарёва, мать женских исследований в России!» – между первым и последним событием прошла четверть века).

Из Мадрида Н.Л. Пушкарёва вернулась переполненная планами и идеями.

Возникшие научные контакты с коллегами в Европе и США в сочетании со знанием нескольких иностранных языков стали основой успешной научной карьеры Натальи Львовны за рубежом. Ее проекты поддерживались самыми различными фондами и стипендиальными программами – Фондом Фольксваген, Гумбольдтовским фондом, «Домом наук о человеке» в Париже, стипендиальной программой Хилландарской библиотеки в США. Она долго жила в Германии, несколько лет – во Франции. Н.Л. Пушкарёва вспоминает: «Когда я первые три месяца провела в Париже, у

меня спрашивали: “Как Эйфелева башня?” – “Не знаю, я на нее не поднималась”. – “То есть как это? Три месяца пробыть!” – “Она была в стороне от библиотек Насиональ”». Работая в библиотеках, Наталья Львовна сравнивала положение древнерусских женщин с француженками, немками того же времени или более позднего периода. Через эту тематику Наталья Львовна пришла к изучению протофеминизма и женского движения в этих странах, истории суфражизма, то есть от исследований древности к более поздним эпохам.

Продолжая работать над нужными Институту, но далекими от женской истории сюжетами (так называемыми плановыми темами, см. например: [10; 29; 31; 37]), все силы автора после публикации «Женщин Древней Руси» были отданы хронологическому продолжению исследований. Книга «*Женщины России и Европы на пороге Нового времени*» [19] была первой апробацией усиления темы истории повседневности, реконструкции отечественной женской истории с позиций французской Школы «Анналов». Монография эта родилась не только потому, что исследовательнице удалось верно почувствовать общий научный тренд и обучиться написанию заявок в зарубежные стипендиальные фонды, но и благодаря тем особым отношениям, которые сложились у нее с инициатором создания межинститутского научного семинара по истории частной жизни, сотрудником Института всеобщей истории РАН Юрием Львовичем Бессмертным. Именно его – наряду со своими родителями, В.Т. Пашуто, В.Л. Яниным и И.С. Коном – Наталья Львовна относит к числу своих учителей. Юрий Львович, по ее словам, отличался изумительной способностью обучать работе с источником, видеть в нем то, что автор скрыл или хотел бы скрыть, прививать любовь к точному слову и скрупулезно анализировать нарратив. Участие в коллективных трудах под его руководством стало этапным в научной биографии исследовательницы (хотя увидели свет эти публикации лишь некоторое время спустя [25; 27]). Оно же подсказало ей основную идею книги «*Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.)*» [33]. Книга стала самым популярным, если верить Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ), текстом, написанным Н.Л. Пушкарёвой.

После издания этой книги Н.Л. Пушкарёвой в свет вышли десятки работ тех, кого захватила история женских эмоций, женской работы, женского социального участия и служения (женская благотворительность, меценатство и т.д).

Наталья Львовна предпочитает не рассказывать о том, что в докторантуру она поступила почти случайно (место в ней готовилось не «под нее», поэтому и никто даже не сообщил ей о том, что состоится ученый совет, на котором будут обсуждаться кандидатуры потенциальных очных докторантов). Правда, само заседание решило вопрос в ее пользу, членов совета убедил внушительный список ее публикаций, уже увидевших свет, и три (!) монографии, готовящиеся в разных издательствах, в том числе одном зарубежном. Исследовательнице на момент поступления в докторантуру было всего 34 года, и компьютер еще только входил в жизнь научных работников. Бесчисленные выписки из архивных документов, которыми столь богаты ранние публикации Н.Л. Пушкарёвой, хранились ею в больших каталожных ящиках на маленьких пожелтевших карточках. Написанные мельчайшим почерком, карточки эти перемещались вместе с нею (в том числе из страны в страну – ровно до тех пор, пока их содержание не удалось перенести в файлы).

В год защиты Н.Л. Пушкарёвой докторской диссертации «*Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала XIX в.*» [14], состоявшей из двух томов общим объемом почти две тысячи (1785) страниц, у ее автора вышли еще две книги [34; 37] и множество статей. В них раскрывались самые разные стороны женской повседневности, история имущественных и наследственных прав женщин в разные эпохи и периоды, разбирались особенности демографического и отчасти сексуального поведения, история женского политического участия, из истории материальной культуры – женский праздничный и повседневный костюм, нательная и верхняя зимняя одежда и ее украшения. Докторская диссертация вместила в себя лишь часть того, что Наталья Львовна уже успела изучить, написать и издать. Огромная часть скрупулезного труда Натальи Львовны осталась «за скобками» – неопубликованной, оставаясь таковой по сей день, поскольку некоторые частные вопросы, например вопрос развития имущественных прав, представлялись неподходящими для широкого читателя.

В 1997 г. на английском языке была издана книга Н.Л. Пушкарёвой «*Women in Russian History: from the Tenth to the Twentieth Century*» в переводе профессора истории Ив Левин [45]. Книга была признана образцовым исследованием историка. Ассоциация американских славистов рекомендовала это издание как учебное пособие в университетах США. В 1999 г. эта книга Н.Л. Пушкарёвой получила престижную награду имени Барбары Хелдт как лучшая книга года, написанная женщиной-ученым в области славяноведения.

Защита докторской диссертации в 1997 г. стала для Натальи Львовны Пушкарёвой одним из этапов в истории изучения прошлого русских женщин. Она завершила период многодневных архивных изысканий исследовательницы. Защита совпала со временем, когда в отечественную науку буквально ворвалась гендерная концепция. Н.Л. Пушкарева увлеклась гендерными исследованиями и теоретическим феминизмом, искала контакты с теми, кто изучал более поздние эпохи и знал особенности женского движения за права человека. 1990-е годы не случайно ныне именуют «гендерные 90-е» – годы бурного увлечения женской и гендерной темой во всех гуманитарных науках – так много западной феминистской литературы тогда переводилось, так часто собирались единомышленницы на «летние школы», исследовательские семинары и конференции по женским и гендерным исследованиям (1996–2006 гг.). В ходе разработки многочисленных курсов-лекций для слушателей «летних школ» Наталья Львовна готовит к изданию монографию «*Гендерная теория и историческое знание*» [12]. Издание книги стало еще одним шагом на пути становления женской и гендерной истории как направления в российском гуманитарном знании. Автор книги стремилась показать возможности и эффективность междисциплинарного подхода в исследовании истории, обосновать необходимость введения курсов по женской и гендерной истории в сложившийся список дисциплин, преподаваемых на исторических факультетах. В данной монографии она проявила свое умение рассказать просто о сложном, убедить в том, что гендерные исследования – интегративное направление современного социального знания, заимствующее подходы и исследовательские приемы социологии, политологии, психологии, лингвистики, литературоведения и других наук, применимые и сочетаемые с подходами смежных дисциплин – истории, антропологии, археографии, источниковедения.

В начале 1990-х гг. появилась возможность получать гранты для работы в европейских научных центрах. Н.Л. Пушкарёва работала в библиотеках Франции и Германии, обретала новых друзей, устанавливала новые контакты по исследованию женской и гендерной истории. Появились десятки ученых, интересующихся женской темой в истории и современности.

К сожалению, в последующие годы меняется как социально-политический, так и научный контекст отношения к гендерным исследованиям, а «гендер исчезает из списка модных тем» [12, с. 7]. Наталья Львовна убеждена, что «именно благодаря созданной традиционалистами “почве”, благодаря тому, что они собрали немалый материал, возникновение гендерного направления в науках о прошлом стало возможным в период либерализации общественной жизни» в 1990-е гг. Интеллектуальная и финансовая поддержка Запада в эти годы сыграла в этом процессе огромную роль [12, с. 399]. Гендерные исследования, по мнению Н.Л. Пушкарёвой, все еще доказывают свое равноправие с другими темами – историей повседневности, историей детства и возраста, историей сексуальной культуры и пр.

Начало 2000-х гг. стало периодом острых дискуссий между сторонниками и противниками проникновения политического (а феминизм – это политика) дискурса в научное знание, между приверженницами феминизма и дистанцирующимися от него… В одном из интервью Н.Л. Пушкарёва дала свое понимание феминизма как, прежде всего, социально-политической теории, в которой анализируется угнетение женщин и превосходство мужчин в прошлом и настоящем, а также осмысляются пути преодоления мужского превосходства над женщинами.

Главный опыт, как говорит Н.Л. Пушкарёва, который вынесла она, принадлежа к созданному в России при ее участии научному направлению, это опыт соглашений, поиска взаимоприемлемых (и для «традиционалисток», и для феминисток) решений, навыков выработки общих проектов, объединяющих сторонниц разных научных школ и политических взглядов. И здесь важно выявление неучтенности женского социального опыта в представлениях о мире и обществе, при изучении социального прошлого женщин России и Европы.

В 2001 г. Н.Л. Пушкарёва получила звание профессора по кафедре отечественной истории. Она неоднократно читала и продолжает читать лекции по истории русских женщин, женским и гендерным исследованиям в университетах России (в Москве, Иванове, Белгороде, Томске, Костроме и др.), странах СНГ (в Белоруссии и на Украине), зарубежных университетах (в США, Германии, Франции, Австрии, Швейцарии, Болгарии, Венгрии, Нидерландах). Более двадцати лет Наталья Львовна была не только приглашенным лектором, но и организатором и соорганизатором двух десятков научно-образовательных школ, прочла множество методических курсов, некоторые из них, как и сводная учебная программа, ныне опубликованы [22; 23; 40].

Главный результат исследовательской работы Н.Л. Пушкарёвой – создание отечественной школы женской и гендерной истории. Щедрая готовность делиться результатами своих исследований, доступность ее «творческой кухни», умение и желание открывать новое вместе с теми, кто вслед за нею выбрал женские исследования в гуманитаристике, сделали Наталью Львовну центром притяжения молодежи и коллег из разных городов России[1]и зарубежья[2]. С теми из своих учеников, кто живет в других городах, Наталья Львовна ведет активную переписку, поскольку современные средства связи позволяют осуществлять руководство научными проектами, даже находясь за сотни и тысячи километров от них. Курс лекций Натальи Львовны «Основы гендерной теории для историков», который она прочла как приглашенный профессор во многих университетах РФ и СНГ, каждый раз вызывал всплеск интереса к женской и гендерной истории, и каждое прочтение курса завершалось тем, что кто-то выбирал женские исследования в качестве своей научной специализации. Чтение курсов и работа по проектам за рубежом[3] способствовали в эти же годы налаживанию прочных связей между гендерологами и «историками женщин» в Западной Европе и молодыми адептами новой теории в нашей стране.

По замечанию одной из ее американских коллег, составляющей постоянные научные обзоры, работы Н.Л. Пушкарёвой не только поражают, но и вдохновляют своим разнообразием. Диапазон ее научных интересов очень широк: от женщин Средневековья до постсоветской женской проблематики. Она автор работ о традиционных образах и ролях женщин в обществе, о женском интимном мире и чувственности, об истории женского экономического участия, труда и повседневности, по истории женской одежды и моды. Замечательные статьи, имеющие значение монографий, написаны ею по проблемам, стоящим на стыке наук, – по женскому автобиографическому письму, по истории раннего русского женского движения, по методологии исследований женской истории и гендерной этнологии в ракурсе феминистского видения. Аудитория Натальи Львовны огромна – ее статьи публикуются как в академических, так и в популярных журналах, а выступления в разных странах и на разных языках неизменно собирают большие аудитории. Как приглашенный профессор-исследователь Н.Л. Пушкарёва обрела за 30 лет своей увлеченности историей женщин друзей и коллег во многих университетах не только США, но также Франции, Германии, Австрии, Болгарии, Японии.

Большим подспорьем в деле формирования круга единомышленников Н.Л. Пушкарёвой стало решение поделиться накопленным за годы занятий женской темой богатством – ее личной картотекой, сводным библиографическим каталогом, охватывающим издания за два века, с 1800 года. Она издала в 2002 г. самый информативный на сегодняшний день библиографический указатель по отечественной

[1] *Белгород* (Е.Н. Меньшикова, З.З. Мухина, Л.Н. Пивоварова, С.П. Шаповалова), *Владивосток* (А.А. Савчук), *Воронеж* (В.Н. Гущина, Е.И. Якушкина), *Ижевск* (В.В. Долгов, В.В. Пузанов, Д.В. Пузанов), *Кострома* (Н.А. Белова, Е.Ю. Волкова, О.В. Смурова), *Нальчик* (М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова, Л.Х. Сабанчиева, Л.Х Гукетлова, З. Шоранова), *Омск* (М.А. Жигунова, А.В. Жидченко), *Самара* (Е.В. Бакшутова, В.С. Дубина, М.М. Леонов), *Уфа* (Р.Н. Сулейманова), *Ульяновск* (Е.И. Канцерова) и из других городов.

[2] *Кишинев, Молдова* (Л.П Заболотная), *Минск, Беларусь* (И.И Калачева, И.М. Чикалова), *Канзас-сити*, *США* (Т. Старкс), *Токио, Япония* (Миса Накагами) и многих др.

[3] Среди проектов, реализованных Н.Л. Пушкаревой: «Асимметрия гендерной социализации в традиционной и современной культуре» (Болгария); «Прошлое амбивалентно: ностальгия и жизненные истории в постсоциалистической Болгарии и России (гендерный аспект)» (Болгария); «Der Status der Mutter im mittelalterlichen Ost- und West Europa (am Beispiel der russischen und deutschen Frauen in den X–XVI. Jh.)» (BRD); «Gender-sensitive methods of research of historical sources» (MPI, Gottingen, BRD); «Das weibliche Gedächtnis über das Alltägliche (die alltäglichen Beziehungen und die sozialen Verbindungen im Gedächtnis der russischen und deutschen Frauen des XX. Jahrhundertes)» (MPI, Gottingen, BRD); «Geschlechtsbezogene Methoden in der Geschichtswissenschaft und die Erneuerung der Ausbildung im XXI. Jahrhundert» (Gottingen, BRD).

женской истории с подробным историографическим введением – книгу *«Русская женщина: история и современность. История изучения "женской темы" русской и зарубежной наукой 1800–2000»* [30].

В том же году, когда была издана библиография, Наталья Львовна приняла решение создать некоммерческое объединение единомышленниц – Российскую ассоциацию исследователей женской истории, поскольку Международная федерация исследователей женской истории (МФИЖИ), представителем которой от России она была избрана на правах наблюдателя еще в 1989 г., признает только коллективное членство. О создании Ассоциации и просьбе помочь советами и организационно Н.Л. Пушкарёва и ее бывшая «школьница» (слушательница летних гендерных школ), в то время доцент СПбГПУ, М.Г. Муравьёва объявили на конференции МФИЖИ в 2002 г. в Белфасте. На реализацию намеченных планов ушло долгих пять лет. Создание НКО (некоммерческой организации) – сложное начинание, но исследовательниц вела вперед вера в необходимость инициированного дела. «Российская ассоциация исследователей женской истории» (РАИЖИ) была создана в 2008 г. – это символично: ровно за 100 лет до этого, в 1908 г., сторонницам женского равноправия удалось собрать первый Всероссийский женский съезд в Петербурге. С 1908 по 2008 гг. никаких организаций, объединяющих женщин-ученых, изучающих свою, женскую, историю, не создавалось. Появлению РАИЖИ способствовало желание гуманитариев иметь собственную организацию, представляющую их интересы и могущую помочь в проведении ежегодных встреч – конференций, круглый столов, семинаров и школ. Теперь на наши ежегодные конференции[1] съезжается по сотне с лишним участниц, а число заявок уже который год близится к 500…

Занимаясь огромной научно-организационной работой (рабочий день Натальи Львовны и по сей день начинается ранним утром), параллельно являясь членом различных общественных структур, чья цель – поддержка женщин на разных уровнях и в разных сферах (в общественном движении «Женщины Москвы» она возглавляет экспертную группу Совета по консолидации женского движения в России), будучи в постоянных разъездах по стране и за рубежом, Наталья Львовна не оставляла научных занятий. До сих пор, к сожалению, не опубликованы результаты ее огромной архивной работы, поддержанной Фондом «Открытое общество»: именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. она создала базу данных «*Имущественные права русских женщин XVI в.*» и написала научный отчет на ее основе, обработав данные нескольких тысяч частноправовых актов. На те же годы приходится написание десятков статей как по истории женщин и применимости гендерного подхода в изучении прошлого, так и по еще одной теме, теоретическое осмысление которой именно Н.Л. Пушкарёвой бесспорно, – речь об истории повседневности, ее гендерно-специфичных особенностях. «История повседневности» – одно из тех научных направлений, в становление которого в российской гуманитаристике Наталья Львовна внесла огромный вклад; без ее работ сегодня это направление просто непредставимо.

Научной смелостью и желанием преодолеть бытовавшие в обществе и историографии предубеждения, касающиеся истории сексуальной культуры, был продиктован многолетний научный проект по публикации источников по этой стороне отечественного прошлого [1].

Возглавив в 2008 г. сектор этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – единственный в системе академических научных учреждений в Российской Федерации, где есть структурное подразделение, связанное с гендерными исследованиями, – постоянно ставя задачу расширения числа сторонников своего направления, в последние годы Н.Л. Пуш-

[1] «Гендерное равноправие в России. Материалы междунар. науч. конференции, посвященной 100-летию Первого всероссийского женского Съезда 1908 года». Санкт-Петербург, 2008 г.; «Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы», г. Петрозаводск, Республика Карелия, 2009 г.; «Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем», г. Череповец, 2010 г.; «Частное и общественное: гендерный аспект», г. Ярославль, 2011 г.; «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен», г. Тверь, 2012 г.; «Российская гендерная история с «юга» на «запад», г. Нальчик, 2013 г.; «Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем», г. Рязань, 2014 г.; «Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне)», г. Старый Оскол, 2015 г.; «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур», г. Смоленск, 2016 г.; «Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем», г. Архангельск, 2017 г.; «Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков», г. Нижний Новгород, 2018 г.; «Эмиграция, иммиграция, социокультурная адаптация: женщины и мужчины в эпицентре миграционных процессов прошлого и настоящего», г. Калининград, 2019 г.

карёва посвящает значительную часть своего времени формированию научной смены. Речь не только о докторантах и аспирантах подразделения (к которому были «прикреплены» и авторы данной статьи для защиты докторских диссертаций), но и о большой работе по организации конференций РАИЖИ в разных городах России, женских общественных организаций (среди членов которых Наталья Львовна умеет находить новых молодых приверженцев научного изучения гендерной и женской истории). Их характеризуют сборники статей под редакцией Н.Л. Пушкарёвой («*Бытовое насилие*» и «*Российская повседневность в зеркале гендерных отношений*» [3; 39]), вышедшие по итогам реализации этой работы.

Тема женской и гендерной истории неисчерпаема. В последние годы Н.Л. Пушкарёва увлеклась новыми темами: женщины-ученые, в том числе женщины-историки, считая, что их вклад в историописание, например советского периода, пока не оценен и не понят. Она много занимается антропологией современной академической жизни, собирает интервью и публикует все, что связано с женщинами в науке.

Н.Л. Пушкарёва стала инициатором ряда научно-исследовательских проектов, поддерживаемых российскими научными фондами. Ей удалось собрать исследовательскую команду из различных городов, представителей разных научных специальностей, которыми впервые в исторических исследованиях была комплексно изучена культура и практики репродуктивного поведения в истории России с позиции междисциплинарного подхода: исторической антропологии, социальной истории медицины, повседневной и гендерной истории (грант РФФИ, № 16-01-00136-ОГН, 2016–2018 гг.). В настоящее время команда гендерных историков работает над темой, связанной с изучением женской социальной памяти (грант РФФИ, № 19-09-00191). Наиболее актуальными на данный момент, считает Наталья Львовна, представляются и проблемы, связанные с гендерными аспектами истории миграций и перемещений, истории адаптаций к новым обстоятельствам и условиям жизни, аккультураций во все времена. Этой теме посвящена конференция РАИЖИ в 2019 г. Благодаря поддержке Натальи Львовны, в разные годы стали возможны публикации коллективных и авторских [2; 6; 7; 8] монографий её докторанток и последовательниц.

Понимая, что интенсивное проникновение Интернета в социальную жизнь России в 2000-е гг. стремительно изменяет социальные связи и их исследовательские (а также поведенческие) практики, Н.Л. Пушкарёва сделала ставку на оцифровывание результатов своей подвижнической работы по выявлению публикаций по женской и гендерной истории. В течение двух лет вместе с коллегами из Института электроники и математики НИУ «Высшая школа экономики» она не только создавала архитектуру выложенной ныне на сайте РАИЖИ «Базы данных “*Женская и гендерная история России*”», но и пополняла собранный ею библиографический материал (свыше 10 тысяч наименований! – трудно поверить, что все это было собрано одним человеком и в свое время выписано от руки) новейшими публикациями 2000–2010 гг. То, что было добыто упорством и трудолюбием Натальи Львовны, стало после размещения в общем доступе на сайте – www.rarwh.ru – достоянием, доступным всем.

Начиная с 1990-х гг. и по настоящее время, Н.Л. Пушкарёва принимает активное участие в редакторской и экспертной деятельности. В разные годы она вела рубрики «История частной жизни» в историческом журнале «Родина» и «Культ предков» в журнале «Материнство». В 2007–2014 гг. являлась главным редактором ежегодника «Социальная история».

С 1997 г. по настоящее время Наталья Львовна – член редколлегий и редакционных советов многих научных изданий («Гендерные исследования», «Българска етнология» (София), журналов «Белые пятна российской и мировой истории», «Гласник САНУ (Белград), «Адам и Ева. Альманах гендерной истории», «Словарь русского языка XI-XVII вв.», «Aspasia. Yearbook of gender history», «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики (серия «Гуманитарные науки»), «Историческая психология и социальная история» (Москва), «Вестников» (серия «История») Тверского и Пермского государственных университетов, «Ведомостей» (серия «История») Белгородского государственного университета, Межвузовского научного совета «Феминология и гендерные исследования», а также член экспертных советов РГНФ/РФФИ, глава экспертной группы «Совета по консолидации женского движения в России».

В 2017 г. Наталье Львовне была вручена премия «The Association for Women in Slavic Stu-

dies» – весомое свидетельство международного признания профессиональным сообществом выдающихся заслуг Натальи Львовны Пушкарёвой как основоположника исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке. Премия была вручена в Чикаго на очередном конгрессе Ассоциации славянских, восточно-европейских и евразийских исследований (ASEEES, Association for Slavic, East-European and Eurasian Studies, преемница AAASS – Американской ассоциации славистов). AWSS объединяет и поддерживает исследователей и авторов учебных курсов, посвящённых женским и гендерным исследованиям в Центральной/Восточной Европе, России и Евразии. «The Association for Women in Slavic Studies» отметила высочайший научный уровень книг и статей Н.Л. Пушкарёвой, новаторские разработки в области гендерных исследований, умение сплотить коллектив единомышленников и вдохновить его на плодотворную исследовательскую деятельность и достижение амбициозных целей.

В настоящее время доктор исторических наук, профессор, трижды выдвигавшаяся Ученым советом ИЭА РАН в члены-корреспонденты РАН, в 2019 г. – на должность директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, с 2008 г. – заведующая сектором этногендерных исследований Н.Л. Пушкарёва все так же на «передовом крае» развития науки. Используя сетевые сообщества («Рабочий кабинет женщин-гуманитариев», «Инициативная группа “За феминизм!”», «Коновские чтения» и др.), она активно использует и эти площадки для «собирания сил», объединения всех тех, кому небезразлична возможность воссоздания живой картины отечественного прошлого, в котором будут различимы и женские голоса.

Н.Л. Пушкарёва – автор около 700 (свыше 500 научных, более 150 научно-популярных публикаций). В их числе более 20 сборников научных статей, в которых она выступила как составитель, ответственный редактор, автор предисловий, и 11 монографий [12; 17; 18; 19; 30; 34; 35; 36; 37; 38; 45]. Более двухсот работ опубликованы в изданиях или являются изданиями, индексируемыми РИНЦ, количество цитирований – свыше 6000. Индекс Хирша составляет 41. Книги и статьи Н.Л. Пушкарёвой входят в двадцатку самых цитируемых и продуктивных историков РФ. Н.Л. Пушкарёва подготовила 13 кандидатов и докторов наук.

В заключение хотелось бы отметить, что предложенный анализ биографии и творчества Н.Л. Пушкарёвой можно охарактеризовать как беглый. Едва ли в рамках одной статьи возможно оценить многогранный вклад Натальи Львовны в дело изучения гендерной и женской истории.

В настоящем сборнике публикуются работы, посвященные юбилярше. Авторы и редакторы постарались, чтобы тематика статей отражала широкие и многогранные научные интересы Натальи Львовны.

Библиографический список

1. «А се грехи злые, смертные…» / Под общ. Ред. проф. Н.Л. Пушкарёвой. Вып. 1: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России X – первая половина XIX в. М.: «Ладомир», 1999; Вып. 2 в 3 книгах: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. М., 2004.
2. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010, 2014 (2-е изд.). (Серия «Гендерные исследования»).
3. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под ред. и сост. М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкарёвой. СПб: 2012.
4. Гендерное равноправие в России / Под ред. Н.Л. Пушкарёвой, М.Г. Муравьевой, Н.В. Новиковой. СПб., 2008.
5. Женская и гендерная история Отечества X-XX вв.: новые проблемы и перспективы / Под ред. Н.Л.Пушкарёвой. М., 2009.
6. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013.
7. Мицюк Н.А. Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск, 2015.
8. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018.
9. Нестеренко М. «Я историк, и поначалу я боялась слова “феминизм”». Наталья Пушкарёва об истории женщин, сексуальных запретах и КГБ. [Электронный ресурс]. URL: // https://gorky.media/intervyu/ya-istorik-i-ponachalu-ya-

boyalas-slova-feminizm/ (дата обращения 06.03. 2019).
10. Пушкарёва Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Российская история. 1996. № 1. С. 53–69.
11. Пушкарёва Н.Л. Гендерная история // Теория и методология истории / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин Н.Н., А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. М., 2014. С. 287–312.
12. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
13. Пушкарёва Н.Л. Евпраксия Рязанская. М, 1989.
14. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала XIX в. Дисс. … докт. ист.наук. М., 1997.
15. Пушкарёва Н.Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87–98
16. Пушкарёва Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89.
17. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М, 1989.
18. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб., 2017.
19. Пушкарёва Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.
20. Пушкарёва Н.Л. Зарубежная историография о социальном положении женщины в Древней Руси // Вопросы истории. 1988. № 4. С. 140–150.
21. Пушкарёва Н.Л. Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986.
22. Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических науках. Учебно-методические материалы. Программа курса. М., 2001.
23. Пушкарёва Н.Л. История повседневностей и микроистория // отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин Н.Н., А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. М., 2014. С. С. 312–335.
24. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 93–106.
25. Пушкарёва Н.Л. Мир чувств русской дворянки конца XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера // Человек в мире чувств. Очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 2000. С. 85–119.
26. Пушкарёва Н.Л. Мир чувств русской женщины XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 17–31.
27. Пушкарёва Н.Л. Образ идеальной супруги (супруга) и его трансформации в средневековой Руси и России раннего Нового времени (XII–XVII вв.) // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени) / Ред. Ю.Л. Бессмертный, О.Г. Эксле. М., 2000. С. 177–194.
28. Пушкарёва Н.Л. Положение женщины в семье и обществе Древней Руси. Дисс… канд. ист. наук. М., 1985.
29. Пушкарёва Н.Л. Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 18–30.
30. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002.
31. Пушкарёва Н.Л. Русские: этнотерритория, расселение, численность, исторические судьбы (XII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1995 (в соавторстве с В.А. Александровым и И.В. Власовой); 2-е изд. М., 1998 (в соавторстве с В.А. Александровым, И.А. Авериным и И.В. Власовой).
32. Пушкарёва Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и московитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103.
33. Пушкарёва Н.Л. Социальный статус средневековых женщин в центре внимания историков Европы и США // Вопросы истории. 1988. № 9.
34. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) М., 1997.
35. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии. М., 2011.
36. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М: Ломоносов, 2012.
37. Пушкарёва Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997.
38. Пушкарёва Н.Л. Русские: этнотерритория, расселение, численность, исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1995 (в соавторстве с В.А. Александровым и И.В. Власовой); 2-е изд. М., 1998.
39. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / сост. Н.Л. Пушкарёва. М., 2013.
40. Социальная история. 2013. Женская и гендерная история 20 лет спустя / ред. Н.Л. Пушкарёва. Вып. 1. М., 2014.
41. Levin E. Friedens and Colleagues // Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present / ed. By Samuel H. Baron, Cathy A. Frierson. Armonk: M. E. Sharpe, 2003. P. 177–189.
42. Levy S. Reviewed Work(s): Zhenshciny drevnei Rusi, by N.L.Pushkareva Review by: Source: The Russian Review, Vol. 50, No 2 (Apr., 1991). Pp. 219–220.
43. Kaiser D.H. Reviewed Work(s): Zhenshciny Drevnei Rusi, by N.L. Pushkareva Review by: Source: Slavic Review,

Vol. 50, 4 (Winter, 1991). Pp. 1011–1012
44. Kivelson V. Reviewed Work(s): Women of Ancient Rus' by N.L.Pushkareva. The American Historical Review, Vol. 96, No (Dec., 1991). Pp. 1519–1520.
45. Pushkareva N. Women in Russian History from the 10th to the 20th Century. New York, 1997, London: M.E.Sharp, 1999.

А.В. Белова
Россия, г. Тверь, Тверской государственный университет

К 20-ЛЕТИЮ ОБЩЕНИЯ И ДРУЖБЫ С Н.Л. ПУШКАРЁВОЙ*

2019 год, помимо двойного юбилея Натальи Львовны – 60-летия со дня рождения и 30-летия выхода книги «Женщины Древней Руси», ознаменовавшей прорыв в историческом изучении женской темы в России (тогдашнем СССР), – примечателен еще одной «круглой» датой: 20-летием нашего с ней профессионального общения и личной дружбы. Полагаю это также далеко не случайным совпадением.

То, что меня абсолютно сближает с Натальей Львовной, можно уместить в формуле: «научная тема – это судьба». Я, как и Наталья Львовна, начиная с alma mater, ничем иным, кроме женской темы в истории, не занималась. Однако, поступив на исторический факультет в то время Калининского, позднее переименованного в Тверской, государственного университета в разгар перестройки, я интересовалась историческими судьбами того крайне узкого социального слоя в дореволюционной России, который, получив «прививку Европой», воплощал в себе особые ценности и образ жизни, являлся носителем и создателем вестернизированных культурных смыслов и мощной гуманитарной культуры. Тема истории российского дворянства в советское время была практически под запретом, за исключением сюжетов, связанных с формированием служилой бюрократии и проявлениями дворянской революционности. О сословной культуре дворянства, ее существенном вкладе в национальное культурное достояние, а тем более о дворянском «человеческом капитале» писать было не принято – пресловутый «классовый подход» диктовал иную тематику исторических исследований.

Обратившись к изучению правового положения дворянства, нормативных документов, его характеризовавших, ознакомившись с обнаруженным пластом дореволюционной историографии этой темы, я вскоре поняла, что далеко не только служилые мужчины составляли «соль» сословия, но и наследовавшие имущество женщины, жизнь которых во всех ее сложных перипетиях оставалась «за кадром» законодательных источников. В 1989 году на вопрос научной руководительницы, к сожалению ныне покойной, Валентины Викторовны Гурьяновой, какой темой я хочу заниматься, я ответила, что изучением женщины-дворянки. Было понятно, что сведения о дворянках могут содержаться в архивных документах, связанных с отстаиванием тех самых имущественных прав, которые гарантировало им законодательство. Работа в архиве с личными фондами тверского дворянства, из которых только один был специализированно «женским», не могла не сопровождаться попытками отыскать в историографии хоть какую-то опору для собственных изысканий по женской теме в истории России. Каково же было мое удивление и вдохновение, когда в областной библиотеке я обнаружила книгу Натальи Львовны Пушкарёвой «Женщины Древней Руси», в которой автор изучала правовое положение, в частности владельческие права и возможности их реализации, воплощенные в документах, в имущественной сфере средневековых женщин! Я убедилась, что нахожусь на «правильном пути» – если публикуемый автор применяет тот же исследовательский подход к другой исторической эпохе, значит, и мои труды принесут результаты. Так первая книга Натальи Львовны «Женщины Древней Руси» стала для меня началом заочного знакомства с автором, заронила зерно исследовательского оптимизма,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)» (№ 19-09-00191).

удостоверила в том, что история женщин в России – полновесная научная тема, сподвигла к еще более ревностному изучению женщин-дворянок XVIII – первой половины XIX века, чем я занималась на протяжении прошедших с этого момента 30-ти лет. Замечу попутно, что, скажи мне кто-то в далеком 1989-м о возможности личного знакомства с Натальей Львовной и всей ее семьей, о предстоящих совместных проектах и большой дружбе, я бы едва смогла в это поверить. Вывод: в науке и в жизни возможны самые неожиданные повороты, особенно если они тесно сплетены между собой.

Защитив в 1993 году диплом с отличием о роли женщины в родовой организации российского дворянства, я получила распределение преподавать на кафедре истории древнего мира и средних веков Тверского госуниверситета, кстати той самой, где с 1950 по 1966 год, тогда еще в Калининском педагогическом институте, работал, пройдя путь от ассистента до профессора, известный медиевист, доктор исторических наук Арон Яковлевич Гуревич. А в следующем 1994 году я стала аспиранткой доктора исторических наук, профессора ИАИ РГГУ, академика РАО, советника РАН Сигурда Оттовича Шмидта, которого, как знатока дворянской культуры, сразу вдохновила тема о женщинах-дворянках. Написанная под его руководством кандидатская диссертация была посвящена изучению социокультурного типа тверской провинциальной дворянки и, когда в 1999 году дошло до выбора оппонентов для защиты, Сигурд Оттович задал мне вопрос – кого бы я хотела видеть в качестве таковых. Первое имя, которое пришло в голову, было имя Натальи Львовны Пушкарёвой – уж если слушать критику в адрес своего исследования, к которому я очень трепетно относилась, то от «главного специалиста» страны в области истории женщин. Сигурд Оттович снял телефонную трубку и набрал домашний номер Пушкарёвых, обратившись к Ирине Михайловне, с которой много лет заседал в одном ученом совете в ИРИ РАН, со словами: «мне нужна Ваша ученая дочь». В тот момент «ученой дочери» дома, конечно, не оказалось – она находилась на очередной зарубежной конференции, – но Ирина Михайловна заверила Сигурда Оттовича, что отзыв она напишет и оппонентом на защите выступит. Я благополучно отвезла текст диссертации и в назначенный срок получила отзыв первого официального оппонента. Читая на ходу живописный слог, который совершенно не был похож на сухой язык критика, я расцветала. Потом мы созвонились – я поблагодарила за отзыв – и договорились о встрече в вестибюле РГГУ в день защиты. Диалог о том, как нам опознать друг друга, строился следующим образом:

Н.Л.: я невысокого роста.
Я: я тоже.
Н.Л.: у меня короткая стрижка.
Я: у меня тоже.
Н.Л.: я в очках.
Я: я тоже.
Н.Л.: я буду в зеленом костюме с коротким рукавом.
Я: я тоже.

Мы узнали друг друга сразу – вероятно, не только по этому исчерпывающему описанию. Флюиды женской истории исходили от нас обеих. Мы поднялись в зал, где проходила защита. По дороге Наталья Львовна поделилась животрепещущим – ее сын Артемий окончил школу и поступал тем летом на истфак МГУ, продолжая семейную традицию. Она немного волновалась. Как потом выяснилось, оппонировала по кандидатской диссертации тогда Наталья Львовна тоже впервые. И то, что это была диссертация по женской теме, – глубоко символично.

Так 20 лет назад состоялось наше личное знакомство на моей кандидатской защите 16 июня 1999 года, где Наталья Львовна выступила в высшей степени профессионально, доброжелательно и артистично, а уже на следующий день в телефонном разговоре от нее последовало предложение продолжить изучение темы в докторской диссертации и приглашение к ней в докторантуру. Докторантов у нее тогда тоже не было. Отметив в отзыве о диссертации как особенно перспективное изучение писем дворянок в контексте стилевой тенденции «женского письма», Наталья Львовна спустя еще несколько дней попросила у меня статью о женских письмах для публикации вместе с ее статьей о женском образовании в составе международной команды авторов в серьезном английском издании “Women and Gender in 18th Century Russia” под редакцией Wendy Rosslyn (Ashgate, 2003). Редактирование и перевод статей на английский шли не быстро. В 2000 году родилась

моя дочь Александра, ныне студентка факультета Liberal Arts РАНХиГС (Москва). Наталья Львовна тепло поздравила и всегда делилась полезными советами из собственного опыта совмещения материнства и научных занятий. Я тоже времени не теряла: не только поступила в 2002 году в докторантуру ИЭА РАН к Наталье Львовне, но и получила в 2004 году стажировку Германской службы академических обменов (DAAD) в рамках программы «Научные стажировки для ученых и преподавателей вузов». Работая в течение двух месяцев в Славянском семинаре Университета им. Альберта-Людвига г. Фрайбурга (Германия), я собирала материалы для докторской диссертации, каждый день переписываясь с Натальей Львовной, которая в это же самое время находилась на стажировке в Вене. Она писала, что я обязательно должна приехать к ней, посетить Вену. Это были незабываемые дни: Наталья Львовна – лучший гид из всех, которых мне доводилось слышать. В мельчайших исторических подробностях она познакомила меня с той Веной, которую уже исходила пешком и изучила сама. Этот город всегда хранит для меня ее присутствие. Мы с ней слушали интереснейшую лекцию профессора Венского университета Михаэля Миттерауэра о том, где в действительности пролегают границы Европы, и это тоже незабываемый опыт докторантуры, обретенный благодаря ей, моему научному консультанту. Наталье Львовне я обязана и знакомством с профессором Венского университета Искрой Шварц – втроем мы замечательно гуляли по Санкт-Петербургу и Репино летом 2005 года. Такое общение беспримерно обогащает и сохраняется в памяти.

Все годы докторантуры взаимодействие с Натальей Львовной было каждодневным и вдохновляющим. Мы обсуждали все – и возможности стажировок и выступлений на конференциях, и подготовку к печати моей монографии «”Четыре возраста женщины”: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в.» (СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»)), к которой Наталья Львовна написала прекрасное предисловие, и предстоящую защиту докторской диссертации по женской дворянской повседневности имперского периода до буржуазной модернизации, состоявшуюся 15 декабря 2009 года, где она официально выступала как научный консультант, но делая это очень проникновенно и неформально. Наталья Львовна всегда говорила мне: критерий научной успешности – докторская до 40 лет. Мы с ней уложились, обе защитившись в 38.

Потом было еще много общих дел – по обсуждению и реализации замысла РАИЖИ, в Правление которой я вхожу (и создание которой стало для Натальи Львовны архиважным), по организации V юбилейной международной конференции РАИЖИ в Твери «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» в 2012 году и др. Выигранный мной единогласно в 2014 году конкурс на должность ведущего научного сотрудника сектора этногендерных исследований ИЭА РАН также посвящаю Наталье Львовне Пушкарёвой, моему научному консультанту, моей неизменной наставнице и другу, руководителю научных проектов, в которых я много лет подряд принимаю участие. Работать в команде Натальи Львовны, быть в стане единомышленниц, чувствовать особую солидарность и поддержку, вносить вклад в продвижение научного направления, которому мы все служим и которое институционализировано в значительной степени ее научными и организационными усилиями и деятельностью, – это счастье и большая ответственность за соответствие уровню профессионализма, человеческого достоинства и открытости, преданности делу, людям, научной школе.

Vivat, дорогая Наталья Львовна Пушкарёва!
Vivat, женская история в России!

Л.П. Заболотная
Молдова, г. Кишинев, Национальный музей истории Молдовы

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ ТВОРЯТ СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ

Наталья Львовна Пушкарёва является для меня «судьбоносным» человеком. Знакомство с ней состоялось довольно «неординарно», и я даже бы сказала, что оно произошло при странном стечении обстоятельств.

Женская история стала для меня притягательной в начале 2000-х годов благодаря работам уже тогда всемирно известных Н.Л. Пушкарёвой и Л.П. Репиной. Имея возможность выступать с докладами в различных европейских странах (Румынии, Польше, Литве, Беларуси, Украине и др.), все свои выступления я начинала с историографии, ссылаясь, в первую очередь, на русскую школу.

В 2007 г., я была приглашена на международную конференцию в Витебск (17 стран мира) и узнала, что с пленарным докладом в ней будет принимать участие Н.Л. Пушкарёва. Я решила, что это мой шанс познакомится лично со знаменитой исследовательницей. В моем представлении, судя по годам издания работ и защите двух диссертаций, Наталье Львовне должно было быть немало лет (Sic!). Придя на конференцию с утра пораньше, я поспешила к организаторам и, приблизившись к трибуне, где докладчики уже готовились к выступлениям, громко обратилась: «Уважаемые коллеги, очень Вас прошу, пожалуйста, сообщите мне, когда подойдет Наталья Львовна Пушкарёва, а то эта бабушка будет нарасхват, и я не успею с ней познакомиться». В этот момент у всех изменилось выражение лица и все, кто покраснев, а кто, побледнев, резко опустили глаза в папки и бумаги перед собой. Только одна молодая, стройная, необыкновенной красоты женщина встала, подошла ко мне и с улыбкой на лице сказала: «Очень приятно познакомиться, я Наталья Львовна Пушкарёва, и я уже бабушка, у меня замечательный внук, а как зовут Вас?». И, естественно, как бывает в таких случаях, я стала заикаться, извиняться, что-то бормотать из серии: «О боже, извините, я думала, что Вам уже далеко за 70 лет, извините, простите и т.д.». Однако доброжелательность, необыкновенная интеллигентность и блестящее чувство юмора Натальи Львовны просто обескуражили и быстро привели меня в чувство. Между нами завязалась дружеская, приятная беседа, и на протяжении трех дней конференции мы практически не расставались. Я ловила каждое слово Натальи Львовны и не переставала восхищаться ее простотой в общении. Будучи широко известной и признанной на всемирном уровне, она ни разу не позволила себе показать свое преимущество. Напротив, она внимательно слушала каждый доклад, принимала активное участие в дискуссиях и ни разу не позволила сказать кому-либо, что она занята или не может каждому уделить внимание. Теперь, сотрудничая с Натальей Львовной более 12 лет, я убедилась, что это качество ее характера одно из главных и персонализирующих ее. Она, при всей своей занятости и загруженности, **всегда находит время помочь и быть рядом,** независимо от обстоятельств: читает и редактирует работы, пишет отзывы и рецензии, дает обстоятельные и профессиональные советы и т.д. За годы нашего сотрудничества Наталья Львовна трижды прилетала в Кишинев, чтобы в академической и университетской среде Молдовы поддержать исследователей в области женской истории.

Первый научный форум, организованный при поддержке Натальи Львовны Пушкарёвой, был проведен в Кишиневе 15–17 октября в 2007 г. В работе круглого стола «Гендерные исследования в Молдове» приняли участие 6 докладчиков и более 30 слушателей. Интерес к работам исследовательницы был значительным. Наталья Львовна выступала в Молдавском государственном университете с несколькими публичными лекциями. Аудитории были переполнены студентами. Некоторые из присутствующих впоследствии выбрали женскую историю темой своего исследования.

В 2012 г. Молдавской академией наук в сотрудничестве с Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ) была организована крупнейшая международная конференция и издан научный сборник статей «Women's factory in history», объединивший исследователей женской истории из 14 стран мира (Молдова, Румыния, Россия, Украина, Беларусь,

Литва, Польша, Грузия, Италия, Франция, Греция, Таджикистан, Сербия, Болгария). Наталья Львовна Пушкарёва, в качестве председателя РАИЖИ, выступила с пленарным докладом и была модератором пленарной секции. В рамках конференции было организовано протокольное заседание. Совместно с учеными, участниками конференции из разных стран, Наталья Львовна предложила общие проекты и коллективные формы дальнейшего сотрудничества. Благодаря этому высокому научному форуму, в Молдове сформировалась школа исследователей женской истории. На протяжении многих лет десятки ученых из Молдовы, представители различных академических институтов и университетов, принимают участие в работе научных конференций, организованных РАИЖИ, а также публикуются в российских научных изданиях. Наталья Львовна оказала полную поддержку и содействие в публикации исследователей из Молдовы (В. Бодруг, Д. Кашу, С. Докина, О.Урсан, Е. Квилинкова, А. Фелеа, В. Мискевка, А. Лисник и мн.др.).

Следующим важным и ответственным шагом в развитии женской истории в Молдове, в сотрудничестве с РАИЖИ и личным участием Н.Л. Пушкарёвой, стал международный методологический семинар «*Woman in Universal History. New methodological approaches*», проведенный на базе Национального музея истории Молдовы (НМИМ) 5 июня 2019 г. Семинар объединил участников из 11 стран мира. В пленарном заседании Наталья Львовна выступила совместно с учеными из Румынии, Польши, Молдовы. И хотя не все участники могли принять непосредственное участие в работе семинара, благодаря поддержке администрации НМИМ все доклады были опубликованы на английском языке в электронной версии.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть большую значимость деятельности Натальи Львовны Пушкарёвой для развития женской истории в Молдове. Плодотворное и многостороннее сотрудничество на протяжении многих лет дало свои результаты. Авторитет и уважение, которые по праву заслужила Наталья Львовна в научной среде Молдовы, не имеют границ. Хочется пожелать ей и в дальнейшем быть такой же полной сил и энергии в своей кипучей научной деятельности, долгих, здоровых и счастливых лет жизни, успехов и признания, радости и любви от дорогих и близких ей людей.

М.В. Михайлова

Россия, г. Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

БЕСЕДЫ В МОСКВЕ НАЧАЛИСЬ С ПРОГУЛОК ПО ФРАЙБУРГУ...

Кажется, это был 1993 или 1994 г. Тогда гендерные исследования только начинались, однако быстро достигли пика. Круглые столы, конференции, обсуждения, гранты, встречи с зарубежными учеными, женские клубы, издания феминистского журнала «Преображение». Все это кружилось, как в калейдоскопе, захватывая тебя и вселяя надежды и веру, что так будет всегда и возврата к прошлым затхлым и убогим временам нет…

Но и тогда среди многочисленных книжек по гендеристике и истории женщин все равно выделялись те, где слышался голос настоящего ученого. Ты еще делала первые шаги, только приобщалась к открываемой сфере, а кто-то уже уверенно вступил в эту область и делал открытие за открытием. Таким открытием была в 90-е годы книга Натальи Пушкарёвой «Женщины Древней Руси» (1989), хотя и обращенная к прошлому, но на самом деле вскрывавшая самое злободневное и в сегодняшней повседневности. То, о чем ты сама думала уже много лет – об общественной дискриминации представительниц женского пола, только камуфлируемой лозунгами о равенстве, об унизительности положения женщин во многих областях, – здесь предстало наглядно. Книга была написана не по-академически свежо. Какие-то положения просто запоминались сходу… Кстати, стоит заметить, что стиль Натальи Пушкарёвой вообще замечателен, доходчив, ярок. И ее последующие книги: «Частная жизнь

русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.» (1997), «А се грехи злые, смертные…» (Вып. 1. Сексуальная культура в допетровской России, 1999), Вып. 2. (в 3 тт.). Русская сексуальная и эротическая культура в исследованиях XIX–XX вв. (2004) – для многих (и меня в том числе) становились настольными. Они использовались и продолжают использоваться в различных ситуациях: и в преподавании, и при написании собственных научных работ…

И вот я узнаю, что эта женщина также находится среди членов нашей делегации, приехавшей, кажется, во Фрайбург для обсуждения проекта «Пол, гендер, культура», которую проводили Элизабет Шоре и РГГУ (могу, конечно, за давностью лет ошибиться в названии города и цели поездки – но то, что это была какая-то заграница, – точно!). Делегация была довольно многочисленной и сразу разбилась на группы по интересам и симпатиям. Я же мало кого знала, поэтому чувствовала себя робкой неофиткой. И вот собирается несколько человек, чтобы пойти посмотреть город, а в их числе и Наталья Пушкарёва. Надо сказать, что меня это смутило. Мне показалось, что перед таким маститым ученым я совсем потеряюсь, что и произошло на самом деле, но совсем не по вине Натальи Львовны. Напротив, эта маленькая, очень миловидная женщина как-то сумела сплотить нашу группку, сразу начав о чем-то оживленно говорить… Я же по большей части молчала, боясь сморозить какую-то глупость в области только мною осваиваемой гендеристики.

Наталья Львовна, конечно, не запомнила меня, державшуюся в тени, но я очень и очень запомнила эту первую встречу «невзначай». Уже тогда весь облик Натальи Львовны, ее какая-то необыкновенная ласковость к собеседнику, ее колоссальная эрудиция меня покорили. И как же мне радостно, что к настоящему моменту судьба свела и сводила уже множество раз с этой чудесной женщиной и выдающимся ученым. Позже я уже осмелела и начала дарить Наталье Львовне свои исследования, публикации (я довольно много издаю забытых текстов писательниц Серебряного века). И мне кажется, что Наталья Львовна относится благосклонно к моим изысканиям. Это подтверждается тем, что со временем она все чаще стала обращаться ко мне с какими-то «заданиями». И мне лестно, что ее выбор по совместному с зарубежными коллегами проекту, касающемуся восприятия феминизма представителями разных научных областей, пал на меня как филолога. К этому времени она уже была для меня Наташей. И ее интервью со мной вылилось в итоге в очень теплую и заинтересованную беседу.

Могу еще добавить: любое обращение к Наташе, будь то научный повод (за советом, консультацией, просто рекомендацией каких-то книг) или человеческая поддержка, всегда будет услышано. По быстроте ее ответов даже создается впечатление, что ты у нее на первом месте (чего просто не может быть при том количестве обязанностей и обязательств, которые она на себя взвалила и взваливает). Но это так. Так было, когда меня подстерегла серьезная беда в плане здоровья. Сколько мне Наташа надавала советов, как была заинтересована в выздоровлении! И клинику я выбрала именно по ее подсказке. И не ошиблась…

Хотелось бы почаще с нею видеться, но увы, это невозможно при той занятости, которая теперь просто изводит ученых. И хотелось бы, чтобы она также внимательно относилась и к себе, своему здоровью, берегла себя. Для всех нас! Наташа, ты нам очень нужна!!!!

З.З. Мухина

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДО «ЭРЫ» Н.Л. ПУШКАРЕВОЙ

Женская и гендерная история в настоящее время представляет собой отдельное, основательно сложившееся направление в отечественной этнологии, получившее широкое международное признание. Создание этого направления неразрывно связано с именем Н.Л. Пушкаревой, и это уже вошло в историю науки. Но целое научное направление, которое ныне из-

учается многими сотнями исследователей в разных концах нашей страны и за рубежом, не может сразу возникнуть на пустом месте. Как у всякого подобного явления, у него тоже была своя предыстория. Мне кажется, ознакомление с некоторыми фактами этой предыстории не лишено интереса, т.к. позволит на контрасте яснее выделить и в полной мере оценить подвижническую и в высшей степени плодотворную деятельность Натальи Львовны.

Выход гендерной проблематики, женской истории на передний план гуманитарного знания является следствием усиления внимания к женскому сообществу, что, в свою очередь, неизбежно было обусловлено бурными социальными процессами на Западе, приведшими к общей либерализации общественной жизни. Это, в частности, выразилось в легализации абортов в ряде стран, доступности для женщин ранее преимущественно мужских профессий и институтов и др. [9, с. 272]. Для нашей страны ключевое значение также имело исчезновение идеологического пресса, оказывавшего немалое воздействие на все стороны жизни, в том числе и на научные исследования.

С 1960-х гг. женская тематика в этнографических исследованиях «носилась в воздухе». Совершенно закономерно, что она стала предметом исследований. Одной из первых к ней обратилась А.В. Сафьянова, изучившая положение женщины в алтайской деревне до революции и в первые годы советской власти [7]. Возможно, имелись и другие работы, но они мне неизвестны.

Я училась в Казанском университете, где этнография имеет давние традиции. В то время этнографические исследования в университете возглавляли Евгений Прокопьевич Бусыгин и Николай Владимирович Зорин – это мои учителя, которым я остаюсь благодарна всю жизнь. Они постоянно были в поиске, стремясь найти новые и перспективные области и направления исследований. Это привело, кроме всего остального, к обращению к женской тематике. Мне было предложено выполнить курсовую, а затем дипломную работу о русской женщине. Однако после моего поступления в аспирантуру сразу после окончания университета по неизвестным мне соображениям была изменена тематика – мне предложено было заниматься положением женщины-татарки. Защита диссертации «Изменение положения татарской сельской женщины в семье и обществе в Татарской АССР за годы советской власти» [2] состоялась в 1981 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. В нем был собран цвет отечественной этнографии: К.В. Чистов, Р.Ф. Итс, И.С. Кон, Д.А. Ольдерогге, Ю.В. Кнорозов, А.М. Решетов, Б.Н. Путилов и др., там я встретила Т.А. Бернштам, совсем молодых Г.В. Старовойтову и А.К. Байбурина.

Оппоненты и диссертационный совет очень благосклонно отнеслись к моей работе. Хронологические рамки диссертационного исследования охватили более столетия, что дало возможность проследить изучаемые процессы в динамике. Я пыталась привлечь всю доступную для того времени информацию. Для разделов, характеризующих довоенный быт, мною были использованы архивные материалы, научная и научно-популярная литература, периодическая печать. Из последнего (в особенности для первых десятилетий советской эпохи) порой удавалось извлечь очень интересный фактический материал. Для периода после 1917 г. сюда добавились партийные и советские документы, статистические данные и собранные во время экспедиций Казанского университета полевые материалы, при этом использовался как индивидуальный опрос, так и массовое анкетирование в сельских населенных пунктах Татарской АССР. В основу работы был положен комплексный подход, позволивший раскрыть сущность и определить причины динамики изменений социального статуса татарской сельской женщины. Обработка статистических материалов и анкет проводилась по специально разработанной программе на ЭВМ, что в те годы только начинало внедряться в этнографических исследованиях (см. например: [3]).

В Казани из-за бытовых трудностей я не осталась, уехала в Казахстан. Там тоже не все быстро уладилось, бытовая неустроенность отнюдь не способствовала научной работе. Но самое главное, там я была одна, без поддержки научной школы. Неожиданно в начале 1983 г. я получила из Гронингена (Нидерланды) от председателя оргкомитета “Second international interdisciplinary congress on women. Women’s worlds: strategies for empowerment” Кристин Класон письмо с приглашением принять участие в конгрессе. Сам конгресс состоялся в следующем году (17–21 апреля 1984). Не зная, где я в действительности нахожусь, Класон по-

слала письмо в Ленинградскую часть Института этнографии, оттуда оно ушло в Москву, в Институт этнографии, лишь затем нашло меня в Казахстане. Доктор Класон писала, что по такому важнейшему вопросу, как положение женщины, должны быть услышаны и голоса представительниц социалистических стран. Видимо, я была одна из немногих, кого удалось найти. Далее в письме (оно у меня сохранилось) говорится, что, если мне известны исследователи по женской тематике в нашей стране, то просьба сообщить их имена или ознакомить с информацией о конгрессе. Реакция на приглашение была вполне предсказуемой. Ректор института Н.К. Ишмухамедов, где я работала после окончания аспирантуры (сейчас это Карагандинский государственный индустриальный университет), заявил: «Я нигде не был, нечего и ей разъезжать…». В 1986 г. материалы диссертационной работы были изданы отдельной книгой [1]. Она не осталась незамеченной, попала в крупнейшие библиотеки, на нее ссылаются в России и за рубежом.

Не имеет смысла, как это делается сейчас в модной альтернативной истории, рассуждать, чтобы бы было, если бы я осталась в Казани... История бывает только одна, она не переписывается. В 1997 г. Н.Л. Пушкарева защитила докторскую диссертацию «Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала XIX в.» (1785 стр.!) [5]. Еще никогда женщине как объекту исследования не уделялось столько внимания, никогда о ней не писалось с такой любовью и участием. Это монументальное исследование с непревзойденным хронологическим и тематическим охватом, основательностью корпуса источников, глубиной проведенного анализа. Если Наталья Львовна материалы диссертации издаст в полном объеме, полагаю, этот труд может войти в разряд классических. Частично эти материалы вошли в книги [4, 6, 8]. Книга Н.Л. Пушкарёвой [8] получила престижную награду имени Барбары Хелдт как лучшая книга года, написанная женщиной-ученым в области славяноведения.

Но значение указанных трудов сказанным не исчерпывается, оно намного больше, хотя понимание этого пришло значительно позже. Тогда еще никто не осознавал, что родилось новое направление в российской исторической науке – женская история, и роль Натальи Львовны здесь трудно переоценить. Не только научный авторитет, но и ее личные качества явились решающими для институализации и организационного оформления нового направления. Она всю себя отдала созданию своего детища – Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), ныне признанной авторитетной научной организации в России и за рубежом. Сколько для этого пришлось преодолеть препятствий, пройти через непонимание, неверие, скептицизм, а порой прямое противодействие, сколько было «невидимых миру слез» – знает только она сама.

Мое непосредственное общение с Натальей Львовной началось в 2008 г. в Санкт-Петербурге на конференции, посвященной 100-летию Первого всероссийского женского съезда 1908 года. Так получилось, что меня ввели в состав президиума РАИЖИ и предложили как представителю-гуманитарию из технического вуза создать сайт РАИЖИ. С этого момента моя судьба и дальнейшая научная деятельность тесно связаны с Н.Л. Пушкаревой. Я стала частью этого замечательного сообщества. Она предложила написать докторскую диссертацию, была моим научным консультантом. Благодаря Наталье Львовне, я вновь вплотную занялась тем, чем начинала заниматься в студенческие годы – изучением истории русской крестьянки. Наталья Львовна стала вдохновительницей, авторитетом и ориентиром в моих исследованиях.

Все эти годы укреплялись не только научные, но и личные контакты, совместные поездки на конференции, симпозиумы, конгрессы. Наталья Львовна щедро делилась не только своим богатым научным багажом, но и знакомила с коллегами, друзьями, учениками из разных регионов России и стран. Мне хорошо известно, что Наталья Львовна ежедневно ведет переписку по электронной почте с огромным числом адресатов, проводит он-лайн консультирование учеников и исследователей женской и гендерной истории из разных уголков необъятной России и зарубежных стран.

Для меня большая честь сотрудничать с Натальей Львовной, я всегда буду ей благодарна.

Библиографический список

1. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Мухина З.З. Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань, 1986.
2. Мухина З.З. Изменение положения татарской сельской женщины в семье и обществе в Татарской АССР за годы советской власти. Дисс… канд. ист. наук. Л., 1981.
3. Пименов В.В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
4. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М: Мысль, 1989.
5. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала XIX в. Дисс. ... д.и.н. М., 1997.
6. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) М., 1997.
7. Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX-XX вв.): Дисс… к.и.н. М., 1974.
8. Pushkareva N. Women in Russian History from the 10th to the 20th Century. N.Y., 1997; 2-е изд. L., 1999.
9. Yesterdays Britain. L.-N.Y., 2003.

А.П. Скорик

Россия, г. Новочеркасск, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ, ВСЕГДА В ПОЗНАНИИ РЕАЛЬНОСТИ

Мы познакомились лично в апреле 2007 г. на конференции в Урюпинске, которую организовывал Волгоградский госуниверситет. Обсуждавшаяся тема «Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности», казалось бы, далека от сферы ее научных интересов, но ради своих подопечных Наталья Львовна готова на многое. Тогда ее пригласила соискатель, известный волгоградский этнограф М.А. Рыблова посмотреть казачьи места в самой что ни на есть глубинке, в которую мечтал уехать профессор из известного студенческого анекдота «с бородой». В те дни и вечера Н.Л. Пушкарёва, как мне показалось, гораздо больше слушала и вслушивалась, чем говорила и убеждала. Донские казаки принимали гостей знатно, с открытой душой, вплоть до горячего самогона-первачка в бутылях с горлышком, заткнутым свежим кукурузным початком. Все было по-доброму, без лишнего навязывания старинных традиций, с открытыми научными дискуссиями, широким обменом мнениями и установлением исследовательских контактов, когда свободно могли выступить студенты и аспиранты, доценты и профессора, но отсутствовала излишняя дистанция в научном общении. Наталья Львовна на том пиру исторической науки и народной культуры вовсе не затерялась, все время оставаясь центром притяжения, в том числе и в кругу научной молодёжи в гостинке студенческого общежития, где у нее радостно поблёскивали за очками глаза, а на устах цвела добродушная улыбка…

Уже после конференции у нас завязалась длительная личная переписка и общение на почве продвижения по индивидуальной исследовательской траектории молодых научных кадров. Это сопровождалось множеством занимательных историй, происходивших из-за ее неудержимого стремления посмотреть достопримечательности того места, куда волею судеб она попала. К примеру, в феврале 2011 г. на защите Н.В. Обрезковой в Ставропольском государственном университете Н.Л. Пушкарёва вспомнила буквально накануне публичной процедуры, что в этом южном российском городе есть улица 45-й параллели, которая практически точно проходит по географической 45-й параллели, и это надо непременно увидеть, ведь на этой параллели находится итальянский Турин, американский Миннеаполис, российский Краснодар, крымский (тогда украинский) Симферополь. И ведь успела там побывать, равно как и на заснеженной и продуваемой ветром Комсомольской горке, а затем блестяще выступить в качестве первого оппонента по кандидатской диссертации на тему «Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920-х гг.». Помню, как Наталья Львовна искренне сокрушалась, когда в Ростове-на-Дону показывал ей здание Ростовского академического театра

драмы имени Максима Горького на Театральной площади, которое по форме напоминает трактор, ведь в советские времена город являлся столицей сельскохозяйственного машиностроения. Не сразу ей удалось распознать архитектурную особенность театрального здания, но затем она сказала, что вполне современный архитектурный комплекс получился с учётом ландшафта и окружающего обустройства. А ещё в Ростове-на-Дону мы искали Солдатскую синагогу, единственную действующую синагогу, построенную с элементами стиля модерн в сочетании с восточными стилями, имеющую свою уникальную историю сохранения в тесном городском пространстве. Мне посчастливилось видеть неописуемый восторг в ее глазах, когда мы вошли в уникальный Крытый двор нашего политеха в Новочеркасске. Со временем я понял, что для нее прикосновение к любому памятнику культуры и есть человеческое счастье. Ведь только очень увлечённый человек в явную непогоду будет готов идти, неизменно находить и искренне восторгаться артефактами, как это произошло с нами неподалеку от села Дмитриевское по дороге Р-269 Ставрополь–Ростов-на-Дону, где заново установлен (найденный там же в поле) старинный православный каменный крест, датируемый 1041 г., в качестве дорожной вехи на проложенном при скифах Черкасском тракте, действовавшем во времена Тмутараканского княжества.

Для Н.Л. Пушкарёвой нет запретных тем в истории, особенно с учётом сферы ее научных интересов. На защите моей докторантки в октябре 2017 г. в Волгоградском государственном университете финальным, пятым замечанием Натальи Львовны прозвучала фраза: «В диссертации С.Д. Багдасарян целый параграф посвящён «вопросам пола» в доколхозной деревне и в нём рассматриваются трансформации морали и нравственности сельского населения, большое уделяется внимание сложившейся сексуальной культуре. Тем менее, некоторые моменты остались не прояснёнными. Случались ли в южно-российской деревне случаи сексуальных перверсий?! Как это нормативно регулировалось?! Поскольку речь о Юге России, то, скорее, допускалось скотоложство, нежели однополая любовь, а на Севере, как известно, наоборот. Все это непраздные вопросы, поскольку ответы на них приоткрывают механизмы рождения и закрепления поведенческих запретов в деревне, как и их отмены в периоды либерализации бытовой жизни и ослабления социального контроля за индивидами». Развернувшаяся на защите научная дискуссия способствовала успешной защите докторской диссертации Сусанны Джамиловны Багдасарян «Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований».

Встречая и провожая в разных местах на Юге России за 12 лет нашего знакомства Н.Л. Пушкарёву, я всегда поражался ее индивидуальной мобильности и организованности, способности до мелочей продумать свою поездку, заранее узнать конкретно-исторические детали о том месте, где ей предстоит побывать. Скажем, в Волгограде она целенаправленно посетила Волгоградский музей изобразительных искусств имени И.И. Машкова, где провела несколько часов, о чём с удовольствием затем рассказывала, ведь работы этого известного русского и советского художника хранятся в собраниях шести российских музеев, многих частных коллекциях, а замечательные полотна в Третьяковской галерее не раскрывают всю глубину самобытного таланта, в том числе в передаче удивительных женских образов: там нет картины «Девушка с подсолнухами» («Портрет пионерки Зои Андреевой»), которую приобрела в своё время американская корпорация IBM, или картины «Колхозница с тыквами», хранящейся в Волгоградском музее, где коллекцию И.И. Машкова составляют 38 живописных и 60 графических работ.

Нам удалось представить лишь несколько зарисовок о Наталье Львовне, прошедшей путь в своей многогранной жизни от детского устремления «хочу все знать» к высотам научной карьеры, которая не может быть понята без ее увлечений и стремления к познанию культурных феноменов, о чём мы и пытались рассказать.

РАЗДЕЛ II. ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.В. Алексеева

Россия, г. Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

ЖЕНЩИНЫ В МИРОВОМ ДВИЖЕНИИ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Признание исторической, цивилизационной значимости объектов, порожденных индустриальной эпохой, необходимость их частичного сохранения и перепрофилирования в новых социокультурных целях стала насущно осознаваться в развитых странах Запада уже к началу 1970-х годов, когда процесс закрытия заводов, фабрик, шахт, других производственных структур стремительно ускорился в условиях перехода от индустриального общества к информационному. В России этот феномен, обостренный политическими пертурбациями и развалом страны, проявился на два-три десятилетия позже. Особую актуальность он получил на Урале, где в результате многовекового промышленного развития были созданы тысячи предприятий горнопромышленного комплекса и других отраслей, сформировался характерный индустриальный ландшафт и своеобразный социум. Современные технологические трансформации быстро и неуклонно вели к изменению их статуса – из главных действующих элементов промышленной цивилизации в ее памятники.

Мировое движение за сохранение индустриального наследия за последние два десятилетия существенно расширило ряды своих участников и стало действительно глобальным. Национальные представители в TICCIH (Международном комитете за сохранение индустриального наследия) есть в 46 странах – от Австралии до Японии (в настоящее время Россия не представлена). Среди историков, архитекторов, инженеров, музейных работников, искусствоведов, фотографов, преподавателей, людей многих других специальностей, заинтересованных в выявлении и фиксации разными методами (от фотосъемки до придания охранного статуса) промышленных объектов, изучении и приспособлении их к задачам современной жизни есть немало женщин. Многие из них играли и продолжают играть ключевую роль как в продвижении идеи значимости индустриального наследия, так и в его практическом сохранении.

В мировой историографии, насколько нам известно, тема участия женщин в движении за сохранение индустриального наследия еще не стала специальным предметом для изучения. Впервые ступая на неизведанное поле исследования, обозначим цель данной статьи, которая заключается в постановке проблемы и освещении следующего ряда вопросов: обстоятельства включения исследовательниц (их выборка ограничена объемом статьи) в тематику индустриального наследия; факторы и личности, оказавшие существенное влияние на исследовательниц нового направления; основные достижения и сложности в связи с их деятельностью в сфере индустриального наследия.

Выпускница Уппсальского университета, шведский искусствовед Мария Ниссер (Marie Nisser, 1937–2011) стояла у истоков организации движения за сохранение индустриального наследия и оказала большое влияние на его развитие не только в Швеции, но и в Европе в целом. Впервые на конференции по промышленной археологии в британском Бате она побывала в 1967 г. Увлекшись новыми идеями, в 1973 г. приняла участие в I международной конференции по сохранению промышленного наследия, проходивший в Айронбридже, а в 1978 г. уже сама организовала III международную конференцию TICCIH в Швеции.

Работая в Королевском технологическом институте в Стокгольме, Мария Ниссер принимала

участие в многочисленных инициативах по описанию промышленного наследия Швеции. Круг ее внимания охватывал металлургические заводы, гидроэнергетику, лесную промышленность и целлюлозно-бумажные комбинаты [16, 18]. В 1976 г. М. Ниссер написала путеводители по металлургическому заводу в Энгельсберге, который впоследствии стал объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, и промышленным зданиям Норрчепинга. Исследовательница была тесно связана с раскопками на металлургическом заводе в Лапфитте [5]. В 1984–1990 гг. М. Ниссер являлась президентом Международного комитета по сохранению индустриального наследия, внося существенный вклад в процесс его развития, благодаря которому TICCIH получила признание со стороны ЮНЕСКО и ИКОМОС.

В 1992 г. профессор М. Ниссер возглавила впервые созданную кафедру по исследованию индустриального наследия в университете Уппсалы, где разработала Северную/Балтийскую платформу промышленного наследия, международную программу обучения и исследований. Она побывала с интересными и прекрасно иллюстрированными докладами на конференциях по индустриальному наследию практически в каждой европейской стране [19, с. 6]. Все, кто был знаком с ней, отмечают, что она являлась настоящим ученым, очень открытым и отзывчивым человеком. Ее ученики продолжают исследование истории промышленной эпохи и ее наследия (например, Дэг Аванго (Dag Avango) входит в Правление TICCIH).

В определенной степени можно сказать, что благодаря М. Ниссер индустриальное наследие как сфера профессиональной деятельности появилась в России. В сентябре 1990 г. директор Института истории и археологии УрО РАН, член-корреспондент РАН В.В. Алексеев и научный сотрудник института к.и.н. К.И. Зубков приняли участие в VII Международном конгрессе по сохранению индустриального наследия «Промышленность. Человек. Ландшафт», который проходил в Брюсселе (Бельгия). Доклад В.В. Алексеева, указывавший на потенциал изучения богатейшего индустриального богатства Урала, произвел сильное впечатление на зарубежных коллег, весьма слабо осведомленных об этом замечательном промышленном регионе. Закономерным следствием проявленного интереса стало предложение руководящего органа Международного комитета по сохранению индустриального наследия (TICCIH), возглавляемого в тот период М. Ниссер, России присоединиться к мировому движению за сохранение индустриального наследия, обеспечить российское представительство в комитете. В результате В.В. Алексеев в 1990 г. стал первым национальным представителем России в TICCIH.

Уже через год после вхождения России в TICCIH Институт истории и археологии УрО РАН начал подготовку к крупному научному мероприятию – международной конференции «Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы» в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле. Это было трудное время пустых прилавков, шокирующих политических и экономических «экспериментов», разгула преступных группировок и сладкой бесконечности «Санта-Барбары». Не побоявшаяся приехать для решения рабочих вопросов подготовки межконгрессной конференции TICCIH, М. Ниссер со скандинавской сдержанностью и одновременно нешуточной тревогой сопровождала взглядом внушительных размеров тараканов, уверенно разгуливавших по ее гостиничному номеру в Нижнем Тагиле. После «прихватизации» многие производственные предприятия, заводские площадки находились в упадке, производили отталкивающее впечатление. Разглядеть в этих «брошенных руинах», «ржавом хламе» культурную ценность, перспективу сохранения в качестве памятников промышленной цивилизации мог только дальновидный человек, заинтересованный исследователь. В немалой степени благодаря опыту и поддержке М. Ниссер первая в России конференция по индустриальному наследию прошла с большим успехом. С промышленным наследием Урала познакомился широкий круг зарубежных ученых, оно стало рассматриваться как богатая самобытная часть мировой индустриальной цивилизации и доныне продолжает вызывать широкий исследовательский интерес.

Французская исследовательница Грасия Дорель-Ферре (Gracia Dorel-Ferré) «пришла» в индустриальное наследие из педагогики. После 1968 г. (в это время она работала преподавателем в педагогическом колледже в Лане) во Франции все образовательные программы радикально пересматривались, это была эпоха экспериментов. Под влиянием Национального института педагогических исследований распространилась мода на социально-экономиче-

ские исследования, к которым подходили со всей тщательностью: учителя вместе с учениками посещали производственные площадки, скрупулезно продумывали вопросы для таких экскурсий, а полученные результаты внедряли в педагогическую практику. В этом русле Г. Дорель-Ферре организовывала экскурсии, связанные с историей промышленности, в том числе на королевскую зеркальную мануфактуру Сен-Гобен (Manufacture des glaces de Saint Gobain) Фамилистер в Гизе (Familistère de Guise), Экомузей Фурми (l'Ecomusée de Fourmies) – в то время единственный, посвященный истории промышленности и ее наследию.

Высоко оценивая деятельность Г. Дорель-Ферре, директор Эколь нормаль, где она работала, в 1983 г. послала перспективного преподавателя на стажировку «Внедрение образования в области промышленного наследия в классах начальной школы», вскоре изменившую ее жизнь. Этот курс был реакцией на решение Министерства культуры, которому в том же году предписывалось сформировать орган, ответственный за инвентаризацию промышленного наследия, по модели структуры, созданной министром культуры А. Мальро для произведений искусства. Стажировка проходила в Дижоне, и именно оттуда Г. Дорель-Ферре выехала для посещения королевской солеварни Арк-э-Сенан и соляных шахт (ныне уже внесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО), другие замечательные места, связанные с промышленным наследием. Однако поистине судьбоносное значение имело знакомство с Вероникой Фрюи, блестящим историком, работавшей в то время над диссертацией под руководством Луи Бержерона, и направившей свою новую подругу по тому же пути. Грасия хорошо помнит момент, как она сидела на своем чемодане на платформе станции в ожидании поезда до Парижа, и Вероника заставила ее поклясться, что она пойдет к Луи Бержерону и попросит его стать своим научным руководителем. К тому времени произошло еще одно важное событие: текстильная фабрика, давшая жизнь рабочему поселку Седо, недалеко от Барселоны, где работали пять поколений семьи Ферре, закрылась, и Грасия решила написать ее историю. Она обратилась к семье Седо с просьбой изучать архивы предприятия, но начать работу с ними удалось лишь после двух лет проволочек.

Таким образом, Г. Дорель-Ферре пришла в индустриальное наследие через педагогику и осталась там благодаря экономической и социальной истории. В 1989 г. она защитила диссертацию по индустриальному наследию в Высшей школе социальных наук в Париже. В то время такие работы, где главным объектом исследования являлось какое-то место, связанное с производством, были редкостью. Для Грасии именно место стало отправной точкой для постановки фундаментальных вопросов. Часами она рассматривала старые фотографии, сравнивая их с современными. Говорят, что у стен есть уши, ей же казалось, что у них есть рты, звуки которых нужно было научиться слышать. Однако оказалось непросто, чтобы другие услышали ее точку зрения. В те годы европейское общество все еще находилось под американским влиянием, реализуя идею государства всеобщего благосостояния, в Каталонии публиковались книги, в которых утверждалось, что заводские поселки являются его моделью. Грасия же доказывала в своей диссертации, что это абсурд, поскольку фабричные поселки были порождением своей эпохи с присущей ей социальными, энергетическими и техническими ограничениями. Л. Бержерон разделял плодотворность ее подхода, который состоял в том, чтобы анализировать индустриальный ландшафт с учетом методов археологии, соотнося место и производственный процесс, устанавливая связь между техникой, пространством и способами производства, воссоздавая рабочий процесс и повседневную жизнь трудящихся. В результате реализации такого подхода появилась совместная книга признанного мэтра индустриальной истории и его талантливой ученицы [4].

В 1989 г. Г. Дорель-Ферре стала региональным педагогическим инспектором в Академии Шампань-Арденны. Под ее началом находилась тысяча учителей, и она сразу же предложила им организовать на добровольной основе коллективы исследователей в области индустриального наследия. В 1995 г. удалось подвести итоги первой серии работ, кульминацией которых стал «Летний университет», финансируемый министерством образования и возглавляемый ректором академии. Он и попросил энергичного инспектора создать ассоциацию для более эффективного взаимодействия с местными властями. Г. Дорель-Ферре обратилась к наиболее заинтересованным коллегам и созвала их на уч-

редительное собрание, состоявшееся снежным днем 17 декабря 1997 г. Энтузиазм преподавателей, собравшихся со всей академии, оказался сильнее непогоды. Так была создана Ассоциация индустриального наследия Шампань-Арденны (APIC) [2]. Она была и до сих пор остается единственной в своем роде во Франции: APIC – Ассоциация преподавателей с исследовательским призванием. Ее президентом по-прежнему является Г. Дорель-Ферре, которая видит цель ассоциации в создании базового комплекса литературы по истории промышленности для преподавателей и энтузиастов истории индустриального наследия, а также расширении их кругозора, выводе приверженцев дела из их узкой среды, знакомстве с разнообразнейшими промышленными объектами в Европе и за ее пределами. Вот почему был создан «Атлас промышленного наследия Шампань-Арденн» [3] и публикуются тома материалов всех проводимых ассоциацией симпозиумов. Эти форумы стали местом регулярных встреч местных исследователей, французских ученых в целом и широкого круга зарубежных коллег. В 2017 г. состоялась международная конференция в г. Шарлевиль-Мезье, посвященная 20-летию ассоциации, на которой прозвучали доклады, отразившие развитие дисциплины за этот период во всех ее аспектах [6].

Личный профессиональный интерес исследовательницы составляют рабочие поселки и города-заводы. Эта тематика продолжает ее предыдущие исследования. Вскоре после защиты, в качестве члена научного комитета она начала подготовку конференции «Рабочие поселки: утопия или реальность», которая состоялась в Фамилистере Гизы. Материалы конференции были опубликованы отдельной книгой и являются важной реперной точкой для историографии темы, показывая разнообразие промышленных поселений, имеющих существенную историко-культурную ценность [21]. В развитие темы несколько лет назад Грасия выступила с идеей публикации сборника статей в коллекции Савойского университета «Наследие» по теме «Рабочие поселки и города-заводы», которая была блестяще реализована, объединив под своей обложкой статьи исследователей о рабочих поселках по всему миру, буквально от А до Я (от Аргентины до Японии) [20]. Эта инициатива затем продолжилась конференцией на ту же тему в г. Террассе (Каталония) [17].

Деятельность Г. Дорель-Ферре также связана с экспертизой на предмет включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО ряда поселений и объектов горнодобычи: поселков при производствах селитры в Чили; поселений Благотворительного общества в Нидерландах и Бельгии; ртутных шахт Альмадена; виноградников Шампани.

Можно отметить особые отношения французской исследовательницы с Россией. Она очень высоко оценивает индустриальное наследие Урала, которое с восхищением познает, приезжая сюда почти ежегодно уже более двадцати лет. Промышленный Урал был практически незнаком французским интеллектуалам, что породило мысль издать в серии Савойского университета «Наследие» книгу о металлургическом Урале. Это единственное издание такого рода, опубликованное на французском языке [1].

Г. Дорель-Ферре продолжает исследования, начатые диссертационной работой и связанные с семьей предпринимателей, основавших фабричный поселок Седо в Каталонии (Colonia Sedo). Сегодня это работа вышла на новый уровень, так как Грасия стоит у истоков создания ассоциации по защите поселения Седо и окружающей территории. Она мечтает сделать поселок Седо новым Ланарком Каталонии. Таким образом, двойная траектория историка сошлась в одну линию. Индустриальное наследие соединяется с историей в текстах и на практике. В ее жизни переплелось стремление к познанию истории и изучению ее особого измерения – наследия, которое способствует пониманию смысла повседневной жизни.

Главными результатами деятельности Г. Дорель-Ферре можно назвать обеспечение не только профессионального, но и общественного признания предмета индустриального наследия, защиту и сохранение памятников промышленности, многолетнюю плодотворную работу дружеского коллектива единомышленников, объединенных в ассоциацию. Десятки солидных публикаций и проведенных международных конференций, сотни экскурсий на объекты промышленного наследия, выполненные в рамках добровольной ассоциации граждан, вполне сопоставимы с результатами финансируемых правительством профессиональных институтов. С помощью организованных Г. Дорель-Ферре поездок-экскурсий на бывшие промышленные объекты во Франции и в других

странах она научила своих соратников смотреть на мир по-другому, без предвзятых идей и стереотипов. Этот подход вовлекает обычных людей, простых граждан, ведь наследие окружает всех нас, и мы должны научиться видеть, уважать, ценить его, хотя бы для того, чтобы понять, откуда пришли, получив тем самым ключ к нашему будущему.

Венгерская исследовательница *Гёрги Нэметс* (Györgyi Németh) после окончания университета им. Л. Кошута начала работать в Мишкольце в школе, а затем в музее Отто Германа – крупнейшем (за пределами Будапешта) в Венгрии. Там ее деятельность была связана с изучением индустриальной истории, поскольку Мишкольц являлся центром региона Боршод – флагмана государственной социалистической индустриализации с сильно развитой тяжелой промышленностью [9, 14]. Защищенная ею докторская диссертация, посвященная англосаксонской историографии Венгрии XIX столетия, была далека от индустриальных сюжетов, но поддержка и энтузиазм Густава Хекенаста, крупнейшего исследователя металлургии железа феодальной Венгрии, научного сотрудника Института истории Академии наук Венгрии, чьи труды получили международное признание, постепенно заставила Гёрги всерьез заинтересоваться новым предметом. Академический ученый стал ее настоящим наставником, старшим другом. На основе своих архивных исследований Гёрги по собственной инициативе подготовила доклад и приняла участие в конференции TICCIH 1990 г. в Брюсселе, где ее выступление вызвало большой интерес. Дружеская атмосфера TICCIH изменила ее жизнь, Г. Нэметс стала настоящим подвижником промышленного наследия, абсолютно убежденным в его огромной ценности и восхищенным разнообразием его проявлений во всем мире [10]. Вскоре президент TICCIH Луи Бержерон попросил Г. Нэметс стать представителем TICCIH в Венгрии, а в 1994 г. ее избрали членом правления этой авторитетнейшей международной организации. В течение многих лет она была единственным членом правления, представляющим Центральную и Восточную Европу, с 2006 по 2009 г. даже являлась его ответственным директором.

Сфера исследований Г. Нэметс преимущественно связана с историей различных отраслей венгерской промышленности в XVIII–XX вв. (главным образом металлургии чугуна), охватывает теорию и практику сохранения промышленного наследия (как глобальные проблемы мирового промышленного наследия, так и конкретные примеры ревалоризации старых промышленных объектов) [7, 8, 11, 12]. В круг интересов исследовательницы входит изучение индустриального ландшафта (включая заводские и фабричные поселки), аспекты социальной истории, такие как память и идентичность в постиндустриальных обществах, а также туристический потенциал индустриального наследия [13].

Результаты исследований получили отражение в большом количестве публикаций в Венгрии и за рубежом. Однако Г. Нэметс отнюдь не только «кабинетный ученый», она организовала значимые для рассматриваемой области конференции: в 1992 г. – первую конференцию по индустриальному наследию в Венгрии, которая с тех пор стала регулярной, в 1999 г. – первую региональную конференцию TICCIH в странах бывшего советского блока в Центральной Европе, а также несколько сессий на различных международных конференциях TICCIH, Европейской ассоциации городской истории и др. В 1992 г. Г. Нэметс основала (и с тех пор возглавляет) венгерское отделение Международного комитета по сохранению индустриального наследия (TICCIH Hungary), которое функционирует также как комитет Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS Венгрия), в 2009 г. создала и возглавила Отделение глобальных и местных специалистов TICCIH (Global and Local specialists TICCIH), разработала первую – и до сих пор единственную – программу бакалавриата по изучению индустриального наследия в Венгрии, начавшей действовать в 2007/08 уч. г. в Университете Мишкольц [15].

В 2001 г. по инициативе Г. Нэметс девять зданий бывшего металлургического комбината в Мишкольц-Диошдьере получили юридическую защиту и стали охраняемыми памятниками (это был первый случай в истории защиты венгерских памятников, включающий в себя так много зданий), что, безусловно, можно назвать настоящим прорывом в признании индустриального наследия исторической, технологической и культурной ценностью ушедшей эпохи.

Трансляция профессиональных знаний и накопленного опыта – ключевой механизм в развитии движения за сохранение индустриально-

го наследия. Несколько студентов Г. Нэметс в университете Мишкольц подготовили кандидатские диссертации по истории промышленности, некоторые из них работают в промышленных музеях. К числу основных проблем, с которыми столкнулась на своем пути венгерская исследовательница, относится недостаточное понимание венгерской общественностью, властями, инвесторами ценности наследия крупномасштабной индустриализации, завершенной в стране в советский период.

Заместитель директора «Нижнетагильского музея заповедника “Горнозаводской Урал”», руководитель проекта «Эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод» *Маргарита Вячеславовна Кузовкова* – инженер, выпускница Уральского политехнического института им. С.М. Кирова. Профессионал с большим практическим опытом руководителя, глубоким знанием правовых актов, она – квалифицированный специалист, разбирающаяся в архитектуре, истории, технологиях ревалоризации старых промышленных территорий. Инициативность, умение мыслить масштабно, неординарный креативный подход к выполнению поставленных задач позволили М.В. Кузовковой разработать перспективную концепцию ревалоризации старого Демидовского завода [22].

Ее вхождение в «поле индустриального наследия» может показаться случайным: узнав из печати, что Музей-заповедник в Нижнем Тагиле разрабатывает концепцию сохранения завода, она, инженер-металлург, пришла в музей с надеждой реализовать себя как творческого человека. Металлургия для нее совмещала в себе искусство и романтику. Почувствовав сильное творческое начало Маргариты, директор музея И.Г. Семенов принял новую сотрудницу с большим уважением, рекомендовал к прочтению книги, расширяющие гуманитарную эрудицию вчерашней выпускницы инженерного вуза. Важным импульсом для нее стала деятельность в области изучения индустриального наследия, которой с начала 1990-х гг. стали активно заниматься сотрудники Института истории и археологии УрО РАН во главе с директором, национальным представителем России в Международном комитете по сохранению индустриального наследия (TICCIH) в 1990–1997 гг. В.В. Алексеевым. Энтузиазм, который привнесли академические коллеги, открыв, по сути, новую область изучения и деятельности в условиях политического и экономического коллапса постсоветского периода, совпавшего с системным кризисом классического индустриализма, позволил М. Кузовковой найти «творчество в металлургии», полную гармонию столь разных наук, почувствовать в синтезе металлургии и истории «безграничные возможности».

Стимулом к работе, при всей ее сложности, для М. Кузовковой всегда был интерес людей, живой диалог с экскурсантами. Не менее важной оказалась и профессиональная поддержка зарубежных коллег – Вольфганга Эберта, Бруно де Корте, Марии Ниссер, Матса Исаксона, раскрывавших мировой опыт, реализуемый в области изучения и сохранения индустриального наследия. Преодолевая сложности, продвигаясь вперед, Маргарита никогда не могла принять музеефикацию, которая делает исторический объект «красивым», разрушая при этом его аутентичность. Ставя на учет оборудование, изучая историческую литературу, составляя экскурсии, разрабатывая концепции ревалоризации индустриального наследия, она, в отличие от классических музейных работников, приоритет видит не в музеефикации, а в показе объекта в динамике и развитии. Зачастую идеи и предложения, однако, входят в коллизию с реальной жизнью города и музея: уникальные промышленные памятники изменяются в целях музеефикации. Так, была разрушена гидротурбина Жирарда и ряж листопрокатного стана № 3, демонтирована подстанция 1933 г., построена новая котельная на территории завода.

Значительным результатом деятельности М.В. Кузовковой можно назвать разработку концепции «Эко-индустриального технопарка» как всероссийского центра развития технологий в металлургии и машиностроении XVIII–XXI вв. и концепции нового «Демидов-парка» на территории Горнозаводского округа. В этих концепциях индустриальное наследие рассматривается как потенциал для развития старопромышленных территорий. Существенным в этой работе является поддержка директора Музея Э.Р. Меркушевой и заместителя главы города по развитию территории Ю.Г. Кузнецова.

В начале 2000-х гг. под руководством М.В. Кузовковой началась расчистка рабочего канала завода, давшая старт большому исследованию гидросистем Горнозаводского округа, что включает в себя воздуходувную машину с качающимися цилиндрами (аналог маши-

ны Беккера), конструкции заводских плотин, Ушковскую канаву. Это исследование привело к обоснованию значения индустриального ландшафта как объекта наследия. Важно подчеркнуть, что выполненные изыскания могут иметь и прикладное значение для города, так как, указывая на возможность восстановления гидросистемы в округе, позволяют решить много экологических проблем и внести корректировку в генеральный план города и округа. Таким образом, индустриальное наследие оказывается потенциалом для развития старопромышленных территорий и построения постиндустриального общества.

В связи с передачей в 2014 г. объектов, находящихся на территории старого демидовского завода, от ЕВРАЗ НТМК, работа ускорилась, появились условия для развития производственной базы. В том же году для создания экспозиции в одном из бывших цехов удалось приобрести бессемеровскую реторту, которая сегодня составляет ядро большого арт-проекта. Огромный бессемеровский аппарат позволяет представить цикл сталеплавильных производств. Интересная работа ведется по изучению феномена доменного производства: восстановлена эллиптическая печь Карла Фрелиха и эллиптическая печь Грум-Гржимайло для получения ферромарганца.

Урал богат памятниками промышленного прошлого, которые чрезвычайно значимы с точки зрения российского вклада в мировую индустриальную цивилизацию. Их сохранение и творческое включение в современный городской культурный ландшафт не только интересно и познавательно, но важно для формирования устойчивой культурной общности граждан России, представляющих технологические достижения предыдущей эпохи, дорожащих ее наследием, осознающих свою роль в преемственности поколений. К сожалению, индустриальное наследие в России до сих пор не выделяется как особый объект культурного наследия. Не разработаны и не приняты соответствующие законы, нет широкого общественного понимания его значимости.

Среди активных участников мирового движения за сохранение индустриального наследия много ярких женщин: президент CILAC (французской организации за сохранение индустриального наследия) и член правления TICCIH д-р Флоранс Аше-Леруа, член правления TICCIH д-р Люси Моррисе (Канада), член правления TICCIH Марион Штейнер, член правления TICCIH д-р Сяо Вей Лин (Тайвань), национальный представитель Аргентины в TICCIH Моника Феррари, национальный представитель Мексики в TICCIH Белем Овиедо и много других, чей опыт и выдающиеся успехи в деле сохранения индустриального наследия представляемых ими стран и целых регионов достойны отдельного исследования.

Великолепные профессионалы своего дела, эрудированные эксперты, грамотные специалисты, прекрасные женщины, подобно стойким амазонкам, решительно сражаются за признание ценностей, созданных промышленной эпохой человеческого развития и, как любящие матери, делают все от них зависящее, чтобы дети эпохи цифровизации знали истоки богатства и проблем современного мира, которые лежат в промышленной революции бурного XVIII века, оставившей человечеству огромное и разнообразное наследие.

Библиографический список

1. Alekseev V., Alekseeva E. L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine. Chambéry. Université de Savoie. Édition française de G. Dorel-Ferré. 2011.
2. Association pour le patrimoine industriel de Champagne-Ardenne (APIC). www.patrimoineindustriel-apic.com
3. Atlas du patrimoine industriel de Champagne-Ardenne. Les yppae de la modernité. CRDP de Champagne-Ardenne. 2006.
4. Bergeron L., Dorel-Ferré G., Le patrimoine industriel. Un nouveau territoire. Liris. 1996.
5. https://www.erih.net/how-it-started/stories-about-people-biographies/biography/show/Biografies/nisser/
6. Le patrimone industriel dans tous ses états, un homage à Louis Bergeron. Ed. G. Dorel-Ferré. Apic – Université de Savoie. 2019.
7. Németh G. From Gasworks to Museum Quarter? // Průmyslové dědictví /Industrial Heritage. Sborník příspěvků k mezinárodnímu yppae Industriální stopy. Fragner, Benjamin (ed.). Praha: Výzkumné centrum průmyslového dědictví. 2008.
8. Németh G. (ed.) Growth, Decline, and Recovery: Heavy Industrial Regions in Transition Budapest: Institute of History of the Hungarian Academy of Sciences, Miskolc: University of Miskolc. 2007.
9. Németh G. Contested heritage and regional identity in the Borsod Industrial Area in Hungary // Industrial Heritage

and Regional Identities / Wicke, Christian, Berger, Stefan & Golombek, Jana (eds). London & New York: Routledge. 2018.
10. Németh G. Guide to the Monuments of Mining and Metallurgy in North Hungary and in Slovakia. Miskolc: BAZ MFÜ. 2002.
11. Németh G. In or out of the global box? Industrial heritage from different perspectives // Industrial Heritage – Ecology & Economy. XIV. International TICCIH Congress 2009 in Freiberg, Germany. Selected Papers. Industriearchäologie – Studien zur Erforschung, Dokumentation und Bewahrung von Quellen zur Industriekultur, Band 10 / Albrecht, Helmuth, Kierdorf, Alexander & Tempel, Norbert (eds), Chemnitz: Sächsisches Industriemuseum & IWTG/TU Bergakademie Freiberg. 2011.
12. Németh G. Le Millenáris à Budapest, la reconversion de l'ancienne usine de construction électrique Ganz // Situ, Revue des уррaелог no. 26. 2015.
13. Németh G. On Some Manufactures in Relation to the Industrial Landscape // Industry, Man and Landscape. Industrie, Homme et Paysage / Vanderhulst, Guido (ed.) Brussels: TICCIH Belgium. 1992.
14. Németh G. Prevailing ambivalence: The memory of Soviet-type уррaелогиее and industrial heritage conservation in Hungary // TICCIH Congress 2012 / Lin, Hsiao-Wei, Lin, Hui-Chen & Huang, Chun-Ming (eds). Chung Li: Chung Yuan Christian University. 2013.
15. Németh G. University training // Industrial Heritage Re-tooled: The TICCIH guide to Industrial Heritage Conservation / Douet, James (ed.). Lancaster: Carnegie Publishing Ltd & The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage. 2012.
16. Nisser M. The industrial heritage – changing perspectives // Technology and industry. A Nordic heritage. Ed. By J. Hult and B. Nyström. Science History Publications/USA. 1992.
17. Pobles obrers. Congrés internacional. International convention on Workers' villages and factory towns. 4 – 6 October 2018. National Science and Technology Museum of Catalonia. Terrassa. 2018.
18. The industrial heritage. The third international conference on the conservation of industrial monuments. Ed. By M. Nisser. Nordiska museet. Stockholm, 1981.
19. TICCIH SWEDEN National Report 2006–2009. URL: http://ticcih.org/wp-content/uploads/2013/04/Sweden2009.pdf
20. Villages ouvriers et villes-usines à travers le monde. Édition de G. Dorel-Ferrè. Université de Savoie Mont Blanc. 2016.
21. Villages ouvriers, utopies ou réalités. Actes du colloque de Guise, n°24-25 de l a revue L'archéologie industrielle en France. 1994.
22. Индустриально-ландшафтный Демидов-парк [Электронный ресурс]: реновация старопромышленной территории, стратегия модернизации города Нижний Тагил и Нижнетагильского городского округа: электронная монография / Кузовкова М.В., Баранов Ю.М., Бунькова А.А.; Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», Уральский федеральный ун-т им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Нижнетагильский технологический ин-т (фил.). – Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2013.

В.Б. Безгин

Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный технический университет

«О БЕДНОЙ КРЕСТЬЯНКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО»: РУССКАЯ БАБА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Феномен русской крестьянки и ее роль в повседневной жизни деревни эпохи модернизации еще не стали объектами глубокого и всестороннего анализа для современных исследователей. Изучение содержания обыденности российского села второй половины XIX – начала XX века и осмысление сути перемен в жизни крестьян эпохи модернизации могут быть достигнуты при учете всего комплекса социокультурных условий, в том числе и «женского» фактора, во многом определявшего сферы деревенской повседневности. Важной составляющей проблемы является реакция традиционного социума на изменения привычного уклада, вызванные переменами в экономике, социальной структуре и культуре. Сельская баба, будучи носи-

* Расширенный вариант статьи Безгин В.Б. Женский фактор крестьянской повседневности: состояние современной историографии // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2014. № 5. С. 94–97.

тельницей консервативного начала деревенского быта, оказалась более восприимчивой и быстрее адаптировалась, чем мужик, к новым условиям жизни, к иной сути гендерных ролей в сельской обыденности.

Современный этап в историографии данной проблемы был подготовлен как успехами зарубежных ученых в области изучения «новой социальной истории», так и поисками отечественных историков методологических подходов, способных преодолеть догматизм концепций советского периода. С конца 1990-х годов на одно из видных мест в антропологических дисциплинах выдвигаются гендерные исследования. В эти годы вышел ряд сборников и монографий по тематике пола. Современные работы позволили выяснить роль женщины в процессе сохранения и трансформации семейного уклада. Анализ повседневности крестьянки существенно расширил научные представления о содержании деревенских будней.

Крупнейший специалист в области женской истории Н.Л. Пушкарёва в своих статьях и монографиях неоднократно обращалась к положению крестьянки в семье и обществе, начиная с Древней Руси. Объект ее исследования многогранен: невеста, жена, мать, хозяйка дома [24]. Автор отмечает важное функциональное значение сельской женщины в хранении и передаче обычаев, традиционных представлений, так как ее мир был скован религиозно-нравственными нормами и социальными условностями, что обусловило ее традиционность [24, с. 125].

Событием в отечественной историографии стал выход в свет фундаментального труда Б.Н. Миронова по социальной истории России имперского периода. Работа основана на обширном статистическом материале и использовании трудов предшественников. Согласно авторской позиции, крестьянское хозяйство могло существовать при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как оно покоилось на традиционном для села половозрастном разделении труда. Патриархальность крестьянского двора определяла подчинённое и зависимое положение женщины в нем [16]. Делая акцент на изучении хозяйственной деятельности крестьянки, исследователь И.Н. Милоголова приходит к выводу, что это сфера жизни лежит в основе картины мира и стратегии поведения сельской женщины [15]. Роль военного фактора в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. проанализирована в монографии тамбовского историка П.П. Щербинина [34]. Автор установил особенности социального статуса солдаток в русском селе, влияние «солдатчины» на состояние семейно-брачных отношений жителей села, содержание женской обыденности в военные годы.

Плодотворными стали изыскания этнографов в плане реконструкции обрядовой жизни крестьянской семьи. Этнограф Т.А. Бернштам в монографии, посвященной приходской жизни российской деревни, рассматривает роль сельских женщин в духовном воспитании детей [1]. На обширном фольклорном и этнографическом материале И. И. Шангина прослеживает жизненный путь девушки с момента взросления до замужества [27]. Особенности процесса социализации русской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в. установлены исследователем З.З. Мухиной в статье, выполненной на материалах тенишевского фонда [21].

Влияние православной веры, этакратических устоев и гендерных порядков на сексуальность русской женщины изучено в статье, написанной Н.Л. Пушкарёвой в соавторстве с З.З. Мухиной. В работе дан анализ женской сексуальности в XIX в., а также тех перемен, которые произошли в этой сфере в пореформенный период. По мнению авторов, они заключались в том, что незамужние женщины в селе перестали быть исключением, как и внебрачные сожительства, а большая свобода в выборе полового партнера стала следствием проникновения в деревню городского уклада [20]. О понятии девичьей чести в русской деревне второй половины XIX – начале XX в. пишет З.З. Мухина. Следует согласиться с ее выводом о том, что «по отношению к интимной жизни пространство крестьянской девушки было богато и насыщено, представления о нем по сравнению со стереотипами нуждаются в корректировке» [18, с. 67].

Народные частушки использованы в качестве исторического источника для изучения трансформации взглядов крестьянки на семейно-брачные отношения в конце XIX – 30-е гг. XX вв. в работе ученых из Белгородского университета С.П. Шаповоловой и И.В. Истоминой. По утверждению авторов, «частушки помогают акцентировать внимание на эволюционных процессах ментального характера, оттеняя нюансы различных сторон переходных эпох» [30, с. 342].

Последние два десятилетия отмечены возросшим интересом к проблеме крестьянской семьи и роли женщины в ней в рамках региональных исследований [4, 24, 33]. Демографическому поведению крестьян второй половины XIX – начала XX в. посвящена диссертация Р.Б. Кончакова [8]. Обоснованный вывод делает в своей работе Е.П. Мареева. Она утверждает, что отношения мужчины и женщины при заключении и расторжении брака модернизируются к концу XIX в. в сторону либерализации: женщина чаще отказывается от неприятной ей партии, увеличивается число разводов, инициированных крестьянками, нарастает степень сопротивления женщины по отношению к неугодному супругу [14]. Проблемы трансформации крестьянской семьи в Ярославской губернии в XIX – начале XX в. были изучены Ю.И. Шустровой [33]. Культурно-бытовые традиции крестьян Московской губернии второй половины XIX в. стали предметом диссертационного исследования А.В. Боярчук [2]. Различные аспекты жизни российской сельской семьи в 1897–1958 гг. получили свое освещение в фундаментальной работе О.М. Вербицкой. Автор сосредоточил внимание преимущественно на демографических проблемах сельской семьи, а также проследил ее трансформацию в течение изучаемого периода [3].

Социокультурный облик крестьянки и ее роль в семье на материалах верхневолжских губерний анализирует в своем исследовании А.А. Нуждина. По утверждению автора, увеличение экономического значения женщины в малой семье, а также ограничение подчинения непосредственно мужу способствовало росту прав и личной свободы крестьянки [25, с. 10]. Об обучении и уровне образования сельских девочек во второй половине XIX в. дает представление работа В.В. Глотовой [4]. Об идеале женской красоты в крестьянской среде пореформенной России размышляет в своей статье С.П. Шаповалова, связывая его содержание со стереотипами восприятия жителей российского села [30].

Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX в. исследованы Ю.М. Гончаровым. Ученый полагает, что «в пореформенный период происходило сокращение экономической зависимости женщины, формирование городского образа жизни, развивалось женское образование и культура, что в комплексе способствовало разрушению традиционных патриархальных ценностей» [5, с. 340].

На материалах губерний Центрального Черноземья проблему взаимосвязи женского земледельческого труда и его правового статуса изучила Г.В. Лаухина. Женский труд, по мнению автора, применялся в разной степени интенсивности на всех этапах земледельческого цикла, и особо значимой была его роль в процессе уборки урожая [11, с. 104]. Трансформация норм обычного права в вопросе женской собственности на землю выразилась в признании наследственных прав женщин на четверные земли. Исследователем на основе источников доказано, что крестьянки являлись наследницами и собственницами четверных земель, что признавалось сельской общиной и подтверждалось решением волостных судов [11, с.104–105].

Причины разводов крестьянок в конце XIX – начале XX в. установлены А.В. Спичак в ее обстоятельном исследовании, выполненном на материалах Тобольской епархии. На основе изученного автором содержания прошений крестьянок в духовную консисторию о расторжении брака в качестве причин наиболее часто указывались: прелюбодеяние, побои, ссылка супруга на каторгу, неспособность мужа выполнять супружеский долг, его безвестное отсутствие [28, с. 90]. По мнению исследователя, «крестьянки подавали соответствующие прошения только тогда, когда сохранить брак было уже невозможно, т.е. терпели сравнительно долгое время» [28, с. 101].

В статье исследовательницы из Карелии Ю.В. Литвин нашла свое отражение проблема личных прав крестьянки, в частности, ее право на свободу передвижения [13]. Ценным в работе является то, что автор привлекла архивные документы, посредством которых установила причины, побуждавшие сельских женщин, в том числе и замужних, отправляться на заработки в город. Обоснован и вывод о том, что «многочисленные ходатайства о получении паспорта без согласия супруга постепенно привели к либерализации законодательства и отказу от ограничения для замужних женщин на свободу передвижения» [13, с. 99]. Тема женского отходничества и его влияния на положение крестьянки в хозяйстве, изменения в ее самосознании изучена в статье этнографа З.З. Мухиной. В результате проведенного исследования

автор приходит к обоснованному выводу о том, что «новации пореформенного периода вели к структурной и функциональной трансформации традиционной семьи» [20, с. 356]. Схожего суждения о переменах в самосознании русской крестьянки, произошедших в пореформенный период, придерживается Г.В. Лаухина. Эти изменения, по ее мнению, выразились в том, что крестьянки «активно отстаивали свои имущественные права, защищали в волостных судах свою честь и достоинство» [12, с. 433].

Лишь отдельные вопросы отклоняющегося поведения крестьянок затронуты в современных работах. Такие формы девиантного поведения, как преступность, пьянство, проституция освещены в диссертации Н.А. Зоткиной [6]. Гендерные особенности сельской преступности раскрыты в монографии историков из Кургана [15], статье М.П. Шепелевой [32]. Проблема детоубийства в России и причины совершения данного вида преступления крестьянками рассмотрены в работе Д. и И. Михель [18]. Женской преступности как социальному фактору российской модернизации посвящена монография С.Г. Куликовой [10], а мотивационный комплекс таких преступлений установлен Е.Н. Косарецкой [9]. Отношение крестьян к внебрачным связям выяснено в статье Е.А. Коляскиной. Основываясь на этнографических источниках, автор приходит к заключению о том, что крестьяне воспринимали «внебрачные связи не только как девиантное поведения, но и как животное, не ограниченное культурными рамками движение, дорога из установленной браком системы сексуальной жизни» [7, с. 102].

Значимым событием для изучения проблем гендерной истории стал выход в свет фундаментального исследования З.З. Мухиной, посвященного русской крестьянке пореформенного периода [23]. Безусловно, эта работа заслуживает пристального внимания специалистов и их обстоятельной оценки. Еще впереди появление рецензий, но уже сейчас очевидно, что обнародован научный труд, в котором глубоко и основательно изучена повседневная жизнь русской крестьянки, рассмотрено содержание гендерных ролей сельской женщины от рождения до старости, раскрыто все многообразие жизненного уклада деревенской бабы.

Анализ состояния историографии по данной проблеме приводит к выводу о том, что в наибольшей мере внимание современных исследователей привлекают «деревенские» сюжеты о положение и роли женщины в крестьянской семье, ее правовом статусе в сельской обыденности, значении труда крестьянки в хозяйстве. Явно недостаточно изучены содержание жизненных этапов крестьянки, влияние процесса модернизации на стереотипы женского поведения, значение и роль в повседневной жизни села «маргиналов» (черничек, кликуш, знахарок). Вне исследовательского интереса остается и интимная жизнь крестьянки, которая при всей «прозрачности» деревенских отношений продолжает быть малоизученной сферой повседневной жизни русского села.

Библиографический список

1. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007.
2. Боярчук А.В. Культурно-бытовые традиции крестьян во второй половине XIX в.: по материалам Московской губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011.
3. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг.: историко-демографический аспект. Москва – Тула, 2009.
4. Глотова В.В. Крестьянская семья во второй половине XIX в. (на материалах Курской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
5. Гончаров Ю.М. Женщины фронтира: Сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. // Социальная история: Ежегодник, 2003. С. 324–341.
6. Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX веков. Преступность, пьянство, проституция (на примере Пензенской губернии): Дисс. … канд. ист. наук. Пенза, 2002.
7. Коляскина Е.А. Внебрачные связи и отношение к ним в русской деревне Алтая во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 96–103.
8. Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2001.
9. Косарецкая Е.Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис… канд. ист. наук. Орел, 2007.
10. Куликова С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина

XIX – начало XX веков). Гагарин, 2011.
11. Лаухина Г.В. Женский земледельческий труд и его правовое обеспечение в 60-е годы XIX – начале XX веков (по материалам Центрального Черноземья) / Г.В. Лаухина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10). Ч. II. С. 103–105.
12. Лаухина Г.В. Основные формы проявления женского самосознания в крестьянской среде в 1860–1900-е годы // Мавродинские чтения 2018: Мат-лы Всерос. Науч. конф. СПб., 2018. С. 433–436.
13. Литвин Ю.В. Права крестьянки на свободу передвижения во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Олонецкой губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5(11). Ч. III. С. 96–100.
14. Мареева Е.П. Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX – начале XX в.: Автореф. дис.…канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
15. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган, 2013.
16. Милоголова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 2. С. 18–30.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000.
18. Михель Д., Михель И. Инфантицид глазами образованного российского общества второй половины XIX – начала XX в. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб., 2012. С. 105–141.
19. Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе…» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 58–68.
20. Мухина,З.З. Женское отходничество в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.). // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Мат-лы международ. науч. конф. СПб., 2016. С. 351–356.
21. Мухина З.З., Пушкарёва Н.Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после Великих реформ XIX века) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3(20). С. 43–55.
22. Мухина З.З. Особенности процесса социализации русской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века в Европейской России // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(18). С. 252–261.
23. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века. СПб., 2018.
24. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2013.
25. Нуждина А.А. Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX в. на примере губерний Верхнего Поволжья): Автореф. дис…канд. ист. наук. Иваново, 2008.
26. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – XIX вв.). М., 1997.
27. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарёва. М., 2013.
28. Спичак А.В. Причины разводов крестьянок в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тобольской епархии) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4(85). С. 88–103.
29. Шангина И.И. Русские девушки. СПб., 2008.
30. Шаповалова С.П. Женский идеал красоты в крестьянской среде пореформенной России / С.П. Шаповалова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 15(70). № 12. С. 116–120.
31. Шаповалова С.П., Истомина И.В. Трансформация взглядов русской крестьянки на семейно-брачные отношения в конце XIX – 30-х гг. XX вв. в контексте народных частушек // Научные ведомости Белгородского государственного национального исследовательского университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 2. С. 333–344.
32. Шепелева М.П. Характеристика уголовных преступников Курской губернии в конце XIX – начале XX в.: гендерные различия и сословная специфика // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 2. № 3(18). С. 170–175.
33. Шустрова Ю.И. Русская крестьянская семья Верхневолжья XIX – начала XX века: источники и методы изучения. Ярославль, 2013.
34. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

А.В. Белова
Россия, г. Тверь, Тверской государственный университет

КОНЦЕПТ «ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ГЕНДЕРНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ*

Цель данной статьи – проблематизировать концепт «женская повседневность» через уточнение предмета и подходов истории повседневности как одного из новых влиятельных направлений в историографии последней трети XX в. и выяснить перспективы изучения женской повседневности для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории. В интерпретации нуждаются дефиниции «повседневность», «женская повседневность», проблема источников по истории женской повседневности, вопросы о причинах маргинализации истории женской повседневности как научного направления и, вместе с тем, о значении этого направления в современном историко-этнологическом и культурологическом знании. Исходным можно считать тезис о незавершенности и своеобразии институционализации истории повседневности в российском научном дискурсе последних десятилетий. Это своеобразие заключается, прежде всего, в недооценке на уровне ряда прикладных исследований провозглашаемого европейскими методологами видения в истории повседневности «разновидности изменения парадигмы» [14, с. 47], констатируемого ими значения этого направления не только как новой парадигмы истории, но и как одной из доминантных перспектив обширной постистории, *Posthistoire* [67].

В российской исторической науке, несмотря на пришедшее, наконец, академическое признание [21, с. 6], история повседневности «приживается» с большим трудом, что означает неоправданное манкирование одним из ракурсов в исторической перспективе. Целесообразно исходить отнюдь не из универсализации истории повседневности или придания ей особого статуса среди других субдисциплин, а из множественности интерпретаций истории, из плюральности направлений и дискурсов, ставшей приметой историографической ситуации последней трети XX в. [57; 61]. До недавнего времени женская повседневность не была предметом специального анализа [1, с. 85–97; 2, с. 25–67; 3, с. 284–285; 7, с. 72–82; 8, с. 269–284; 9; 12] в российской историографии истории повседневности (притом, что и собственно историографических и методологических работ в этой области было не так много [28, с. 3–19]). Те, кто выступили с интерпретирующими исследованиями в конце XX – начале XXI в. (С.В. Оболенская [17, с. 182–198; 18, с. 128–147], А.Л. Ястребицкая [39, с. 341–346; 40, с. 37–59], Н.Л. Пушкарева [28, с. 3–19; 24, с. 93–112]), справедливо видели свою задачу в том, чтобы, по крайней мере, заявить о существовании в западной историографии многоликого направления, представленного часто сопоставляемыми немецкой «историей повседневности» [69], итальянской «микроисторией» [30; 31, с. 110–127; 66, с. 40–53; 14, с. 47–54; 13, с. 207–219] и французской «историей ментальностей» [45; 62, с. 235–246], обозначить сферу занятий и методы историков повседневности.

Важно, что в национальных историографиях Австрии и Германии процесс институционализации направления *Alltagsgeschichte* (истории повседневности) в середине 80–90-х гг. XX в. настойчиво осмыслялся как содержательно и методически преемственный с французской «историей ментальностей» и спровоцированный, по выражению немецкого историка В. Шульце, «триумфальным шествием этой парадигмы по западному миру» [53, с. 14; 68, с. 11; 60, с. 19], несмотря на высказывавшееся параллельно критическое отношение к «истории ментальностей» в свете немецких исследований повседневности [46, с. 59–77]. Примечательно, что в работах немецких жен-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)» (№19-09-00191).

щин-историков в одном ряду оказывались не только история повседневности и история ментальностей, но и история женщин, или, как обобщенно назвала эти три субдисциплины У. Даниэль, *«новые истории дефиса»* (по-немецки *Alltags-, Mentalitäts-, Frauengeschichte*), противостоявшие, по ее мнению, в дискуссиях 1980-х гг. социальной истории [49, с. 54–55].

Представители третьего поколения школы «Анналов» Ж. Дюби и М. Перро в предисловии к широко известной и уже ставшей классической во французской историографии пятитомной «Истории женщин» отмечали, что выведению женщин из «тени истории» во многом способствовала, наряду с подъемом антропологии, история ментальностей, которая как раз «уделяла большее внимание повседневной жизни, приватному и индивидуальному» [52, с. 9]. Реализация фундаментального труда по «истории женщин» изначально корреспондировала с изучением «женской повседневности», поскольку имела целью исследовать «их жизненные миры, их роли и власть, образы действий, их молчание и говорение» [52, с. 9]. Еще раньше, отвечая на вопрос, «возможна ли история женщин», французские историки – авторы одноименного коллективного труда – А. Корбен, А. Фарж, М. Перро и другие связывали ее с использованием антропологических методов и источников, понятийного аппарата истории ментальностей и подхода истории повседневности [48, с. 8].

Очевидна прямая зависимость постановки вопроса о женской повседневности от позиции историка, в том числе от внутренней методологической установки на антропологически ориентированную историю [47; 55; 58; 70, с. 295–306] и от владения гендерной методологией [25, с. 27–42; 23, с. 9–44]. Сложно изучать повседневность, если не видеть в этом один из способов исторической интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных ее проявлениях, не признавать значимости многих субъективностей в реализации исторического прошлого, которое сплетается из множества отдельных жизненных реальностей конкретных женщин и мужчин, их ежедневных практик и опытов. При этом женская повседневность, формально сопряженная в истории со сферой приватного, как минимум, не менее релевантна для интерпретации социокультурного контекста, чем «противоположная» ей мужская, поскольку она составляла особое измерение в культуре и по-особому функционировала.

В западной историографии «история повседневности» существует как направление с конца 60-х гг. XX в. Время и обстоятельства возникновения на волне бурных общественно-политических изменений и связанного с ними методологического бума в историографии 1960-х, а также пройденный путь от маргинализации к академическому признанию роднят ее с другой субдисциплиной – «историей женщин». Непосредственно же появление истории повседневности было обусловлено общезначимым методологическим поворотом в исторической науке, ознаменованным признанием инновационного потенциала социальной истории по отношению к политической, и последовавшей затем дифференциацией самих представителей социальной истории на тех, кто занимался макроисторией классов, слоев и общественных изменений, и «микроисториков», интересовавшихся, по словам В. Шульце, «повседневной жизнью нижних слоев» [68, с. 8]. Отсюда другое название истории повседневности – «история снизу» (*Geschichte von unten*) [56; 59, с. 175–181]. Основная интенция состояла в том, чтобы обнажить скрытое, озвучить, в том числе, используя потенциал «устной истории» (*oral history*), тех, кто, в отличие от элиты, не оставил собственных письменных свидетельств. В этом заключалось еще одно сходство с историей женщин, которых также предстояло «сделать видимыми» (как в 1970-е гг. сформулировали свою задачу авторы известного одноименного сборника американские исследовательницы Р. Брайденталь и К. Кунз) [42] и вывести из-под окутывавшего их, по выражению М. Перро, «покрова молчания» [20, с. 45]. Правда, в отношении женщин замечу, что зачастую в безмолвии продолжали пребывать даже те из них, кто оставили после себя письменные тексты, ввиду того, что эти тексты попросту игнорировались, иногда сознательно замалчивались или неадекватно, а то и вовсе никак, не интерпретировались традиционной историографией.

Вскоре стало ясно, что «не только рабочий, – как пишет один из немецких теоретиков истории повседневности П. Боршайд, – знает повседневность, но и политик, дворянин и священнослужитель» [44, с. 400]. Несмотря на то, что употребляемый Боршайдом мужской род обращает на себя внимание, в целом история

повседневности априори была обречена на гендерную чувствительность, ведь среди депривированных и лишенных исторического голоса были люди разного пола и, по-разному осознававшие свою половую идентичность. А уж, что касается женщин, их социальное подчинение и «бессилие» определялись не только и не столько социальной позицией (которая могла быть и высокой), сколько именно принадлежностью к полу. Следует особо подчеркнуть, что, по мнению ряда ученых, было бы ограничением сводить историю повседневности только к «истории снизу» или считать дополнением к «серьезной» истории, а, тем более, видеть в ней «историю будней» или описание быта [39, с. 344]. Вопрос о женской повседневности предопределен пониманием того, что «каждому человеку свойственна своя повседневность», причем П. Боршайд, признающий наличие повседневности у представителей разных социальных слоев, не исключает и публичную сферу из ареала ее реализации и отнюдь не соотносит повседневность только с частным пространством жизни [44, с. 390].

По мнению другого видного теоретика немецкой истории повседневности А. Людтке, «история повседневности нацелена на постепенную реконструкцию поступков и образа действий, объяснений и чувствований людей» [65, с. 75]. При этом, он утверждает, «можно различить специфические *способы переживания* опыта, характерные для мужчин и женщин» [16, с. 95].

Историю повседневности, таким образом, интересуют гендерно обусловленные субъективные опыты и переживания конкретных людей. Задача историка повседневности, в формулировке российского историка и этнографа Н.Л. Пушкаревой, – «понять мир социума в терминах индивидуальных опытов и практик» [28, с. 3–19]. По ее определению, «труд исследователя повседневности в этом смысле – «конструкт конструктов», так как интерпретация чужих мыслей и слов всегда является не просто нарративом, но *транскриптом* – «переводом» с чужого эмоционального языка» [28, с. 3–19].

При этом история повседневности коррелирует определенным образом и с историей структур. П. Боршайд, например, считает, что «*субъективные опыты и восприятия, переживания и образы жизни* будут передвинуты в поле зрения намного сильнее (однако, не исключительно), чем в истории структур, которая хочет исследовать, главным образом, структуры и процессы, «которые полностью не были известны решающим и действующим лицам, узнававшим о них или совсем ничего или только частично или искаженно». Структуры должны дополнительно рассматриваться таким образом, как они появляются в повседневной жизни и там воспринимаются или нет» [44, с. 390].

Американский историограф Дж. Иггерс, анализировавший историю повседневности в интернациональном историографическом контексте, подчеркивает взаимосвязь «между всеобъемлющими структурами и практикой субъектов», а также акцентирует внимание на изучении *«субъективности многих людей»*, что, по его мнению, ведет к новому пониманию истории, преодолению центристского и однолинейного ее видения [61, с. 75]. Самое важное, – что «очеловечение истории» трактуется им как переход в историописании от больших процессов к истории на ограниченном пространстве с анализом *переживаний и жизненных опытов конкретных людей или маленьких групп людей, но всегда в рамках этих более больших процессов* [61, с. 78].

Иггерс особо отмечает, что, история повседневности, дистанцировавшись от таких макроисторических категорий, как «рынок» и «государство», имеющих решающее значение для марксизма и различных форм социально-исторического знания, напротив приняла идею того, что господство и социальное неравенство являются основными факторами истории. Только теперь эти факторы исследуются через повседневные опыты людей [61, с. 81]. Вслед за М. Фуко, речь идет о том, как отношения господства (власти, *le pouvoir*) сказываются на отношениях между людьми. Подобная переориентация затронула и историю женщин, которая, по утверждению Дж. Иггерса, отвернувшись от женского движения, первоначально центральной темы женских исследований, стала двигаться в направлении *«критической истории женской повседневности»* [61, с. 82].

Тема взаимосвязи истории повседневности с женскими и гендерными исследованиями нашла особое решение в работах женщин – историков и этнографов, – представительниц немецкой и английской историографий, таких, например, как К. Липп и А. Дэвин. В них показано, что женские и гендерные исследования часто относят к исследованиям повседневности

ввиду сближения понятий «повседневность» и «жизненное пространство женщины» [63, с. 85]. Поэтому именно в женских исследованиях с их «микроскопическим взглядом» возникло большое число работ, ставящих в центр изучения «женскую повседневность», посвященных жизненным опытам, переживаниям и отношениям женщин разных народов, культур, социальных слоев и статусов. Начавшееся в 60-е гг. XX в. развитие этнографических женских исследований было также сильно инспирировано дискуссиями женщин-историков и культурно-антропологическими начинаниями феминисток [64, с. 29–46].

Проблематизация женской повседневности стала предметом сближения этнологии не только с женскими и гендерными исследованиями, но и с историей повседневности. Обоюдность процесса провоцировалась тем, что история в последней трети XX в. явно ощущала на себе, по выражению Ж. Ревеля, «очаровывающее воздействие опыта этнологии» [30, с. 21]. Вместе с тем, А. Дэвин, активная участница английского движения исторических мастерских (*History Workshop movement*) – конференций по истории и историографии, доступных широким кругам, а также долгосрочных рабочих групп по истории, объединяющих как профессионалов, так и интересующихся дилетантов [50, с. 37–58], известная своими трудами по женской рабочей истории, еще в начале 1990-х гг. вынуждена была констатировать, что *«мужчины, которые пишут этнически ориентированную историю, до сих пор мало занимались женскими и гендерными темами»* [50, с. 47]. Напротив, *феминистские историки*, по ее убеждению, аргументируют то, что вопросы социального пола, или гендера, сексуальности, места и опыта женщин являются существенными для видения прошлого, не только обогащая, но и преобразовывая его [50, с. 48]. Исследование исторической субъективности, идентичности и сознания подчинено задаче «выяснения *контекстов*, внутри которых формируются *многообразные и часто наслаивающиеся идентичности женщин* (как женщины, но также как работницы и/или «не имеющей занятия», гетеросексуальной и/или гомосексуальной, матери или нет, замужней или свободной, англичанки и/или ирландки, еврейки, африканки, индианки, западноиндианки, члена того или иного класса), и обнаружения комплексных отношений между идеологией и практикой в этих областях» [50, с. 48].

В Англии история повседневной жизни родилась из инициированных в конце 1960-х студентками и феминистками ежегодных конференций исторических мастерских, на которых, правда, еще не употреблялся сам термин «история повседневности» [50, с. 41]. *Повседневность*, для Дэвин, связана с тем, *как люди думают, чувствуют, взаимодействуют при регулярном исполнении своих обязанностей дома и во время работы или, находясь в своем привычном материальном окружении* [50, с. 55]. Один из ее выводов: исследования по истории повседневности и истории женщин, плодотворно влияющие друг на друга, могут воздействовать на общее понимание истории в академическом мире и за его пределами [50, с. 56].

Вопрос о содержании понятия «повседневность» носит принципиальный характер, ввиду связи даже не столько с необходимостью уточнения предмета истории повседневности, сколько с определением статуса данного направления в историографии. Закрепившись в новоевропейском сознании как оценочное понятие, оно парадоксальным образом стало преградой на пути утверждения одноименной истории. Вместе с тем, в работах российских ученых «повседневность» часто фигурирует как нечто интуитивно ясное и для всех очевидное. На самом же деле это понятие относится, скорее, к разряду «лжеочевидностей» (термин Р. Барта). Важно постараться определить его содержание, приписываемые ему смыслы и, по возможности, «очистить» от оценочности.

Негативные ценностные коннотации, привнесенные просветительским проектом в восприятие повседневного, были следствием и одним из проявлений «встроенных» в него оппозиций «высокого»/«низкого», «выдающегося»/«заурядного», «гениального/посредственного». Живучесть просвещенческих мифов доказывается бытующим вплоть до сегодняшнего времени противопоставлением «обыденности» «творчеству». Не случайно пересмотр господствовавшей ценностной иерархии в постмодернистской культуре, постмодернистский вызов гуманитарному знанию, в том числе исторической науке [19; 40, с. 37–59], повлек за собой открытие повседневного опыта как темы исследования и предмета научного анализа [15, с. 170–185], придание значимости повседневности как объекту научного интереса.

Очевидно, понятия «повседневность» и «женская повседневность» нуждаются в допол-

нительной теоретической разработке. В качестве одной из версий предложу свое определение «повседневности» и объяснение феномена женской повседневности. Речь, в данном случае, может идти о так называемом рабочем определении, не претендующем на исключительность.

На мой взгляд, *повседневность* – это *жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное, переживаний, реализующих субъективность*. Не случайно история повседневности, в отличие от прочих направлений и методологических подходов, – именно *«пережитая» история* [41, с. 95–107; 46, с. 60]. Объяснение феномена женской повседневности не исчерпывается простой применимостью вышеизложенного определения к субъектам-женщинам. Речь идет о *качественной специфике* именно женских опытов и переживаний, жизненных практик и восприятий, поведенческих стратегий и отношений. Под *женской повседневностью* я понимаю *способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализированного женского опыта* (как отрефлексированного, так и ментального, вербального и телесного, эмоционального, культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и другого). Важно подчеркнуть, что даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как, например, родство, брак, семья и другие, собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и «нормативных» поведенческих стратегий. *«Неинституционализированный опыт»* только и был специфически женским, ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся [2, с. 52–53; 9, с. 45].

Своеобразным *дисплеем женской субъективности* являются так называемые *«субъективные источники»* (*subjektive Quellen*) [51, с. 10] в немецкой истории повседневности, иначе называемые *«частными источниками»* [20, с. 50] во французской традиции, или *«источниками личного происхождения»* [34, с. 466] в российской. Это важнейшие источники по истории повседневности: письма, дневниковые записи, автобиографические тексты, мемуары, частные альбомы и журналы, книги домашних расходов [51, с. 9–11; 50, с. 39]. Существенно, что они не только служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но прежде всего выражают грань внутрипсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения. Следует заметить, что письменные источники личного происхождения могут содержать записи устной коммуникации, дающей представление о повседневном дискурсе, его содержании, функциях и свойствах. Также к источникам по истории повседневности относятся *предметы обихода*, *визуальные свидетельства*, такие как частные семейные фотографии, которые могут оказаться своеобразным «резервуаром воспоминаний» [51, с. 10]. Важное значение имеют и источники, на которых базируется устная история, а именно: *интервью-воспоминания*. Последние позволяют выявить плюральность культур и жизненных укладов, сделать акцент на различиях ценностных ориентаций и мотиваций человеческих действий, отказаться от монолитной картины мира, якобы присущей людям разного пола, находящимся на разных уровнях властных иерархий.

С учетом специфики источников по изучению женской повседневности еще более отчетливыми становятся *отличия* ее *от мужской повседневности*. Мужчины – авторы «воспоминаний» или «записок» – в большинстве своем преследовали цель вписать себя, какие-то вехи своих индивидуальных биографий в общественный, точнее государственный и, шире, исторический, контекст. Даже при ведении образа жизни частного лица позиционирование себя в «мужских» текстах коррелировало со сферой публичного. Это непосредственно отразилось на жанровом своеобразии этих текстов, относимых с источниковедческой точки зрения к мемуарам, в отличие от женских, которые, вне зависимости от формальных названий, писались как автобиографии [29, с. 62–69; 22, с. 31–40; 35]. Интересно, что в «мужских» автобиографиях [11, с. 5–20; 36, с. 15–79], подчас представляющих собой расширенную версию послужного списка, можно вообще не встретить той самой «пережитой» истории, с которой и отождествляется повседневность. Нередко доминировавшие конструкты мужественности ориентировали мужчин на табуирование описаний собственных переживаний, внутренних эмоциональных опытов, избегание в текстах подробностей того, что происходило с ними изо дня в день в пределах

частного пространства жизни и не добавляло им, в их же глазах, большей значимости с точки зрения публичной репрезентации.

В женских письмах реже, чем в мужских, содержатся упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описания повседневных реалий и личных переживаний [4, с. 49–55; 5, с. 260–273; 43, с. 147–161]. Вместе с тем в источниковедении преобладал утилитарный подход к источникам личного происхождения, в том числе к частной переписке, исключительно с точки зрения извлечения конкретных исторических фактов [6, с. 117]. Именно поэтому письма женщин занимают маргинальную позицию в иерархии исторических источников, основанной на критерии узко понимаемой документальности и «мнимой объективности» [10, с. 140]. Одним из наглядных подтверждений служит невостребованность женских писем как источника как в центральных, так и в региональных архивах (например, в РГАДА, ЦИАМ, ГАТО). Акцент в мужских письмах почти всегда делается на описании *очевидно-событийного*, причем эта внешняя по отношению к мужчине как к субъекту событийность практически никогда не связана с внутренним миром его собственной эмоциональности. В мужском дискурсе запечатлеваются некие условно общезначимые с точки зрения этого дискурса факты и события, характеризующие *мир вокруг мужского субъекта*. Письма мужчин либо отражают уже существующую включенность их в иерархию, либо как раз выстраивают такую иерархию. В мужских письмах прочитывается субординированность по отношению к адресату вне зависимости от пола последнего. Для женщин же характерно и, следовательно, более значимо *установление горизонтальных связей,* создание «сети отношений» (термин К. Гиллиган), *вместо акцентирования властной вертикали*. Искренняя привязанность предпочитается ими маркированию статусов. Для женщины написание писем – постоянно возобновляющееся переживание собственной субъективности, для мужчины, как правило, вынужденная необходимость передачи конкретной информации или поиска защиты, протекции, покровительства.

В российском научном пространстве женская повседневность как область исследования находится в позиции как минимум двойной маргинальности из-за неоднозначности статусов тех субдисциплин, с которыми она непосредственно соотносится, а именно: истории повседневности и истории женщин. *Во-первых*, в отличие от западных национальных историографий, процесс институционализации истории повседневности как одного из направлений в российской исторической науке, сегодня нельзя считать завершенным. Изучение повседневных опытов «обычных» людей блокируется консервативным глобализмом традиционного научного сознания [8, с. 270–271; 7, с. 76–77]. До восприятия же истории повседневности «как интегративного метода познания человека в истории, как истории «целиком», то есть «тотальной» истории» [39, с. 344; 40, с. 44], как инструмента видения «всей истории» сквозь призму повседневных опытов и переживаний многих конкретных людей, тем более, далеко. *Во-вторых*, многочисленность прикладных исследований в отечественной историографии 1980–1990-х гг. [26, с. 34–45], которые могут быть отнесены к проблемному полю истории женщин, и разнообразие трактовок названия, предмета и направлений, отражающее особенности ее институционализации в историографическом дискурсе, от «исторической феминологии» (термин Н.Л. Пушкаревой) [27, с. 20–45] до «новой российской истории женщин» (термин И.И. Юкиной) [38, с. 28–47] позволяют судить об истории женщин как об особой субдисциплине в постсоветской историографии. Между тем ей по-прежнему необходимо доказывать свою эвристическую значимость для корректировки объяснительных концептов прошлого. Представленная полновесной традицией конкретно-исторических и интерпретирующих исследований, эта субдисциплина продолжает тем не менее нести реноме экзотичности и дополнительности.

В то же время *значение истории женской повседневности* как научного направления в современном историко-этнологическом и культурологическом знании велико. Анализ повседневного измерения истории способствует выявлению антропологической и эмоциональной составляющих жизненных опытов и переживаний людей без учета которых, картина исторического прошлого не может быть воссоздана адекватно. Прежде всего это касается женских опытов, которые, в большинстве своем, были менее, чем мужские, связаны с публичной сферой. Проблематизация женской повседневности позволяет

сделать объектами историко-этнологического изучения те культуры, которые никогда не маркировались как традиционные, и, следовательно, не привлекали внимания этнологов, например, дворянская [8, с. 272–273; 3, с. 284–285], а историками воспринимались как преимущественно «мужские», описываемые в терминах государственной службы. Именно исследование женской повседневности станет одним из искомых реальных путей «интеграции истории женщин в пространство всеобщей истории» [33, с. 214]. При этом аналитический подход к женской повседневности позволяет реализовать *новое качество* исторического и культурологического исследования, поскольку история повседневности, будучи «пережитой» историей, – это, как назвал ее бросающий «взгляд через границы» немецкий историк Д. Гро, *«история изнутри»* (*Geschichte von innen*) [59, с. 175–181].

Думаю, изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных ее проявлениях может стать в российской историографии, как и в западных, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории. Эта обновленная социальная история, написанная как история гендерных отношений [32, с. 19], «ориентированная, – цитируя историографа Л.П. Репину, – на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, предельно широко понимаемая» [33, с. 72], важнейшей составляющей будет включать в себя «пережитую» историю многих «субъективных реальностей», основанную на качественных методах. Под качественными методами историки, участвующие в созидании истории повседневности, имеют в виду так называемое «вчитывание в текст», или метод «глубокого чтения», «выяснение мотиваций» и внутренних интенций как способ понимания субъективностей, ведение диалога с авторами текстов, отказ от дистанцирования от них и псевдообъективности, а, напротив, «вживание и вчувствование (эмпатию)», ведущие, по словам Н.Л. Пушкаревой, к «более субъективированному знанию, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания» [28, с. 3–19], «этнографические и социологический методы *включенного наблюдения*» [37, с. 15–24], наконец, особый исследовательский дискурс, предполагающий «собственное эмоциональное восприятие» [28, с. 3–19] людей прошлого, или, по Ф. Анкерсмиту, «право историка на личный «исторический опыт», на выражение своей индивидуальности в тексте исторического нарратива» [14, с. 53]. Однако пока реализации этого проекта препятствуют многочисленные негативные стереотипы, распространенные в научном сообществе, в частности такие как имплицитное неприятие «новых» субдисциплин: истории повседневности, истории женщин, гендерной истории, непризнание их познавательного потенциала для создания нового качества социальной истории, недооценка значения субъективных источников и собственно множественности исторических субъективностей, переживаний и опытов конкретных людей для интерпретации социального и изучения прошлого. Исторически и этнологически достоверное исследование женской повседневности с использованием и «микроскопа» и «телескопа» можно считать очередным шагом на пути преодоления этих стереотипов.

Библиографический список:

1. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
2. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 25–67.
3. Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2005. С. 284–285.
4. Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2001 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001. С. 49–55.
5. Белова А.В. «Женское письмо» в дворянской культуре России конца XVIII – первой половины XIX века //

Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001. С. 260–273.
6. Белова А.В. «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции (Москва, 18–19 апреля 2002 г.) / Сост. Р.Б. Казаков; Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), А.Б. Безбородов, С.М. Каштанов, М.Ф. Румянцева. М., 2002. С. 116–118.
7. Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2 (30–31). С. 72–82.
8. Белова А.В. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 528 с. С. 269–284.
9. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. (Серия «Гендерные исследования»).
10. Будде Г.-Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. Сб. ст. / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999. Вып. 1. С. 131–154.
11. Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова: Автобиография // Давыдов Д.В. Гусарская исповедь: Стихотворения. М., 1997. портр. (Мир поэзии). С. 5–20.
12. Женская повседневность в России в XVIII–XX вв.: Мат-лы междунар. научн. конф. 25 сентября 2003 г. / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2003.
13. Зверева Г.И. «Новая философия истории» о художественном способе представления прошлого: интерпретация микроисторического подхода // Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1999. С. 207–219.
14. Зверева Г.И. Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории» // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 47–54.
15. Козлова Н.Н. Новые черты сегодняшней ситуации человека // Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1998. С. 170–185.
16. Людтке А. Что такое история повседневности?: Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77–100.
17. Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990: Личность и общество. М., 1990. С. 182–198.
18. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 128–147.
19. Одиссей. Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996.
20. Перро М. История под знаком гендера // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М., 2003. С. 45–54.
21. Приложение к постановлению Президиума РАН от 1 июля 2003 г. № 233 Основные направления фундаментальных исследований // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 2003. № 35 (745). С. 6.
22. Пушкарева Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31–40.
23. Пушкарева Н.Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М., 2003. С. 9–44.
24. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 93–112.
25. Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 27–42.
26. Пушкарева Н.Л. Новейшие разработки в области «женской истории» в России: направления и методы научного поиска (1986–2000 гг.) // Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002. С. 34–45.
27. Пушкарева Н.Л. От “his-story” к “her-story”: рождение исторической феминологии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2001. № 1. С. 20–45.
28. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
29. Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–69.
30. Ревель Ж. Микроанализ и воссоздание социального: Лекция, прочитанная в центре М. Блока 9 сентября 1994 г. М.: РГГУ, 1995. 33 с.
31. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 110–127.
32. Репина Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева. Альманах гендерной исто-

рии / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2001. № 1. С. 7–19.
33. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
34. Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособ. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 318–504.
35. Савкина И.Л. «Пишу себя…»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
36. Суворов А.В. Автобиография // А.В. Суворов – великий сын России. М., 2000. С. 15–79.
37. Утехин И.В. О смысле включенного наблюдения повседневности // История повседневности: Сб. научн. работ / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 15–24.
38. Юкина И.И. Проблема институционализации женской и гендерной истории в современной отечественной историографии // Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003. С. 28–47.
39. Ястребицкая А.Л. Город в системе повседневной культуры средневековья: костюм и мода // Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 341–346.
40. Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001. С. 37–59.
41. Bausinger H. Erlebte Geschichte – Wege zur Alltagsgeschichte // Saeculum 43. 1992. S. 95–107.
42. Becoming Visible: Women in European History / Eds. R. Bridenthal, C. Koonz. Boston, 1977.
43. Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // Women and Gender in 18th-Century Russia / Ed. W. Rosslyn. Hampshire: Ashgate, 2003. P. 147–161.
44. Borscheid P. Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? // Über das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. München, 1990. S. 389–407.
45. Bruguière A., Burke P., Chartier R., Le Goff J., Hutton P. H., Meier Ch., Sprandel R., Vovelle M. Mentalitäten – Geschichte: Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse / Hrsg. von U. Raulff. Berlin: Verlag Klaus Wagenbach, 1987.
46. Burkardt A. «Am Leben gescheitert?» Die Kritik der Mentalitätsgeschichte in Frankreich und der Alltag // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 59–77.
47. Burke P., Geertz C., Ginzburg C., Isaac R., Sahlins M., Turner V. Das Schwein des Häuptlings: Sechs Aufsätze zur Historischen Anthropologie / Hrsg. von R. Habermas und N. Minkmar. Aus dem Amerikanischen von R. Cackett. Berlin: Verlag Klaus Wagenbach, 1992.
48. Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a. Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? / Hrsg. von M. Perrot. Aus dem Französischen von W. Kaiser. Mit einem Vorwort zur deutschen Ausgabe von U. Habermas-Wesselhoeft. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1989.
49. Daniel U. Quo vadis, Sozialgeschichte? Kleines Plädoyer für eine hermeneutische Wende // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1569). S. 54–64.
50. Davin A. Frauen und Alltagsgeschichte // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 37–58.
51. Diekwisch H. Einleitung // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 7–13.
52. Duby G., Perrot M. Vorwort. Eine Geschichte der Frauen schreiben // Geschichte der Frauen / Ed. G. Duby; M. Perrot. Bd. 4: 19. Jahrhundert / Hrsg. von G. Fraisse und M. Perrot. Frankfurt/Main; N. Y., 1994. S. 9–10.
53. Ehalt H. Ch. Geschichte von unten: Umgang mit Geschichte zwischen Wissenschaft, politischer Bildung und politischer Aktivierung // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hubert Ch. Ehalt (Hg.). Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 384 S.: Ill., graph Darst.; (dt.) (Kulturstudien bei Böhlau; Bd. 1). S. 11–40.
54. Ehalt H. Ch., Konrad H. Vorwort der Herausgeber // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hubert Ch. Ehalt (Hg.). Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 384 S.: Ill., graph Darst.; (dt.) (Kulturstudien bei Böhlau; Bd. 1). S. 7.
55. Gebauer G., Kamper D., Lenzen D., Mattenklott G., Wulf Ch., Wünsche K. Historische Anthropologie: Zum Problem der Humanwissenschaften heute oder Versuche einer Neubegründung. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1989. (Rowohlts Enzyklopädie).
56. Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hubert Ch. Ehalt (Hg.). Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 384 S.: Ill., graph Darst.; (dt.) (Kulturstudien bei Böhlau; Bd. 1).
57. Geschichtswissenschaften: Eine Einführung / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000.

58. Groh D. Anthropologische Dimensionen der Geschichte. 1. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. (Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft; 992).
59. Groh D. "Geschichte von unten – Geschichte von innen". Blick über die Grenzen // Groh D. Anthropologische Dimensionen der Geschichte. 1. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. (Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft; 992). S. 175–181.
60. Hardtwig W. Alltagsgeschichte heute. Eine kritische Bilanz // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1569). S. 19–32.
61. Iggers G.G. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. 2., durchges. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1996. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1565).
62. Kessel M. Mentalitätengeschichte // Geschichtswissenschaften: Eine Einführung / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000. S. 235–246.
63. Lipp C. Alltagskulturforschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 78–93.
64. Lipp C. Überlegungen zur Methodendiskussion. Kulturanthropologische, sozialwissenschaftliche und historische Ansätze zur Erforschung der Geschlechterbeziehung // Frauenalltag. Beiträge zur 2. Tagung der Kommission Frauenforschung in der DGV. Frankfurt; Bern; N. Y., 1988. S. 29–46.
65. Lüdtke A. Stofflichkeit, Macht-Lust und Reiz der Oberflächen: Zu den Perspektiven von Alltagsgeschichte // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1569). S. 65–80.
66. Medick H. Mikro-Historie // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1569). S. 40–53.
67. Niethammer L. unter Mitarbeit von D. van Laak. Posthistoire: Ist die Geschichte zu Ende? Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1989. (Rowohlts Enzyklopädie).
68. Schulze W. Einleitung // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1569). S. 6–18.
69. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (Kleine Vandenhoeck-Reihe; 1569).
70. Vogel J. Historische Anthropologie // Geschichtswissenschaften: Eine Einführung / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000. S. 295–306.

Н.А. Белова

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ГЕНДЕРНЫЙ СОСТАВ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ*

Последнее двадцатилетие в отечественной науке появилось множество новых направлений. Одним из них, ставшим ведущим, является гендерная история. Выдающуюся роль в развитии этого направления сыграла Наталья Львовна Пушкарёва. Наверное, нет ни одного исследования в отечественной науке, в котором бы при изучении этого сложного и противоречивого направления не использовались ее работы. Наталья Львовна, по сути, явилась той движущей прогрессивной силой, которая практически в одиночку смогла его развить и поднять на должный уровень. У Н.Л. Пушкарёвой на сегодняшний момент есть множество учеников и последователей, которые по всей России и не только в РФ занимаются развитием и изучением столь важного направления, как женская история. Конечно, есть и критики, которые обвиняют ее в излишнем пафосе и низкой степени актуальности этого направления, так как полагают, что женщины не играли серьезной роли в истории. Но если существует критика, значит, деятельность по праву может считаться серьезной и задевающей своей проблемой умы не только ученых, но и простых обывателей. Именно Наталье Львовне принадлежит заслуга в популяризации науки. Кроме того, если в обществе не возникает никакой реакции на деятельность ученого, значит, она никому не

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 15-18-00099П «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт», руководитель Е.И. Филиппова.

интересна, что никак нельзя сказать о гендерных исследованиях. А по поводу неактуальности направления – можно также отозваться о любом историческом направлении, да и истории в целом. Вместе с тем работы ее учеников и других современных ученых доказывают обратное: роль женщин несправедливо замалчивалась долгое время и сейчас интерес к этому направлению велик как никогда. Под руководством Н.Л. Пушкарёвой в секторе этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН проводится изучение следующих тем: статус женщины в обществе (традиции и новации); история повседневности женщин и мужчин; история частной жизни (например, каким образом влияет пол и возраст на карьерный рост, уровень доходов и пр.); материнство, отцовство, родительство как социкультурные феномены; механизмы формирования культурных традиций в русской истории: гендерный аспект и многие другие. Наталья Львовна была и моим научным руководителем и наставником, тем человеком, который познакомил меня с наукой и научил ее любить. Во многом благодаря ей я успешно защитила диссертацию по теме «Повседневная жизнь советских учителей». И таким образом учителя (в основном это были женщины) и их повседневная жизнь стали объектом моих первых исследований. Именно поэтому в данной статье я хотела бы рассказать про учительниц и о том, как происходил процесс феминизации (если так можно сказать) этой профессии в Советском Союзе. При анализе этой социальной группы мы возьмем за основу понятие Н.Л. Пушкарёвой: «Гендер – система межличностных отношений, которая является основой общественной стратификации по признаку пола» [16].

* * *

Процесс феминизации профессии учителей начался еще до 1917 г. Как показывают дореволюционные источники и воспоминания учителей, интерес к преподаванию среди мужчин был весьма низким, ввиду маленького жалования и отсутствия перспектив в карьерном росте. В этом отношении выпускников институтов привлекала карьера чиновников. Именно поэтому уже в 1920-е годы и ранее, особенно в Центральной части России, в основном учителями были женщины. В учителя зачастую шли те, кто никак не приспособился к жизни и, вероятно, поэтому большой спрос на преподавательские кадры и отсутствие конкуренции с мужчинами сделали востребованными женщин раньше, чем в других специальностях. Во-вторых, преподавание и общение с детьми всегда считалось женской обязанностью, мужчины в России лишь в некоторых, весьма редких случаях принимали участие в воспитании своих детей, особенно младенцев. В-третьих, частичная занятость и возможность ведения домашнего хозяйства делали эту профессию еще более привлекательной для женщин. Сейчас она по праву может считаться женской, поскольку по последним данным Росстата, удельный вес женщин в этой профессии составляет 88,3% [17, с. 185]. Все мероприятия по увеличению числа мужчин среди учителей по сути можно признать неудачными: повышение заработной платы, пропаганда профессии учителя, различные преференции молодым учителям вроде льготной ипотеки не привели к ожидаемым результатам. Вместе с тем феминизация способствовала возникновению серьезных социальных проблем. Например, рост девиантности или преступности среди мальчиков-подростков, у которых часто нет отцов и как результат нет и позитивных примеров роли мужчины в качестве наставника, к которому можно было бы обратиться за помощью или советом в трудный жизненный период в школе. Причины же этого явления уходят глубоко в прошлое, анализ которого и позволяет выявить проблемы, связанные с привлечением мужчин в эту социальную группу.

Октябрьская революция 1917 г. явилась переломным этапом в истории России, характеризующимся кардинальными изменениями в социальной и политической структуре общества. В статьях 3, 7, 18 и 64 Конституции 1918 г. были законодательно закреплены положения о том, что женщина и мужчина имели равные права и что одним из путей осуществления этих прав является предоставление женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки. Полноправное участие женщин в хозяйственном строительстве неизбежно должно было привести к повышению их социальной активности, развитию личности женщины и изменению ее положения в семье. В этом Советское государство и видело свою основную задачу.

Гендерный состав учителей в СССР по результатам Всесоюзной школьной переписи в 1927 г. характеризовался уже перевесом в поль-

зу женщин – 60%. В целом по РСФСР это количество было немного выше, доля женщин составляла 64%, в других республиках их было существенно меньше. Например, в Узбекской и Туркменской ССР удельный вес женщин был около 30%. Причем большинство женщин жили и работали в городах – 63%. Все учительство, работающее в школе, делилось на две основных категории. Первые работали в начальной школе или в первых группах развернутых школ, вторые работали по преимуществу в школах второй ступени и специализировались на преподавании отдельных предметов. Наибольшая активность в плане феминизации наблюдалась именно в начальной школе, или школе первой ступени. Удельный вес женщин-групповиков составлял 55% и только 9% женщин были предметниками. Причем интересным представляется тот факт, что большинство женщин-предметниц, т.е. зачастую имеющих не ниже среднеспециального образования, было в Закавказье, особенно в Грузии. Доля эта равнялась 12%. В возрастном соотношении около половины педагогов были молодыми специалистами в возрасте от 20–30 лет (47%) [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что к 1927 г. процесс феминизации профессии учительства уже набирает обороты. Большевики делали ставку в этой профессии именно на женщин и создавали им необходимые условия для возможности стать учителем, в первую очередь в сельской местности.

Вместе с тем хотелось бы сразу оговориться, что 1920-е годы последствия Гражданской войны и интервенции были весьма тяжелыми и период восстановления разрушенной страны в первую очередь отразился на просвещенцах, т.к. уровень доходов и отсутствие возможности дополнительного заработка сделали нищими их основную массу. Чтобы хоть как-то содержать себя и семью, многие уходили на поденную работу к кулакам, мастеровыми или рабочими. Таких примеров было великое множество, все они указывают на то, что в школе работали в основном самоотверженные люди. В дополнение к вышесказанному необходимо добавить, что кроме того многие подвергались различным гонениям и проверкам со стороны властей как неблагонадежные элементы.

Одной из главных задач советского правительства было увеличение учительских кадров из благонадежных социальных слоев населения, а ими новая власть признавала выходцев из рабочих и крестьян. Но данный процесс был усложнен рядом причин: «Бытовые условия, консерватизм родителей, а иногда и самих работниц и крестьянок также немало влияли на темп вовлечения женщин в профшколы» [12]. Целый ряд мероприятий исключительного порядка, предпринятых органами – Наркомироса, женотделами, профсоюзами и комсомолом – был вызван привлечением женского состава населения для обучения и подготовки новых специалистов. Эта работа проходила в 1920-е гг. и тщательно отслеживалась партийными органами власти. В результате предпринятых мер количество женщин на факультетах педагогических учебных заведений увеличилось на 13,2% [12]. Но все равно отношение местного населения к получению образования, особенно девочками, оставалось консервативным, о чем свидетельствуют воспоминания инспекторов: «А насчет девок. Так нам бы хоть мальцов выучить. На всех не хватает[1]. Да и работы им дома (много – Н.Б.): матери помочь или сестре. Прясть надо, ситцу теперь не купить» [12].

В 1927 г. начинается резкий поворот в деле народного образования, который был направлен на чистку учителей и удаление из их состава неблагонадежной прослойки. К неблагонадежной части населения относили выходцев из дворянства, духовенства, зажиточной части крестьянства (кулаков). В постановлении ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «Об укомплектовании педагогических вузов» перед партийными и советскими организациями ставилась задача добиться в предстоящую приемную кампанию повышения удельного веса рабоче-крестьянской группы в педвузах до 65%, а в педтехникумах – до 80%. Причем дети батраков и бедноты должны были составлять не менее 10% от общего числа принятых на первые курсы. Лица, связанные с кулацким хозяйством, не допускались в педагогические учебные заведения. На должностях школьных работников оказались те, кого «ранее и за порог школы не пустили бы. Школьные учреждения стали проходными дворами, куда приходят случайные люди» [2].

Перед началом учебного 1928 г. по всему СССР прокатилась волна массовых увольнений и перемещений учительства, главным образом

[1] По всей видимости, в данном отрывке идет речь о средствах, которые родители затрачивали на обучение детей в 1920-е гг. Это был натуральный платеж – за одного ребенка родители платили 1 пуд зерна в месяц.

сельского. В категорию «неблагонадежных» попадало много женщин. Данное положение было объяснено местными партийными организациями «желанием улучшить работу школ, обеспечить их работе классовую направленность» [19]. Но на практике это здоровое желание улучшить работу школы привело к значительному росту правонарушений в отношении сельского и городского учительства, особенно среди женщин [12].

Центральный комитет профсоюзов в своем отчете XII съезду союза (март 1929 г.) так это объясняет: «В большей степени этому способствовало расширение прав райисполкомов и передача им права увольнения и перемещения учительства. Невнимание к школе, бюрократизм и грубое администрирование в отношении к учителю со стороны целого ряда низовых советских органов, недооценка роли и трудностей работы учителя привели к тому, что наряду со сравнительно малым количеством обоснованных увольнений и перемещений в гораздо большей степени агрессивные меры вызывались личными счетами, кумовством, преследованием за критику, непроверенными слухами, недостаточным знакомством с работой учителя и т. д.» [12].

Впрочем, далеко не всегда увольнения учительниц носили идеологический и классовый характер. Особо следует отметить наличие нередких случаев преследований учительниц как женщин: «… Под предлогом несоответствия, слабой квалификации, риковские[1] работники зачастую увольняют учительниц, отказавшихся отвечать на их домогательства», «… много случаев правовых нарушений было на почве отношений к учительнице как к женщине. Во всех подобных случаях инициаторами правовых нарушений делались попытки смазать работу учительницы, показать ее плохой, неактивной и подвести под увольнение» [13].

По сведениям профсоюзов просвещения, размах увольнений характеризуется следующими цифрами: Архангельская губерния – 30 человек; Иваново-Вознесенская – 193 человека; Ярославская губерния – массовые увольнения, достигающие 45% от общего числа учителей [13].

Таким образом, мы видим, что несмотря на заявленное равноправие и предоставление женщинам правового равноправия, на деле ситуация приобрела другой характер.

[1] Работники районных исполнительных комитетов.

Только благодаря решительным мерам, принятым Цекпросом, Наркомпросом и др. центральными органами, волна массовых правонарушений в отношении учительства была ликвидирована в сентябре – октябре 1929. Почти во всех случаях потерпевшие были восстановлены, но след от этих правонарушений у сельского учительства остался.

С началом войны число учителей значительно сократилось, прежде всего в связи с их призывом и массовым добровольным вступлением в армию. Только в Москве с конца 1941 г по июль 1942 г. в РККА были призваны 1873 педагога, добровольно вступили в ряды народного ополчения 2300 представителя столичной учительской интеллигенции [4, с. 62]. В Ярославской области за 1941–1942 уч. г. в ряды Красной Армии было мобилизовано свыше тысячи работников образования. Были и другие причины: отбытие в эвакуацию, переход на другую работу и т.д. [8]. Часть учителей направлялась на укрепление детских домов и интернатов, число которых на начальном этапе войны стремительно возрастало [5, с. 198]. К началу 1945–1946 уч. года штат учителей в школах РСФСР сократился по сравнению с предвоенным 1940–1941 уч. г. на 84,9 тыс. чел. [5].

Например, гендерную ситуацию в школах вновь образованной Костромской области в 1945 г. отчетливо характеризует нижеприведенная таблица:

Таблица № 1

Удельный вес женщин – учителей Ивановской и Костромской областей в 1945 году [8]

Область	**Женщины**		**Мужчины**		**Всего**
	чел.	**%**	**чел.**	**%**	
Ивановская	8004	83,1	1628	16,9	9632
Костромская	5825	80,1	1449	19,9	7274

Из таблицы видно, что удельный вес женского состава среди учителей в целом увеличился на 8% по сравнению с 1926 г. (75,1%). Причем произошел рост числа женщин не только среди групповиков, как это было раньше, но и среди предметников их количество также увеличилось с 37% в 1926 г. до 60% в 1945 г. Приведенные данные позволяют нам сделать вывод о том, что Великая Отечественная война явилась переломным моментом в феминизации профессии учителя.

Таблица № 2

Удельный вес женщин – учителей общеобразовательных школ (данные по СССР) [10]

Учителя	**1938/39**	**1950/51**	**1968/69**	**1970/71**	**1975/76**
1-4 классы	72,2	91,1	95	95	96
5-7 классы	53,8	79,4	95	95	95
8-10 классы	48,8	73,5	83	84	85
Музыки, черчения, труда	29,3	23,8	32	33	34
Директора начальных школ	39,5	70,6	84	83	83
Директора 7-8 летних школ	11,9	25,3	33	33	33
Директора средних школ	18,2	26	29	29	29
Заместители директоров начальных школ	–	–	94	94	96
Заместители директоров 7-8 летних школ	24,5	5,84	73	61	65
Заместители директоров средних школ	37,4	60,9	76	65	70
Всего	63,8	76,7	79		

Мы видим, что полностью к женской профессии к 1970-м годам можно отнести учителей начальных классов, где доля женщин составляла почти 95%. Существенное изменение произошло и в учительском составе среднего звена, здесь удельный вес женщин-учителей с 53,8% увеличился до 95%, т.е. на 42%. Мужчины в начальном и среднем звене работали, как правило, учителями физической культуры, военного дела, труда или черчения. Кроме того, мужчины занимали руководящие должности директоров, женщин-директоров было лишь 30%, вместе с тем большое количество женщин являлось заместителями директоров – 65%.

С 1940 г. по 1976 г. численное количество женщин-учителей увеличилось на 11%, а к 1980/81 гг. доля женщин в профессии учителей составила 72,1%. Из этого можно сделать вывод, что степень феминизации профессии была одной из самых высоких в стране. Так, в промышленности доля женщин составляла 39%, в сельском хозяйстве – 54%, здравоохранении – 64% [14, с. 141]. А всего численность женщин-рабочих и служащих в народном хозяйстве к концу 1980-х гг. составляла 50,9% [15, с. 154].

Данное положение было вызвано рядом причин. Во-первых, заработная плата в начальных школах была значительно ниже, чем в средних школах. А доход директоров в совокупности с преподавательскими часами превышал уровень простого учительского жалования практически в два раза, что видно из ведомостей по заработной плате. Во-вторых, заниматься с маленькими детьми было исконно женским занятием, тогда как чисто мужскими профессиями оставались труд, физическая культура, военное воспитание и черчение. В данных предметах численный перевес мужчин доходил до 66%.

Феминизация оказала влияние и на другую существенную сторону жизни учителей – личную жизнь и авторитет профессии. Желание стать учителями постепенно снижается, особенно среди юношей.

Органы народного образования, школы и педагогические учебные заведения, по мнению руководства, мало работали над привлечением выпускников-юношей в пединституты. Число юношей, поступивших на I курс пединститутов, возросло с 1971 по 1982 г. всего на 4% (с 22 до 26%) [11]. Причем увеличение произошло в основном за счет расширения планов приема на факультеты физического воспитания и трудового обучения. Феминизация учительского состава привела к нежелательным последствиям в воспитании подрастающего поколения: к нежеланию учиться, уходу из семьи, росту количества проблемных подростков и, как следствие, росту детской преступности [18, с. 144, 147–149].

Подростки и юноши нуждались в общении с учителем-мужчиной, нередко только он мог ответить на возникающие у мальчиков вопросы. Равномерное соотношение мужчин и женщин в структуре педагогических кадров имело большое значение для улучшения качества учебно-воспитательной деятельности школы.

Феминизация учительской интеллигенции привела к появлению ряда проблем. К началу 1980-х гг. 12,5% сельских и 15,1% городских учительниц не вступали в брак, а с учетом разводов процент одиноких учительниц вырастал до 17,1% на селе и 26,6% в городе. Удельный вес разводов в учительской среде, по данным исследователя И.Я. Козаченко, намного превышал средний показатель в СССР [6, с. 64]. В других социальных группах он колебался в диапазоне 3-10%. Обращает на себя внимание и тот факт, что согласно проведенным исследованиям тех лет доля не вступивших в брак сельских учительниц постепенно возрастала. Исследователь С.Н. Айрапетова объясняет данное положение тем, что причина заключалась в невозможности найти брачного партнера, который бы соответствовал запросам учительниц [1, с. 90]. Исследование выявило также, что только 27,5% сельских учительниц состояли в браке с представителями интеллигенции. В остальных случаях учительницы заключали социально-гетерогенные брачные союзы. В сельской местности более 50% мужей имели неполное среднее образование и только 18,9% высшее, чисто учительские семьи составляли 30%. В городе этот показатель снижался до 15,1%, а число мужей с высшим образованием не доходило и до 23% [1, с. 92].

Демографы 1980-х гг. утверждали, что причина распадов гетерогенных семей заключалась именно в уровне образования, который отражался на различных жизненных целях и интересах каждого из супругов. А анализ, проведенный С.Н. Айрапетовой, показывает, что уровень разводов у учительской группы был всегда выше, чем у других социальных групп. Среди учительской группы эти цифры достигали 26,6%, тогда как в целом по стране количество разводов не превышало и 10% [1, с. 95].

В качестве вывода хотелось бы отметить, что гендерная ситуация, связанная доминированием женщин среди учителей, наблюдалась еще на ранних этапах формирования советской учительской интеллигенции, что являлось следствием демографической ситуации в стране, Первой мировой и Гражданской войн, где погибла или мигрировала немалая доля россиян. Помимо этого финансовая и хозяйственная разруха вынудили большое количество учителей сменить род деятельности, в первую очередь это коснулось мужчин, поскольку содержать семью и хоть как-то сводить концы с концами на учительское жалование , которое выплачивалось изредка, было весьма тяжело. К тому же учителя не имели никаких льгот, а по карточному обеспечению они относились к 3-й – самой низкой категории населения. Также с приходом советской власти у учителей выросло количество общественной и внеклассной нагрузки. По их воспоминаниям, на ее реализацию уходило до 2/3 времени, поэтому на ведение приусадебного хозяйства, столь необходимого в этот период, времени не оставалось. По обнаруженным нами воспоминаниям учительницы из г. Торжка, которая описывает свою жизнь и судьбу, 1920-е годы были для нее самым тяжелым и переломным временем в жизни. Даже ей, работнице интеллектуального труда, «пришлось взять в руки серп и научиться жать, чтобы хоть как-то выжить и прокормится».

Переломным этапом в феминизации профессии стала Великая Отечественная война, после которой численный перевес в среде школьных учителей утвердился за женщинами. Последующее течение времени нисколько не увеличило количество мужчин среди учителей, так как уровень жизни и средняя заработная плата учительского персонала была значительно ниже, чем в других профессиях. Именно поэтому мужчины как основные кормильцы семьи даже при получении преподавательской специализации предпочитали находить другой вид работы. Исследование гендерной ситуации показало, что этот процесс в конечном итоге привел к ряду серьезных проблем в сфере образования: росту количества одиноких или разведенных учителей, падению их авторитета среди учеников, проявлению неадекватного отношения к подчиненным со стороны руководителей мужского пола.

Библиографический список

1. Айрапетова С.Н. Труд и деятельность в структуре образа жизни социально-профессиональной группы (на

примере учительства). Дисс… к.ф.н. Свердловск, 1983.
2. Богданов И. Угроза развитию школьного дела // Вестник просвещения Костромского края, 1921. № 1.
3. Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года. Т.1. Часть III. М., 1930.
4. ГАРФ. Ф. 5462. Оп.1 Д. 121. Л. 62.
5. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2809. Л. 52.
6. Козаченко И.Я. Основы демографии. Киев, 1972. Ч. 1.
7. Культурное строительство РСФСР. Стат.сб. М., 1958.
8. Малхасян Н.В. Кадровая политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. Ярославль. 2010. № 3.
9. Народное образование в СССР с 1917–1985 гг. М. 1986.
10. Народное образование // под ред. М.П. Кашина. М., 1970. С. 221.
11. Народное образование в СССР с 1917–1985 гг. М., 1986.
12. Народное просвещение, 1929. № 3–4.
13. Народное просвещение, 1930. № 8–9.
14. Народное хозяйство в СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. Территория и население. М., 1961. Ч. II. С. 141.
15. Народное хозяйство в СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. Социальное развитие. Население. М., 1991. Ч. II. С. 154.
16. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
17. Российский статистический ежегодник. 2018: Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018.
18. Сахаров А.Б. Правонарушение подростка и закон. Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в СССР. М., 1967.
19. Смирнов И. На борьбу с формализмом // Народное просвещение, 1929. № 3–4.

О.А. Валькова

Россия, г. Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

«НАУЧНАЯ СЕМЬЯ» В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине 1860-х гг. XIX в. в России в среде молодежи из образованных сословий распространились фиктивные браки. К появлению этого явления, как нам кажется, приложил руку Николай Гаврилович Чернышевский, в своем знаменитом романе «Что делать?», появившимся в 1863 г., показавший возможность нового, отличного от традиционного пути развития семейных отношений. Наверно самым знаменитым из таких браков стал заключенный в 1868 г. союз Софьи Васильевны Корвин-Круковской (1850–1891) и Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842–1883). Подобные браки заключались ради получения девушкой разрешения на выезд за границу и поступления на учебу в европейский университет в случаях, когда родители в этом разрешении отказывали. Они не предполагали дальнейших супружеских, партнерских и каких-либо еще отношений кроме, возможно, дружеских. Иногда, познакомившись поближе, «фиктивные» супруги решали превратить свои отношения в реальный брак, как это сделали Ковалевские. Такой союз, к сожалению, часто заканчивался разводом с психологически тяжелыми последствиями. Частично это происходило из-за сложных жизненных обстоятельств, частично из-за неумения строить брак в условиях, когда каждый из супругов имел свои, важные для него/нее, профессиональные амбиции.

Одновременно с чисто фиктивными браками в тот же самый период появилась еще одна разновидность брачного союза, внешне гораздо больше похожая на традиционные браки, в силу чего обычно никак не выделяемая исследователями. Их условно можно назвать «научными браками по договоренности». Речь не идет о браках, в которых молодые жены становились помощницами и ассистентками мужей-ученых. Мы имеем в виду браки, заключавшиеся между девушками, желавшими профессионально заниматься наукой независимо от занятий и интересов их мужей, с одной стороны, и молодыми, начинающими учеными (как правило), согласными по тем или иным причинам иметь в роли жены женщину-ученую, и не только не возра-

жавшими против ее занятий, но и готовыми содействовать ей, открывая доступ в научное сообщество, с другой. Именно таким стал заключенный в 1867 г. брак между Ольгой Александровной Армфельд (1845–1921) и Алексеем Павловичем Федченко (1844–1873). Подобные браки изначально предполагали длительную совместную работу супругов на научном поприще, так же как и настоящие супружеские отношения. Молодые люди должны были учиться выстраивать отношения друг с другом иначе, чем это делали их родители, и одновременно не слишком сильно шокировать общество, не собиравшееся отказываться от привычных взглядов на супружескую жизнь. Тем не менее история знает целый ряд подобных союзов, оказавшихся вполне успешными для личных отношений и чрезвычайно успешными для развития научного знания. Именно таким оказался союз супругов Федченко, анализу которого посвящена настоящая статья.

Имя супругов Федченко неразрывно связано со знаменитой Туркестанской экспедицией 1868–1872 гг. Экспедиция, организованная Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (далее – ИОЛЕАЭ), несмотря на свою непродолжительность и относительно небольшой размер исследованной ее участниками территории, стала одним из наиболее ярких событий в истории российских географических научных путешествий второй половины XIX в. В историю науки она вошла под названием «Туркестанская экспедиция А.П. Федченко», несмотря на то, что в ее постоянный состав входили два человека: недавний выпускник Московского университета, зоолог, энтомолог, начинающий антрополог Алексей Павлович Федченко и его супруга – ботаник, художница, переводчица Ольга Александровна Федченко, о чем их современники были прекрасно осведомлены. Историки науки в соответствии с маскулинной традицией, даже и сегодня преобладающей в этом разделе отечественного исторического знания, многие десятилетия почти полностью игнорировали участие в экспедиции О.А. Федченко, посвящая все свои работы исключительно ее мужу и отводя ее участию самое большее пару абзацев. И это несмотря на то, что изучение исторических источников доказывает, что экспедиция, в организации и осуществлении которой переплелись интересы множества в том числе высокопоставленных людей, могла быть (и действительно стала!) успешной только при условии одновременного участия супружеской пары – мужчины и женщины – вопреки распространенному тогда в обществе и поддерживавшемуся государством убеждению, что роль женщины, даже принадлежавшей по рождению к образованному сословию, должна ограничиваться исключительно семьей.

Итак, в 1860-е гг. XIX в. различные социальные группы подданных Российской империи были заинтересованы в организации экспедиции для обследования определенных территорий Туркестанского края, который как раз в середине 1860-х гг. XIX в. присоединялся к территориям Отечества усилиями, прежде всего, армейских соединений. Государственные чиновники высшего ранга, так же как и военные начальники только что присоединенных территорий, нуждались в сведениях о населении, ресурсах, экономике своих новых владений, о которых им было практически ничего не известно. Они нуждались в картах, географических описаниях местностей, которые только планировались к завоеванию. Для сбора необходимых данных им, соответственно, нужны были подготовленные люди, способные оперативно справиться с поставленными задачами, желательно при этом не военные, чтобы лишний раз не афишировать реальные цели и назначение их исследований. Этот феномен использования ученых во время азиатских колониальных завоеваний второй половины XIX в. хорошо известен в истории отечественной науки. Для нас в данном случае важно, что существовал высший (по положению в имперской иерархии) круг лиц, состоявший из правительственных чиновников и военных, заинтересованных в успешном и прибыльном присоединении к России новых территорий. Именно они выступали заказчиками работ, поручавшимся ученым. Довольно традиционно роль поддерживающей организации при выполнении подобных проектов играло организованное в 1848 г. Императорское русское географическое общество (далее – ИРГО). В его распоряжении никогда не было недостатка в молодых, амбициозных выпускниках университетов, с одной стороны, нуждавшихся в заработке, а с другой – стремившихся к познанию мира, но не имевших ни малейших финансовых и административных возможностей для организации независимых экспедиций.

Однако в случае с Туркестанской экспедицией супругов Федченко заказчик экспедиции генерал-губернатор Туркестанского края Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) почему-то предпочел обратиться не к ИРГО, а к молодому, совсем еще недавно со скандалом созданному и… московскому, а не петербургскому обществу – ИОЛЕАЭ, не имевшему ни репутации, ни, казалось бы, необходимых ресурсов для успешной реализации масштабного проекта, но отчаянно стремившемуся эту репутацию и положение приобрести. Лидеры, возглавлявшие ИОЛЕАЭ, в том числе президент общества – геолог, заслуженный профессор Московского университета Григорий Ефимович Щуровский (1803–1884), его молодой коллега, член совета ИОЛЕАЭ, зоолог и антрополог Анатолий Петрович Богданов (1834–1896) и поддерживавшие их члены общества составили вторую группу людей, заинтересованных в успехе экспедиции. Для ИОЛЕАЭ выполнение масштабного, финансировавшегося государством проекта означало завоевание прочного положения и солидной репутации среди научных учреждений России и надежду на участие в подобных же мероприятиях в будущем, а значит, и надежду на дальнейшее финансирование.

Г.Е. Щуровский встретился с К.П. фон Кауфманом в Москве в конце апреля или начале мая 1867 г. во время посещения последним Всероссийской этнографической выставки, организованной ИОЛЕАЭ и пользовавшейся большим успехом у публики. Во время личного разговора Кауфман высказал свои пожелания об организации экспедиции и Щуровский ухватился за представившуюся возможность. После первого разговора во время посещения выставки К.П. фон Кауфман и Г.Е. Щуровский обменялись несколькими письмами. В результате была достигнута следующая договоренность: К.П. фон Кауфман принимает на службу ученого, рекомендованного обществом, в обязанности которого будет входить изучение края в естественно-научном отношении; ИОЛЕАЭ обеспечивает подходящую кандидатуру и в дальнейшем полное научное содействие и поддержку [1, с. 21–24]. Ученым, избранным ИОЛЕАЭ для исполнения этой миссии, стал А.П. Федченко. С самого начала предполагалось, что его молодая жена О.А. Федченко будет сопровождать мужа в путешествии.

И это приводит нас к третьей группе заинтересованных в организации и успехе экспедиции – юным супругам Федченко. Анализ их отношений может изменить взгляды на всю историю организации экспедиции. Историю, которая складывалась из устных, практически никак не зафиксированных разговоров, о которых сегодня мы можем только строить предположения и которые предыдущая историография не считала нужным рассматривать.

И начинается она с вопроса: почему среди всех возможных кандидатов ИОЛЕАЭ выбрало на роль руководителя экспедиции именно А.П. Федченко. О семье и биографии А.П. Федченко до его поступления в Московский университет, несмотря на многочисленные биографические публикации, известно очень немного. Он родился 7 февраля 1844 г. в Сибири (точное место рождения не известно) и провел детство в Иркутске, окончив там мужскую гимназию. Его отец был владельцем прииска, но разорился и умер, оставив вдову с двумя сыновьями в полной нищете. Старший из них, Григорий Павлович Федченко (1837–1866), в это время уже получил диплом кандидата и преподавал в Техническом училище в Москве, одновременно делая карьеру в Московском университете. Он поддерживал мать и брата, и только благодаря этой поддержке А.П. Федченко смог получить образование. В 1860 г., по окончании братом гимназии, Григорий Павлович вызвал его в Москву, где младший Федченко поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Здесь он сразу же попал в центр научной жизни России в период ее начинающегося расцвета. Федченко оказался увлеченным, энергичным, полным желания посвятить себя науке студентом; постарался познакомиться и произвести впечатление на своих профессоров – как принадлежавших к старшему поколению, так и более молодых, особенно А.П. Богданова. А.П. Федченко окончил университет в 1864 г. с дипломом кандидата. Несмотря на отличные успехи, энергичный характер и явную склонность к научной работе он не получил возможности остаться при университете из-за отсутствия каких бы то ни было вакансий. Поскольку он не имел никаких собственных средств, то был вынужден искать работу и в 1865 г., вероятно не без рекомендации своих старших коллег по университету, поступил на работу преподавателем естественной истории в 3 класс московских училищ − ордена св. Екатерины и Александровского [1, с. 26]. Эта

должность казалась ему не особенно завидной, поэтому А.П. Федченко продолжал активно участвовать в работе только что созданного (в 1864 г.) ОЛЕЭА, в котором он был одним из членов-основателей, проводить энтомологические экскурсии на территории Московского учебного округа и др. Он был глубоко увлечен естественными науками и все еще надеялся на возможность научной карьеры. И его надежды начали оправдываться: уже в 1866 г. А.П. Федченко вернулся в университет – правда, всего лишь на «техническую» должность помощника инспектора студентов. Надо сказать, что в небольшом кружке студентов и недавних выпускников университета, собиравшихся вокруг А.П. Богданова и составивших основное ядро ИОЛЕАЭ, было несколько человек не менее талантливых и не менее заинтересованных в научной карьере, чем А.П. Федченко. Так что повторим наш вопрос: почему удача улыбнулась именно ему?

Мы можем предположить, что причина крылась в его браке с дочкой профессора Московского университета Ольгой Александровной Армфельд. По сохранившимся опубликованным описаниям (никаких документов личного происхождения, содержащих информацию по этой теме, в настоящее время неизвестно) А.П. Федченко познакомился с ней в Зоологическом музее Московского университета, в котором оба часто бывали и работали, по современному определению, волонтерами. Их первая встреча произошла 18 ноября 1862 г. [2, с. 26]. Федченко увлекался естествознанием во многих его проявлениях: ботаникой, энтомологией, антропологией. Во многом его интересы совпадали с интересами Ольги Армфельд, которая в это время еще училась в Николаевском сиротском институте. В 1864–1866 гг. они много времени проводили вместе за научной работой. Ольга Александровна перевела для Алексея Павловича первую часть «Антропологии» Т. Вайца и вместе с ним переводила вторую, помогала ему с антропологическими измерениями черепов младенцев в Воспитательном доме, вела для него иностранную переписку, вместе с ним и для него собирала коллекции насекомых, переданные впоследствии в Зоологический музей университета и вошедшие в работу Федченко «Список двукрылых». Результат был закономерен: 2 июля 1867 г. молодые люди поженились.

Но на самом деле ничего закономерного в этой свадьбе не было и не могло быть. Для Федченко подобный союз, конечно, был очень выгоден. Свадьба мгновенно сделала его «своим» в узком кругу московской профессуры и обеспечила связями, необходимыми для успешной карьеры в России, которые раньше у него отсутствовали. Только не очень понятно, каким образом подобная свадьба могла состояться в принципе: он – сын мещанина, имеющий в своем активе диплом кандидата университета и чин коллежского секретаря, совершенно нищий, без денег, без связей и, соответственно, без перспектив. Она – дочь заслуженного профессора Московского университета в чине действительного статского советника, соответствовавшего чину генерал-майора сухопутных войск, потомственная дворянка, наследница, поскольку ее отец – человек состоятельный и обеспеченный, блестяще окончившая институт благородных девиц – более чем завидная невеста. Выгода от этого брака для жениха очевидна, но что получала невеста? Безумную любовь, которую поощряли и в итоге официально одобрили романтичные родители? Как они могли одобрить подобный чудовищный мезальянс? Тем не менее брак состоялся, а уже через несколько месяцев А.П. Федченко был утвержден собранием ИОЛЕАЭ в качестве руководителя Туркестанской экспедиции. Для него это была работа, обещавшая в случае успеха дальнейшую служебную карьеру и финансовую стабильность, и если не благополучие, то возможность достойно содержать семью.

Федченко был далеко не первым россиянином, воспользовавшимся связями жены, чтобы получить хорошее место. А что было в этом назначении для Ольги Александровны, раз она скорее всего это назначение одобрила и поддержала? Конечно, благоприятное начало карьеры супруга, обеспечивающее достойное финансовое и социальное положение семьи, важно для благоразумной молодой женщины и будущей матери семейства. Но в данном случае ценой этого благополучия должны были стать постоянные и длительные разлуки с мужем, осознание того, что путешествуя по неизученным, враждебным территориям, он ежедневно рискует жизнью. Многие ли женщины согласятся на такую жизнь априори? Тем более, когда у них есть альтернативы? Только Ольга Александровна не собиралась расставаться с мужем, не собиралась годами ждать его и, воображая всякие ужасы, гадать: вернется ли он домой или нет. Она собиралась путешествовать вместе с ним.

История Туркестанской экспедиции супругов Федченко 1868–1872 гг. представляет собой уникальное явление в ряду блестящих в общем-то российских географических экспедиций второй половины XIX в., и не только из-за важнейших научных открытий, совершенных ее участниками, или огромных научных коллекций (ботанических, энтомологических, этнографических и др.), собранных ими и привезенных домой в Россию. Уникальность представляет участие в экспедиции женщины в роли полноправного ученого, санкционированное лично генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, возможно, официально не оплаченное, но отмеченное по завершении экспедиции драгоценной государственной наградой. Конечно, письменно официальное участие О.А. Федченко в экспедиции практически никак не оговаривалось. В предварительной переписке по делу можно едва ли найти одно упоминание о ней: «Федченко явится к Вам с женою. Его жена получила в некоторой степени естественно-историческое образование и будет со своей стороны полезна для мужа…», писал секретарь ИОЛЕАЭ Николай Карлович Зенгер (1841–1877) тогдашнему правителю канцелярии Кауфмана генерал-майору Александру Константиновичу Гейнсу (1834–1892) 1 февраля 1868 г. Правда, упоминание это появилось буквально через несколько дней после утверждения кандидатуры самого Федченко, что произошло 25 января 1868 г.

О том, что участие в экспедиции О.А. Федченко предполагалось с самого начала, а также о том, что ей отводилась роль самостоятельного исследователя, а не просто помощницы мужа, свидетельствуют многочисленные документы ИОЛЕАЭ, но это все документы, составленные после успешного завершения первого этапа экспедиции (хотя официальные отчеты А.П. Федченко этого периода написаны от лица единственного официального участника). Однако сам генерал-губернатор К.П. фон Кауфман оставил совершенно недвусмысленное определение статуса О.А. Федченко в экспедиции. 4 октября 1868 г. он писал начальнику Зеравшанского округа генералу Александру Константиновичу Абрамову (1836–1886), приказывая ему оказывать всяческое содействие Федченко, которому предписывалось начать свою научную деятельность как раз с Зеравшанского округа: «Сообщая о вышеизложенном к сведению вашего превосходительства, предлагаю вам, милостивый государь, оказывать г. Федченко *и отправляющейся с ним в качестве ученого же его жене* всякое содействие в возложенном на него поручении (курсив наш. – О.В.)» [1, с. 53].

Возникает вопрос: почему Кауфман нашел нужным отдельно оговорить статус женщины в экспедиции? Статус, противоречивший, между прочим, официальной политике правительства в отношении высшего женского образования и возможности женской профессиональной занятости в интеллектуальных сферах деятельности, таких как медицина, например. О какой женщине-ученом могла идти речь, если не прошло еще и семи лет после официального отказа правительства на просьбу женщин-вольнослушательниц о разрешении сдать экзамены за курс университета с целью получить диплом этого самого университета? Когда только-только исполнилось пять лет официальному запрету женщинам поступать в университеты Российской империи? [4]. Почему путешествие О.А. Федченко фактически в зоне военных действий, по враждебным территориям вообще было допущено? Нельзя сказать, чтобы в России существовала многолетняя традиция сопровождения женами своих мужей в военных походах (хотя, конечно, отдельные прецеденты случались). Ответ, по-видимому, достаточно прост. Существовали некоторые цели, поставленные перед экспедицией, некоторые виды работ, которые по оценкам генерал-губернатора могла выполнить только женщина. В одном из писем К.П. фон Кауфмана Г.Е. Щуровскому от 1 декабря 1867 г., обсуждая задачи, ставящиеся перед исследователями, Кауфман писал: «Настоящая администрация Туркестанского края полагает совершенно для себя необходимым изучение производительных сил Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей с тем, чтобы эти страны могли бы с течением времени принести возможно большую пользу России. Главным подспорьем для такого изучения может служить эксплуатация страны в естественно-научном отношении, предпринятая ученым, заслуживающим доверие» [1, с. 37–38]. Очевидная причина присутствия женщины в экспедиции – необходимость сбора информации о женском населении новых территорий. Поскольку примерно половину населения этой территории и, соответственно, ее производительных сил составляли женщины, а в мусульманской стране ни один посторонний мужчина не имел

ни малейших шансов побеседовать с местной жительницей, чтобы получить хоть какую-то информацию об этой стороне жизни была необходима женщина-исследовательница. Однако, как выяснилось в дальнейшем, существовали и другие, менее очевидные, но совершенно необходимые военному руководству сведения, которые получить могла только образованная дама. Но об этом немного ниже.

Уверенность в необходимости присутствия женщины в экспедиции со стороны военного руководства, по-видимому, действительно существовала. Косвенно это подтверждает тот факт, что Федченко стали не первой супружеской парой, отправившейся в экспедицию в Туркестан во второй половине 1860-х гг. XIX в. Всего двумя годами ранее, сразу после завоевания Ташкента в 1865 г., на Тянь-Шань была послана большая правительственная так называемая Туркестанская ученая экспедиция, софинансировавшаяся военным министерством и ИРГО. Она была рассчитана на два года: с 1865 по 1867 гг. Физический отдел экспедиции возглавил зоолог Николай Алексеевич Северцов (1827–1885). Н.А. Северцов был уже опытным путешественником по Средней Азии, успевшим и побывать в плену у кокандцев, и выполнить различные поручения военного ведомства, и собрать значительный научный материл. По странному совпадению, как раз в 1865 г., он женился на Софье Александровне Полторацкой (?–1921) и сразу же, не раздумывая, взял молодую женщину с собой в фактически военный поход. Его жена, опять-таки по странному совпадению, оказалась сестрой Владимира Александровича Полторацкого (1830–1886), генерала, картографа, члена ИРГО, занимавшего в тот момент должность начальника Азиатского отделения Главного штаба. В отличие от брата-генерала, о Софье Александровне Полторацкой / Северцовой в настоящее время известно крайне мало, но факт ее участия в экспедиции мужа не оспаривается. Советский геолог и историк науки Розалия Львовна Золотницкая (1912–2006) пишет, (правда, не ссылаясь при этом на источник своей информации): «В эту экспедицию Северцов взял с собой и молодую свою жену Софью Александровну, которая помогала ему в сборе ботанических и энтомологических коллекций и, будучи неплохой художницей, делала нужные зарисовки» [5]. Таким образом, С.А. Северцова стала одной из первых (если не самой первой) в нашей стране женщиной-участницей не просто географической, а военно-географической экспедиции. И не просто в роли багажа – спутницы мужа, а в роли его активной помощницы в научных изысканиях. Но возможно, что-то пошло не так, и уже через год она покинула экспедицию, объяснив отъезд беременностью [7]. И больше никогда не делала попытки повторить свой опыт. Как пишет Р.Л. Золотницкая в кратком, посвященном Северцовой примечании: «Софья Александровна, по воспоминаниям, была серьезной, очень сдержанной женщиной. Большой и верный друг Николая Алексеевича, она стойко переносила постоянные разлуки с мужем, одна вела все денежные и хозяйственные дела и воспитывала единственного сына, на которого целиком перенесла после смерти Н.А. [Северцова] все заботы и нежность. Туркестанская экспедиция была единственной, в которой Софья Александровна принимала участие. Хотя с молодых лет она мечтала о путешествиях, но хозяйственные дела и подрастающий сын не позволяли ей больше участвовать в экспедициях мужа» [5].

Может быть ее «страсть к путешествиям» никогда не существовала на самом деле, возможно, традиционная роль супруги, ждущей мужа из далеких походов, ее привлекала гораздо больше, чем перспектива тяжелых и опасных дорог, а может быть ее истинная роль в экспедиции была исполнена и дальнейшей необходимости в ее присутствии не было. При отсутствии фактов гадать можно бесконечно. Но факт остается фактом: К.П. фон Кауфман знал об участии в экспедиции женщины и, вероятно, подумал о тех преимуществах, которое подобное присутствие может привнести в успех всего дела. Возможно, также он понял, что женщина должна быть подходящей не только с политической точки зрения, но и с научной; что для достижения успеха она должна обладать не только необходимой подготовкой и знаниями, но и соответствующим складом ума. И совсем не тем традиционным складом ума, культивировавшимся в российских благовоспитанных барышнях с самого начала XIX в. и возносившим в величайшее достоинство ожидание супруга у родного очага по образцу Пенелопы, ожидавшей Одиссея. Именно так, как вела себя Северцова после первой же оборвавшейся экспедиции.

Но где Кауфман мог найти такую женщину? Возможно ли, что ИРГО, в чьем распоряжении всегда были подходящие мужчины, на этот раз

не смогло помочь? Однако президент ИОЛЕАЭ Г.Е. Щуровский не колебался ни минуты: он знал женщину, которая прекрасно подходила на эту роль – дочь его коллеги, профессора судебной медицины Московского университета, яростного сторонника высшего образования для женщин в Российской империи – Александра Осиповича Армфельда (1806–1868). Девушку звали Ольга Александровна Армфельд.

И здесь следует сказать несколько слов об Ольге Александровне Армфельд, вошедшей в историю мировой науки под фамилией Федченко. Она родилась в Москве в 1845 г. Как писала в различных своих автобиографиях, после окончания Николаевского сиротского института в 1864 г., происходя из состоятельной семьи и не нуждаясь в средствах для жизни, она тем не менее хотела быть полезна, «желая трудиться по убеждению» [2, с. 26], поэтому давала уроки (истории, французского и немецкого языков, рисования, музыки) и занималась переводами (с английского, немецкого, французского). Она любила рисовать и продолжала совершенствоваться в этом мастерстве. О.А. Армфельд даже посещала художественные классы, беря уроки у А.К. Саврасова. Впоследствии яркий художественный талант и развитое умение очень пригодились ей во время экспедиций. Но над всеми занятиями и интересами юной Армфельд преобладал вынесенный еще из школы интерес к изучению естественных наук, особенно ботаники. Гербарий флоры Можайского уезда, собранный шестнадцатилетней Ольгой в 1861–1862 гг., оказался настолько хорош, что был включен Николаем Николаевичем Кауфманом (1834–1870) в его ставший классическим труд «Московская флора» [8] – выдающееся достижение для любого начинающего ученого, тем более для не имеющей специального образования девушки.

Начиная с 1861–1862 гг., О.А. Армфельд регулярно посещала Зоологический музей Московского университета и работала с его коллекциями. Тогда же она познакомилась с группой молодых людей – студентов и недавних выпускников университета, составлявших неформальный кружок А.П. Богданова – прообраз будущего ИОЛЕАЭ, среди которых были Н.К. Зенгер, В.Ф. Ошанин (1844–1917), В.Н. Ульянин (1840–1889) и… А.П. Федченко. Вместе с этими молодыми учеными (и для них) она проводила ряд исследований (по антропологии, зоологии), помогала им с переводами трудов по естествознанию и ведением иностранной переписки, занималась расстановкой коллекций в Зоологическом музее. Одновременно писала (переводила) небольшие статьи для журнала «Садоводство». Когда в 1864 г. официально создавалось ИОЛЕАЭ, Н.К. Зенгер предложил избрать О.А. Армфельд членом-основателем нового общества, что и было сделано. Таким образом Ольга Александровна стала первой в нашей стране женщиной – полноправным членом естественно-научного общества. В 1867 г. она активно участвовала в первой из организованных ИОЛЕАЭ – Этнографической – выставке.

Благородная барышня и богатая наследница всерьез хотела заниматься наукой. У нее было необходимое для этого базовое образование, средства, связи в научной среде. Вот только она была женщиной, которой закон империи не позволял доступа к подобной деятельности. Единственный способ добиться желаемого – найти супруга, который бы не запрещал, а в идеале поддерживал и разделял ее интересы. Но где было такого взять среди ровни по социальному и материальному положению? Среди молодых людей, имевших прекрасные перспективы в жизни, с детства знавших, что обладая средствами и связями, они могут позволить себе потратить молодость на получение образования, путешествия, даже научные изыскания, если возникало такое желание, а когда придет время «остепениться» – их будет ждать удобная и выгодная должность. Эти молодые люди, как правило, не спешили заводить семью в ранней молодости, а «дозрев», желали получить в жены юную девушку, будущую мать детей, хозяйку/украшение дома и, в самом лучшем случае, – помощницу/секретаршу. Вот только на эту роль О.А. Армфельд как-то не годилась, несмотря на блестяще оконченный институт благородных девиц. Была ли она подходящим кандидатом для выполнения военно-ученого поручения К.П. фон Кауфмана? Как подтвердило дальнейшее развитие событий – безусловно, да.

Итак, мы можем выстроить следующую хронологию событий. В конце апреля – начале мая 1867 г. К.П. фон Кауфман переговорил с Г.Е. Щуровским, прося его подобрать возможных кандидатов на роль ученых-исследователей его Туркестанских владений. 2 июля 1867 г. О.А. Армфельд вышла замуж за А.П. Федченко. 25 января 1868 г. ИОЛЕАЭ утвердило кандидатуру А.П. Федченко на роль

ученого, который должен был быть назначен под начало Туркестанского генерал-губернатора. 1 февраля 1868 г. Н.К. Зенгер в письме к А.К. Гейнсу коротко и несколько небрежно отметил, что Федченко «явится с женой». Были ли эти события связаны друг с другом? У нас нет в этом никаких сомнений. То, что из числа всех молодых людей, собиравшихся вокруг А.П. Богданова, для работы в Туркестане Федченко был выбран именно благодаря своему браку, у нас нет никаких сомнений. То, что сам брак состоялся только потому что появилась необходимость в женщине-исследовательнице, которая, конечно, должна была быть замужем за подходящим человеком, доказать сегодня с достаточной долей точности не получится, но, по нашему мнению, вероятность подобного развития событий велика. Г.А. Щуровский, конечно, знал о страстной увлеченности наукой дочери своего коллеги. Возможно, что вместе с ее отцом он эту склонность поддерживал. То, что богатая благородная наследница свободно общалась с целым кругом совершенно «неподходящих» для нее молодых людей, свидетельствует о понимании ею и ее семьей бесперспективности поиска «подходящего» супруга для девушки в ее собственном кругу, если она хотела и далее развивать свои интересы. Когда она сделала окончательный выбор? Можно только предполагать. Вполне вероятно, после того, как Г.Е. Щуровский рассказал ей об уникальной возможности из числа тех, что выпадают только раз в жизни? Возможности посетить и изучить почти совершенно неизвестный европейцам край, вызывавший живейший интерес и любопытство у всего научного сообщества, и тем самым навсегда вписать свое имя в историю науки? Почему согласились родители? Не потому ли, что Щуровский пообещал не только интересную и перспективную работу для будущего мужа, но и заинтересованность генерал-губернатора лично в их дочери? Подобный сценарий кажется вероятным.

Как бы там ни было, но Ольга Александровна сделала свой выбор. Алексей Павлович, по-видимому, согласился на условия далеко не обычной невесты. Свадьба состоялась, и молодые начали строить свои отношения по новым правилам. Если это был брак по договоренности, то, конечно, сама идея подобного союза, обремененного априори различными обязательствами, была далеко не нова, как бы сильно не отличались от общепринятых сами договоренности. В данном случае они имели бы некоторую основу, на которой можно было начинать строить отношения. Но есть большая доля вероятности, что это был брак по любви – любви друг другу, но, главное, любви к науке – и что именно эта взаимная любовь помогла им наладить гармоничные отношения и достичь фантастических научных результатов (каждому в своей области). Были ли это отношения равных партнеров? И да, и нет. Коллег? Безусловно.

Какой бы ни была истинная роль О.А. Федченко в экспедиции, для всех окружающих она представлялась первым делом заботливой женой, и эту роль она играла безупречно, может быть потому, что хорошо была к ней подготовлена. По воспоминаниям современников, именно этот образ помог супругам относительно безболезненно вписаться в незнакомое им военное окружение. Например, Дмитрий Львович Иванов (1846–1924), впоследствии горный инженер и известный исследователь Памира, а в 1869 г. всего лишь сосланный за участие в тайном обществе на военной службе студент, вспоминал: «Прибытие супругов Федченко, конечно, вызвало немало разговоров: уже одно то, что ученым являлась женщина-путешественница, было огромной новостью для края» [6, с. 100]. «Всех смущало появление женщины, которая «внесет в среду военных стеснение и сама будет стесняться»», – отмечал он [6, с. 100]. Но этого не случилось. Несмотря на первоначальное недовольство и даже некоторую враждебность, вскоре ее вполне приняли: «Однако Федченки прибыли в отряд столь просто, поместились скромно, в своей палатке, и ничем не нарушили жизни экспедиции, – писал Д.Л. Иванов. Их благовоспитанная обходительность со всеми, их непритязательные потребности, работоспособность, все это быстро примирило всех с новыми настоящими учеными, и они вскоре заняли в отряде место не лишних людей, а людей работящих и никого не стесняющих» [6, с. 101]. Д.Л. Иванов рассказывает, что уже на четвертый день пребывания в отряде Федченки вполне завоевали всеобщие симпатии. Произошло это в результате следующего эпизода: «…компания из нескольких человек отправилась в палатку ученых: там их радушно встретила О.А., угостила чаем со свежим лимоном (необычайная тогда редкость в Туркестане) и тоже свежими московскими сушками.

Этот лимон и эти сушки окончательно победили скептицизм, и уже в разговорах слышались одобрения женам, которые заботятся о мужьях, в пример чего указывался ящик для папирос А.П., где О.А. устроила перегородки, чтобы папиросы не рассыпались» [6, с. 101]. То есть Ольга Александровна завоевала признание членов отряда, играя роль заботливой жены, а не компетентного ученого.

С момента заключения брака и за исключением последней трагической поездки А.П. Федченко в 1873 г., во время которой он погиб, супруги всюду путешествовали вместе: по странам Европы, где они готовились к своим экспедициям, по неисследованным территориям Туркестана, где они совершали свои открытия. Но в силу того, что официально всюду командировали А.П. Федченко, поскольку именно он состоял на службе, его служебные научные интересы зачастую преобладали, что вызывало недовольство его жены, с которым, она, однако ничего не могла поделать, но которое тем не менее прорывалось даже через много лет. Так, описывая заграничную поездку супругов Федченко в Финляндию и Швецию летом 1867 г., их сын Борис Алексеевич Федченко (1872–1947) отметил, что в целом эта поездка была недолгой, и Ольга Александровна проводила немало времени, помогая мужу, основными приоритетами которого являлись антропология и зоология, и «не имела возможности тогда завязать достаточных связей в научно-ботаническом мире» [10, л. 28].

Тем не менее, их совместная работа в экспедиции, где каждый отвечал за свой участок (Алексей Павлович – за зоологию и антропологию, Ольга Александровна – за ботанику и иллюстрирование, а также научную переписку) и где они помогали друг другу по мере возможности, была фантастически успешной, возможно потому, что касалась только их двоих, а внешний мир с его представлениями и бюрократией в нее не вмешивался [3]. То же самое казалось трудностей, с которыми ученые сталкивались во время своих путешествий: от тяжелых и опасных дорог и происшествий с лошадьми до боевых столкновений с местными жителями. Так, Д.Л. Иванов вспоминал, что некоторые члены отряда сомневались в способности О.А. Федченко преодолеть опасные горные тропы и вообще вынести тяготы военного похода. Однако все их предположения оказались неверны. «Переходы по узкому ущелью (клюз Фан-Дарьи) с карнизами, балконами и т.п. тропочками, ведущими к оз. Искандер-Кулю, О.А. совершила чрезвычайно спокойно и успешно, – пишет Иванов и добавляет, – вообще Федченки ничем не выделялись из отрядной среды, собирали нужные им материалы, а О.А. усердно работала над своим гербарием и очень мило… рисовала много характерных местностей» [6, с. 101].

Он же рассказал о нескольких военных эпизодах, в которых О.А. Федченко проявила себя наравне с мужчинами. Например, неподалеку от озера Кули-калан отряд генерала Абрамова, в котором состояли супруги Федченки, попал в засаду вооруженных горцев. После сражения в отряде оказалось много раненых, за которыми О.А. Федченко ухаживала с присущим ей хладнокровием. Д.Л. Иванов также вспоминал, что когда на какой-то из ночевок ученые остались без военного эскорта, ушедшего вперед, «многие из них, и в том числе и некоторые военные, – сильно волновались и роптали, О.А. не выказала никакой суетливости и растерянности и спокойно выдержала эту ночь общей сильной аффектации и ропота…» [6, с. 102].

Точно также успешным было выполнение О.А. Федченко «особых» поручений, хотя об этой стороне ее деятельности почти нет никаких упоминаний в известных на сегодняшний день источниках. Буквально один-два намека в опубликованных письмах А.П. Федченко К.П. фон Кауфману, содержавших очень общие и предварительные отчеты о его деятельности, и никаких упоминаний в официальных (публиковавшихся) отчетах о встречах О.А. Федченко с женами и матерями местных правителей. Например, 16 июля 1871 г. А.П. Федченко писал К.П. фон Кауфману: «Сегодня был у Музафар-ша. Он в большом горе: вчера похоронил любимую жену, которой было только 16 лет и на которой он женился, когда ей было 12 лет. Ольгу Александровну принимала мать умершей: все лицо изодрано, говорить не может, а только охает» [1, с. 134].

Наиболее важной с военно-политической точки зрения была поездка супругов Федченко в тогда еще независимое Коканское ханство, осуществленная ими в 1871 г. Для успеха будущих военных походов была необходима информация о местности, населении и, прежде всего, карты территории, которых в то время еще просто не существовало. Вообще картографирование

посещенных местностей было одной из основных задач, поставленных перед А.П. Федченко К.П. фон Кауфманом. Как правило, однако, военные отряды и конвои, с которыми передвигались супруги по территории Туркестана, сопровождали топографы, хотя ответственность за картографические работы нес Алексей Павлович. В данном случае присутствие военного топографа было совершенно невозможно: одинокий чудаковатый ученый с женой, собиравший букашек и цветочки, имел шанс получить разрешение на путешествие по стране под бдительным надзором местных военных, отряд из нескольких мужчин не имел никаких шансов.

Обязанность определять направление по положению солнца – операция, необходимая для составления карты, легла на Ольгу Александровну, поскольку сопровождавшие супругов джигиты, естественно, обращали на нее меньше внимания. А.П. Федченко очень бегло упомянул об этом в своей знаменитой книге «В Коканском ханстве»: «Немного кривя, мы ехали, однако, приблизительно в одном направлении, но в каком – решить было трудно. Мне очень хотелось посмотреть на буссоль (геодезический инструмент для измерения углов при съемках на местности, специальный вид компаса. – О.В.), но коканские джигиты не оставляли нас ни на минуту, а мне не хотелось возбуждать их подозрительность на первых же шагах. Установив общее направление дороги по видневшейся далеко на юго-западе горе, я решил воспользоваться какой-то разрушенной стенкой, зашел за нее и взял направление. <…> Затем, когда нужно было при частых поворотах в ущельях чаще брать направление, буссоль перешла в руки Ольги Александровны, как менее вызывавшей сомнения относительно ее занятий» [9, с. 59]. Это походя брошенное упоминание, как нам кажется, раскрыло вторую, если не первую, подлинную причину включения О.А. Федченко в состав Туркестанской экспедиции. Разведывательная миссия в Коканское ханство, безумно опасная, грозившая мучительной смертью в случае неудачи, вряд ли могла бы закончится с таким успехом, если бы не присутствие женщины. Умной, хладнокровной, образованной, хорошо подготовленной технически женщины.

Работа супругов Федченко была оценена по достоинству правительством. И, что характерно, не только усилия Алексея Павловича, но и Ольги Александровны персонально. 22 февраля 1872 г. А.П. Федченко «Во внимание к особым трудам и лишениям, понесенным при научном исследовании Туркестанского края и ввиду важности результатов, добытых этими исследованиями, всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Василия 4 степени» [1, с. 34–35]. В тот же день Ольга Александровна «За труды по исследованию Туркестанского края и сопредельного с ним Коканского ханства пожалована из Кабинета Его Величества… золотым браслетом, украшенным бриллиантами с рубином» [2, с. 26]. Это была первая в истории России правительственная награда, врученная женщине за научные исследования, зримое проявление удовлетворения работой ученых со стороны высокопоставленных чиновников и военных.

Научный успех Туркестанской экспедиции супругов Федченко хорошо известен и многократно описан. Статус ИОЛЕАЭ больше никогда не подвергался сомнению в научном мире, о несколько маргинальном происхождении общества было забыто. А постепенно осуществленная публикация трудов экспедиции принесла ИОЛЕАЭ всемирную известность.

Супруги Федченко вернулись из Туркестана победителями. Их встречали и принимали как настоящих героев. И его, и ее.

Таким образом, успех Туркестанской экспедиции удовлетворил все заинтересованные стороны. Одновременно достаточно неожиданным побочным эффектом стал публичный успех научно-семейного сотрудничества, наглядно продемонстрировавший, по крайне мере образованной части российского общества, не только возможности женщины, но, главное, возможности творческого союза мужчины и женщины. Трудно сказать, как развивались бы отношения супругов Федченко в дальнейшем, когда экспедиция, принесшая им славу, осталась бы позади, а научные интересы разошлись. Но этого не случилось. А.П. Федченко погиб в ночь со 2 на 3 сентября 1873 г. во время восхождения на ледник Col du Geant, расположенный в Швейцарии неподалеку от Монтре. О.А. Федченко осталась одна: нести бремя славы и бремя ответственности за публикацию материалов экспедиции, ответственности за воспитание сына, за сохранение памяти мужа. Она справилась. Впоследствии приняла участие во многих экспедициях, в том числе на Памир; опубликовала более 100 научных трудов; открыла немало новых видов и даже несколько новых родов растений (несколь-

ко десятков видов названы в ее честь). Наконец, в 1907 г. она стала первой в истории нашей страны женщиной, избранной членом-корреспондентом Императорской академии наук по естественно-научному отделению. Стало бы все это возможным, если бы ее муж остался в живых или потребности его службы и научных интересов преобладали бы в их семье и не позволили бы ей сосредоточиться на собственных? Неизвестно. Стало бы это возможно без ее участия в Туркестанской экспедиции, за которую на Международной географической выставке в Париже в 1875 г. она получила медаль и диплом – первую в истории международную награду, врученную российской женщине-ученой? Совершенно точно – нет. Брак с Федченко позволил Ольге Армфельд принять участие в Туркестанской экспедиции; ее собственная энергия, настойчивость, упорство сделали ее полноценным участником этой экспедиции, а прославившаяся экспедиция, в свою очередь, открыла ей двери в научное сообщество – не только российское, но и мировое, в котором ее принимали как равную.

Библиографический список

1. А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956.
2. Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888.
3. Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М., 2006. (Научно-биографическая литература).
4. Валькова О.А. Штурмуя цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М., 2019. (Серия «История науки»).
5. Золотницкая Р.Л. Николай Алексеевич Северцов // Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю / 2-е изд. М., 1947. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rgo-sib.ru/book/geo/20.htm (дата обращения 06.04.2019).
6. Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 99–105.
7. Северцов Николай Алексеевич // Энциклопедии. 100 Великих путешественников / Авт.-сост. И.А. Муромов. М.:, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://murzim.ru/jenciklopedii/100_velikih_puteshestvennikov/4437-severcov-nikolay-alekseevich.html (дата обращения 06.04.2019).
8. Кауфман Н.Н. Московская флора, или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866.
9. Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2.
10. Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. (Черновик) // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209.

М.В. Васеха

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

«СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА: МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

Когда я только поступила в аспирантуру нашего института, посещала занятия и лекции, читала статьи старших коллег, ездила в «поле» внутри нарастало волнующее чувство: ту ли стезю я выбрала? Готова ли я всю жизнь посвятить полю, архивам и текстам? Как понять, состоялось ли мое исследование? И самое главное: для кого, собственно, мы делаем всю нашу работу? По опыту знаю, что многие аспиранты на стадии погружения в подобные мысли принимали решение бросить начатую работу и попробовать себя в других видах деятельности. Толчок начинать разбираться с собственными научными приоритетами и карьерными стратегиями мне дала попавшаяся случайно на глаза статья Натальи Львовны Пушкарёвой в одном очень популярном массовом журнале. В статье простым и доступным языком излагались достаточно сложные для обывателя идеи, текст побуждал читателей задуматься о существующем положении

* При поддержке НИР ИЭА РАН «Гендерные системы и гендерные отношения в прошлом и настоящем»

вещей и, возможно, изменить отношение к ним. Меня тогда ошарашила мысль о том, что то, наше дело может иметь столь прикладной характер, а наши идеи не только могут быть услышаны широкой аудиторией, но и способны как-то влиять на мировосприятие современников. Буквально в тот же день я прочитала рецензию в журнале «Cosmopolitan» на книгу «Женщины Древней Руси», после чего в голове начала складываться картинка, вырисовываться очертания того, чем мне хотелось бы заниматься в будущем.

Позже я познакомилась с Натальей Львовной лично, начала ездить на ежегодные конференции РАИЖИ, моя диссертация незаметно поменяла вектор своего развития и стала «женской» и «гендерной». Невероятно обаятельную, искреннюю, доброжелательную Наталью Львовну хочется «искупать» в самых теплых словах и сердечной благодарности. Для нас, молодых исследователей, Наталья Львовна является примером успешнейшей женщины, причем не только как выдающийся ученый, но и как талантливый организатор, харизматичный оратор и при этом эмоционально тонкий, эмпатичный человек. Набор качеств, восхищающих снова и снова в ходе общения с Натальей Львовной, можно еще долго продолжать. Самое главное – Наталья Львовна щедро делится своими знаниями, находками, идеями, контактами, профессиональным личным опытом, всегда идет навстречу (даже когда не до конца согласна) и подставляет плечо именно в тот момент, когда это больше всего необходимо. Можно еще долго говорить о невероятном трудолюбии, практически подвижнической работе, которую уже несколько десятилетий ведет Наталья Львовна по продвижению и поддержке целого научного направления в нашей стране. За это время выросло невероятное количество учеников (наверное, НЛ и сама точно не знает сколько), каждый из которых может сказать: после встречи с Натальей Львовной Пушкарёвой мы стали другими!

* * *

Модернизационные процессы, протекавшие в российском обществе со второй половины XIX в., постепенно подтачивали основы традиционных жизненных стратегий и ценностей, что особенно заметно ощущалось в частной жизни. С революционными преобразованиями 1917 г., в ходе конструирования воображаемого советского общества стали активно формулироваться на государственном уровне и внедряться в жизнь новые паттерны поведения в отношениях между мужчиной и женщиной, в семейной жизни, в родительских стратегиях воспитания и пр. По мнению автора, особенные усилия прилагались в деле конструирования новой советской женщины, эта работа проводилась комплексно и выразилась в проведении политики «раскрепощения» женщин, становлении системы охраны материнства и младенчества, социальной компании по ликвидации неграмотности и пр.

В данной статье автор рассматривает отдельные составляющие конструкта «новая советская женщина» и предлагаемые механизмы их внедрения в крестьянское общество в первое десятилетие советской власти. Анализируются успехи/неудачи внедрения отдельных составляющих образа новой женщины на историко-этнографических материалах юга Западной Сибири. В качестве источников привлечены публикации идеологов «женского вопроса», архивные документы, материалы периодической печати, а также интервью с современниками событий – женщинами и мужчинами, чья молодость пришлась на 1920-е гг.

На протяжении XX века жизненные стратегии и ценностные установки женщин из всех слоев российского общества изменялись. Разницу в представлениях о важнейших жизнеполагающих вещах можно наглядно наблюдать в процессе общения разных поколений женщин в рамках одной семьи. Так, прабабушки, родившиеся в начале XX века, часто не разделяли желания своих дочерей получать образование и работать на государственных должностях вместо «карьеры» матери и хозяйки, а те, в свою очередь, также чувствовали разницу с собственными детьми в их стратегиях выбора брачного партнера или родительского поведения. Подобные изменения жизненных установок мы видим с приходом каждого последующего поколения женщин, но самый первый, кардинальный перелом произошел в 1920-е годы в ходе борьбы со «старым бытом», т.е. с жизненным укладом «традиционного» общества и его базовыми ценностями. Автор полагает, что процесс глобального ценностного разрыва/раскола меж-

ду поколениями россиянок является продуктом целенаправленного гендерного конструирования на государственном уровне, начавшимся в первое десятилетие советской власти. Несмотря на столь непродолжительный в масштабах истории временной отрезок, именно в рассматриваемый период 1920-х гг. был заложен фундамент модели советского социально-гендерного устройства.

Ранняя советская политика «раскрепощения» и «защиты» женщин

В первой половине изучаемого периода идеи советских идеологов по «женскому вопросу» И.Ф. Арманд и А.М. Коллонтай были частично воплощены в жизнь, что нашло отражение в советском семейном законодательстве, согласно которому вводился институт гражданского брака, упрощалась процедура развода и предполагалась определённая правовая защита для женщин. Кодекс законов о труде 1922 г. должен был защитить работающую женщину-мать. Принятый в 1926 г. «Кодекс законов о браке, семье и опеке» признавал только брак, заключённый в органах ЗАГСа, который закреплял правовые отношения между супругами. Церковный брак более не порождал правовых отношений. В связи с формированием советского семейного законодательства постепенно усиливалась формальная сторона брачно-семейных отношений. Тем не менее, полевые и архивные материалы показали, что в 1920-е гг. для сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование.

Именно в рассматриваемые годы был заложен юридический фундамент нового гендерного контракта советского общества, когда женщина, получив «двойную занятость», должна была выполнять функцию «работающей матери», т.е. нести обязанности матери – хранительницы семейного очага и работницы-общественницы. В 1920-х гг. этот тип «этакратического» гендерного контракта в Западной Сибири затронул главным образом городских женщин, а не крестьянок, которые до начала коллективизации оставались в рамках своих индивидуальных хозяйств.

Конструирование новых женских паттернов поведения и жизненных стратегий художественными средствами

Создаваемые женские образы на страницах популярных изданий – один из мощнейших инструментов работы советских идеологов с глубинными пластами сознания населения на уровне формирования новых ценностных установок, поведенческих и жизненных стратегий и ориентиров. В качестве инструментария здесь привлекались художественные средства воздействия на массовое сознание сибирячек: литературные произведения, рассказы, «зарисовки из жизни», сценарии для сельских театров, публикуемые как в федеральных СМИ, так и в местном журнале «Красная сибирячка», адаптированном к сибирской аудитории.

«Новые» девушки и женщины в этих произведениях ориентировались на знания, а не на религию и обычаи, проявляли самостоятельность в принятии решений, в том числе о вступлении/невступлении в брак, были «идеологически грамотны». В 1920-е гг. женские журналы предлагали следующие модели поведения: учиться, «вырываться» из «тёмного» мира «отцов и дедов», уходить в город для продолжения учёбы и работы, чаще – по «женской линии».

Художественные произведения обосновывали право детей на бунт против отцов и матерей – представителей «старого» мира; однако полевые материалы автора свидетельствуют о сохранявшемся подчинении младшего поколения сибиряков старшему в 1920-е гг. Ещё одним важным изменением, над которым работали советские идеологи, была смена ориентиров девушки при выборе брачного партнёра. В качестве будущего супруга им рекомендовали комсомольцев и бедняков в противовес зажиточным «кулакам». Полевые материалы указывают на то, что в исследуемый период предпочитали родниться семьи примерно одного уровня достатка, хотя увеличение в этот период браков «убёгом» (зачастую у неравных в экономическом положении жениха и невесты) свидетельствовало о новых романтических тенденциях в сибирской деревне.

Советская пропагандистская машина представляла мир женщин крайне полярным. На одном полюсе рисовался «мир баб», «тёмного прошлого» с предрассудками и тяжёлой «долей». На другом – «новая советская женщина»,

общественница, активистка, борец и товарищ, руководитель наравне с мужчинами. В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, «ломались» поведенческие стереотипы женщин в крестьянской патриархальной семье. В периодике тех лет развенчивалось представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме). Моделировались более эффективные жизненные сценарии: женщинам предлагалось занимать деятельностную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей нелёгкой судьбы. Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием. По сути, агитируя освобождаться от «гнёта отцов, братьев и мужа», все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общественным интересам.

Механизмы вовлечения сибирских крестьянок в общественно-политическую работу

Молодая советская власть активно разрабатывала механизмы включения женщин в общественно-политическую жизнь: побуждение к вступлению в комсомол, привлечение к работе женотделов и волорганизаторскую деятельность, участие в делегатских съездах и т.д. Местные органы власти Западной Сибири также пытались активизировать процесс вовлечения женщин в кооперирование. В качестве первоочередных задач они рассматривали мероприятия по повышению активности крестьянок, их вхождению в состав сельских правлений и ревизионных комиссий. С этой целью организовывались женские собрания, выявлялись и привлекались к постоянной работе наиболее активные крестьянки, которые впоследствии работали на выборных должностях.

Сибирские крестьянки в 1920-е гг. втягивались в общественно-политическую жизнь неактивно, это касалось и женской кооперации. Несмотря на «неуклонный рост» числа женщин в органах управления, в отчётах о работе сельхозкооперации процент участия женщин оставался мизерным: например, в 1927 г. их участие в потребкооперации колебалось от 1% до 3,7% [5, с. 104]. Большой проблемой в Сибирском крае была «текучесть» женских кадров, вызванная «переброской» опытных специалисток из женотделов «на более серьёзные» направления деятельности. Привлечение в комсомол также не имело особых успехов, во-первых, из-за нежелания самих девушек, а во-вторых, из-за позиции комсомольцев, сомневавшихся в профпригодности женщин для такой работы. Даже мужчины-партийцы не понимали важности «женского направления» и красноречиво называли женотделы «крайбабами» и «бабкомами».

Вовлечение сибирячек в общественно-политическую жизнь в Западной Сибири наталкивалось на трудности с финансированием, подготовкой профессиональных кадров, неграмотностью населения и общим сопротивлением сибирского крестьянства советским преобразованиям.

Женский ликбез и образование

Главным препятствием в деле вовлечения крестьянок в общественные отношения считалась их неграмотность, в связи с чем была развёрнута государственная кампания по ликвидации неграмотности, в том числе и среди крестьянок. Ликвидация неграмотности в Сибири 1920-х гг. сталкивалась с рядом трудностей: нехваткой средств и кадров, слабым распространением книг и газет в деревне и т.д. Женщинам, уже вовлечённым в общественную жизнь, например ставшим делегатками и хорошо зарекомендовавшим себя на делегатских собраниях, предлагалось получить дальнейшее образование (на профтехнических, кооперативных, сельскохозяйственных, юридических курсах, курсах советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаках). Тем не менее, в 1927 г. даже среди делегаток в Томском округе более 30% были «совсем неграмотными», при этом необходимо учитывать, что данные подобной статистики обычно завышались. Ликвидация неграмотности зачастую сводилась к получению «первичной грамотности» – умению расписаться, чтению по слогам. Работу по обучению женщин затрудняли и их загруженность домашними делами, нежелание учиться, консерватизм мужчин, не позволявших жёнам и дочерям ходить на пункты ликвидации неграмотности и собрания.

Несмотря на политику всеобщей ликвидации неграмотности, воспитание сельских девочек продолжалось в патриархальном духе. В

докладах о состоянии школьного дела в Сибири отмечено низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка [3, л. 75–79]. В сознании сибирского крестьянства продолжало жить убеждение о том, что женские рабочие навыки намного важнее, чем грамотность. Полевые материалы свидетельствуют, что именно родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе.

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации неграмотности в 1920-е гг. можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе среди как взрослых крестьянок, так и сельских девочек школьного возраста. Причина неудач в образовании женщин была комплексной: от нехватки средств и профессиональных кадров до «патриархальных» установок семьи и нежелания самих женщин учиться, часто связанного с домашней загруженностью. Новыми возможностями пользовались лишь некоторые крестьянки, прежде всего молодые девушки, заинтересованные в продолжении дальнейшего обучения, в том числе «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910 – начала 1920-х гг. рождения в сибирских селах остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь.

Охрана матерей и воспитание нового поколения

Политика охраны материнства и младенчества («охрматмлад») предполагала создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания. Сюда же относились родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребёнку, борьба с беспризорностью детей ранних возрастов, организация трудовой помощи матерям-одиночкам, мероприятия по охране материнства и детства.

Советские идеологи 1920-х гг. высказывали мысль о том, что семья не может справиться с задачей воспитания подрастающего поколения, в связи с чем был взят курс на сокращение роли семьи в воспитательном процессе. Следствием явилось создание институций общественного воспитания будущих советских граждан: ясли, детские сады и площадки, школы. В то же время эти мероприятия «охрматмлада» декларировались как «помощь матери» и были призваны облегчить домашнюю нагрузку. Важно отметить, что из центра практически не выделяли средств на проведение мероприятий «охрматмлада» в Западной Сибири, и все тяготы реализации этой политики ложились как на местный бюджет, так и непосредственно на самих крестьян. Ещё одной проблемой продвижения идеи коллективного воспитания стало сопротивление крестьянок, которые, в отличие от городских женщин, быстро оценивших удобство яслей и детсадов, нередко сопротивлялись этим новшествам в воспитании подрастающего поколения.

В 1920-е гг. воспитательная роль школы, особенно в сибирской деревне, была не столь велика, и главным социализирующим институтом оставалась семья. Даже официальная статистика того времени указывала, что социальный институт «охрматмлада», призванный освободить женщину от забот о детях во время рабочего дня, в исследуемое десятилетие не достиг поставленных задач и носил в Сибири в основном декларативный характер.

Введение общественного воспитания, таким образом, должно было сыграть функцию переходного моста между «старым» и «новым» мирами. Идеологи коммунизма понимали, что отмена функции семьи как транслятора социокультурного кода общества нанесёт один из самых главных ударов по «отживающему прошлому».

Новые практики «планирования семьи» предполагали такую составляющую в политике «охрматмлада», как медицинский аборт, легализованный в 1920 г. В изучаемые годы прослеживалась неуклонная тенденция роста их числа как в городах Сибири, так и в сельской местности. Аборты не стали редкостью в деревне, хотя согласно официальной статистике крестьянок, решившихся на эту операцию, было в несколько раз меньше, чем горожанок [2, с. 38]. Попытка внедрения профессиональных акушерок в частную жизнь крестьянских семей была затруднена не только недостатком материальных средств и квалифицированных кадров, но и нежеланием самого населения пользоваться специализированной помощью. Полевые материалы показали, сколь велика была роль «бабушек», повитух.

Слабость просветительской работы, недоступность средств контрацепции сыграли решающее значение в процессе установления

этой операции как практически единственного способа планирования семьи в СССР, несмотря даже на период запрета с 1936 по 1955 г. Легализация аборта, постепенно ставшего одной из самых распространённых практик семейного планирования, сыграла важную роль в формировании образа жизни и паттернов поведения «новой советской женщины».

Борьба с женской религиозностью

Ещё одним препятствием на пути «раскрепощения» была высокая степень религиозности крестьянства, в особенности женского. Нередко именно по религиозным мотивам девушки отказывались вступать в комсомол. В сибирских деревнях комсомолками становились считанные единицы, однако в отчётных документах того времени с сожалением отмечалось, что даже эти комсомолки-коммунистки, как правило, продолжали соблюдать религиозные традиции.

Советские идеологи видели особенность антирелигиозной работы с женщинами в воздействии не на разум, а на их чувства, считая, что у них более развита именно эмоциональная составляющая. Мероприятия советской власти по ликвидации неграмотности, деятельности женотделов, политики «охрматмлада» также мыслились частью антирелигиозной пропаганды. Предлагалось «отвлекать» женщин от церкви посредством коллективного чтения журналов, посещения комсомольских собраний, вовлечения в общественную жизнь, приобщения к искусству.

С женской аудиторией советские агитаторы широко использовали формы работы, которые заключались в пропаганде художественных сочинений – «былей» и рассказов, порочащих священнослужителей и высмеивающих «тёмную» религиозность. Но попытки научно-просветительской работы оказались неэффективными в крестьянской среде. В антирелигиозной работе с женщинами предлагалось использовать положение христианства о «несправедливом» положении женщины по сравнению с мужчиной. Тезис о том, что «религия веками закабаляла женщину», был одним из главных в антирелигиозных беседах с крестьянками.

Несмотря на активную антирелигиозную работу с населением, официальная статистика показывала неутешительные цифры религиозной устойчивости сибиряков, и даже наблюдался обратный эффект. В 1924 г. в Сибири вместо «ликвидированных» 56 групп верующих вновь подали на регистрацию 120 [4, л. 88]. Подобный религиозный подъём советские чиновники объясняли общей нестабильностью в обществе, ростом эсхатологических настроений и, возможно, слишком грубо проводившейся антирелигиозной политикой. Более того, именно на женщинах, рождённых в начале XX в., – тех самых «церковных бабушках», которые не боялись осуждения на работе, — держались те немногие незакрытые в советский период приходы 1950–1980-х гг. Именно в 1920-е гг. был заложен механизм своеобразного советского двойственного поведения, когда в общественных местах человек представлялся атеистом, но в то же время внутри семьи сохранял религиозность, отмечал церковные праздники.

Новые праздники для «нового быта»

Создание культурных символов «нового быта» должно было помочь адаптации населения страны к меняющимся временам. Культуртрегерские усилия государства по освобождению от религиозного содержания праздников семейного цикла и наполнение старых форм социалистическим содержанием стали важной составляющей этой работы. Советская обрядность («октябрины», «красные избушки», гражданские свадьбы и похороны и т.д.) постепенно должна была стать частью нового быта, элементы которого разрабатывались в многотиражных массовых методических пособиях, рассчитанных как на агентов советских преобразований, так и на обывателей. Внедрение новых праздников, советской обрядности и ритуалов стало одним из инструментов формирования нового советского человека, в том числе «новой советской женщины».

8 Марта как инструмент формирования образа новой советской женщины

Впервые праздник 8 Марта был официально введён в советский календарь в 1923 г. В рассматриваемые годы праздник распространялся в основном на принимавших участие в общественной жизни женщин и подкреплял, таким образом, внедряемый образ женщины-управ-

ленца. Изначально праздник был призван привлечь внимание к «женскому вопросу» и мероприятиям по его решению. Как показало время, «8 Марта» переживало постоянные трансформации на протяжении XX в. в плане как идей, вкладываемых государством в этот праздник, так и форм его проведения. Судя по материалам женской прессы, в 1920-е гг. мероприятиями праздника «8 Марта» были охвачены немногочисленные сибирские крестьянки, которые принимали участие в работе «по женской линии», например были выбраны делегатками.

«Красные избушки» вместо традиционных молодежных «вечёрок»

Одним из механизмов внедрения нового содержания на деревенских игрищах и вечёрках – традиционных местах встречи молодёжи – стали «красные избушки». Это делалось с целью изменения гендерных стереотипов поведения, системы знакомств, стандартов ухаживаний в среде сельских юношей и девушек брачного возраста, а также ценностных жизненных установок молодёжи в целом. Предлагалось устранить отношение к девушкам «на выданье» как к «товару» и установить партнёрский дух отношений (отказ от «поцелуйных» игр и пр.). Именно молодых девушек советские идеологи видели основными агентами изменений в молодёжной среде. Кроме того, методисты предполагали «разбавить» матримониальные установки крестьянских девушек большей вовлечённостью их в общественную жизнь (ликбез, политинформация, агрокружок и т.д.) и одновременно в рабочий процесс (посиделки как мероприятие по повышению квалификации мастерства прядения, обучение кройке и шитью и др.). Особый акцент делался на «разумности» и «пользе» содержания сельского молодёжного досуга.

Однако полевые материалы, обследования сибирских селений показали, что в 1920-е гг. традиционный молодёжный досуг в виде игрищ и вечёрок, а также обычаи выбора брачных партнёров оставались приоритетными. Последние не теряли своей популярности, в том числе и в среде молодых деревенских комсомольцев.

«Красная» свадьба

Формы заключения брака, бытовавшие в исследуемый период («добром», «убёгом» и «кражей»), свидетельствовали о все ещё невысоком уровне вовлеченности сибирячек в решение вопроса о собственной судьбе. Мнением девушки не интересовались ни при выданье замуж «добром», когда инициатива исходила от родителей, ни при «краже» со стороны родственников жениха. При всех описанных формах заключения брака девушка должна была принять свою «долю» как должное. Лишь при форме брака «убёгом» девушка могла рассчитывать на возможность реализации своих душевных влечений, что стало отражением «революции чувств» в сибирской глубинке.

Публицистика и пресса 1920-х гг. описывали старую свадебную обрядность как «позорящую» честь и достоинство женщины. В основу критики были положены вызывавшие у молодёжи негативное отношение отдельные свадебные обряды сибирской деревни (постельный обряд, денежный взнос за невесту и пр.). Проводники «новой жизни» спекулировали на желании молодёжи проявлять самостоятельность. Советская власть при создании «новой обрядности» исходила из понимания, что сложная, многоэтапная свадебная обрядность требовалась крестьянам для легализации брачного союза в глазах семей брачующихся и сельской общественности. Идеологи также видели необходимость существования свадебных обрядов, однако считали возможным сохранить их формы при условии замены содержания на «социалистическое». Даже «красные методисты» признавали, что браки, заключённые по старому обычаю, оказывались более прочными по сравнению с безобрядовыми, зарегистрированными в госорганах.

Авторы методических пособий очень ответственно подходили к разработке новых свадебных сценариев и даже привлекали в качестве консультантов этнографов. Методисты стремились противопоставить богатой обрядами и песенно-танцевальным фольклором сельской свадьбе новую «красную», не менее эффектную. Однако в «новую» свадьбу вкладывали иные смыслы: невеста должна была занимать активную позицию при решении вопроса о браке, настаивать на равных партнёрских отношениях с мужем и т.д. Упор делался на чувственные основы брака, а хозяйственные соображения и стремление породниться с семьей похожего жизненного укла-

да представлялись неким пережитком старого. Разработчики подчёркивали необходимость постепенного, ненасильственного внедрения новых свадебных традиций путём ввода новых обрядов, песен, игр. Совершенно очевидно, что методисты, выполняя заказ власти и разрабатывая новые сценарии для «крестьянской массы», совершено не учитывали этнокультурное разнообразие русского народа. Навязывание единообразного, общего для всей страны свадебного сценария в 1920-е гг. было обречено в Сибири на неудачу, особенно если учесть в целом хорошую сохранность свадебных обычаев в сёлах и отдельных культурных группах.

«Октябрины» вместо крестин

Один из базовых обрядов перехода в семейном цикле – крестины младенца – по задумке советских пропагандистов в 1920-е гг. должны были превратиться в советские «октябрины». Как и большинство праздников, где «старая начинка» заменялась «новым содержанием», октябрины по своей форме сохраняли основные моменты крестильного обряда: «красных восприемников» вместо крёстных родителей, «культурное шефство» – вместо духовного воспитания и пр. Таким образом, наличие в «новой» структуре таких важных составляющих «старого» обряда, как передача ребёнка для «духовного воспитания», наличие «восприемников» и т.д., было сознательно закреплено в новых советских сценариях. Однако теперь роли Бога и духовных восприемников брали на себя советское государство, комсомол, пионерия и даже организация, где работали родители.

Наиболее восприимчивыми к такому типу агитации в сибирских сёлах стали незамужние девушки и молодые женщины, а также солдатки и вдовы. Можно однозначно констатировать, что полевой материал не даёт никаких свидетельств о проявлениях «новой красной обрядности» в сибирских сёлах в 1920-е гг. Поэтому наши представления о «красных праздниках» основываются только на сообщениях корреспондентов в прессе этих лет, что говорит о высокой степени декларативности этого явления.

Как показали этнографические и статистические данные, обряд «октябрин» не прижился в советском семейном календаре. В изучаемое десятилетие при жизни старших поколений, когда ещё не были репрессированы отцы семейств, сельские жители крестили детей в соответствии с христианскими традициями.

В те годы обычаи, предшествовавшие браку, в одних этнографических группах продолжали оставаться патриархальными (старообрядцы, многие сибирские старожилы), в других (южнорусские переселенцы, украинцы, белорусы) – включали новации. «Новая обрядность» 1920-х гг. прижилась в основном в партийно-комсомольской среде (а также среди части батраков и сельских маргиналов), большинство же селян к этим новациям отнеслось осторожно. Даже к 1934–1936 гг. на территории РСФСР большинство новорождённых по-прежнему продолжали крестить, примерно 40% молодых венчались и около 90% умерших отпевали по старинке.

Столь глубокое проникновение государства в интимные сферы жизни своих граждан, целенаправленное формирование «новых» ценностей, жизненных установок и стратегий населения позволяет говорить, пожалуй, о первом в мировой практике социальном эксперименте гендерного конструирования. На наш взгляд, именно женщины, их духовно-нравственный мир, здоровье, жизненные ориентиры подверглись наиболее сильным трансформациям в условиях жёсткой государственной индоктринации. Тем не менее, в 1920-е гг. образ русской сибирской крестьянки еще во многом соответствовал традиционным представления о роли, функциях и месте женщины в жизненном цикле семьи (рода), несмотря на то, что именно в этот период в обществе были запущены многие механизмы по конструированию образа «новой женщины», принесшие свои результаты несколько позднее.

Библиографический список

1. Васеха М.В. Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири). Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2015.
2. Васеха М.В. Проблемы актуализации практик плодоизгнания в условиях демографической модернизации в 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 2. С. 37–41

3. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 27. Л. 75–79.
4. ГАНО. Ф. 19.Оп. 1. Д. 25. Л. 35 об.; Там же. Ф. 20. Оп. 2. Д. 134. Л. 88.
5. Ефимов Г. Итоги перевыборной кампании в сельской кооперации в Сибири // Жизнь Сибири. 1927. № 2.

В.А. Веременко, О.А. Семёнова

Россия, г. Санкт-Петербург,
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина

«СИРОТА ПРИ ЖИВЫХ РОДИТЕЛЯХ» – ДЕТСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Введение

Важной составляющей модернизации российской общества, происходившей во второй половине XIX – начале XX в., являлось кардинальное изменение жизни дворянской семьи. Эволюция осуществлялась по двум основным направлениям. С одной стороны, менялся характер браков. Если в середине XIX в. организаторами новой семьи выступали родители новобрачных, а сама она создавалась как межродовой союз, то в конце столетия все большую роль стал играть личный выбор брачующихся, а супружество предполагалось строить не на принципах хозяйственно-экономической целесообразности или родовой необходимости, а на основе эмоциональной близости и «любви» [3].

С другой стороны, эволюции подвергался статус ребенка в дворянской семье. Занимавшие самое низкое положение в семейной иерархии, загнанные в отдаленные комнаты дворянские дети середины XIX в., усилиями передовой педагогики получили к началу XX века право на выражение собственного «я». Сторонники концепции «свободного воспитания» не только требовали соблюдения интересов детей, но и выдвижения этих интересов – и в семье, и в школе, и в обществе, в целом, – на первый план [2], с целью создания воспитателями «условий для спонтанного саморазвития личности ребенка, не искажающих заложенных в нем потенциальных возможностей» [7, с. 185]. Значительная часть «новых родителей» из дворянско-интеллигентских семей активно поддерживала данные идеи, на практике формируя новую реальность – «детоцентричные семьи» [4].

На первый взгляд эти два посыла, ставящие в основу жизни семьи эмоциональные отношения между ее членами, демократизировавшие ее структуру, ни коем образом не противоречили друг другу. И любовь, связывающая родителей, еще более проявлялась в их совместной заботе о детях, в активном участии в их жизни. Однако это в том случае, если любовь между супругами сохранялась, а если она прошла? Если нет любви, то брак, построенный на ее основе, не мог больше продолжаться. Но как же тогда совместить данный тезис с представлением о главенстве интересов детей? Такая дилемма впервые стала серьезно обсуждаться в российском обществе в конце XIX – начале XX в., символизируя переход к новому типу семейных отношений.

Таким образом, целью данной статьи является анализ эволюции взаимоотношений между родителями и детьми в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. Эволюции, в которой, несмотря на постепенное изменение статуса детей в семье, проблема одиночества ребенка продолжала сохраняться.

Историография данной темы крайне малочисленна – эволюцию дворянского материнства на рубеже XIX – XX в., преимущественно в части заботы о маленьких детях, рассмотрела Н.А. Мицюк [15]. Разнообразные аспекты взаимоотношений родителей и детей дворян исследовала одна из авторов данной статьи [3; 4].

Основным материалом для раскрытия проблемы детского одиночества в дворянских семьях пореформенной России послужили источники личного происхождения, в значи-

* При поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых, проект МД-3743.2018.6.

тельной степени неопубликованные, делопроизводственные документы Комиссии прошений на Высочайшее имя приносимых, а также художественная литература второй половины XIX в. Художественная литература реалистического направления используется неслучайно. Ее ценность как источника заключается в способности отражать ментальность своего времени и конкретной нации, способствовать реконструкции определенных исторических типов поведения, мышления и восприятия.

Дети и родители в традиционной дворянской семье. Нет любви – нет проблемы…

В традиционной дворянской семье России середины XIX в. родительское участие в воспитании детей носило эпизодический характер и предполагало самый общий контроль, а также организацию карьеры юношей и брачной партии девушек.

Дети раннего возраста находились на попечении кормилиц и нянь, как правило – крепостных. Родители редко вмешивались в заведенный ими порядок, ограничиваясь (в лучшем случае) несколькими визитами в детскую в день или опросом прислуги о том, все ли благополучно. Малыши, отправленные, чтобы не мешали, «в дальние комнаты», мало знали и боялись своих родителей, считая их «чужими» [см. напр. 19, л. 78 об.]. В результате эмоциональная привязанность ребенка распространялась не на родителей, а на нянь. Именно они становились самыми дорогими для дворянских детей людьми. В сотнях воспоминаний дворян можно встретить добрые слова, обращенные к своей няне. Такие, например, как у М.С. Николаевой: «… все мы, кроме сестры Елизаветы, обязаны доброй няне тем, что выросли в страхе Божием, в почтении к родителям, все довольно хорошо сложены, без каких-то выдающихся физических недостатков» [16, с. 159]. Расставание с няней, в связи с переходом на попечение к гувернеру (гувернантке) и особенно с поступлением в учебное заведение, становилось для дворянских детей главным переживанием детства. И они пытались, вернувшись домой, забрать к себе самого дорого человека. Сложилась даже определенная традиция давать среди прочего при выходе замуж дворянской девушки в приданное ее няньку, которая становилась для молодой хозяйки главной помощницей и наперсницей в новом доме [20, л. 3].

В возрасте 3–5 лет ребенок переходил на «пользование» гувернантки или гувернера. Различные популярные руководства, вполне адекватно отражая место домашней наставницы в доме, утверждали, что «гувернантка вообще до некоторой степени заменяет детям мать; поэтому она постоянно должна находиться при них, заботясь не только об их образовании, но и об их физическом благосостоянии» [9, с. 94–95]. Взаимные же контакты родителей со своими вышедшими из младенческого возраста детьми, как и раньше, не отличались особой частотой. Как правило, они предполагали несколько «ритуальных» действий. Утром детей приводили к отцу и матери поздороваться. Иногда днем, если в доме не было гостей, и родители были не очень «заняты», вся семья встречалась за столом. Наконец, вечером осуществлялось пожелание «спокойной ночи», а в особо торжественных случаях – общая молитва [см. напр. 17, л. 2–2 об.]. Не случайно в череде ранних детских воспоминаний о периоде середины XIX в., как и о предшествующих десятилетиях, редко появлялся отец, а образ матери «прекрасной, далекой, пахнущей духами», заглянувшей в детскую на минутку, чтобы поцеловать детей перед отъездом на бал, прием или куда-либо еще скорее сопоставим с феей, неземным существом, чем с родным и близким человеком [20, л. 2–3].

Довольно типичную картину «сиротства» детей при родителях в дворянской семье рисует И.С. Тургенев в «Дворянском гнезде»: «Лизе минул десятый год, когда отец ее умер; но он мало занимался ею. Заваленный делами, постоянно озабоченный приращением своего состояния, желчный, резкий, нетерпеливый, он не скупясь давал деньги на учителей, гувернеров, на одежду и прочие нужды детей; но терпеть не мог, как он выражался, нянчиться с писклятами. Марья Дмитриевна [мать], в сущности, не много больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась перед Лаврецким, что одна воспитала детей своих; она одевала ее, как куколку, при гостях гладила ее по головке и называла в глаза умницей и душкой – и только: ленивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на руках гувернантки…» [30, с. 209].

М.Ф. Достоевский тоже не обошел стороной тему «отцов и детей». Углубляясь во внутренний мир и детские воспоминания своего главного героя Аркадия Макаровича в романе «Подросток», он показывает отношение родителей к сыну: «Я был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях… Родив меня, мать была еще молода и хороша, а стало быть, нужна ему [отцу], а крикун ребенок, разумеется, был всему помехою, особенно в путешествиях. Вот почему и случилось, что до двадцатого года я почти не видал моей матери, кроме двух-трех случаев мельком». А воспоминания об отце еще более отражают сложившуюся в обществе систему отношений: «Версилов, отец мой, которого я видел всего только раз в моей жизни, на миг, когда мне было всего десять лет… который до сих пор, родив меня и бросив в люди, не только не знал меня вовсе, но даже в этом никогда не раскаивался (кто знает, может быть, о самом существовании моем имел понятие смутное и неточное, так как оказалось потом, что и деньги не он платил за содержание мое в Москве, а другие)» [8].

Характерно, что, несмотря на то, что и отец, и мать одинаково не занимались своими детьми, считалось, что в случае вдовства мужчины самому ему с детьми не справиться, и он обязательно должен привлечь к их воспитанию какую-либо женщину. Данная проблема могла решаться несколькими способами. Нередким было приглашение главой семьи в свой дом вдовой или незамужней родственницы, которая на правах экономки должна была контролировать гувернанток и нянь. Дворянские мемуары содержат многочисленные красочные описания «тетушек», занимавшихся воспитанием детей «умерших сестер» (родство с которыми на самом деле могло быть очень отдаленным). А так как положение «приживалок» требовало «отработки», то, как правило, они действительно заботились о вверенных их попечению детях, становясь для последних по-настоящему близкими людьми [5, с. 244–245; 32, с. 118–119]. Например, истинной трагедией стал для Миши Данчича уход из семьи в связи с повторным браком отца – дворцового доктора К.М. Данчича – доброй и заботливой «тети», более 15 лет жившей в их доме на правах «экономки» [18].

С другой стороны, детей могли просто отослать из дома с тем, чтобы избавить отца от этой «тягости». Подобная ситуация нередко обыгрывалась в детской святочной литературе: «Петр Савич.., решился писать в Сибирь к родным жены, прося их приехать поскорее в Петербург и взять на попечение Колю [сына]. Себя он признавал не способным воспитывать сына» [21, с. 15–16]. Наконец, повторная женитьба отца очень часто преподносилась как способ решения вопроса о детях от предыдущего брака [18; 20].

В 10–12 лет значительная часть подростков отправлялась в школы. В традиционных семьях предпочтение отдавалось закрытым учебным заведениям, которые, как считалось, гарантировали «будущее» детей, обеспечивая мальчиков необходимыми знаниями для получения «места», а девочек столь нужными для «выгодной партии» «чистотой и невинностью». Такая практика стала отрицательно оцениваться в дворянско-интеллигентской среде только в последние десятилетие XIX в., когда педагоги заговорили о глубоко травмирующих детскую психику последствиях отрыва детей от семьи: «Виноваты родители, родственники и вообще те люди, которые, помещая детей в казенные заведения, рады, что сбыли их с рук, и думают – тот сыт, одет и больше ничего ему не надо; но ведь они в этом убеждены, и даже понять не могут, что подобная жизнь без выезда может довести до озлобления, так, пожалуй, и они не виноваты, так как смотреть на все глубоко не есть качество каждого человека» [12, л. 19].

До этого же периода многие родители особо подчеркивали свою отстраненность от детей. Эта позиция прекрасно показана в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: «Дети? В Петербурге дети не мешали жить отцам. Дети воспитывались в заведениях» [29, с. 684].

Характерно, что и дети, отправленные «в заведения», крайне редко скучали по родителям. В многочисленных мемуарах, написанных как кадетами, так и институтками, обязательно характеризуются условия поступления и жизни в учебном заведении, отношения с администрацией, преподавателями и одноклассниками, находится даже место «гостям» [6; 13; 10]. В воспоминаниях же о доме фигурируют «свобода», няни и тетушки. И ребенок скучал именно по ним, а не по отсутствующим родителям. А когда упоминались переживания, то в контексте, где не находилось места старшим членам семьи: «Оставшись один в корпусе, я не плакал, несмотря на страшную тоску, овладевшую мной; не

плакал только потому, что не в моем характере были слезы» [1, с. 620].

В целом, характеризуя «сиротство» дворянских детей в традиционной семье, их отношение к родителям, стоит опять обратиться к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: «Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много романов, известных всему свету. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском корпусе…

Он в душе своей не уважал матери, и не отдавая себе в том отчета, не любил ее, хотя по понятиям того круга, в котором жил, по воспитанию своему, не мог себе представить других к матери отношений, как в высшей степени покорных и почтительных…» [29, с. 75, 79].

Любовь и ненависть: дети-«сироты» в раздельно живущих семьях – новая реальность конца XIX – начала XX в.

В пореформенной России в дворянской среде начинает формироваться новая, основанная исключительно на романтической привязанности и общности личных интересов семьи, форма брака. Широкое распространение она получила к 1880-е гг., а к началу XX в. такой брак стал единственно одобряемым обществом способом создания новой семьи. Вступив в брак по «любви», молодые люди мечтали о сохранении в нем эмоционально близких взаимоотношений. Высокие требования к поведению партнера в семье, нежелание мириться с его «недостойными поступками» значительно усложняли межличностные отношения супругов. Если любовь ушла и рядом оказался «чужой человек», то образованную по «склонности» семью ожидали тяжелые испытания. В большинстве случаев нереализованные мечты о «личном счастье», ставшем столь значимой частью жизни человека, выплескивались в стремлении создать новую семью, пусть даже не оформленную официально, но строящуюся «на любви» [3].

Для первого пережившего «революцию чувств» поколения русских дворян судьба детей, большей частью продолжавших воспитываться по традиционной схеме с минимальным участием родителей, еще не являлась действительно важным основанием для того, чтобы стать причиной отказа от личного счастья. Так, думая о сыне после ухода от мужа к Вронскому, Анна говорила о страданиях, но «разлука с сыном, которого она любила, и та не мучила ее первое время… Анна редко вспоминала о сыне» [29, с. 444]. Сыну Сереже сказали, что мать умерла, объясняя ему «что она умерла для него, потому что она не хорошая…». А он, не веря в это, «во время гулянья отыскивал ее… Всякая женщина, полная, грациозная, с темными волосами, была его мать. При виде такой женщины в душе его поднималось чувство нежности, такое, что он задыхался и слезы выступали на глаза» [29, с. 499]. Сережа знал, что между родителями произошла ссора, что он останется с отцом, и «старался привыкнуть к этой мысли» [29, с. 683].

В случае распада семьи нередко дети оказывались не нужны обоим родителям. Подобные коллизии довольно часто обыгрывались в литературных произведениях последней четверти XIX в. Так, в романе «Чужие грехи» А.К. Шеллер-Михайлова [31] речь идет о разрушении семьи из-за измены, ненужности «родных» детей ни отцу, ни матери, «детях-сиротах» при живых родителях и воспитании их тетей, которая пытается создать для детей новый мир. Роман начинается с описаний взаимоотношений между родителями – матерью Евгенией Александровной Хрюминой и отцом Владимиром Аркадьевичем Хрюминым. Семейная драма: жена не любит своего мужа, имеет любовника (от которого ждет ребенка) и готова бросить мужа и двоих своих детей (мальчика Евгения и девочку Олю) ради новой жизни с любимым человеком. После ухода из семьи Евгении Александровны дети остались с отцом, который их не любил, потому что «это были дети женщины, “испортившей его жизнь”». Для отца Евгений и Оля были тяжелой обузой, «он никогда не любил их и его не печалила разлука с ними», хотел бы их пристроить, «но не имел таких средств, чтобы отдать их куда-нибудь на полный пансион в хорошую семью. Правда, их можно бы сунуть куда-нибудь за дешевую плату, но “свет”… что скажут в “свете”, если узнают, что он почти бросил своих “законных” детей». Владимира Аркадьевича не волновали дети с их чувствами и переживаниями, его заботил «статус», мнение «общества». Ненависть к жене он перекидывал на детей, считая их «виновниками его нужд и лишений».

Дальше сюжет разворачивается так, что детей отец отдаёт их тетке Олимпиаде Платоновне. И

только здесь, в новом доме, дети получают любовь и заботу, все то, чего они были лишены в родной семье, живя вместе с родителями. Главный герой, мальчик Евгений, через внутренние диалоги и диалог с теткой Олимпиадой характеризует свою жизнь при родителях: «<…> По целым дням отсутствовала его мать, часто он не видал ее и пяти минут в день, иногда она тоном капризной девочки говорила детям, что «они ей надоели», чтобы они ей не мешали, чтобы они шли в детскую, но ему и в голову не приходил вопрос: “любит ли его мать?”. Других отношений матери к детям он не видал и не знал, и потому эти отношения, существовавшие в их семье, он считал естественными. Отец, когда он не был в разъездах по службе за границей, раздражался, кричал, сердился на детей, придирался к ним за каждую мелочь, почти никогда не ласкал их, но это было тоже таким будничным, таким постоянным явлением, что дети почти привыкли…».

Материалы деятельности Комиссии прошений [28], куда поступали для рассмотрения поданные на имя императора просьбы, свидетельствуют, что подобные истории были не художественным преувеличением, а вполне обычной реальностью. Типичным выглядит дело штабс-капитан Петра Гарденина, рассматривавшееся Комиссией прошений в 1899 г. Сюжет этой жизненной драмы на удивление похож на изложенный выше роман. После того как супруги разошлись, их дочь осталась с отцом. Но офицер не имел ни финансовой возможности, ни особого желания заниматься девочкой. Просьбу взять на себя заботы о ребенке высказали престарелые родственницы: пробабушка девочки – супруга генерал-адъютанта В.К. Галл и две бабушки – статс-дама графиня Е.Н. Адельберг и супруга генерал-майора графиня Е.А. Адельберг. При посредничестве чиновников Комиссии отец дал согласие временно передать дочь на попечение ее бабушки, графини Евгении Александровны Адельберг, до достижения девочкой возраста, «когда она могла бы быть помещена в учебное заведение по его выбору». Но поставил условия: «1/ чтобы мать малолетней была совершенно устранена от попечения о духовном и физическом развитии ребенка; 2/ чтобы за ним, Гарденином, было сохранено право свидания с дочерью в месте ее пребывания у бабушки во всякое время, когда только он признает это нужным и возможным; 3/ чтобы ему… было предоставлено право брать дочь к себе на временное пребывание на срок до трех месяцев ежегодно; 4/ чтобы выбор и перемена нянь и гувернанток производилась с его ведома и согласия; 5/ чтобы ежемесячно ему сообщались подробные сведения о ребенке и 6/ чтобы в случае каких-либо уклонений от нормального течения жизни ребенка он … немедленно был поставлен о сем в известность…» [24, л. 3, 4, 17–17 об.]. Вот так при обоих живых родителях «сиротка» Ирина оказалась в доме бабушек…

Таким образом, к концу XIX в. на фоне роста ценности личного счастья в дворянской среде России распространялась практика отдельной жизни супругов, при которой интересы детей практически не учитывались, а родители значительно больше были обеспокоены своими проблемами, чем душевными переживаниями и травмами своих чад.

«Все ради ребенка» – споры о детях в дворянских семьях России конца XIX – начала XX в.

По мере того как в российских дворянско-интеллигентских семьях под воздействием комплекса экономических и социальных причин менялся взгляд на родительство, все чаще к делу воспитания собственных детей привлекались матери, активно участвовавшие в уходе за маленькими и в обучении старших [4; 15]. В наиболее же передовых семействах и отцы стремились уделить время своим детям, играя с ними, проверяя домашние задания, ведя серьезные разговоры… Не желая расставаться с детьми, боясь за их психологическое здоровье, многие родители предпочитали обучение подростков в открытых учебных заведениях. Все чаще интересы детей становились приоритетными при решении вопросов о месте жительства семьи, режиме питания и меню стола, характере летнего отдыха. Росла взаимная привязанность представителей старших и младших поколений [4].

В этой ситуации вопрос о том, стоит ли сохранять видимость семьи ради спокойствия детей оказывался для многих дворян-супругов значительно более важным, чем соблюдение общественных приличий или карьерные проблемы. «Мы [В.В. Розанов] получили и получаем много частных писем относительно развода, – писем, иногда рассказывающих длинные

семейные истории и которые то исполнены мольбы о разводе, то страха перед разводом… Нам пишет муж, который десять лет живет в несчастном браке, но не считает возможным его расторгнуть, потому что есть дочь, которую равно любит его жена и он» [22]. Тем более что к началу XX в. даже развод офицера по прелюбодеянию, с признанием его виновной стороной и обсуждением в судебном заседании Духовной консистории «самого акта», уже мало отражался на его продвижении по службе (См., напр., дело М.Д. Бонч-Бруевича [14; 25]).

Во многих дневниках, написанных на рубеже XIX–XX в. и принадлежащих перу дворян-супругов (особенно женщин), стоявших на пороге разрыва, именно дети и их интересы выступали главным сдерживающим фактором для принятия окончательного решения. Так, заботливая мать и известная художница Екатерина Кавос, сама вскормившая и истово ухаживавшая за своими детьми, уже приняв решение о раздельном жительстве с мужем Евгением, с которым она на тот момент прожила 15 лет, в конце концов все же передумала. И остановило ее не мнение окружающих – в ее среде разъезды были повсеместным явлением, и не материальные проблемы – как портретистка она имела широкую клиентуру и заказы давали вполне устойчивый доход. Но дети … Даже дневнику она не доверила свои сокровенные чувства, лишь описав страх о возможном влиянии своих помыслов на детей: «Я сделалась дурная и сделала столько дурного, греховного, преступного, что не могла бы рассказать никому, никому и себе бы не могла записать этого в дневник. Знаю, что я должна жить для детей и должна быть сильна и добра нравственно. Но считаю себя недостойной, недостойной жить в нравственном отношении и мое прикосновение к ним иногда больно изменит мое сердце. Затем с этой внутренней болью руки опускаются и меньше сил – чтобы заниматься ими» [11].

Но были в дворянской среде и такие «передовые» родители, которые хотя и сами воспитывали детей, сами заботились о них, все же не хотели отказываться ради них от своего личного счастья. С другой стороны, уйти и забыть о своих детях они тоже были не в состоянии. В этой ситуации в конце XIX в. формируется новая линия семейных конфликтов – споры о детях. Покидающие друг друга родители стремились урегулировать не только материальные аспекты содержания детей, но и пытались договориться о правилах их личных взаимоотношений [3].

Нередко договориться миром не получалось, тогда разноживущие дворяне-супруги обращались за посредничеством в Комиссию прошений. Подчас и чиновники данного ведомства не могли убедить родителей дать детям возможность поддерживать отношения и с отцом, и с матерью. Например, Л.С. и М.В. Барановские не придумали ничего другого как поделить детей – сын уехал с отцом, а дочери остались с матерью [23].

Ярким отражением новых отношений в дворянских семьях может служить «семейное дело Князей Прозоровских-Голицыных», разбиравшееся в Комиссии прошений в 1896–1901 гг. Главной причиной раздора и разрыва отношений супругов стала сильнейшая любовь обоих родителей к дочери, обернувшаяся ревностью друг к другу. Отец – Александр Александрович – постоянно баловал маленькую дочь, «разрешал ей все, чего бы она не пожелала», мать – Мария Петровна – пыталась приучить ее к порядку. В результате «всякое, даже разумное замечание, сделанное матерью девочке, вызывало всегда со стороны князя неудовольствие, которое он и высказывал в крайне резкой форме». Исследовавшие обстоятельства дела чины Комиссии констотировали, что «… супруги Прозоровские-Голицыны вопросу об установлении раздельной жизни придают лишь второстепенное значение и главным образом стремятся к ограничению родительских прав друг друга, имея в виду прежде всего пользу ребенка… Таким образом, все дело сводится к решению вопроса о том, кто из супругов должен быть признан наиболее желательным воспитателем ребенка». Вместе с тем чиновники были вынуждены признать, что наиболее отвечающим интересам ребенка было бы «*устранение* малолетней Княжны Марии *из сферы непосредственного совместного влияния на нее обоих враждующих родителей* [курсив наш – В.В., О.С.] и помещение ее, для воспитания и образования, в закрытое учебно-воспитательное заведение, … с предоставлением при том обоим родителям одинаковых прав на свидание с ней». Но так как девочке на момент начала разбирательства было всего 5 лет, то до достижения ею подросткового возраста она должна была по очереди жить то с матерью, то с отцом, то в имении, то в Царском Селе, то заграницей

(характерно, что определяя свое место жительство, родители должны были учитывать интересы ребенка, а не наоборот). Надзор же за княжной был поручен одной воспитательнице, которая выполняла распоряжения не родителей, а специального опекунского совета, составленного из родственников обоих супругов [26, л. 123–124, 181, 222–223; 27, л. 34–61].

Заключение

В течение XIX столетия главной «болезнью» дворянской семьи являлось психологическое состояние детей – одиночество, при котором росли «сироты при живых родителях». Многие поколения отношения между родителями и детьми носили формально-традиционный характер, в который не входило личностное участие, а уж если между родителями произошел конфликт на почве измены, то дети были не нужны вовсе.

До последних десятилетий XIX в. проблема обособленности детей в дворянских семьях вообще не стояла, ее просто не замечали. Это был привычный образ жизни. Поэтому существует не так много воспоминаний, которые раскрывали бы эту тему. Но зато семейные отношения описывались в произведениях русской классической литературы конца XIX в., где раскрывалась трагедия отношений родителей и детей, которые мало знали друг друга, а следовательно, и не могли полюбить…

Только в самом конце XIX столетия дворяне-родители начинают узнавать своих детей, а вместе с этим возникают страх расставания и стремление удержать их при себе. Для части родителей, прежде всего матерей, именно опасность разрыва с детьми, а не мнение общества, семейно-родовые интересы или даже материальные факторы становятся главным препятствием к уходу из семьи. Другой же стороной этого процесса становится широкое распространение споров о детях, в которых разъехавшиеся супруги стремились урегулировать многочисленные проблемы – от места постоянного пребывания ребенка, условий встреч с ним жившего отдельно родителя, до организации быта и содержания детей. Правда, далеко не всегда в ходе таких обсуждений за основу брались интересы ребенка, очень часто родители, прежде всего, заботились о достижении *собственного* материального и душевного комфорта.

По мере увеличения числа разноживущих семей увеличивалось количество детей, живших отдельно от одного, а то и от обоих родителей. Но если во второй половине XIX в. «сироты при живых родителях» не знали о том ущербном положении, в котором они пребывают, не предполагали, что возможно жить по другому, то в начале XX в. «новые дети» хотели от своих близких, прежде всего, эмоциональной близости, хотели и даже требовали любви и заботы. В результате такое сиротство воспринималось значительно болезненнее, чем ранее, особенно если рядом жили полные, дружные семьи. Одиночество детей при живых родителях впервые было осознано как социальная проблема в дворянской среде в России в начале XX в., что символизировало переход к новой форме семейной организации.

Библиографический список

1. Бооль В.Г. Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. Т. 117. № 3. С. 615–630.
2. Веременко В.А. Выращивание революционера: концепция «свободного воспитания» в элитных школах России конца XIX – начала XX века // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 165–171.
3. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб., 2009.
4. Веременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2015.
5. Веременко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. (21). С. 241–273.
6. Веременко В.А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8 (61). С. 33–36.
7. Ганина С.А. Концепция свободного воспитания: опыт социально-философской рефлексии феномена детства // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №1. С. 183–186.
8. Достоевский М.Ф. Подросток. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/fedor-dostoevskiy/podrostok/ (дата обращения 17.04.2018).
9. Жизнь в свете, дома и при дворе. Репринт. М., 1990.

10. Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001.
11. ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 445 – Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 16.
12. ИРЛИ РАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 121.
13. Кадеты, гардемарины, юнкера. Мемуары воспитанников военных училищ XIX века. История воспитания. [Электронный ресурс]. URL: https://coollib.com/b/248625/read (дата обращения 04.04.2018).
14. Каминский В.В., Веременко В.А. М.Д.Бонч-Бруевич – один из основателей Красной армии: страницы биографии // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 57–69.
15. Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск, 2015. 383 с.
16. Николева М.С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский Архив. 1893. № 10. С. 129–196.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 326. Д. 15.
18. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313–324.
19. ОР РНБ. Ф. 601 – Половцевы. Д. 1195.
20. ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1196.
21. Рождественские рассказы для детей с рисунками. Вып. второй. Два брата. СПб., 1871.
22. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sem_vop1.html#otkry (дата обращения 15.04.2018).
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15.
24. РГИА. Ф. 1412. Оп. 212. Д. 47.
25. РГИА. Ф. 1412. Оп. 213. Д. 87.
26. РГИА. Ф. 1412. Оп. 226. Д. 140.
27. РГИА. Ф. 1412. Оп. 226. Д. 142.
28. Семёнов А.М. История формирования Комиссии прошений в России // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 20-21 апр. 2016 г. / Под. общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб., 2016. Т. 1. С. 91–95.
29. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Роман в 8 ч. М., 1985.
30. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. М., 1983.
31. Шеллер-Михайлов А. Чужие грехи. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1880. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib. ru/s/shellermihajlow_a_k/text_1880_chuzhie_grehi_ oldorfo.shtml (дата обращения 05.05.2017).
32. «…Я вышла замуж за любимого…» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874-31.01.1967) / Коммент. и вступит. статья В.В. Каминский, В.А. Веременко // История повседневности. 2017. № 1. С. 109–151.

Е.В. Годовова
Россия, г. Оренбург, Оренбургский филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

С исследованием повседневной жизни казачьей семьи сопряжено изучение женского мира войскового сословия. Под женской повседневностью А.В. Белова понимает способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализированного женского опыта (как отрефлексированного, так и ментального, вербального и телесного, эмоционального, культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сакрального и др.) [2, с. 91].

Женская часть казачьего населения в численном составе преобладала над мужской. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., казачек было на 10% больше, чем казаков. В отличие от представительниц других сословий, казачки обладали большой хозяйственной активностью и экономической независимостью, поскольку мужчины проводили большую часть жизни вдалеке от дома, неся военную службу. Личные наблюдения М. Харузина свидетельствуют, что положение женщины-казачки было не только не тягостно, но и более свободно, чем, например, положение великорусских крестьянок [15, с. 169]. Интересное описание кубанских казачек дал Ф.А. Щер-

бина: «Казачка той поры представляла своего рода идеал человека, не падавшего духом перед самыми жестокими ударами казацкого рока. С вечною тревогою в сердце за жизнь мужа, детей, братьев, служивших на линии, эта казачка творила, собственно, экономический быт, вела хозяйство, покоила стариков, руководила подростками, воспитывала детей и вообще заботилась об устроении того уютного уголка, который рисовался радужными и светлыми красками в мыслях казака среди военных бурь и треволнений. Прошлое молчит о том, чего ей все это стоило, каким количеством вздохов сопровождала она каждый свой шаг, сколько слез пролито ею при жизненных неудачах и затруднениях, какую бездну горечи и гнетущих мыслей вынесла ее многострадальная грудь. Казачка работала не покладая рук, брала в руки косу или серп, пахала и сеяла, «орудовала» топором, недосыпала ночей, имея при этом помощников в лице подростков и малолетних детей, которые хотя и не особенно много давали, но зато оживляли работы матери, придавали ей бодрости и одушевления. И когда жестокая война навеки разлучила ею с мужем, казачка опять-таки не падала духом и билась из сил, пока не становились на ноги ее дети, будущие казаки и будущий предмет тревоги материнского сердца» [7, с. 92–93]. Эту характеристику можно экстраполировать и на представительниц других казачьих войск.

Тяжело жилось в станицах: свободное население было занято службой, а все заботы о хозяйстве возлагались на стариков и в большей степени на женщин [10, с. 6]. Они собирали урожай, пекли хлеб, делали заготовки на зиму, обшивали всю семью, растили детей, ткали, вязали, могли и болезни лечить, и хату подправить. Женской обязанностью было обеспечение семьи водой для приготовления еды, купания детей, стирки одежды, для того чтобы напоить скотину. Это считалось женским делом, поэтому если кто из мужей хотел облегчить труд жены, он носил воду ночью, чтобы станичники не увидели [20, с. 103].

Казачка была не только неутомимой труженицей, но и организатором. Номинально руководил большим семейным коллективом дед, но далеко не все казаки доживали до седин. Дед мог быть уже и недееспособным, инвалидом, тогда работу по хозяйству организовывали бабки, матери, жены казаков. Распределяли домашних, кому чем заниматься; в случае необходимости нанимали работников и руководили ими. Если не хватало средств от собственного хозяйства, сами нанимались на сельскохозяйственные работы. Например, терские казачки работали на прополке кукурузы в ингушских селах, убирали хлеб в отдаленных степных станицах, где он созревал раньше, а затем возвращались домой, чтобы убрать свой урожай; трудились на виноградниках. Рассказывая о задонских казачках станиц Черкасского округа в «Донских областных ведомостях», Шкрылов отмечал, что во время нахождения мужа на службе все мужские работы и обязанности по хозяйству выполняли оставшиеся дома жены. Большинство казачек сами пахали землю, сеяли хлеб, косили сено, рыбачили, причем умели устанавливать рыболовные сети и ремонтировать земледельческие орудия. За этот труд и хорошее поведение мужья благодарили жен в своих письмах, а по возвращении со службы привозили им подарки: индийские шали, платки, платья, ленты, серьги и пр. [6]. Многие казачки никогда не покидали своих станиц, поэтому с большим интересом слушали рассказы казаков о службе казачьих полков, о жизни в других станицах и крупных городах, о государе и царской семье (при этом вздыхали и крестились) [8, с. 47].

В казачке весьма высоко ценилось умение содержать дом и хозяйство в исправности, поэтому общественное мнение в казачьих станицах сурово осуждало казачку, «уронившую хозяйство». Считалось, что этим самым она роняла свое человеческое достоинство в глазах всей станицы [5, с. 429]. Казачки умели и торговать, чтобы часть продукции обратить в деньги и приобрести необходимое. Конечно, подобной инициативы и самостоятельности русские крестьянки не знали, т.к. у них всегда был рядом муж. Л.Н. Толстой дал такую характеристику гребенской казачке: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения большее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту. Удаление ее от общественной жизни и привычка к мужской тяжелой работе дают ей тем большие вес и силу… Казак, который при посторонних считает непри-

личным ласково или праздно поговорить со своею бабой, невольно чувствует ее превосходство, оставаясь с ней с глазу на глаз» [18, с. 18–19].

При всей свободе и независимом поведении казачки ее социально-правовой статус был ниже, чем у казака. Так, казачки не участвовали в станичном управлении, на кругу правом решающего голоса обладали только лица войскового сословия – мужчины. Женщины выступали здесь лишь в роли просительниц [19, с. 456].

Тяжелым могло быть и положение казачки в семье. Так, бесправной была женщина в семье старообрядцев-гребенцов. На ней лежало все хозяйство и весь дом, при этом никаких прав она не имела. Это нашло отражение в популярном выражении: «Она всюду: и в поле, и в доме, и на стогу, и на арбе» [17, с. 374]. Однако, по свидетельству современников, в пореформенный период мнение о «горькой участи казачки» является преувеличенным. Тяжелым положение казачки бывало в большой семье или если жена казака была из крестьянок, если брак был неравным и т.п. В остальном же она пользовалась относительно достаточной свободой [15, с. 169–171]. Казак всегда любил показать свою власть: офицер на рядовом, а рядовой хотя бы на своей жене. Желая наглядно продемонстрировать свою власть, казак в день свадьбы по обычаю клал три удара плетью на спину своей молодой супруги [16, с. 110]. Избиение жен, издевательства над ними со стороны мужа и его родителей в пореформенный период еще имели место, но являлись девиантными формами поведения.

Характеризуя казачек, следует отметить, что жизнь на пограничных территориях способствовала формированию у них милитарных качеств, поэтому при необходимости они становились настоящими амазонками, способными защитить станицу от воинственных соседей. Казачки умели ездить верхом, стрелять и рубить.

Для казачества как военно-служилого сословия характерно было женское вдовство. Согласно статистическим сведениям за 1906 г., по Уральскому, Терскому, Забайкальскому и Сибирскому казачьим войскам вдовы составляли 2,3% от всего населения [12].

Уходя воевать, казак осознавал, что может погибнуть, поэтому думал о судьбе своих близких. К примеру, молодой казачий офицер, радуясь своему отбытию на Первую мировую войну, размышляет в своем дневнике о близких, которые остаются дома: «Отец уже уехал. Я уезжаю. Брат бредит добровольцами. Матери тяжело… Жена… Ну, что же! Буду жив, буду и счастлив! В сущности, нам, военным, не стоит жениться. А если уж и жениться, то только на женщине, обеспеченной своим трудом. Да и верно, чем жить жене молодого убитого офицера? Убьют меня, я знаю, что жена не пропадет. У ней свое дело; она молода; авось будет и счастлива потом. Не я ведь один на белом свете! Это меня не заботит» [14, с. 13].

После смерти мужа казачка могла остаться жить в семье покойного мужа, вернуться в семью родителей или выделиться и вести хозяйство самостоятельно. Если свекор соглашался на выдел вдовы, то он не только возвращал невестке ее приданое, но и давал крупный рогатый скот, другое семейное имущество, иногда строил или покупал хату. Когда невестка оставалась в доме покойного мужа, она могла жить дальше безбрачно или выйти повторно замуж. Иногда вдова выходила замуж за младшего брата покойного мужа. Это объяснялось тем, что семья хотела сохранить ее детей при себе [19, с. 457]. Некоторые казачки после смерти мужей, не желая больше выходить замуж, уходили в монастырь, где до конца своей жизни молились за душу погибшего в бою мужа [8, с. 46].

Когда вдова становилась хозяйкой большой семьи, к ней переходили все функциональные обязанности главы семейства: организация трудовой деятельности, регулирование взаимоотношений между членами семьи, принятие решений о передаче семейных сбережений и ценностей в наследство, представительство на станичных сходах. Статус вдовы-хозяйки малой семьи, т.е. без взрослых сыновей, давал ей право рассчитывать на помощь со стороны станичников (преимущественно родственников и соседей) [11, с. 109].

Согласно российскому законодательству вдовы казаков, находившихся на государственной службе, получали определенное обеспечение. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) содержится большое количество дел о назначении пенсий казачкам, чьи мужья погибли или пострадали в период революционных событий 1905–1907 гг. Так, Евфимия Андреевна Иванова (хутор Ильменский Кабылянской станицы II Донского округа) писала, что ее муж, Александр Калистратович Иванов, находясь на действительной службе, где он состоял разведчиком, во время вооруженного восстания в городе Ростове-на-Дону 14 декабря

1905 г., когда сопровождал в больницу тело убитого городового, был ранен мятежниками в оба бедра и от этих ран после ампутации ног 30 января 1906 г. скончался [13, л. 1].

Евфимия Андреевна писала министру военных дел: «Из правил о пенсиях и пособиях лицам, пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и семействам сих лиц, высочайше утверждённых 18 марта 1909 г., видно, что назначение пенсий и пособий сказанным лицам и их семействам возложено на Ваше Высокопревосходительство по соглашению с господином министром финансов, что по сим § 3 пункт а и § 5 приведены правила. Я и дети мои (две дочки 1903 и 1905 годов рождения – Е.Г.) как семейство убитого *возстанцами* казака Александра Иванова имеем основание рассчитывать на получение пенсии со дня смерти нашего кормильца, нашего мужа и отца, а потому я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и ходатайствовать перед Вами о назначении мне и детям моим пенсии» [13, л. 1 об.].

Из послужного списка казака Иванова видно, что земледелие было единственным промыслом семьи. Естественно, что потерявшая кормильца семья – вдова и малолетние дети – не могли надлежащим образом вести хозяйство, отчего оно пришло в запустение. В связи с этим женщина просила назначить не только пенсию, но и единовременное пособие, чтобы «обзавестись сельскохозяйственным инвентарем, дабы поддерживать расстроенное хозяйство» [13, л. 1 об.].

Размер пенсии исчислялся исходя из размера содержания, равнявшегося для нижних чинов 140 руб. Поскольку нижние чины являлись категорией лиц, не состоящих в штатных должностях, Министерство финансов сокращало эту сумму, и пенсия определялась для тех, кто прослужил не более 15 лет, в 2/3 полного оклада, а вдовам – в 1/6. В связи с гибелью казака в результате политического преступления Евфимии Ивановой была назначена пенсия в размере 70 руб., по 46 руб. 66 коп. каждому ребенку, а также выплачено единовременное пособие в размере 77 руб. 76 коп. [13, л. 47–48 об.].

Таким образом, благополучие казачьей семьи во многом зависело от женщины. Как писали современники, если «жива, здорова мать семейства – все будут довольны. В доме она рычаг, проявления силы которого видны повсюду: и в поле, и дома, и на огороде» [4, с. 224]. В случае смерти матери семья оказывалась в тяжелом положении, другим членам семьи трудно было ее заменить.

Модернизационные процессы пореформенного периода способствовали росту самостоятельности казачек. Изменить социальный статус было возможно, получив образование и став учительницей. Например, на Кубани обучение учительских кадров впервые началось в 1871 г. в учительской семинарии станицы Ладожской. За пять лет из этого учебного заведения выпустилось 39 учительниц. 14 сентября 1884 г. в Екатеринодаре состоялось открытие первой в городе женской гимназии, ее почетной попечительницей стала супруга наказного атамана Кубанской области Е.И. Малама, а в 1908 г. в Кавказском учебном округе насчитывалось уже 35 женских гимназий. С 1902 г. в Мариинском женском институте Екатеринодара стали готовить «опытных учительниц народных школ, служащих делу просвещения на Кубани». Особое внимание уделялось религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию слушательниц [19, с. 459].

Об интересе казачек к происходящим в России политическим процессам начала XX в. свидетельствует заметка, опубликованная в «Вестнике казачьих войск»: «Даже дамы, наши милые станичницы, те самые дамы, которые во всякое другое время готовы обкормить вас всевозможными произведениями своего кулинарного искусства, опоить всевозможными наливками и настойками из своего домашнего погреба, эти самые дамы теперь – увы! способны вас истерзать, отравить вам жизнь разговорами о войне (Русско-японская война – Е.Г.). Мало того, эти милые хозяйки и набожные матери семейств, исправно посещающие все службы церковные, свято блюдущие все посты, говеющие по средам и пятницам, – эти богомолки теперь превратились вдруг в отчаянных картежниц, настолько отчаянных, что позволили себе картежную игру в Великий пост. Они играли, чтобы оказать помощь раненым, облагая себя и своих партнеров по игре взносами с выигрыша в пользу Красного Креста. Таким же образом дамы собирали деньги и на усиление военного флота России» [9].

Осенью 1912 г. в Екатеринодаре возникло совершенно новое явление – был организован женский клуб. Возглавила его Юлия Яковлевна Маглиновская (1888–1964 гг.). Выпускница Екатеринодарской женской гимназии, она

счастливо вышла замуж за офицера казачьего сословия, преподавала в школе и искала пути для самореализации. Через местные газеты Юлия Яковлевна обратилась к горожанкам с идеей открыть женский клуб. В апреле 1912-го провели учредительное собрание, а полгода спустя (4 ноября) открыли женский клуб, который объединил около 150 представительниц слабого пола. Дамы писали и читали рефераты, посвященные творчеству Некрасова, Тургенева, Жорж Санд, Бернарда Шоу. При клубе была организована швейная мастерская, открыты детский сад, детская библиотека, секция гимнастики на открытом воздухе. Заработали курсы стенографии, которыми руководила первая на Кубани стенографистка Юлия Маглиновская. Мужчины, еще недавно хохотавшие над женской затеей, притихли, а потом и вовсе стали активными участниками клубных мероприятий, не скупясь при этом в пожертвованиях на добрые дела. Вскоре стараниями Юлии Яковлевны клуб переехал в особняк, расположенный на пересечении современных улиц Гоголя и Янковского. Здесь, на втором этаже, проходили собрания и концерты – перед членами клуба выступали известная исполнительница романсов Надежда Плевицкая и поэт Николай Клюев. А 3 февраля 1913 г. Маглиновская выступила с предложением отметить женский день 23 февраля, по новому стилю – 8 марта [1].

Об активизации общественной деятельности казачек свидетельствует их участие в благотворительности. В 1896 г. вдова урядника Е. Щербинина безвозмездно передала свой участок в 962 квадратные сажени в Екатеринодаре под постройку храма. Интересен пример инициативной и практичной жительницы Екатеринодара М. Фендриковой. В трудные для страны и Кубанской области 1914–1916 гг. она организовала в станице Динской посадку фруктового сада, где были редкие сорта яблок, груш, слив. После установления советской власти Марфа Никитична передала свой сад народу [19, с. 459].

Отличившиеся казачки получали награды от государства. Анализ списков казаков второго отдела Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи, позволил определить, что в числе награжденных казаков было 35 казачек: казачьи вдовы, учительницы, коневоды и пожарные старосты.

По мнению Т.Ю. Власкиной, на активизацию женской казачьей независимости оказала огромное влияние Первая мировая война. Надолго отняв у казачек мужчин, она создала условия для формирования их финансовой независимости: жены стали получать пособия в денежном эквиваленте. Снохи вышли из-под контроля стариков, стали самостоятельно решать, что и когда требуется для них и детей, а также выражать свое мнение по поводу ведения хозяйства. Фронтовиков очень пугала эта женская активность; находясь на войне, они опасались супружеских измен, а главное – боялись потерять контроль над женами [3, с. 127–129].

Итак, сложившееся в казачьем сообществе положение женщины отличалось от положения иных женщин в русской армии – солдатских жен, полковых дам, сестер милосердия и т.п. – прежде всего тем, что казачки становились исключением в своем семейно-социальном окружении. В результате в казачьей среде сформировалась особая женская субкультура [3, с. 101]. Постоянный труд и заботы, легшие на плечи казачек, способствовали формированию сильного характера, развивали здравый смысл, решительность и стойкость. За внешней застенчивостью зачастую скрывался сильный и неукротимый нрав, сознание хранительницы семейного очага и хозяйки дома. По сравнению с крестьянками женщины-казачки имели большую свободу и большие права. Это объясняется тем, что во время войн, да и в мирное время женщины, дети и старики составляли основную рабочую силу. В отсутствие мужа казачка заботилась о благополучии семьи, занималась хозяйством, поддерживала дом. На женские плечи ложилась и забота о детях. Если отец в большей степени осуществлял нравственно-религиозное воспитание, то мать следила за тем, чтобы дети были здоровы, обуты, одеты, накормлены. Но несмотря на феминизацию повседневной станичной жизни, патриархально ориентированное общество продолжало декларировать мужские приоритеты.

Библиографический список

1. Артюхина В.И. Жизнь, и слезы, и любовь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кубанского казачьего войска. URL: http://www.slavakubani.ru.

2. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. № 4. 2006. С. 85–97.
3. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. Ростов н/Д., 2011.
4. Востриков П.А. Станица Наурская Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 33. Отдел 2. Тифлис, 1904. С. 102–309.
5. Гарунова Н.Н. Специфика повседневной жизни женского населения Северо-Восточного Кавказа в период «Кавказской войны» // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: В 2-х т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 1.
6. Донские областные ведомости. 1876. № 44.
7. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896 / Сост. Есаул I Кубанского полка В. Толстов / Под ред. Потто. В 2-х частях. Тифлис, 1901. Часть 1.
8. Казачий быт. Литературный сборник. Париж, 1925.
9. Корреспонденция с Хопра // Областное обозрение и Вестник казачьих войск. 1904. № 17.
10. Мемуары и воспоминания генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб., 1908.
11. Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв. Махачкала, 2015.
12. Посчитано нами по: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.330. Оп.61. Д.764. ЛЛ.2, 4, 10, 12; Ф.330. Оп.61. Д.680. ЛЛ. 2, 6 об., 31, 31 об., 32; Ф.330. Оп.61. Д.280. ЛЛ.2 об., 4 об., 23, 23 об.; Ф.330. Оп.61.Д.598. ЛЛ. 5 об., 7 об., 28.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1284. Оп.73. Д.298.
14. Саянский Л.В. Три месяца в бою: дневник казачьего офицера. М., ФОРУМ, 2014.
15. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. Вып. 1. М., 1885.
16. Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске// Кубанский сборник. Екатеринодар, 1897. Т. 4.
17. Статистическая монография по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881.
18. Толстой Л.Н. Казаки. М., 1989.
19. Тончу Е.А. Мир кубанской женщины // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: В 2-х томах /отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 2.
20. Шмыкова В.Т. // Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов / Сост. И.А. Филиппова, Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск, 2010. С. 103–104.

А.Н. Горячева

Россия, г. Москва, Государственный академический университет гуманитарных наук

МОСКВА 1919 ГОДА В НЕИЗДАННОМ ДНЕВНИКЕ Н.Д. АНДРОСОВОЙ*

Женские дневники и воспоминания представляют большой интерес как для социальной истории повседневности, так и для гендерных исследований. При их изучении можно составить картину жизни женщин, узнать, как они относились к тем или иным событиям и явлениям и как эти события и явления влияли на их жизнь.

Наталья Даниловна Андросова – коренная москвичка, которая жила в самом центре города. В отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИГИМ) хранятся ее дневники, которые она вела с 1919 г. по 1932 г. Свои дневники она вела очень подробно, не упоминая о том, какое именно у нее образование (очевидно, что она его имела), кем были ее родители, какое положение она занимала до 1917 г. Можно с уверенностью сказать, что она не замужем и безработная. В письме, приложенном к дневникам, присутствует обращение «высокоблагородие» [1, л. 37], из чего следует, что ее отец имел чин 6–8 класса. Известен ее адрес до революции: Москва, улица Большая Пресня (сейчас Красная Пресня), Волков переулок, д. 10, кв. 2, а в 1919 г. она снимала комнату на Моховой.

* Статья подготовлена в рамках гранта КИАС РФФИ № 19-09-00191.

Нельзя сказать, что Н.Д. Андросова положительно относится к большевикам и к тем изменениям, которые они привнесли. Напрямую она не высказывается негативно, но по ее записям можно сделать вывод, что она относилась к большевиками без симпатии. Примечательно то, что в ее дневниках все без исключения даты (вплоть до ее последней записи от 15 декабря 1932 г.) написаны сначала по-старому, затем по-новому стилю через запятую. Как и многие ее знакомые, праздники, в том числе и Новый год, она встречала по старому стилю. Кроме того, несмотря на реформу русской орфографии 1918 г., она пишет в старой орфографии. Она верующая, отмечает церковные праздники и посещает церковь вместе с братом Борисом и матерью.

Наталья Даниловна читает газеты, в первую очередь газету «Известия» и следит за военными действиями: «Позавчера купила карту Европейской России, к сожалению, небольшую и не подробную, т.к. только такая и оказалась (нашу большую карту Европейской России мы подарили француженке при реквизиции нашей квартиры) – теперь будем наблюдать по ней за военными операциями в России, хотя она не совсем удобна для этого» [1, л. 2]. В то время все следили за событиями, потому что от этого зависела жизнь людей: вернётся ли привычный уклад с его традициями и устоями или придётся привыкать к чужому, новому. 29 июня она пишет по поводу празднований в Париже, устроенных в честь подписания мира с Германией: «Могу себе представить, что делается теперь в Париже! Кое-что о торжественных приготовлениях мелькает в здешних газетах, но, к сожалению, эти коротенькие заметки прерываются на самых интересных местах. <…> Счастливы те, которые участвуют в этих торжествах. Я им искренне завидую. <…> Какое интересное время мы переживаем, и как жаль, что даже почитать об этом не можем: газеты об этом не пишут, мы живём, как в лесу, или, лучше, как в заключении, и в то время, как кругом важнейшие события совершаются одно за другим, и шум от них несётся во все уголки мира, до нас доходят только слабые отголоски, заглушённые тысячью препятствий» [1, л. 10].

Досуг составляли чтение книг и гадания, которые в то время были распространены: «Кто-то пустил слух, что я гадаю, и вот то тот, то другой просят погадать» [1, л. 65]. Также она упоминает женщину, которая гадала на псалтири и пишет о посещении в театре сомнамбулического сеанса Дюкло: «Дюкло вышел в состоянии сомнамбулического транса и поместился на стуле на авансцене. В это время другой, совсем молодой человек спустился в зрительный зал, в публику; идя в проходах, он получал от желающих узнать что-нибудь записочки с вопросами или же спрашивали устно о своей судьбе, мыслях в данную минуту и т.д. – сидящий на стуле этих вопросов слышать, безусловно, не мог, а также и записочек (которые ему не подавались), будучи отделён от зрителей значительным расстоянием: он должен был угадать эти вопросы и мысли на расстоянии, а также дать ответы на них – в этом заключался сеанс. Моментально все были весьма заинтересованы, и молодой человек, обходивший публику, оказался окружён желающими» [1, л. 17]. Вышесказанное наглядно иллюстрирует желание людей найти ответы и утешение в сверхъестественном в период сложных событий, которые переживает страна, как это было во время Отечественной войны и в девяностые года двадцатого века.

В то тяжёлое время Наталье Даниловне приходилось продавать свои вещи, чтобы купить предметы первой необходимости и не умереть с голоду: «Портниха продала мои ботинки за 2500 руб. На эти деньги надо приобрести калоши и лечить зуб. <…> Сегодня узнала окончательно цены на обувь, когда ходила на Сухаревку (чтобы купить калоши, которые стоят 1100 руб., это слишком дорого, я не купила, рассчитав свои финансы) – зато узнала, что за ботинки я взяла слишком дёшево, но что же делать, теперь уже не вернёшь; однако это меня расстроило – я свободно могла взять за них 3000 руб.» [1, л. 32]. 15 июня она пишет о том, что пыталась устроиться в качестве сестры милосердия в лечебницу доктора Бакунина, но не вышло, т.к. оно было уже занято. Она с сожалением отмечает: «Да в сущности, чтобы делали наши без меня, теперь такая невозможная жизнь: мама слаба, Борис служит, спрашивается, кто же должен исполнять все домашние работы, если я поступлю на место?» [1, л. 8]. Это была проблема многих женщин того времени, в особенности тех, кто был отягощён заботами о детях. К безработице прибавлялось безденежье, постоянный рост цен, ухудшение качества продуктов. Ниже приведена таблица с ценами на продукты первой необходимости, составленная на основе записей Андросовой Н.Д. (1 фунт = 454 грамма).

	14 июня	12 июля	1 ноября	24 декабря
Фунт чёрного хлеба	50 руб.	60, 65 руб.	100 руб.	180 руб.
Десяток яиц	140 руб.	170 руб.	–	–
Мясо (фунт)	–	90 руб.	–	320 руб.
Сахар (фунт)	–	280 руб.	–	1200 руб.
Молоко (1 кружка)	–	19 руб.	57 руб.	150 руб.
Картофель (фунт)	–	–	30 руб.	60 руб.
Пшено (фунт)	–	–	–	220 руб.
Гречневая крупа (фунт)	–	–	–	300 руб.
Сливочное масло (фунт)	–	260 руб.	650 руб.	1700 руб.

Постоянная проблема где взять денег волновала всех: «Боже мой! Куда не повернись, все воют: нет провизии, нет дров – прямо жуть берёт. Цены на продукты выросли необычайно. <…> У Анны Павловны (матери портнихи Марии Александровны) плачутся, как будут жить. У мадам тоже плохо, да ещё дети; здоровье ее неважно, мне ее от души жаль. Что-то будет, что-то будет с нами!?» [1, л. 49]. Ко всему этому добавлялись проблемы с отоплением и подачей электроэнергии; 23 ноября она пишет: «Всюду так неприветливо, холодно, голодно, – у нас в комнате тоже холодно, едва 7 градусов, а то и 6, а у людей и вовсе 2 градуса или ноль; иногда я прямо замерзаю. Всюду кажется будто грязно, и на тебе будто целые пуды грязи. С трудом встаёшь, с трудом ложишься, а холод так и пронизывает» [1, л. 57]. В декабре прекратилась подача воды: «Другие сутки сидим без воды: водопровод замёрз, перед этим его чинили, а отогреть не заботятся, одним словом, одни делают, другие разделывают. Целый день бегала за водой, при этом сливать ее некуда – посуды нет, и вот канитель страшная» [1, л. 64]. Также она описывает Москву ночью: «Впотьмах ходить неприятно: Москва не освещается. Впрочем, сегодня идти ещё ничего; пользуешься случайным светом проезжающих автомобилей, редких фонарей и слабым освещением окон домов, но в иных местах совершенная темнота» [1, л. 69].

В 1919 г. отмечалась большая смертность от болезней. В дневнике попадаются записи о смертях и болезнях знакомых: «Боже мой, какая теперь масса смертности! Куда не повернись, то там умер, то здесь, а болезни чуть ли не на каждом шагу, – прямо жуть берёт, сыпной тиф свирепствует во всю, чума, говорят, тоже начинает распространяться, это ужасно! Невольно вспоминаются слова одной «особы» о царстве чумы, – Господи! Неужели у нас начнутся бедствия, о которых пишут в Библии? Страшно делается! <…> От болезней можно спасаться чистотой, но какая тут чистота, когда мыла нет, а если есть, то оно стоит больше двухсот рублей 1 фунт, предметов санитарии тоже весьма мало… теперь заболеть не дай Бог!..» [1, л. 57].

В рамках трудового фронта шла принудительная мобилизация на уборку улиц; за уклонение было предусмотрено серьёзное наказание: «Утром гадала – вышла какая-то большая неприятность; пошла на Пресню, так и есть, там придрались, почему не вышла снег чистить, а я не знала. Говорят, могут оштрафовать на несколько тысяч или посадить на несколько месяцев – вот жизнь! <…> Боже, как счастлив тот, кто не живёт в этом омуте!» [1, л. 67]. Обыденными стали обыски: «Во многих больших домах были обыски и ходили проверять личные документы» [1, л. 18]. Наталья Даниловна замечает: «Я теперь свой паспорт везде таскаю за собой на всякий случай, говорят, что документы должны постоянно находится при своей особе» [1, л. 20]. Она пишет о кражах: у ее бывших соседей (в доме на Пресне) на 500 тысяч рублей и у соседей на Моховой: «мне так стало неприятно, что делается теперь?» [1, л. 67].

Отдельно следует отметить взаимоотношения с окружающими. В тексте много упоминаний близких знакомых. Они общаются, делятся новостями, эмоциями и помогают друг другу: «Заходила к портнихе, чтобы наведаться и взять молоко, которое она покупает для меня два раза в неделю – на базарах теперь продают отвратительное, а через портниху я

получаю довольно хорошее – для мамы молоко необходимо» [1, л. 21].

Она описывает также и негативное отношение к себе: «Это противное создание – “кухарчонка управляющаго” Гарбелей, не дает мне проходу и ругается, как ломовой извозчик, я ее совершенно не трогаю и не понимаю, что ей от меня надо. Она мне напоминает бактерию, а ее курносый нос положительно несносен – выкопали это сокровище из богадельни и вот она теперь начинает орудовать во всю» [1, л. 3].

С грустью пишет она о тех, кого нет рядом: «Когда я увижусь со знакомыми, которых растеряла после октябрьско-ноябрьского переворота 17-го года?» [1, л. 28]. К этому добавляется тревога о родных; вестей от них мало, писем не бывает несколько месяцев.

В конце сентября Наталья Александровна потеряла мать; в это время в дневнике записей нет. Через несколько недель Андросова возобновляет ведение дневника и замечает: «Теперь, после смерти мамы, мне неприятно возвращаться домой: пока обойдется и я чем-нибудь займусь по хозяйству – прямо беда – жутко както и скучно-тоскливо» [1, л. 41].

Вот какой была Москва 1919 г. глазами ее жительницы. Она заканчивает год записью: «Завтра Новый год, что-то он нам принесет хорошего. <…> Календарей нет нигде, я нигде не видела их, вот беда!» [1. Л. 70]. Несмотря на то, что событийная сторона была трудной, стоит отметить, что ведение дневника облегчало жизнь, позволяло вернуться в прошлое и переосмыслить его. Данное свойство касается как мужских, так и женских дневников. В женских дневниках внимание акцентированно больше на быте и на передаче эмоций, тогда как дневники мужчин отражают более широкий взгляд на глобальные события. Однако именно из-за этой особенности женские дневники представляют бóльший интерес для этнологов, культурологов и для всех, тех кто изучает историю повседневности.

Библиографический список

1. ОПИГИМ. Ф. 92. Ед. хр. 2. Дневник Андросовой Н.Д.

А.И. Громова

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

НОВЫЕ ВИДЫ ЖЕНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЕ*

Первая мировая война перекроила не только политическую карту мира, но и систему социальных отношений внутри государств, в нее вовлеченных. Смешивались гендерные роли, стирались границы, разрушались прежние стереотипы поведения. Под влиянием общественных трансформаций менялся и облик городов. Новым символом эпохи, порожденным реалиями военного времени, стал «белый профиль в белой косынке». Сестра милосердия в белоснежном переднике с крестом на груди была неотъемлемой частью городского пространства. И на фронте, и в тылу ее считали олицетворением мужества, чистоты, самопожертвования и аскетизма. «Девушка в белой косынке» – одновременно и возродившийся романтический идеал довоенной эпохи, и монахиня; в книгах, газетах, журналах ее принято было изображать хрупкой, мягкой, сострадающей – примером христианского служения ближнему. Современная женская пресса ликовала: на смену «тангистке», огненной, в сладострастных изгибах, трепещущей вызовом и истомой, вновь пришла, вернулась тургеневская девушка [5, с. 19]. Однако вместо красных роз, приколотых к корсажу, – прежнего символа красоты и женственности – сестра милосердия носила на груди крест – «красный символ крови и любви», порождавший мысли не о розовом букете в томной тени аллей, а об окровавленном хирургическом скальпеле в военном госпитале

* Выполнено в рамках проекта РФФИ 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации».

Однако если «армия» сестер милосердия, овеянных неким «ореолом пленительного обаяния», вызывала у окружающих исключительно почет и уважение к их героической деятельности, то к появлению на городских улицах женщин в солдатских шинелях относились неоднозначно и даже порой негативно. Женщина-солдат, женщина-авиатор, женщина-военный шофер была абсолютно новым явлением для городского обывателя, – явлением, которое в корне не соответствовало прежним понятиям и представлениям.

Газеты и журналы военного времени пестрели рассказами о женщинах-добровольцах всех сословий: крестьянках, казачках, княгинях, которые «неудержимо стремились на войну», бросали свой дом, родных и тайно уезжали на фронт, где совершали различные героические подвиги (храбро сражались на передовых позициях, попадали в плен, были приставлены к высшим наградам за доблесть). Редкий выпуск журнала того периода обходился без заметок о женщинах-добровольцах: о М.Р. Коковцевой, совершавшей лихие набеги в составе драгунского полка, о М.Н. Исаковой, воевавшей в казачьей разведочной команде, о киевской гимназистке А.П. Тычиной, о княгине Шаховской – военном летчике, о женщине-авиаторе и военным шофере А.П. Самсоновой, о спортсменке Кудашевой, «явившейся на театр военных действий в качестве разведчика», и др. Столичная и провинциальная пресса не скупилась на яркие краски при описании подвигов новых амазонок: вчерашние курсистки, провинциальные барышни, выпускницы школ рукоделия мчались в атаку в первых рядах, стойко переносили голод и холод наравне с простыми солдатами, получали тяжелые ранения, но сразу после госпиталя, едва оправившись, устремлялись туда, где льется кровь, на новые подвиги. Появился даже журнал «Женщина и война», специализировавшийся на соответствующей тематике. Истории о женщинах-солдатах напоминали канонические христианские сюжеты: современные орлеанские девы, совсем юные девушки распродавали имущество, остригали волосы, переодевались в мужскую одежду и устремлялись на фронт [2, 3].

Несмотря на то, что пресса военного времени всячески превозносила подвиги женщин-добровольцев, доказывая, что «женщины также могут воевать, как мужчины», вид девушки с остриженными по-солдатски волосами, в сапогах, шинели и с винтовкой в руках зачастую не вызывал социального одобрения, в особенности у мужчин. Считалось, что это противоречит всем понятиям о женском поле: девушка, которая берет в руки оружие, потеряла женский облик и не заслуживает уважения, искажает в женах, сестрах и матерях подобие Божие [5, с. 19].

Война открыла женщинам доступ к таким должностям и видам деятельности, которые ранее они не могли занимать из-за целого ряда препятствий в виде различных циркуляров и ограничений. Однако далеко не все женщины шли работать из чувства гражданского долга или потому, что видели в этом свое призвание или органическую потребность. Основная причина была в потере кормильца и недостатке казенного пайка. В этой ситуации на женские плечи ложилась забота о пропитании семьи [1, с. 3]. Женщина должна была занять место мужа, брата, отца, которые не вернулись с фронта или же вернулись инвалидами, изувеченным, беспомощными и уже не могли выполнять прежнюю работу. «Перед вами, женщины, тернистый путь, на котором огрубеют ваши нежные руки, покроются трудовыми мозолями ваши ладони, обветрятся ваши лица, но и закалится ваша воля и окрепнет ваша телесная мощь» [9, с. 5] – такое будущее рисовал журнал «Женщина и война». Женщины осваивали все новые и новые мужские профессии: на улицах города появились женщины на автомобилях и мотоциклах, женщины-кондуктора, женщины-дворники, женщины-швейцары, женщины-стрелочницы и сигналистки, женщины-курьеры и даже женщины-ломовые извозчики. Телеграфные и почтовые ведомства, банки, конторы и управления повышали долю женского труда в своих учреждениях. Благодаря специальному циркуляру московского градоначальника они получили возможность заниматься извозным промыслом, не подавая особого прошения и без выполнения процедур, которые ранее препятствовали этому [6]. Нехватка мужских рук побуждала также прибегнуть к помощи женщин в областях, ранее считавшихся чисто мужскими. Еще до войны Всероссийский земский союз в Москве организовал автомобильные курсы, куда сначала принимали студентов-техников; после объявления мобилизации учредители курсов решили заменить их женщинами [8, с. 10]. Кроме этого, в Москве, Петрограде и ряде других городов им открылся доступ на железнодорожные курсы без существовавших ранее ограничений,

препятствовавших женщинам заниматься этим видом деятельности. Окончившим курсы обещали предоставить работу во всех областях железнодорожного дела [4]. Также «архаичные» циркуляры были отменены и министерством путей сообщения: на телеграфную службу железных дорог теперь могли поступить все женщины, вне зависимости от того, «состоят ли они в замужестве с железнодорожными служащими или лицами других ведомств» [7]. При этом пресса всячески подчеркивала: чтобы преуспеть на новом поприще, женщина должна иметь «крепкие руки и стальную душу». Однако «новые завоевания в области женского труда» имели весьма временный и неустойчивый характер. Женские штаты по-прежнему были введены далеко не везде. Деятельность некоторых ведомств по приему женщин на должности, ранее для них недоступные, носила исключительно благотворительный характер. Например, на службу городского трамвая принимались только жены тех, кто ушел на войну – женщины даже давали подписку в том, что они занимают эти должности временно и готовы оставить их по первому требованию [6].

Библиографический список

1. Готвальт В. Перед сдачей позиций? // Журнал для хозяек. 1915. № 22. С. 3.
2. Самсонова Е.П. Женщина-авиатор и военный шофер // Женщина и война. 1915. № 1. С. 5.
3. Женщины-герои на войне // Война. 1915. № 24. С. 3–14;
4. Женщины на железнодорожных курсах // Дамский мир. 1916. № 12. С. 33.
5. Каллаш-Гаррис М. Два пути // Женская жизнь. 1915. № 10. С. 19–20.
6. М. Женский труд и война // Женщина и война. 1915. № 1. С. 12–15.
7. Телеграфная служба и женщина // Дамский мир. 1916. № 12. С. 33.
8. Чайковский Вс. Женщина на пути к самостоятельности. Женщины-шоферы // Журнал для женщин. 1917. № 2. С. 10–11.
9. Яковлева А.К. Война и женщины // Женщина и война.1915. № 1. С. 4–5.

В.В. Долгов

Россия, г. Ижевск. Институт истории и социологии Удмуртского государственного университета

ДЕТСТВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIII ВВ.: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Детство является традиционным и одним из наиболее важных предметов социально-антропологического изучения культур прошлого и настоящего. Оно представляет собой одну из центральных проблем современной антропологии, проблему, решение которой лежит в сфере междисциплинарных исследований [2]. Одной из первых разработку проблемы особенностей детства на примере культур Океании предприняла М. Мид. Основой ее работы стало понимание зависимости этапов развития ребенка и методов социализации от культурной среды [17, с. 88–93]. Ее исследования дали толчок изучению специфики детства у других народов. Анализу исследований американских антропологов в данной сфере посвящена работы А.А. Белика [2], автор которой выделяет основополагающие работы М. Херсковица, Б. и Дж. Уайтинг и др. Анализу исследований зарубежных авторов посвящены работы И.С. Кона [14, 15]. В рамках проблемы изучения детства выделяются «подпроблемы» культурных стереотипов построения отношений между родителями и детьми, обучения в формировании человека, эмоциональной сферы, социализации, игры и труда и пр. Указанный спектр проблем изучался и исследователями восточнославянской этнографии (Т.А. Бернштам). Проблемы материнства и детства на материале отечественной истории X–XIX вв. рассматриваются в ряде работ Н.Л. Пушкарёвой [22, 23]. Интересная подборка и анализ воспоминаний русских авторов XVI–XVIII вв. о своих детских годах содержится в учебном пособии по педагогической антропологии и истории детства О.Е. Кошелевой [16].

Понятно, что тысячелетний рубеж, отделяющий современного исследователя от древнерусской эпохи, не дает с той же степенью полноты проникнуть в психологию детства раннего Средневековья, как и при рассмотрении современных традиционных культур. Тем не менее, важность проблем детства для понимания общего уклада

общественной жизни предопределяет необходимость сбора и анализа имеющихся не очень многочисленных данных.

Рождение ребенка в доиндустриальную эпоху повсеместно рассматривалось как безусловное благо и божественная милость. Русь не была исключением. В то же время отсутствие возможности контролировать рождаемость, частый голод и недостаток материальных средств делали рождение ребенка тяжелым испытанием для семьи простых общинников. Особенно тогда, когда детей становилось особенно много. Недаром и в более поздние времена чрезвычайная многодетность считалась бедствием наряду с бесплодием и полагалась наказанием за грехи [3, с. 110]. Большая часть родившихся детей погибала в младенчестве. И все же, по мнению Райнхарда Зидера, идея Эдварда Шортера о том, что европейские матери в эпоху, предшествующую современности, равнодушно относились к детям и мало о них заботились, слишком поверхностна. Высокая детская смертность и несоблюдение элементарных, с точки зрения современного человека, гигиенических и воспитательных норм в обращении с малышом совсем не означали отсутствия чувства привязанности и родительской любви. «Они только по-другому воспринимались и выражались не интроспективно эмпатией и словом, а символами и ритуальными действиями <…>, чем следовало бы объяснить то, что даже мёртворожденных детей отпевали в церкви и хоронили с надлежащими погребальными церемониями и звоном колоколов, идя на значительные затраты» [10, с. 40–41]. В целом безусловно прав В.П. Даркевич, отметивший, что «частые смерти детей притупляли боль утрат, что не исключало тяжелых душевных переживаний» [5, с. 650]. Родители делали для детей все, что в общем русле мировоззрения эпохи считали необходимым, действенным и возможным. Другое дело, что часто предпринятые меры лежали в плоскости магических, а не практических действий, но таковы были общественные приоритеты. Кроме того, как было отмечено Н.Л. Пушкарёвой, «тенденции “небрежения” детей, особенно девочек, в допетровской Руси постоянно (с X в.) противостояли представления о “благочестивом родительстве”, выработанные православной концепцией и, судя по требникам и покаянным сборникам, составлявшие суть проповеди. И хотя о действенности дидактического слова того времени у нас данных нет, тем не менее по церковным текстам можно судить о самом существовании в то время представлений о допустимом и предосудительном с точки зрения идеалов христианской нравственности» [23, с. 308–309]. Поэтому описывать древнерусскую модель отношения родителей к детям как исключительно деспотическую, не дающую возможности развиться чувствам родительской любви и привязанности, было бы совершенно ошибочно.

Конечно, следует признать, что на взгляд современного врача-педиатра многое в воспитании детей в средневековом обществе было вопиющим нарушением санитарных и педагогических норм, но даже Ллойд Демоз, американский исследователь эволюции детства, нарисовавший чрезвычайно яркую и поистине ужасающую картину истории детских страданий, должен был признать, что этой совершенно неправильно ориентированной заботы часто было достаточно, чтобы вырастить ребенка [6, с. 29]. Следует отметить, что детство как культурный феномен обычно соответствует характеру эпохи, и практика регулярных телесных наказаний и запугивания детей, возможно, выполняла функцию подготовки ко взрослой жизни, жестокой и трудной. Возможно также, что «средневековые жестокости», изумляющие современного человека, были в свое время «меньшим злом», которым предотвращалось зло большее, сокрытое от современного наблюдателя. Например, строгие и жестокие подчас меры по ограничению детской подвижности, возможно действительно отрицательно влиявшие на психику, позволяли сохранить жизнь ребенку в условиях, когда родители вынуждены были отлучаться для работы в поле или в мастерской и не могли обеспечить постоянный присмотр [27, с. 90; 7, с. 366]. Демоз приводит случаи злоупотребление этими несомненно жестокими приемами (няня до состояния окаменения пугает ребенка, а сама отправляется развлекаться), но не учитывает условий их обычного функционирования. В конечном итоге, если бы воспитание в традиционном обществе носило столь губительный характер, как это показано в книге Демоза, человечество бы не увеличило многократно свою численность, а постепенно вымерло. Если, рассуждая об общем уровне жестокости, сравнить древнее и современное общества, то и здесь выводы могут оказаться совсем неоднозначными. Неизбежная жесто-

кость сохраняется, меняются только ее формы. Постиндустриальное общество, конечно, требует от родителей скрупулезной заботы о младенце, но терпимо относится к контрацепции и абортам, что лишает возможности появиться на свет такому количеству малышей, которое не идет ни в какое сравнение со всеми замученными детьми Средневековья. С позиции средневекового человека это могло бы показаться жестокостью никак не меньшей, чем тугое пеленание и наказание розгами, производившееся «на благо» подрастающему поколению.

Родившийся младенец должен был быть крещен как можно скорее. Русское Средневековье не отличалось в этом отношении от Западного. Иначе, даже будучи совершенно невинным, ребенок лишался возможности посмертного благоденствия. Крещение только что появившихся на свет младенцев не вполне соответствовало святоотеческим установлениям, но оттягивать момент крещения было опасно, особенно в том случае, если младенец был явно болен. В канонических ответах митрополит Иоанн II рекомендует крестить младенца даже в случае его явной нежизнеспособности (невозможность «ссати матери прияти») [12, с. 1]. В дальнейшем церковь стремилась включить нового человечка в ритм христианской жизни, заботясь, однако о том, чтобы младенец не скончался от чрезмерного усердия родителей, которые могут уморить его непосильным постом [24, с. 419–420].

Крещеному младенцу давали христианское имя во славу какого-либо святого. Иногда вместе с именем человек получал и прозвище своего небесного покровителя. Дочь князя Ростислава Рюриковича нарекли при рождении именем Евросинья и «прозванием Изморагдъ, еже наречеться дорогый камень» [21, стб. 708] в честь преподобной Ефросиньи Измарагд, жившей в V в. н.э. в Александрии [1, с. 388]. Упоминание в летописи заставляет думать, что «Изморагдъ» (Изумруд) стало одним из употребляемых в обращении имен русской княжны, а может быть даже ласковым семейным прозвищем [23, с. 311].

Христианское имя не было единственным именем человека. В домонгольской Руси в большем ходу были не крестильные, а языческие имена, которыми ребенка называли в семье. Об этом писал Феодосий Печерский. Вопреки ожиданию, святой игумен был совсем не против существования у человека помимо христианского еще и мирского имении, в чем он видел одно из достоинств русского православия в сравнении с католицизмом [18, с. 488–450]. Христианское имя часто не было главным. В летописях и официальных документах князья в большинстве случаев фигурируют под славянскими именами. Вряд ли можно говорить о существовании специальных аристократических имен, хотя предпочтения, существовавшие в роду Рюриковичей, ясны всякому читателю русских летописей. Наиболее распространенные княжеские имена: Владимир, Святослав, Ярослав, Игорь, Олег, Изяслав, в XII–XIII вв. распространенными становятся имена Мстислав и Ростислав. Представители княжеского рода, имевшего обширные династические связи со странами Скандинавии, иногда имели помимо славянского и христианского еще и варяжское имя – у Мстислава Великого – Харальд, у Всеволода Ярославича, возможно, – Хольти [25, с. 142, 146].

Имя для князя выбиралось по преимуществу из тех, что уже использовались в роду. Такое имя призвано было определить династическое положение нового князя и наметить ожидаемые политические перспективы [29, с. 28]. Среди бояр и простых общинников встречаются те же имена, хотя часто они имеют уменьшительную или просторечную форму. Впрочем, какое-то представление об именах, достойных князя, видимо, все же было, поскольку даже у бояр мы часто видим имена, никогда не используемые в княжеском роду, например, известный Ян Вышатич – ни Янов, ни Вышат среди князей нет (впрочем, возможно, Вышата – форма от Вышеслава). Летопись сохранила много весьма колоритных имен бояр, тысяцких и посадников: Воибор Негочевич, Жирослав Нажирович, Рагуил Добрынич, Мирошка Несдинич и пр. Бояре и князья именовались с отчествами – в этом был знак их высокого достоинства. Традиция величания по отчеству, с «вичием» сохранялась как прерогатива высших социальных групп на Руси в течение нескольких столетий. Фамилий в современном понимании этого слова на Руси не существовало. Люди попроще часто всю жизнь именовались тем именем-прозвищем, которое было усвоено ими, вероятно, еще в детстве. Они в меньшей степени нашли отражение на страницах летописей, но зато в изобилии встречаются в берестяных грамотах и рукописных маргиналиях. Некоторые имеют исключительно местное славянское происхождение, в неко-

торых угадывается искаженное христианское имя: Жировит, Стоян, Жизномир, Микула, Нежка, Нежебуд, Завид, Братята, Мстята (вероятно, уменьшительное от Мстислава), Гавша, Братонежко, Нажир, Доброшка, Семьюн, Гостята и пр. Встречаются среди имен и такие, которые звучат довольно странно для уха современного человека: Упырь Лихой – новгородский писец, оставивший пометки на полях переписанной им для князя Владимира Ярославича книги; Душило, или Душилец (имя встречается в летописях и берестяных грамотах). Это последнее имя происходит, можно думать, не от глагола «душить», а от существительного «душа».

Бросается в глаза разница принципиальной логики подбора имен в аристократической (княжеской) среде и в простонародье. Если имена князей обычно имеют в своем составе части «влад/волод», «слав», «свят», несущие значения, связанные с военно-дружинными, властными и жреческими общественными функциями, то в именах простых людей наиболее распространены «жир», «неже», «добро». Сочетание «жи-» является древним корнем, от которого происходят слова, связанные с понятиями, наиболее актуальными именно в жизни земледельца, купца и ремесленника, для которых главными ценностями являются не слава, власть и воинские подвиги, а материальное благополучие: жила (жизнь), жило (жилье), жиро (пастбище), жиръ (пища), жито (хлеб) и пр. [13, с. 75–76]. С положительными понятиями в повседневной жизни простого человека были связаны и «неже-» и «добро». Давая позитивно заряженные имена, родители хотели привлечь к своему чаду желанную судьбу: маленькому князю – славу и власть над миром, маленькому земледельцу – изобилие, сытость и благополучие.

В контексте христианского мировоззрения рождение человека повторяло на «человеческом» уровне божественный акт сотворения первого человека Адама. Очевидно, именно поэтому богомильский апокриф «Сказание, како сотвори Богъ Адама» был популярным чтением в средневековом обществе. События, сопровождавшие появление первого человека, должны были много объяснить в самой человеческой природе. Наречению имени уделяется много внимания. Процедура эта предстает судьбоносным моментом в жизни. Для придумывания имени сотворенному из 8 частей первочеловеку Господь призывает четырех ангелов и говорит им: «Ищите имени ему». Ангелы разошлись на четыре стороны. «Аггел Михаилъ иде на всток и виде ту звезду, ей же имя Анафола, и взят оттуду Азъ». Ушедший на юг Гавриил увидел звезду Адор и взял от нее букву «добро». Уриил пошел на север и от звезды Машимъ взял «мыслете», Рафаил на западе от звезды Брион взял «еръ». Так и вышло – «Адамъ». «Рече Господь всемогий: «Тако взывается имя его»».

Имеется в апокрифе о сотворении Адама и своеобразное «расписание» циклов человеческой жизни. Дана следующая система: до десяти лет – ребенок («исполнится рожение»), двадцать лет – юноша, тридцать лет – зрелость («свершение»), сорок лет – средовечие, пятьдесят лет – седина, шестьдесят лет – старость и семьдесят – смерть («скончание») [26, с. 96]. Таким образом, вся жизнь человека распадалась на семь частей, по числу дней, проведенных Адамом в Раю. Система эта имела несколько вариантов, с разным «шагом» (иногда периоды выделялись не по десять, а по семь лет, тогда, «ступеней жизни» становилось больше), но так или иначе книжный характер ее очевиден. Книжное происхождение, однако, не означает, что указанное возрастное деление не имело никакой связи с реальной жизнью. Во-первых, потому что произведения, в которых, возможно, оно содержалось, были весьма популярны в народе и читались не только интеллектуальной элитой, но и простой публикой, во-вторых, терминология, используемая в «Сказании» и подобных ему произведениях, – вся местная славянская, взятая, надо думать, из повседневного языка.

Есть в древнерусской литературе и другие варианты возрастной шкалы. В «Слове о полку Игореве» говорится о курянах – «под трубами повиты, под шеломы възлелеяны, конец копия въскормлени» [28, с. 254]. Фраза эта имеет множество параллелей в славянском фольклоре. Ф.Я. Прийма сравнивает «Слово» с болгарскими и сербскими песнями, в которых процесс «естественного» воспитания также распадается на три составляющих: 1) обстоятельства рождения и повивания; 2) способ кормления; 3) способ убаюкивания [19, с. 61].

В княжеской среде 2–3 летний возраст был отмечен обычаем пострига. О княжеских постригах неоднократно упоминается в летописи [8, с. 181–182]. Сообщением об этом обряде открывается, например, летописная статья 1194 года: «Быша постригы оу благоверного и

холюбивого князя Всеволода, сына Георгиева, сыну его Ярославу месяца априля въ 27 день, на память святого Семеона сродника Господня, при блаженном епископе Иоанне, и бысть радость велика в граде Володимери» [20, стб. 411]. Важность проводимого мероприятия подчеркивает стереотипная фраза о «радости» в городе, где проходит постриг. По мнению знаменитого этнографа и фольклориста Д.К. Зеленина, обычай пострига бытовал не только у князей, но и во всех социальных слоях: об этом косвенно свидетельствует существование его в XIX в. у орловских крестьян, которые через год после рождения мальчика совершали так называемые «застрижки» [8, с. 182].

Иногда обряд пострига мог совпадать с другим не менее важным обрядом – посажением на коня: «Быша постригы оу великаго князя Всеволода, сына Георгиева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Георгеви в граде Суждали; ***того ж дни и на конь его всади***, и бысь радость велика в граде Суждали» [20, стб. 409] (1192 г.). Можно предположить, что обычай посажения на коня мог быть распространен не только в роду Рюриковичей, но и во всей военно-дружинной среде, поскольку тесная связь, существовавшая между вождем-князем и его боевыми товарищами, скорее всего, распространялась и на бытовой уклад, включавший в себя обычный набор ритуалов взросления будущего воина.

Сугубая важность символики восседания на коне юного князя видна из рассказа о походе княгини Ольги с сыном на древлян в 946 г. Битва начинается с того, что сидящий на коне маленький Святослав «суну» в направлении вражеского войска копьем. Копье, брошенное слабой детской рукой, летит недалеко – пролетев сквозь конские уши, оно падает к ногам. Но даже этот не слишком удачный бросок был истолкован воеводами, которые, очевидно, и были настоящими руководителями битвы, как добрый знак и сигнал к началу сражения: «Князь оуже почалъ, потягнете, дружина, по князе!». При этом интересно, что среди неоднократных упоминаний о княжеских постригах сообщение о «посажении на коня» встречается только один раз. Причина такого положения могла быть в следующем. По предположению Т.А. Бернштам, изначально и постриг, и посажение на коня имели характер военно-возрастной инициации с посвящением отрока «божеству войны» [3, с. 118], то есть восходили к глубокой языческой древности. Затем в сознании монаха-летописца произошла контаминация: обряд пострига (не имеющего отношения ни к крещению, ни к принятию монашества), языческий по сути, но близкий православной обрядности по форме, стал восприниматься как вполне «благопристойный», а для посажения на коня в христианской обрядности места не нашлось, так же слишком явственно выпадала его общая социально-психологическая окраска из общей стилистики православного мировосприятия. Поэтому автор летописи не стремился акцентировать внимание на «посажении», ограничиваясь упоминанием «пострига».

Для девочки важным рубежом был обряд «вскакивания» в поневу. Понева – древний элемент одежды, полотнище ткани, заменяющее юбку. По описаниям этнографов, в XIX в. девушки в деревнях до 15–16 лет ходили в одних рубахах, опоясанных шерстяным поясом. Когда наступала пора наряжаться во взрослую одежду, проводился специальный обряд: девица «становится на лавку и начинает ходить из одного угла на другой. Мать ее, держа в руках открытую поневу, следует за ней подле лавки и приговаривает: «Вскоци, дитетко; вскоци, милое»; а дочь каждый раз на такое приветствие сурово отвечает: «Хоцу – вскоцу, хоцу – не вскоцю». Но как вскочить в поневу значит объявить себя невестою и дать право женихам за себя свататься, то никакая девка не заставляет долго за собой ухаживать, да и никакая девка не дает промаху в прыжке, влекущего за собой отсрочку в сватовстве до следующего года» [4, с. 37–38]. Д.К. Зеленин, рассмотрев все варианты названного обычая, пришел к выводу, что он некогда предназначался для малолетних детей, поскольку испытание запрыгнуть в поневу слишком легко для взрослой девушки. «Обряд совершеннолетия девицы, будучи пережитком глубокой старины, совершался некогда у русских в раннем, отроческом возрасте девушки, когда последней еще нелегко было спрыгнуть с лавки на пол, т.е. спрыгнуть с полутораршинной вышины. Обряд этот сопровождался всегда облачением девушек в одежду взрослых женщин и происходил публично, в присутствии всех родных и соседей» [8, с. 191]. Кроме того, из этнографических материалов, собранных у славянских народов, известны другие варианты обрядов преодоления возрастного рубежа, после которого ребенок женского пола из состояния младенца перехо-

дит в состояние «девочки»: у гуцулов в 5–6 лет устраивают обряд первой стрижки, сопровождая ее пожеланием хороших женихов. С этого же момента девочку впервые обряжают во взрослую одежду. Взросление девочки отмечается также появлением первых украшений: в 10 лет девочке прокалывают уши и вдевают серьги [11, с. 33–34]. Возможно, что все названные обряды могли существовать и в Древней Руси.

Подводя итог, следует отметить, что детство в Древней Руси XI–XIII вв. вполне соответствует средневековой общеевропейской практике. Типологически и стадиально методы социализации на Руси мало чем отличались от тех, что использовались в Западной Европе. Суровая повседневность не исключала привязанности, теплоты и нежности в отношениях между детьми и родителями. Подчас жестокие способы ухода за потомством проистекали не столько из невнимания к потребностям маленького человека, сколько из особенностей бытовой и культурной среды. Родители уделяли воспитанию детей немало времени и сил, хотя часто родительская забота строилась не на рациональных, а на сакрально-магические мерах. Детство было короче и жестче, и этим средневековая эпоха существенно отличается от современной. В то же время продолжение рода было главной и непререкаемой целью жизни подавляющей части населения. Высокая детская смертность снижала интерес к личности ребенка, но это искупалось высокой социальной престижностью материнства и отцовства как такового и стремлением во что бы то ни стало оставить после себя потомство. Возможно, в конечном итоге именно этим отличием обусловлены глобальные сдвиги в демографической динамике, наметившиеся в странах Европы и Северной Америки за несколько последних десятилетий. Постоянный рост численности населения, сопровождавший историю человеческого рода на протяжении тысячелетий, в последнее время резко затормозился. Рождаемость во много раз снизилась и теперь едва покрывает смертность. Можно думать, что изменение отношения к детству – одна из кардинальных причин этого процесса.

Библиографический список

1. 25 сентября. Память преподобной Ефросиньи Измарагда. Из Пролога // БЛДР. XI–XII века. СПб., 2000. Т. 2.
2. Белик А.А. Психологическое направление в этнологии США. От исследований «культура-и-личность» к психологической антропологи // Он же. Культура и личность. Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. М., 2001. С. 33–112.
3. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 110.
4. Глаголев А. Записки русского путешественника с 1823 по 1827 год. СПб., 1837. Ч. 1. С. 37–38. Цит. по: Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913.
5. Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси: XI – XIII вв. // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 640–691.
6. Демоз Л. Эволюция детства //Он же. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 14–111.
7. Житие Александра Невского // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб., 1997. С. 358–369.
8. Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901 – 1913. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
9. Зеленин Д.К. Избранные труды: статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
10. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) / Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой; науч. ред. М.Ю. Брандт. М., 1997.
11. Кабакова Г.И. Девочка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 2. С. 33–34.
12. Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI – XV вв.) СПб., 1906. Т. 6. Ч. 1. С. 1–20.
13. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
14. Кон И.С. Этнография детства: Историографический очерк // Этнография детства. М., 1983. С. 9–51.
15. Кон И.С. Этнография детства: проблемы методологии // Советская этнография. № 5. 1981. С. 3–14.
16. Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.): учебное пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000.
17. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.
18. Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997. С. 434–455.
19. Прийма Ф.Я. «А мои куряни сведоми кмети…» (Опыт комментирования) // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции) М., 1976.
20. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

21. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1997.
22. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6.
23. Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С.311–347.
24. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. // От Корсуня до Калки. М., 1990. С. 255–470.
25. Сага об Олаве Трюггвассоне монаха Ода // Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1993.
26. Сказание, как сотворил Бог Адама // БЛДР. XI – XII века. СПб., 1999. Т. 3. С. 94–99.
27. Слово о погибели Русской земли // БЛДР. XIII век. СПб., 1997. Т. 5.
28. Слово о полку Игореве // БЛДР. XII в. СПб., 1997. Т. 4. С. 254–267.
29. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: историко-филологические очерки. М., 2002.

А.В. Жидченко

Россия, г. Москва, ФГБУ «Российский детско-юношеский центр»

«CREATION OF NEW SPACE»: ОСОБЕННОСТИ ЭТНОГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Период середины – второй половины XX в. в нашей стране признан временем бурного развития урбанистической культуры, которая оказала воздействие на почти все сферы жизни общества, в том числе и на передачу семейных традиций от поколения к поколению. В условиях унификации культурной сферы и менталитета, перехода к массовым стандартам повседневной жизни наиболее остро стал чувствоваться кризис сохранения внутрисемейных ценностей, связей и традиций. В этой ситуации именно силами женщин удавалось сохранить семейную целостность вопреки все более усиливавшейся общественной дистанции разных поколений в рамках одной генеалогической ветви.

В рамках данной работы предлагается выявить особенности применения этногендерного подхода в исследовании повседневной жизни новых городов СССР в середине XX в.

Подобного рода исследования не могут обойтись без междисциплинарности, уже сама постановка проблемы диктует пересечение интересов различных областей знания и находится на стыке самого этногендерного подхода [2], истории повседневности и теории городской культуры [3], а также социальной истории [1, с. 30–34].

Основные источники для изучения повседневности новых городов и городских районов СССР середины XX в. – это законодательные акты, делопроизводственная документация, отраслевая и художественная литература, а также большой объем данных, связанных с источниками личного происхождения (воспоминания, фотографии, письма, дневники и т.д.). Однако классический перечень источниковой базы не отменяет применение новых практик при работе с ними, в том числе и связанных с современными теоретико-методологическими направлениями в зарубежных школах этногендерных исследований.

Проведение подобного междисциплинарного исследования стало возможным благодаря научному руководству доктора исторических наук, профессора, заведующей сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Натальи Львовны Пушкарёвой.

Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук автором данной работы было проведено под руководством доктора исторических наук, известного в России и за рубежом ученого в сфере истории культуры, городской истории и истории интеллигенции, профессора Валентины Георгиевны Рыженко. Именно в годы студенческой и аспирантской научной работы было сформулировано основное проблемное поле научных интересов, связанное с городом и городской повседневностью. Следующим шагом исследовательской работы стало углубление проблемного поля в сфере соединения тематики городской повседневности и этногендерного подхода. На данном этапе началось со-

трудничество и совместная работа с Натальей Львовной Пушкарёвой.

Впервые имя Н.Л. Пушкарёвой большинство студентов исторических факультетов узнают, изучая в рамках семинарских занятий по отечественной истории и истории отечественной культуры быт и нравы российского крестьянства [2]. Так и студенты исторического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского 2011 г. выпуска узнали имя Н.Л. Пушкарёвой на втором курсе обучения. В их числе был и автор данной работы, тогда не предполагавший, что через несколько лет ему представится шанс познакомиться лично с выдающимся ученым современности и одним из основоположников отечественной теории исторических гендерных исследований.

Это знакомство состоялось в 2013 г. в столице Кабардино-Балкарии Нальчике, где прошла VI международная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Именно на этом научном форуме удалось узнать, каковы ценности и сплоченность научной корпорации, объединенной общей идеей, – исследованиями в сфере женской истории.

Следует особо отметить, что благодаря созданной усилиями Натальи Львовны Пушкарёвой системы научных коммуникаций внутри РАИЖИ родилась уникальная творческая и масштабная организация, внутри которой сложились доверительные и дружеские отношения, поддерживаемые официальными и неформальными встречами и мероприятиями.

Следующим шагом совместной работы с Натальей Львовной Пушкарёвой стало участие в исследовательских проектах Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

В ходе многочисленных обсуждений научных проблем на заседаниях сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая с участием Н.Л. Пушкарёвой, а также коллег М.Г. Котовской, Н.В. Шалыгиной, М.В. Васехи, О.И. Курто, А.И. Громовой и др. рождались новые варианты теоретико-методологических и практических аспектов дальнейшей работы, новых видов исторических источников и новых историографических поворотов.

Переходя к основной теме данной статьи, стоит отметить, что в середине XX века в нашей стране начинается бурный рост новых городов, оказавший влияние на демографические процессы. Массовое жилищное строительство определило новые стандарты жизни, в которых каждой семье предоставлялась отдельная квартира. Ее площадь определялась многими факторами, но в их основе лежал размер семьи, как правило, число детей. В отличие от предшествующих десятилетий молодое поколение 1950–1960-х гг. получило возможность самостоятельной жизни, отдельно от старшего поколения. Как правило, в этот период родители оставались представителями деревенской культуры, проживали в собственных домах в сельской местности, а многие их дети становились горожанами. Следующее поколение, то есть родившиеся в этот период и ставшие совершеннолетними в 1970–1980-е гг., также получало возможность переехать в собственные квартиры и выстраивать самостоятельную систему воспитания детей. Наглядно этот процесс смены основ повседневной жизни и культурных традиций у разных поколений в связи с процессом урбанизации показан в кинофильме «Белые росы» («Беларусьфильм», 1983 г.). Однако в этом фильме главенствует не женская, а именно «мужская линия» сохранения семейных традиций и преемственности в качестве основной. При этом наша гипотеза сводится к тому, что именно роль женщины в семьях становилась определяющей в подобных процессах.

Среди многообразия авторских подходов нам ближе всего определение истории повседневности, которое дает Н.Л. Пушкарёва. Она определяет историю повседневности как «новую отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. Это комплексное исследование повторяющегося, нормального и привычного, конструирующего стиль и образ жизни, их компоненты и изменения у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения» [8].

Один из наиболее авторитетных зарубежных теоретиков данного направления – Альф Людтке, который стал широко известен в научном сообществе с конца 1980-х гг. в качестве одного из основателей германской истории повседневности – Altagsgeschichte [4, с. 3]. В середине

1990-х гг. он писал о различных характеристиках этого направления, распределяя их по принципу бинарных оппозиций. Среди них: «жилище и отсутствие дома, одежда и нагота, еда и голод, любовь и ненависть людей, их ссоры и сотрудничество, память, беспокойство, надежда на будущее». Автор отделяет эту историю от истории значительных людей и событий. Он говорит скорее о «безымянных» людях, о множестве их трудных каждодневных испытаний, несчастий, «случайных взрывов». Следуя за принципом бинарных оппозиций, он пишет о важности тяжелого труда и праздничных радостей мужчин и женщин, молодых и старых, «индивидуальной энергии актеров социальной арены» [1, p. 6–8].

Одним из первых факторов сохранения преемственности семейных ценностей усилиями женщин становится процесс рождения детей. По мнению В.Б. Жиромской, за это время произошли «принципиально важные перемены в репродуктивном поведении населения России», которые свидетельствовали о «глобализации тенденций демографического развития современного мира» [4, с. 188].

Связь мама – бабушка становится очень сильной несмотря ни на какие расстояния, для беременной женщины ее родная мать является первым человеком, к которому можно обратиться с вопросом любого характера. Большинство традиций, связанных с рождением детей и уходом за ними, а также воспитанием в первые годы жизни, становилось следствием взаимодействия мамы и дочери. Несмотря на то, что в середине XX века в связи с бурными и быстрыми процессами урбанизации в стране менялась система взглядов и отношений к родам и родильным практикам, семейные традиции в этом деле оставались довольно консервативными, что подтверждается воспоминаниями горожанок этого периода, собранными автором в рамках исследования.

Особенностью формирования городской повседневности в СССР в 1950–1960-е гг. было то, что большую часть молодых людей, приезжавших в города для работы, составляли выходцы из сельской местности. Оказавшись в условиях города, они постепенно меняли нормы и правила своей повседневной жизни, исходя из новых практик. Несмотря на то, что в сельской местности родильные дома создавались и в довоенное, и в послевоенное время, их число было все-таки к началу 1950-х гг. невелико. На IV всероссийском съезде здравотделов в декабре 1922 г. был поднят вопрос о введении уголовной ответственности за незаконное врачевание. С этого времени начался отход от практики домашних родов и был взят курс вначале на колхозные родильные дома, а затем на полное стационарное медицинское родовспоможение [5, с. 5–11]. Однако, несмотря на это, во многих деревнях, особенно небольших по размеру, женщины часто рожали традиционными способами. Как правило, это были роды с привлечением повитухи. Повитуха определяется как женщина, чья роль заключается в том, чтобы, с одной стороны, помочь ребёнку появиться на свет и стать полноправным членом сообщества, а с другой стороны – помочь молодой матери стать полноценной женщиной [5, с. 21].

Второй особенностью применения этногендерного подхода и женской истории при изучении городской повседневной жизни и эволюции семейной биографии в городе является преемственность семейных традиций по так называемой женской линии развития семьи, которая передавалась в рамках ведения домашнего хозяйства. Именно от мамы к дочери переходило воспитание и понимание того, в каком состоянии должен содержаться дом, вкусы и пристрастия, блюда домашней кухни, практики проведения праздников и гостеприимства и многое другое. Это подтверждается материалами семейной биографии, опубликованными воспоминаниями и мемуарами старожилов новых городов и городских районов СССР 1950–1960-х гг.

Стоит отметить, что нередкими бывали и эпизоды сохранения семейных традиций и передачи опыта от свекрови к снохе.

Как отмечают исследователи, семейные межличностные отношения часто полны противоречий, в том числе драматизма, конфликтов, игр гендерных ролей [6, с. 138]. Исключением не становился и период советской истории середины XX века, эту особенность следует учитывать при исследовании этногендерных особенностей городской повседневной жизни в рассматриваемый период.

С другой стороны, с идеологической точки зрения в 1950–1960-е гг. быт и повседневность человека формировали предметы и вещи, к которым также в 1950–1960-е гг. предъявлялись повышенные требования. «Прогрессивное развитие общества, новое мировоззрение, новый

жизненный уклад человека, высокий уровень науки и техники определяли новое эстетическое восприятие действительности» [12]. Изменения в жизненном укладе советского человека были призваны помочь преодолеть тягу к «привычному, обжитому еще со времен дедов и прадедов». В конце 1950-х гг. кресла и шкафы, занимавшие половину комнаты за счет красивых изгибов форм ампира, заменялись компактными креслами-кроватями, шкафами-столами и другими многочисленными типами сборно-разборной комбинированной мебели. Изящная посуда заводов Попова и Гарднера заменялась изделиями современных фарфоровых заводов из фаянса, майолики, стекла.

Предметы быта должны были соответствовать эстетическим потребностям советского человека. Требовалось придать массовой продукции «новый, современный, подлинно советский художественный облик» [12]. В обиходе человека окружала столовая и кухонная посуда, мясорубки и ступы, щетки и веники, корыта и доски для стирки белья, табуреты и кухонные полки. Даже упоминания об этих вещах не могло доставлять удовольствия советской женщины, в отличие от «посудомойки, прибора для варки под давлением, кухонного комбайна, картофелечистки, пылесоса, стиральной машины, холодильника, электросушки, радиоприемника, телевизора…» [12, с. 17–19]. В конце 1950-х гг. перед студентами художественных училищ уже стояла цель разработать современный облик простой, но надежной конструкции вещи, ее оригинальной и удобной для практического использования формы, новых материалов, соответствующего декора [6].

Третьим важным аспектом применения этногендерного подхода и женской истории при изучении городской повседневности и преемственности традиций и ценностей является сохранение семейной социальной памяти. Чаще всего хранителями семейного фотоальбома, семейных реликвий и ценных вещей, передаваемых от поколения к поколению, являются именно женщины. Благодаря им новая семья получает воспоминания – о свадьбе, о рождении ребенка, его первых словах и первых шагах, о трудностях в яслях и школе, о семейных праздниках, удачах и неурядицах, о покупке телевизора или автомобиля как наиболее ярких событиях в жизни советской семьи.

Именно женщины в силу свойств социально-психологического портрета и характера делают акцент на подобных событиях в повседневной жизни, отмечая в истории семьи важные вехи и отсчитывая затем от них другие эпизоды семейной биографии.

Таким образом, роль этногендерных аспектов в городской повседневности, сохранении семейных традиций и преемственности поколений в новых городах СССР во второй половине XX века была велика. Именно в период развития урбанизационных процессов в нашей стране произошла трансформация в повседневной жизни, сознании и поведении людей, которая, несмотря на все изменения, оставила женщину в семье в качестве главного хранителя семейных традиций и семейных ценностей. Преемственность поколений с доминирующей «женской линией» продолжается и в современный период, что подтверждается не только устной оценкой женщин, ставших мамами и бабушками во второй половине XX века, но и социологическими исследованиями настоящего времени [5].

На сегодняшний день, в связи с глобализацией и другими тенденциями развития общества, предлагается больше внимания уделять изучению сохранения исторической памяти в рамках отдельной семьи, а также семейных традиций и ценностей. Для этого необходимо привлечение внимания общественности к данной проблеме, развитие научных исследований и поддержка со стороны средств массовой информации популяризации национальной культуры в части передачи семейного опыта от поколения к поколению.

Библиографический список

1. Lüdtke Alf. The history of everyday life: reconstructing historical experiences and ways of life. Princeton University Press, 1995.
2. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.
3. Кобозева З.М. Мещанство и паспорт: как женщины мещанского сословия преодолевали и использовали паспортную зависимость // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 132–139.
4. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др. Под общей ред. С.В. Журавлева. М., 2010.
5. Мартынова И.А. Родиться по собственному желанию. Летопись повивального дела. СПб, 2011.
6. Мямлин И. У молодых мастеров прикладного искусства // Культура и жизнь. 1958. № 7.

7. Плюсин Ю.М., Гордиенко А.А. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России: социально-психологический аспект (мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1952–1995 гг.). Новосибирск, 1995.
8. Пушкарёва Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Ред. И.Ю. Новиченко, А.К. Соколов, Р.М. Андерсон. М., 2008. С. 9–54.
9. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011.
10. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
11. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск, 2010.
12. Смирнов Б. Художественный облик вещи и способ ее изготовления // Декоративное искусство СССР. 1958. № 1.

Л.П. Заболотная

Молдова, г Кишинев, Национальный музей истории Молдовы

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА (XIV–XVII ВВ.)

История женщин как самостоятельное направление в мировой исторической науке, как часть междисциплинарного научного направления – так называемых *women´s studies* («*женских исследований*») сформировалась на Западе в конце 1960– начале 1970-х гг. [12, с. 9] и приобрела бесспорную актуальность. Первые работы в данной области выполнялись в рамках научной программы, названной в США «women´s studies». Но возникновение «*женской истории*» было поддержано в первую очередь медиевистами, т.к. именно они обратили внимание на *человека* как субъекта истории, на те внутренние взаимосвязи между разнообразными сферами его социальной деятельности, которые обеспечивали развитие общества, его целостность и неповторимость на каждом временном этапе. Политические, экономические и социальные проблемы в данных исследованиях стали рассматриваться в контексте жизненной позиции человека, практике его частной жизни и повседневной жизнедеятельности в исследуемой исторической эпохе. Сторонники нового подхода к изучению прошлого стали именоваться приверженцами *социальной истории*, которая включила в себя такие субдисциплины, как *история повседневности*, *история частной жизни* и т.д., в том числе и *историю женщин* [9, с. 16–17; 10, с. 44–56].

Если на Западе *женская история* уже давно приобрела свое новое качество в результате теоретического переосмысления предмета исследования, то в молдавской историографии данная тематика стала предметом исследования только в постсоветское время, лишь на рубеже XX–XXI вв.

Объясняется данная ситуация рядом причин и обстоятельств. После распада СССР, с обретением независимости бывших союзных республик установился период, который характеризуется историками как транзитный этап от тоталитарного режима к демократическому. В каждой из республик переходный период протекал согласно своим внутренним особенностям и закономерностям, определяясь как национально-историческими особенностями развития, так и внешними факторами. Однако можно отметить и общие черты *постсоветского синдрома* – это всплеск интереса к *национальной истории* и *национализация истории* во всех странах СНГ.

Во-вторых, в молдавской исторической науке еще долго придерживались старой советской методологии, считая приоритетными исследования в области политики, экономике, социальных движений и т.д. В-третьих, в начале 90-х годов поменялись политические акценты и основной задачей молдавских историков стали проблемы национального возрождения.

В-четвертых, принципиальную важность современной исторической науки имеет фактор расширения исторических исследований. С середины 1990-х гг. ситуация в исторической науке в странах СНГ изменилась – появилась серия работ (диссертаций, статей, монографий, сборников документов и т.д.), ориентированных на новые, прозападные направления в науке о прошлом – историческая антропология,

интеллектуальная история, гендерная история, история индивида и др. Развитию новых направлений особенно способствовало молодое поколение историков. Закономерный поворот интереса историков к данным исследованиям повлек за собой серьезные последствия методологического плана – междисциплинарный подход, поиск синтеза через многообразие, цивилизационный, историко-культурный подход и т.д. Новая социальная история стала исследоваться не в ракурсе социальных движений, а через призму исторического антропологизма. Человек, его стиль мышления и поведения, образ жизни, духовность, ментальность и повседневность стали предметом исследований, а антропологический метод утвердил себя в центре проблемы истории человека.

Особое место в области новых междисциплинарных научных направлений в современной молдавской историографии заняла так называемая *женская история*. Данная проблематика стала составной частью появившихся серий работ в молдавской историографии, посвященных новой социальной истории. Основной целью исследований в рамках указанного направления в Средние века и Новое время стали: образ женщины, женская повседневность, правовой статус женщины и его отражение в нормативных документах и актах, женщина и власть, социально-правовой статус женщин, роль и формы участия женщин в общественно-политической жизни государства, семейные структуры и система отношений между их членами, сексуальная культура, женское образование, женщины-меценаты и др. Основное внимание в исследованиях сосредоточено на женщинах высокого происхождения, так как сведения о женщинах-крестьянках или простых горожанках очень скудны и фрагментарны.

Многочисленные письменные источники эпохи, такие как сведения летописцев и современников, свидетельства католических миссионеров и послов, записки иностранцев, актовый поземельный материал, судебные акты, а также нормы «обычного права» и писаного права свидетельствуют о довольно независимом положении женщин Молдовы в Средневековье и Новое время. Правовое, социальное и имущественное положение женщин Молдовы в указанный период носило исключительный характер и практически не имело аналогов в других европейских странах. Возможно, что такое относительно независимое положение женщины в Молдове объяснялось исторически сложившейся юридической базой как в писанном, так и обычном праве.

Прежде всего отметим, что появление Молдовы как государства на политической карте Европы относится довольно к позднему периоду – к концу XIV в., когда в европейских странах практически завершался период «высокого Средневековья» и начиналась эпоха Нового времени. Однако даже при столь большем временном разрыве эволюция и развитие правовой системы молдавского средневекового государства имела ряд отличительных особенностей, нехарактерных для передовых европейских государств. Средневековье – время многообразных государственно-правовых процессов. В странах Западной Европы правовая система развивалась и имела свои традиции. Важной чертой этого процесса в Молдавском княжестве было отсутствие писаного права до середины XVII в., что во многом определило особенность национально-государственной истории.

В Молдове в XIV в. шло быстрое формирование основных институтов власти, определилась территориальная и административная инфраструктура. Как государственная религия утвердилось православие, повлиявшее на формирование национальной идентичности, но и – в весьма сильной степени – на эволюцию и развитие правовой системы, весьма отличной от соседних европейских государств [32, с. 40; 26, с. 9]. Среди этих отличий, прежде всего, отметим господство *обычного права – кутума* (*jus valachicum*). Первый свод законодательных актов «Уложение Василия Лупу» был принят лишь в 1646 г.

Другой особенностью законодательной системы было то, что в юриспруденции существенно проявлялось византийское наследие, которое наблюдалось в системе правовых отношений на протяжении веков, до их письменного закрепления в первых официальных сводах законов в более поздний период, а именно в XVII–XVIII вв.

Третья особенность заключается в том, что при двух первых показателях несовершенства и незрелости юридической системы Молдова в некоторых правовых положениях опережала развитые европейские страны с богатыми правовыми традициями.

Особую значимость имеет то, что такое относительно независимое положение молдаванок (высшего общества) в семье и социуме объяснялось исторически сложившейся юридической ба-

зой как в обычном праве, так и писанном. Согласно мнению Н.Л. Пушкарёвой, «*именно в нормах наследственного права раскрываются эволюция и те глубокие сдвиги, которые происходили в системе личных и общественных отношений супругов, и особенно в правах женщин*» [8, с. 108].

Анализ актового материала, характеризующего нормы наследственного права, показывает, что в XIV–XV вв. в Молдове к наследованию земли допускались дети обоих полов. С XVI в., источники эпохи свидетельствуют об отмирании в Молдове принципов преимущественного права наследования мужчин. Институты наследственного права в Молдове в XVI–XVII вв. существенно отличались от системы аналогичных норм стран Западной и Восточной Европы, где имелись более строгие ограничения свободы волеизъявления наследователя. К примеру, преимущественное наследование мужчин, институт *предалики* (византийское право): если прекращалась мужская линия, то земли переходили во владение господарей.

Довольно часто в молдавских поземельных документах XV–XVI вв. встречаются женщины-землевладелицы, которые получали в господарских грамотах подтверждение своих прав на земли. Они отчуждали и покупали земли самостоятельно или совместно с супругами. К примеру, господарская грамота от 3 декабря 1572 г. подтверждает владение 24 собственников села Петрешты, из которых указываются как равные 12 мужчин и 12 женщин [22, с. 9 (№ 16)].

Дочери имели право как на движимое, так и недвижимое имущество родителей. В XVI–XVII вв. встречается обычай, называемый *синисфора* (византийское право), согласно которому дочь, получившая ранее приданное, могла участвовать в наследовании движимого и недвижимого имущества наравне с братьями. Документ от 24 апреля 1625 г. показывает раздел двух сел после смерти родителей в равной доле между двумя братьями и сестрой, с оговоркой, что сестра часть одного села до этого получила в приданное, поэтому только одно село делится на три части [21, с. 386 (№ 314)].

Условия заключения брака

Брак и семья регулировались в основном церковным правом. Юридическую силу имел только церковный брак. Обряд бракосочетания являлся подтверждением законности брака. Брак мог быть признан недействительным, если по каким-либо причинам венчание было произведено неправильно. Существовало устоявшееся веками правило, что брак мог совершаться только в церкви, при личном присутствии вступающих в брак и обязательно при свидетелях.

До появления первых законодательных документов порядок заключения брака соблюдался соответственно основам обычного права. К сожалению, мы не располагаем документами эпохи, которые позволили бы дать определение брака. Даже в «*Правилах Василия Лупу*», первом своде законов (1646), нет четкого понятия и определения брака. Однако в «*Поправка закона, или Великие правила*» (*Îndreptarea legii sau Pravila cea Mare*) (1652, Валахия), законник, который в большинстве своем компилирует «*Правила Василия Лупу*», содержит дефиницию брака. Так, в главе 198 семья определяется следующим образом: «*Женитьба еще называется единение двоих в одно тело, как велел Иисус Христос, по разрешению и венчанию, как гласят законы церкви*» [30, с. 195]. В главе 203 дается другое определение семьи: «*единение мужчины и женщины, или единение и наследование на всю совместную жизнь*» [30, с. 213].

Заключение брачного союза сопровождалось выполнением многих условий и формальностей:

1. Соблюдение установленного брачного возраста.
2. Позволение и благословление родителей.
3. Согласие брачующихся.
4. Свободный выбор.
5. Брак мог быть заключен между двумя свободными от брачных уз лицами.
6. Здоровое физическое и психическое состояние жениха и невесты.
7. Вероисповедание жениха и невесты. Брак между лицами разных религий запрещался.
8. Не допускалось кровное и духовное родство.
9. Обязательное соблюдение всех церковных канонов. Без венчания брак был недействительным.
10. Соблюдение социального статуса (социальное неравенство).
11. Разрешалось вступать в брак не более трех раз. Четвертый брак был запрещен и считался недействительным» [37, с. 235–247].

Относительно брачного возраста не существовало писаных правил, однако на протяже-

нии веков это правило согласовывалось с установившимися обычаями: для девочек от 12 лет и для мальчиков от 14 лет. В «*Правилах Василия Лупу*» также не указывается точно брачный возраст, но в некоторых главах подчеркивается именно этот возраст, особенно в случае насилия над девушками. В частности, в главе 36:7 написано: «*кто попытается произвести насилие над девочкой до 12 лет, будет подвержен более жесткому наказанию, нежели над девочкой более старшего возраст*а» [16, с. 138].

В другой главе указывается, что для вступления в брак «*мальчики должны быть зрелыми для женитьбы, а девочки способны быть достойными для мужчин*», другими словами, детородными. Мальчикам должно быть не меньше 14 лет, а девочкам не меньше 12 лет (возраст полового созревания) [29, с. 505].

Представляет интерес и другая статья в «*Правилах Василия Лупу*», в которой отмечалось, что «*незамужняя девушка в возрасте 24 лет, это позор и стыд*» [29, с. 505; 27, с. 296]. Косвенным образом здесь прослеживаются возрастные рамки для замужества. Если девушки не выходили замуж до 24 лет, то они уже считались старыми девами.

Дмитрий Кантемир в своем фундаментальном труде «*Описание Молдовы*» посвятил целую главу свадебным обычаям. Он также не указывает конкретный возраст молодых при заключении брака, но подчеркивает, что «*молдаване женят своих детей в зрелые годы, согласно церковным обычаям, венчание обязательно. Большим позором считается, если девушка выбирает жениха. Согласно обычаю страны, девушку выбирает мужчина, а не родители девушки*» [15, с. 129–130].

Довольно распространенным обычаем была договоренность родителей относительно брачного союза детей. Данный обычай практиковался как в боярских семьях, так и в крестьянских. Мотивация была различной – от разрешения политических проблем до простой совместной обработки земли. В господарских и боярских семьях дочери часто были предметом разрешения внутри- или внешнеполитических проблем. «*Брачная дипломатия*» служила оружием в заключении межгосударственных договоров, обеспечении территориальных присоединений, разрешении пограничных конфликтных ситуаций и т.д [34, с. 4–10].

Как и во многих европейских странах, важнейшими этапами предсвадебного процесса были следующие элементы: сватовство, помолвка и обручение.

Сватовство (*peţire*) делилось на несколько стадий. Первая из них – «*разведка*» – подготавливала почву для подлинного сватовства; выясняли, каковы девушка и парень; отношение девушки и ее семьи к намерению парня посвататься. Сват именовался *peţitor* (от латинского слова petitor – проситель, искатель) или *staroste* (то славянского – староста). Сваты приходили в семью девушки празднично одетыми и вели переговоры главным образом с отцом [1, с. 167].

На первой стадии обсуждался вопрос, согласна или нет невеста принять сватов. Формально требовалось и ее согласие, но чаще всего окончательное решение принимал глава семьи – отец. Если не было отца, то эту функцию выполняли дядя, старший брат или член семьи, который ее опекал.

Как только сватов принимали, начинался второй предбрачный этап – помолвка (*logodnă*), или торжественный договор между молодыми о заключении брака. При помолвке в обязательном порядке соблюдались определенные традиции. Накрывался праздничный стол, приглашались близкие родственники и начиналось обсуждение вопросов о дне свадьбы, о приданном, о нанашах (посаженные родители) и т.д. Обычно помолвка происходила в доме невесты, куда приглашались как близкие родственники невесты, так и жениха.

При ведении переговоров молодые обменивались подарками. Помимо этого, жених выплачивал определенную сумму денег отцу невесты и это, согласно древнему и устоявшемуся обычаю «*căpara*» (*arra sponsalicia* из римского права), считалось залогом будущей свадьбы. В случае разрыва помолвки родители невесты были обязаны вернуть эту сумму денег и подарки, преподнесенные невесте [29, с. 505].

Обязательным условием при помолвке было благословление молодых. Мать невесты приносила семейную икону, т.е. покровителя семьи (Святой Николай, Святая Богородица и т.д.), молодые становились на колени перед родителями и над их головами читалось благословение на брак. Без этой процедуры помолвка считалась недействительной, и священники отказывались венчать молодых в церкви. В случаях, когда молодые венчались без благословения родителей, их брак впоследствии считался незаконным, а дети, рожденные в таком браке, незаконнорожденными.

Супруги подвергались анафеме, лишались прав на имущество в своих семьях и были отвержены обществом. В средневековой Молдове непослушание родителям считалось огромным грехом.

Одним из главных и обязательным условием помолвки было присутствие родственников с обеих сторон. Это объяснялось тем, что были необходимы свидетели при составлении *описи* приданного (*foaie de zestre*), особенно невесты. Этот обычай соблюдался особенно строго и гарантировал выполнение договорных брачно-имущественных обязательств обеих сторон. Если во всех соседних странах после заключения брака имущество жены переходило под опеку мужа и только он имел право им распоряжаться, то в Молдове имущество жены принадлежало исключительно ей.

По завершении переговоров о приданном невесты, а также об имуществе, которое получал жених от своих родителей, участники церемоний сватовства переходили к последней фазе предсвадебного обычая, определяли день свадьбы, условия ее организации и проведения, подарки невесты и жениха, список приглашенных. Особое внимание уделялось вопросу, кто будет посаженными родителями (нанаши), т.к. они были главными действующими лицами не только в организации свадьбы, но и на протяжении всей жизни супругов. Нанаши венчали молодых, крестили их детей, помогали семье в строительстве дома и т.д., а также были ответственны за принимаемое решение супругов в случае развода.

Обычно период между помолвкой и свадьбой был минимален – от шести недель до нескольких месяцев. Этот период зависел больше от организационных моментов (подготовка к трапезе, покупка подарков, приготовление свадебных нарядов, приглашение гостей) и социального статуса семьи. В господарских и боярских семьях было принято приглашать гостей из-за границы, что откладывало день свадьбы на довольно значительный промежуток времени.

Женщина в семье. Семейно-правовые отношения

При заключении брака женщина оставалась собственницей своего имущества, принесенного в семью в виде приданного или приобретенного в процессе брака. Приданое было ее независимой собственностью. Муж не имел права использовать имущество супруги – продавать, закладывать, обменивать, давать в залог и т.д. без ее согласия. Женщина имела право возбуждать иск (вплоть до развода) против своего мужа или против его семьи (в случае его смерти), растративших ее приданное. Подтверждением может служить документ 1623 года, согласно которому женщина подает на развод по причине «расточительства ее приданного» и выигрывает процесс. «*Архиепископ Анастасие и митрополит Сучавский... Пишем и свидетельствуем грамотой нашей, что предстала перед нами Кирана и пожаловалась на своего мужа Платона и сказала, что он расточил и разорил все что у нее было, после чего бросил ее и скрылся...мы видевшие и рассмотревшие ее жалобу и многие свидетельства, дали ей нашу грамоту, ...чтобы были свободными друг от друга во веки веков*» [24, с. 220 (№ 293)].

После заключения брака жена имела исключительное право обладать собственным имуществом. Все, что было куплено на ее деньги, принадлежало только ей. В документах при купле-продаже недвижимости четко указывались имена супругов, кто и какую сумму внес (долевое участие в сделке). В основе имущественных отношений супругов лежал принцип раздельности имущества мужа и жены. Все, что было приобретено ею за собственные деньги в браке, оставалось ее собственностью. Жена могла владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом, не спрашивая разрешения мужа (римское право).

В данном случае представляет интерес документ от 8 июня 1580 г., в котором господарь подтверждает передачу супруге после смерти мужа всего его имущества, т.к. она выкупила его из плена и потратила на его содержание своих 3000 аспров. После длительного судебного разбирательства суд подтвердил право жены на владение всей собственностью супруга, отказов его семье, которая претендовала на имущество умершего родственника [20, с. 503–594 (№ 306)].

В случае смерти супруги, если брак был бездетным, все ее имущество возвращалось обратно в семью, к родителям, братьям, сестрам. Муж мог наследовать только по завещанию. К примеру, в румынской историографии долгие годы дискуссировался вопрос о приданном дочери господаря Стефана Великого (1457–1504) Марии Княжне, выданной замуж за Федора Вишневецкого в 1510 г., который, якобы незаконно, оставил себе после ее смерти деньги и драгоценности из приданного. Приданное было довольно значительным, со-

ставляло 3000 золотых, в то время как Молдова платила трибут Османской империи в размере 4000 злотых (1496 г., 1512 г.) [35, с. 253–264]. После смерти Марии Княжны (18.03.1518) молдавские господари долго судились с поляками, предпринимали военные экспедиции для того, чтобы вернуть ее приданное, ссылаясь на молдавские обычаи, согласно которым при отсутствии наследников приданное возвращалось в семью. Однако согласно завещанию Марии Княжны [35, с. 253–264; 31, с. 311–312][1], которое было представлено польской стороной, четко указывалось, что она все свое имущество (движимое и недвижимое) оставила своему супругу [31, с. 311]. Окончательное заключение суда было принято в пользу Федора Вишневецкого, т.к. молдавская сторона не имела никаких аргументов против письменного завещания Марии Княжны [31, с. 311–312 (№ 374)]. И это было исключительно ее право (sic!), которое не смогли оспорить молдавские родственники – ни военным вмешательством, ни судебной инстанцией.

Не менее интересен пример одной из дочерей господаря Иеремии Мовилэ (1595–1600; 1600–1606) Марии Потоцкой, которая дважды была замужем. Ее приданое составляло 75 678 злотых, которым она единолично распоряжалась, и ее мужья не могли претендовать на эти деньги [36, с. 27–42].

Другая дочь господаря, Раина Вишневецкая, была выдана замуж за Михаила Вишневецкого и получила от мужа *weno*[2] в размере 30 000 флоринов, что составляло половину его собственности, и потом еще 100.000 флоринов. После смерти супруга в суде против семьи покойного мужа Раина доказала, что она давала в долг своему мужу деньги из приданного, а он ей отписывал под залог свои земли. Другими словами, за деньги и драгоценности из своего приданного она выкупила практически всю недвижимость мужа. Впоследствии она выиграла судебный процесс у семьи мужа, Вишневецких, и даже получила право на воспитание детей, что было исключением согласно законам Польши [36, с. 27–42].

После смерти супруга женщина имела право распоряжаться всем оставшимся имуществом равно с детьми. В случае отсутствия наследников, имущество переходило семье мужа, а супруга получала полное наследование только по завещанию. Жена или дочь наследовали не только имущество, но и долги умершего, а также несли полную ответственность за их выплату.

Особенностью наследственного права молдавских женщин было то, что наибольшую свободу распоряжения своим имуществом они могли реализовать при функции передачи собственности посредством:

1. Завещания (как наследница и как завещательница).
2. Брачных контрактов – опись приданного (“*foi de zestre*”).
3. Прижизненных дарений в пользу церквей, монастырей или отдельных лиц.
4. Передачи наследства супругу, детям (включая незаконнорожденных), внукам, родственникам [37, с. 129–135; 38].

При разделе имущества между детьми четко указывалось, от кого оно – от матери или от отца. Важно отметить, что если мужчина обязан был разделить свое имущество между всеми детьми поровну и всех обеспечить, то женщина имела избирательное право оставить имущество по своему решению. Очень часто в документах фигурирует, что, к примеру, село или часть села перешла дочери от матери, матери от бабушки т.д. То есть, женщина часто свое имущество передавала дочери или внучке, зная, что сыновья будут обеспечены отцом. Встречаются документы, когда женщина оставляла свое имущество сыну. Это гарантировало ему, что ни при каких обстоятельствах данные земли не будут изъяты. В Молдове при конфискации имущества у осужденного мужа (к примеру, за измену родине или участии в заговоре) имущество супруги никогда не подвергалось аресту. Особенностью Молдовы было также и то, что это была единственная страна в Европе, где законнорожденные и незаконнорожденные дети имели равные права на наследство (и даже на власть) [34, с. 83–84][3]. Если отец признавал ребенка, то он и его мать могли наследовать часть имущества, которое он им оставлял.

Если же отец не был известен, то ребенок

[1] В документе от 10 мая 1529 г., в 4 (224) книге Литовской метрики находим решение суда, который возглавлял польский король Сигизмунд I. Король должен был принять окончательное решение, выбирая между уже вошедшим в силу I Литовским статутом и обычным правом. Согласно закону, завещание было главным документом.

[2] Молдаванки, выданные замуж за границу, получали в приданное только движимое имущество. В частности, в Польше, супруг обязан был подарить жене недвижимое имущество на пожизненное владение, на сумму в два раза превышающую ее приданное.

[3] После смерти законорожденного сына Стефана Великого, Богдана III (1504–1517) и до прихода к власти Иеремии Мовилэ (1595–1600; 1600–1606), более 75% господарей, правящих в Молдове, были незаконорожденные дети.

находился во власти матери и ее семьи, которые заботились о нем и, естественно, имел право на наследование. Юридическое положение внебрачных детей в Молдове было защищено по материнской линии. Мать и родственники матери особенно заботились о том, чтобы внебрачные дети были включены в наследственные права наравне с другими детьми. Этот правовой статус незаконнорожденных детей был оговорен в первом письменном законодательном своде законов – *«Правила Василия Лупу (1646)»* [16, с. 146]. Большую роль в правовой защите внебрачных детей играло завещание (письменный документ) и институт свидетелей (священник, родственники, близкие друзья семьи, соседи и т.д.). Не имели права на наследование дети, рожденные в инцесте, от изнасилования, от монашек и адюльтера.

Условия расторжения брака. Правовое поле женщины

Феномен развода известен во всех европейских цивилизациях. Процесс расторжения брака в средневековой Молдове имел как общие, так и специфические черты в контексте европейской истории. Исследование документального историко-юридического и актового материала эпохи, записки и сведения католических миссионеров показывает, что право на развод и на повторный брак имели не только мужчины, но и женщины.

Обращаясь к теме развода, анализируя его причины и мотивы в изучаемый период, можно констатировать, что в Молдове развод был разрешен и допускался в следующих случаях: прелюбодеяние супругов (особенно жены), отсутствие девственности супруги в брачную ночь, несоответствующее поведение супругов, алкоголизм (мужа или жены), избиение и агрессивность в семье, физические издевательства мужа, угроза жизни и насилие, немотивированное изгнание супруги из дома, уход в монастырь одного из супругов, еретичество [17, с. 12].

Одним из существенных поводов для развода было невыполнение супружеских обязанностей мужа [25, с. 89–114]. Женщина могла расторгнуть супружеские узы при длительном отсутствии супруга или его пленении. Причинами распада семьи и развода были также содомия, педофилия, лесбиянство, гомосексуализм, проксенетизм [33, с. 74–76].

Мотивом для развода могли стать и так называемые недостатки жены – вредность, злословие, легкомысленность, расточительность, неумение вести хозяйство, пьянство и распутство. Развод допускался и в соответствии с обычным правом, но необходимо помнить, что все же он был редким явлением. Это объяснялось тем, что патриархальные традиции были очень сильны и браки чаще всего заключались по инициативе родителей, поэтому расторжение брачных уз вело к неповиновению воле родителей и разжиганию вражды между семейными кланами [29, с. 514].

Добавляя к вышесказанному, необходимо отметить, что развод входил исключительно в компетенцию церковного права. До развода доходило только в том случае, если не удавалось решить эту проблему внутрисемейно, при помощи родителей, крестных родителей (которые порой имели более высокий авторитет), старших братьев, сестер и т.д. Согласно традиции, если супруги все же решались на развод, то и муж, и жена в равной степени, в зависимости от того, кому принадлежала инициатива развода, могли послать друг другу согласно византийскому праву так называемую книгу развода («carte de despărţire»). В данном письме супруги указывали и мотивировали причину развода, а также обосновывали невозможность сохранения брака [29, с. 514]. Супруг, инициирующий развод, должен был подтвердить свои обвинения свидетельскими показаниями. Одним из свидетелей обязательно должен был быть духовный наставник семьи или священнослужитель приходской церкви, в которой венчались супруги.

Молдавские женщины могли и имели право инициировать развод. В частности, если развод со стороны мужа был сделан без согласия супруги, обманным путем или без уважительных причин, то женщина сохраняла все свое имущество и получала все имущество мужа. При разводах действовало правило: если виновата жена, то приданое и все ее имущество, а также дети оставались мужу. Если в разводе был виноват муж, то все его имущество (движимое и недвижимое) переходило к жене (римское право). Одним из примеров может служить документ от 26 июля 1600 г. (7108), в котором описывается случай, когда жена вместе со своими близкими родственниками представила неоспоримые доказательства в суд против недостойного поведения мужа и выиграла процесс [23, с. 298–299, (№ 363)].

Естественно, что при исследовании данной тематики специалисты сталкиваются со множеством проблем. Документов о разводах очень мало, большинство из них носят фрагментарный характер. Чаще всего разводы не афишировались и совершались как можно более скрытно. Бракоразводный процесс представлял довольно сложную и длительную процедуру, которая требовала выполнения множества обязанностей, установленных *писаными* законами (с середины XVII в.) и *неписаными* правилами общества. Расторжение брака в первую очередь отрицательно воспринималось и ставило женщину вне общества. Развод негативно сказывался на женщине как в юридическом, так и моральном аспектах. В большинстве случаев мужчине намного легче было обвинить жену в супружеской неверности, несоответственном поведении, неблагоразумии, расточительстве и т.д. Женщина изначально была бесправна и, чтобы доказать свою невиновность, ей необходимо было приложить намного больше усилий. В тоже время документы свидетельствуют о том, что женщины в Молдове могли инициировать развод и выигрывали тяжелые судебные тяжбы [3, с. 9–23].

Особый интерес в данном контексте представляет документ от 10 января 1633 г., в котором детально описывается случай развода супругов и оправдания женщины высшими инстанциями – духовной и светской. Некая княгиня Мария обратилась в праздник Крещения Господня к господарю за помощью «*рассудить ее по законам страны*» и признать неправомерными действия мужа, который получил развод, обвинив ее в «*неблагоразумии*», и отобрал у нее все ее имущество и детей. Княгине позволили привести 12 свидетелей, которые оказались все женщины. Они дали показания о том, что муж оклеветал жену и обманом получил развод, чтобы изгнать ее и отобрать ее имущество. Решением суда княгиня была оправдана, а супруга было решено сурово наказать – отсечь голову. Женщина попросила заменить казнь передачей ей имущества мужа. Судом было решено не только полностью оправдать женщину и вернуть все ее имущество, но и отобрать у супруга *«все владения»,* а также вернуть «*своих дочерей-...и никто чтобы не смел ей препятствовать*» [14, с.67–62; 3, с. 9–23].

Данное судебное разбирательство при разводе супругов является, на наш взгляд, исключительным, так как позволяет показать правовое поле женщины в изучаемый период. При всех сложнейших обстоятельствах процесса женщине удалось организовать присутствие максимального количества свидетелей, как того требовал суд, и отстоять свою честь и достоинство. Поражает и факт, что все свидетели были женщины, которые не побоялись предстать перед судом лично, без присутствия своих мужей. При всей ограниченности источников по исследуемой теме этот процесс подтверждает тезис о том, что молдавские женщины могли инициировать развод и выступать в суде в качестве свидетелей самостоятельно.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что семейно-правовое положение молдавских женщин в изучаемый период было уникальным. Молдавские женщины пользовались многочисленными правовыми свободами и прерогативами, гарантированными обычным правом, а впоследствии законниками. Анализ и исследования документов исторического и юридического характера показывает, что женщины Молдовы (высокого происхождения) имели особый статус по сравнению с женщинами из соседних стран. Акцентируя правовую сторону феномена вольностей и свобод молдавских женщин, было выявлено, что они пользовались определенными преимуществами по сравнению с соседними европейскими странами, имея право: администрировать свое риданное (движимое и недвижимое) без супруга; приобретать за собственные деньги имущество и пользоваться им по собственному распоряжению; инициировать судебный процесс, самостоятельно представлять свои интересы в суде (свидетельствовать, давать показания и т.д.); оспаривать имущественные иски в суде с родственниками и членами семьи; продавать, покупать, обменивать и закладывать имущество (движимое и недвижимое); расторгнуть брак, сохраняя право пользования имуществом и опекунства над детьми; после развода выходить замуж; завещать по своему усмотрению имущество детям, супругу, родственникам или даже лишить имущества и т.д.

Семейно-правовой статус молдавских женщин во многом был определен преемствен-

ностью византийского права, практики и нормы которого сформировали феодальное право страны – обычное право (неписаные законы). Другими словами, в средневековой Молдове не было официальных сводов законов, но в неписаном праве четко прослеживалось влияние поздневизантийского права. Примечательно и то, что в Молдове первый свод законов («Правила Василия Лупу»), принятый в 1646 г., представлял собой компиляцию из византийского гражданского права и канонов. О влиянии византийского права свидетельствует исторические и юридические документы исследуемого отрезка времени.

Однако, на наш взгляд, данная тема носит междисциплинарный характер и требует дальнейшего исследования специалистами по истории средневекового права. Положение женщины в обществе не может быть достаточно освещено без исследования имущественно-правовой сферы. Эта проблема связана не только с историей развития права в целом и семейного в частности, но и помогает найти ответы на такие важнейшие вопросы, как широта имущественных прав, экономическое положение и социальная самостоятельность женщин, а также истоки неравноправия женщины в обществе, вытекающие из соотношения правового поля (писаных и неписаных законов) и реального положения женщин. Имущественое состояние женщин являлось гарантом их правового статуса в семье и в обществе. Общественное положение женщины зависило не только от ее происхождения, но и от ее имущественного положения. Владение и администрирование собственным имуществом давали молдавским женщинам возможности для экономической самостоятельности и социальной активности.

Библиографический список

1. Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Ответственные редакторы: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М., 1988.
2. Гендерная история Западной Европы. Хрестоматия / Сост. Л.П. Репина, А.Г. Суприянович. Книга II. ИВИ РАН. М., 2006. С. 181.
3. Заболотная Л.П. Имели ли женщины право на развод в XV–XVII вв.? // Социальная история. Семья в раннее Новое время. Ежегодник. СПб., 2009. С. 9–23.
4. Заболотная Л.П. Образ молдавской женщины Средневековья и раннего Нового времени глазами очевидцев // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. № 4. М., 2012. С. 38–48.
5. Заболотная Л.П. Наследственное право молдавских женщин (XIV–XVII вв). Компаративное исследование // Balcanica Posnaniensia. Acta et studia. XX. Wydawnictwo Instytutu Historii UAM. Poznań. 2013. С. 65–84.
6. Комарова О.Д. Об этнодемографическом подходе к изучению семьи // Семья. Традиции и современность. М., 1990.
7. Маррезе М.Л. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). Новое литературное обозрение. М., 2009.
8. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
9. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
10. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 44–56.
11. Пушкарёва Н.Л. Имущественные прав женщин в XVIII – начале XIX в. // Revista de istorie a Moldovei. Nr. 1 (73). Chişinău. 2008. С. 55–58.
12. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
13. Семейное право (внутрисемейные правовые и имущественные отношения) // Литовская метрика (1528–1547). 6-я книга судных дел. Вильнюс. 1995.
14. Berechet Ştefan, Procedura de judecată la slavi şi români, Chişinău, 1926, p. 67–92.
15. Cantemir D, Descrierea Moldovei. Chişinău, 1992.
16. Cartea Românească de învăţătură (1646). Ediţie yppa întocmită de Colectivul pentru Vechiul Drept Românesc al Academiei R.P.R.. condus de Andrei Rădulescu. Bucureşti, 1961.
17. Cazacu Matei, La famille et staut de la femme en Moldavie // Revista de Istorie Socială. II–III (1997–1998). Iaşi, 1999. С. 1–16.
18. Călători străini despre Ţările Române. Volumul V. Volumul îngrijit de Maria Holban, M. M. Alexandrescu – Dersca Bulgaru, Paul Cernovodeanu**.** Editura Ştiinţifică. Bucureşti, 1973.
19. Călători străini despre Ţările Române. Volumul VI. Volumul îngrijit de Maria Holban, M. M. Alexandrescu- Dersca Bulgaru, Paul Cernovodeanu**.** Editura Ştiinţifică. Bucureşti, 1976.
20. Documenta Romaniae Historica.A. Moldova, volumul XXIV (1637–1638), Volumul întocmit de C. Cihodaru şi I. Caproşu. Bucureşti, 1998.

21. Documenta Romaniae Historica. A.Moldova, Volumul XVIII (1623–1625). Volumul întocmit de I. Caproşu. Bucureşti, 2006.
22. Documente privind istoria României. A.Moldova. Veacul XVI. Vol. III (1571–1590). Redactor responsabil M. Roller. Bucureşti, 1951.
23. Documente privind istoria României. A.Moldova. Veacul XVI. Vol. IV (1591–1600). Redactor responsabil M. Roller. Bucureşti, 1952.
24. Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacul XVII. Vol. V ((1621–1625). Redactor responsabil M. Roller. Bucureşti, 1957.
25. Ghiţulescu Constanţa, *Familie* şi societate în Ţara Românească (secolul al XVII-lea) // Studii şi Materiale de Istorie Medie. Volumul XX. 2002.
26. Gorovei Ştefan. S. Întemeierea Moldovei. Probleme controversate. Iaşi, 1997.
27. Iorga Nicolae, Anciens documents de droit roumain. Volumul II. 1930.
28. Istoria dreptului românesc. Coordonator prof. Ioan Ceterchi. Volumul I. Bucureşti, 1980.
29. Istoria dreptului românesc. Responsabil de volum l. Hanga. Volumul I. Bucureşti, 1980.
30. Îndreptarea Legii (1652). Ediţia întocmită de Colectivul de Drept Vechi Românesc, condus de Andrei Rădulescu. Bucureşti, 1962.
31. Lietuvos Metrica (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. Pabaigos kopija). Vilnius, 1997. P. 311–312. (doc. Nr. 374).
32. Rezachevici Constantin, Cronologia yppa a domniilor din Ţara Românească şi Moldova. A.1324-1881. I. Secolele XIV–XVI. Editura Enciclopedică. Bucureşti, 2001.
33. Székely Maria Magdalena, Structuri de familie în societatea yppae moldovenească // Arhiva Genealogică. IV (IX). Nr.1-2. Iaşi, 1997. C.70–76.
34. Zabolotnaia L. Raporturile dinastice şi rolul „diplomaţiei de mariaj" în relaţiile moldo-polone în a doua jumătate a secolului al XIV- lea – mijlocul secolului al XVII-lea. Chişinău, 2004.
35. Zabolotnaia L. Unele consideraţii asupra testamentului Mariei Cneajna, fiica lui Ştefan cel Mare // Rumuni i Polacy w Europe. Historia i dzeń dzisiejszy. Suceava, 2006. C. 253–264.
36. Zabolotnaia L. Movilencele şi descendenţii. Pagini necunoscute. Unele contribuţii la genealogia descendenţilor al lui Ieremia Movilă // Tyragetia. Serie nouă. Istorie. Muzeografie. Vol.I [XVI]. Nr.2. Muzeul Naţional de Istorie. Chişinău, 2008. C. 27–42.
37. Zabolotnaia L. Femeia în relaţiile de familie din Ţara Moldovei în contextul european până la începutul sec. Al XVIII-lea (Căsătorie, logodnă, divorţ). Istoria la feminin. „Pontos". Chişinău, 2011.
38. Zabolotnaia L. Women, Marriage and Canon Law in the Medieval Moldavia // Factorul yppae în istorie. Women's factor in history. Culegere de studii şi documente. AŞM-USM. Chişinău, 2012, C. 235–247.
39. Zabolotnaia L. Dreptul la proprietate şi la moştenire al femeilor din Moldova şi ţările vecine (secolele XIV–XVII). Studii şi documente. Istoria la feminin. Cardidact. Chişinău, 2015.

М. Икута
Япония, Университет Осака

ЕЩЁ ОДИН РАССКАЗ О СИБИРСКОМ ПЛЕНЕНИИ: В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – ЖЕНЩИНЫ

Введение

Вопрос заключения российско-японского мирного договора стоит уже 74 года. Одним их камней преткновения в российско-японских отношениях является проблема интернированных японцев. Правда, наблюдался большой прогресс, когда М. Горбачев передал японской стороне список на 37 800 японцев, а Б. Ельцин во время своего визита в Японию признал антигуманное отношение к японским военнопленным со стороны сталинского режима [см.: 5: 5–7]. Однако много японцев все ещё числяться без вести пропавшими в Советском Союзе и их тела не найдены.

Долгое время проблемы интернированных японцев для русских как будто бы не существовало. Она замалчивалась [8, с. 3]. В то время в Японии сибирское интернирование породило антисоветски и просоветски настроенных репатриантов. Во время холодной войны эта проблема была чрезвычайно актуальной. В кругах учёных-историков Японии многие, будучи марксистами и просоветски настроенными, не придали значения этой проблеме. Объективные научные исследования начались после перестройки, когда был открыт доступ ко многим

документам. Сначала в России, потом в Японии появлялись исследователи по этому вопросу. Работы таких авторов, как С. Кузнецова, Е. Катасонова, В. Карпова [8, 5, 4] даже переведены на японский язык. В Японии Р. Нагасэ, Т. Томита и др. активно занимаются этим вопросом.

Однако о существовании интернированных японок было забыто. Мы хотим обратить внимание не на жизнь известных героев войны или политиков, а и жизнь в лагерях простых женщин. Это значит – обратиться к аспектам, ранее выпадавшим из поля зрения.

В этой статье попытаемся проанализировать особенности выживания интернированных в Сибирь женщин в сравнении с опытом выживания мужчин. Почему рассказы об опыте интернированных мужчин стали доминирующим нарративом, а рассказы про интернированных женщин стали игнорированными и забытыми? Мы хотим обсудить эту причину с точки зрения международных отношений, взглядов японского общества на Советский Союз и гендерной предвзятости.

Советско-японские отношения в международном контексте

Поскольку интернирование японцев в Сибирь имеет сложную историю, нужны короткие пояснения из прошлого советско-японских отношений в международном контексте.

После русско-японской войны в 1905 г. Россия признала «особые права» Японии в Корее и передала Южный Сахалин, право аренды Порт-Артура, Дальнего, южной ветки КВЖД. В результате Япония превращалась в сильного конкурента Великобритании и США. После русско-японской войны Россия переориентировала внешнюю политику на европейское направление. Таким образом, возникли предпосылки к нормализации русско-японских отношений. Обе страны, подписав русско-японские соглашения (1907 г., 1910 г., 1912 г., 1916 г.), укрепили сотрудничество. Однако после октябрьской революции большевики отказались от прежней внешней политики, заявив об отказе от всех обязательств прежних правительств. Япония с другими государствами приняла участие в сибирской интервенции в 1918 г. В 1922 г. она вывела войска. В 1925 г. была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. Однако вооруженные конфликты не прекращались, это касается событий на озере Хасан в 1938 г., боев на Халхин-Голе в 1939 г. и т.д.

Тем не менее, в апреле 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете на пять лет. Однако 9 августа 1945 г. Советская армия вторглась в Маньчжоу-го и начала войну с Японией. Это является нарушением международного права, потому что пакт должен был сохранить свою силу в течение года даже после заявления о денонсации. Чтобы быть справедливым, нужно здесь указать, что это нарушение международного права является результатом настойчивого требования действий со стороны США и Великобритании [см.: 6: 477–527].

Япония тоже далеко не невинна в принесении своего народа в большую жертву. Она должна была заметить неизбежность Советско-японской войны, когда в 1943 г. на Тегеранской конференции СССР дал США и Великобритании обещание вступить в войну против Японии, а в 1944 г. Сталин назвал Японию, которая не являлась тогда военным противником, страной-агрессором. А в 1945 г. на Ялтинской конференции согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников [7], и 5 апреля 1945 г. в Москве В. Молотов сделал Н. Сато заявление о денонсации Советско-японского пакта о нейтралитете. Кроме того, Япония отказалась принять условия капитуляции, желая просить Сталина выступить посредником в деле окончания войны, так как СССР не присоединился к Потсдамской декларации. Это решение принесло японской нации страдание от бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и Советско-японскую войну.

СССР, присоединившись к Потсдамской декларации накануне вступления в войну с Японией, начал войну в качестве участника декларации, однако проигнорировал ее 9-ю статью. Там говорилось: «Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будут разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь» [26].

Однако 23 августа Сталин подписал постановление «ГКО СССР о приёме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии». Там написано: «отобрать до 500 000 военнопленных японской армии – японцев из числа физически годных для работы в усло-

виях Дальнего Востока и Сибири» [17, с. 175].

В конце концов ко дню подписания акта капитуляции Японии советскими войсками было взято в плен 594 900 японцев [15]. 90 процентов из них являлись задержанными в Маньчжурии или в Корее, а не в Японии. Этот процент говорит о том, что проблема имеет колониальной характер, выражая масштабы Японской империи. В СССР из-за принудительного тяжёлого труда, холода и голода умер каждый десятый из интернированных, так и не увидев свою родину.

Интернирование женщин в Сибирь

В постановлении Сталина указывались районы интернирования и количество направляемых японцев. Что касается видов работы, то это были добыча угля, другого сырья и т.д. Возникает вопрос: почему были интернированы женщины, не бывшие личным составом армии и не подходившие для тяжёлого физического труда в Сибири и на Дальнем Востоке? Воспоминание Ё. Тоидзуми даёт нам ответ. Она встретилась с 45-ю медсёстрами, когда они ожидали первой переправки в Находке вместе с ещё 5 000 чел. японцев.

«Когда я вошла в эту комнату …, то подумала на миг, что ошибалась. … Их внешний вид был далек от женственности. И стрижка, и одежда – как у солдат.

– Почему вас взяли в плен?

– Мы выглядели как мужчины. Вы знаете – когда война закончилась, женщины для самообороны обстригали волосы, переодевались в мужскую одежду, пачкали лицо в грязи. И советские войска приняли нас за мужчин» [21, с. 446].

Однако была и другая категория женщин-интернированных – без мужской одежды и остриженных волос. Многие из них были гражданскими служащими в армии или консульстве и посольстве, переводчицами, преподавательницами японского или русского языка. Они были осуждены по 58-й статье уголовного кодекса «за шпионаж и контрреволюцию» на срок 10–25 лет. Из-за незаслуженного обвинения их заключили в тюрьмы Советского Союза сроком больше десяти лет.

Теперь давайте рассмотрим их численность. Попробуем поискать в воспоминаниях и в найденных архивных материалах.

Сначала посмотрим материалы на японском языке. Президент Всеяпонского Совета по компенсациям бывшим военнопленным Р. Сайто указывал, что среди интернированных в Сибирь было более 200 женщин [см.: 18, с. 155–160]. Ю. Осима, репатриантка из СССР, говорит, что было около двух тысяч интернированных женщин, которые работали медсёстрами и машинистками в военных подразделениях, находящихся к северу от Синьцзин (ныне Чанчунь) [13, с. 3]. Т. Мацумото писал о том, что женщины приходили в корпус в поисках защиты. Из них 150 чел. вместе с Мацумото отправились в Сибирь, в Иркутск [10, с. 32–33]. Т. Эгучи, один из редакторов воспоминаний пленников в восьми томах, писал, что, по рассказам, около 5 000 женщин были взяты в плен и интернированы в СССР. Но точное число не известно [25, с. VII].

В русскоязычных материалах мы видим донесение начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта: «В районе северо-восточное Муданьцзян и Эхо войсками 1-й Краснознаменной армии … интернировано 450 японских женщин» [17, с. 133]. Российский ученый В. Галицкий пишет, что на Втором Дальневосточном фронте были взяты в плен 367 женщин, из которых 155 человек были направлены в лагеря [1, с. 30]. В 2018 г. автор данной статьи нашла списки японских женщин в количестве 121 чел., распределённых из 16-го лагеря в другие лагеря.

Теперь рассмотрим общую картину интернированных женщин, которая создана имеющимися исследованиями.

Многие японские женщины вернулись домой на первых судах для репатриантов. Среди них большинство были медсёстрами и гражданскими служащими в учреждениях японской армии. О них мы поговорим подробнее позже. Следующими в группе краткосрочно интернированных женщин в порядке убывания по количеству стали члены семей японских военнослужащих. Многие из них ходили в мужской одежде и с остиженными волосами. Почти все вернулись домой в ходе репатриации с 1946 по 1948 г.

Что касается долгосрочно интернированных, как указано выше, они были приговорены к заключению по незаслуженным обвинениям. Р. Сайто указывал, что существует более 30 чел., пробывших в плену 10 и более лет. Согласно Т. Сакамото, журналисту газеты «Асихи», 9 чел. были осуждены по ст. 58 УК РСФСР [11] и сосланы на 10–25 лет на шахты Магаданской области.

«Фумико Акабанэ родилась и выросла в Даляне и работала учителем японского языка в советском консульстве. Она была арестована и приговорена к 5 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. В 1955 г. в возрасте 46 лет ей разрешили репатриироваться на родину. В 1992 году, когда ей было 84 года, Фумико получила письмо о том, что “рассматривается вопрос об отмене приговора и восстановлении чести”. Фумико говорила: “Я не совершила никакого преступления и никогда не была шпионкой. Сибирь, где я провела годы ссылки, считаю своей второй родиной. Нельзя жить только обидами”» [19, с. 212].

Некоторые японки по разным причинам остались в СССР на постоянное жительство. Например, А. Мураками была военной медсестрой в 118-ой части (Харбин). Она была задержана при попытке возвращения в Японию через Корейский полуостров. Мураками была признана виновной по ст. 58 ч. 6 УК РСФСР, приговорена к 15 годам принудительного труда и помещена в женскую тюрьму для работы на шахтах Магаданской области. После выхода из тюрьмы вышла замуж за русского мужчину и работала на хлебозаводе района. Друзья и родственники из Японии советовали ей вернуться домой, но Мураками осталась в России и умерла там [19, с. 212]. Она говорит следующее: «Когда я загибалась среди здешних снегов, все меня бросили. Мне помогли выжить русские. Я убедилась, они всегда выручат и придут на помощь» [16].

Как описано выше, многие интернированные женщины были задержаны краткосрочно. Однако есть и долгосрочно интернированные и невернувшиеся в Японию. По-видимому, короткий срок интернирования связан с тем, что женщины изначально не считались объектом задержания, и их отправляли на родину как можно быстрее.

Вступление в войну Советского Союза и передислокация госпиталя

На данный момент выяснилось, что большинство этих женщин были медсёстрами. Поэтому в качестве типичного примера возьмём истории женщин из Первого военного госпиталя в Цзямусы (791-й отряд Маньчжурия).

Ко времени вторжения СССР в числе женщин Первого госпитали были медсёстры Красного креста в числе 21 человека, медсёстры сухопутных войск (приблизительно 30 человек), 300 человек из ударного отряда, укомплектованного добровольцами-девушками, и служащие в госпитале.

Этот госпиталь был предназначен для приёма пострадавших на передовой. 9 августа 1945 г., в связи с вторжением СССР, госпиталь был закрыт, и от командования Квантунской армии поступил приказ передислоцировать госпиталь в тыл.

Перед отправкой из Цзямусы командующий отрядом (начальник госпиталя) дал распоряжение о роспуске ударного отряда, укомплектованного 150-ю добровольцами – местными юными девушками, и разрешил им вернуться к родителям. Однако половина членов ударного отряда вернулась в госпиталь из-за патриотизма. Перед отъездом все женщины переодевались в военную мужскую форму.

Они передвигались по Сунгари, но не дошли до пункта сбора. Тем временем война окончилась, и они высадились в Фанчжэн. Там девушки были разоружены советскими войсками. Начальник госпиталя сказал всем женщинам расформировать женское подразделение и разрешил вернуться домой. Но женщины настояли на том, чтобы остаться вместе с начальником госпиталя. На всякий случай им был роздан цианид калия. Они обстригли волосы. Там же, в палатках, их задержали советские войска. Советские солдаты часто пытались изнасиловать японских девушек. И наконец, произошла трагедия: они похитили одну девушку. Вспоминает С. Мацумото: «Мы боялись советских войск, поэтому шли не по обычным дорогам, а через поля сорго. Вдруг сзади раздались голоса советских солдат, ехавших на машине, затем Ф. Уэда втащили в машину и увезли. Ее крик «Помогите!» до сих пор стоит у меня в ушах» [2].

Воспоминания женщин этого госпиталя непременно содержат три факта: раздача всем женщинам цианистого калия, переодевание в военную форму и обрезание волос. Эти меры должны были замаскировать женщин, и им было сказано, что лучше выбрать легкую смерть, чем быть изнасилованными. Во время войны принцип «мужчина на фронте, женщина в тылу» был нарушен, женщин тоже призвали в армию, и только после войны прежний уклад жизни был восстановлен.

Интернирование в Сибирь

Советскими судами женщины были доставлены в Хабаровск, и для них началась жизнь в плену. Женщины прибыли на спецобъект № 45 в район Красной Речки в Хабаровске в конце сентября 1945 года. Это было специальное помещение для офицеров. Дело в том, что предназначенный для них лагерь был еще не готов, поэтому японские солдаты, которых раньше доставили туда, сами ремонтировали здание. Примерно через неделю они были направлены на 10-й лаготделение 16-го лагеря. Многие из них были здесь до ранней весны 1946 г. Потом началось их распределение по лагерям (Райчихинский №19, Благовещенский № 20, Биробиджанский № 46, Оборский № 17) и по спецгоспиталям (Завитинский № 2017, Хабаровский № 1327, Биробиджанский № 2929).

В связи с тем, что первой зимой было большое число погибших, НКВД 2 марта 1946 г. издал приказ «О максимальном использовании медицинского опыта заключенных в лагере». Согласно этому приказу интернированные медсёстры были распределены в Завитую, Райчиху, Благовещенск, Биробиджан, Хабаровск, Обор. Медсёстры были помещены в основном в спецгопитали, лазереты и санчасти вдоль железнодорожных линий.

Завитая, Райчиха и Благовещенск расположены в Амурской области, а Биробиджан – в Еврейском автономном области. На тот момент эти районы территориально входили в состав Хабаровского края. Другими словами, лагеря и спецбольницы были сосредоточены на железнодорожной дороге в Хабаровском крае.

Мужчины и женщины – жизнь в лагерях интернированных

Рассмотрим разницу в опыте интернированных мужчин и женщин на примере воспоминаний японцев, бывших в одном и том же лагерном отделении. Автором обнаружены следующие воспоминания японских мужчин и женщин касательно работы, питания, медицинского обслуживания и даже сексуального насилия.

Работа

Один из интернированных мужчин – К. Сто – вспоминает следующее: «Мы взрывали большим количеством динамита скалистые горы. Разбитые скалы и камни опять взрывали динамитом и получали балласт» [20, с. 427].

А вот воспоминания интернированной женщины Ё. Тойдзуми: «Хотя от тяжёлых работ в угольных шахтах и от вырубки леса нас освободили, но мы занимались разнообразной работой в управлении, а также у советских холостых офицеров и солдат, которые имели какое-либо отношение к лагерю. Трёх молодых медсестёр забили до смерти, а ещё двое умерли от болезни» [21, с. 446].

Мужчины работали в смене круглосуточно. Кроме того, в случае работы на открытом воздухе на сибирском морозе в минус несколько десятков градусов приходилось работать в рваной одежде и обуви. Многие получали ранения от камнепада, некоторые стали инвалидами и 11 чел. умерли. Женщины в основном выполняли разные работы в помещении, а на открытом воздухе занимались сравнительно лёгкой работой. В воспоминаниях интернированных в Сибирь медсестёр не встречаются такие «сибирские тройные мучения», как голод, холод и тяжёлый труд (рубка леса, дробление камня, добыча угля). Причина в том, что, поскольку их обязанности заключались в выполнении хозяйственных работ и оказании медицинской помощи, не было жёсткой нормы выработки, как у мужчин. Кроме того, у женщин была военная форма нового образца и шапки-ушанки. Это помогло пережить суровые зимы Сибири.

Еда

Интернированный М. Огава в своей книге описывает, что мужчины получали следующую норму в день: чёрный хлеб – 300 г.; зерновые (гаолян, чумиза, просо, ячмень, пшеница, овёс, ежовник) – 300 г.; картофель – 400-500 г.; рыба и мясо – 150 г.; сахар, масло, соль – немного. Всего 2300 – 2400 калорий [12, с. 51].

В случае с женщинами, по воспоминаниям Н. Тэрасаки, если японские солдаты страдали от истощения, то женщины – не худели. Японские мужчины интересовались, не едят ли женщины дополнительную пищу. Для того, чтобы избежать возникновения проблем, командир батальона переговорил с советской стороной.

В результате была введена карточная система с тем, чтобы было очевидно – все ли получают одинаковые пайки [22].

В воспоминаниях о лагерной жизни в Сибири всегда есть тема голода. Основной причиной голода можно считать недостатки советской системы распределения. Однако необходимо учитывать и то, что вся страна была разрушена войной. Кроме того, в 1945 г. был большой неурожай в основных зерновых регионах СССР.

Не было никакой разницы в количестве еды у мужчин и женщин. Дело в том, что при работе в помещении и на улице затраты энергии разные, кроме того, во многих случаях запасы подкожного жира спасали женщин от крайнего истощения.

Медицинская помощь

Интернированный мужчина вспоминает: «Советские врачи не разрешали больным без температуры отдыхать. От этого мы страдали. Советские врачи не разбирались в симптомах болезни, не разрешали отдыхать даже имеющим боль в животе, если температура у заболевшего была меньше 37 градусов» [23].

Интернированная медсестра Э. Какимото так описывает медицинскую помощь японцам: «Было много больных дизентерией, но питание не было специальным. Мы делали уголь из картофеля для того, чтобы остановить диарею, заваривали хвою как заменитель витамина С, боролись как могли, чтобы дотянуть до возвращения в Японию. У женщин есть менструации. Но бумаги не было ни у них, ни у больных. Через переводчиков мы просили принести русские газеты и делили их с пациентами» [3, с. 17].

В Советском Союзе в то время был дефицит опытных квалифицированных врачей [8, с. 80]. Кроме того, почти не было лекарств, поэтому единственный метод лечения заключался в том, чтобы дать больному отдохнуть. Работа была тяжёлой и по количеству, и по качеству, поэтому многие мужчины умирали. Для женщин проблемой, убивающей душу, были менструации, сексуальные домогательства и насилие.

Сексуальное насилие

Следующая история описывает инцидент сексуального характера, имевший место в лагере. Автор данной статьи не смогла интервьюировать тех интернированных, кто имел информацию об этом инциденте. Они молчали. Поэтому здесь приведены цитаты из личных воспоминаний этих людей, опубликованных в частном порядке, либо в сборнике бесед интернированных в Сибирь на японском языке.

Воспоминания интернированного мужчины Т. Утахара: «Информация о насилии над женщиной. Та женщина стащила пистолет у советского солдата и застрелила его. Очень мужественная женщина. Беспокоюсь, вернулась ли она в Японию» [24].

Интернированная Ю. Осими тоже вспоминает этот инцидент:

«Была усердной и отличной медсестрой сухопутных войск. Но от этого человека, видимо, почувствовала исходящую опасность. Я думаю, что это был 18-19-ти летний молодой солдат. Она выхватила пистолет у него на поясе и застрелила его. Разразился большой скандал, а медсестра так и не вернулась в лагерь» [14, с. 119].

Сохранилось свидетельство – документ по данному инциденту, составленный советскими сотрудниками лагеря. Автор узнала об этом, когда брала интервью у русского краеведа, который был работником архива КГБУ при государственном архиве Хабаровского края. По его словам, в архиве сохранился документ касательно данного инцидента. Этот человек – исследователь по японскому интернированию – и раньше получал сведения об инцидентах в лагерях. Он пожелал сохранить анонимность и продиктовал автору содержание полученной справки, а также разрешил здесь изложить эту историю. Согласно этой справке, советской стороной было зафиксировано следующее: «Имели место сексуальные домогательства советского солдата в отношении медсестры. Так как женщина вернулась в барак лагеря очень поздно, охраннику это показалось странным и он доложил начальнику. Медсестра была вызвана на медицинский осмотр, врач подтвердил, что имели место сексуальные отношения. Когда прибыли в солдатскую казарму для допроса солдата, обнаружилось, что он застрелился. Медсестра М. была переведена в спецгоспиталь 1327 в июле 1946 года. 15 июня 1947 года она вернулась на родину» [9].

Надо отметить, что тогда в ст. 193 ч. 28 УК РСФСР от 1926 г. за насилие, совершаемое «по отношению к населению в районе военных

действий», предусматривалось «лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией имущества или без таковой, а при наличии отягчающих обстоятельств – высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества» [11]. Высшая мера социальной защиты – это смертная казнь.

Таким образом, в Советском Союзе этот инцидент был признан изнасилованием медсестры с последующим самоубийством насильника. Поэтому медсестру не судили, а позже она смогла вернуться домой. Однако в Японии изнасилованная женщина не смогла открыть постыдную правду перед обществом, поэтому история про самоубийство насильника была изменена. В Японии эту историю предпочли преподнести таким образом, что медсестра – не жертва сексуального насилия, потерявшая честь, а убийца, отстоявшая свою честь. Иначе, в случае огласки настоящей истории с ее изнасилованием, ей бы пришлось покончить жизнь самоубийством, потому что таковы были негласные правила общества Японии тех времён.

То, что жертва не может сказать правду о сексуальном насилии, является проявлением патриархальной культуры в Японии тех времён, где целомудрие – основное достоинство японской женщины.

Заключение

На примере женщин из Первого госпиталя сухопутных войск Цзямусы мы рассмотрели ситуацию с японскими женщинами, интернированными в Сибирь.

Во всех воспоминаниях женщин об интернировании в Сибирь присутствуют капсулы с цианистым калием и переодевание в военную форму. Они были поставлены перед выбором – применить данный им цианистый калий, чтобы сохранить свою честь или жить с бесчестьем. Нельзя сказать, что японские военнопленные-мужчины совсем не подвергались сексуальному насилию со стороны советских женщин, но о том, что они по этой причине были вынуждены совершать самоубийства, ничего не известно. Такие требования предъявлялись только к женщинам. В старом японском уголовном праве за прелюбодеяние наказывали только женщин. В японском обществе в то время считалось, что женщина должна совершить самоубийство, чтобы предупредить изнасилование. В 1947 г. прелюбодеяние как преступление было отменено.

Женщины по сравнению с мужчинами, испытавшими «тройной сибирский кошмар» – голод, холод, тяжелый труд, находились в лучших условиях. Во-первых, женщины занимались, помимо оказания медицинской помощи, другими работами, и к ним, в отличие от мужчин, не было применено понятие «нормы выработки». Во-вторых, прямо перед отправкой в Сибирь они получили со складов новую теплую зимнюю форму, включая теплые шапки, благодаря чему смогли пережить сибирские морозы.

Завершая статью, хотелось бы отметить, что до сих пор факты, касающиеся интернированных в Сибирь женщин, не были широко известны.

Во-первых, наверное, потому, что по сравнению с опытом почти 600 тысяч интернированных мужчин опыт немногих женщин представляет собой лишь опыт малочисленной группы.

Во-вторых, причина в том, что для японцев воспоминания об интернировании в Сибирь – это трагические воспоминания. На самом деле нельзя сказать, что прежде об опыте интернированных женщин в Японии не говорили, но правда в том, что это не привлекло особого внимания общества. Для японцев тот факт, что СССР вступил в войну против них в августе 1945 года, очень обиден, и даже по сравнению с фактом ядерной бомбардировки японских городов со стороны США волна ненависти к СССР сильнее.

В-третьих, женщины сами молчали. Когда женщины репатриировались на родину, считалось, что многие из них были подвергнуты идеологической обработке, а также были изнасилованы. Чтобы избегать лишних трагедий и строить новую жизнь, они предпочли молчать.

Прошло уже 74 года после окончания войны, многие ее события пересматриваются и, наверное, пришло время поговорить о многогранности и многоаспектности проблемы интернированных. Чтобы проводить исследования в этой области, необходимо рассматривать документы и российской, и японской стороны, а сотрудничество двух стран в этой области, к сожалению, все ещё не осуществляется должным образом.

Библиографический список

1. Галицкий В. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. Сентябрь.
2. Из интервью С. Мацумото автору 6 июня 2015 г.
3. Какимото Эмико. Итибан курусикатта кото (Самая тяжёлая вещь) // Каинкай кайхо (Дзямусу рикугун бёин-но кай-но кайхо). (Бюллетень общества бывших членов военного госпиталя Цзямусы). 1986. № 14.
4. Карпов В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование в Советском Союзе. 1941–1945. М., 2002.
5. Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003.
6. Кравцевич А.И. Спорные вопросы советско-японских отношений в период Второй мировой войны и содержание территориального спора // Российско-японские отношения в формате параллельной истории : коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ [науч. ред.: проф. Д.В. Стрельцов и доц. С.В. Гришачев]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; МОО «Ассоциация японоведов». М., 2015. С. 477–527.
7. Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г.: Соглашение // Сайт ист. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim19.htm (дата обращения: 19.12.2018).
8. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск, 1997.
9. Личный архив А.П. Лаврентцова.
10. Мацумото Такэо. Фудзё хорё юсо хива (Секретная история о перевозке женских интернированных) // Бунгэйсюндзю. 1982. Т. 60. Ч. 1. С. 32–33.
11. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года /Официальный текст с изменениями по состоянию на 01.03.1957 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901757374 (дата обращения: 19.12.2018).
12. Огава Мицуо. Тэнно-но фумиэ (Тест на верность императору). Токио, 1969.
13. Осима Юкиэ. Дзэнкоку ёкурюся хосё кёгикай симпозиум-ни санкаситэ (Отчет о симпозиуме Всеяпонского совета по компенсации бывшим военнопленным) // Каинкай кайхо (Дзямусу рикугун бёин-но кай-но кайхо) (Бюллетень общества бывших членов военного госпиталя Цзямусы), 1990. № 22.
14. Осима Юкиэ. Заданкай (Беседы интернированных в Сибирь). 10.11.1989. Место издания неизвестно.
15. Правда. 1945. 14 сентября.
16. Пушкарёва Н.Л. Советские женщины и японские интернированные в СССР 1945-1956 гг.: экстремальная повседневность и гендерный аспект аккультурации // Северу. Харбин-Урадзиосутоку о катару кай, Осака дайгаку дайгакуин гэнго бунка кэнкюка гэнся сэнко Фудзивара Кацуми кэнкюсицу. 2019. 35 (на япон.).
17. Русский архив. 2000. № 18–7 (2).
18. Сайто Рокуро. Кайсо-но сибэрия. Дзоку (Интернирование в Сибирь. Продолжение). (Место издания неизвестно), 1990.
19. Сакамото Тацухико. Сибэриа-но сэй-то си (Жизнь и смерть в Сибири). Токио. 1993.
20. Сато Коити. Корфовский. Исикирияма. Дай Дзюбунсё (10-е лаготделение) // Хорё тайкэнки (Воспоминания пленников). Т. 4. Токио, 1985.
21. Тойдзуми Ёнэко. Сирень и война. Воспоминания. Владивосток, 2018.
22. Тэрасаки Нобуко. Сёгэн (Свидетельства) // Сайт NHK Сэнсо сёгэн акаибусу (Архивы свидетельств войны). [Электронный ресурс]. URL: https://www2.nhk.or.jp/archives/shogenarchives/shogen/movie.cgi?das_id=D0001130210_00000 (дата обращения: 19.12.2018).
23. Тэцусаку-но ару сюкуся (Постой с железной оградой). (Автор, место и год издания неизвестны).
24. Утахара Тадёси. Сэйсюн-но косэки (Траектория молодости). Место и год издания неизвестны.
25. Эгути Т. Дзёбун-ни каэтэ (Вместо предисловия) // Хорё тайкэнки (Воспоминания военнопленных). Т. 6. Токио. 1988.
26. Postdam Declaration // National Diet Library, Japan. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/c06.html (дата обращения: 19.12.2018).

Г.И. Кабакова

Франция, Университет Париж-Сорбонна

У ИСТОКОВ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА: ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Неподготовленный читатель фольклорных сборников бывает неприятно поражен антифеминистским настроем всех сказок и легенд о происхождении женщины, половых признаков

и гендерной идентичности. Многие сюжеты и мотивы имеют широкое распространение, другие оказываются специфическими для восточных славян. Враждебное отношение к женщине восходит к библейской традиции и к комментариям к ней вроде агады, которые проникли и в устные варианты народной Библии. Так, изготовление первой женщины из тела мужчины комментируется размышлениями Бога о выборе материала, заимствованными из агады (талмудической литературы). «Из чего же ее сотворить? – Из глины? – Не будут любить друг друга. Нет, возьму часть у Адама и создам из нее жену, чтобы они прилеплялись друг к другу, были одно тело. Из чего же ее взять? Из головы – будет очень умна, станет головою мужа. Из руки – возьмет мужа в руки. Из ноги – будет бегать от мужа. Возьму ребро с левой стороны от самого сердца, из-под руки, чтобы сердечно любила мужа и была у него под рукою» (харьк.) [13, с. 91]. Другой украинский вариант, опубликованный Номисом (М. Симоновым), представляет особый интерес, поскольку обрастает конкретными образами, которые перекликаются с другими сюжетами на женскую тему: «Чому Бог не сотворив з ноги Адама? Щоб жінка по корчмах не бігала; чому не з руки? Щоб мужа за лоб не держала; чому не з голови? Щоб не була розумнійша од мужа, – але з ребра, щоб его пильновала и ёму вірно служила» [22, с. 173]. Собственно говоря, вся гендерная программа поведения очерчена в этих двух вариантах. Библейское создание Евы из ребра Адама может включаться в силлогизм с неожиданным умозаключением: «Так как Бог сделал Еву из ребра, то есть из тела, из плоти, которая грешная была, которая от Сатанаила, а не из души Адама, которая от Бога, то поэтому Ева и согрешила потом. Грех в ней, можно сказать, с самого начала зарожден был, причем самим Богом, он ведь решил ее сделать из адамова ребра» (киров.) [36, с. 234]. Создание женщины из ребра, вторичность ее появления из тела Адама используются в качестве объяснения ее подчиненного положения в семье [21, с. 228] и даже обоснования ее позиционирования в пространстве. Так, в Полесье традиционное для всех прихожан православных церквей расположение женщин слева и сзади объясняют тем, что Ева была создана из левого ребра Адама или поставлена Богом слева от Адама, значит, ее место и в церкви слева (брест.) [14, с. 196].

В связи с мотивом создания женщины уместно упомянуть и один из вариантов «Голубиной книги», своего рода народного катехизиса, где адамово тело служит исходным материалом для создания социума. От головы его зарождаются цари, от «мощей» бояре, а последние в этой иерархии: «Зародились крестьяна православные от того ли колена от Адамова», и «От того ж начался и женской пол» (олонец.) [3, с. 294]. Иными словами, женский пол вместе с крестьянами оказывается в самом низу социальной иерархии и возникает от нижней части тела – «колена». Впрочем, нельзя исключить и переносное значение *колена* в смысле «поколения».

Восточнославянская традиция сохранила следы и иных еврейских сюжетов и мотивов, в частности легенды, по которой Ева была создана из хвоста с жалом, который прежде был у Адама. Так, белорусы рассказывали, что Бог отрезал у Адама длинный хвост и положил рядом с ним. Из хвоста возникла Ева (мин.) [21, с. 229]. Еврейские представления об изначально двуполом первочеловеке отразились и в другой легенде. По этой легенде, Ева выросла из длинного хвоста Адама сама по себе, и первые люди долгое время составляли собой единое целое. Но дьявол соблазнил женщину и оторвал ее от мужчины, которому и достался хвост, а у женщины образовалась дыра. Так возникла взаимная тяга мужчины и женщины, от которой на свет рождаются дети (гом.) [21, с. 229].

Тема происхождения половых признаков разрабатывается и в других текстах, в частности в истории сотворения женщины в два захода. Можно предположить, что подобные сюжеты отражают представления о первой спутнице Адама – Лилит. В современном русском варианте Бог изначально создает женщину из теста, но она размякает, ее выбрасывают на дорогу, где собаки ее съедают. Второй (окончательный) вариант с половыми признаками был слеплен из глины, как и Адам (брян.) [6, с. 30]. Показательны парадигматические связи этого мотива: история женщины, изготовленной из теста, встречающаяся и в варианте из Киевской губернии [40, с. 148], входит в сказочный сюжет СУС 777[1] «Паны из пшеничного теста, мужики из глины». В отличие от упомянутого варианта «Голубиной книги», женщина здесь оказывается в одному ряду с «панами», то есть землевладельцами (часто польского происхож-

[1] Номенклатура «The Types of International Folktales» [43].

дения). Но смысл этой персонажной синонимии заключается в том, что и женщина, и паны предстают как комическое отклонение от нормы, воплощенной мужчиной В обоих случаях «съедобное» творение пожирается собакой, а окончательное делается заново, как в случае с женщиной, или извергается тем или иным способом из собаки, как в случае с господами (укр., бел., смол.) [21, с. 70–71].

Не только вторичное, но и не человеческое, а животное или дьявольское происхождение женщины становится предметом повествования и в сюжете ATU[1] «Женщина сделана из хвоста обезьяны». Ева, созданная из ребра Адама, сохла на солнце, когда ее схватила собака (черт, лиса). Господь бросился за похитителем, но ему удалось лишь оторвать у него хвост, из которого и был сделан окончательный вариант женщины. Или же Бог в наказание за то, что собака плохо сторожила человека, отрывает у нее хвост, обмазывает его глиной и делает из нее Еву (вят.) [17, с. 160]. «Собачье» или «чертово» происхождение, по разным версиям, сказывается либо на внешности, либо на характере слабого пола. В первом случае упоминаются волосы, длинные, как хвост у собаки (харьк., галиц.), во втором брехливость (тул.), хвастливость (пенз.), вертлявость (русские Карелии) или коварство (харьк.) [21, с. 228; 16, с. 59; 36, с. 235, 238–240; 13, с. 91]. В одном варианте ангелу – неудачливому сторожу – удается вырвать у пса изгрызенное ребро Адама, и Бог делает из него женщину, но ее продолжают называть «нечистым собачьим недогрызком» (харьк.) [13, с. 91]. Двойственная и даже инфернальная природа женщины возникает в белорусских вариантах сюжета ATU 1169 «Обмен голов» из разряда «сказки об одураченном черте»: Бог, услышав ссору бабы с чертом, приказывает святому Петру или Николе отрубить черту голову. Тот по неловкости отрубает головы обоим, а затем по ошибке приставляет бабе голову черта. Сказка служит объяснением способности баб обмануть самого черта (брест., мин.), а также и их сварливости (гом.) [29, с. 117–118; 15, с. 461; 35, с. 523]. Показательно, что этот этиологический сюжет, как и многие другие, цитируется как объяснение повседневной практики: им объясняли обычай носить платок, чтобы «не показывать рога» (смол., брест.) [8, с. 288–289].

Как и все народы, исповедующие авраамические религии[2], славяне считают Еву главной виновницей изгнания из рая. На ней лежит и ответственность за появление у Адама вторичного полового признака – адамова яблока, кадыка. В восточнославянском парабиблейском фольклоре встречаются и дополнительные детали: проглоченное Евой яблоко не растворилось бесследно, а превратилось в груди (скопцы, краснодар., гродн.) [36, с. 425; 10, с. 24; 32, с. 350–351].

Появление растительности на теле как часть процесса сексуальной дифференциации также может стать предметом сказочного комментария. Согласно карпатской легенде, Адам попросил волосы у Бога, чтобы внушить страх Еве. Бог посоветовал ему вымыться в реке. Так у мужчины появились усы, борода и волосы на причинном месте. Ева, испугавшись пчелы, трогает свой лобок мокрой рукой, отчего он тоже покрывается волосами (галиц.) [7, с. 19–20]. Половые органы во многих вариантах сказки ATU 773 «Соперничество Бога и дьявола» предстают как результат дьявольских козней, поскольку изначально Бог и Сатана создали бесполых людей. Затем Сатана топором прорубает щель первым женщинам, подсказывая им делать все наперекор мужьям, в ответ Бог наделяет половыми органами мужчин (арх.) [36, с. 232–233]. Или же женщины обрезаются об косу, которую выставил черт, отчего у них возникает и «удовольствие», т.е. половые органы, и месячные (мин.) [34, с. 443].

У белорусов, украинцев, возможно и у русских, был известен широко распространенный в мире сюжет о первоначально «недошитых» людях, т.е. состоящих из двух половинок. Бог дал им по клубку ниток, чтобы они сшили свое тело. Адам начал шить снизу вверх, оставив висеть конец нитки; у него образовался избыток ниток, который он и оставил под горлом, так появился кадык. Жена Адама стала шить сверху вниз, ниток у нее не хватило – так у обоих появились гениталии (подол., могил.) [18, с. 2, 165; 2, с. 133]. В белорусском варианте появляется деталь, подчеркивающая дурные наклонности женщины: люди сами должны были купить себе ниток на выданные Богом деньги. Мужчина получил от Бога на две копейки больше и купил больше ниток. Их избыток и стал мужским членом; тогда как баба решила украсть часть денег, поэтому ниток у нее оказа-

[1] Номенклатура «The Types of International Folktales» [43].

[2] Иудаизм, христианство, ислам.

лось еще меньше, отчего у нее и образовалась дыра (мин.) [34, с. 389–390].

Месячные в еще большей степени предстают результатом наказания. Возникновение менструации становится наказанием за неуместное любопытство. Служанка нарушила запрет Богородицы и открыла ее сорочку, окрашенную первыми месячными (гродн., могил., подол.) или кровью, пролитой при родах (гуц.) [23, с. 91; 42, с. 207–208]. В одном варианте некая женщина нарушает запрет Бога смотреть на свою родовую нечистоту (гродн.) [32, с. 351]. У гуцул была записана и легенда, широко известная на Балканах: Богородица попросила Бога «перевести» месячные от мужчин женщинам, поскольку у мужчин много работы [23, с. 91].

Как и женская физиология, особенности развития ребенка воспринимаются как божья кара за женскую слабость. Многие сказки о женских бедах имеют один и тот же зачин: женщины вступают в переговоры с Богом. Они просят, чтобы, как у животных, беременность длилась только месяц (том.) или чтобы дети сразу после рождения могли ходить, но не соглашаются на условие, поставленное Богом: сходиться с мужьями только раз в год (новг., краснодар., брест., мин., витеб.) [36, с. 243–244; 33, с. 430–431; 34, с. 441–442; 25, с. 65–66; 1, кассета НМКи 98-08-66-1]. Популярный во всей Европе сюжет «Почему дети не ходят с рождения?» может иметь и другой вариант. Изначально никто из детенышей не умел ходить с рождения, и все матери должны были носить их на руках до года (или носила их всех женщина, могил.) [19, с. 52]. Бог сжалился над ними и стал бросать детенышей через забор, ворота или речку. Они тут же вскакивали на ноги и бежали как взрослые. Все, кроме женщины, доверили ему своих детенышей, поэтому Бог присудил ей носить ребенка на руках год или даже три года (русские в Карелии, черниг., закарп.) [36, с. 243; 21, с. 249–250].

Женщины пытались вести переговоры с Богом и по поводу работы. Первоначально и все изнемогали от избытка работы и решили просить Бога убавить ее. Но как и во многих других ситуациях, мужчины поступили правильно, выбрав в качестве посланца сокола, который благополучно долетел до Бога, а женщины, как всегда ошиблись, решив действовать самостоятельно и поручив свое послание сове. Поскольку сова днем засыпала, она так никогда и не добралась до неба. Просьба мужчин была удовлетворена, поэтому теперь они работают меньше, чем женщины, заключает сказка (волын.) [9, с. 170–172].

Ответ на тот же вопрос содержится в популярном у всех восточных славян сюжете «Почему у женщины нет свободного времени», варианте сюжета ATU 779 «Бог награждает и наказывает». Как правило, в разных версиях этой легенды Бог (или Христос) обращается сначала к женщине, затем к мужчине с одной и той просьбой. Оба заняты своим делом, но реакция их различна: женщина отказывается выполнить просьбу Бога, ссылаясь на занятость, в то время как мужчина перестает работать и исполняет просьбу. Иногда подчеркивается, что Бог, которому все известно, хотел таким способом испытать людей (смол.) [36, с. 276]. В результате по приговору Бога /Христа женщина в отличие от мужчины лишена досуга. Самая распространенная ситуация, отмеченная повсеместно, происходит в поле, когда Бог, часто в виде странника, просит указать ему дорогу. Женщина не отвечает или объясняет, что она занята, и не хочет указать ему путь, не оказывает почтения, отвечает, не разгибаясь (гом.), показывает направление головой (гродн., гом.) или ногой (брест., гом., витеб.) [26, с. 10–11; 21, с. 102–104; 32, с. 370–371; 33, с. 434–435; с. 35, с. 607; 25, с. 63–64]. В других вариантах она отказывается открыть ворота (твер., новг.), перевезти на лодке (твер., закарп.), спрятать от преследователей (твер.), дать воды (арх., гом.), посидеть поговорить (твер., бел.) [1, касссеты ТАХ 98-08-03-1; ТАХ 98-08-02-2 ; НСВз 00-03-16-1; НСИ 98-11-08-1 ; 36, с. 275; 28, с. 39–40; 21, с. 104; 33, с. 434–435; 35, с. 607; 25, с. 63–64; 19, с. 103]. Иногда Бог испытывает людей вопросом о происхождении их знаний: у мужчины он спрашивает, кто его научил сеять, и тот дает правильный с точки зрения народной традиции ответ – «Бог», а на вопрос, кто научил женщину месить тесто, она похваляется, что выучилась сама. Тогда Бог произносит свой приговор: «Ну и трясись, как Сатана!» (новг.) [1, кассета НСВз 00-03-16-1]. Вторая часть может редуцироваться, поскольку основной интерес легенды – именно судьба женщины. Иногда мотив просьбы отсутствует, и женщина наказана за то, что не отвечает на приветствие «здравствуй» (витеб.) или «божья помощь!» (ленингр.), или за то, что женщины набрасываются с коромыслами на Бога, присевшего у родника (арх.) [1, кассета ЛБС 98-03-24-4; 25, с. 62–63; 36, с. 275].

В белорусских вариантах этиологическая концовка может быть несколько иной: в награду за правильное поведение мужчина работает стоя, а женщина в наказание – согнувшись «раком» (витеб., гом., гродн.) [21, с. 102–103; 25, с. 63–65; 32, с. 372; 35, с. 607]. В одном варианте наградой выступает здоровье: Бог дает мужику здоровье на лопате, а женщине за то, что она не работала, а смотрела по сторонам, только на вилах (брест.) [33, с. 431-432].

Этот сюжет может контаминироваться и с другим столь же популярным сюжетом, ATU 779G «Преступления против хлеба»: Бог чуть не оставил человечество без злаков, решив наказать за проступок, совершаемый чаще всего именно женщиной. Либо она оказывается слишком самонадеянной, как в предыдущей сказке (брян., гродн., гом.) [21, с. 492, 496–497; 20, с. 37; 4, с. 181], либо оскверняет хлеба и высказывает непочтение к сакральному персонажу, либо выражает неуважение к злакам. Осквернение может принимать разные формы. Женщина подтирает зад себе или своему ребенку блином (лепешкой) (кур., твер., новг., ленингр., русские Удмуртия, укр.-полес., прикарп., харьк., полт., брест., гом., витеб.), коркой от кукурузы (прикарп.), мочит блин в помоях (волын.), вытирает блином стол (курган.), разрешает ребенку испражняться на колос (закарп.) [1, кассеты НСИ 98-11-08-1, НЛН 98-01-01-1, ТАХ 98-08-03-2, ЛТП 98-03-02-4; 21, с. 446–447, 452, 456–458, 463, 470–471, 477–479, 486–493; 36, с. 216–217; 4, с. 181, к. 5 ; 27, с. 49]. А затем она подает оскверненный блин или хлеб Христу (твер., с.-, ц.-укр., брест., гом., мин.), бросает Христу в лицо сырое тесто (укр.), черствую корку (днепропетр.), хлебные крошки (гродн.) [1, кассета ТТУ 97-01-04-4; 21, с. 445–447, 452, 457–461, 466–467, 480, 490–491; 18, с. 4–5, 4, с. 171–172 ; 5, с. 373-374 ; 30, с. 163; 24, с. 67; 37, с. 552]. Негостеприимная хозяйка отказывает Христу, Богу или св. Петру и Павлу в облике странников в куске хлеба, а сама выкидывает хлебные крошки на помойку (ровен., жит., льв.) [21, с. 451, 456; 38, с. 82]. Женщины ругают злаки в момент жатвы (в.-бел.), жалуются на тяжелый труд и просят уменьшить колос (смол., брян.) или сделать его повыше (брян.) [21, с. 468; 36, с. 214–216]. Иногда сказка дает объяснение подобным жалобам: жница была беременна, поэтому ей было трудно жать (брян., гом.) [36, с. 214–216; 20, с. 37–38].

В фольклоре женщина несет ответственность за то, что занимает подчиненное положение в семье. Действие сказки ATU 791 «Христос и св. Петр на ночлеге» начинается в те волшебные времена, когда в доме командовали женщины. Христос и св. Петр, редко и Павел, приходят на ночлег в дом, где всем заправляет хозяйка-пьяница. Она набрасывается на нежданных гостей, побои достаются св. Петру или Павлу, а иногда и им обоим (херс., киев.) [30, с. 158]. На следующую ночь святой меняется местами с Христом, но снова все колотушки обрушиваются на него. В редких случаях жертвой бабьего произвола становится Христос (новг.) [36, с. 279–280].

Иногда сказка содержит мотивировку: изначально женщина страдает от побоев мужа, св. Петр вступается за нее и просит у Христа, чтобы он перераспределил семейные роли. В русском варианте из Карелии Христос подозревает, что св. Петр заступается за женщин, потому что они копят в его пост сметану, чтобы принести в жертву святым [36, с. 280–283]. Или св. Павел выступает заступником женщины по ее просьбе (херс.). Полученные от пьяной бабы побои заставляют Петра или Павла просить Христа вернуть мужчине старшинство в семье (терские казаки, смол., херс., харьк., закарп., мин.) [36, с. 276–279; 12, с. 146–147; 39, с. 32–33; 34, с. 447–448; 8, с. 291–292; 41, с. 124–126].

Отсутствие прав у женщин может оказаться результатом неудачного стечения обстоятельств в сюжете ATU 200 «Собачьи права»: бумага, удостоверяющая права женщин, была утрачена по вине кошек, собак и мышей, поэтому мужья обладают полной властью над женами (киев.) [11, с. 623].

Сказки могут толковать и такое неправильное с точки зрения общества явление, как внебрачные связи. В украинском фольклоре проблема поиска спутника жизни отсылает к первым временам. Легенды рассказывают, что у Адама было семь сыновей и восемь дочерей (галиц.) или двенадцать сыновей и тринадцать дочерей. И все девушки-матери восходят к той из дочерей, у которой не было мужа и которая рожала от всех братьев (галиц., лемки). Легенда может возводить происхождение развратных женщин к потомству Ноя, у которого также было тринадцать дочерей и двенадцать сыновей. Тринадцатая дочь, оставшаяся без пары, и стала первой развратницей (подол.) [21, с. 246; 44, с. 155].

Фольклор объясняет сложности женской судьбы либо неблагоприятными стечениями обстоятельств, при которых женщина находит не лучший способ решения своих проблем, либо чаще всего ее неправильным поведением. Оно не приводит к улучшению ее ситуации, а еще больше усугубляет подчиненное положение женщины в семье и в обществе. Больше того, неправильные женские поступки могут иметь катастрофические последствия для всего рода человеческого и даже всего мироздания.

Библиографический список

1. Архив Кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ (Санкт-Петербург). Кассеты НМКи 98–08–66–1, НСВз 00–03–16–1, НСИ 98–11–08–1, НЛН 98–01–01–1, ТАХ 98–08–02–2, ТАХ 98–08–03–1, ТАХ 98–08–03–2, ТТУ 97–01–04–4, ЛТП 98–03–02–4.
2. Белова О.В. Славянские этиологические тексты: общее и особенное (на примере восточнославянских региональных традиций) // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XVI Международный съезд славистов. (Белград, 20–27 августа 2018 г.). Доклады российской делегации. М., 2018. С. 301–324.
3. Бессонов П.А. Калеки перехожие. Т. 1. М., 1861.
4. Боганева А. Беларускія версіі легенды пра колас: варыянтнасць, тыпавыя і рэдкія матывы, геаграфія распаўсюджання // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Мінск, 2015. Вып. 2. С. 171–189.
5. Булашев Г. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909.
6. Легенды, предания, устные рассказы Брянской области / Сост. В.Д.Глебов. Брянск, 2012.
7. Гнатюк В. Галицько-руські народні леґенди. Т. 1. Львів, 1902 (Етноґрафічний збірник. Т. 12).
8. Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб., 1891.
9. Драгоманов М. Малоросские народные предания и рассказы. Киев, 1876.
10. Народные этиологические рассказы в современных записях / Публ. В. В. Запорожец // Живая старина. 2014. № 2. С. 24–25.
11. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Имп. русского географического общества. Пгр., 1916. Вып. 3.
12. Иванов П. Из области малорусских народных легенд // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 142–156, № 4. С. 71–94.
13. Иванов П.А. Из области малорусских народных легенд (материалы для миросозерцания крестьянского населения Купянского у.) // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3. С. 65–97.
14. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
15. Казкі у сучасных записах / Склад. К. П. Кабашнікаў, Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1989.
16. Колчин А. Верования крестьян Тульской губ. // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 42. № 3. С. 1–60.
17. Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.
18. Казки та оповідання з Поділля. В записах 1850–1860-х рр. / Упоряд. Микола Левченко. Вип. I–II. Київ, 1928.
19. Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. Мінск, 1983.
20. Лопатин Г.И. Легенды о кошачьей и собачьей доле // Живая старина. 2010. № 4. С. 36–38.
21. Народная Библия: восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
22. Номис М. (М. Симонов). Українські приказки, прыслівья и таке инше. СПб, 1864.
23. Онищук А. З народнього житя Гуцулів // Матеріяли до української етнольогії. 1912. Т. 15. С. 90–158.
24. Охомуш К.А., Сизько А.Т. Архаічні елементи народної духовної культури степової Украши. Дніпропетровськ, 1991.
25. Полацкі этнаграфічны зборнік / Уклад. У. А. Лобача. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 1. Наваполацк, 2011.
26. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. IV: сказки космогонические и культурные. Витебск, 1891.
27. Рычкова Е.В. «Народная Библия» зауральских старообрядцев // Живая старина. 2015. № 1. С. 47–49.
28. «Коли Христос по землі ходив». Народні оповіді / Упоряд. І. Сенько. Ужгород, 1993.
29. Сержпутоўскі А. К. Казкі і anавяданні беларуса у Слуцкаґа павета. Мінск, 2000.
30. Сборник малорусских сказок / Материал записан Г. Стрижевским // Киевская старина. 1905. Т. ХС. Июль–сентябрь. С. 117–165.
31. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.
32. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 3. Гродзенскае Панямонне. Кн. 2. Мінск, 2006.
33. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 4. Брэсцкае Палессе. Кн. 2. Мінск, 2009.
34. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 5. Кн. 2. Цэнтральная Беларусь. Мінск, 2011.
35. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе. Кн. 2. Мінск, 2013.
36. У истоков мира: русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М., 2014.
37. Усачёва В.В. Колос // Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 552–556.
38. Франко І. Людові віруваня на Підгірю // Етноґрафічний збірник. Т. 5. 1898. С. 76–98, 160–218.

39. Легенди та перекази Міжгірщини / Упорядкування, підготовка текстів, вступна стаття, примітки та словнук І. В. Хланти. Ужгород, 2010.
40. Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1872.
41. Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах В. Н. Ястребовым. Одесса, 1894.
42. Federowski M. Lud Bialoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1.
43. Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Helsinki, 2004 (FF Communications, vol. CXXXIII–CXXXV).
44. Zowczak M. Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej. Wrocław, 2000.

И.И. Калачева
Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ: ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ ГОРОЖАН

Советская семья в 70–80-е гг. XX века как первоэлемент быта, его ячейка являлась важнейшим социальным институтом в политическом, социально-экономическом и культурном развитии Белорусской ССР. В обществе бытовали положительные стереотипы в отношении семейно-брачного статуса человека и его значения для жизненного успеха. Семейный человек обладал более высоким статусом, чем несемейный, его ролевые функции имели общественное признание и авторитет. А разводы как асоциальное явление были довольно редким явлением, в основном семьи были полными. Но если женщина или мужчина состояли в разводе, их положение подвергалось общественному осуждению, хотя и негласному. «Гражданский брак» (сожительство) как явление не был распространен.

За период становления и строительства развитого социализма произошли крупномасштабные социальные изменения, а именно, сближение разных форм социалистической собственности, стирание различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, упрочнение социально-политической системы. Все эти изменения существенно сказались и на сфере семейно-брачных отношений. В городской и сельской семье решающее значение имели черты мировоззрения, ценностные ориентации, отношения и стиль поведения, основанные на коммунистической идеологии. Формирование личности социалистического типа, воспитание всестороннего гармоничного человека – задача, которая была важнейшей на пути к коммунизму.

Семья социалистического типа – новая и закономерная ступень на пути к семье коммунистической формации, – отмечал белорусский философ и социолог С.Д. Лаптёнок в своей работе. Характеризуя советскую семью, ученый писал, что взрослые члены семьи в подавляющем большинстве – это высокообразованные, культурные, духовно богатые люди. Они способны не только к разумной организации потребления материальных и духовных ценностей общества, но и к выполнению весьма благородной миссии: апробации в микросреде общественных идеалов [7, с. 32–33].

Идеализация целей по движению общества к коммунизму определяла и установки молодежи относительно семьи. В этот период сложились такие общественно значимые социокультурные нормы, которые необходимо было учитывать в выборе спутника жизни. Юноши должны были быть хорошими специалистами, при этом ценность составляли рабочие профессии, уверенными в себе и любящими своих родителей сыновьями, ответственными отцами, не злоупотребляющими алкоголем. Девушки должны быть трудолюбивыми, хозяйственными, послушными, добрыми, любить своих родителей и помогать им.

В.М. Иванов, белорусский этнограф, историк, исследующий городскую семью в обозначенный период, писал, что главное, что объединяет молодых людей, которые хотят создать семью, – это их любовь друг к другу, желание пронести радости и горести через всю семейную жизнь. Советская семья как ячейка общества была воплощением стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Такое же мнение утверждалось и другими исследователями – В.К. Бондарчиком, В.Н. Белявиной, И.Н. Браимом [2, с. 11–12].

Важнейшим документом, в котором были зафиксированы принципы нравственного вос-

питания советского человека, был «Моральный кодекс строителя коммунизма». Документ включал ряд норм, которые определяли основы мироощущения каждого советского человека и каждого члена семьи.

Кодекс являлся программным документом, направленным на формирование гражданина, профессионала и семьянина. В документе содержались универсальные нормы нравственного воспитания, важные для каждого советского человека, однако его контекст включал важнейшие ценностные ориентиры, характерные для белорусского народа. К примеру, это относится к такой категории, как трудолюбие. У белорусов есть поговорка: «Работать не будешь – человеком не станешь» («Працаваць не любіш – чалавекам не будзеш»). А также к таким категориям, как коллективизм, товарищество, взаимопомощь: «Один за всех и все за одного» («Адзін за ўсіх, і ўсе за аднаго»).

Богатство национальных традиций белорусского народа, масштаб его мышления и постулаты, зафиксированные в фольклорных и этнографических источниках, позволяют утверждать, что цели Кодекса отражали уникальность и самобытность жителей страны. К примеру, малые формы устного народного творчества содержат конкретные установки относительно семьи и брака, воспитания детей и отношения к старшим поколениям. «Бацькоў любі, старых паважай» («Родителей люби, а старших уважай»), «Хто бацьку шануе, той сабе неба гатуе» («Тот, кто отца ценит, тот себе благословенье божье готовит»), «Дзе ў сям'і лад, там і дзеці добра гадуюцца» («Если в семье лад, то в ней и детям вольготно») – этот ряд поговорок и пословиц можно продолжить, но очевидно то, что у белорусского народа существовали ясные представления о духовно-нравственных основах жизнеустройства, это нашло отражение и в системе семейных ценностей добрачной молодежи и молодых семейных пар.

Добрачный период – обязательная фаза отношений молодых людей, предшествующая семейной жизни. В 70-е гг. XX в. демократизация добрачного этапа жизни была очевидной. Уже больше не существовало запретов в отношении социального статуса жениха (невесты), семьи прародителей, материального достатка и пр. Новые прогрессивные тенденции в семейно-брачных отношениях, к которым относятся демократизация внутрисемейных отношений мужа и жены, родителей и детей, изменение межпоколенных взаимосвязей, проникновение новейшей моды в одежде, строительстве и убранстве жилища, оказывали благотворное влияние на молодежь, – отмечается в работе С.Д. Лаптёнка [7, с. 35].

Развитие и формирование нового человека – слоган, который был актуализирован в системе общественных отношений советского периода достаточно выразительно. В общественном сознании был сформирован запрос на воспитание такого человека. Советский человек – это, прежде всего, нравственная личность, формирование которой начиналось с детства. «Дети – цветы жизни», – эта распространенная фраза стала отражением устоявшегося общественного мнения по отношению к подрастающему поколению.

Однако, как отмечали социологи и психологи, наряду с типичными явлениями в семейно-брачных отношениях возникали и «типологические», которые были обусловлены средой, воздействием научно-технической революции и пока что морально неотрегулированные. Сюда относятся ослабление семейных и соседских контактов; обеднение эмоционально-словесного выражения интимных переживаний человека; угасание интереса к почтовой переписке с родителями; стремление к необдуманным развлечениям и затратным семейным праздникам и т.п. [7, с. 35]. А нерешенные проблемы стирания существенных различий между городским и сельским укладами жизни выявили новую проблему – переезда больших групп молодежи на другие территории.

Именно в 60–70 гг. XX в. наблюдались признаки массового переезда молодёжи в города. В послевоенное время основная часть жителей была сельской, однако большая часть жителей, проживая в поселках городского типа – местечках, относились к горожанам. Местечковость как среда проживания во многом определяла мировоззрение ее жителей[1]. Многие молодые люди, жившие в таких местечках, твердо были уверены в том, что их семейная жизнь сложится на своей земле, там, где они родились – Дзе нарадзіўся там і згадзіўся (где родился, там и пригодился). Их мысли о будущем были связаны с такими важными ценностями, как строи-

[1] К местечкам относились поселения, в которых проживало от 1-2 тыс. жителей до 15-20 тысяч. Уклад жизни и установки жителей в основном формировались в связи с направлением хозяйствования на данной территории. Как правило, это были сельскохозяйственные районы.

тельство собственного дома, ведение хозяйства с непременным наличием домашнего скота, поддержание связей с родственниками и соблюдение традиций этого края. Эта часть молодёжи являлась носителями традиции. Поэтому для нее ценности старшего поколения были аксиомой жизни, правилом с понятными целями.

Однако многие юноши и девушки уже оценили другую жизнь – их все больше привлекали города с их многообразными возможностями. К примеру, влияние телевидения, которое активно распространялось среди разных групп населения, явилось сильнейшим толчком для познания других культур, а воздействие кинофильмов, не только советского производства, но и западного, усиливало тяготение к иному. В западной части БССР молодежь раньше, чем жители ее восточных областей, знакомилась с польской культурой и ее традициями. Влияние новых модных тенденций в музыке, одежде, развлечениях становилось доступным благодаря близости границ и лучшим возможностям для общения. К примеру, молодежь привлекали новомодные тенденции в молодежных субкультурах. Стиляги и хиппи, которые как движения протеста против однообразия и авторитарности, зародившиеся в 1960-е гг., продолжали будоражить умы молодых и оставались очень влиятельным для многих. Влияние на умы и настроения молодежи оказывала и западная литература.

Республиканская газета «Знамя юности» опубликовала разоблачительную статью под названием «Продавцы иллюзий», в которой раскрывались признаки такой литературы и пагубность ее влияния на советского человека. Ю. Кипричников писал, что подобная литература представляет молодежи убогий стереотип, образ героя явно не соответствует идеалам советского человека. Такое «чтиво» – это проявление массированного идеологического наступления западной буржуазной пропаганды на молодежь. Эти произведения отравляют сознание молодежи, прививая ей привычку к пассивности, покорности судьбе, призывают отказаться от всякой активной борьбы за переустройство общества [4, с. 3].

В 1970-м году прошлого столетия выходцы из разных мест БССР составили 50% городского населения страны. Стремительность роста городских жителей очевидна по анализу статистических данных: удельный вес горожан в 1970 г. составил 43%; в 1990 г. – 66%; в 2009 г. – 76% общей численности населения [3, с. 66].

Этносоциологическое исследование, проведенное в 1980 году АН Белорусской ССР в 17 городах республики, показало, что значительную часть горожан составляют недавние переселенцы. Так, 10% горожан составили новоселы, которые жили в городах до 3-х лет, 10% – от 3-х до 5-ти лет, 59,7% опрошенных также были выходцами из деревни, но проживали в городе более 5 лет. Особенно густонаселенным являлся и остается до сих пор город Минск, среднегодовой прирост жителей которого составлял в период с 1960 по 1970 гг. 5,5%.

Демограф С.А. Польский отмечает, что в 1960–1973 гг. население Минска увеличилось на 91,7%, в то время как занятость в народном хозяйстве города возросла на 110% [8, с. 92–94]. Это говорит о том, – указывает автор, – что часть пригородного населения, не меняя места постоянного проживания, работает в Минске. Решающее значение в притоке населения в Минск имела Минская область. Из области в город за период с 1965 по 1972 гг. приехало 156,4 тыс. человек, т.е. 51,2% всех прибывших в Минск из Белорусской ССР, или 36,7% общего числа мигрантов.

Очевидно, что сложилась устойчивая траектория передвижения: в основном молодежь устремлялась в столицу, город Минск. Информатор Ирина: “… Минск – удивительный красивый и молодой город, я так хотела здесь учиться…” [10, л. 345]. Молодые люди из областей республики, как правило, выбирали свои областные города и приезжали туда, а сельчане выбирали “свой” город, в зависимости от того, какой информацией они располагали. Очень часто ехали туда, где уже учились или работали земляки. Влияние на выбор места переезда оказывали также и дружеские отношения: уехать с другом (подругой) было обычным явлением.

Важным мотивом был мотив поиска работы и устройство на заводы и фабрики. Из воспоминаний информатора Надежды: «Я родилась в 1940 г., была последним, седьмым ребенком в семье и как только стала осмысленно смотреть на окружающую меня действительность, поняла, что жить в деревне не смогу. А тут как раз приехал в нашу деревню вербовщик, стал рассказывать о том, что в Минск на радиаторный завод требуется молодёжь. Не задумываясь, приняла решение об отъезде» [10, л. 345].

При исследовании социальной структуры

населения Минска существенным является вопрос: из каких категорий поселений прибыли его новые жители? Как показывают данные, наибольшее количество мигрантов из городской местности дали городские поселения с числом жителей до 20 тыс. человек, где сфера применения труда незначительна, сеть учебных заведений с профессиональным уклоном развита слабо. Другая значительная часть населения Минска, живущая в городе менее двух лет, прибыла из сельской местности. Если же учесть, – указывает С.А. Польский, что некоторая часть жителей, прибывших в Минск из малых городов и поселков, куда многие из них перебрались незадолго до переезда в Минск, до этого постоянно проживала в сельской местности, то цифра мигрантов, прибывших из села, вероятно, должна быть увеличена [8, с. 93–94].

В 1970-е г. белорусские журналисты, изучая проблему массового перемещения молодёжи в город, писали статьи и очерки о причинах данного явления, пытались найти положительные примеры. Журналист Ф. Заяц в статье «Взросление» рассказал о Екатерине Долгой, уроженке Ветковского района Гомельской области, и ее поиске ответа на вопрос: «Что делать?». «Люблю свою деревню, но молодёжи в нашей деревне, кроме школьников, нет. Все – в городе. И мне, что ли, поехать туда?», – задавала риторический вопрос Екатерина. Участие журналиста в судьбе девушки, а именно направление ее на повышение квалификации, что повлияло на ее карьерный рост, помогло решению вопроса, и Екатерина осталась в своей деревне. Конечно, такого рода журналистские расследования коренным образом не влияли на ситуацию выбора молодежью своего пути, однако ставили перед органами власти важнейшие вопросы [1, с. 3].

Переезд на другую территорию и ее освоение требует длительного периода адаптации. Понятие адаптация рассматривается разными науками в зависимости от специфики предмета исследования. Но в основном под адаптацией понимают приспособление к новому таким образом, что человек не чувствует различий в образе жизни, поведенческих установках, отношении других людей к себе. Считается, что адаптируются лучше к новым местам женщины (девушки), семейные пары, семьи с маленькими детьми, более образованные мигранты.

Исследуя структуру категорий переселенцев в белорусские города, стоит заметить, что она была очень разнородной. Но один из признаков, несомненно, был объединяющим – это возраст переселенцев. Как правило, он варьировался от 17 до 29 лет.

Как известно, молодежь обладает такими качествами, как способность к изменениям, мобильность, активность, познание нового, любознательность и др. Образ городов был настолько привлекателен для молодежи, что воспоминания о первых впечатлениях до сих пор свежи. В интервью с переселенцами из разных городов Беларуси прослеживаются нотки восхищения городским укладом жизни, красотой и пространством городских улиц и проспектов. «Просторные и шумные улицы, большое количество транспорта, магазины, аптеки – все это вначале немного пугало…» (респондент – мужчина, 1960 г. рождения, приехал в Минск в 1970-е гг.); «Мы с девчонками ходили гулять в парк Челюскинцев. Там нам нравились карусели и другие аттракционы, особенно американские горки – Супер-8, в парке всегда было много молодежи» (респондент – женщина, 1933 г. рождения, приехала в Минск в 1940–1950-е гг.) [10, л. 346]. Восприятие города и его сторон жизни оценивалось мигрантами с позиции сельских жителей, которые смотрели на уклад городской жизни с восхищением или, наоборот, с испугом. Но очевидно, что все же позитивное отношение преобладало.

Сельское население, прибывшее в город, – отмечает С.А. Польский, хотя и является по месту жительства городским, однако на первых порах еще мало подвержено влиянию урбанизации [8, с. 92]. Жизнь вчерашних мигрантов сохраняет вначале сельские черты, но скоро городские черты в укладе жизни становятся доминирующими. Процесс «врастания» сельской молодёжи в городской образ жизни очевиден, прежде всего, в принимаемых нормах поведения. Эти перемены вначале носят характер внешней адаптации, проявляющийся во внешнем заимствовании, например, элементов моды. Однако заимствование очевидно не только в одежде, но и правилах поведения в общественных местах, в межличностных отношениях и т.п.

Переезд в город для многих молодых людей – это определенный социальный барьер, который не всем удавалось преодолеть сразу. Некоторые молодые люди поддавались «соблазнам» городской среды: рано приобщалась к курению, распитию спиртных напитков и др.

Далее следует этап внутренней адаптации, когда молодые переселенцы учились принимать нормы городской жизни, правила культурного и материального потребления.

Создание семьи и жизнь на новом месте оказались для многих переселенцев настоящей «революцией» в умонастроениях и мышлении. Структура семейных пар (новоселов) по социальному признаку, по образованию супругов, по религиозности, по их национальности разнородна. К примеру, молодые люди стали семейной парой, будучи студентами. Их «семейная лодка» сталкивалась со множеством проблем: доучиваться или сразу идти в декрет, на какие средства жить, снимать квартиру или «выбивать» семейное общежитие? А если брачный союз заключается между жителем города и деревни?

К проблемам семейно-брачных отношений относятся и вопросы религиозной принадлежности. Несмотря на то, что атеистическое воспитание являлось частью советского образа жизни, вопрос религиозной принадлежности был острым, хотя его регулирование на уровне родственных отношений было скрытым. Браки молодых людей, принадлежащих к разной вере (и чаще всего – национальности) не приветствовались, поощрялись браки между «своими». «…Когда я вышла замуж за католика по вере и поляка (по национальности), – делится своими мыслями Анна, 32 года, уроженка г. Волковыска, то столкнулась с тем, что родственники мужа не одобряют его выбор из-за того, что я православная, а значит – белоруска. Тетя мужа не пришла на нашу свадьбу, мы ее навестили после нашего бракосочетания. Когда она узнала, что меня зовут Анна, вымолвила: «Ну, так хорошо, что у тебя имя польское хотя бы». Сколько мы жили с мужем – она так и не стала для нас родной, сторонилась меня….» [10, л. 347].

Т.Г. Стефаненко, этнопсихолог, изучая феномен национальной идентичности, выявила прямую зависимость между национальностью и вероисповеданием. Опираясь на мнения респондентов – жителей западных областей Беларуси, она приводит примеры коренного изменения представления о самоидентификации. Молодой человек (35 лет, уроженец приграничного с Польшей района из Брестской области) никогда ранее не бывал у своих родственников на польской территории. Но когда открылись границы и стали возможными посещения родственников, то его мнение относительно своей национальности «поляк» было изменено полностью. Какой же я поляк? – воскликнул молодой человек. Поляки – это совсем иные люди, с другими установкам и представлениями о жизни. Я – белорус, хотя по вере – католик! [12, с. 220]. Данная особенность идентификации, по признаку вероисповедания, является характерной для части жителей Беларуси из западных и центральных регионов страны. И это сказывается на формировании культуры добрачных отношений, на создании семьи. В процесс ухаживаний вмешивались близкие родственники молодых людей, осуждали «неверный» выбор, указывая на то, что необходимо «придерживаться» своей веры. А если случались конфликтные ситуации, но все же пара выдерживала «натиск» родственников, обязательной нормой было принятие новой веры одной из сторон.

У горожан знакомство жениха и невесты с их родителями происходило до свадьбы, молодые представляли друг друга своим родителям. «Смотрины» заканчивались договоренностью о дате официальной регистрации брака, вкладе каждой стороны в подготовку свадебного застолья. Обсуждался вопрос жилья, материальной поддержки со стороны родителей.

Важным элементом «смотрин» был вопрос о материальном вкладе каждой из сторон в поддержку молодой семьи. Наличие приданого («пасага») существенно влияло на благосостояние семьи, определяло уровень ее достатка. В 1960–1970-е гг. его структура значительно изменилась. Если в состав «приданого» в прежние годы обязательно включались «наделы» земли, дома, предметы быта, обихода, постельные принадлежности, одежда, продукты питания и др., то в этот период приданое уже не имело большого значения.

Ирина (58 лет, родилась в небольшом местечке западной Беларуси) вспоминает: «…вышла замуж в 20 лет за католика, белоруса, являясь православной верующей, но по духу – атеисткой, как вся в основном молодёжь. Первая встреча в родителями жениха произошла на свадьбе, а вторая – уже в их доме. Помню, повел меня свекор в кладовые показывать запасы приданого его сына, уже тогда официально моего мужа. Увиденное настолько меня потрясло, что я сразу оценила всю разницу между моей родительской семьей и их. В кладовых хранились все виды крупяных изделий, мука, корма для птицы, свиней. В сараях жили домашние

животные, и все это находилось в добротном состоянии. В шкафах и “куфрах” лежали отрезы из тканей разного цвета, да так, что некоторые не помещались и падали на пол при открытии дверей. Было видно, что в этом доме ценят достаток…» [10, л. 347]. Информатор принадлежала к семье рабочих, ее отец и мать были выходцами из деревни, а родня мужа – из местных, так называемых поляков (католиков). Приведенный пример показывает, насколько важным был социальный статус семьи, подкрепленный материальным достатком.

В 1960–1970-е гг. к приданому относились также предметы материального характера, такие как постельные принадлежности, кухонная посуда, мебель, одежда и др. Нельзя сказать, что к созданию семьи подходили бездумно даже такие пары, которые не имели достаточных материальных средств. Однако именно в этот период – достаточно «романтичный» – бытовала поговорка «С милым рай и в шалаше», что было результатом идеалистических представлений о материальной стороне жизни в целом и в семье в частности.

В качестве достоинств жениха /невесты можно отнести трезвость как черту образа жизни. Алкоголизация населения в советский период была очень высокой, и если такие люди (трезвенники) вступали в семейную жизнь, считалось, что их семья будет счастливой и крепкой. Именно на этот период общественного развития (1970–1980-е гг.) выпадает важнейшее событие, связанное с запретом на продажу и потребление алкоголя. Принятые меры сказались и на семейной обрядности. В частности, работниками учреждений культуры были разработаны сценарии безалкогольной свадьбы. Т.И. Кухарёнок, белорусский этнограф, замечает, что в сценариях безалкогольных свадеб было много интересных ярких событий, связанных с главными героями – женихом и невестой, а также их родственниками. Гостям предлагались игры, шуточные телеграммы, лотереи, зачитывались указы-напутствия молодой семье и пр. [5, с. 61].

Особой торжественностью наполнялись сценарии проведения церемонии бракосочетания, которые сопровождались не только официальными речами в ЗАГСе, но и поздравлениями работников учреждений культуры. Информатор Валентина, инструктор городского дома культуры, работавшая в 1976 г. в местечке Порозово Гродненской области, вспоминает, что в ее обязанности входило поздравление молодоженов и их чествование стихами:

Под сенью законов
Советской державы
Рождается ваша семья,
Так, счастливы ж будьте, друзья! [10, л. 347].

Некоторые сценарии свадебных застолий включали элементы народной традиции, чествования молодой пары песнями, танцами, метким народным словом. Однако безалкогольные свадьбы не прижились в городе, но их появление вызвало творческий подход к проведению торжества с участием каждого из гостей, что отмечалось специалистами в последующие годы [5, с. 61]. Традиция безалкогольного застолья привела к тому, что заданная линия жизни семьи – без алкогольного пития, способствовала сокращению количества разводов в этот период, позволяя укрепить семейные отношения и вырастить здоровое поколение.

Быстрый рост городского населения за счет сельских переселенцев не мог не отразиться на репродуктивных установках населения. В условиях городской жизни женитьба или замужество означает, как правило, выход из первичной (родительской) семьи и образование вторичной, – писали в 70-е гг. XX в. белорусские этнографы [2, с. 11–12]. Переход при образовании семейного очага из первичной семьи во вторичную – это важнейший фактор, влияющий на внутрисемейные отношения горожанина. Молодоженам приходится сразу же брать на себя всю ответственность и друг за друга, и за будущих детей. Что значит стать семейным человеком? Прежде всего, это значит обладать определенной психологической и социальной зрелостью. Социальная зрелость представляет собой полную готовность человека к выполнению комплекса социальных ролей в семье, способность обеспечить ее нормальное функционирование. Однако анализ семейных проблем конца 60-70-хх гг. XX в. показывает, что заметной тенденцией становится уменьшение количества детей в семьях. Как правило, во вновь созданных и уже городских семьях рождалось только 1–2 ребенка.

Белорусский этнограф Э.Р. Соболенко пишет, что город стал источником новых возможностей для молодёжи и молодых семей, однако широкие перспективы познания городской среды приводят к новым вызовам, что меняет представления о предназначении семьи, ее функциях [11, с. 217–271].

Очевидно, что сложившаяся ситуация с переменой места жительства большой когорты молодых людей стала отправной точкой в изменении ценностных ориентаций, касающихся всего спектра жизненных перспектив, но прежде всего – репродуктивных потребностей. Потребность в детях как базовая постепенно уходит на второй план, а многодетность больше не привлекает молодые пары.

Если в традиционных ценностных установках белорусов существовало мнение о том, что многодетная семья была более жизнеспособной, потому что она могла создать более устойчивый материальный ресурс для выживания в сельской местности, то в городских условиях эта потребность оставалась невостребованной.

Меж тем дети из многодетных семей, вырастая и формируясь в условиях большого семейного коллектива, рано приобщались к трудовой деятельности. Многие дети, выросшие в многодетных семьях, являли собой пример трудолюбия, уважительного отношения к старшим членам семьи. У них были сформированы высокие гражданские качества, такие как любовь к малой родине, дому, почитание традиций и обычаев. С изменением уклада жизни семьи утрачивали потребность в традиционных установках. И уже многодетность расссматривается не как образец и пример для подражания, а совершенно иначе, с ноткой осуждения. Типичными были подобные суждения: «когда видела на улице мамашу с коляской, а рядом с ней троих малышей мал-мала меньше, становилось не по себе. Мать – неухоженная, худая, дети неопрятные, чумазые. Сердце сжимается, жалкое зрелище….» [10, л. 345–347], – информатор Н., врач-гигиенист, 65 лет. Такие суждения формировали негативное общественное мнение о многодетных семьях, что впоследствии привело к массовым изменениям в мировоззрении молодых людей.

Свадебное торжество – это событие, которое фиксировало не только формальную сторону отношений, а именно вступление в брак, но и событие, определяющее начало семейной жизни. За свадебным столом обычно звучат пожелания молодым. «На доўгі век, каб была моцная любоў, каб у шлюбе жылі люба; колькі ў лесе дубкоў, каб столькі было ў вас сынкоў” (“На долгий век, чтобы была крепкой ваша любовь, чтобы в браке вы жили, любя друг друга; сколько в лесу дубочков, столько желаем вам родить сыночков”) – звучали напутствия за свадебным столом.

Однако постепенно традиция напутствий уходит из событийного поля застолья, уступая место новым стихотворным текстам, актуальным для данного периода. Свадебное застолье, как правило, горожане уже отмечают не в домашних условиях, в квартирах, которые были маловместительными, а в учреждениях общественного питания (общепита). К примеру, в Минске открывается Дом семейных торжеств, залы которого представляют собой большие и уютные помещения для проведения различных мероприятий. Место свата как ведущего свадебного застолья занимает новый персонаж – тамада. Как правило, это человек, умеющий хорошо говорить, играющий на каком-либо музыкальном инструменте и поющий. Образ тамады как профессионального ведущего постепенно вытесняет образ свата, который ассоциируется с прошлым.

Белорусские этнографы активно изучают изменения, происходящие в свадебной обрядности, постоянно фиксируя черты, которые сохраняются независимо от общественно-политических влияний. Обратимся к мнению белорусского этнографа Т.И. Кухарёнок [6, с. 47]. Она пишет, что свадебная обрядность региона Полесья мало подвержена изменениям. Современный свадебный обряд включает многочисленные элементы народной традиции. В качестве гостей присутствовали свадебные чины: «дружки», «маршалки», «бояры», «свахи», «шаферки», «стараста» и др. Широко бытуют шуточные выкупы: выкуп «ворот», выкуп «косы невесты», выкуп «места за столом для жениха» и др. Как и ранее, кульминационным моментом свадебного застолья является деление каравая, дарение подарков молодой паре. Однако по сравнению с традиционными чертами свадебного действа прочно вошли в быт и новые особенности, такие как поздравления молодоженов представителями партийных органов, местной власти и трудового коллектива, ведение свадебного застолья тамадой и др.

Свадебная обрядность 70–80-х гг. XX в. включает ряд элементов, связанных с гражданскими традициями советского времени. К примеру, молодые пары после официальной церемонии в ЗАГСе посещают памятные места, связанные с событиями Великой Отечественной войны, возлагают цветы к подножиям

и минутой молчания чтят память погибших. Традиция настолько сильна, что, по сути, нет сомнений в том, что преемственность между старшими и младшими поколениями является важнейшей чертой жизни советских людей.

Молодая семья является преемницей традиций своего рода, прародительской семьи: ее наследие формируется не только в виде материальных предметов домашнего обихода, но и духовных символов семьи. К ним относится обряд обмена обручальными кольцами. Официальная регистрация в ЗАГСе предполагает обязательность включения этого элемента в церемонию торжества. Обручальное кольцо как символ чистоты, бесконечности счастья и укрепления отношений становится связующим звеном между поколениями. Во многих семьях формируется традиция дарить кольца, сохранившиеся от бабушек/дедушек. Ношение кольца на правой руке является новым обязательным элементом святости уз брака, а его потеря символизирует неблагоприятный исход, вплоть до развода. Народная молва хранит множество поверий, связанных с обручальным кольцом.

Кроме обручальных колец, в духовном наследии молодой семьи имеется семейный альбом как визуализированный источник родовой памяти. Фотографии из семейного альбома обычно бережно хранятся, а некоторые из них помещаются в рамки и вывешиваются в красном углу в гостиной, главной комнате дома (квартиры). Презентация родового древа – это своеобразный символ крепости семьи, ее устоев. Обратимся к анализу некоторых особенностей фотографий семейных обрядов, чтобы понять их значение и роль в укреплении семейных отношений.

В советский период фотографии были в основном черно-белыми, только ближе к концу прошлого века цветная фотография прочно вошла в семейный быт. Общий фон фотографий носил официальный характер, а люди, изображённые на фотоснимках, находились в неподвижных, статичных позах. В центре кадра располагались главные действующие лица и их сопровождающие. По деталям можно определить место проведения события и соотнести с конкретным периодом. Например, в первый день свадебного торжества на снимках присутствуют торжественные элементы: поздравление новобрачных, обмен обручальными кольцами, вручение свидетельства о браке, посещение памятных мест. Повсюду советская символика: флаг, портрет Ленина, красная скатерть и пр. Фотографии второго дня свадебного торжества выглядят иначе, на них молодожены уже не в свадебных нарядах, гости выглядят более раскованно. Важное место занимает свадебный стол. Богатый стол, согласно традиции, – это свидетельство достатка семьи в будущем. В центре стола – каравай, рецепт которого передается из поколения в поколение. Популярны были общие фотографии всех участников семейного события. В середине снимка находились главные действующие лица, а вокруг – родственники. Более близкие родственники располагались ближе к центру.

На фотографиях, связанных с родинной обрядностью, изображаются родители, крестные родители (кумовья), гости, но, как правило, сам ребенок не показывается крупным планом. У белорусов считалось, что показывать новорожденного другим людям, а тем более фотографировать нельзя во избежание сглаза. Зато фотоснимки детей на фоне храмов (церквей, костелов) встречаются довольно часто. На снимках советского периода встречаются фотографии застолья, где кумовья поют песни, дарят подарки, а среди блюд размещается глиняный горшок с кашей. На снимках, сделанных во время поминальных обрядов, обычно показаны прощание родственников с покойным, возложение венков к могилам, памятники и надгробия. Обычно на фотографиях представлены группы людей с черными повязками на рукавах в знак печали по умершему родственнику.

В этот период появляются новые гражданские обряды поминания умерших – среди них массовые митинги в местах захоронений. Инициаторами таких обрядов становятся учреждения культуры, которые привлекают священнослужителей для свершения обрядовых действий. На фотографиях в семейных альбомах также хранятся события, связанные с массовым посещением кладбищ.

Кроме фотографий, посвященных важным семейным событиям, в альбомах сохраняются и фотографии прародителей – бабушек, дедушек, родственников. Целый ряд фотоснимков посвящен событиям, связанным с посещением дошкольного учреждения, окончанием школы, студенческой жизнью. Конечно, любой альбом наполнен снимками посещения памятных мест во время экскурсий, походов, туристических

поездок и др. Все это вместе передается молодой семье в память о жизни прародительской семьи. Вступление в семейную жизнь для молодоженов сопряжено с новыми ролями, которые они должны освоить, в частности это не только роли супругов, но и роли невестки, зятя. Включение круга родственников в семейную жизнь – это непростая задача.

Расширение родственного круга молодой семьи происходит за счет событий, которые объединяют близких людей. В молодой семье устанавливаются нормы гостеприимства, как правило, они формируются в зависимости от опыта, который приобретен в родительской семье. В целом в рассматриваемый период традиция гостеприимства была устойчивым и распространенным явлением. Обычно устраивались встречи в домашнем кругу по выходным и праздничным дням, с приглашением заранее, подготовкой застолья с широким выбором блюд и со спиртными напитками. Молодая пара публично демонстрировала свои навыки совместного ведения хозяйства, жена показывала навыки хорошей хозяйки, а муж – гостеприимного хозяина. Семейные обеды вытеснялись из повседневности в силу трудовой занятости, обычно обедали в столовых или кафе. А ужины, как правило, были обязательной частью семейной традиции.

В городских семьях сохраняются черты традиционной культуры, которые связаны с празднованием Рождества, Пасхи, обрядов почитания ушедших из жизни родственников. Это нашло отражение в культуре питания в разных регионах страны. В Понеманье, к примеру, в Рождественский сочельник («постная кутья») обязательно готовили кутью из цельного зерна перловых круп или из обтолченного ячменя – груцы. Кутья, или груца подслащивались маковой сладкой подливкой, сахаром, медом, сиропом из свёклы. Следует отметить, что кутью употребляли и в католических, и в православных семьях [13, с. 34]. На праздничном столе могли быть следующие блюда: овсяный кисель, сельдь, грибы, рыба жареная, блины, взвар из сушеных груш, яблок, квас и др. Главное блюдо – кутью могли употреблять и в начале, и в конце трапезы. У белорусов-католиков праздничная трапеза начиналась с употребления облатки, которую приносили из костёла. Облатка готовилась из пшеничной муки и воды.

Вторая кутья являлась кульминационной точкой колядного периода. В канун праздника проходила торжественная семейная трапеза: ее организация и проведение были неотемлемой частью всего Рождества. К этому дню обязательно собирались родственники, их присутствие являлось необходимым и важным условием: семья тем самым демонстрировала уважительное отношение к традиции и ее канонам. Как правило, к застолью в родительский дом приезжали из города дети и внуки. В большом кругу близких людей старшие представители рода поздравляли своих родных, желая им доброго здоровья и долголетия. Этот вид трапезы назывался «багатая куцця», «шчодрая куцця», «Васілёва куцця», «шчадруха». К столу кололи кабана или свинью, делали колбасы, варили холодное, мясо, ставили сало, готовили верещаку, блины, пироги. Считалось, что богатый ритуальный стол продуцирует достаток в семье на протяжении года.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период большинство жителей Беларуси (БССР) считали себя атеистами, все же Пасха оставалась важнейшим праздником, соединяющим семьи и роды. К этому дню обязательно готовилось свенцоное («свеченое»), которое состоит из кулича (пшеничной булки) или пирога, сыра, крашеных яиц, колбас, ветчины. На Гродненщине яйца окрашивались не только в красный цвет, но и в жёлтый, зеленый, а также украшались разнообразными узорами и надписями. Все эти кушанья члены семьи освящали в церкви и затем разговлялись ими в начале праздничного обеда. Пасхальный кулич или пирог имел и другие названия: «мазурка», «паска», «бабка». Эти блюда выпекались из муки двух сортов: из муки, которая хуже качестовм, пекли пироги, а из лучшей – мазурки, в которые добавляли больше сахара и яиц [14, с. 148, 150].

Празднование поминального дня Дзяды считалось важнейшим событием всего года. Обычно даже те, кто работал и был очень занят, брали выходной день и уезжали на малую родину, чтобы помянуть своих умерших родственников. На Гроденщине на поминальный стол ставили дополнительный прибор. Первую ложку подаваемых блюд клади в тарелку для умершего, а только потом раздавали всем присутствующим. Поминальным ужином члены семьи символически пытались задобрить души умерших, чтобы те помогали семье на протяжении года. Еду со стола на ночь не убирали, а оставляли специально для «дедов», которые по народным верова-

ниям и представлениям должны были посетить дом и полакомиться угощением [14, с. 151].

В перечень важнейших событий семьи, которые обязательно отмечались, входили не только дни рождения, но и государственные праздники, такие как 1 Мая, 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 8 марта. В некоторых семьях отмечались и профессиональные праздники: День учителя, День работников торговли, День медицинского работника и др.

Подобные встречи родственников укрепляли отношения и формировали представление молодой семьи о родственных отношениях и связях. На этом этапе молодая семья выполняли новые для себя роли: жена – роль снохи (невестки), муж – зятя. Родители мужа – свекра и свекрови, а жены – тестя и тещи.

Манера обращения невестки к своей свекрови была в центре внимания родственников: от того, как невестка называла свою свекровь (на «Вы», «мама» или по имени-отчеству), зависели отношения к ней в среде родни. Очень часто встречались случаи осуждения молодой женщины, если она обращалась к матери своего мужа официально, по имени-отчеству. В таком случае родственники старались показать молодой женщине все преимущества более теплого обращения к свекрови, указывали на необходимость преодоления стереотипов. Иногда возникали конфликтные ситуации, связанные с тем, что невестка считала, что обращение «мама» возможно только по отношению к собственной матери. Но, как правило, со временем ситуация прояснялась и конфликт исчерпывал себя, в особенности с рождением детей. В таком случае, естественно, отношения становились более доверительными и теплыми – ведь появление новой жизни соединяло роды, укрепляло семейные узы любви и уважения.

Большое значение имело то, где жили молодые люди: с родителями или имели собственное жилье. Конечно, наличие собственной жилплощади позволяло более свободно строить семейные отношения, не оглядываясь на требования среды.

В 1970–1980-е гг. проблема собственного жилья была довольно острой. Как правило, государственное жилье строилось долго, а кооперативное только что появлялось на строительном рынке. Стоимость кооперативной квартиры была немыслимой для семьи среднего достатка.

Как правило, молодая семья через год-другой заводила ребенка. В изучаемый период рождение ребенка через год было нормой. Появление ребенка в семье было большим праздником и радостью для самих родителей и их родственников. В этот период еще сохранялись некоторые элементы традиционных обрядов, связанных с рождением детей.

В 1970-е гг. белорусский историк, этнограф В.М. Иванов писал следующее: «Сегодня еще имеются случаи крещения новорожденных. Этот пережиток прошлого не согласуется с убеждениями нашего общества. Разумеется, крестят, как правило, верующие, но и в некоторых семьях атеистов, под влиянием бабушек. Во многих городских семьях сохранился обычай «отведок». Родственники, друзья, товарищи по работе навещают роженицу дома, принося цветы, подарки. Торжество в ознаменование рождения ребенка в большинстве случаев – обычное дружеское увеселение. На такой церемонии в редких случаях сохраняются элементы традиционной обрядности (присутствие бабки, выкуп и деление «бабиной каши»).

Если все же торжество отмечается с сохранением элементов белорусской народной обрядности, то на нем часто присутствует бабка. По традиции на эту роль приглашали пожилую женщину с большим житейским опытом. Она помогает присмотреть за ребенком, дает полезные практические советы. Обряд не обходится без кумы и деления «бабиной каши». Если «каши» как таковой нет, то ее заменяют торт, пирог, печенье. А иногда, получив кусочек ритуального блюда и рюмку вина, гости не кладут на тарелку деньги, как повсеместно было прежде, а через бабку вручают родителям подарки. В свою очередь мать новорожденного подносит подарки бабке, куме и куму. В редких случаях пожилые люди исполняют старинные обрядовые песни» [2, с. 29–30]. Понятно, что автор констатировал факты, бытовавшие в изучаемый период, поскольку семейная обрядность формировалась в зависимости от идеологических установок конкретного исторического отрезка времени.

Бесспорны различия в отношении молодой семьи к обряду крещения ребенка в прошлом и настоящем. По сути, это разные подходы к семейной обрядности. И, конечно, в современных условиях, когда выбор молодых семей поддерживается общественным мнением, очевидно, что обряд рождения ребенка приобретает новые черты, включая те же элементы, но в дру-

гой форме. К примеру, обрядовые роли «кумы и кума» сегодня уже не используются в обиходе, а заменяются на «крестные родители» или «почетные родители». В отношении миссии, возлагаемой на крестных родителей, также имеется значительное отличие. Если в прошлом кумовство – это сохранявшаяся на всю жизнь роль в отношении крещеного ребенка, то сегодня – это просто дань модной тенденции, своеобразная попытка расширить круг значимых для молодой семьи людей, которые могут влиять на сына или дочь. К сожалению, этот факт обесценивает значение традиции, снижает ценность народного опыта и мудрости.

Очевидными становятся факты, свидетельствующие о том, что традиция торжеств в честь рождения ребенка и его имянаречения не приобрела и в настоящий момент устойчивых черт. Отечественные этнологи указывают на то, что в 70-х гг. XX в. обряд торжественной регистрации новорожденных или обряд имянаречение активно внедрялся в практику. Однако, как считают этнологи, так и не стал востребован большинством молодых семей. В 1980-е гг. наибольшую устойчивость приобрели две формы: обычная регистрация, не предусматривающая обрядовых действий, о торжественная регистрация, имеющая ритуальный характер [9, с. 101–103].

Обобщая сказанное выше, отметим, что институт советской семьи был достаточно прочным, в нем сохранялись черты патриархальности и приверженности молодёжи к традиционным ценностям, однако, начиная с 60-х гг., массовым явлением становятся миграционные процессы. Основная мотивация мигрирующей молодежи связывается не только с желанием изменить местожительство, но и с рядом жизненных трудностей, которые молодые люди испытывали в регионе своего прежнего проживания. К ним относятся такие проблемы как отсутствие возможностей для получения среднего специального и высшего образования, неразвитость инфраструктуры, низкий уровень культуры быта и др. Массовая миграция молодёжи в города стала отправной точкой в трансформации репродуктивной функции семьи, что впоследствии сказалось на демографической ситуации и привело к кризису семьи.

Библиографический список

1. Заяц Ф. Взросление // Знамя юности. 7.01.1975. С. 3.
2. Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии / Бондарчик В.К., Иванов В.М., Браим И.Н., Белявина В.Н. Минск., 1976.
3. Калачова І.І. Этнакультурныя працэсы ў гарадской сям’і беларусаў у апошняй трэці XX – пачатку XXI ст. Минск, 2009.
4. Кипричников Ю. Продавцы иллюзий // Знамя юности. 24 января 1975. № 17 (7479).
5. Кухаронак Т.І. У суботу на работу, а ў нядзелю на вяселле // Мастацтва Беларусі. 1989. № 10.
6. Кухаронак Т.І. Новае і традыцыйнае ў сучаснай сямейнай абраднасці беларусаў Палесся // Быт і культура беларусаў. Нав.рэд. В.К. Бандарчык, А.С.Фядосік. Мінск,1984.
7. Лаптёнок С.Д. Советская семья: социально-этические проблемы. Минск, 1985.
8. Польский С.А. Демографические проблемы развития Минска. Минск, 1976.
9. Праздники и обряды в Белорусской ССР / В.К. Бондарчик, В.Н. Белявина, Н.И. Бураковская и др. Минск, 1988.
10. Семья белорусов в городе: образ жизни и традиции: материалы и анализ этносоциол. опроса семей белорусов, 2007 г. // Архив института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. Ф. 6. Оп. 14. Д. 141. Л. 345–347.
11. Соболенко Э.Р. Современная городская семья и образ жизни / Э.Р. Соболенко // Этнические процессы и образ жизни: (на материалах исслед. населения народов БССР) / В.К. Бондарчик [и др.] / ред. В.К. Бондарчик. Минск, 1980.
12. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник. Минск, 1999.
13. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Мінск, 2006. Т. 3: Гродзенскае Панямонне: у 2 кн. Кн. 1 / В.І. Басько і інш.
14. Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко и др.; редколл. А. Викт. Гурко, Л.В. Ракава, А. Вл. Гурко; НАН Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. Минск, 2014.

С.В. Канныкин

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗЗРЕНИЙ НА ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ-ИДЕАЛИСТОВ

Только дух имеет достаточно глубокое и длительное дыхание для того, чтобы творчески создавать и поддерживать естество семьи…

И.А. Ильин

Автор статьи благодарен судьбе за встречу с Натальей Львовной Пушкарёвой на конференции «Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук» (Старый Оскол, 18-19 декабря 2008 г.). Идейным вдохновителем и организатором конференции была Н.Л. Пушкарёва. Наталья Львовна, с присущей ей научной добросовестностью и доброжелательностью, не только вникала во все аспекты подготовки конференции, но и консультировала по заявленной в названии конференции проблематике, как обычно демонстрируя высочайший уровень компетентности, скрупулезность в анализе фактов, глубину понимания материала и оригинальность выводов. Автор статьи очень благодарен Наталье Львовне Пушкарёвой за помощь в осознании специфики и актуальности гендерных вопросов в современной гуманитаристике.

* * *

Философию, как известно, характеризует особенное внимание ко всеобщему и предельному. Какой бы феномен не становился предметом анализа в рамках этой формы общественного сознания, в первую очередь философа будет интересовать его *основание*, а затем уже производные от установленной субстанциональной принадлежности цель, смысл, связи и т.п. свойства исследуемого феномена. Особенно интересен поиск основы **базовых** структур различных форм бытия, поскольку здесь философ осуществляет выход в столь привлекательную для него безграничной свободой сферу трансцендентного, преодолевая унылый, сковывающий разного рода необходимостью эмпиризм «конкретного» знания. Нет нужды доказывать, что семья, трактуемая в обществознании как «важнейший социальный институт», есть *основание* общественной жизни. Однако есть большая потребность в установлении ***предельного основания этого социального объекта***, фундирующего сущность семьи и обеспечивающего ее динамику и вариативность. Актуальность такого рода исследований особенно явственна в периоды кризиса семейного уклада, когда уже не помогают «косметические» меры по облагораживанию фасада – необходимо проверить состояние фундамента. Именно такой целью задались некоторые виднейшие русские философы рубежа позапрошлого и прошлого столетий, ставшие свидетелями тотального кризиса семейных отношений в России (причем В.В. Розанов и Л.Н. Толстой имели тяжелый *собственный* опыт переживания этого кризиса). Их размышления весьма актуальны и для нашего места и времени, в которое распадается более половины браков, смертность превышает рождаемость, а число беспризорных и детдомовских детей в мирные и благополучные (без голода и массовых репрессий) годы почти не уступает (по данным независимой прессы) показателям революционных и военных лет. Понятно, что эти проблемы повышением денежных пособий, стимулирующих рождение и семейное воспитание детей, не решить. Истоки проблемы гораздо глубже, они – в пошатнувшемся *основании* семьи, анализу поисков которого в русской религиозной философии и посвящена эта работа.

* * *

Согласно взглядам **В.В. Розанова**, сущность человека образует пол. Пол – это метафизический (сверхбиологический) топос, центрирующий человека: именно в его пределах и бла-

годаря организуемым и канализируемым им токам жизни происходит наше становление и развитие. Закону пола в человеке подчиняется все – и духовное, и умственное, и чувственное. Философ приходит к мысли, что «душа и пол идентичны» («В мире неясного и нерешенного»), душа есть «функция пола» («Люди лунного света»), проявлением которой является чувственная, половая *страсть*.

Именно эта чувственная страсть и есть главная, побуждающая людей к браку, сила. «Семью нельзя рационально построить. Наблюдали ли вы, как иногда образованнейшие и рассудительнейшие супруги, притом нисколько не запальчивые, бывают глубоко несчастны и, пробившись двадцать лет, к «серебряной свадьбе» расходятся окончательно» [4, с. 84–85]. И далее: «… изъять страсти из семьи – это значит не начать семьи; мысленно или в законе изъять их из семьи – значит даже не дать семье возникнуть. Страсти суть динамическое, зиждущее и вместе материальное условие семьи; «порох», без которого не бывает выстрела. Не без улыбки и недоумения я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи в наше время лежит в сильном действии, и притом разнузданных, страстей. «Если бы не страсти, семья бы успокоилась». Я думаю, «если бы не страсти» – семья скорее не началась бы» [там же].

* * *

Именно половая страсть направляет человека к поиску гармонии со всем сущим – прежде всего, к достраиванию через соединение с человеком иного пола *себя до целого* (андрогин как символ *половой* полноты человеческого бытия); затем – к организации гармоничных отношений с *природой* и *Богом* как двумя разноисходными, но соединяющимися источниками, образующими амбивалентную цельность пола.

Высшее назначение пола – это устроение *семьи,* поддержание и продление *рода,* причем рода не только в кровном, биологическом смысле (хотя это и обязательно, и крайне важно, ибо *«… и будет два в плоть едину» (Быт.2:24)),* но и «божественного рода», транслирование в будущее чадородием «образа и подобия» *всех родов* на основе *любви* как одного из Имен Бога.

Таким образом, основанием семейной жизни, по Розанову, является половая страсть, трактуемая как инициируемое Богом стремление всякого человека к восполнению своей частичности, половинчатости (отсюда и «пол»). Кризис семейных отношений имеет причиной тот факт, что это интимное чувство начинает управляться *внешними* силами, прежде всего церковью и государством, которые защищают окостеневшую незыблемость *форм* брака, не учитывая живую переменчивость чувств как *содержания* семейной связи. Именно отсюда – крайняя затрудненность разводов, незаконнорожденные дети, несчастные семьи, эмиграция девушек в нехристианские страны, адюльтеры и тотальный кризис «духа» семьи в современной Розанову России.

* * *

Так же как и В.В. Розанов, **Н.А. Бердяев** полагает, что в сакральности пола скрыта тайна человеческого бытия. Пол обладает необыкновенной силой и властью над каждым из нас. Причем пол нельзя сводить только к сексуальности: «Жизнь пола возможна и без сексуального акта и даже гораздо более напряженная» [1, с. 182] – сексуальная энергия пресекаема, но энергия пола – никогда. «Пол не есть одна из сторон человека, – он захватывает и определяет всего человека» [Там же]. И еще: «Пол – космическая сила и лишь в космическом аспекте может быть постигнут» [1, с. 183].

Выступая как всеопределяющая космическая сила, энергия пола, тем не менее, не является безусловно позитивной. Дифференциация мужского и женского есть последствие греха, «космического падения Адама». «Ибо поистине не мужчина и не женщина есть образ и подобие Божье, а лишь андрогин, дева-юноша, целостный бисексуальный человек» [1, с. 184]. Дифференцированный, распавшийся пол становится источником раздора в мире и причиной тоски, мучительно-безысходной жажды воссоединения и обретения былой полноты.

Рожденный грехом, пол оказывается той сетью, которой мир улавливает человека. ««Мир» поймал Адама и владеет им через пол, в точке сексуальности прикован Адам к природной необходимости. Власть Евы (а женщина, по Бер-

дяеву, есть главная носительница половой стихии в мире – *С.К.*) над Адамом стала властью над ним всей природы» [1, с. 189]. Род, семья как земные оковы пола спутали и обездвижили едва ли не каждого, направили его энергию на земное, смертное и несовершенное, отвратили человека от мира горнего и приковали к «миру сему» – и потому так велика над нами власть *князя* этого мира …

«Сей мир» подготовил нам и эрзац восполнения частичности пола – сексуальные отношения. По мысли Бердяева, сексуальное влечение есть покорность личности стихии смертного рода; род связывает не по духу, а по плоти – по тому, чего стыдятся люди. Род и личность – антиподы: в роде смерть, в духе – бессмертие. Розановская стихия рода – это явная ориентация на **Ветхий завет**; личностное начало, постоянно акцентируемое Бердяевым, находит свое выражение в **Новом завете**. Именно евангельская вера – *собственно* христианство – **показывает путь освобождения личности от родовых пут.** «Избавление возможно лишь через нового Адама, который входит в мир через новую женственность. Через женщину-Еву началась греховная власть женственной природы над падшим человеком. Через деву Марию началось освобождение человека от этой природной власти, через деву Марию земля принимает в свое лоно Логос, нового Адама, абсолютного Человека. И если падение и порабощение старого Адама, ветхого человека укрепило в мире царство природно-родового рождения через сексуальный акт, то новый Адам, новый Человек мог родиться лишь от девы, зачавшей от Духа» [1, с. 189].

Таким образом, рождение от Духа и связь по Духу – вот что *правильно* в идейном мире Нового завета. Как же это *«безродовое»*, *неплотское* единство соотносится с идеей семьи?

Бердяев полагает, что по своей сущности семья «…всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочением жизни рода» [1, с. 203]. «Семья – хозяйственная ячейка прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая. Связь же семьи с любовью еще гораздо более отдаленная» [там же]. *Семья родилась из необходимости, а не из свободы.* Религиозно семья вся в Ветхом Завете, в законе, изобличающем грех. Семья есть послушание последствиям греха, приспособление к родовой необходимости, в ее основе лежит «падший» пол, весь пафос ее рождается из сексуального акта, она есть «пониженная» форма общения полов. «Всякое восхождение в поле, всякий взлет к более высоким формам общения мужчины и женщины преодолевает семью, делает ее ненужной» [1, с. 204], – восклицает Бердяев. И далее: «Новый Завет по глубокой мистической своей сущности отрицает семью, так как отрицает сексуальный акт как падение и грех пола, отрицает род, отрицает «мир сей» и всякое буржуазное его устроение. Подлинно «христианской семьи» так же не может быть, как не может быть подлинно «христианского государства» [1, с. 205]. Христианство лишь *мирится* с ветхозаветным семейным законом; не в силах устранить грех, оно стремится его «обезвредить», «дезинфицировать» освящением семейного союза. Для христианства подлинная, высокая любовь обретается всегда вне стихии родовой, семейной, сексуальной жизни. «Любовь – акт творческий, … побеждающий «мир», преодолевающий род и природную необходимость. … Все, что связано с приспособлением к «миру», с послушным несением его тяготы, – несвободно от страха, от тяжкой заботы. В любви побеждается тяжесть «мира». В семье есть тяжесть благоустройства и безопасности, страх будущего, бремя, так же как в других формах приспособления, – в государстве, в хозяйстве, в позитивной науке. Любовь – свободное художество. В любви нет ничего хозяйственного, нет заботы. И свобода эта покупается лишь жертвенностью. Свобода любви – истина небесная» [1, с. 208].

Подводя итог рассмотрению взглядов Н.А. Бердяева, отметим, что для него основой семьи выступает материально-юридическая необходимость совместного выживания людей, прокормления потомства, регулирования сексуальных отношений, продолжения рода и наследственной передачи имущества. Если и можно говорить о духовной связи членов семьи, то эта связь весьма низкого порядка, в ее основе кровные, животные отношения наподобие связи самки и детеныша. В этой связи кризис семейной жизни объясняется возрастанием тяги все большего числа людей к свободе и творчеству, «чистой» любви, духовному (а не плотскому) взаимодополнению, что невозможно в рамках традиционной семьи как исключительно «хозяйственной ячейки».

* * *

Л.Н. Толстой в своем труде «Путь жизни», во многом итожащем его многолетние размышления о сущности человека, прямо указывает: «Хорошо жить в честном браке, но лучше никогда не жениться. Редкие люди могут это. Но хорошо тому, кто может» [5, с. 94]. Для великого русского писателя брак – это ни что иное, как маскировка греха, завеса над блудом. Если мы рассматриваем Христа как идеал и образец жизни, то в первую очередь должны быть также целомудренны, как и Он. «Вам сказано, – сказал Христос, поминая слова закона Моисея, – не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем» (Мф. V, 27–28). Слова эти не могут означать ничего другого, как только то, что, по учению Христа, человек вообще должен стремиться к полному целомудрию. Как же это может быть? – скажут на это. – Держись люди полного целомудрия, уничтожится род человеческий. Но, говоря так, люди забывают то, что указание совершенства, к которому должно стремиться, не означает того, что человек должен достигнуть полного совершенства. Человеку ни в чем не дано достигнуть полного совершенства. Назначение человека в приближении к совершенству» [5, с. 96].

Более того, Толстой полагает, что если бы люди достигли этого совершенства и стали бы целомудренны, то они уподобились бы ангелам, которые не женятся и замуж не идут, как это сказано в Евангелии, и обрели бы тем самым Царство Божие. Но пока люди не достигли этого состояния, они должны производить потомство для того, чтобы дети, совершенствуясь, достигали христианского идеала жизни. Более того, прекращение земного бытия рода человеческого все равно неизбежно – хоть в результате второго пришествия и Страшного Суда (религия), хоть в следствие, как тогда полагали, тепловой смерти Вселенной (наука). Так лучше пусть наш род приведет к завершению высоконравственная жизнь, нежели грехи или слепая игра сил природы. «Главное же то, что прекращение или не прекращение рода человеческого не наше дело. Дело каждого из нас одно: жить хорошо. А жить хорошо по отношению половой похоти значит стараться жить как можно более целомудренно» [5, с. 95].

Итак, чтобы жить праведно, надо быть целомудренным. Конечно, это под силу далеко не всем: обуздание половой страсти (Толстой неизменно называет ее «похотью») – процесс очень тяжелый. «Главное средство борьбы с похотью – это сознание человеком своей духовности. Стоит человеку вспомнить, кто он, <--->, чтобы половая страсть представилась ему тем, что она и есть: унизительным животным свойством» [5, с. 99]. Причем человек в этом своем свойстве «порочнее» животного: «Животные сходятся самец с самкой только тогда, когда от них может быть плод. Люди же, мужчина с женщиной, сходятся ради удовольствия, не думая о том, будут или не будут от этого дети» [5, с. 105].

Хоть каким-то оправданием плотских отношений является деторождение, при этом совершенно не важно, в «законном» ли браке оно произошло: «Сожительство, последствием которого может быть деторождение, есть истинный, действительный брак; всякие же обряды, заявления, условия не составляют брака и употребляются большей частью для того, чтобы признать из многих сожительств только одно браком» [5, с. 101]. В чадородном браке люди, не сумевшие смирить свою плоть и послужить Богу целомудрием, все же преследуют духовные цели – они служат Богу посредством рожденных и правильно, в христианском духе, воспитанных детей. Рассуждения «достойных» родителей Толстой представляет так: «Если я не сделал того, что мог и должен был сделать, так вот на смену мне мои дети, – они будут делать» [5, с. 103].

Итогом размышлений Толстого о семье и браке являются следующие суждения: «Для того, чтобы брак был разумным и нравственным делом, нужно:

Во-первых, не думать, как теперь думают, что каждому человеку, мужчине и женщине, нужно непременно вступить в брак, а, напротив, думать, что каждому человеку – мужчине и женщине – лучше всего соблюсти чистоту для того, чтобы ничто не мешало отдать все свои силы на служение Богу.

Во-вторых, смотреть на вступление в половое общение кого бы то ни было и с кем бы то ни было, как на вступление в неразрывный брак. (См. Мф. XIX, 4–7).

В-третьих, не смотреть на брак, как теперь, как на разрешение удовлетворения плотской похоти («Разрешение в браке для двух людей разных полов жить половой жизнью не только несогласно с христианским учением о целомудрии, но прямо противно ему» – вставка моя –

С.К. [5, с. 102]»), а как на грех, требующий своего искупления, состоящего в исполнении обязанностей семьи» [там же].

Заключим, что для Л.Н. Толстого основой семьи является неизбывная греховность человека, невозможность, в силу духовной и плотской слабости, уподобиться целомудрием Христу и ангелам. Бессовестные люди удовлетворяют свои похотливые желания вне брака, совестливые же, но осознающие свою слабость, – в браке. Кризис семьи вызван тем, что люди стремятся разжечь свои охлаждаемые привычкой любовные страсти, «перебирая» половых партнеров; в их представлении полнота жизни есть наибольшее удовлетворение чувственных потребностей. И жертвой этому становятся вера, дети, устои общества. А далее все объясняет эпиграф к «Анне Карениной»: «Мне отмщение, и Аз воздам».

* * *

Основой семьи **И.А. Ильин** полагает *духовную любовь*. По его мнению, «…формула брака звучит не так: «я жажду», или «я желаю», или «мне хочется»; а скорее так: «в любви и через любовь я создаю новую, лучшую и более свободную человеческую жизнь»… Она звучит не так: «желаю наслаждаться моим счастьем»; – ибо это была бы формула, уводящая брак на уровень простого спаривания; а скорее так: «я хочу создать свой собственный *духовный очаг* и в этом найти свое счастье [3, с. 202]. Главным условием такой семейной жизни является способность родителей ко взаимной духовной любви, в которой каждый супруг, «…желая смертного и *конечного,* любит скрытую за ним *бессмертность и бесконечность;* вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному; иными словами, когда он ставит свою любовь перед лицо Божие и Божьими лучами освещает и измеряет любимого человека…» [3, с. 203].

Целью брака должно стать не только плотское, но именно духовное единение мужа и жены, которые должны схоже воспринимать мир и людей. «Здесь важно не душевное подобие и не одинаковость характеров и темпераментов, а *однородность духовных оценок,* которая только и может создать единство и общность *жизненной цели* у обоих. Важно то, *чему* ты поклоняешься? *Чему* молишься? *Что* любишь? *Чего* желаешь себе в жизни и в смерти? *Чем и во имя чего* ты способен жертвовать? И вот жених и невеста должны найти друг в друге это духовное единочувствие и единолюбие; объединиться в том, что есть важнейшего в жизни и ради чего стоит жить…» [3, с. 204].

Весьма интересны функции семьи как «духовной ячейки» общества, определенные Ильиным:

1. Семья должна быть «естественною школою христианской любви, школою творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей» [3, с. 205].

2. Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию.

3. Ребенок учится в семье верному восприятию авторитета.

4. Семья является школой здорового чувства частной собственности.

Главная задача воспитания в духовно развитой семье состоит в том, чтобы ребенок «получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни; чтобы его сердце, столь нежное и восприимчивое, научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях» [3, с. 207]. «Итак, самое важное в воспитании – это духовно пробудить ребенка и указать ему перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни, – источник силы и утешения в его собственной душе» [3, с. 208].

Итак, основа семьи по И.А. Ильину, как мы уже прямо ранее указывали, – духовная любовь, проявляющаяся в едином понимании мужем и женой «что есть важнейшего в жизни и ради чего стоит жить». Кризис семьи – это частное проявление общего духовного кризиса человечества, которое начинает ценить личный комфорт и потребительский статус более чего бы то ни было. Можно совпасть с другим человеком в понимании прекрасного, доброго, истинного и справедливого, но нельзя ни с кем совпасть в чувстве эгоизма и себялюбия, поскольку эти чувства отрицают саму возможность единства с кем-либо. Духовность – это главный и всежизненный (в отличие от половой похоти) магнит, который скрепляет и соединяет людей в семью. Но на чем же семье держаться, если духовная сила человека ослабла настолько, что, как поется в современном шлягере, «притяженья больше нет»?!

* * *

Подводя итоги, хотелось бы определить важнейшее сходство и различие в воззрениях В.В. Розанова, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева и И.А. Ильина на семейный уклад жизни. Безусловно, что фундаментом, главной «скрепой» семейных отношений они полагали дух – в том понимании, которое следует из эпиграфа к данной статье. Очевидно, что источник духа всеми перечисленными философами понимался по-христиански: это трехипостасный Бог. Но вот ухватить таинственное единство Троицы, как нам представляется, перечисленным мыслителям не удалось. В самом деле – Розанов апеллирует к Богу-отцу как всеобщему творцу и родителю, для которого все плодящее благостно, семья обреталась в раю, а Ветхий Завет исполнен родовой стихией соитий, рождений, младенцев, кормлений и т.п. А вот Христос оценивается Розановым менее восторженно, ибо было сказано Им: «*И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (*Евангелие от Матфея (19:29)). Христос для Розанова – ипостась бесплодная, *только учащая*, а вот Бог-отец – рождающая, дающая бытие, поэтому более, если так можно сказать, фундаментальная, «главная» ипостась. Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев и И.А. Ильин, напротив, обращены только ко Христу, они абсолютизируют Его девство и «плотскую» бессемейность (апостолы – духовная «семья» Спасителя), экзальтированно воспринимают обращенность Христа исключительно к духовному началу в человеке. Складывается впечатление, что для них Библия – это Новый завет, и только. Конечно, учение о Троице – догмат, оно сверхразумно. Но мы знаем примеры целокупного «схватывания» этого трехипостасного единства – «Троица» Андрея Рублева, «О Троице» Августина Блаженного и др.

Закончить статью хотелось бы прекрасными словами И.А. Ильина, в которых содержится точнейшее определение опасности кризиса семьи для самого существования общества, и которые оправдывают всякий именно *философский* (предельно-духовно-гуманистически-предостерегающий) интерес к данной проблематике: «История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью: великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи. Понятно, почему это так было и бывает. Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности; – как в том смысле, что именно в семье человек впервые научается (или, увы, не научается!) *быть личным духом,* так и в том смысле, что духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от семьи, человек переносит затем в общественную и государственную жизнь. Вот почему духовный кризис поражает прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабеет, то она слабеет прежде всего в семейной традиции и в семейной жизни. Но раз поколебавшись в семье, она начинает слабеть и вырождаться и во всех человеческих отношениях и организациях: больная клетка создает больные организмы» [3, с. 201].

Библиографическийсписок

1. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М., 1994.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, 2. Части 1–4. Л., 1991.
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
4. Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М., 2004.
5. Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993.

В.В. Керов

Россия, г. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МЕСТО ЖЕНЩИН В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ И ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX В.

В старообрядчестве женщина занимала значительное место, отличное от ее гендерного статуса в остальной части православного социума. По мнению видного старообрядческого писателя И.А. Кириллова, «в старообрядчестве женщина получила преимущества. Во многом ее статус уравнивался с мужским»[1]. Это было связано с рядом факторов.

Как известно, в старообрядчестве возникла широкая образовательная сеть, уровень грамотности здесь был несколько выше, чем у соответствующих социальных групп из паствы синодальной церкви. И старообрядческая грамотность поддерживалась в основном женщинами, в старой вере преподавание было их прерогативой. Центры обучения создавались прежде всего в скитах, в особенности в женских. Вне обителей старообрядцы учились у старших в семье и у наставников, «наибольшей же частию… у девок келейниц, явных или тайных», которых полиция считала самыми «вредными сектаторами». Во всех согласиях такие «келейницы» (в различных локальных группах старообрядцев – «книжницы», «богомолки», «наставницы», «духовные матери», «мастерицы», «уставщицы», «псаломщицы», «начетчицы» и др.), специально посвятившие себя изучению духовных книг и обучению младшего поколения, пользовались высоким авторитетом. В середине XIX в. в Центральной России была распространенной практика, когда богатые предприниматели из староверов выкупали на волю женщин, финансировали строительство просторных домов, обращавшихся в тайные моленные и школы. Нелегально действовали начальные училища с десятками учеников – «тетенькины школы», многие учительницы переходили из одного места в другое [16, с. 80; 17, с. 16 (3-я пагинация); 32, с. 46, 47; 33, 166-167; см. также: 4, с. 161–172; 20, с. 156–157; 21, с. 219–234; 28, с. 21; 30, с. 30; 36, с. 103; 45, с. 250–260].

Не менее важен для повышения статуса женщины связанный с первым явлением тот факт, что они активно участвовали в духовной жизни и церковной полемике. Это признавали и гонители старой веры. В начале XVIII в. Димитрий Ростовский, познакомившись со старообрядчеством в Ростовской епархии, отмечал: «…почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и *бабы* догматизируют и учат о вере». Миссионер официальной церкви, приехавший в Стародубье в 1723 г., с неодобрением (и очевидным преувеличением) отметил: «что двор, то учитель, а *что баба, то типик*». В первой половине XIX в. другой «борец с расколом» - Феофилакт Тверской повторял: у старообрядцев «что мужик - то вера, *что баба – то устав*» [цит. по: 35, с. 327; 21, с. 280; 13, с. XV]. Действительно, женщины стали основателями нескольких согласий, в том числе Любушкиного (Кимры), Бабушкиного (Владимирская губ.) и др. В старообрядческих семьях «вопросами веры» часто заведовали именно женщины.

Кроме того, в условиях государственных репрессий против старообрядчества и, соответственно, высокой ценности личных усилий подвижников старой веры женщины активно участвовали в строительстве и развитии общин. Уже в начале XVIII в. в жизнеописаниях мучеников старой веры в «Винограде российском» Семена Денисова и в «Истории» Ивана Филиппова в словах о выдающихся людях Выга, в отличие от дониконовской традиции, значительное место заняли женщины, и не только «большухи над женщинами», но и простые общежительницы – старица Агрипина, вдова Евдокия Андреевна, другие старицы, вдовы и девицы [7; 44, с. 117-478]. В XVIII–XX вв. огромное число женщин руководило моленными, «кельями» и пр., становились духовными наставниками и руководителями общин. К началу XX в. в старообрядчестве вообще, а особенно у поповцев, окончательно сложилась

[1] Дело дошло до того, что, «предоставляя» женщинам право заниматься «мужским» делом, мужчины-старообрядцы не гнушались иногда «женскими» занятиями. Так, те из крестьян-старообрядцев Центральной России, кто не уходил зимой на промыслы, часто пряли «вместе с женщинами и девками» [33, с. 166].

ситуация, когда «женщине отводится равное место с мужчинами в общественно-приходской жизни». В частности, женщин избирали в члены общественных советов и т.д. [16, с. 80].

Но как обстояло дело в такой важной для старой веры сфере, как предпринимательство? Именно здесь получались средства, необходимые для «сохранения и возрастания веры» - содержания общин, обеспечения их жизнедеятельности, увеличения их числа и влияния, а также для защиты общин староверов от преследований властей. В предпринимательстве, позволявшим старообрядчеству, несмотря на гонения, не только выживать, но и развиваться, женщины также сыграли важную роль.

Имперское законодательство в целом создавало для этого юридические условия. В вопросе приобретения имущества путем покупки, пожалования или дарения женщина обладала равными правами наряду с мужчинами. Имели право женщины владеть и управлять предприятиями [5, с. 45-52].

Конечно, в большинстве случаев управлял делом старообрядец-мужчина, но известны многие примеры женского старообрядческого предпринимательства, и очень успешного. Чаще всего это были вдовы[1], но иногда речь шла об унаследованном от других родственников или самостоятельно приобретенном имуществе. Так, А. Куприянова эффективно руководила шерстопрядильной фабрикой в Богородске, потом перешедшей к наследникам. Не менее успешной была купчиха П.А. Гольская, завещавшая большую часть своей собственности Рогожскому богаделенному дому, и др. Даже среди федосеевцев и в других безбрачных согласиях, где статус женщины по естественным причинам был ниже[2], еще в первой половине XIX в. купчихи Кузнецова, Марья Хлебникова и многие другие также обладали значительными доходами и авторитетом [12, с. 57; 48, с. 111; см. также: 33, с. 176, 37, с. 3576, 369].

Аналогичной была ситуация в других регионах. Среди наиболее крупных и авторитетных представителей старообрядческого «ревельского купечества», подписавших в 1818 г. доверенность М.Д. Королькову как смотрителю старообрядческого кладбища и богаделенного дома, также есть женщины – Ф.А. Пыхтина, А.Т. Воронова, А.И. Канаева и А. Тимофеева. Многие сибирские промыслы находились в руках женщин-староверок, и достаток скапливались в женских руках. В Западной Сибири существовали целые старообрядческие села, где основную роль в хозяйстве и предпринимательстве играли женщины, а не мужчины. Выдающееся значение женского труда в Сибири обеспечивало женщине особое уважительное отношение в семье и в обществе. На Алтае часть фирм возглавляли женщины. Так, Е.Г. Морозова, унаследовавшая дело после смерти мужа – крупного торговца, за 14 лет своего руководства смогла не только сохранить бизнес, но и серьезно упрочила его, превратив компанию из торговой в торгово-промышленную. И среди белорусских староверов в документах XVIII-XIX вв. упоминаются женщины-предпринимательницы, в том числе весьма состоятельные. К концу XIX в. число женщин-предпринимательниц в России выросло [1, с. 64; 6, с. 118, 164, 167; 19, с. 120; 23, с. 98; 26, с. 104; 34, с. 81-82 и др.].

Иногда не только недвижимость, но и торговые и промышленные заведения часто записывались на жен старообрядческих предпринимателей, и далеко не всегда эта запись была формальной. Так, в 1860-1870-е гг. жена И.И. Бутикова Анфиса Федоровна (урожд. Соколова) была директором «Т-ва м-р И. Бутикова». У староверов участие женщины, в том числе и при живом муже, в организационно-хозяйственной деятельности было в порядке вещей. Так, основатель знаменитой династии М.Я. Рябушинский отличался патриархальными традиционалистскими взглядами, суровым отношениям и даже недоверием к близким, в том числе к детям. Он мог строго наказать

[1] До 1912 г. в законе существовали некоторые ограничения в наследовании для женщин. «Лица женского пола» призывались к наследству, пользуясь правом представителя так же как и лица мужского пола, только «за недостатком мужского пола». Ближайшее право наследования после родителей принадлежало законным детям мужского пола, в случае их смерти – внукам мужского пола, правнукам мужского пола и т.д. (см.: 5, с. 47). Но в старообрядчестве, где нормальным было непризнание государством прав собственности не только общин, но и детей, поскольку брак родителей-староверов не всегда признавался властями легитимным, «внешние» формальности не всегда соблюдались. Так, черниговский губернатор доносил министру внутренних дел в 1850 г.: «Дети раскольников наследуют отцовское достояние без всяких справок о метрике» (3, с. 92). Женщины в староверии также имели возможность обходить неудобные законы, ограничивавшие их права на наследование.

[2] «Женский пол в семействах федосеевских покорен деспотизму мущин» и отличается «неизъяснимым повиновением», – доносил агент полиции в середине 1840-х гг. [8, с. 121].

сына, пытавшегося учиться музыке, не признавал «книжного обучения» и пр., но в деле доверял только жене, советовался с ней и завещал именно ей свое дело[1].

Нельзя не отметить и такое явление в предпринимательстве, как «торгово-промышленные» браки. Так, крупнейшие старообрядческие фамилии Нижнего Новгорода после брака Н.А. Блинова и Е.А. Бугровой частично объединили свои капиталы, а главное, свои предпринимательские таланты. После создания брачного союза семьи «вели согласованную политику в торговле и финансах» [22, с. 78].

Участие женщин в организационно-экономической деятельности староверов очевидно, но еще значительнее их роль в реализации важнейшей функции старообрядческого предпринимательства - перераспределении прибылей предприятий. Главной целью старообрядческого предпринимательства было «поддержание веры» и общины, ее достижение – во многом обеспечивалось именно женщинами.

Женщины не только содержали на свои средства моленные, как М. Хлебникова, Кузнецова и другие их единоверки в 1840-е гг. в Лефортовской части. Они наравне с мужчинами добровольно-обязательно «возвращали» значительную часть прибыли от «божьей собственности» в общину. Так, «купеческая дочь» Варвара Ефимовна Грачева в 1840-х гг. передавала на нужды кладбища из своих доходов ежемесячно огромную сумму в 1000 руб. Эта функция и участие в ее реализации женщин не исчезли и после смягчения отношения государства к старообрядчеству. В начале прошлого века П.А. Жученкова, как и некоторые другие предпринимательницы, оказывали «материальную помощь» для проведения старообрядческих съездов [12, с. 57; 38, с. 200].

Они также, если это было необходимо, брали на себя функции хранительниц «собственности веры и общины». Так, власти запрещали староверам завещать наследство общинам. Редким случаем стало утверждение правительством Павла I в 1799 завещания И.Ф. Долгова, по которому Выголексинское общежительство стало владельцем участка земли и строений между Моховой и Фонтанкой. Но когда при Николае I власти еще раз подтвердили запрет на право собственности для староверческих общин, построенный дом с землей был передан наследнице И.Ф. Долгова. Свидетели и современники прекрасно знали при этом, что «несмотря на эту формальную передачу по документам, означенный дом все-таки считается [самими старообрядцами] собственностью Выголексинского монастыря и высылает доходы на Выг до 30,000 р. ежегодно».[40, с. 54-55].

В случае необходимости женщины участвовали и в важном деле защиты от преследований и дискриминации со стороны властей - защиты старой веры путем подкупа чиновников. Например, для сохранения и нормального функционирования Норской старообрядческой молельной, ее содержательница заплатила исправнику 1400 руб. асс., объяснив на допросе, что она «поклонилась этими деньгами при обыске». Кроме того, исправник получил 315 руб. и попросил еще 1200 «в долг», но не отдал, сказав, что «будет хлопотать в Петербурге». Деньги также выплачивались наставницей и другим уездным чиновникам по делу, а также «по существующему обыкновению при поздравлении с праздниками… добровольно без всякой просьбы и вынуждения» [27, с. 244].

Описывать участие женщин-старообрядок в широчайшей благотворительности, в том числе внеконфессиональной, не имеет смысла. Финансовые возможности и участие в управлении предприятиями позволяли и в определенном смысле обязывали женщин-предпринимателей, а также жен и дочерей старообрядческих хозяев активно участвовать в работе различных благотворительных организаций [см., например: 11; 42 и др.]. Тем более это относилось к представительницам старообрядчества, где подобная деятельность и многочисленные взносы не были благотворительностью в современном смысле этого понятия, проявлением лишь милосердия. Даже если речь не шла о поддержании староверческих общин, перераспределение прибыли таким образом представляло собой исполнение главного конфессионального долга предпринимателей из староверов, исполнением их христианского подвига [подробнее см.: 14].

Здесь важно, что для староверок речь шла не только о передаче средств, но и организации этого процесса. Так, А.Г. Мусорина и А.В. Федотова избирались в совет Московского старообрядческого благотворительного общества. В конце XIX в. в Рогожской старообрядческой общине было учреждено особое «женское по-

[1] Правда, она умерла раньше мужа, и завещание было изменено в пользу детей.

печительство о призреваемых», состоявшее только из «женщин-благотворительниц». Его членами были избраны А.К. и О.В. Рахмановы, П.И. Милованова, Е.Е. Дмитриева, З.А. Федотова, Е.С. Федорова, С.Ф. Соболева и Н.В. Кузнецова [25, с. 123; 48, с. 66].

Старообрядки не ограничивались, конечно, «благотворительностью» внутри согласий, но развернули во второй половине XIX – начале XX в. широчайшую внеконфессиональную деятельность.

Многие предпринимательницы из старообрядцев прославились в российской истории, но наиболее типичным и в то же время экстраординарным в смысле своего масштаба случаем совмещения различных видов участия как в управлении предприятием, так и в перераспределении его прибыли представляет собой деятельность Марии Федоровны Морозовой. Вообще, ее личность и деятельность представляют квинтэссенцию участия старообрядок в российской модернизации.

При жизни мужа Мария Федоровна не участвовала в непосредственном управлении производством и сбытом, но активно занималась социальной инфраструктурой (фабричными училищами, больницей, богадельней и пр.) и благоустройством территории Никольской мануфактуры. Так, в «Памятной книге распоряжений г-на Тимофея Саввича» по фабрике за 1877 г. Морозов несколько раз дает указания по поводу строительства бассейна и фонтана во дворе фабрики, но только в связи с подготовительными работами. «Самый бассейн погодите делать, - пишет он, - до приезда Марии Федоровны». Кроме этого, М.Ф. Морозова управляла торговыми предприятиями, полученными ею в наследство от брата А.Ф. Симонова [47, оп. 1, д. 11, л. 112; д. 18, л. 54, 127, 128 и др.; оп. 6, д. 14, 16, 99, 146, 152, 170, 179].

Незадолго до кончины Т.С. Морозов, учитывая существовавшие препоны в законодательстве о наследовании, оформил доверенность на Марию Федоровну «на управление всей собственностью», принадлежавшей ему, причем с правом «заведывать и управлять». А после смерти Тимофея Саввича, на рубеже 80-90-х гг., Морозова произвела изменения в системе управления, отказалась на период перестройки от жалования. В дальнейшем (в соответствии с неизвестной ей, конечно, теорией менеджмента) Мария Федоровна провела дальнейшую «демократизацию» управления предприятиями Товарищества, введя фактическую коллегиальность. Расширился круг вопросов, решавшихся лишь правлением. Произошла некоторая децентрализация системы менеджмента. Теперь сама Мария Федоровна заведовала школами и больницами. Техническими вопросами производства и остальной социальной инфраструктурой занимался С.Т. Морозов, сбытом - И.А. Колесников, поставками сырья и платежами - А.А. Назаров. При этом большинство паев оставалось в руках вдовы Т.С. Морозова, что гарантировало ей проведение ответственных решений в правлении, возможность реализовать свои функции. Соответственно, Мария Федоровна распоряжалась и ценными бумагами, доставшимися ей от мужа, в частности учредительными паями Волжско-Камского банка и др. [47, оп. 1, д. 11, л. 25, 147; 29, с. 11, 114].

Вклад Морозовой в поддержание общины в конфессиональных целях староверческих общин был так же велик. Она продолжала после смерти мужа выплаты в Рогожскую общину. Передавая в 1890 г. очередные 50 тыс. руб. «как настоящим, так и будущим попечителям богаделенного дома», Мария Федоровна сопроводила деньги письменным указанием: если Рогожский богаделенный дом будет закрыт «или прият из управления старообрядческого общества», «то весь… капитал и проценты с него поступают в полную собственность Рогожского старообрядческого общества» [47, оп. 1, д. 11, л. 62]. После создания женского попечительства при Рогожской общине Морозова стала его первой «председательницей».

Занималась М.Ф. Морозова и благотворительностью вне деноминации, причем в широких масштабах [подробнее см.: 15, с. 60-69]. Она работала в двух десятках благотворительных комитетов и обществ – от локальных до всероссийских [см., например: 47, оп. 1, д. 11, л. 34, 77-78, 80, 103, 131, 132, 140, 144, 152, 154 ,158, 164, 165, 166, 175, 177-178, 181 182, 183; 489, с. 66]. Она «единственная среди российских купчих» была награждена Мариинским знаком отличия за 25 лет «беспорочной службы» в благотворительных заведениях. Ее пожертвования и активная благотворительная деятельность подробно описаны в литературе [24, с. 29-31 и др.; 41, с. 115-121; 43, с. 1984, 236, 238 и др.; 29, с. 275-281 и др.] и отражены в источниках [см., например: 44, оп. 1, д. 62 и др.]. Кроме благотворительной деятельности в общенациональ-

ном масштабе как почетного члена Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (с 1891 г.) [47, оп. 1, д. 11, л. 80–81], в источниках упоминаются многочисленное постоянные взносы Марии Федоровны в социальные заведения Москвы и Владимира (главные предприятия «Товарищества Саввы Морозова сын и К°» находились в то время во Владимирской губернии), причем очень значительные. Так, будучи членом попечительского совета Иверской общины Красного Креста с ежегодным взносом в 500 руб. в кассу лечебницы, Мария Федоровна делала периодически и крупные единовременные пожертвования общине (в 1899 г. –10 тыс. руб. на устройство терапевтической клиники, в 1903 г. – еще 12 тыс. руб. и т.д.). Еще больше было пожертвование Преображенской больнице для душевнобольных - 100 тыс. руб. с разрешением помещать в эту больницу больных по заявлению правления «Товарищества Саввы Морозова Сын и К°». Являлась она и членом попечительства о бедных Мясницкой части с ежегодным взносом 1 000 руб., а также многих других благотворительных органов [47, оп. 1, д.11, л. 103, 140, 144, 177–178].

После смерти мужа она полностью на свои деньги завершила строительство богадельни, получившей имя Т.С. Морозова, и оставила капитал на ее содержание (всего - св. 700 тыс. руб.) [47, оп. 1, д. 77].

Для Владимирского приюта было передано 5 тыс. руб. «неприкосновенного капитала им. Т.С. Морозова», для Владимирского дома трудолюбия, оказывавшего «помощь беднейшим жителям г. Владимира и его губернии», ежегодно перечислялось 1 300 руб., постоянно финансировались Владимирское благотворительное общество, Владимирская городская богадельня и многие другие учреждения губернии. Владимирский городской голова в 1906 г. с благодарностью писал Марии Федоровне: «… рука дающего не оскудеет… помогающий бедному дает как бы взаймы Богу» [47, оп. 1, д. 77, л. 154, 155, 158, 165, 166, 175, 177, 173, 174, 181, 182, 183, 184].

Это далеко не все благотворительные деяния Морозовой. В своем завещании она выделила на эти цели 930 тыс. руб. [24, с. 31].

Слава благотворительницы М.Ф. Морозовой была так велика, что, несмотря на ее известность в строгой приверженности старой вере, даже иерархи официальной церкви просили у нее деньги. Так архиепископ Владимирский Феогност попросил и получил средства на «восстановление древнего Владимирского Успенского собора» (с 300 кв.м. рублевских фресок) [47, оп. 1, д. 11, л. 77-78 об.]. Кроме того, совершенно незнакомые люди, не имеющие отношения ни к морозовским фабрикам, ни к старообрядчеству, часто писали с просьбами помочь «спасти от окончательной нищеты», прося 80 руб., 10 руб. или подобные суммы [47, оп. 1, д. 11, л. 40, 41]. Известен случай, когда религиозная старообрядка Морозова дала деньги на восстановление сгоревшей синагоги в одном из местечек Белоруссии в ответ на телеграмму местного раввина [18, с. 43].

Еще более важной чертой деятельности Морозовой был тот факт, что «темная» Мария Федоровна, по мнению внука, опасавшаяся электричества, считала очень важным образование. Она прямо заявляла: «Необходимо, нужно просвещать молодое поколение» [29, с. 275]. С начала 1870-х гг. М.Ф. Морозова на предприятии мужа курировала образование, позже став главной попечительницей Николинского, Вауловского и Городищенского училищ и фактически обеспечивая их содержание. С ее приходом к руководству училищ стало быстро расти число учеников, особенно малолетних [29, с. 193]. При этом Мария Федоровна настаивала на том, что должны получать образование и девочки. Фабричные училища были предназначены и для дочерей рабочих, что почти нигде не практиковалось [46, оп. 2, д. 284; д. 146; д. 152; д. 176; 47, оп. 1, д. 11, л. 131, 132 и др.].

Конечно, Мария Федоровна, как и многие другие старообрядки-предпринимательницы, сохраняла в быту черты традиционалистской купчихи из ревнителей древнего благочестия. Она содержала приживалок, ее дом в Трехсвятском переулке не был подключен к канализации даже в ходе массовой кампании 1903 г., чтобы не беспокоить Морозову работами «в связи с преклонным возрастом и постоянным болезненным состоянием» [47, оп. 1, д. 11, л. 43]. Однако, как это в целом характерно для многих российских предпринимателей из старообрядцев *вне зависимости от их пола*, сохраняя традиционалистские черты в быту, Морозова проявляла в своих титанических благотворительных усилиях отнюдь не «показное» благочестие.

Таким образом, высокое относительно «синодального» большинства положение женщины в старообрядчестве обеспечивалось не толь-

ко их духовно-образовательной работой, но и активной деятельностью в сфере хозяйствования и распределении предпринимательской прибыли. Мужчины-старообрядцы осуждали в духовных стихах и «сатирах» тех женщин в старой вере, кто начал одеваться в модные и «нескромные» платья[1], но никто и в XVIII, и в XIX вв. не упрекал старообрядок за их формально мирскую хозяйственную и общественную активность.

[1] «… за обедней напереди женщины или девушки стоят,
На которых больше икон люди глядят,
Ибо у них груди почти совсем наруже,
Но что сего Богу противнее и хуже?» и т.п. [31, с. 67, 69 и др.].

Библиографический список

1. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации предпринимателей в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX - начале XX вв.). СПб., 1999.
2. Борисов В.В. Мумриковы // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002.
3. Верховский Т.А. Стародубье. Записки протоиерея Никольской единоверческой церкви. Казань, 1874. Ч. III.
4. Волкова Т.Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Феодосья Ефимовна Чупрова) // Мир старообрядчества. М., 1996. Вып. 3: Книга, традиция, культура.
5. Волошина Е.С. Юридические аспекты женского предпринимательства в России в 1910-1917 гг. // Конференции, дискуссии, материалы. 2004. М., 2003.
6. Горбацкий А.А. Старообрядчество на белорусских землях. Минск, 2004.
7. Денисов С. Виноград российский, или Описание пострадавших за древлеправославное благочестие. М., 1906.
8. Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А.А. Титовым. М., 1885.
9. Донская старообрядческая епархия // Старая Русь. 1912. № 11-12.
10. Доулинг К. Купцы-старообрядцы Бутиковы // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2005. Т. 1.
11. Женщина в российском обществе. Иваново, 1996. № 1.
12. История Преображенского кладбища // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1.
13. Кельсиев В. Предисловие // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1.
14. Керов В.В. «Се человек и дело его…»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2016. Гл. 4.
15. Керов В.В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4.
16. Кириллов И.А. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5.
17. Краткая записка о современном состоянии раскола в Повенецком уезде // Бурцев А.Е. Материалы для истории раскола из собрания А.Е. Бурцева. Б/м, б/г.
18. Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993.
19. Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI - начала XX в. Рязань, 1996.
20. Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2002.
21. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1.
22. Макаров И.А. Уважаемые граждане Нижнего Новгорода // Каждый род знаменит и славен. Из истории нижегородского предпринимательства XVII – начала XX века. Н.-Новгород, 1999.
23. Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989.
24. Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998.
25. Московское старообрядческое благотворительное общество // Старая Русь. 1912. № 7.
26. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Тарту, 2004.
27. Показания содержательницы Норской моленной девки Афанасии Андреевой, в иночестве Таисии… // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4.
28. Пономарева Г. Русские староверы Эстонии. Тарту, б/г.
29. Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797-1917. М., 2004.
30. Пругавин А.С. Старообрядцы и образование // Старая Русь. 1912. № 2.
31. Рождественский Т.С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909.
32. Синицын И.И. Записка [об экспедиции (1852) для статистического исследования народонаселения Ярославской губернии] // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон, 1862. Вып. 4.
33. Синицын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон, 1862. Вып. 4.
34. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая. Барнаул, 2001.

35. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. VIII.
36. Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002.
37. Стадников А.В. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX – начало XX вв.) // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5.
38. Старая Русь. 1912. № 10.
39. Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913.
40. У Петербургских старообрядцев. Б/м., б/г.
41. Ульянова Г.Н. Женщины семьи Морозовых: благотворительность как семейная традиция // Морозовы и их роль в истории России. Труды первых Морозовских чтений. Ногинск, 1995.
42. Ульянова Г.Н. Купчихи-благотворительницы // Былое. 1996. № 5.
43. Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. М., 1999.
44. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1863.
45. Фишман О.М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.
46. ЦГА Москвы. Ф. 342.
47. ЦГА Москвы. Ф. 357.
48. Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожскою заставою. М., 2005.

М.Г. Котовская

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Т.Н. Юдина

Россия, г. Москва, Российский государственный социальный университет

ИНОФОНЫ (ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ): ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР И ЗНАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Школьная образовательная система Москвы за последние пять-шесть лет стала испытывать более высокую миграционную нагрузку как вследствие международной миграции, так и за счет того, что многие ранее приехавшие и уже адаптировавшиеся мигранты стали массово привозить свои семьи в Москву [7; 16]. Кроме этого, невзирая на многочисленные трудности на новом для них месте проживания, около трети мигрантов стали приезжать с детьми. За счет активизации женской миграции также возросло количество детей. Также у семейных мигрантов наблюдается достаточно высокий уровень рождаемости, «их дети стали ходить в московские школы или в недалеком будущем пойдут в них» [13, с. 135]. Таким образом, появление детей-инофонов представляется достаточно распространенным явлением в школах Москвы [11]. В связи с этим школа столкнулась с новыми проблемами обучения детей, для которых русский язык не является родным [8]. В данной статье мы исходим из того, что «дети-инофоны – это группа учащихся, семьи которых сравнительно недавно приехали в Россию, их родные также столкнулись с трудностями с русским языком и дома между собой они разговаривают на родном языке. В первую очередь это категория детей, для которых русский язык неродной и представляет сложности для восприятия, понимания и коммуникационных практик» [15].

По данным Центра социологических исследований Минобрнауки России, всего в школах Москвы учатся дети из 80 стран дальнего зарубежья. Точных данных по количеству детей мигрантов из стран СНГ в школах столицы нет. При этом выходцы из этих стран учатся в государственных и муниципальных школах Москвы [3].

Актуальность проблемы культурной и языковой адаптации детей зарубежных мигрантов для школьного образования нарастает с каждым днем, по мере поступления в российские школы все большего числа детей-инофонов с различными языками и культурами [10]. При этом происходит неравномерное распределение мигрантов по округам и школам. Эксперты считают, что в некоторых столичных школах обучаются от 4 до 10% детей-инофонов, в других школах – 30–50 процентов [5], и даже порой доходит до 70% [11].

Одни школы не хотят брать к себе таких детей и отказывают им в приеме со ссылкой на пе-

реполненность. Это, как правило, школы с высокой успеваемостью. Некоторые школы, боясь что их могут закрыть из-за недобора, берут детей мигрантов. Это, как правило, более слабые школы [9:153]. Таким образом, на уровне школ происходит «сегрегация, одни школы отбирают лучших, другие берут всех «остальных»» [17, с. 221]. Родители-москвичи стараются не отдавать своих детей в такие школы, опасаясь, что «там будет общий низкий уровень обучения и нестабильная ситуация с дисциплиной» [4].

Кроме этого, если раньше коллектив отдельно взятого учебного класса был стабильным на протяжении довольно длительного отрезка времени, то сейчас по образному выражению директора гимназии № 1540 М.В. Моисеева: «класс можно сравнить с вагоном метро, в котором кто-то проедет от конечной до конечной станции, а кто-то войдет в вагон для того, чтобы проехать всего одну остановку» [12].

Известно, что язык в школе выполняет двойную функцию: является не только предметом обучения, но и средством приобретения знаний по всем дисциплинам. Как справедливо отмечает Н.Я. Ушаков, «недостаточный уровень знания русского языка не позволяет ученикам осваивать школьную программу» [15, с. 30]. Таким образом, языковой барьер является центральной проблемой, которая мешает иностранным ребятам быстро интегрироваться как в образовательный процесс, так и в коллектив своих сверстников.

Объектом исследования выступили обучающиеся общеобразовательных школ мегаполиса. Авторами использовался метод анкетного опроса. В выборку были включены школьники из стран СНГ и дальнего зарубежья с разными сроками пребывания в Москве. Кроме детей иностранных граждан, в нее были включены русские дети, что помогло понять специфику поведения и особенности социального взаимодействия этих двух социальных групп, так как именно эти группы детей в той или иной степени показывают разные уровни социально-культурной дистанции и раскрывает своеобразие отношений «свой-чужой». В качестве дополнительного исследования нами были проведены глубинные интервью с преподавателями школ Москвы.

Результаты нашего исследования подтвердили, что языковая практика и является основным элементом интеграции личности в иноэтнической среде. Нами была зафиксирована высокая мотивационная активность в изучении русского языка среди детей-инофонов: более 80% из них, независимо от этнонациональной принадлежности, отметили, что изучение русского языка является для них приоритетным. При этом русский язык не стал в их семьях главным языком общения. Достигая подросткового возраста, многие мигранты начинают понимать, что хорошее владение русским языком может предоставить им дополнительные бонусы в дальнейшей жизни в новом принимающем их социуме. Однако необходимо учитывать, что это в первую очередь те, кто сами и их семьи нацелены на длительное пребывание в России.

Нередко, будучи заинтересованными в изучении русского языка, многие иностранцы не хотят терять язык страны исхода и нацелены на его углубленное изучение. На сегодняшний момент общеобразовательные школы России зачастую не могут в силу различных причин предоставить возможность детям-инофонам постигать свой родной язык. В связи с этим хочется вспомнить добрым словом ныне уже несуществующие школы с этнокультурным компонентом. И хотя этнокультурный компонент переведен в школах в структуру дополнительного образования, около 20% детей-инофонов выразили озабоченность тем, что не во всех учебных заведениях они имеют возможность изучения своего языка. При этом 18% детей-мигрантов отметили, что учат родной язык прежде всего в семье, на специализированных курсах и в этнокультурных центрах.

В тесной связке с мотивацией изучения родного языка стоит позитивная/негативная оценка детьми своей собственной национальной принадлежности. В нашем опросе ответы детей продемонстрировали широкий спектр модальности – от позитивных до сугубо негативных: например, гордость, уважение или безразличие и даже стыд. В ходе нашего исследования удалось выявить, что оценка своей национальной идентичности у детей-мигрантов имеет ряд особенностей по сравнению с их сверстниками-москвичами. Так, среди москвичей доминируют такие позитивные установки, как: «я испытываю гордость за принадлежность к своей культуре» – около 70%, сравнительно нейтральные – «для меня моя национальная принадлежность не имеет особого значения» или «я – москвич, и это главное».

По сравнению с московскими детьми, среди инофонов больше детей нейтрально или даже

сравнительно негативно относящихся к своей этнической принадлежности: 12% таких детей время от времени ощущают внутреннее психологическое напряжение, около 4% ответили, что испытывают стыд за свою национальную принадлежность, около 8% хотели бы иметь другую национальность. Хотелось бы также обратить внимание на сравнительно большую долю инофонов, не ответивших на вопрос об их этнической принадлежности. В целом сумма негативных оценок у детей-мигрантов едва превышает 25%, но даже эти цифры демонстрируют некую этнонациональную дезориентацию мигрантов и страх недоброжелательного отношения к ним со стороны этнического большинства.

Настороженность вызывает и другая тенденция – стремление относить себя к доминирующей этнической группе. Согласно нашему исследованию, практически 60% подростков посчитали себя русскими (только один из родителей относился к превалирующей группе). Это в определенном плане может свидетельствовать, что некоторые дети не хотят казаться чужими и предпочитают декларировать свою принадлежность к русскому большинству. В то же время мы должны понимать, что за этими утверждениями прячется стремление сократить национально-культурную дистанцию с представителями этнического большинства. И такая тенденция характерна не только для России, но и для многих зарубежных стран. Об этом в 1980 г., в частности, писали американские социальные психологи А. Ферихем и С. Бочнер, которые также обосновали ключевые параметры, облегчающие или влияющие на адаптацию человека в новой культурной среде. По их мнению, «целенаправленное культивирование этнокультурных различий в среде мигрантов может стать сильным дезориентирущим фактором» [19, с. 792–793].

Об особенностях барьеров в коммуникативном процессе мы можем говорить и сопоставляя ответы детей-инофонов на вопрос: «Какие сложности вы испытываете при обращении со сверстниками других национальностей?». Опрос показал, что прежде всего это связано с недостаточным владением мигрантами русским языком (34%), ощущением изолированности от сверстников (22%), а также слабым владением местными культурными нормами и традициями (14%).

Наибольшие трудности испытывают те дети, которые дома общаются только или преимущественно на родном языке, тогда как в школе вынуждены говорить только по-русски. Такие дети в нашей выборке составили около 18%. Кроме того, две трети из них признались, что нередко нервничают из-за того, что плохо понимают учителя: им сложно выполнять школьные задания и общаться со своими русскими сверстниками.

Согласно законодательству РФ, при поступлении в школу дети иностранцев проходят только устное собеседование[1].

Когда в ходе опроса мы спрашивали директоров московских школ о критериях приема детей-мигрантов в общеобразовательные школы, то получили такого рода ответы: *«Все московские школы должны брать детей-иностранцев в школу, независимо от того, таджик он, туркмен или азербайджанец. Дети должны учиться, и мы всегда стараемся изыскать возможность».*

Отвечая на наш вопрос об основных сложностях, с которыми сталкиваются дети-иностранцы, приехавшие в Москву, многие учителя сказали следующее: *«В конце лета иногда родители приходят с детьми, плохо говорящими на русском языке. Учителя вынуждены специально заниматься с ними и на уроках, и после. Это вызывает нередко недовольство у других родителей, так как учителя уделяют меньше внимания их детям. Школам, в которых учится много плохо владеющих русским языком детей, надо помогать, прежде всего методически».*

На слабое владение русским языком накладывается и другая проблема: нежелание некоторых родителей-мигрантов дополнительно заниматься обучением своих детей: *«Проблема заключается не в том, что мы не можем достучаться до детей, а в том, что мы не можем достучаться до их родителей. Иногда мы просто не можем их привлечь к образовательному процессу. Чтобы интеграция происходила, надо работать со всей семьей».*

Это зачастую связано с условиями проживания детей и материальным положением их родителей. Как отмечают исследователи, некоторые семьи живут по десять человек в одной квартире, детьми не занимаются толком, иногда

[1] Основным документом, регулирующим порядок приема детей в школу, является приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 32 «Об утверждении приема граждан по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования».

и вообще не отдают их на обучение в школу [1].

Недавно приехавшим в Россию детям-мигрантам, как правило, присуще не только слабое знание русского языка, но и невысокий уровень знаний по другим предметам. Поэтому администрация школ вынуждена находить разные пути разрешения таких ситуаций: *«Школьники иногда приезжают с недостаточным уровнем знаний и по другим предметам. Школьная администрация может предложить устроить ребенка в класс, подходящий ему по знаниям. Поэтому иногда более взрослые дети оказываются в младших классах. Чтобы избежать этого, проводятся усиленные дополнительные занятия, подключаем «патронат» – более сильного ученика. Но специфика современной российской школы такова, что мы не можем учитывать особенности их традиций и воспитания».*

Сейчас в Москве поддерживается идея деятельности культурно-образовательных центров как структуры дополнительного образования. Такие центры работают на основе общеобразовательных школ, но занятия идут во второй половине дня, где создаются специальные группы с преподаванием на том или ином языке. Это позволяет избежать чрезмерной замкнутости среды, облегчает организационные проблемы (особенно в связи с территориальными масштабами мегаполиса) и в то же время дает возможность ребенку любой национальности получить желаемые знания [11].

В Москве департаментом образования были введены нормативные и организационные меры по организации дополнительных уроков по русскому языку для детей иностранных граждан. Вводится «Программа интеграции детей зарубежных мигрантов в московскую образовательную среду», в том числе создана структура базовых центров социально-культурной адаптации иностранцев. Об этом директорам школ известно. На наш вопрос: «Осведомлены ли Вы о разработке специализированных программ для детей-иностранцев?» часто директора школ отвечали: *«Практически в каждом московском округе есть школа, в которой детям, совсем не говорящим на русском языке, предоставляется возможность быстрого освоения русского языка для дальнейшего успешного прохождения ими обязательного курса обучения».*

Большинство мигрантов хотят обучать своих детей близко от дома. Многие мигранты отвечали, что они рассчитывают на долгосрочное проживание в России и поэтому хотят, чтобы их дети легко вошли в российский социум. А самый простой способ – это учеба в московской общеобразовательной школе и дружба с соседскими детьми.

Проблема интеграции новых жителей актуальна для всех стран, принимающих мигрантов. Сейчас в мире все отчетливее просматривается тенденция к признанию необходимости оказания мигрантам действенной помощи по обучению языку, предоставлению других образовательных услуг и поиску работы. Эту точку зрения разделяют и наши исследователи. Так, М.Ю. Мартынова отмечает, что «обучение детей-мигрантов языку коренного населения является одним из основных компонентов интеграции мигрантов, поскольку знание языка можно считать первым шагом к их успешной адаптации» [11, с. 175]. Одновременно наряду с образовательными задачами целями обучения становятся включение мигрантов и их детей в новое для них социальное и культурное пространство, знакомство их с местными традициями, создание возможности реального участия этой части жителей в жизни новой для них страны. Весь накопленный отечественный и мировой опыт исследований в данной сфере показывает, что при нарастающих миграционных потоках именно сфера образования и воспитания может и должна обеспечивать социокультурную и языковую адаптацию мигрантов и их детей, тем самым в значительной мере предотвращая маргинализацию этих слоев общества.

Из этого вытекает, что процесс интеграции мигрантов не может не затронуть отношения с одноклассниками и учителями, поэтому школьное пространство в школах со значительным числом приезжих детей-мигрантов само подвержено изменениям.

В настоящее время в странах Европы и Америки существуют фундированные исследования, посвященные анализу особенностей учебы детей-мигрантов в их образовательных структурах. В них, в частности, рассматриваются те образовательные и социальные барьеры, с которыми детям иностранцев приходится сталкиваться в школе. В них утверждается, что детям-инофонам, в первую очередь плохо владеющим или не владеющим вовсе языком принимающего общества, просто необходимы дополнительные занятия [20; 22]. Также дети граждан других го-

сударств сталкиваются со специфическими для них проблемами, которые могут затруднять их адаптацию в учебном заведении и тормозить процесс коммуникации со сверстниками. Как полагает ряд исследователей, именно знание языка принимающего общества зачастую становится наиболее важным фактором для более легкой ассимиляции и ключевым фактором успеха в обучении детей мигрантов в школе. Так Р. Румбо утверждает, что чем «в более раннем возрасте ребенок приезжает в новую страну, тем быстрее он может овладеть языком страны, даже при условии, что его родители не говорят на этом языке» [21, с. 955]. Ученый обозначил этот период: от шести лет до раннего подросткового возраста, в этот период своей жизни ребенок обычно без особых усилий может овладеть новым языком, что подтверждается и исследованиями российских ученых [6; 10].

Что касается собственно обучения, то здесь нет особой разницы в школьных успехах детей-мигрантов по сравнению с русскими детьми. Нет разницы также и в их планах относительно получения высшего образования, если их родители заинтересованы в этом. Более того, многие исследования показывают, что часть мигрантов вкладывают значительные ресурсы в образование своих детей [2].

Безусловно, стоит учитывать, что планы на будущее и выбор дальнейшего профессионального пути, а также степень осознанности этого выбора различаются у тех мигрантов, которые давно живут в России, хорошо интегрированы в социальную систему, а родители имеют высшее образование, и тех, кто приехал в нашу страну сравнительно недавно. Важно отметить, что почти все мигранты, нацеленные на долгосрочное проживание в России, так или иначе планируют продолжать образование после школы и рассматривают школу как важный ресурс интеграции в российское общество.

В связи с широкими миграционными процессами последних десятилетий, в России и на территории Москвы стихийно появляются школы со смешанным составом учащихся [14]. Это обостряет проблему обучения русскому языку детей иностранных граждан в настоящее время. Как показало наше исследование и аналогичные исследования других авторов, необходимо разрабатывать и принимать государственные и городские программы включения детей-инофонов в российскую образовательную систему, прежде всего через обучение их русскому языку. Безусловно, адаптация детей-инофонов шла бы быстрее, если бы в школах были программы обучения русскому как иностранному. Учителям пригодились бы курсы подготовки к работе с многоэтничными классами.

Возможны и другие варианты решения данной проблемы. В общеобразовательных школах необходимо проводить деление классов на подгруппы для обучения русскому языку так же, как и для обучения иностранному. Это необязательно означает, что детей мигрантов нужно отделять от носителей русского языка, возможна организация смешанных групп. При этом учитель получает возможность больше времени уделить каждому ученику, более гибко строить урок. Плохое знание языка особенно отражается на изучении естественно-научных дисциплин (математики, физики, химии). Для этого необходимо изменить существующую нормативную базу: учителя должны иметь право оценивать детей-мигрантов на всех предметах школьного цикла по другим критериям и, возможно, в другой форме. Необходимо предусмотреть открытие нулевых (подготовительных) классов для детей дошкольного и младшего школьного возраста, слабо или совсем не владеющих русским языком.

Мы должны начать активно отрабатывать вопрос создания детских садиков для детей, так как полнота владения языком зависит от возраста начала его усвоения. Наиболее естественная адаптация происходит, когда ребенок ходит в ДОУ (на русском языке), и начинает говорить параллельно на русском и родном. Дети, не прошедшие ДОУ, осваивают русский язык в школе и во дворе. Помогают не родители, а сверстники и учителя.

Для большего включения детей-инофонов в русскоязычную среду необходимо развивать внеклассную/внешкольную активность, особенно командную; создавать специальные программы для работы с детьми в период летних каникул, активнее вовлекать их в секции и кружки. Для каждого ребенка-мигранта должна быть проработана система индивидуального сопровождения в рамках учебно-воспитательного процесса.

Библиографический список

1. Аверкиева О. Инородная неизбежность. Ассимиляция детей неграмотных мигрантов – нерешенная задача столичных школ. [Электронный ресурс]. URL: https://versia.ru/deti-negramotnyx-migrantov-prodolzhayut-assimilirovatsya-v-moskovskix-shkolax (дата обращения: 01.11.2018).
2. Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.
3. Арефьев А.Л. Обучение детей из семей иностранных граждан в школах Москвы. Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2015. № 5. С. 149–160.
4. Благовещенский А. Школьная задача поставила интернет в тупик. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/02/18/.html (дата обращения: 01.10.2018).
5. Выжутович В. Общая парта. Когда дети мигрантов и русские дети учатся вместе, это на пользу и тем и другим? Российская газета. Федеральный выпуск № 6915 (47). [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/03/03/.html (дата обращения: 01.11.2018).
6. Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. Т.4. № 4. С. 80–109.
7. Деминцева Е.Б., Пешкова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // ДемоскопWeekly. 2014. № 597–598. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php (дата обращения: 10.09.2018).
8. Капранова Ю.С. Вопросы обучения русскому языку в начальной школе детей мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: https://multiurok.ru/files/voprosy-obuchieniia-russkomu-iazyku-v-nachal-noi-s.html (дата обращения: 15.12.2018).
9. Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. «Бег с препятствиями». Кому доступно качественное общее образование? // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. М., 2008. С. 142–158.
10. Котовская М.Г., Юдина Т.Н. Инофоны в московских школах: проблемы культурной адаптации // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 115–123.
11. Мартынова М. Школьное образование в адаптации мигрантов (зарубежные и российские модели). Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 173–195.
12. Моисеева М.В., Розенблюм С.А. Обучение детей-мигрантов в российских школах как один из аспектов инклюзивного образования. [Электронный ресурс]. URL: https://school.msk.ort.ru/integration/files/moiseeva-rozenblum v02.doc (дата обращения: 15.12.2018).
13. Полетаев Д.В. Трудовая эксплуатация детей-мигрантов в России (на примере Москвы) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. № 11. С. 134–151.
14. Садыкова Р. Проблемы обучения детей-инофонов // Русский язык как иностранный.19 Август 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://iyazyki.prosv.ru/2016/08/children-volunteer/ (дата обращения: 15.12.2018).
15. Ушаков Н.Я. Обучение русскому языку детей-мигрантов на ступени основного общего образования в школе с полиэтническим составом: проблемы и способы их решения // Молодой ученый. 2015. № 10.1. С. 30–32. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/90/18676/ (дата обращения: 08.12.2018).
16. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М. Миграция и рынок труда. М., 2015.
17. Шпаковская Л.Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социальных неравенств // Журнал исследований социальной политики. 2015. 2. С. 211–224.
18. Alba R., J. Holdaway. The children of immigrants in school: a comparative look at integration in the United States and Western Europe. NY: New York university press. 2013.
19. Furnham A.BochnerS.Culture Shock. Methuen: London. 1986.Volume 17, Issue 3 August 1987, pp. 792–793.
20. OECD .2015. Immigrant students at school. Easing the journey towards integration. OECD publishing. [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264249509-en (дата обращения: 01.10.2018).
21. Rumbaut R.G. Assimilation and its discontents: between rhetoric and reality // International migration review. 1997. 31. Pp. 923–960.
22. Vernez G., Abrahamse A. How immigrants fare in U.S. education. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 1996.

С.С. Крюкова
Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ДЕВИЧЬЯ ЧЕСТЬ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ*

«Честь развивается из потребностей общества и сопровождается целой историей»
М.В. Духовской

Честь – сложная, многозначная этическая категория, получившая разные толкования. Не вдаваясь в тонкости ее трактовок, происхождения и эволюции, приведем лишь определение В.И. Даля, современника выбранного нами исторического периода (второй половины XIX в.): честь – это «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть», одновременно «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое» [13]. В этой интерпретации читается двоякий смысл: это и a priori качество личное, присущее конкретному человеку, и качество относительное, вариабельное, моделируемое историко-культурным контекстом эпохи, пространства, обстоятельств и пр. Последнее – т.е. социально-культурная обусловленность понятия «честь», выраженная в специфике его фактических внешних проявлений, в данном случае применительно к русской деревне пореформенного периода, – и будет находиться в центре нашего внимания.

Крестьянская культура, представляя по своему типу, согласно одной из антропологических классификаций, культуру стыда, до середины XIX в. покоилась на системе ценностей, основанной на понятиях чести и славы (в отличие от культуры вины, для которой характерна апелляция к нравственным нормам, установленным законом) [19, с. 57]. Честь имела важнейшее значение в системе морально-нравственных установок русских крестьян, соединенных глубинными связями с христианской православной этикой. Представления о чести, принятые деревенским сообществом, регламентировали порядок взаимоотношений, опиравшийся на такие существенные регулирующие механизмы, как репутация и общественное мнение (следует заметить, что в деревне до сих пор выражение «мне от людей стыдно» актуализирует соционормативную функцию стыда).

Немаловажным для осмысления понятия «честь» представляется ее рассмотрение в рамках дихотомии «честь»/«бесчестье». В этом взаимодействии проявляется конкретно-исторический смысл их социальных функций. В русской деревне бесчестье было равноценно позору/стыду. Близость понятий «стыд» и «честь» прослеживается в некоторых народных крылатых выражениях: «пора и честь (стыд, совесть) знать», «за честь (за стыд) голова погибает», «стыд та же смерть и бесчестье та же смерть» [11, с. 306]. В этом ряду следует обратить внимание на пословицы «в ком есть Бог, в том есть и стыд» и «в ком есть страх, в том есть Бог» [12, с. 246]. Обращение к Богу в связи с понятиями «честь»/«стыд»/«страх», бесспорно, указывает на значимость православного компонента в природе крестьянских соционормативных канонов.

Обычное право, ставшее предметом пристального внимания отечественных правоведов в русле подготовки и проведения Великих реформ, служит наглядным примером того, как функционировал крестьянский мир: руководствуясь прежде всего принципами, заложенными православием, в своих оценках справедливости он зачастую апеллировал не к букве закона, а к нравственным категориям «честь», «бесчестье», «стыд», «позор», «срам», «обида» и пр. К сожалению, устная традиция, преобладавшая в русской деревне второй половины XIX в., не позволяет проникнуть в сферу крестьянской репрезентации чести напрямую. Однако этот пробел отчасти восполняют этнографические описания деревенской жизни (хотя они проливают свет на интересующие нас вопросы опосредованно – глазами современников). Кроме того, некоторые сведения о крестьянском понимании чести, ее наиболее типичных чертах и проявлениях в конфликтных ситуациях содержат судебные документы. Иски крестьян о бесчестье и восстановлении доброго имени при общей не-

* Статья была опубликована в научном православном журнале «Традиции и современность». М., 2015. № 17. С. 60–75.

любви деревни к судам говорят о стремлении защитить свою честь, а конкретные судебные тяжбы по поводу нанесенной обиды (оскорбления) позволяют «измерить» ее параметры.

Изучение материалов судебных дел и этнографических описаний второй половины XIX в. дает возможность выделить несколько разновидностей и даже уровней понятия «чести», ее основные составляющие применительно к разным социальным группам (честь личная – девичья/женская/мужская; семейная/родовая; общественная – честь «мундира»; честь мира), а также институты ее защиты и способы восстановления (от суда общины до суда окружного). В этом ряду крестьянские представления о девичьей чести, хотя и наиболее известны по литературе, высвечены фрагментарно. Эту тему затрагивали в контексте рассмотрения брачно-семейных отношений, свадебной обрядности, христианского мировоззрения крестьян, а также в описаниях обычно-правовой практики и этических ориентаций общины [3, с. 284–290; 4, с. 242–245; 5, с. 432–436; 8, с. 94–100; 10, с. 352–354; 18, с. 25–26; 20, с. 489–490; 21, с. 190–217 и др.]

В историографии в качестве определяющей характеристики девичьей чести превалирует добрачная целомудренность девушки, свидетельствующая о ее духовной чистоте и нравственности. Это обязательный атрибут девичьей чести и главный, определяющий ее признак. Подобное требование к физиологическому состоянию девушки было предопределено важнейшей, определяющей ролью института семьи в жизни крестьян. Вступление в брак и создание семьи понимались ими как априорная основа и естественная форма человеческого существования, безбрачие же расценивали как отклонение от общепринятой нормы. Крестьяне признавали семью «делом великим, данным от Бога» [2, д. 1464. Л. 8]. Их представление о недопустимости добрачных интимных контактов было сформировано под воздействием христианских заповедей, согласно которым любые добрачные и внебрачные связи приравнивались к «блуду». Обряд венчания еще более усиливал страх божьего наказания за нецеломудрие [18, с. 25–26].

Сохранились многочисленные свидетельства из различных губерний о резком осуждении деревенских девушек, пренебрегших правилами общественного поведения. Так, по сведениям из Калужской губ., если узнавали об утрате девушкой девственности еще до свадьбы, считали это «срамом», «позором». Это влекло за собой ряд неприятных для нее последствий, предопределяло ее дальнейшую судьбу: «Такую девушку не возьмут замуж парни своей деревни. Если и удается выйти такой девушке, то разве в чужую далекую деревню, да и то больше за вдовца. Подруги начинают сторониться. “Ты, девушка, не водись с Анюткой, – она «балуется» и про тебя будут говорить, как про нее, если ты будешь ходить с ней, – она на добро не научит: у ней хвост замаран”, – говорят между собою девки. Бабы любят подшутить над такими девками: “Коса-то у тебя, девка, одна, да должно быть ты сама-то без дна…”. При ссоре ее попрекнут проступком и назовут “подкладнем”, “сволочью”, “потаскухой”. Часто таким девушкам рвут на улице вечером платки, сарафаны, иногда по злобе, а чаще из-за шутки, по глупости. Родители побьют жестоко девку, бранят ее при всяком случае, семейные тоже упрекают: “Осрамила, опоскудела всю семью, поскуда нестоящая!”. Даже сестры и те: “Замарала свой хвост! И нас-то через тебя не возьмут!”» [22, т. 3, с. 555].

В Тверской губ. крестьяне, почитая за «грех» и «стыд» добрачную физическую близость, подвергали потерявшую девственность девушку остракизму: к таким «соседи относятся со злорадством, подруги и парни – с насмешкой, а родители ругают за это… Родившую женщину тоже не хвалят за прелюбодеяние… тем не менее, к ней относятся гораздо снисходительнее, чем к родившей девушке» [22, т. 1, с. 478]. В Олонецкой губ. их тоже сопровождало всеобщее презрение: «Девушку, которая окажется беременной, родители без всякой жалости изгоняют из дома и весьма редко принимают ее обратно, в среду семьи. Беременность девушки считается позором не только ее, но и всей семьи и даже всей деревни. На целомудрие парней смотрят более снисходительно, и связь парня с чужой девушкой, например с прислугой из другого уезда или волости, ставится ему не в вину, а как бы даже делает виновника героем» [22, т. 6, с. 197]. Согласно информации из Псковской губ., «потерявшая девственность покрывает себя несмываемым пятном, если только обольститель не возьмет ее замуж. Девичьи наряды забеременевшей девушке носить воспрещается. Если парень откажется жениться на обольщенной девушке, то родственники ее мстят обольстителю побоями, но до судеб-

ного процесса не доходят, равно как никогда не требуется от обольстителя уплаты известной суммы». «Деньгами *бесчестья* не покроешь», – говорили крестьяне в подобных ситуациях [22, т. 6, с. 246]. Таким образом, если физиологическая составляющая целомудренности была основным критерием девичьей чести, то ее отсутствие – клеймом бесчестья, свидетельством греховности ее носительницы.

В Рязанской губ., как и в других земледельческих губерниях России, репутация девушки оказывала решающее влияние на брачный выбор. В «реестре» требований, предъявляемых крестьянским обществом к невесте, девственность – наряду с дородностью (красотой), здоровьем и способностью к работе – стояла на первом месте, т.е. целомудрие ставилось выше физической красоты и прочих достоинств [17, с. 105]. Девичья честь была своего рода залогом благополучной и спокойной будущей жизни ее обладательницы; обеспечивала ей право на существование в привычном окружении; устанавливала и регулировала ее взаимоотношения с ближайшим кругом общения – семейным, соседским, общинным; влияла на ее дальнейшую судьбу, как, впрочем, и на репутацию ее семьи, рода.

За добрачные связи всю вину возлагали на девушку, а бесчестье падало на всю ее семью. Если девушка «гуляла», «потерпевшими» лицами признавали прежде всего ее родителей. Дурное поведение жены или дочери для любого крестьянина было позором. «Если дочь-невеста слюбится с каким-нибудь парнем и принесет незаконного ребенка, это бесчестие для родителей. “Покрыла срамом наши головы”, – говорит ей отец» [22, т. 3, с. 328; т. 2 ч. 1, с. 155].

Вместе с тем, по отдельным свидетельствам, можно судить о ситуациях трансляции девичьего бесчестья не только на семейный круг, но и на всю мужскую часть молодого поколения крестьянской общины. В частности, по сообщению из Нижегородской губ., если любовник девушки принадлежал к числу ее односельчан, то его связь с ней не вызывала протеста со стороны местных парней, разве лишь со стороны семьи самой девушки. Но в том случае, если ее любовником становился ухажер из другой деревни или же вовсе лицо другого сословия, то все местные женихи считали себя оскорбленными. И если тот не пытался деньгами, угощением и т.п. исправить дело, тем самым обрести к себе расположение оскорбленных, то при первом же удобном случае его подстерегали и избивали. Девушку же, «гулящую» с чужим, всегда при случае могли попрекнуть, «подкорить» и подруги, и парни-односельчане. Они считали себя обиженными тем, что она предпочла своим «чужого», якобы «своих ей мало» и они «оказались плохи» [22, т. 4, с. 167].

В некоторых губерниях девиц с испорченной репутацией старались исключить из круга внутридеревенского молодежного общения. По сведениям из Владимирской губ. (Меленковский у.), девушек, замеченных в близости с парнями, не пускали на посиделки. Более того, они сами, в страхе быть осмеянными, предпочитали их не посещать. В Ярославской губ. (Ростовский у.) крестьянка, родившая внебрачного ребенка, в течение года не допускалась на беседы. Даже по истечении этого срока она не могла найти себе подруг. Окружавшие ее девушки старались избегать общения с ней, боясь, что и о них пойдет дурная слава [9, с. 224].

Правда, наряду с такого рода толкованиями девичьей чести в источниках мы найдем и иные, указывающие на грядущие перемены. Например, свидетельствующие об утере во второй половине XIX в. прежнего значения девственности, особенно в местностях, отличавшихся от земледельческих губерний своим торгово-промышленным укладом, а также в пригородных селах. Взаимосвязь между хозяйственно-экономическим укладом деревни и царящими в нем нравами фиксировали и современники. По сведениям из Костромской губ., «опороченная девушка с великим трудом может найти себе жениха, и то или очень бедного, или такого, который потребует за ней большой денежный «вывод». Случаи рождения незаконнорожденных детей (по здешнему «пригулышей») чрезвычайно редки: на это решаются в большинстве случаев такие девицы, которые потеряли надежду выйти замуж, а таких почти не бывает. Каждая девушка, как бы бедна и некрасива ни была, находит себе пару. В ближайших городах, хотя бы и в Галиче, нравы уже другие, так же, как и в подгородних (пригородных – *К.С.*) селениях. Известно, что город с его соблазнами и множеством разного рода донжуанов портит деревню. Девушка, которая служила или служит в городе, не считается хорошею невестою: редко возьмут ее замуж. Только крайне бедные родители отпустят свою дочь в город на службу» [22, т. 1, с. 181].

В основе более свободного поведения молодежи лежали местные традиции, например развитые отхожие промыслы или обычай вступать в брак в более позднем возрасте [22, т. 4, с. 158]. В Варнавинском у. Костромской губ. (с. Лапшанга) девушка, достигшая половой зрелости, уже имела «поигральщика», т.е. парня, который вступал с нею в постоянную половую связь [22, т. 1, с. 69–70]. Из Нижегородской губ. сообщали, что «плотский разврат с каждым годом все больше и больше распространяется среди крестьянского населения: теперь редкий крестьянский парень не обзаводится любовницей и очень многие, а в некоторых селениях так и поголовно почти все незамужние крестьянки-девушки имеют еще до брака любовников» [22, т. 4, с. 158]. Интимная связь между молодежью здесь не составляла редкости, хотя и скрывалась. По свидетельству современников, «можно привести несколько примеров, что девушка, потеряв целомудрие с одним парнем, вышла замуж за другого. Честь девушки ставится очень высоко с первых времен, но с течением времени поведение такой девушки почти забывается, и к девушкам с признаками беременности относятся также почти равнодушно. Родители, чтобы дочь их не дошла до половой связи с парнем, принимают все зависящие от них меры к сохранению целомудрия как можно дольше, а раз девица, не послушав родителей, потеряет целомудрие, то терпит от них всевозможные брани, укоризны и нередко побои… Как родители, так и родственники на половое общение смотрят крайне неодобрительно, говоря при этом “Бога не боятся и людей не стыдятся”, “совсем отчаялись”» [22, т. 4, с. 226].

Размывание прежних нравственных устоев коснулось во второй половине XIX в. и земледельческих губерний. По сведениям из Калужской губ., «в последние 5-6 лет на потерю невинности мало обращают внимания, потому что большинство молодежи сходятся до свадьбы. Если теперь станут приставать к девушке с укорами, то она непременно ответит: “Свой чемодан, кому хочу, тому и дам!”. Те же, на которых падает только подозрение, те не постесняются подать жалобу в волостной суд на оскорбление и во всяком случае наплюют обидчику в глаза. В д. Сосене забеременела девушка; мать хотела ее бить, но соседи не только не дали бить, но уговорили даже не ругать» [22, т. 3, с. 555]. Наблюдатели крестьянского быта во второй половине XIX в. констатировали, что «девичья честь при современных условиях, за малым исключением, ставится не очень высоко. Причина та, что мало, даже слишком мало найдется девушек, которые остались бы девственными до 18–20 лет. Правда, и небезразлично относятся к девушке, потерявшей невинность, при случае, в ссоре ей обязательно поставят на вид, какова она по своим нравственным качествам» [22, т. 3, с. 307].

Наряду с торгово-промышленной специализацией губерний, развитием отхожих промыслов и близостью к городу падению нравственности способствовала поденная работа женщин на помещиков. По сведениям из Рязанской губ. (д. Усово Раненбургский у.), «потеря девственности тут не преступление, а заурядное явление. Над девушкой тут не насмехаются, родители предоставляют ей полную свободу. Окружающие помещики, у которых деревня работает летом полевые работы, поденщина… развратила народ, как рабочая пора, так девок и баб и не удержишь» [2, д. 1438, л. 14–15].

В с. Алуево Калужской губ. среди основных требований к невесте назывались богатство (приданое), дородность, сила, способность к крестьянскому труду дома и в поле, гораздо менее – целомудренность [22, т. 3, с. 430]. Имущественный достаток невесты при выходе в замужество нередко покрывал девичий «грех». Аналогичные перемены можно наблюдать и в Рязанской губ., где прежние предбрачные установки в выборе брачного партнера уступали место новым: богатое приданое могло послужить компенсацией «позора». В с. Белоомут Зарайского у. (Рязанская губ.) богатый крестьянин Волков посватался к дочери лесопромышленника Сурина с условием о приданом в 3 тыс. рублей, однако после того, как ворота Сурина были вымазаны дегтем, жених заявил, что теперь женится только в том случае, если Сурин даст приданого до 10 тыс. рублей. Дело завершилось тем, что Сурин увеличил размер приданого до 6 тыс. рублей [2, д. 1452, л. 3].

Упомянутые в источнике ворота, испачканные дегтем, должны были сигнализировать общественности о том, что невеста потеряла невинность. Крестьянская традиция выработала ряд символических форм обозначения девиантного с точки зрения общины поведения девушки, порочащего ее честь. Посрамление/бесчестье в обычно-правовой традиции было наказанием, лишающим ее возможности спокойной жизни в

деревне в дальнейшем, портило ее репутацию, а от нее зависел социальный статус ее семьи.

Вообще, вымазанные дегтем ворота дома обесчещенной девушки довольно часто упоминаются в источниках, что говорит о широкой географии распространения подобной практики. Правда, судя по имеющимся материалам, нередко эта форма общественного порицания приобретала характер не наказания, а оскорбления, намеренно наносимого девушке и ее семье в отместку за что-то. Например, по сведениям из Калужской губернии, символические обиды исходили здесь «по большей части от женщин и молодых парней. Женщины после ругани мажут дегтем не только двери, но и окна и двери того дома, где живет обидчица, если у нее есть дочь или сестра-невеста, потому что мазание дегтем означает потерю невинности, замарание чести. Такие же шутки проделывают парни, желая за что-нибудь отомстить девушке. Есть девушки-насмешницы, и вот при народе сремизят парня. Мажут дегтем избу из-за ревности молодые бабы; напр., одна из них узнает, что ее муж находится в связи; но мазание дверей замужней женщины не считается таким позором. “Наша голова покрыта” (т.е. прикрыта венцом), “нам чести не сберечь”» [22, т. 3, с. 547].

В источниках есть упоминания и о других умаляющих честь девушки видах оскорблений, которые имели локальное бытование. Например, в Костромской губ., желая сильно оскорбить и «обесчестить» девушку, парень мог сорвать с ее головы платок. Это означало, что потерпевшая – любовница того, кто сорвал с нее головной убор [22, т. 1, с. 24]. В Калужской губернии к символическим обидам относилось обрезание косы у девушки. Обрезали их или женщины, или парни, или тайком на улице, или ночью в хороводе. Иногда перед домом, где девушка была замечена с парнем, вешали на крыльцо или под окном люльку, куда подкладывали сделанную из тряпок или соломы куклу-ребенка. Такое же значение имел и подвешенный на двери кузовок – живот беременной женщины часто в насмешку называли кузовком. С той же целью подкладывали на крыльцо дома яйца или ставили на него худой горшок. Беременную девушку прозывали «курочкой с яичком», а потерявшую честь девушку – «худым горшком» [22, т. 3, с. 548]. В Мценском у. Орловской губ. на дверях и воротах дома девушки, которая вела себя «слишком уж свободно», вешали «драную собаку» [1, д. 13, л. 12]. В ряде деревень Липецкого у. Тамбовской губ., чтобы опорочить девушку, в огороде ее семьи дергали лук и портили капусту. В Тульской губернии вешали на видное место поневу с вырезанным клоком [1, д. 13, л. 17, 29].

Однако во второй половине XIX в. девственность новобрачной по большей части все еще имела важное значение для будущей совместной жизни брачующихся. Были ситуации, когда уже после первой брачной ночи брак распадался [1, д. 11, л. 33]. Поэтому с целью удостоверения невинности просватанной невесты, а также публичного оповещения о том, что невеста непорочна, во время свадьбы устраивали ее «официальное обследование», результаты которого демонстрировали гостям, причем чаще всего в иносказательной форме и с помощью различных символических манипуляций. Например, в Калужской губ. после первой брачной ночи теща и сваха снимали рубаху с новобрачной и исследовали ее. Если выяснялось, что молодая потеряла невинность до брака, то муж в присутствии гостей и родственников бил посуду, ломал и грыз ложки [22, т. 3, с. 210]. В некоторых селах сваха надевала на себя окровавленную рубашку и в таком виде ходила по селу [1, д. 11, л. 37]. Брачная рубашка невесты была символом публичности брака, в некоторых деревнях ее показывали всем гостям; на этой рубахе, расстеленной по земле, девушки плясали и пели. При этом честь в песнях воздавали не только самой новобрачной, но и ее отцу и матери. Есть упоминание о том, что в отдельных селах окровавленную рубашку выносили даже на базар и ярмарку, привязывли ее к дуге во время езды и катания, и при этом пели песню «Во лузьях, во лузьях, во зеленых во лузьях рацветали цветы лазоревы, понесли духи анисовы» [1, д. 11, л. 36]. В других селах, по-видимому, имела место трансформация обычая демонстрации «брачной рубашки» на всеобщее обозрение: если подтверждалось, что невеста сохранила девичью честь до брака, ее отцу дарили красный платок, затем его привязывали к палке и ставили в избе, чтобы каждый входящий его видел [1, д. 11, л. 40].

Следует подчеркнуть, что даже случайные нарушения в обряде обнародования факта целомудренности невесты могли привести к необратимым последствиям. Так, в 1880-е гг. в одном из сел Оренбургской губ. (с. Изобильное) был описан случай, когда в ходе такого риту-

ала «новобрачный подал рубашку окровавленную вместо того лица, которому обыкновенно передается окровавленная рубашка (свахе или своей матери), подал ее невестиной матери. Одна эта ошибка произвела страшную драму: мать невесты бросилась в угол и начала причитать ("яблочко мое румяное, сгубила я тебя"). Людскую молву нельзя было переубедить: все стали того мнения, что мать вымазала кровью рубашку дочери. Играние свадьбы прекратилось: гулянки не было, и по деревне разнесся слух: не гуляют, а одно это – позор. После несчастный брак вышел из-за того… вся деревня готова была принять присягу (что произошла ошибка – *К.С.*), но молва не унялась. Сам муж заявил довольство, благодарил мать, готов был присягу принять, но молва и признанию не поверила» [1, д. 11, л. 38–39].

В некоторых местностях Калужской и Рязанской губерний было принято бить горшки. Утром сваха шла поднимать молодых и несла с собой глиняный горшок. Если невеста была честная, то сваха разбивала горшок, в противном случае тот оставался целым. В других деревнях, если невеста была бесчестной, сваха приносила из клети дырявый («худой») горшок и отдавала его отцу и матери новобрачной, а женихова родня заставляла их лить в горшок воду. Иногда прямо во время омраченной худым известием пирушки родителям новобрачной давали в руки стакан без дна, и когда те хотели налить в него вина, вино проливалось [22, т. 3, с. 313]. В Нижегородской губ. существовал обычай, по которому молодожен, придя на утро после свадьбы к родителям жены и принимая с подноса из их рук рюмку вина, которое должен был выпить, если жена оказалась нецеломудренной, мог посрамить ее родителей тем, что ставил выпитую рюмку обратно на поднос, а не разбивал ее, бросив на пол, как должен был бы сделать, если бы жена оказалась девственницей [22, т. 4, с. 165].

В Тульской губернии, если невеста была опозорена, утром после брачной ночи ей подставляли скамью о трех ножках [22, т. 6, с. 437]. По материалам из Богородицкого уезда, «если посватана позорная девушка, да ее поведет жених катать, на дорогу поставят плетуху (корзину), лапти – чтобы опозорить» [1, д. 11, л. 33]. В Орловской губернии на пути свадебного катания ставили кадку [1, д.11, л. 34]. В Бийском округе, если невеста была «неблагополучна», ее раздевали и среди двора «купали водой через рубашку». А в Острогожском у. Воронежской губ. «говорили при этом: "мертво тело обмывать", по-видимому, намекая на старый обычай убиения таких новобрачных. Страшат невесту страшно. Лохмоты надевают. Кричат шерстобита. На ворота помело. Курицу разломят надвое и поставят перед отцом-матерью» [1, д. 11, л. 34].

По отдельным сообщениям, освидетельствование невесты настолько приобрело публичный характер, что считалось большим грехом утаивать результаты брачного ложа (Острогожский у. Воронежской губ.) [1, д. 11, л. 34]. Даже в тех местностях, где девственность новобрачной не имела особого значения и никаких доказательств этого не требовали, обряд битья горшков сохранялся: «в знак честности ее во время свадьбы мужчины разыскивают новые горшки и крынки, которые в доме невесты, бьют об пол, а в случае нечестности то же проделывают со старыми горшками» (Нижегородская губ.) [22, т. 4, с. 232].

Унизительность посрамления на фоне все бóльшей свободы в добрачном половом общении молодых вынуждали их прибегать к всевозможным хитростям, дабы усыпить бдительность деревенской общественности. В частности, чтобы скрыть утрату невинности прибегали к следующим уловкам: по сообщению из Калужской губ., «режут голубей, кровь от них собирают в пузыри (склянки) и этой кровью окрашивают рубашку новобрачной, или же расковыривают себе десны до крови и плюют на рубашку» [22, т. 3, с. 313].

В тех местностях, где к концу XIX в. к сохранению целомудренности относились уже не столь строго, сваха показывала рубашку новобрачной лишь близким родственникам жениха. При этом имеются указания на ситуации, когда жених и невеста, признавшаяся еще до брака в отсутствии девственности, вместе сознательно шли на обман и даже вовлекали в него сваху, задаривая ее за это. Сваха или же сама новобрачная заранее смазывали брачную рубашку кровью.

Случалось, что невеста пыталась утаить прошлый грех, и сваха объявляла родным новобрачного, что дело неблагополучно. Если жених относился к этому равнодушно или снисходительно, то дело завершалось только перекорами между сватьями; в противном же случае происходил скандал: новобрачный бил молодую жену и срамил ее отца и мать [22, т. 3, с. 432].

О суровых расправах с молодой после первой брачной ночи сообщали из Олонецкой губ. (Вытегорская вол.): «если новобрачная оказывается нецеломудренной, ночью в спальне молодых раздается хлопанье бича и подавленные стоны новобрачной – это молодой наказывает молодуху за то, что она девицей потеряла честь. Он обзывает ее разными оскорбительными именами, а прозвище потаскухи за ней упрочивается на всю жизнь. Утром молодой заявляет, что не для чего идти в баню. Она бросается в ноги своим богоданным родителям и со слезами умоляет простить ее девический грех. Очень часто родители мужа не только ее прощают, но даже берут под свою защиту и начинают уговаривать своего сына тоже простить» [22, т. 6, с. 201]. Побои согрешившей новобрачной в первую брачную ночь были, с точки зрения крестьян, правомерными. В некоторых деревнях для подобных расправ даже специально вешали плетку там, где спали молодые [1, д. 1, л. 37].

Помимо самой невесты наказывали и ее родителей, и сваху. Так, в Калужской губ. мать новобрачной запрягали в борону и заставляли протащить ее по деревне [22, т. 3, с. 313]. В других деревнях на родителей опозорившейся невесты надевали хомут и в таком виде водили по деревне [1, д. 11, л. 40]. Надевали хомут и на сваху, запрягали ее в водовозку. В Малоархангельском у. Орловской губ. знаком того, что невеста была «с изъяном», являлось отсутствие цветов на упряжке лошади. По сообщению из одной деревни, крестьянка вышла замуж, будучи беременной, за что дружка ей «всю рубашку изорвал по кускам» [1, д. 11, л. 34]. После скандала свадебные застолья обычно расстраивались: «и свадьба не в свадьбу. Не гуляют вовсе» [1, д. 11, л. 36].

Телесное наказание девушки за ее недостойное поведение было делом внутрисемейным. На общинный или волостной суд подобные дела не выносили. В случае добрачной беременности девушка подвергалась побоям со стороны родителей, со стороны же остальных служила объектом порицания и посмешища. Поднять на нее руку могли исключительно родители, ближайшие родственники и оскорбленный ее «нечестностью» муж. Девушки были на особом положении в общине. За одно и то же нарушение наказывали в зависимости от гендерного статуса: «за прелюбодеяние мужика пускают в одной рубашке, а одежу его пропьют; с бабой расправляется сам муж; *но девушек никогда не наказывают, даже когда они заведомо гуляют, даже если родит*» [1, д. 13, л. 28]. По сведениям из Тульской губ., за воровство или за непочтение родителей женщину здесь секли розгами, *девушку же «обнаготить» было нельзя – «позорно», поэтому последних розгами не били* [1, д. 3, л. 3]. Таким образом, девичья честь, как ничья иная, была связана с табуированием ее тела, а действенность запретов на ее добрачные половые контакты и публичное обнажение поддерживалась системой санкций, осуществляемых различными институтами, – от общественного мнения и обычно-правового разбирательства сельского схода до суда официального, государственного (волостного, мирового, окружного).

Для восстановления безвинно пострадавшей девичьей чести принимали особые меры. Например, в некоторых деревнях (д. Радомли и д. Савинки Болховского у. Орловской губ.) действовал своеобразный институт защиты чести девушки – в случае клеветы на нее устраивали так называемый «публичный осмотр». Общество избирало трех женщин, которые в доме у обвиняемой осматривали ее, после чего результат объявляли на сходе. Затем староста приказывал десятскому, чтобы тот прошел по дворам и объявил в каждом доме, что «такая-то девушка оказалась чистой». Если девушку обзывали «нехорошим словом», то сход подвергал обидчика денежному штрафу: «за первый раз – 1 руб., за второй – 3 руб., а за третий – 6 руб. и обществом отправят виновного в волость для наказания его розгами». Здесь не допускали больших вольностей в обращении с девушками: в их присутствии, в частности, было запрещено сквернословить [2, д. 915, л. 12–14]. Схожее наказание устанавливали и в Чернском у. Тульской губ. : «Если девушку или женщину обругают б…ю, то штрафуют 1–1 руб. 50 коп., из них 1 руб. пропьют» [1, д. 7, л. 14]. В Ишимском округе Тюменской губ. клеветника выводили на сельский сход и заставляли на протяжении двух дней кланяться в ноги девушке по 3 раза за нанесенную обиду – для этого сход специально созывали дважды подряд [1, д. 7, л. 24].

Оправдание девушки на сельском сходе практиковали в разных губерниях: «одну девочку 14 лет парень обозвал непотребною, мать привела дочь к «клятьбе», а затем вышла на сходку и заставила выделить для освидетельствова-

ния. Сход приговорил к уплате за бесчестье» (Чернский у., Тульская губ.); «если баба девку назовет б…ю, то созывают сход, бабку. Это на «пробу». На печке пробуют. А потом велят другой бабке попробовать. По их заключению приговаривают за бесчестье, если невинна» [1, д. 2, л. 38, 43]. (Яранский у., Вятская губ.) Подобные меры, вероятно, были действенны в тех местностях, где девичья честь еще не утратила своей нравственной ценности.

Сельское общество было вправе покрыть позор девушки, принудив парня жениться на оклеветанной. Например, в Чернском у. за то, что парень вырезал клок из платья девушки, «мир присудил, справившись о летах, перевенчать их, хотя бы насильно, и перевенчали: сына Ивана Парфеныча на дочери Ивана Петровича. Девушка сказала, что он раньше к ней лез, мир присудил без приданого отдать за него» [1, д. 7, л. 32]. Если девушка заявляла об изнасиловании, то для освидетельствования приглашали фельдшера: «в избу найдет много народу, со светом смотрят, поваливши девку на стол. Если правда, то заставят жениться парня. А если от стыда девка скажет, что раньше жила с кем-нибудь, то ее не свидетельствуют и парня к женитьбе не принуждают (д. Краски, Шенкурский у., Архангельская губ.) [1, д. 2, л. 41]. В Тамбовской губ. (Лебедянский у., д. Ракитня) общество заставляло обольстителя жениться или платить «бесчестье» и бывало удовлетворено, если тот перед иконой клялся, что не обманет и женится.

В Арзамасском у. Нижегородской губ. были случаи, когда сход принуждал жениться на забеременевшей девушке [1, д. , л. 1–6]. По сообщению из Болховского у. Орловской губ., «когда девушка родит и отец ребенка женатый, то он обязан выдавать девушке и ее ребенку содержание тогда, когда его или поймают с девушкой и уличат, или если он во время “допроса” обществом сознается, что его “грех попутал”. Если же отец ребенка холостой, то его обществом принуждают жениться на опозоренной девушке, хотя бы парень был богатый, а девушка была из бедной семьи, приданого деньгами в таких случаях парень не имеет права требовать» [2, д. 915, л. 3]. В Яранском у. заставляли парня или жениться, или обеспечить девушку имуществом: выделить полдома, лошадь, овцу, корову [1, д. 11, л. 56–57]. Крестьянская община вмешивалась в такие ситуации довольно часто: «девушка жалуется священнику. Его на сходку выводят и тут его принуждают, мир всегда уж заметит, кто с кем сходится» [1, д. 14, л. 56].

В урегулировании ситуаций с бесчестьем особую роль отводили священникам. В силу своих духовных полномочий они нередко первыми узнавали о «грехе» девушки либо от нее само́й, либо от других прихожан: «Забеременеет девушка. Сейчас об этом попу скажут, а затем через посредство бабки освидетельствуют девушку» [1, д. 2, л. 40]. Стараясь предупредить прерывание нежелательной беременности, они пытались убедить девушку в необходимости сохранить ребенка: «Беременную девушку в Чернском у. призывают священники и внушают о сбережении плода» [1, д. 2, л. 37].

Сельский сход тоже участвовать в подобного рода увещеваниях. По сообщению из Мценского у., в д. Азаровка на барском дворе жила девушка, которая «забеременела и стала что-то пить. Деревенцы узнали об этом и вызвали на сходку. Ей сказали, чтобы она никуда не девала ребенка» [1, д. 2, л. 37]. В целом внебрачная беременность девушки была настолько постыдной, что ее нередко пытались прервать любым способом, например прибегнув к помощи деревенских знахарок. Если же это не удавалось, то пытались избавиться от нежелательного потомства. Но когда в деревне находили подкидыша или умерщвленного младенца, собирали из ближайшей округи девушек, начиная с 12-летнего возраста, и осматривали их грудь: «Как ребенка утопят, старики сбирают девок, но только распутных, а не всех. Смотрят грудь и молоко в общем присутствии» (Землянский у., Воронежская губ.); «в случае задушения или подкидыша-ребенка созывают с нескольких деревень девушек с 12 лет, баб без мужей и свидетельствует становой» (Богородский у., Московская губ.) [1, д. 2, л. 40, 43].

В некоторых местностях сельский сход сурово карал детоубийц. Так, в Оренбурге, Уфе, Тамбовской губ. такую преступницу «выводили на кобылу» (скамейку из досок) и секли розгами. Тяжесть совершенного преступления вынуждала мир нарушать общепринятый запрет на сечение девушек розгами. Правда, до первого удара любой желающий мог взять ее замуж, накрыв платком. Тогда ее освобождали от наказания. Но если первая плеть опустилась на ее спину, помилования быть не могло. Известен случай спасения некой девушки в подобной ситуации – тогда договорились с крестьянином, готовым «покрыть ее платком» [1, д. 14, л. 60–61].

В Ветлужском у. Костромской губ. был описан обычай мести брата за поруганную честь сестры. Распространенные здесь добрачные связи девушек, обусловленные демографической диспропорцией (численным превосходством женщин), не всегда заканчивались свадьбой. В случае отказа парня от женитьбы мстил ему «исключительно брат (пострадавшей – *К.С.*) под видом за разные другие обиды» [22, т. 1, с. 113].

Итак, крестьянская община в виде сельского схода и «домашний» суд в виде ближайшего семейного круга девушки вместе участвовали в решении вопросов, связанных с поддержанием, защитой и восстановлением девичьей чести. Они вправе были наказывать ее за девиантное в глазах общественности поведение. Однако во второй половине XIX в. после судебной реформы у крестьян появились и другие возможности найти справедливость. Учрежденные тогда волостные суды стали еще одним институтом, куда крестьяне могли обращаться с различными жалобами, в том числе исками о восстановлении доброго имени.

Анализ судебных дел волостной юстиции показывает, что девушки относились к далеко не самой многочисленной категории истцов. Если женщины в целом, согласно проведенным Л.И. Земцовым подсчетам, составляли лишь 17,3% от общего числа жалобщиков, то девушки среди них – процент еще меньший [15, с. 60]. Их статус обязательно фиксировали в описаниях тяжб: указывалось, что с жалобой обратилась именно девица-крестьянка, а не просто крестьянка (так обозначали в судебных приговорах замужних женщин), солдатка (жена крестьянина, отправленного в армию) или вдова. Чаще интересы девушки представляли ее родители: отец или мать-вдова. Изученная нами судебная документация позволила выделить несколько разновидностей дел, связанных с девичьим бесчестьем: 1) дела об оскорблениях словесных и физических, причиненных девушке; 2) дела, связанные с бесчестьем, имеющим символический смысл (пачкание ворот дегтем, битье окон и др.); 3) тяжбы, связанные с несоблюдением предбрачных договоров.

Самыми распространенными в волостном судопроизводстве были тяжбы между крестьянами, возбужденные в связи с оскорблением словом (20,6%) и действием (41,0%) [16, с. 222]. Соответственно среди вышеперечисленных категорий дел в отношении девушек наиболее частыми были обращения по поводу бесчестия словом и действием. По сведениям из Варнавинского и Никольского у. Костромской губ., в 1891–1892 гг. были неоднократные обращения девушек в суд с просьбами за «причинение побоев и лишение чести» подвергнуть виновника наказанию по закону. В двух описанных случаях (а по указанию из Павинской вол. Варнавинского у., такие дела были нередкими) суд постановил взыскать с обидчика 15 руб. и посадить его на 7 дней в арестантскую [22, т. 1, с. 111, 115].

С семейными неурядицами крестьяне старались не обращаться в суд «даже в крайних случаях, чтобы не срамить своего хозяина и самих себя» [22, т. 3, с. 466]. Однако оскорбление словом было настолько большой обидой, что иногда вынуждало выносить семейные конфликты («сор из избы») на волостной суд. В частности, 25 мая 1869 г. девица с. Богдановки (Данковский у. Рязанской губ.) Авдотья Степанова пожаловалась на сестру свою Пелагею в том, что та отправила ее к тетке в соседнюю деревню. Авдотья там переночевала, а возвратившись оттуда, стала дома ткать. По словам истицы, пришла сестра, стала бить и называла ее бордельной б…ю. Свидетельницей конфликта была Настасья Степанова (очевидно, третья сестра истицы). За побои и срамление с Пелагеи Степановой было решено взыскать штраф (3 руб. сер.). Кроме того, обидчица поплатилась за свою грубость лишением своей части из наследства, оставшегося от их покойной матери. Его присудили разделить на три доли: две из них в пользу девицы Авдотьи, одну – Настасьи [15, с. 105].

Особенно постыдными считались прилюдные оскорбления, на что неизменно обращали внимание в материалах соответствующих дел. Так, 14 мая 1872 г. Сараевский волостной суд Рязанской губ. рассматривал жалобу девицы с. Кривского крестьянки Акулины Никифоровой Конаковой на крестьянина Григория Алексеева Конакова по поводу нанесения оскорблений словом и действием. Согласно ее показаниям, она пришла «с Кривским старостой и добросовестными в дом к Григорию Конакову для взыскания с него по мировой хлеба». Он стал ее бранить непристойными словами «*при добросовестных*». Ответчик в свое оправдание заявил, что был пьян и ничего не помнит, однако смягчению приговора это не способствовало: суд вынес решение наказать обидчика 15 ударами розгами [6, ф.. 545, оп. 1, д. 2, л. 42].

Следует отметить, что наказание розгами считалось в деревне чрезвычайно суровым и унизительным. По упоминанию в одном из судебных дел, за некоего крестьянина, как «человека, не раз замеченного в дурных поступках и сеченого в волостном правлении», отказались выдать замуж внучку [6, д. 545, оп. 1, д. 2, л. 3]. Сеченый на сходе или в волостном суде крестьянин утрачивал честь в глазах общества, не говоря уж о том, что он лишался ряда прав (в частности, не мог быть избран на общественные должности). О том, что крестьяне всячески сопротивлялись приведению в исполнение приговоров волостных судов о телесном наказании, свидетельствуют их обращения в губернские и уездные по крестьянским делам присутствия с просьбами об отмене назначенных розог. Так, 8 июня 1890 г. в Липецкое уездное по крестьянским делам присутствие Тамбовской губернии обратился крестьянин Никанор Филатов с жалобой на несправедливое, с его точки зрения, решение волостного суда, которым он был присужден к телесному наказанию за драку с Матвеем Филатовым. В числе аргументов в свою защиту он указал, что «между ним и Матвеем Филатовым была обоюдная драка; накануне разбора дела двое из волостных судей… пьянствовали у просителя; что Матвей Филатов просил о гражданском вознаграждении, а не о наказании в уголовном порядке». К делу прилагалось прошение Никанора Филатова об отмене телесного наказания [7, ф. 26, оп. 2, д. 527]. Тамбовское губернское по крестьянским делам присутствие 8 июля 1891 г. рассматривало аналогичный иск другого крестьянина (Антона Суслина) «об отмене наказания 10 розог», определенного ему волостным судом за драку [7, ф. 26, оп. 2, д. 771].

Назначение волостным судом наказания в 15 ударов розгами за оскорбление чести девушки позволяет судить, с одной стороны, о статусе девичьей чести в деревенском сообществе, с другой – о высокой степени защиты девушки со стороны волостной юстиции. Вероятно, суровость такого приговора была обусловлена еще и обстоятельствами, при которых было нанесено оскорбление девушке – в присутствии «добросовестных» и при исполнении ими своих обязанностей. Тем более, что любые действия, направленные против представителей власти, в том числе сельской, последовательно наказывались как волостным, так и окружным судом, ведь могли пострадать интересы всего мира.

Наложение волостным судом штрафа на того, кто обесчестил девушку, в финансовом отношении было довольно ощутимым наказанием для крестьянина. Чтобы дать представление о действенности таких санкций, приведем сведения о бюджете крестьянского двора того времени. Так, в Костромской губ. средний материальный достаток крестьянской семьи выражался в следующих цифрах:

Дом со двором, клеть и гумно – 200–220 руб.
Лошадь – 50 руб.
Корова – 25 руб.
4 овцы по 3 рубля – 12 руб.
Разные земледельческие орудия и экипажи… – 40 руб.
Рухлядь: кадки, ведро… – 10 руб.
Одежда и белье – 100 руб.
Всего: 437–457 руб. [22, т. 1, с. 343]

Для сравнения приведем описание семейного имущества крестьянина Никиты Иванова Кисякина из Тамбовской губернии (д. Жуковка, Спасский у.). В 1878 г. у него имелись:
Изба – 70 руб.
Горница – 30 руб.
Скотная изба – 60 руб.
Конюшня – 20 руб.
Двор из плетня с сараем – 20 руб.
Ворота, крытые тесом, – 10 руб.
Амбар на огороде – 20 руб.
Мерин масти гнедой – 40руб.
Кобыла рыжая – 35 руб.
Корова масти бурой – 25 руб.
Коровка такая же – 20 руб.
Корова рыжая – 17 руб.
Телушка бурая – 15 руб.
Бычок буроватый – 15 руб.
14 овец с 10 ягнятами – 15 руб.
4 свиньи – 20 руб.
Итого: 452 руб. [7, ф. 69, оп. 50, д. 20.]

Публичный характер бесчестья, как и защиты чести, – неотъемлемая их характеристика, поскольку именно присутствие посторонних «протоколировало» акт нанесения обиды, придавало действию завершенность. Вместе с тем усугубляла вину обидчика и в то же время обеспечивала пострадавшую сторону свидетелями. Например, по сообщению из Псковской губ., сами по себе побои не считались тяжким

оскорблением для девушки, но *побои, нанесенные парнями на «гулянке»*, были для нее большим унижением [22, т. 6, с. 243].

В судебных формулировках «бесчестие», «нанесение оскорбления на словах и действием», «обида действием», «оскорбление чести», «гражданское бесчестие» и др. составляли единый синонимичный ряд. Их употребляли в приблизительно аналогичных ситуациях, связанных с каким-либо физическим насилием или публичным словесным оскорблением. В 1873 г. Воейковский волостной суд слушал словесную жалобу девицы с. Воейково Екатерины Павловой: «9 июня она работала на покосе в саду у г. Апрелева в числе прочих; пришел туда пчелинец г. Апрелева крестьянин Змиевской волости дер. Рановых Верхов Яков Тимофеев, взял палку у ключника Казьмы Иванова и ударил ею Павлову по спине так сильно, что она едва могла устоять, и просила суд за нанесение обиды действием и *бесчестия при многолюдном собрании* подвергнуть Тимофеева ответственности по всем строгостям закона». Несмотря на то, что ответчик убеждал аудиторию в том, что ударил Павлову «в шутку, не имея никакого намерения этим оскорбить ее», суд постановил взыскать с Тимофеева за оскорбление девицы Павловой действием штраф 5 руб. сер. и удовлетворить ими Павлову [15, с. 247–248].

Оскорбляли честь девушки не только ругань при свидетелях или побои, но и любые действия, ущемляющие ее достоинство. В частности, ситуацию с нанесением обиды крестьянской девице Кудрявской волости с. Никольского Мавры Ивановой рассматривал 27 августа 1872 г. тот же Воейковский волостной суд: 8 июля 1872 г. на ярмарке в с. Воейково государственный крестьянин с. Долгое Кузьма Андреев Оглодин «по научению своей жены» начал снимать с нее платок, признавая будто бы за свой. Снять платок он не смог, но «изорвал жерелье», которое стоило, по словам истицы, 20 коп. Мавра Иванова просила суд взыскать с Оголдина убытки и за оскорбление «поступить по закону». Волостные судьи признали крестьянина Оглодина виновным в «оскорблении чести просительницы Ивановой» и постановили: «взыскать с ответчика за причиненные убытки за изорвание жерель 30 коп. в пользу просительницы Ивановой и за оскорбление ее чести к штрафу 3 рубля в пользу волостных мирских сумм Воейковской волости» [15, с. 218]. Как мы уже сообщали выше, срывание платка с девушки или женщины имело в деревне символический подтекст, а именно намек на ее легкомысленное поведение. И хотя в материалах этого судебного дела нет прямого указания на злой умысел в действиях обидчика, не исключено, что он преследовал эту цель.

Еще одну группу дел, связанных с бесчестьем девушки, составляют иски по возмещению морального ущерба в результате пачкания ворот дегтем. Как уже упоминалось, подобные действия также имели символический смысл. Они имели целью ославить девушку, «запятнать» репутацию и ее собственную, и всей ее семьи.

Во второй половине XIX в. крестьяне стали пользоваться предоставленной им волостной юстицией возможностью расквитаться за нанесенное «бесчестье». Так, Сараевский волостной суд (Сапожковский у. Рязанская губ.) 14 октября 1873 г. взыскал с девицы Екатерины Пантелеевой штраф в 3 руб. серебром за то, что та «по неизвестной причине» вместе с Марфой Васильевой вымазала ворота крестьянина Михаила Старкова [6, ф. 545, оп. 1, д. 3, л. 36–37]. Или, по сведениям из Самарской губ., 10 июля 1870 г. крестьяне А. и Е. заявили, что крестьянин одного с ними села М. в ночь на 9 июля «неизвестно им для чего, вымазал дегтем их ворота, просили о поступлении с М. по закону, причем представили свидетелей, которые поймали М., бежавшего от дворов крестьян А. и Е., руки у него были вымазаны в дегте». Согласно приговору, с М. было решено взыскать за нанесение оскорблений в пользу крестьян А. и Е. по 3 руб. каждому [23, с. 25].

Помимо штрафа подобные иски могли сопровождаться и телесным наказанием. В одной из схожих тяжб крестьянин П. пожаловался на оскорбление со стороны крестьянина С. – тот вымазал его ворота дегтем. В подтверждение своего обвинения П. сослался на то, что и он, и свидетели видели след сапог ответчика. Крестьянина приговорили к 20 ударам розгами [23, с. 33].

Среди судебных дел выделяется еще одна категория, имеющая отношение к чести/бесчестью девушки – иски о компенсации предбрачных убытков в результате отказа от брака. Следует отметить, что под «бесчестьем» в данном случае понимали явление не сугубо девичье. Оно распространяясь на всех участников предбрачных соглашений, предварявших свадебное

торжество. Бесчестьем крестьяне называли расстройство брака в результате отказа от него с той или другой стороны уже после достижения взаимных договоренностей и совершения ряда обрядовых действий («бесчестье – отказ от брака жениха и невесты») [1, д. 11, л. 45].

По сведениям из Болховского у. Орловской губ. и Лебедянского у. Тамбовской губ., за бесчестье в подобных ситуациях платили штраф от 40 до 60 руб., не считая компенсации понесенных семьями жениха или невесты убытков («уплаты за харчи»). Современник событий описывал один из таких случаев расстройства свадьбы в д. Лукине Бугурусланского у. Самарской губ.: «сосватали невесту, привезли ее в с. Аксаково венчать. Она не видала жениха до венчания и предупредила отца, что не пойдет. Кладка – 100 руб. и пирушка на счет жениха. Приехали к венцу. Попу она сказала: “не хочу венчаться”. 3 раза поп уговаривал, велел отойти на лавку и подумать, 3 раза она ответила отрицательно. Тогда жених с поездом накинулись на невесту и ободрали ее, оставив в одной рубашке. Она спряталась за порог к одной. Они вытащили и начали мять бока. И той, и другой стороне суд ничего не сделал 6 лет тому назад (1880–1881 гг.)». По сведениям из Елецкого у. Орловской губ., с жениха за отказ от брака взыскивали в пользу невесты 25 руб. В целом, и об этом говорят источники, отказ жениха для девушки был более чувствителен, чем отказ девушки – для жениха. Напр., в Шенкурском у. Архангельской губ. «если невеста откажется – платит за водку и дары, а жених откажется – нехорошо, *большой порок девке*. Платит бесчестье поэтому» [1, д. 11, л. 48, 50].

Наблюдения второй половины XIX в. показывают, что в пореформенный период отказы невест от женихов участились, что может свидетельствовать в пользу большей самостоятельности молодых: «Таких случаев очень много – чуть ли не сотни в каждом уезде Рязанской губернии… в одной Жолобово-Борковской волости Сапожковского уезда с 1863 по 1874 гг. 15 случаев» [17, с. 111]. То, что от брака в последний момент чаще отказывались невесты, подтверждают материалы волостных судов. Например, крестьянин с. Сараи Сапожковского у. Рязанской губ. Александр Жалыбин обратился в суд с жалобой на крестьянина того же села Ивана Головнина в том, что сосватал у Головнина за своего сына его дочь Татьяну, на что «употребил вина 1¼ ведра, 1½ пуда говядины, 2 курицы, 4 фунта кренделей», что стоило ему ок. 10 рублей. Однако после этого дочь Головнина заявила, «что не пойдет замуж за его сына Василия и вовсе замуж не желает, между тем в тот же день просваталась за крестьянина с. Кривского» [6, ф. 545, оп. 1, д. 2, л. 19–20]. Сходная ситуация возникла как-то и в с. Борец того же уезда, где крестьянин Степан Негодяев вынужден был оправдываться в ответ на жалобу Алексея Попова: «в замужество, хотя он и просватал дочь за сына Попова, но она идти не желает» [6, ф. 521, оп. 1, д. 4, л. 3].

Редкий случай отказа жениха от невесты нам известен по д. Кобылинские выселки Ряжского у. Рязанской губ. 3 октября 1876 г. крестьянин д. Кобылинские выселки Козьма Алексеев заявил в суде, что в январе того года сосватал дочь у крестьянина той же деревни Дмитрия Иванова, после чего тот «начал говорить многим людям, что он дочь свою не отдает. После этого разговора крестьянин Кузьма не желает взять дочь Дмитрия Иванова и желает получить убытки, стоящие ему до 20 руб.» [6, ф. 441, оп. 1, д. 2, л. 18–19].

Несмотря на то, что чаще отказы следовали со стороны невесты, «бесчестье» ложилось и на жениха, и на невесту, т.е. на обе семьи. Нарушение брачного договора по инициативе девушки и ее семьи формировало общественное мнение не в их в пользу. Да и судебное разбирательство по поводу недостойного поведения невесты само по себе, а уж тем более решение в пользу пострадавшего жениха, наносили удар по ее репутации. Поэтому неслучайно, что во многих описаниях судебных тяжб сторона невесты старалась привести весомые аргументы в объяснение своего отказа – ради реабилитации в общественном мнении. 8 ноября 1867 г. в Борецком волостном суде слушали «словесную жалобу» крестьянки Матрены Сергеевой на крестьянина с. Борец (Сапожковский у., Рязанская губ.) Якова Аникеева Щелокова в том, что Сергеева, сосватав у него за своего сына Алексея его дочь Настасью, «употребила при сватовстве на запое на харчи и разные издержки 3 руб. 70 коп., но после крестьянин Яков Щ. от выдачи его дочери в замужество отказался и издержек ей не возвращает». Ответчик объяснил, что «по дошедшим до него слухам о дурном поведении жениха… он отдать дочь свою в замужество не согласен». Он обосновал свое решение так, что

оно не выглядело спонтанным, но закономерным следствием изменившихся обстоятельств [6, ф. 521, оп. 1, д. 1, л. 39–40]. Переложить всю ответственность за срыв свадьбы на сторону жениха пыталась и мать невесты Федосии Никитиной (с. Борец Сапожковского у. Рязанской губ.), просватанной за крестьянина Федота Андреева из соседнего села (с. Большие Можары). Она заявила, что ее дочь «замуж идти не желает, потому что отец жениха сначала сказал, что у него есть своя земля для усадьбы, но после оказалось, что у него нет, и живет он на чужой усадьбе» [6, ф. 521, оп. 1, д. 3, л. 46–47].

Обычно судебные иски предъявляли родители жениха и невесты, но иногда в суд обращалась и сама девица. В частности, 11 октября 1873 г. Воейковский волостной суд (Данковский у., Рязанская губ.) рассматривал иск крестьянской девицы с. Мышенки Агафьи Никифоровой: «засватал ее крестьянин того же села Савелий Нефедов в 1872 г. в декабре месяце и, не окончивши дело, сделал ей несколько оскорблений, воспрещал шутить и играть, делал угрозы, а в настоящее время мать ее, Прасковья Кирьянова, хотя и желала отдать, но она выйти за него замуж не желает». Ответчик Нефедов показал, что он «желает взять в замужество Никифорову, и на это он потратил более 20 руб. сер.» [15, с. 270]. В итоге на семью девушки все же было наложено взыскание в размере 16 руб. в пользу семьи жениха, несмотря на превентивную попытку с ее стороны обвинить жениха и тем самым найти оправдание своему «бесчестному» поведению и избежать выплаты денежной компенсации.

Современники, наблюдавшие и описывавшие крестьянский быт и нравы, отмечали «неприятное всегда для крестьянина хождение по судам» [22, т. 4, с. 29]. В этом контексте рассмотренные нами обращения крестьян в суд заставляют задуматься о важности для них тех явлений, ради которых они готовы были преодолеть барьер отчуждения между собой и судебной инстанцией. Активность крестьян в подаче исков с жалобами «на бесчестье» объяснялась современниками-правоведами по-разному: одни указывали на их прагматическое стремление таким способом получить с обидчика денежную компенсацию, другие акцентировали нравственный аспект таких исков – восстановление оскорбленного достоинства. В пользу второго аргумента приведем еще один пример судебной тяжбы. 7 июля 1861 г. дворовый человек госпожи Нарышкиной Василий Ефимов объяснил Старобокинскому суду Ряжского у., Рязанской губ., что сосватал за своего сына Ивана у крестьянина Андрея Кирилова его дочь Веру, однако тот уже после скрепленного ими договора просватал ее вторично к крестьянину Андрею Акинфьеву, а ему отказал неизвестно почему. Ефимов просил «приказать Кирилову *счесца* (счесться – *К.С.*) *с ним по совести* за нарушение им словесного договора». Кирилов признал себя виновным: «испрашиваю от Василия Ефимова христианского прощения за сделанный противу его поступок, который, снисходя к его просьбе, начатое им дело просил производством прекратить безо всякого с Кирилова взыскания». Дело завершилось мировой сделкой тяжущихся без каких-либо денежных компенсаций [6, ф. 445, оп. 1, д. 1, л. 2].

Использование крестьянами различных инструментов как устного, так называемого обычного (общинного и семейного), так и писаного (волостной юстиции) права для поддержания статуса «доброго имени» свидетельствует о его большой значимости в повседневных коммуникациях деревни. А комплекс архивных документов позволяет раскрыть многообразие защитных механизмов чести в типичных, повторяющихся коллизиях деревенской жизни и свидетельствует о нараставшей в крестьянской среде второй половины XIX в. тенденции обращения к официальной юстиции с целью восстановления запятнанной репутации.

Сохранившиеся в судебной документации материалы, вне зависимости от того, чего добивались крестьяне, – возмещения материального или морального ущерба, – существенно детализируют и дополняют палитру крестьянских представлений о понятиях «девичья честь» и «бесчестье». Рассмотренные нами судебные источники вкупе с описаниями современников дают почву для пересмотра прежнего однобокого толкования крестьянской девичьей чести. Они позволяют уйти от узкой и однолинейной, сугубо физиологической/телесной трактовки девичьей чести в историографии. Устоявшаяся корреляция понятия «девичья честь» с таким непременным качеством, как ее девственность представляется уже не столь строгой и обязательной. Во второй половине XIX в. целомудренность уже не является категорически неотъемлемым признаком чести, превращается в некую идеальную норму, отход от которой возможен под влиянием целого ряда фак-

торов (ориентация на город и неземледельческий труд, расширение коммуникаций деревни с городом, размывание прежних крестьянских устоев и ценностей и пр.). Даже обрядовые свадебные действия, направленные на утверждение, прославление и защиту девичьей чести или, напротив, порицание бесчестья, утрачивали связь с реальностью и играли символическую роль. Телесная/физиологическая составляющая переставала быть единственным и исключительным маркером девичьей чести. Одновременно и в понимании бесчестья нарушается корреляция с греховностью: категория постепенно утрачивает смысл греха и все чаще обозначает оскорбление личности. Пусть необходимость сохранения девичьей чести, заложенную христианской и пестуемую крестьянской традицией, все еще продолжали отстаивать, само понятие «девичья честь» обретает в повседневной жизни деревни рассматриваемого нами периода новые узнаваемые черты, связанные с иным осознанием молодым поколением женщин собственного личного достоинства.

Библиографический список

1. Архив Российского географического общества (АИРГО). Ф. 12.
2. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004.
4. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988.
5. Власова И.В. Крестьянская семья в XIX – начале XX в. // Русский Север: этническая история и народная культура XII – XX века. М., 2001.
6. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 441, 445, 521, 545.
7. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 26, 69.
8. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
9. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
10. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
11. Даль В.И. Избранные пословицы русского народа. М., 2012.
12. Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка // [Электронный ресурс]. URL: https://slovari.yandex.ru (дата обращения: 18.02.2018).
14. Духовской М.В. Понятие клеветы или преступление против чести. Ярославль, 1873.
15. Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. Воронеж, 2002.
16. Земцов Л.И. Крестьянский самосуд. Воронеж, 2007.
17. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
18. Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. М., 2001.
19. Логический анализ языка: языки этики. М., 2000.
20. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские. М., 1997.
21. Пушкарёва Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX–XX в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). СПб., 2011.
22. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1–6. СПб., 2004–2008.
23. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 7. Спб., 1873.

О.И. Курто

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

«В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ…» ПЕРВОПРОХОДЦЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ*

Восьмидесятые годы XX в. стали переломными не только для нашего государства в целом, но и для нашей науки в частности. В это время начали формироваться новые научные направления, подходы, исследовательские методы. Одним из новых направлений в российской науке стало изучение частной жизни русской женщины. Долгие годы данная область

* Выполнено в рамках Гранта РФФИ (2019–2021 гг.) «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (XVIII–XXI вв.)».

научных знаний оставалась в России без внимания, и все это время мы ничего не знали о личной, внутрисемейной жизни наших предков. Наши знания ограничивались идеализированными образами, предоставленными скудными источниками древности и Средневековья. Документы личного происхождения, донесшие до нас чувства и переживания авторов, оставила нам лишь вторая половина XVII в. Впрочем, и в более позднее время частная жизнь женщин оставалась *«terra incognita»*. Тем не менее, накануне перестройки ситуация начала меняться. Общий интерес рядовых читателей и публикация ряда источников, раскрывающих тайны личной жизни русских женщин, создали в конце 1980-х годов благоприятную обстановку для проведения новых исследований и формирования нового направления – русской женской истории. Именно в эти годы появляются учёные, не имеющие ни поддержки коллег, ни материально-финансовой базы для исследований, ни наработок предыдущих поколений учёных, ни чёткой методологической базы, но в избытке обладающие жаждой познания ранее неизвестных областей жизни россиян. И этот энтузиазм, энергия и самоотверженная преданность науке в итоге пересилили все препятствия. Сменился строй, а отчасти провокационное исследовательское направление, не признаваемое и маргинальное, заняло своё достойное место в авангарде российской науки.

В числе создателей первых новаторских работ по «женской теме» была и Н.Л. Пушкарёва. Будучи молодым исследователем, она увлеклась ранее практически не изученными темами: социально-правовым и семейным статусом древнерусских женщин, особенностями их быта, манерой одеваться. Многие из видных и опытных историков отговаривали Н.Л. Пушкарёву от работы в данном направлении, сулили неминуемый провал. Однако столь явное противостояние вместо сомнений в правильности избранной темы, вселило в нее уверенность в том, что именно данная область научных знаний заслуживает повышенного внимания. В 1980-е годы Н.Л. Пушкарёва публикует целую серию исследований, посвящённых русским женщинам доиндустриальной эпохи [9, 27]. В них она обращается к таким малоизученным страницам российской истории, как имущественные права замужних женщин [35, 71], работа, повседневный быт, досуг, материнство, чувства и внутренние переживания женщин, интимная жизнь и пр. [24, 30, 59, 60]. Исследования в данной области были невозможны без привлечения широкого круга светских и церковных источников – нормативных актов, делопроизводственных документов, нарративной литературы, фольклорных и эпиграфических памятников, свидетельств иностранных путешественников и др. В итоге за время работы над темой Н.Л. Пушкарёвой была создана обширная библиографическая база, послужившая основой для написания первых историографических работ по «женскому вопросу» в России [31, 42, 50, 70]. Впрочем, на эти годы приходится самое начало научной карьеры Н.Л. Пушкарёвой. Окончательное формирование ее исследовательских принципов и системы ценностей происходило в последующие годы. Научная прозорливость Н.Л. Пушкарёвой позволила ей оказаться на шаг впереди многих своих коллег, а также изучить и сформулировать ключевые позиции, которые отличают путь развития «женской истории» в России от его аналогов в западных странах. Таким образом, результатом работы Н.Л. Пушкарёвой и ее соратников стало возникновение нового направления в отечественной науке – русской женской истории.

Как уже говорилось ранее, 1980-е годы стали знаковыми для женских и гендерных исследований в России. Именно в это время были заложены основы дальнейшей многоплановой работы, осуществляющейся вплоть до настоящего времени. Учёных нашей страны начали волновать вопросы, формально не существовавшие либо запрещённые для публичного обсуждения, возросло число различных лабораторий, центров и секторов, занимающихся изучением вопросов гендерной направленности. Гендерные исследования заняли свою нишу в социологии, психологии, демографии, юриспруденции и т.д. Различные аспекты гендерных проблем стали темами исследований российских этнологов, антропологов, фольклористов.

Как ни странно, первоначально «гендер» воспринимался в большинстве случаев как социологическое явление, историческая же база некоторое время была лишена должного внимания. И лишь к концу 1990-х годов окончательно оформляются такие области науки как история детства, история юности, история старости, история повседневности и пр. Но вместе с первыми серьёзными победами гендерологи стол-

кнулись и с некоторыми сложностями. Практически сразу в их среде наметились тенденции к расколу. Часть исследователей выступила в поддержку так называемой «women's history». Согласно их представлениям, в задачи учёных нового поколения входило дополнение уже имеющихся исторических данных описательным материалом по истории женщин. В результате одна за другой в свет начали выходить работы о царицах, дворянках, художницах, поэтессах, книги по истории материнства, о быте женщин и т.д. Таких исследователей оказалось большинство. Другие же выступили с радикальным предложением – переписать историю, заново вынеся оценку всем историческим событиям (women and gender studies in history research). Сейчас оба направления существуют параллельно, дополняя друг друга. Однако противоречия в решении ряда вопросов не позволяют им объединить усилия и действовать сообща.

В настоящее время Н.Л. Пушкарёва является доктором исторических наук, профессором и одним из крупнейших специалистов в области женских и гендерных исследований не только России, но и мира. За последние несколько десятилетий она не только лично пережила все сложные этапы становления гендерной науки в России, но и сумела привлечь под свои знамёна многочисленных последователей и продолжателей. Убеждённая феминистка, Н.Л. Пушкарёва не только отстаивает собственные взгляды на происходящее в современном обществе, но и умеет слышать мнения других. Благодаря этому, а также ее личному вкладу в отечественную и мировую науку, вот уже много лет она возглавляет крупнейшее профильное объединение – Российскую ассоциацию исследователей женской истории (РАИЖИ), объединяющую представителей обоих направлений. Сама Н.Л. Пушкарёва твёрдо верит в необходимость переоценки всех исторических событий, выведение женщин из тьмы забвения, наделение их правом по-своему видеть окружающий мир.

В своих научных работах Н.Л. Пушкарёва остаётся верна теме социально-правового статуса женщин [61], занимается изучением семьи, любви [1–71] и интимных переживаний русской женщины. Годы кропотливого труда нашли отражение в большой работе «Женщины России и Европы на пороге Нового времени» [2]. В ней Н.Л. Пушкарёва по крупицам воссоздаёт частную жизнь русской женщины доиндустриальной эпохи. Многократное обращение автора к древнерусским источникам обогатило ее исследование «живой» речью русской женщины рассматриваемого исторического периода. Никогда прежде женщина той далёкой поры не говорила с нами столь открыто, не делилась с нами своими сокровенными тайнами. И в этом несомненная заслуга автора, сумевшего создать этот сложный мозаичный образ. В итоге книга получила широкое признание и была переведена на английский язык. А интерес общества к рассмотренным в ней вопросам породил необходимость в ее переиздании, поэтому в 2011 г. в сокращённом виде она вышла под новым названием «Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница» [68].

В последнее десятилетие XX в. Н.Л. Пушкарёва стала уделять меньше внимания историографии и источниковедению [40] и начала энергично трудиться в сфере истории науки. Ей были написаны серьёзные работы, призванные познакомить российского читателя с историей возникновения женских и гендерных исследований в России [22] и в мире [20, 36], их научными концепциями, методологической базой и предназначением [32], а также обобщить все имеющиеся отечественные наработки [64]. Она читает многочисленные лекции для студентов и всех интересующихся проблемой. Доступный язык изложения, лаконичность и чёткость рассказа и, что является самым важным, непривычная для большинства простых слушателей тема вызывает неподдельный интерес к предмету. Просветительское значение публичных выступлений Н.Л. Пушкарёвой сложно переоценить. Интерес к гендерным исследованиям у многих из ее учеником проснулся именно после присутствия на таких лекциях. Полная неосведомлённость о существовании подобного рода научных направлений у большинства современных студентов приравнивает полученную информацию к откровению. Новые сведения заставляют иначе взглянуть на привычные вещи, на усвоенные ещё в школе реалии. Прежде всего, это относится к материалам об истории и предпосылках сексуальной революции, о роли и значении женщин в мировой истории, о «мужском» взгляде на события, о многовековом забвении женщин, о необходимости борьбы за равноправие при формальном равноправии полов и т.п. При этом независимо от того, станут ли впредь слушатели гендерологами, роль этих знаний огромна, они

расширяют наше сознание, делая его многомерным. Логическим продолжением преподавательской деятельности Н.Л. Пушкарёвой стали работы, посвящённые вопросам педагогики. В них она обращается к вопросам необходимости наличия у учителей знаний по гендерной теории, о специфике восприятия и изложения информации у мальчиков и девочек, о преподавании основ полового воспитания в школах и т.п. [15, 17].

Многоплановость «женской» темы позволила Н.Л. Пушкарёвой, оставаясь внутри нее, расширить спектр своих исследований, дополнив их изучением таких вопросов как материнство, секс и сексуальная этика, флирт, одежда и пр. Вопросы материнства [45, 46] она рассматривает на примере привычной для нее Древней Руси. Как относились к материнству сами женщины, каково было их положение в обществе, как менялся их статус после рождения ребёнка и какие обязанности ложились на их плечи – на эти и другие вопросы пытается ответить в своих работах Н.Л. Пушкарёва. На фоне радостей материнства противоположностью выглядят сексуальные отношения. Многочисленные табу, невозможность открыто проявлять свои сексуальные желания, общественное осуждение и порицание делали тему секса закрытой для женщины [28, 47, 58], вынося флирт [2, 49] и любовь за рамки семьи. Примечательно, что в 1999 г. тема секса вызывает особенно пристальное внимание Н.Л. Пушкарёвой. Одна за другой выходит целый ряд работ, посвящённых эротике и сексуальной этике. В них исследовательница пытается выявить природу порнографических изображений в традиционном русском лубке [56], познакомить читателя с интимными переживаниями и интимной жизнью россиянок [4, 5, 6].

Как известно, лакмусовой бумажкой отношения общества к сексу отчасти является одежда. Вольные нравы обнажают тело женщины, подчёркивая его красоту и сексуальность, а строгие – скрывают от посторонних глаз все то, что может быть увидено лишь в кругу семьи. Впрочем, это частное значение одежды. Ее главная роль – подчеркнуть статус хозяина. В Древней Руси этому придавалось особенно большое значение. Эти и некоторые другие обстоятельства породили интерес Н.Л. Пушкарёвой к одежде [3, 11, 12, 33]. Все вышеперечисленные темы являются гранями повседневной и частной жизнь человека, вызывающей неизменный интерес исследовательницы [1, 38, 62, 67].

В целом в России для женских и гендерных исследований последнее десятилетие XX в. было временем поиска. Те учёные, которые занимались данным научным направлением с советских времён, с одной стороны, чувствовали себя уверенней, получив возможность свободно заниматься любимым делом. С другой стороны, обилие свободы требовало от них более чёткого самоопределения. Ведь во многом от них зависело то, как будет развиваться направление в новых условиях, станет ли оно самостоятельным и сильным или же все их усилия останутся незамеченными и пропадут.

Начало нового века не принесло серьёзных изменений в развитие гендерных исследований в России. Позиции гендерологов ещё больше укрепились, а число последователей и сторонников возросло. Начался период стабильности, необходимый для плодотворной работы. Центром такой работы стала Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ), объединившей свыше 100 исследователей в более чем 50 городах РФ.

За последние годы количество публикаций, касающихся самых разных тем гендерной направленности, выросло в сотни раз. Каждая из них заполняет одну из многочисленных лакун в российском гендерном знании. В общем числе тем можно выделить несколько ключевых направлений. Во-первых, это работы, посвящённые гендерной теории и истории женских и гендерных исследований в России и мире. В них авторы объясняют значение и роль гендерных исследований в современном мире, обосновывают необходимость преподавания основ гендерной теории в учебных заведениях, анализируют связи гендерной теории с различными отраслями знаний [19, 48], описывают трудности, с которыми приходится сталкиваться гендерологам [39, 69], а также сам процесс институционализации научного направления в России и мире.

Особое место занимают работы, посвящённые теме педагогики. В адрес специалистов, выступающих за необходимость обучения молодого поколения основам гендерной теории, звучат серьёзные обвинения в растлении молодёжи. Многие крупные деятели науки, культуры и особенно представители официальных конфессий выступают с призывами запретить распространение подобных знаний. В ответ на нападки видные российские гендерологи регу-

лярно публикуют работы, опровергающие справедливость подобных заявлений и объясняющие необходимость более глубокого знакомства преподавателей с проблемой [14, 16, 52, 57].

Вторую группу формируют вопросы, связанные с зарождением феминизма [41, 63], женского движения в мире и формированием феминологии [53]. Сюда же входит изучение женских организаций, жизненного и творческого пути отдельных женщин [10, 23], их роли в истории различных государств [29]. Интересным направлением гендерных исследований стало изучение так называемого женского письма. Как показывает опыт, манера изложения мыслей женщинами и мужчинами разительно отличается друг от друга. Одни и те же события женщины и мужчины описывают по-разному. Для женщин важнее эмоциональная составляющая воспоминаний, антураж, вкусовые и визуальные впечатления. Для мужчин большую роль играет время, факты, события личной жизни. Изучение такого рода специфики даёт возможность представить событие с разных сторон, сделать его глубоким и многогранным [7, 8, 65]. Продолжением данной темы является изучение женской прозы, начавшееся сравнительно недавно и спровоцированное появлением большого количества женщин-писателей в 1980-х годах. Некоторые работы авторов женского пола выходили и в XVIII в., и в XIX в., но именно в последние два десятилетия XX в. появляется целая серия разнообразных коллективных сборников женской прозы, позволивших исследователям заявить о необходимости перехода к анализу произведений современных писательниц как проявлению «гендерно мотивированного женского коллективного сознания».

К третьей группе тем относятся традиционные для женских и гендерных исследований темы любви, семьи [25], брака, материнства [44], детства, сексуальности и сексуальных отношений.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что годы кропотливого труда российских специалистов в области женской и гендерной истории увенчались успехом. Сформированы новые школы и направления, активно апробируются и используются новые методы исследований, формулируются новые цели и задачи, в обществе наблюдается устойчивый интерес к проблематике. Все это результат многолетних усилий отечественных учёных, достойное место среди которых занимает и Н.Л. Пушкарёва.

Библиографический список

1. Пушкарёва Н.Л. «Государыня дома»: один день из жизни женщины допетровского времени // Родина. 1996. № 3. С.40–45 (под псевдонимом Наталья Львова).
2. Пушкарёва Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.
3. Пушкарёва Н.Л. Живя и труждаясь в подивление окольным людям (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X–XVII вв.) // Женщина в российском обществе. 1996. № 2 и др.
4. Пушкарёва Н.Л. «Милый Алексей Николаевич» (флирт и любовь русского дворянина начала XIX века) // Родина. 1996. № 3. С. 67–73.
5. Пушкарёва Н.Л. «Обморок лягушки» или «бараний окорок»? Одежда русских женщин XIX – начала XX в. (Очерк четвертый) // Родина. 1995. № 10. С. 81–87.
6. Пушкарёва Н.Л. «Cherchez la femme!» (Дневники А.Н. Вульфа как источник по истории русской эротической культуры начала XIX в.) // Пушкарёва Н.Л. (отв. ред.). А се грехи злые, смертные… Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) М., 1999. (в соавт. С С.А. Экштутом).
7. Пушкарёва Н.Л. «Како се разгоре сердце мое… и тело мое до тебе…»: любовь в частной жизни человека средневековой Руси по ненормативным источникам // А се грехи злые, смертные… Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. М., 1999. С. 475–516.
8. Пушкарёва Н.Л. «Огнь естественный» или «грех поганый»? Источники по истории сексуальной этики и эротики в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) // Пушкарёва Н.Л (отв. ред.). А се грехи злые, смертные… Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.). М., 1999. С. 5–13.
9. Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. / Ред. Е.А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 241–274.
10. Пушкарёва Н.Л. Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Вишленкова Е.А. (ред.). Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 274–304.
11. Пушкарёва Н.Л. Былое и дамы (Глинская и Дашкова) // Новая юность. 2000. № 4.
12. Пушкарёва Н.Л. Варварская красота. Одежда русских женщин XVI–XVII вв. // Родина, 1995. № 7.

13. Пушкарёва Н.Л. Во всех ты, душенька, нарядах хороша. Одежда русских женщин XVIII в. // Родина, 1995. № 8. С.76–80.
14. Пушкарёва Н.Л. Гендер – сила, гендер – власть! // Этнографическое обозрение. 1999. № 1. С. 147–151.
15. Пушкарёва Н.Л. Гендер и креативный потенциал ребенка (куда деваются одаренные девочки?) // Философия детства и творчество. Тезисы докладов и сообщений VII Международной конференции «Ребенок в современном мире. Детство и творчество» / Ред. К.В. Султанов. СПб., 2000. С. 342–346.
16. Пушкарёва Н.Л. Гендер и педагогика // Социализация ребенка. Психологические и педагогические проблемы. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции «Ребенок в современном мире. Открытое общество и детство» / Ред. К.В. Султанов. СПб., 1999. С. 176–178.
17. Пушкарёва Н.Л. Гендерная асимметрия современной социализации и перспективы гендерной педагогики // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / Ред. Л.В. Штылева. Мурманск, 2001. С. 9–18.
18. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 34–47.
19. Пушкарёва Н.Л. Гендерные аспекты педагогики и эдукологии // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы. Материалы международной научной конференции. Ч.1. Иваново, 1999. С. 21–23 (в соавт. С В.Г. Безроговым).
20. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000. С. 166–187.
21. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: прошлое, настоящее, будущее // Гендерлэнд. 1998. № 1. С. 2–3.
22. Пушкарёва Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6.
23. Пушкарёва Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 11–24.
24. Пушкарёва Н.Л. Женская судьба России. Женщины в исторических судьбах России XI – XIX вв. // Знаменитые женщины России. М., 2002. С. 20–65 (Альманах «Золотая книга России». Специализированный выпуск. Год 2002-ой).
25. Пушкарёва Н.Л. Женщина в древнерусской семье (X – XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87–98.
26. Пушкарёва Н.Л. *Женщина в русской семье (X – начало XX в.) // Русские: народная культура (история и современность) / Под ред. И.В. Власова. М., 2000. С. 41–54.*
27. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье: традиции и современность // Гендер. Семья. Культура. Сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1997. С. 177–189.
28. Пушкарёва Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М. 1983. № 3. С. 78–89.
29. Пушкарёва Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение.1995. № 3.
30. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
31. Пушкарёва Н.Л. Зарубежная историография о социальном положении женщины в Древней Руси // Вопросы истории. 1988. № 4. С. 140–150.
32. Пушкарёва Н.Л. Зачем он нужен, этот гендер? // Социальная история 1998/1999. М., 1999. С. 155–177.
33. Пушкарёва Н.Л. И в пир, и в мир. (Одежда русских женщин X–XV вв.) // Родина, 1995. № 2. С.104–108.
34. Пушкарёва Н.Л. Идеальный образ супруга/супруги и его трансформации в доиндустриальной России XII–XVII вв. // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / отв. ред. И.М. Семашко, А.Н. Седловская. Т. 2. М., 1999. С. 209–223.
35. Пушкарёва Н.Л. Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986.
36. Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология и гендерные исследования // Феминизм и гендерные исследования / В.И. Успенская. Тверь, 1999. С. 62–68.
37. Пушкарёва Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 69–95.
38. Пушкарёва Н.Л. История частной жизни в России глазами российских и зарубежных историков // Отечественная история. 1998. № 3. С. 208–213.
39. Пушкарёва Н.Л. История, итоги и перспективы институциализации women & gender studies в российской исторической науке // Гендерная история: pro et contra / Ред. М.Г. Муравьева. СПб., 2000. С. 21–30.
40. Пушкарёва Н.Л. Источниковедческие аспекты истории русских женщин XVI века // Источниковедение истории Грузии. Научная сессия. Тезисы докладов. Тбилиси, 1994. С. 49–50.
41. Пушкарёва Н.Л. К истории феминизма // Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие) / Ред. и сост. Н.Л. Пушкарёва. Калуга, 2001.
42. Пушкарёва Н.Л. Комплекс актовых источников и методика работы с ним для характеристики социального статуса женщин в Русском государстве // Актуальные проблемы изучения и издания письменных источников. Вып. 2. Тбилиси, 1988. С.100–106.
43. Пушкарёва Н.Л. Любовь и брак на Руси // Наука в России. 1992. № 5–6. С. 88–94.
44. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по

истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9–24.
45. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6.
46. Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С.311–347.
47. Пушкарёва Н.Л. Между «великим грехом» и «удоволством»: интимная жизнь женщины в Старой Руси // Социум. 1995. № 6(49). С. 32–39.
48. Пушкарёва Н.Л. Между тюрьмой и хаосом: феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание // Пол. Гендер. Культура / Ред. Э. Шорэ, К. Хайдер. М., 2000. С. 221–231.
49. Пушкарёва Н.Л. Мир чувств русской женщины XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С.17–31.
50. Пушкарёва Н.Л. Нормативные памятники как особый источник по истории древнерусской семьи // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1988.
51. Пушкарёва Н.Л. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Ломоносов. 2002. № 3. С. 5–26.
52. Пушкарёва Н.Л. От теории к практике. Как мы можем это изменить? //.) Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / Ред. Л.В. Штылева. Мурманск, 2001. С. 51–54 (в соавт. со Штылевой Л.В.).
53. Пушкарёва Н.Л. Рождение исторической феминологии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М, 2001. С. 20–47.
54. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–15.
55. Пушкарёва Н.Л. Русская семья X–XVII вв. в контексте «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 66–79.
56. Пушкарёва Н.Л. Русские лубочные картинки XVIII-XX вв.: начало порнографии или отражение народных эротических воззрений // Эрос и порнография в русской культуре / Ред. М. Левитт, А. Топорков А. М., 1999. С. 42–54.
57. Пушкарёва Н.Л. Сексизм в литературе для детей и пути его преодоления // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / Ред. Л.В. Штылева. Мурманск, 2001. С. 29–38.
58. Пушкарёва Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и московитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103.
59. Пушкарёва Н.Л. Семейный быт Древней Руси: отношения детей и родителей // Традиции семьи. Свердловск, 1988. С. 248–263.
60. Пушкарёва Н.Л. Социальный статус средневековых женщин в центре внимания историков Европы и США // Вопросы истории. 1988. № 9.
61. Пушкарёва Н.Л. Статус женщины в Древней Руси и в России Нового времени: Обзор современных исследований // Русь между Востоком и Западом. Культура и общество X–XVII вв. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М, 1991. С. 222–242.
62. Пушкарёва Н.Л. Стоит ли копаться в «грязном белье…» (Российские историки размышляют над проблемами «истории частной жизни») // Родина. 1996. № 12. С. 80–86.
63. Пушкарёва Н.Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура / Ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2002. С. 79–86.
64. Пушкарёва Н.Л. Феминология и «история женщин» в контексте проблем гуманитарного знания // Женщины России на рубеже XX–XXI вв. / Ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 1998. С. 8–13.
65. Пушкарёва Н.Л. *Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции 15–16 сентября 2000 г. Иваново, 2000. С. 17–21.*
66. Пушкарёва Н.Л. Ценностные ориентации русских в доиндустриальную эпоху (на примере образа идеальной супруги) // Женщины и общество. Вопросы теории, методологии и социальных исследований. Ижевск, 1998. С. 3–8.
67. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997.
68. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011.
69. Пушкарёва Н.Л., Жеребкина И., Кон И.С., Крипс Г., Тёмкина А. Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР // Гендерные исследования. 2000. Вып. 5. Харьков, 2000. С. 8–43.
70. Пушкарёва Н.Л. Отечественная историография вопроса о положении женщин на Руси X–XV вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 193–208.
71. Пушкарёва Н.Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.

Е. Левин
США, Университет Канзаса

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ВРАЧ В РОССИИ

Кто была первой женщиной-врачом в России? Большинство архивных источников указывают на Надежду Суслову, которая получила степень в Медицинском университете Граца в 1867 году и стала обладательницей лицензии врача в России в 1868 г. [11; 8]. Однако другая женщина, Элизабет Дрешер, занималась медициной в Московии двумя веками раньше, в 1680-х гг. В официальных записях москвичей ее называют «дохтурица» (устаревшая женская форма слова «доктор»). Поскольку жен врачей не именовали таким образом, использование этого названия означает признание ее статуса врача.

Интересовавшиеся этой темой ученые сталкивались с упоминаниями об Элизабет Дрешер в записях москвичей. Д.М. Российский включил сведения о ней в свою библиографию по истории медицины в России до 1956 г. со ссылкой на публикации Л. Ф. Змеева [10, с. 378]. Однако работы Змеева состояли в основном из длинных цитат из архивных документов, касающихся ее мужа, доктора Иоганна Дрешера, в которых содержалось лишь несколько упоминаний о его жене [5; 6]. Биографический словарь медицинских работников в России А.Б. Богданова содержит краткую запись о «жене Дрешера», основанную на материалах Д.М. Российского [2, с. 225]. Ни один из этих авторов не использовал имя миссис д-р Дрешер, Элизабет, что указывает на то, что они рассматривали ее как простое дополнение к мужу, а не фигуру, заслуживающую изучения саму по себе.

В Московии женщины – практикующие врачи – были редкостью. Женщины обычно были акушерками, принимали роды [16, с. 450–51]. Женщины также были в числе «народных целителей» (и, следовательно, порой становились объектами обвинений в колдовстве) [17, с. 109–110, 120–121; 14, с. 127–132]. В Киевской Руси были известны женщины – практикующие ученые, прежде всего Добродея-Евпраксия, которая в 1122 г. была выдана замуж за родственника византийского императора Иоанна II Комнина, согласно наиболее распространённой версии, – его старшего сына, носившего имя Алексей [19, с. 16].

Тем не менее, медицина западного стиля, в отличие от народной, доминировала в мужской среде. Многие из мужчин-врачей были иностранцами, нанятыми Московской государственной аптечной канцелярией (Аптекарский приказ). Самые выдающиеся врачи и фармацевты прибыли из Англии или Германии; хирурги и полевые медики часто были немцами или поляками. Некоторые были тайными евреями [12; 21].

Врачи-иностранцы были привлечены к медицинскому обслуживанию основных деятелей московского государства: царя и его семьи; судей, армии. Армия поставляла наибольшее количество пациентов, и все они были мужчинами. Что касается суда, то в основном получателями медицинской помощи из аптечной канцелярии были высокопоставленные люди: бояре, государственные секретари и иностранные дипломаты. Изредка жены таких выдающихся людей тоже имели право на лечение [15, с. 368–369].

Иоганн Дрешер вошел в число иностранных медицинских специалистов, работавших в Московии. Элизабет сопровождала его. Впервые они прибыли в Смоленск 8 декабря 1684 года по приглашению шотландского офицера, перешедшего на русскую службу, Павла Менезия. Менезию нужен был врач, чтобы лечить его солдат, и поэтому он отправил еврейского посланника в Могилев искать его среди иностранцев, связанных своей деятельностью с поляками и евреями. Пребывание Дрешеров в Смоленске должно было быть временным. Тем не менее, вскоре их пациентами стало множество знатных людей. Иоганн исцелил воеводу Смоленска Бориса Васильевича Бутурлина от «многочисленных внутренних болезней и воспаления на ноге», а Элизабет «исцелила боярину, жену боярина Бориса Васильевича, от внутренней лихорадки (вылечила жъ боярина Бориса Васильевича у жены ево боярыни нутрянную лихорадку) [7, с. 486]. Боярин Бутурлин и Менезий рекомендовали Иоганну Дрешеру найти постоянную оплачиваемую работу в Аптечной канцелярии в Москве. Дрешеры покинули Смоленск 15 февраля 1685 г. и прибыли в Москву до 27 февраля, поселив-

шись в доме Павла Менезия в Немецком квартале. Иоганн Дрешер встал на учет в Иностранной канцелярии (Посольский приказ) 28 февраля [7, с. 483–484, 486].

Кем были Иоганн и Элизабет Дрешер? Еще до того, как они зарегистрировались в Иностранной канцелярии, московские власти получили информацию, указывающую, что Дрешеры не вызывались в Россию официально. Поэтому чиновники канцелярии составили список вопросов от 27 февраля, которые должны были быть заданы Иоганну Дрешеру: «Кто он по происхождению и в какой стране урожден? Не еврей ли он? Где он изучал фармацевтическую науку? Имеет ли он врачебные документы, подтверждающие его квалификацию? Не обучался ли в Падуе? Кроме того, чиновники канцелярии хотели узнать, работал ли он ранее в качестве придворного врача у короля Польши [7, с. 484]. Хотя недавно прибывшим в Москву медицинским работникам часто задавали вопросы о стране рождения, религии, образовании и прежней работе, конкретные детали в вопросах для Иоганна Дрешера указывают на то, что московские чиновники были наслышаны о нем. Они знали, что он приехал из Польши, что не удивительно, учитывая, что он въехал в Московию через Смоленск. Также, по дошедшим до них слухам, он был евреем и фармацевтом, а не врачом – такую информацию не мог им сообщить воевода Бутурлин. Напротив, Бутурлин характеризовал его как «немецкого доктора» (немчинъ дохтуръ) в переписке, а затем оценил его усилия именно как врача [7, с. 483, 501]. Кроме того, у чиновников канцелярии была причина думать, что Иоганн Дрешер получил образование в Падуе, в известной медицинской школе, отчего они предполагали, что он может быть итальянцем или, по крайней мере, католиком. Тем не менее, чиновники канцелярии не спрашивали, был ли Иоганн Дрешер католиком или протестантским, их больше интересовало, был ли он евреем.

28 февраля Иоганн Дрешер рассказал о себе чиновникам Иностранной канцелярии. Он проигнорировал вопрос о своей религии и вместо этого рассказал о своем образовании и опыте врача. Иоганн утверждал, что его отец был врачом из города Гамбурга. Двадцать пять лет назад его отец отправил его в Бреслау для изучения фармации под опекой своего старшего брата. Дрешер оставался в Бреслау 15 лет, прежде чем переехать в Йену, чтобы посещать медицинскую школу. Он получил диплом полтора года спустя и оставался в Йене еще два года, прежде чем переехать в Виттенберг для дополнительного медицинского обучения. Он отметил, что степень Виттенберга эквивалентна степени Падуи. После учебы в Виттенберге он ненадолго вернулся в Бреслау. Впоследствии Иоганн Дрешер неоднократно переезжал: в Гамбург, в Гданьск, в Любек, в Ковно, в Полоцк, в Витебск и в другие города, иногда со своей женой, а иногда отдельно, оставаясь в каждом месте всего на несколько недель или месяцев. Во время одного из этих перемещений – морского путешествия с Элизабет из Гамбурга в Гданьск – корабль затонул, а сундук с дипломом Иоганна Дрешера был потерян [7, с. 484–485].

Биографическое повествование Иоганна позволило сделать вывод и о медицинской подготовке его жены Элизабет. Он сказал, что Элизабет была дочерью известного гамбургского врача Николая Ваккара. Ее первый муж, Карл Павлус, также был врачом в Бреслау. От него у Элизабет было две дочери, обе вышли замуж за врачей – одна жила в Гамбурге, а другая в Гданьске. После того, как она овдовела, Элизабет вышла замуж за Иоганна Дрешера, который недавно вернулся в Бреслау из Виттенберга. По словам Иоганна, Элизабет обладала передовыми медицинскими навыками: «… с Божьей помощью она может вылечить любую болезнь, и она в полной мере обучена быть врачом своим отцом и первым мужем» (за Божиею помощию, может так так жю всякую болезнь лечить и до сих пор она не выглядела как научная от отца и мужа своего) [7, с. 484]. Очевидно, что Иоганн намеревался не только подчеркнуть свою полезность для московского государства, но и представить свою жену как компетентного доктора.

Вопросы Иностранной канцелярии были заданы Иоганну Дрешеру 28 февраля, а также впоследствии на собеседованиях в Аптечной канцелярии 10 и 12 марта. Тамошние бояре Никита Иванович и Василий Федорович Одоевские задали и дополнительные вопросы. Они снова спросили о его религиозной принадлежности («коей онъ веры») и его возрасте, спрашивали о его знании латыни и о том, можно ли пройти медицинские курсы в европейских академиях, не зная латыни. Они поинтересовались, почему он изучал медицину как в Йене, так и в Виттенберге. Бояре выслушали его рассказ о том, как был потерян его диплом, и спро-

сили, кто в разных городах, где он жил, может ручаться за его статус врача. В ответ Иоганн Дрешер подтвердил, что он лютеранин, ему 42 года. Что касается его знания латыни, то он сказал, что знает ее «частично» и признал, что не может ответить «на философские и физические вопросы» (противъ вопросов философскихъ и физическихъ делъ) на латыни. Тем не менее, он утверждал, что «в разных академиях, по всей Европе» (во академияхъ разныхъ, по всей Европе) ученики, которые совсем не знают латыни, все же могут, предварительно пройдя курсы латинского языка, стать врачами. Он также утверждал, что в Бреслау, Гамбурге, Гданьске и Любеке были люди, которые знали, что он врач, и знали, что его диплом был потерян при кораблекрушении [5, с. 712].

Сколько из этой биографии было правдой? Некоторые ее части были, конечно, невероятны. Как он мог поступить в университет в Йене без знания латыни или получить степень, не сдавая устные экзамены по латыни? И как могло случиться, что отпрыск выдающихся врачей должен был жить странствуя, постоянно ища временную работу в разных городах Священной Римской империи и Литовском княжестве? Кроме того, несмотря на лютеранство, у Дрешеров были однозначные связи с евреями. Они были связаны с евреями Могилева, завербованы еврейским посланником Менезием, у них были еврейские слуги [7, с. 485–486]. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что они были тайными евреями, пытавшимися в виде немецких протестантов проникнуть в Московию. Они едва ли были единственными евреями, которые пытались это сделать; Стефан фон Гаден, который стал любимым врачом императорской семьи предыдущего поколения, также был замаскированным евреем [15, с. 369].

После интервью Иоганна Дрешера в Аптечной канцелярии бояре Одоевские выяснили мнение о Дрешере у докторов Ван дер Хюлста и Лоренция Блюментроста. Бояр интересовало, является ли Дрешер образованным человеком и знает ли он врачебное искусство? Можно ли доверить ему исцеление от всех видов внутренних болезней? Доктора Ван дер Хюлст и Блюментрост ответили категорически отрицательно. Дрешер «солгал бесстыдно», говорили они. Они строго предостерегли Одоевских от его найма, утверждая, что другие государства не разрешали таким странствующим «врачам» лечить пациентов. Если бы московское государство приняло такого человека, то образованные врачи отказались бы приезжать сюда служить. Московские власти не должны быть обмануты рекомендательными письмами Дрешера от довольных пациентов, потому что такие «необразованные люди» часто собирают их, чтобы привлечь клиентов [1, л. 1–4; 5, с. 713; 12, с. 198–202, 595–596]. Для большей убедительности Ван дер Хюлст и Блюментрост предоставили письмо на латыни, в котором повторили свои ключевые тезисы и назвали Иоганна Дрешера «ложным доктором», «шарлатаном» и «эмпириком» − то есть целителем, который имел практический опыт, а не университетскую подготовку [1, л. 5].

Несмотря на предостережения Ван дер Хюлста и Блюментроста, московские власти поверили заверениям Иоганна Дрешера в том, что он был врачом с официальным образованием и лютеранином, поскольку приняли во внимание предоставленные Дрешером восемь рекомендательных писем от известных людей Могилева и Полоцка [7, с. 487–489]. В приказе, изданном 25 марта 1685 г., отказав ему в назначении в аптечную канцелярию, они разрешили ему «жить в Москве столько, сколько он пожелает, и содержать себя путем исцеления всевозможных людей». Кроме того, они разрешили ему получать «лекарства из Новой аптеки» [5, с. 714]. Однако это разрешение не пригодилось: более поздние документы показывают, что Элизабет и Иоганн Дрешеры сами изготавливали и продавали лекарства.

В последующие месяцы московские чиновники получили больше информации о Иоганне Дрешере. В апреле Борис Бутурлин направил запросы о Дрешере в те города, где жил и работал доктор [7, с. 491]. В августе Андрей Виниус, секретарь Аптечной канцелярии, получил отчет от доктора Саймона Соммера, сотрудника Аптечной канцелярии, который находился в Бреслау, нанимая новых врачей для Московии. Д-р Соммер сообщил, что «здесь я не могу получить никаких сведений ни о его имени, ни о нем самом» [5, с. 714]. Если бы Иоганн Дрешер жил в Бреслау в течение 20 лет, работал фармацевтом и оставил город только пять лет назад, как он заявил в своей автобиографии для Иностранной канцелярии и Аптечной канцелярии, наверняка кто-то из медицинского сообщества помнил бы его.

Тем не менее, несколько месяцев спустя, 30 ноября 1685 г., Иоганн Дрешер получил повышение своего статуса. Московские власти удовлетворили его ходатайство о государственной зарплате. Ему присуждается 204 рубля в год – сумма, сравнимая с доходом врачей Лаврентия Ринхубера и Генриха Келлермана, но меньшая, чем щедрые стипендии, выплачиваемые главным врачам аптечной канцелярии. В документах, санкционирующих прием Дрешера на работу, он описан как «образованный в области медицины» (навыченъ лекарственнымъ дохторскимъ наукамъ). Хотя это назначение означало, что Иоганн Дрешер отныне будет заниматься медициной в Московии по указу московского государства, он оставался под юрисдикцией Иностранной канцелярии. В официальных инструкциях указывалось, что он не был связан с Аптечной канцелярией, хотя и принимал там присягу [7, с. 490–491]. Иоганн Дрешер немедленно обратился с ходатайством о выплате своей зарплаты с момента его прибытия в Москву, и его просьба была удовлетворена с датой начала действия выплат 1 марта 1685 г. [7, с. 491–493].

Л.Ф. Змеев предположил, что Иоганн Дрешер был обязан своим положением отношениям своей жены Элизабет с регентом царевной Софьей, управляющей от имени ее братьев Ивана и Петра. Однако он не предоставил никаких документов в этой связи [5, с. 714]. Тем не менее Софья, похоже, участвовала в принятии решений относительно переезда Дрешеров в Московию, потому что ее имя фигурирует вместе с именами ее братьев в ключевых документах [7, с. 484, 490; 5, с. 714]. Поскольку первый из этих документов был датирован 27 февраля 1685 г., когда Дрешеры едва прибыли в Москву, интерес Софьи нельзя объяснить влиянием на нее Элизабет Дрешер. Несмотря на это, решение создать оплачиваемую должность для Иоганна Дрешера за пределами аптечной канцелярии, где он был под запретом, говорит о том, что у пары были влиятельные покровители. Одним из них мог быть Павел Менезий, который имел связи с высокопоставленными представителями московской элиты, а также Борис Бутурлин или его жена, которые могли ходатайствовать за Дрешеров. Члены клана Бутурлина были в услужении у женщин царской семьи: царицы Евдокии Стрешневой, царицы Марии Милославской и царицы Прасковьи Салтыковой, но не царевны Софьи [3, с. 392, 395, 404]. Василий Васильевич Голицын, возглавлявший Иностранную канцелярию, одобрил назначение Иоганна Дрешера через это учреждение, и у него были тесные личные связи с царевной Софией [13, с. 98–100].

Вскоре после того, как Иоганн Дрешер занял свою оплачиваемую должность, в январе 1686 года он и Элизабет купили дом в немецком квартале – свидетельство того, что они планировали остаться в Москве [12, с. 596]. В следующем году, в феврале 1687 г., Иоганн Дрешер участвовал в военной кампании Голицына в Крыму [7, с. 496; Хьюз, София, с. 197–203]. Он вернулся в Москву в следующем году и оставался в городе достаточно долго, ходатайствуя о выплате задолженности по зарплате, прежде чем его снова отправили из города [7, с. 496–497].

Тем временем Елизавета осталась в Москве, следя за делами семьи и занимаясь медициной. В феврале 1687 г. она обратилась к московским властям с просьбой разрешить ей отправить на Украину ее еврейскую служанку Улиту и ее слугу Виллема Робертсона с лекарствами для пациента по имени Андрей Степанов и его сына. Ее ходатайства идентифицировали ее как «жену доктора-иностранца», однако она просила, чтобы ее называли «дохтурица», то есть «женщина-врач». В этих и других документах, касающихся Элизабет Дрешер, ее именовали «Еленой» [7, с. 493–494].

Элизабет взяла на себя ответственность за ввоз товаров для дома, который осуществлялся через порт Архангельска в летние месяцы. В 1688 г. груз включал в себя два мешка с лекарствами, а также вино, водку, масло, уксус и лимоны, которые использовались как в домашних условиях, так и в медицинских целях. Другие предметы, такие как соленая сельдь и сыр, предназначались для домашнего потребления. Эта посылка прошла таможню без инцидентов. Следующим летом, в 1689 г., московские чиновники задержали груз, и Элизабет пришлось подать прошение, чтобы вызволить его. Она написала, что в нем содержались «все мои приобретенные медикаменты» и представила список предметов, которые импортировала. Список, согласно документам Иностранной канцелярии, был составлен «дохтурицей Еленой». Официальное решение, вынесенное боярином Алексеем Васильевичем Голицыным, состояло в том, что представленные в списке продукты были предназначены для домашнего использования,

поэтому их следует оформлять без таможенных пошлин. Однако ей было запрещено получать большее количество товаров, чем было одобрено в предыдущем году [7, с. 499–500].

Во время довольно короткого пребывания Иоганна Дрешера в Москве он оказывал медицинскую помощь королю Имеретии Арчилу и его семье. Неясно, как возникла эта договоренность, но Иоганн Дрешер служил ему с официального разрешения. Он был назначен врачом для Арчила и его окружения, когда они покинули Москву в конце 1688 или в начале 1689 г. в ходе кампании по восстановлению престола Имеретии. Даже когда присутствовал Иоганн, Элизабет Дрешер лечила членов имеретинской королевской семьи, начиная с 1686 или 1687 г. и продолжая вплоть до 1690 г. Королева Кетеван (по-русски Екатерина Давыдовна) «взяла у женщины-врача, жены Ивана Дрешера Елены, для имеретинского царя и для его близких всех лекарств в прошлые годы в разные даты» [7, с. 502].

Участие Элизабет Дрешер в обеспечении здоровья королевской семьи Имеретии в конечном итоге привело к завершению медицинской карьеры ее мужа в Московии. Проблема не проистекала из каких-либо сомнений в ее статусе врача; московские документы продолжали называть ее «дохтурица». Также королева Кетеван, король Арчил и члены их семьи не высказывали никакой критики в отношении ее целительских талантов. Возникла проблема с оплатой лекарств, которые Элизабет использовала для лечения королевы и ее семьи. В 1689 г. королева Кетеван обратилась в Иностранную канцелярию с просьбой «дать женщине-врачу деньги на лекарства из государственных средств». Сумма, запрошенная королевой Кетеван, составила 120 руб. [7, с. 502].

С точки зрения чиновников Иностранной канцелярии, проблема заключалась в том, что они ранее санкционировали оплату лекарств, используемых для короля Арчила, но не предназначенных для его жены и домашних в его отсутствие. Они решили, что «женщине-врачу разрешено давать 70 руб. из новгородской канцелярии за лекарства, которые, как ей кажется, необходимы для лечения царя Арчила Вахтангеевича». Кроме того, чиновники канцелярии предупредили королеву Кетеван «не принимать от нее лекарства; и если будет необходимость принять такие лекарства, она должна отправить петицию об этом в Канцелярию иностранных дел» [7, с. 502].

Элизабет не была удовлетворена этим решением. Она прямо заявляла, что ее муж получал приказ от Великого Государя лечить короля Арчила и весь его дом. Кроме того, он взял лекарства, используемые для лечения семьи короля Имеретии, из своих личных запасов; ему никогда не выдавались никакие лекарства для этой цели из государственной аптеки. Общая стоимость лекарств, по ее словам, составляла 120 рублей, но она получила только 70 рублей. В типичной манере московских петиций для получения денег Элизабет закончила письмо «плачем»: ей нужны деньги, чтобы «я, ваша раба, не умерла от голода с моими домашними иждивенцами и без мужа» (чтобъ мне, рабе вашей, безъя мужа своего зъ домочатцами своими голодною смертию не умереть) [7, с. 501].

Эта петиция не была удовлетворена. Но причина, похоже, не в ее претензиях на возмещение, а скорее в том, что это была лишь одна из целой серии просьб о выплате денег. Элизабет ходатайствовала в декабре 1688 г. о зарплате мужа, поскольку Иоганна отправили с Имеретинской королевской группой восемь месяцев назад. На типичном языке этих петиций она просила: «Я осталась одна со своими маленькими детьми и мне не на что содержать себя без зарплаты» [7, с. 497]. Эта петиция вызвала у московских чиновников некоторый страх, поскольку в том же году был издан указ, запрещающий женам врачей аптечной канцелярии получать зарплату своих мужей. Ранее, однако, жены врачей получали зарплату своих супругов; в 1685 г. официальные лица отметили прецедент с женой д-ра Симона Соммера. Чиновники решили выплатить Элизабет Дрешер зарплату мужа, несмотря на введенное правило. Однако они дали Элизабет всего 100 рублей, хотя она думала, что заслуживает большего. Она снова подала петицию и получила еще 52 рубля в мае 1689 г. Тем не менее она считала, что ей все еще причитаются дополнительные деньги, и в июле она снова ходатайствовала об оставшихся 52 рублях, причитающихся за годовой оклад Иоганна Дрешера в размере 204 рубля. Эта петиция тоже была успешной [7, с. 497–498].

Таким образом, Елизавета неоднократно предъявляла претензии к московским государственным фондам. Она обратилась с просьбой о беспошлинном ввозе, о возмещении расходов на медицинское обслуживание королевы Кетеван и о зарплате Иоганна Дрешера. Вполне

вероятно, что Элизабет не знала, как трудно московским чиновникам изыскивать деньги, чтобы заплатить ей. Каждый раз, когда она спрашивала о зарплате своего мужа, чиновникам приходилось указывать источник денежных средств: в декабре 1688 года – с таможенных пошлин Новгородской канцелярии; в мае 1689 г. – из фондов Новгородской канцелярии для стрельцов; в июле 1689 г. – с Устюгской таможни. Деньги на компенсацию Элизабет за лекарства королевы Кетеван поступили из новгородской канцелярии [7, с. 497–498, 502].

По подсчетам московских чиновников, между 1685 и 1689 гг. Элизабет и Иоганн Дрешер обошлись государству в 1240 рублей наличными и соболями в 30 рублей. Они от имени государства распорядились «отказаться от петиций иностранки Алены Дреморовой [Дрешер]» (челобитья иноземки Алены Дреморовы отказать). Кроме того, 9 декабря 1689 г. Иностранная канцелярия решила отозвать официальное разрешение на нахождение в Московии у Дрешеров, подчеркнув, что именно Элизабет стала персоной нон-грата: «В будущем сама Алена и ее муж не будут признаны в Иностранной канцелярии, потому что такие иностранные мужчины и иностранные женщины по таким вопросам никогда не признавались в Иностранной канцелярии». Чиновники также направили уведомление в аптечную канцелярию, чтобы предупредить там о новом статусе Иоганна Дрешера [7, с. 503].

Иоганн Дрешер, однако, все еще отсутствовал в Москве, сопровождая миссию Имеретии. Иностранная канцелярия приказала уведомить ее сразу же после его возвращения. Тем временем началось расследование его первоначального найма, его должностей и денег, выплаченных ему и Элизабет. Когда Иоганн Дрешер вернулся в Москву 30 сентября 1690 г. – через девять месяцев после того, как он был официально уволен со своего поста – он обнаружил, что его обстоятельства полностью изменились [7, с. 504–505]. 21 декабря 1690 г. он ходатайствовал о своей зарплате. Он запросил оплату за 197 год (сентябрь 1688 г. – август 1689 г.), которую Элизабет уже получила от его имени, а также за 198 год (сентябрь 1689 г. – август 1690 г.). Иностранная канцелярия ответила, издав приказ 9 января 1691 г. об изгнании Иоганна Дрешера, его жены и их детей из Московии [7, с. 495, 505–506].

Кем были эти дети и когда они родились, остается загадкой. Когда Иоганн и Элизабет прибыли в Московию, их не сопровождали никакие дети, кроме десятилетнего сына их еврейского слуги Улиты. У Елизаветы было две дочери от первого брака, но они не сопровождали свою мать и отчима в Россию [7, с. 485]. Поскольку дочери Элизабет уже были замужними за несколько лет до того, как Иоганн и Элизабет приехали в Московию, ей должно было быть не меньше 30 лет в 1685 г., даже, возможно, значительно больше. Но если Элизабет было хорошо за 40, когда она была в Москве, вполне возможно, что она могла бы родить детей. Если так, то она занималась медициной, заботясь о детях.

Приказ о высылке Иоганна и Элизабет Дрешер, однако, не был выполнен, потому что Иоганн умер почти одновременно с изданием приказа. Элизабет незамедлительно подала прошение в качестве его вдовы с просьбой выплатить ей зарплату супруга [20, с. 415]. Это ходатайство не было удовлетворено.

Похоже, что Элизабет оставалась в Москве, по крайней мере, до 1694 г. Она ходатайствовала еще раз о зарплате, которую ее муж не получил за годы службы, утверждая, что деньги, которые ей ранее дали в 1689 г., были на 196 год (сентябрь 1687 г. – август 1688 г.), а не на 197, 198 и 199 годы. Кроме того, она указывала, что Иоганн был ограблен бандитами по его возвращении из Имеретии, и все его имущество было похищено. Элизабет горестно сообщала, что ее муж заболел вскоре после возвращения в Москву, а затем умер, и она «осталась после своего мужа в самой крайней нищете и в непогашенных долгах» [7, с. 506]. Она обратилась к «многолетнему здоровью государя и к памяти о его матери, великой княгини Натальи Кирилловны», которая умерла в 1694 г. [7, с. 506–507]. Эта петиция была в значительной степени успешной. Чиновники определили, что либо Иоганну, либо Элизабет ранее платили за 196 и 197 годы, но не за 198 (сентябрь 1689 г. – август 1690 г.). Они разрешили выплатить ей 221 руб. [7, с. 507].

Если гипотеза Л.Ф. Змеева относительно связи Элизабет Дрешер с царевной Софьей верна, то Элизабет больше не могла рассчитывать на ее покровительство после низложения Софьи в сентябре 1689 г. Действительно, было бы заманчиво объяснить трудности Дрешеров с московской администрацией произошедшей осенью 1689 г. сменой власти. И все же ясно, что Элизабет установила какую-то связь с другими группами в московском императорском дворе,

что позволило ей использовать память о царице Наталье для получения финансовой поддержки.

Если Элизабет Дрешер не получала зарплату своего покойного мужа более трех лет, как же она обеспечивала себя и своих детей? Источники не предоставляют никакой информации, но разумно предположить, что она продолжала заниматься медициной, работая с частными клиентами в Москве.

Хотя члены московской государственной администрации имели проблемы с медицинской практикой Элизабет Дрешер, эти проблемы были исключительно финансовыми. Они возражали против оплаты услуг, оказанных ею королевской семье Имерети, без предварительного разрешения. Они возражали против перенаправления зарплаты Иоганна Дрешера его жене, даже если она поддерживала его домашнее хозяйство, включая лечение пациентов и импорт лекарств, от его имени и в его отсутствие. Но они никогда не оспаривали положение Элизабет как доктора. Напротив, даже отрицая ее требования о деньгах, они называли ее «дохтурица». Ее способности врача никогда не подвергались сомнению.

Напротив, квалификация Иоганна Дрешера как врача, безусловно, была поставлена под сомнение. Власти Москвы хотели знать, обладает ли он знаниями для эффективного лечения пациентов. Для немецких врачей Ван дер Хюльста и Блюментроста отсутствие у Иоганна Дрешера доказательств формального образования означало, что он не был компетентен. Московские власти не разделяли эту точку зрения, полагая, что отзывов от довольных пациентов было достаточно, чтобы продемонстрировать его способности как врача. Они, проигнорировав мнение докторов Ван дер Хюльста и Блюментроста, все равно наняли его. К увольнению Дрешера привели финансовые нарушения его жены, а не медицинская некомпетентность.

Доктора Ван дер Хюлст и Блюментрост провозгласили программу действий для врачей, прошедших университетское обучение: бороться с «шарлатанами» и «эмпириками», дискредитировать их как морально и профессионально непригодных для медицинской деятельности, на что указывала историк Элисон Клэйрмонт Линго [18, с. 583]. Они назвали практикующих врачей, которые получили свои знания об исцелении из неуниверситетских источников или практического опыта, самозванцами, навязывая властям монополию дипломированных врачей. Те лица, которым не было разрешено получить университетское образование – евреи и женщины, – были лишены законной медицинской практики. Но так же, как правительства на Западе в то время еще не полностью поддержали это требование, так и правительство Москвы не настаивало на том, чтобы его иностранные медицинские работники обладали дипломами и лицензиями. Для московской элиты и Иоганн, и Элизабет Дрешер были квалифицированными врачами.

Русские интеллектуалы XIX в. усвоили западный стандарт оценки того, был ли практикующий врач настоящим доктором. Оценки Л. Ф. Змеева госпожи Дрешер встретили возражение. Одни критики указывали на то, что она не могла быть врачом, потому что у нее не было формального образования. Другие критики полагали, что и до нее многие русские женщины лечили пациентов. Змеев противостоял обеим видам критики, утверждая, что миссис Дрешер, должно быть, получила качественное образование у своего отца и двух мужей, что отличало ее от русских женщин того времени и живших ранее, которые, по его словам, были неграмотными и не могли учиться у иностранных мужчин [4]. Однако Змеев одобрил западное определение доктора: подлинный врач должен был изучать медицину формально по западному образцу под опекой образованных врачей.

У представителей московской элиты была еще одна причина принять доктора Элизабет Дрешер: они, вероятно, были знакомы с литературной моделью добродетельной женщины-целителя. Симеон Полоцкий, известный российский ученый, бывший учитель детей царя Алексея, представил этот образ в своем сборнике моралистической поэзии «Вертоград многоцветный» 1677 или 1678 г. В поэме «Клевета» героиней является царица, ложно обвиненная в неверности. Матерь Божия даровала ей знание о том, как лечить физические и духовные недуги. Симеон именовал ее «целителница» и «целебница» и назвал ее деятельность странствующим целительством:

Преплывши убо море, в град некий вступила,
прокажена травою тамо исцеляше,
Потом иным ноги тою исцеляше,
мало ея во вине пити подаяше.
Слава о ней велика везде разширися,
…
Даров от них приятие никаких хотяше,

но целением болных в пути ся питаше.
И прииде во град свой, в нем же обитала,
но яко бе царица, никому сказала.
И тамо убо болных премного целяше,
даже глас ушес царских о ней дохождаше
[9, с. 38, 40].

Конечно, никто в Московии не приписывал Элизабет Дрешер статус царицы или особые отношения с Богородицей. Но, как и героиня Симеона Полоцкого, она путешествовала в далекие страны и исцеляла больных. Возможно, она заслужила большего внимания, и я надеюсь на то, что мы вскоре разыщем новые сведения о Элизабет Дрешер, поскольку знаем теперь, о ком конкретно следует искать информацию.

Библиографический список

1. РГАДА. Ф. 143, оп. 3, д. 309. О проверке докторского звания иноземца Ивана Дрешера, 7 января – 18 марта 1690 г.
2. Богданов А.Б. Материалы для биографического справочника русских врачей XVII–XX вв. СПб., 2014.
3. Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 2. М., 2001.
4. Змеев Л.Ф. Былое врачебной России. СПб.: Дома призрения малолетних бедных, 1890.
5. Змеев Л.Ф. Первая в России женщина-врач // Исторический вестник. 1887. Июнь. С. 710–714.
6. Змеев Л.Ф. Первая в России иностранная женщина-врач // Медицинское обозрение. 1887. № 14. С. 179–184.
7. Новомбергский Н. Материалы по истории медицины в России: В 4 т. Томск, 1907. Т. 4.
8. Осипов Г.В. Первая русская женщина-врач Надежда Прокофьевна Суслова // Журнал здоровья. 1988. № 9. [Электронный ресурс]. URL: http://lechebnik.info/511/20.htm (дата обращения: 17.01.2019).
9. Полоцкий С. Избранные сочинения. М.-Л., 1953.
10. Российский Д.М. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения. Библиография (996–1954 гг.). М., 1956.
11. Филимонова Г. Первая женщина-врач Европы. Как Надежда Суслова лечила бедняков // Аргументы и факты. 2018. № 39. 26 сентября.
12. Dumschat, Sabine. Auslanische Mediziner im Moskauer Russland. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.
13. Hughes, Lindsey. Sophia, Regent of Russia, 1657–1704. New Haven: Yale University Press, 1990.
14. Kivelson, Valerie. Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
15. Levin, Eve. The Administration of Western Medicine in Seventeenth-Century Russia// Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia, ed. Jarmo Kotilaine and Marshall Poe, 2004. Pp. 363–389.
16. Levin, Eve. Childbirth in Pre-Petrine Russia: Canon Law and Popular Traditions// Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation, ed. Barbara Evans Clements, Barbara Alpern Engel, Christine D. Worobec. Berkeley: University of California Press, 1991. Pp. 44–59.
17. Levin, Eve. Healers and Witches in Early Modern Russia// Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects, ed. Yelena Mazour-Matusevich and Alexandra S. Korros. Leiden: Brill, 2010. Pp. 105–133.
18. Lingo, Alison Klairmon. Empirics and Charlatans in Early Modern France: The Genesis of the Classification of the 'Other' in Medical Practice// Journal of Social History 19, no. 4 (1986). Pp.583–603.
19. Pushkareva, Natalia. Women in Russian History: Frome the Tenth to the Twentieth Century. Armonk: M.E. Sharpe, 1997.
20. Richter, Wilhelm Michael von. Geschichte der Medicin in Russland, t. 2. Moscow: N.S. Wsewolojsky, 1815.
21. Unkovskaya, Maria V. Brief Lives: A Handbook of Medical Practitioners in Muscovy, 1620–1701. London: Wellcome Institute for the History of Medicine, 1999.

О.И. Лисицына
Россия, г. Тверь, Тверской государственный университет

ГЕНДЕРНАЯ ЦЕНЗУРА И ЛИТЕРАТУРА «НЕ ДЛЯ ДАМ» В КОНТЕКСТЕ СЕКСУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

Моё знакомство с Натальей Львовной Пушкарёвой состоялось в начале осени 2012 г., в ходе подготовки V Международной конференции РАИЖИ, проходившей в Твери, на базе Тверского государственного университета. Я как раз начала там работать специалистом по

* Грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-3743.2018.6.

УМР кафедры всеобщей истории и помогала заведующей кафедрой А.В. Беловой в подготовке конференции. И в какую-то из суббот незадолго до конференции к нам на кафедру приехала Наталья Львовна, которую я тогда, конечно, давно уже знала, но только по работам, таким как «Женщины Древней Руси» – и никак не ожидала, что исследовательница с мировым именем окажется такой позитивной, доброжелательной, отзывчивой и лёгкой в общении. Спустя несколько месяцев я уже училась в очной аспирантуре ИЭА РАН под научным руководством Натальи Львовны…

* * *

Характерной особенностью дворянской речевой культуры конца XVIII – первой половины XIX в., безусловно, следует признать существенную разницу мужского и женского письма, что наиболее явственно проявляется, когда речь идёт о сфере чувств, любовных переживаний, а особенно – сексуальности. В конце XVIII в., когда в российской литературе начинает развиваться сентиментализм, образованные дворяне активно заимствуют соответствующий дискурс и культивируют новую систему речевых практик, связанных с любовью и сексом. Мужчины начинают смело выражать свои чувства, заимствуя слог из французских романов, женщины же и в этот период, и позднее по-прежнему «демонстрируют скованность, самоограничение, погружённость в себя и значительно большую приверженность традиционным устоям» [12, с. 64–65]. Такая картина обусловлена «двойственной моделью» сексуального поведения, характерной для российского дворянского общества в данный период и влияющей на формирование двух различных систем морально-этических норм – женской и мужской.

Яркий пример, демонстрирующий подобную двойственность, – существование в дворянской литературе такой категории, которую, используя формулировку издателя русских «непечатных» поэтических произведений в Женеве в 1879 г., можно обозначить как литература «не для дам» [18]. Такое название прекрасно характеризует целое явление пушкинской поры, да и всего интересующего нас периода, ведь произведения фривольного, «озорного» (и по большей части – эротического) содержания писали как сам А.С. Пушкин, так и М.Ю. Лермонтов, а кроме общеизвестных классиков русской литературы ещё и малоизвестные в нашей стране до недавних пор «непечатные классики» – И.С. Барков, А. Полежаев и многие другие. Данный пласт литературы свидетельствует о существовании достаточно хорошо развитого дискурса сексуальности, создаваемого, однако, исключительно мужчинами и существующего в сугубо мужской среде, ведь не вызывает сомнений, что женщины не только не писали ничего подобного, но и не читали такого рода сочинения (в альбоме А.П. Керн А.С. Пушкин написал характерное четверостишие о И.С. Баркове, демонстрирующее обозначенную исключённость женщины из дискурса сексуальности: «Не смею вам стихи Баркова // Благопристойно перевесть // И даже имени такова // Не смею громко произнесть!» [7]).

Разумеется, подобные произведения не печатались и не предназначались для печати, ведь данный период характеризуется настолько жёсткой официальной цензурой, что купюры накладывались и на гораздо более нейтральные формулировки. Как утверждает М. Фуко, система государственных запретов обычно наиболее плотно окутывает две сферы – власти и сексуальности. Что касается первой – об этом уже не раз писалось в историографии [19 и др.], о второй же говорит в первую очередь само понятие «нецензурный», актуальное и применяемое до сих пор в отношении ненормативной лексики, этимологически связанной с телесным «низом». Однако, безусловно, государственная цензура в отношении дискурса сексуальности распространялась на гораздо более обширные его пласты. Этот ее аспект достаточно ёмко характеризует в своих «Дневниках» А.Н. Вульф: «Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензировали его “Графа Нулина”: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп» [4, с. 28]. Как видим, любой сексуализированный дискурс пресекается уже на уровне государственной цензуры.

Однако не менее важно, что в данный период цензура в отношении сексуальности осуществляется не только на государственном, но и на «частном» уровне. Факт наличия своего

рода внутрисемейной цензуры подтверждает следующее высказывание того же Пушкина: «как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик» [15, с. 332]; это находит подтверждение и в IV главе «Евгения Онегина», где Ленский «… читает Оле // нравоучительный роман… // А между тем две, три страницы // (Пустые бредни, небылицы, // Опасные для сердца дев) // Он пропускает, покраснев» [13, с. 250]. Данные примеры демонстрируют табуирование информации на сексуальные и околосексуальные темы в первую очередь для «дев», «девушек», то есть незамужних представительниц дворянского сословия.

Существование подобных запретов неоднократно упоминается и дворянками в воспоминаниях о своём воспитании – как домашнем: «рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения. Детских книг у меня немного, и я все их уже знаю почти наизусть; гувернантка никогда не позволяет мне прочесть какую-нибудь книгу, даже предназначенную для детей, не прочтя ее предварительно сама; а так как она читает довольно медленно и ей постоянно некогда, то я нахожусь, так сказать, в хроническом состоянии голода насчет книг…» [8], так и институтском: «…лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше» [3, с. 365]; «мы <…> окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочитать запрещенную книгу (романы нам не позволялись)» [21]. На основе этого можно сделать вывод, что такого рода цензура была общим местом в системе женского дворянского воспитания, а пушкинский образ «барышни уездной» «С печальной думаю в очах, // С французской книжкою в руках» [13, с. 316] отражает, скорее, стереотипный «мужской взгляд» на женскую повседневность, а не реальную ситуацию. «Кроме того представления «об опасности “неразборчивого” чтения для барышень» были аккумулированы писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, достаточно популярной в России в начале XIX в., в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий» [20], что могло также способствовать распространению представлений о вреде подобного рода «просвещения» среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Характерно, что и в 1860-е гг., когда либеральные идеи уже в известной степени повлияли и на женское самосознание, и на отношение к женщине в обществе, а «женский вопрос» уже стал частью прогрессивной общественной мысли, «демократ по своим убеждениям» [3, с. 357] инспектор Смольного института К.Д. Ушинский демонстрирует тем не менее схожие представления о необходимости цензуры в отношении юных воспитанниц: «…только никогда *не читайте книг, не посоветовавшись раньше со мною*, а Павского, пожалуйста, не раскрывайте больше» [3, с. 383]. С вышесказанным коррелирует и воспоминание С.А. Толстой, жены и помощницы Л.Н. Толстого, так же относящееся к 60-м гг. XIX в.: «Помню, я раз очень огорчилась, что Лев Николаевич написал цинично о каких-то эпизодах разврата красавицы Елены Безуховой. Я умоляла его выкинуть это место; я говорила, что из-за такого ничтожного, малоинтересного и грязного эпизода *молодые девушки будут лишены счастья читать это прелестное произведение*. И Лев Николаевич сначала неприятно на меня огрызнулся, но потом выкинул все грязное из своего романа…» [22, с. 67].

Очевидно, подобная гендерная цензура существенно ослабевает после замужества дворянки (что, в частности, подтверждает пример упомянутой С.А. Толстой) – не столько в связи со сменой лиц, в зависимости от которых она находилась, сколько ввиду значительной перемены в ее статусе и приобретения ею непосредственного сексуального опыта. Безусловно, такого рода градация была весьма существенной в жизни дворянской женщины, но все же не всегда контроль за ее «нравственностью» ослабевает в браке, как, например, это было в случае с А.Е. Лабзиной, жившей после замужества в доме М.М. Хераскова: «они, *видя мою детскую невинность и во всем большое незнание… начали меня удалять* <…> в гости никуда не брали, ни в театры, ни на гулянья» [10, с. 53] – очевидно, ввиду крайней сексуальной непросвещённости и раннего вступления в брак 15-летняя замужняя дворянка продолжает восприниматься как «невинная» девушка и подвергаться на

этом основании прежней, характерной для незамужних дворянок, депривации.

Главным запретом в рамках обозначенной цензуры на протяжении всего интересующего нас периода остаётся недозволенность «самостоятельного» чтения девушкой иностранных романов: «…приучили… утром заниматься *хорошей книгой, которые мне давали, а не сама выбирала. К счастью, я ещё не имела случая читать романов*, да и не слыхала имени сего… Наконец, спросила у Елизаветы Васильевны, о каком она все говорит Романе, а я его у них никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются; “но *тебе их читать рано и нехорошо*”» [10, с. 53], поскольку они могли бы дать ей доступ хотя бы к малейшей информации на сексуальные темы, ведь, в сущности, в рассматриваемый период подобного рода литература являлась фактически единственным источником подобных познаний [1, с. 262–263]. Однако, очевидно, что и любая другая литература, содержащая соответствующий дискурс, ей также не дозволяется – в том числе и многие из произведений отечественных сочинителей, в частности, содержащие известную долю эротизма поэтические произведения первой половины XIX в. (Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, Н.М. Языкова, Д.В. Давыдова и мн. др.) не говоря уже о «непристойных» стихотворениях этих и прочих авторов (например, П.А. Вяземский «Сравнение Петербурга с Москвой», Н.М. Языков «Н.Д. Киселёву» и мн. др.). Более того, Пушкин считает, что «если б “Недоросль”, сей единственный памятник народной сатиры, “Недоросль”, которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, если б “Недоросль” явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою… “Что скажут дамы! – воскликнул бы критик, – ведь эта комедия может попасться дамам!”…» [15, с. 331], следовательно, можно сделать вывод о том, что на протяжении первой половины XIX в. происходит лишь ужесточение сексуальной морали через систему представлений о «пристойном» и «позволительном» для дам чтении.

Впрочем, помимо этого, отсутствие доступа дворянки к отечественной литературе могло иметь под собой и другие основания. Так, в первой половине XIX в. «дамским» языком в высшем обществе считается французский или смесь французского и русского языков, в связи с чем многие «модницы» вовсе не читают русскую литературу [11, с. 54–55; 76.]. Однако, безусловно, не сами барышни определяли для себя подобную специфику образования: «сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках» [3, с. 367]; «я страстно люблю поэзию <…> Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии… у нас была довольно большая библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было. Я никак не могла дождаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова…» [8]. Разумеется, такая хрестоматия, «купленная по настояниям учителя», содержала соответствующую выборку произведений, представляя собой «дозволенное» с точки зрения «прюдкой» гувернантки чтение для девочки. Но все же, судя по всему, даже некоторые из «печатных» и «цензурных» по тем временам произведений российских авторов создаются также «не для дам» – о подобной «исключённости» дворянских девушек и даже многих женщин (разумеется, значимое исключение составляли жёны литераторов, так или иначе погружённые в литературную среду, хозяйки модных салонов и те немногие женщины, которые имели возможность следить за литературной жизнью) свидетельствует учреждение лишь в 1859 г. специализированного женского издания – журнала «Рассвет». Разумеется, это вовсе не означает, что ими не читались газеты и литературные журналы – так, Елизавета Быкова в письме своей приятельнице и родственнице Вере Аксаковой сообщает: «добрейшаго Сергея Тимофеевича статью я читала в московских газетах, хоть и не было его фамилии, но я догадалась по первым буквам. [Трощинский] выписывает все журналы и газеты, и я с жадностью пересматриваю все, дабы найти о брате» [2, л. 9]. Конечно, это письмо характеризует уже середину XIX в., но даже тогда, по-видимому, подобные практики не были всеобщими.

Очевидно, что зачастую даже обращение поэта к женщине в своих «публичных» сочинениях вовсе не гарантирует не только того, что произведение предназначено его мнимой адресатке,

но и того, что оно предназначается для женского прочтения как такового. Одним из множества примеров может служить стихотворение «Решительный вечер» Д.В. Давыдова, которое по стилистическим особенностям и смысловой нагрузке близко многочисленным «внутримужским» поэтическим «посвящениям», но при этом содержит адресацию к женщине: «Сегодня вечером увижусь я с тобою, // Сегодня вечером решится жребий мой <…> Но если счастие назначено судьбою // Тому, кто целый век со счастьем незнаком, // Тогда… о, и тогда напьюсь свинья свиньёю // И с радости пропью прогоны с кошельком!» [5]. Следует заключить, что мужчина-автор, даже обращаясь в своих произведениях к женщине, по-прежнему ориентируется в первую очередь на читателя-мужчину, поскольку по мнению А.С. Пушкина, женщин и вовсе не интересует поэзия [15, с. 324–341]. При этом, что собственно женские тексты демонстрируют совершенно иную картину: «Он (П.А. Плетнёв – *О.Л.*) принёс мне несколько отрывков из новой поэмы, которою занят в настоящий момент Пушкин <…> Сохрани их, – это драгоценность, так как это – руки самого Пушкина…» [6, с. 233–234]; «…я… с жадностью читала: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Разбойники» и 1-ю главу «Онегина», которые доставлял мне сосед наш Аркадий Гаврилович Родзянко <…> Восхищённая Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском» [7]; «…я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из “Мцыри” или из “Кавказского пленника”…» [8].

На основании нового дискурса о чувствах в российском дворянском обществе формируется соответствующая система представлений и речевых практик, однако, будучи по своему происхождению «мужской», она воспринимает женщину лишь как объект, обезличивает женское любовное чувство, подвергая его определённому упорядочиванию дискурсов и отстраняя женщину от наиболее значимых из них. Все это также сказывается и на произведениях недавно возникшей женской автодокументалистики, увеличивая различия мужского и женского письма.

Но период конца XVIII – середины XIX в. характеризует разница не только «женского» и «мужского» дискурсов, но ещё и расслоение внутри сугубо «мужских» дискурсивных практик о сексе, в рамках которых наиболее противопоставлены друг другу два пласта. Чтобы наглядно продемонстрировать сосуществование двух данных способов выражения сексуальности в тексте, можно привести «хрестоматийный» пример – отношения А.П. Керн и А.С. Пушкина: известно, что именно ее в своём знаменитом стихотворении поэт называет «мимолётным виденьем» и «гением чистой красоты» [14, с. 351], формируя некий «публичный» дискурс; в то же самое время в рамках дискурса «приватного», «закрытого», «мужского» (в письмах друзьям-мужчинам – А.Н. Вульфу, С.А. Соболевскому) поэт между делом упоминает «m-me Kern, которую с помощию божией… на днях [у…б]» [17, с. 273] и называет ее «Вавилонской блудницей» [16, с. 232]. Разумеется, данный пример далеко не единственный, но он наиболее ярко свидетельствует о поляризации дискурсов мужской сексуальности, об усилении «рассогласованности чувственности и нежности» [9, с. 78], характеризующих мужскую систему речевых, касающихся практик секса в конце XVIII – первой половине XIX в.

Итак, в рассматриваемый период система сексуального дискурса в рамках дворянского сословия развивается в двух различных направлениях. Одно из них, будучи сугубо «мужским», являет собой пример экспрессивного, в большей или меньшей степени непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой (которая зачастую могла быть обсценной), толерантным отношением к проявлениям своей и чужой (но, как правило, только мужской) чувственности; второе же, открытое женщине, оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным и эвфемистичным.

Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом из них, но были из него сознательно исключены и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их полу модели сексуального поведения – в том числе и речевого. В наиболее невыгодном положении оказываются девушки-дворянки: им позволяется читать только то, что заведомо исключает сколько-нибудь значимую информацию о сексуальности, и это блокирует для них фактически единственный возможный способ сексуального просвещения. В целом и «серьёзная» русская литература ориентируются в большинстве своём на мужского читателя, а что читать барышне – это за нее должны решать те, кто занимается

ее воспитанием (и чаще всего таким «контролёром» половой морали в данный период оказывается гувернантка). В связи с этим в женских автодокументальных текстах трудно отыскать сколько-нибудь выраженную сексуальную тематику (более или менее явственно она проступит в женском письме не раньше рубежа XIX – XX вв.), ведь существовавшая в обществе «модель сексуальной строгости» [23, с. 251] блокировала соответствующие речевые практики, в особенности в отношении девушек и женщин.

Библиографический список

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.
2. Быкова Е.В. (урожд. Гоголь-Яновская) Письма Е.В. Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–42.
3. Водовозова Е.Н. На заре жизни. Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб, 1911.
4. Вульф А.Н. Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827–1842 годов. Тверь, 1999.
5. Давыдов Д.В. Решительный вечер [Электронный ресурс]. URL: http://ouc.ru/davydov/reshitelnui-vecher.html (дата обращения: 15.12.2018).
6. Дельвиг С.М. Письмо С.М. Дельвиг к А.Н. Семеновой от 13 октября 1824 г. Цит. по: Модзалевский Б.Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С.М. Дельвиг // Пушкин и его современники. Избранные труды. СПб, 1999. С. 233–234.
7. Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern a p/text 0020.shtml (дата обращения: 30.11.2018).
8. Ковалевская С.В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya memoirs.htm (дата обращения: 17.12.2018).
9. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995.
10. Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб., 1903.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006.
12. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.
13. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. М., 1986. Т. 2. С. 186–354.
14. Пушкин А.С. К* // Сочинения. В 3-х т. М., 1985. Т. 1. С. 351.
15. Пушкин А.С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д, Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 6. С. 324–341.
16. Пушкин А.С. Письмо А.С. Пушкина к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д, Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 9. С. 232.
17. Пушкин А.С. Письмо А.С. Пушкина к С.А. Соболевскому. Вторая половина февраля 1828 г. из Петербурга в Москву // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д, Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 9. С. 273.
18. Пушкин А.С. Стихи не для дам. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litmir.net/br/?b=136353&p=1 (дата обращения: 08.05.2018).
19. Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. М., 1987.
20. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba new/world/16 3 01.htm. (дата обращения: 29.05.2015).
21. Стерлигова А.В. Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html (дата обращения: 25.02.2019)
22. Толстая С.А. Моя жизнь // Октябрь. 1998. № 9.
23. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев, 1998.

Е.Н. Меньшикова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: К ИСТОРИИ «БЕЛГОРОДСКОЙ ВЕТВИ» НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Н.Л. ПУШКАРЁВОЙ

Современную отечественную историческую науку сложно представить без такого актуального направления, как гендерная и женская история, сложившегося в России благодаря много-

летнему научному служению Натальи Львовны Пушкарёвой. Профессиональная подготовка историков в настоящее время невозможна без освоения приемов гендерной экспертизы исторических источников. На историческом (с 2013 г. – историко-филологическом) факультете Белгородского государственного университета (БелГУ) в студенческой аудитории об исследованиях Натальи Львовны, о гендерной истории первой заговорила медиевист Алла Александровна Дворецкая. Именно она знакомила студентов с новым направлением в отечественной историографии. Происходило это на лекциях по истории западноевропейского Средневековья и в рамках специального научного семинара кафедры всеобщей истории, руководимого А.А. Дворецкой, в начале 1990-х годов. А.А. Дворецкая предложила своим дипломникам разрабатывать женскую тематику на материале западноевропейской средневековой истории и культуры (например, С.В. Бегоулова «Образ женщины в литературе и изобразительном искусстве немецкого Возрождения», 2004; О.В. Глушкова «Формирование гендерной идентичности женщины в ренессансной культуре Италии и Германии второй половины XV – первой трети XVI в. (по материалам изобразительных источников)», 2006; Е.Н. Шкуропат «Модель феминности в живописи Венеции конца XV – третьей четверти XVI века», 2007).

Спустя годы гендерная и женская история, представленная исследованиями Н.Л. Пушкарёвой, прочно вошли в научную работу и содержание профессионального исторического образования на Белгородчине. Личная встреча и знакомство студентов и преподавателей БелГУ с Натальей Львовной произошло в 2007 г., когда ею был прочитан курс лекций.

Еще одним рубежом освоения белгородскими историками гендерной методологии было дистанционное изучение авторского курса Н.Л. Пушкарёвой «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методики» в рамках программы «Введение в гендерные исследования» в Харьковском центре гендерных исследований (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина) в сентябре 2006 г. – июне 2007 г.

Проблемы гендерной и женской истории включены в поле исследовательского внимания преподавателей и студентов историко-филологического факультета БелГУ. Чаще всего они исследуются на региональном уровне: в рамках Центрального Черноземья и, прежде всего, Курской и Воронежской губерний, а также территории современной Белгородской области.

Исследовательская работа преподавателей историко-филологического факультета в области гендерной и женской истории имеет уже «видимые очертания». В 2000-е гг. на кафедре российской истории в рамках сложившегося научного направления «Эволюция основных сословий Центрального Черноземья» под руководством д.и.н., профессора В.А. Шаповалова, к.и.н., доцента И.Т. Шатохина были подготовлены и защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (в 2003 г. – С.П. Шаповаловой; в 2007 г. – В.Л. Колесниковой и Л.А. Бровкиной; в 2008 г. – Е.Н. Меньшиковой; в 2011 г. – С.Б. Шатохиной) [1; 7; 9; 14; 15]. Совокупным результатом этих исследований стала характеристика картины женского мира провинциальной России в сословном измерении: дворянки, женщины из духовного сословия, купчихи, крестьянки.

Расширение тематики и хронологических рамок научных исследований преподавателей факультета по женской и гендерной истории стало возможным и благодаря поддержке российских грантодающих фондов. В предметное поле финансируемых исследований были включены проблемы социальной истории женщин различных сословий Центрального Черноземья в середине XIX – начала XX века, складывания женского сегмента культурной жизни русского провинциального города конца XIX – начала XX в., установления гендерного равенства в советском обществе, освоения новых информационных возможностей исторических источников по женской истории.

Проекты ученых историко-филологического факультета в области гендерной и женской истории находили поддержку в российских фондах (например, в 2006 г. Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) был поддержан проект «Эволюция женского мира купеческого сословия Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX в.» (№ проекта 06-01-55104а/Ц), руководитель – В.А. Шаповалов, исполнитель – Е.Н. Меньшикова; в 2009 г. – проект РГНФ № 09-01-55101а/Ц «Эволюция женского мира Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX в.», руководитель – С.П. Шаповалова, исполнители – В.Л. Колесникова, И.Г. Оноприен-

ко, Е.Н. Меньшикова; в 2012–2013 гг. – проект № МК-843.2012.6 в рамках гранта Президента РФ «Женщина «нового типа» и культурная жизнь русского провинциального города конца XIX – начала XX в. (на примере Центрального Черноземья)», руководитель – Е.Н. Меньшикова, исполнители – М.Ю. Семенов, И.А. Шеенко; в 2013 г. – проект РГНФ № 13-31-01255/13 «Малая юмористическая проза («картинки из купеческого быта») как новый исторический источник по женской истории русского купечества конца XIX – начала XX века», руководитель – Е.Н. Меньшикова; в 2019 г. – проект Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 19-09-00359/19 «Женщины в системе управления движением железнодорожного транспорта в СССР в 1970-е – начале 1990-х гг.: профессия и установление гендерного равенства (по материалам Белгородского отделения Южной железной дороги МПС СССР)», руководитель – Е.Н. Меньшикова, исполнители – К.В. Козлов, С.Р. Губаева).

Гендерное прочтение отечественной истории было бы невозможно без профессионального общения со специалистами по гендерной и женской истории, прежде всего с Н.Л. Пушкарёвой, а также российскими и зарубежными коллегами. Возможность такого общения историки БелГУ находят на международной научной конференции, ежегодно организуемой Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ) во главе с Натальей Львовной. Эта уникальная междисциплинарная конференция позволяет провинциальным историкам составить представление об актуальных направлениях в гендерной и женской истории и познакомиться с важнейшими открытиями в этих областях и новыми методологиями в исторической науке. За одиннадцатилетнюю историю этого форума в разные годы его участникам были представлены шесть докладов преподавателей историко-филологического факультета БелГУ [8; 10; 11; 12].

На данный момент промежуточным итогом разработки проблем женской и гендерной истории на историко-филологическом факультете БелГУ можно считать коллективную монографии «Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX в.» (Белгород, 2011) [13]. Отдельные главы этой монографии посвящены характеристике изменений стиля жизни женщин разных сословий Центрально-Черноземного региона в период капиталистических преобразований российского общества.

Н.Л. Пушкарёва внесла основополагающий вклад в организацию учебно-методической работы по освоению студентами российских вузов навыков применения гендерного подхода к анализу исторических явлений. Не стал исключением и историко-филологический факультет БелГУ. Логика и принципы построения авторского курса Н.Л. Пушкарёвой «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методики» стали основой для разработки учебно-методического обеспечения дисциплины «Гендерная история» и ее внедрения в образовательный процесс в рамках направления подготовки 46.04.01 История (магистерская программа «История России в контексте мировой истории»). Дисциплина «Гендерная история» изучается в течение одного семестра магистрантами второго курса очной и заочной формы обучения на историко-филологическом факультете БелГУ с 2014/2015 учебного года.

Научная работа студентов по вопросам гендерной и женской истории осуществляется под руководством преподавателей факультета и реализуется в форме *научных статей* [2; 3; 4; 5; 6; 17; 18; 19], а также *в курсовых работах* (например, С.Р. Губаева «Рефлексии события 14 декабря 1825 г. в женском нарративе дворянского сословия второй четверти – середины XIX в.», научный руководитель доцент Е.Н. Меньшикова, 2012; и др.); *в дипломных работах специалистов* (например, А.Л. Алавердян «Личность царевны Софьи как государственного и политического деятеля России второй половины XVII-начале XVIII вв. в отечественной историографии», науч. рук. – доц. К.В. Козлов, 2004; Е.В. Безродная «Российская балерина М.Ф. Кшесинская: судьба и творчество», науч. рук. – проф. А.Н. Мошкин, 2004; Е.А. Белиновская «Женское движение в России во второй половине XIX – начале XX века», науч. рук. – доц. И.Т. Шатохин, 2005; Е.А. Серебровская «Социальный облик провинциального учителя конца XIX – начала XX века (на материалах Белгородского уезда Курской губернии)», науч. рук. – доц. Е.Н. Меньшикова, 2008); *в выпускных квалификационных работах уровня бакалавриата* (например, О.А. Кравченко «Русско-украинская традиция в эволюции женского костюма Бел-

городчины в конце XVI–XIX вв.», науч. рук. – доц. С.П. Шаповалова, 2008; И.А. Шеенко «Изменение структуры повседневности советской женщины в годы Великой Отечественной войны (на материале Курской области)», науч. рук. – доц. Е.Н. Меньшикова, 2011; Т.Ю. Игнатовская «Жизнь и общественная деятельность графини С.В. Паниной», науч. рук. – доц. А.С. Пушкарёв, 2012; Л.А. Шарикова «Воспитание и социализация девочек в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Бирюченского уезда Воронежской губернии)», науч. рук. – доц. С.П. Шаповалова, 2013; Е.П. Рожкова «Социализация русской женщины в XIX в.: детство, юность, замужество (на примере Центрального Черноземья)», науч. рук. – проф. В.А. Шаповалов, 2014; А.А. Березуцкая «Социальный портрет советской женщины в женской периодической печати в 1960–1980-е годы, науч. рук. – доц. М.А. Сергиенко», 2015; Э.Н. Ткачева «Трудовая деятельность женщин в сельскохозяйственном производстве Белгородской области в 1960–1980-е годы (по материалам региональной периодической печати)», науч. рук. – доц. М.А. Сергиенко, 2015; Н.А. Пономарева «Н.В. Плевицкая в оценках современников и историков», науч. рук. – ст. преп. С.Б. Шатохина, 2015; Д.С. Пономарева «Участие женщин-военнослужащих Красной Армии в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (по материалам эго-документов)», науч. рук. – доц. К.В. Козлов, 2018; и др.); *в выпускных квалификационных работах уровня магистратуры* (например, И.И. Домашенко «Повседневная жизнь поместного дворянства в XIX веке в женских мемуарах (по воспоминаниям Е.Н. Водовозовой, С.В. Ковалевской, Е.Ю. Хвощинской)», науч. рук. – ст. преп. С.Б. Шатохина, 2015; С.Р. Губаева «Женщины-интеллектуалки в системе социальных отношений в российской провинции в конце XIX – начале XX века (на материале Курской губернии)», науч. рук. – доц. Е.Н. Меньшикова, 2018; В.В. Костырко «Участие женщин в организации и деятельности общественных организаций в Курской губернии в конце XIX – начале XX века», науч. рук. – доц. К.В. Козлов, 2019; А.О. Ольховская «Участие женщин в организации и деятельности коммерческих организаций в России в конце XIX – начале XX века», науч. рук. – доц. К.В. Козлов, 2019 и др.

Студенты, занимающиеся исследованиями в области гендерной и женской истории, имеют возможность представить полученные научные результаты на Международном научном форуме молодых историков «Белгородский диалог». Это научное мероприятие ежегодно проводится на историческом факультете с 2008 года (до 2015 г. – совместно с историческим факультетом Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина). «Белгородский диалог» является площадкой для научного общения молодых историков России, Украины, Белоруссии по самому широкому спектру вопросов исторической науки. Одним из направлений работы форума является женская и гендерная история: в рамках форума традиционно работает отдельная секция «Гендерная история».

Как показывает образовательная практика на историко-филологическом факультете БелГУ, проблемы женской и гендерной истории в XXI в. имеют не только научную актуальность, но и сохраняют социальную значимость. В молодежной картине мира наблюдается столкновение мировоззренческих установок в понимании ролей мужчины и женщины в обществе, идеи равноправия женщин. И в этой связи деятельность Н.Л. Пушкарёвой давно вышла за рамки исключительно академической работы и приобрела широкий просветительский характер [16], позволяющий студентам и специалистам-историкам не только расширить собственное в*и*дение отечественной истории, но и преодолеть устойчивые гендерные стереотипы, существующие в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Бровкина Л.А. Дворянская женщина Центрального Черноземья в 50– 90-е годы XIX века: исторический портрет: Дисс… канд. ист. наук. Белгород, 2007.
2. Губаева С.Р. Врачебная и фельдшерско-акушерская служба «женщин-интеллектуалок» в российской провинции в начале XX века (на примере Курской губернии) // Белгородский диалог–2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов IX Международного молодежного научного форума, г. Белгород, 19–21 апреля 2017 г. / отв. ред. И.И. Чумак–Жунь. Белгород, 2017. С. 202–205.
3. Губаева С.Р. Декадентское мировосприятие русской интеллигентки в переходную эпоху рубежа XIX–XX веков (на примере воспоминаний Н.И. Петровской) // Белгородский диалог–2016. Проблемы филологии, все-

общей и отечественной истории: сборник материалов VIII Международного молодежного научного форума. Белгород, 7–9 апреля 2016 г. / отв. ред. А.И. Папков. Белгород, 2016. С. 170–175.
4. Губаева С.Р. Педагогический труд женщин «нового типа» на примере Курской губернии // Белгородский диалог – 2018: проблемы истории и филологии. Материалы X Международного молодёжного научного форума. Белгород, 18–23 апреля 2018 г. Белгород, 2018.
5. Губаева С.Р. Рефлексии события 14 декабря 1825 года в женском нарративе дворянского сословия второй четверти – середины XIX в. // Белгородский диалог – 2014. Сборник избранных научных трудов Международного молодежного научного форума / отв. ред. Д.Е. Богданов (г. Белгород, 27–29 марта 2014 г.). Белгород, 2014. С. 90 –95.
6. Губаева С.Р. Социальные проблемы женского медицинского персонала на уездном уровне (по материалам журналов заседаний уездных земских собраний Курской губернии) // Живая память – 2018: сборник научных трудов открытой конференции начинающих ученых и исследователей «Живая память – 2018» (с. Верхопенье, 4 мая 2018 г.) / отв. ред. Д.М. Кременев. Белгород, 2018. С. 36–41.
7. Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губерний: Дисс… канд. ист. наук. Белгород, 2007.
8. Колесникова В.Л. Правовое положение женщины духовного сословия второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Курской и Тамбовской губерний) // Гендерное равноправие в России. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию Первого всероссийского женского съезда 1908 года. (СПб., 21–23 марта 2008 г.). СПб., 2008. С. 147–151.
9. Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90–е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний): Дисс… канд. ист. наук. Белгород, 2008.
10. Меньшикова Е.Н. Эволюция правового статуса купеческой женщины Центрального Черноземья в 60–90–х годах XIX века (на материалах Курской и Воронежской губерний) // Гендерное равноправие в России. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100 – летию первого всероссийского женского съезда 1908 года. (СПб., 21–23 марта 2008 г.). СПб., 2008. С. 176–179.
11. Меньшикова Е.Н., Иванова Н.Н. Деловая активность женщин-купчих в обрабатывающей промышленности Курской губернии в конце XIX – начале XX века // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. (г. Архангельск, 7–10 сентября 2017 г.): В 3 томах / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Т.И. Трошина. М., 2017. Т. 1. С. 127–130.
12. Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Экспектации супругов в купеческой семье конца XIX в. (опыт применения case–study) // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. (г. Смоленск, 13–16 октября 2016 г.): в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Мицюк. Смоленск. М., 2016. Т 2. С. 386–389.
13. Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород, 2011.
14. Шаповалова С.П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60–90–е годы XIX века: Исторический портрет: Дисс… канд. ист. наук. Белгород, 2003.
15. Шатохина С.Б. Эволюция образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности (по материалам Воронежской и Курской губерний): Дисс… канд. ист. наук. Белгород, 2011.
16. Шевелева С. Гендеролог Наталья Пушкарёва – о продолжении сексуальной революции и неудачах российского феминизма. URL: https://www.the–village.ru/village/people/city–news/162785–chto–novogo–genderolog (дата обращения: 01.02.2019).
17. Шеенко И.А. Деятельность женских добровольно–строительных бригад в городе Белгороде Курской области в 1943–1945 гг. // Одесские чтения: актуальные проблемы истории, археологии и этнологии: материалы международной конференции (г. Одесса, 15–16 апреля 2011 г.) / гл. ред. В. Г. Кушнир. Выпуск III. Одесса, 2011. С. 268–270.
18. Шеенко И.А. Трансформация гендерной идентичности женщины в годы Великой Отечественной войны (на примере Курской области) // Материалы XXVIII–й международной научной краеведческой конференции молодых ученых (ХНУ имени В. Н. Каразина, 17 декабря 2010 г.). Харьков, 2011. С. 15–16.
19. Шеенко И.А. Трудовая повседневность женщин в селах Курской области в 1943–1945 гг. // Белгородский диалог – 2011. Тезисы III Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов / отв. ред. С.Н. Прокопенко (г. Белгород, 15–16 апреля 2011 г.). Белгород, 2011. С. 123–124.

М.В. Михайлова

Россия, г. Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЛИДИЯ ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ И ФРИДА КАЛО: ПРИТЯЖЕНИЕ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Эти две женщины родились в разных странах в разное время. Одна – Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал – в России. Другая – Магдалена Кармен Фрида Кало-и-Кальдерон, оставшаяся в живописи под именем Фриды Кало, – в Мексике. В каждой – смешение кровей, соединивших в их генах наследие разных культур. У Лидии аристократическая генеалогия: африканская кровь потомков пушкинских Ганнибалов и шведской знати (по матери) и сербских князей (по отцу). У Фриды – происхождение демократическое. Отец, по одним данным, немецкий, по другим – венгерский еврей. Однако во внешности ощущалось что-то цыганское (может быть, поэтому, зная, какая репутация у цыган, Гильермо Кало при эмиграции из Европы в Новый свет предпочел выдать себя за еврея). Во всяком случае густые, сросшиеся над переносицей, брови Фриды позволяют все же заподозрить цыганские корни. Со стороны матери в ее жилы влилась испанская и индейская кровь. Возможно, отсюда ее необузданный нрав, несокрушимая энергия и темперамент. И детство ее протекало в скромном доме: родители были поначалу обыкновенными служащими ювелирного магазина (правда, отец вскоре сделал карьеру выдающегося фотографа).

Лидия умерла в 1907 г., в том же году родилась Фрида. Для тех, кто верит в реинкарнацию, совпадение этих чисел может иметь мистический смысл. Частная жизнь каждой из них становилась материалом для сплетен и пересудов. Их мужья были заметнейшими людьми своего времени. Вячеслав Иванов, крупнейший русский поэт-символист, стал вторым мужем Зиновьевой-Аннибал, мужем Фриды был известнейший мексиканский художник Диего Ривера.

Афиширование своей личной жизни становилось непременной атрибутикой художественной культуры начала XX века, входило основным составляющим элементом в автобиографический миф о самом себе, который активно творили почти все представители модернистского искусства. Так поступили и эти две выдающиеся женщины, сделавшие ставку на публичность. Бурные отношения Фриды и Диего едва ли не сразу становились достоянием общественности. Их любовные связи на стороне, развод, а потом новое соединение должны были подтверждать миф о бесконечных трансформациях их любовного чувства и в то же время открытость миру и другим людям. Хорошо известна сложность любовных коллизий, сопровождавших семейную жизнь Зиновьевой-Аннибал в последние годы ее жизни, когда многосоставность создаваемой семьи прокламировалась Вяч. Ивановым как проявление идеи соборности, как возможность возникновения «новой человеческой общины», как «начало новой церкви, где Эрос воплощается в плоть и кровь» [9, с. 121]. Так интерпретировала эти союзы М. Сабашникова, которой суждено было в какой-то момент сыграть роль третьей в возникшем треугольнике. Диего Ривера не подводил столь масштабную базу под свои любовные эксперименты, но и он, по сути, пропагандировал раблезианско-дионисcийское жизнелюбие, которое было подхвачено женой.

О годе рождения Зиновьевой-Аннибал ходят противоречивые слухи. Его вычисляют обычно косвенно – по числу 42 сонетов, которые после ее смерти посвятил ей Вяч. Иванов. Следовательно, родилась она в 1865. Но сама она годом своего рождения (конечно, условно!) считала год встречи с будущим мужем – 1893, когда, как писал он впоследствии, не «только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и *в ней*» (курсив мой. – *М.М.*) [5, с. 20]. Но прежде чем возникнуть как самостоятельная и оригинальная писательница, Зиновьева-Аннибал предстала в литературном мире в образе Мэнады, вакханки в храме и на празднествах бога Диониса. Такую роль отвел ей провозвестник религии Диониса в России Вяч. Иванов. Фрида Кало тоже предпочла истинному более эффектный год рождения – год начала мексиканской революции – 1910! И она тоже поначалу явилась жрицей в храме Революции, которую пропагандировал Диего Ривера. Революции и марксизму она поклонялась всю жизнь. Перед смертью на ее

мольберте красовался недовершенный портрет Сталина. А последнюю свою картину, пронизанную верой в победу пролетарского движения, она назвала совсем «по-христиански» – «Марксизм воскресит страждущих» (1954).

Острейший порыв к творчеству эти две женщины ощутили после заточений, которым они подверглись в юности. Тяжелейшая автокатастрофа (школьный автобус, в котором ехала Фрида, столкнулся с трамваем, и железный штырь буквально пробуравил ее тело насквозь) привела к тому, что она на два года оказалась прикована к постели. Тогда Кало и начала рисовать. Отголоском этой скованности стала ее картина «Разбитая колонна» (1944), на которой она изобразила себя в металлическом корсете, туго стягивающем ее тело, в свою очередь сплошь утыканное маленькими гвоздиками. Сквозь торс проходит продольная рана, сквозь которую виднеется позвоночник – покрытая трещинами античная колонна. Такую метафору несвободы, против которой всю жизнь восставала, избрала Фрида Кало. Но метафора эта была очень конкретна.

Заточение Зиновьевой-Аннибал не было столь трагичным. Но не случайно самой удачной эмблемой ее творчества был признан рисунок М. Добужинского на обложке сборника «Трагический зверинец» (1907), изображавший вырывающийся за пределы решетки огонь (одна из рецензий на этот сборник была так и названа «Огонь за решеткой») [3]. Такой «решеткой» поначалу явилась для нее школа диаконисс в Германии, в которую отдали своенравную и необузданную девочку. О своих проделках, когда она изводила воспитательниц, искушала проказами и любовными играми одноклассниц, рассказала писательница в одной из повестей, вошедших в сборник «Трагический зверинец», проблематика которого сосредоточена вокруг борьбы со злом в себе, с дьявольскими искушениями, преследующими человека едва ли не с младенчества. В этой школе, где все ей было чуждо и отвратительно, она получила прозвище «Русский чёрт». Прозвище действительно отражало темную сторону ее души. Но в отличие от других она эту сторону не только не прятала, а намеренно проявляла, демонстрировала и выдавала за свою подлинную суть. Собственно, об этом и идет речь в упомянутой повести.

Данный мотив в ее творчестве удивительным образом корреспондирует с картиной Кало «Две Фриды» (1939). На ней (по сути, перед нами двойной автопортрет) изображены две женские фигуры с легко узнаваемыми лицами Фриды, держащиеся за руки, имеющие одну кровеносную систему, представленную в виде артерии, соединяющей их обнаженные сердца. Позади них – бушующее небо, контрастирующее с их невозмутимостью. Одна из женщин одета в белоснежное платье (это наряд мексиканского местечка Техуаны, который очень любил Ривера и который Фрида предпочитала всем остальным одеждам), другая – в платье темного цвета. Женщина в темном одеянии держит портрет Риверы. Его рамкой является артерия, которую другая обрезает хирургическими ножницами, при этом из артерии сочится кровь. Но это не означает конца жизни, т.к. пятна крови на ее белоснежном платье образуют ярко-красные цветы, служащие окантовкой ее юбки. Так Фрида решает проблему нерасторжимости зла и добра: женщина в темном способна любить (портрет-память в ее руках), женщина в белом готова на преступление (убийство), но она способна и на творчество (кровь преобразуется в прекрасные цветы).

Кстати, как протест против «закованности», воплощающейся в стереотипах модной одежды, можно трактовать и знаменитые огненно-рыжие хитоны (по другим версиям, красные рубахи), в которых появлялась Зиновьева-Аннибал на собраниях на знаменитой ивановской Башне. Вызывающе воспринимались и мексиканские шали, увитые лентами косы, ряды бус, чем украшала себя Фрида Кало. Следовательно, в избранных стилевых ориентациях можно обнаружить сходство этих двух женщин: фольклорно-мифологические предпочтения Фриды апеллируют к языческому миросознанию, как и обращенность к античности Лидии. В то же время очевидны и христианские основы их жизнетворчества: опора на католическую римскую иконографию заметна в искусстве Фриды, комплекс христианских идей, пусть и противоречиво, но разрабатывается в произведениях Зиновьевой-Аннибал.

Последняя необходимость придерживаться определенных правил хорошего тона, проповедуемых в обществе, тоже трактовала как заточение. Ведь она бесповоротно порвала с первым мужем, за которого наперекор родителям вышла замуж (он был ее домашним учителем), соблазнившись его речами о равноправии, социализме и прочем в том же духе. Когда Лидия узнала о

его изменах, то бежала с тремя детьми за границу. Последним ее бунтом против необходимости подчинения стало ее творческое размежевание со вторым мужем. Прежде его покорная ученица, аккуратно проиллюстрировавшая его эротические и дионисийские идеи в драме «Кольца», она высмеяла подобные эксперименты в ядовитой пьесе-перевертыше шекспировского «Сна в летнюю ночь» – «Певучий осел», изобразив блудливого Оберона, влюбившегося в Осла, в которого проказливый эльф превратил поэта Лигея. В Обероне она вывела своего мужа, главу петербургского клана символистов, что, конечно же, не осталось сокрытым от глаз современников. Это вызвало возмущение В. Брюсова, заявившего, что «трудно сохранять хладнокровие» при знакомстве с произведениями, в которых «под прозрачными псевдонимами» [7, с. 696] передаются интимные события. Иванов и сам начинал чувствовать ее творческую независимость и выразил это в словах, сказанных уже после ее смерти, когда вспомнил о ее последних днях. Отболели «гордые и горькие обиды», писал он, отошли в прошлое «сложнейшие смены любви и ненависти», не надо было больше «величаться и отчаиваться, замыкаться и уединяться в мире своих идей и эмоций», «отчаянно бороться за окончательную внутреннюю эмансипацию» [5, с. 748].

Каждой для того, чтобы творчески заявить о себе, «проявиться», пришлось испытать сильнейшее давление со стороны ярких художественных индивидуальностей супругов, совершить почти невозможное, чтобы вырваться из-под их «власти». Это потребовала таких невероятных усилий, что предопределило раннюю смерть Зиновьевой-Аннибал и тяжелые психические увечья Фриды. И в то же время сближает их великая, необоримая любовь к мужьям. Напомним об «Автопортрете в техуанском наряде (Думаю о Диего)», где Фрида изобразила себя с портретом мужа, впечатанным в лоб, что призвано символизировать поглощенность страстью, находящейся в противоречии с белым цветом невинности ее одеяния. Согласие следовать «указаниям» мужа прочитывается в жизненном поведении Зиновьевой-Аннибал (наряду с внутренним, может быть и неосознаваемым, противодействием ему, проявляющемся только в творчестве).

Обе женщины в определенный период начали сознательно конструировать свое творчество «по контрасту» с творчеством мужей. Если идеи Вяч. Иванова широковещательны и глобальны, то художественная мысль Зиновьевой-Аннибал максимально приближена к человеку и любому, даже мельчайшему, явлению бытия. Для ее художественной манеры характерно всматривание и рассматривание, например, мошки, которую одним движением руки лишает жизни гувернантка, или красного паучка, который больше напоминает булавочную головку, травинки, цветка и т.п. Этот принцип можно назвать поглощением окружающего пространства, включением его в область своего внутреннего бытия, предельной его интимизацией. Кажется, что у писательницы нет периферийного зрения. Она работает только с фотоувеличителем: все, что захватывает глаз, моментально приобщается к тому, что уже было увидено и «запротоколировано» ранее.

Примерно в таком же соотношении находится творчество Диего Ривьеры и Фриды Кало. Он – масштабный художник, создающий фрески, на которых изображены вехи жизни мексиканского народа. Его бунтарский дух, мощный и глубокий, обращен на социальные катаклизмы. Его фигуры декоративны, люди вписаны в окружающую обстановку, даже растворяются в ней, становятся равнозначны фону. Он воссоздает обобщенную религию освобождения Человека. Все подчинено идее социального преобразования мира.

Фриду же интересует только человеческая индивидуальность. И в качестве «объекта» чаще всего выступает она сама. В ее наследии множество автопортретов, на которых зафиксированы разные психические состоянии, травмы, переживания. На своих полотнах она занимается вивисекцией собственного тела. Поэтому у нее так много картин, в которых вовне вынесены внутренности («Без надежды»), или ее тело разрезано, и зритель может видеть то, что обычно скрыто от глаз. По картинам можно проследить всю ее жизнь, хотя «событийны», отражают произошедшее с ней (как, например, «Госпиталь Генри Форда», где она переживала последствия выкидыша) лишь немногие из них. И если даже и присутствует ее взаимодействие с окружающим природным или мифологическим миром, то мир этот – лишь проекция вовне ее души. Если же появляется Диего, то он или ребенок у нее на руках, либо медальон на ее шее, что по-своему воплощает

его зависимость от Фриды как Матери-природы. Поражает обнаженная откровенность ее художественных признаний (что отличает и Зиновьеву-Аннибал): она ничего не скрывает, открыто признается во всем, даже самом интимном, низменном открыто.

Погружение в бездны собственной души и тела характеризует творчество обеих. Предельный интерес к себе, к своим мыслям, чувствам, ощущениям можно объяснить тем, что никогда еще не было так отчетливо выражено женщинами стремление полно, откровенно и беспощадно рассказать о своем личном опыте, о своих, не пропущенных сквозь оптику мужского взгляда, переживаниях. Фрида называла свой взгляд на себя «честным самовыражением» [11, с. 329]. О Зиновьевой-Аннибал писали, что «женское тело, женская душа, женская доля прочувствованы ею с великой простотой и остротой» [3, с. 97].

Картины Фриды монологичны. Моноидеизм как одну из отличительных черт творчества жены выделял В. Иванов. Автобиографичность (даже фактографичность) произведений Зиновьевой-Аннибал была отмечена критиками (которые, кстати, в этом видели их недостаток). Откровенность ее признаний многих повергала в изумление (садомазохистские эпизоды, лесбийский привкус некоторых сцен «Трагического зверинца»).

Но подобное обнажение оборачивалось трагедией. Поэтому на полотнах Фриды так много красного цвета. С кровью ассоциируется даже мякоть спелого арбуза на картине, которая имеет символическое название «Да здравствует жизнь» (хотя к моменту ее написания автору оставалось совсем немного). Кровавость «Тридцати трех уродов» почувствовал В. Иванов, написавший жене в письме, что «глубокий замысел» этой вещи «почти не виден за красным покрывалом цвета живой крови» [8]. Конечно, лесбийский сюжет повести, как нам представляется, камуфлировал ее основную идею. Повествуя о любви двух женщин друг к другу и о трагическом ее разрешении, автор на самом деле предупреждал своего мужа о возможном неблагополучном исходе его экспериментов. Писательница оказалась близка к истине – вскоре после попыток «включения» поэта Сергея Городецкого и Маргариты Сабашниковой в их семью она тяжело заболела.

И художница, и писательница явились провозвестницами феминизма. Фриду никогда не покидала уверенность в нравственном превосходстве женщины. Отсюда ее несколько снисходительное, наравне с огромной, мучительной привязанностью, отношение к мужу. У нее были примеры из прошлого: в народе после мексиканской революции осталась песня «Ла Коронела», посвященная памяти женщины-командира. В окружении Фриды было несколько женщин, которые могли поддержать ее устремления. Это Науи Олин, художница и писательница, исповедовавшая принципы свободной любви, знаменитая фотограф Тина Модотти. Ее движение по жизни – это подлинная эволюция, творческое развитие, нравственные наработки. Хотя для того, чтобы осуществлять это, ей нередко приходилось и оступаться, и отступать, и даже падать.

Зиновьева-Аннибал даже попыталась создать содружество женщин (по примеру древнегреческого окружения Сафо), где женщины должны были красиво одеваться, читать свои произведения, обмениваться мыслями. Но несмотря на то, что в кружок вошли одни из самых умных и ярких женщин того времени (среди них была жена Блока), ничего путного не вышло. Писательница была захвачена идеями феминизма. Можно рассмотреть как его своеобразный манифест ее рецензию на роман французской феминистски актрисы Жоржет Леблан. В нем она провозгласила необходимость пестования влюбленности женщин в свой пол, которая должна выражаться в восторге перед «обожествляемой» в себе женственностью, в умении «облюбовать добрую красоту всех вещей», т.е. призвание женщины должно заключаться в воплощении в жизнь принципов гуманности и красоты. Подобный влюбленный эстетизм великодушен: женщина может даже «полунасмешливо» согласиться на роль зеркала, в котором мужчина постоянно будет видеть «свой образ украшенным любовью и отраженным бесконечностью». И именно эта снисходительность позволит женщинам создать союз, в котором сплетение «слабостей» станет «венком силы и любви над жизнью мужчин» [4, с. 408–410].

В обывательском сознании феминизм прочно связан с лесбийским дискурсом. Линия лесбийских отношений в жизни и Кало, и Аннибал не имеет ясных очертаний. Считается, что в жизни Кало был подобный любовный опыт (на это содержится намек в картине «Две обнаженные в лесу», 1939), хотя в последнее время со ссылкой на мексиканского искус-

ствоведа Ракеля Тибо [6] это предположение отвергается. Также не существует ясности и в случае с Зиновьевой-Аннибал. Да, ею написана «лесбийская повесть» «Тридцать три урода», но лесбийский сюжет, на наш взгляд, всего лишь заостряет философские размышления на темы любви. Да, опубликованы отрывки из ее писем к М. Сабашниковой, где останавливают внимание ее рассуждения о «стихии ласки, где царицей Маргарита-девушка» [2, с. 202]. Но все же полной уверенности, что в ее жизни существовал подобный опыт, нет. Если и были спорадические эпизоды, то они могли быть инициированы В. Ивановым.

Однако, безусловно, и в творчестве Аннибал, и в творчестве Кало осуществился колоссальный выброс разнообразно направленной сексуальной энергии, до этого в искусстве, создаваемом женщинами, тщательно скрываемой и маскируемой. Откровенность Зиновьевой-Аннибал в «Тридцати трех уродах», прочитанных буквально, привела к временному аресту книги – ведь о любви двух женщин не принято было говорить. Но и в «Трагическом зверинце» героиня, девочка 12 лет, готова соблазнить свою сверстницу. Правда, это явлено как голос самого естества, как голос плоти-природы, не имеющий конкретного адресата.

Эротичность Кало несколько иного рода. Она использует главным образом эротические символы. Так, в картине о своих предках она просто нарисовала момент зачатия, вынеся на передний план картины яйцеклетку, сперматозоид и цветок кактуса, оплодотворяемый порывом ветра, несущего пыльцу, и поместив себя в виде эмбриона на подвенечном платье матери. А отца она изображает на фоне каких-то темных шаров с ядрами, пронизываемых множеством точек, что, видимо, должно было воплощать мировую энергию сексуального порядка. Но, пожалуй, гимном раскрепощенной плоти можно назвать ее картину «Солнце и жизнь» (1947), где лучам солнца подставляют свои головки растения, напоминающие фаллосы, истекающие соком. Они помещены в створки раковин, очень похожих на вскрытую матку, внутри одной из которых расположился маленький эмбрион. А само солнце представлено в виде огромной яйцеклетки.

Горячность, кровавость, боль, эротизм можно расценить как попытки приблизиться к истокам мироздания, как стремление найти прообраз мира в его первоосновах. Этим объясняется и населенность страниц Зиновьевой-Аннибал и полотен Фриды Кало представителями фауны и флоры. Известно много автопортретов Кало с обезьянками и мексиканскими собачками. Причем обезьянки буквально по-сестрински обнимают ее за шею, прикасаются к ее телу, тем самым подчеркивая единение. А на картине «Фуланг-Чанг и я» прописано даже сходство между мордочкой обезьянки и нарисованным рядом лицом художницы. Маленькая же мексиканская собачка у ее ног на другой картине раскрывает ее беспредельное одиночество. Кроме того, Фриде свойственно полностью идентифицировать себя с природой. Поразительны ее картины «Корни» (название ее можно перевести и как «Прародители», «Истоки») и «Маленький олень». На первой сквозь тело Фриды прорастают лианы и растения, одновременно и пригибая ее к земле, делая зависимой от природного начала, но и укореняя в нем, устилают ее ложе, спасая от духовного бесплодия, потому что все, что вокруг женской фигуры и не соприкасается с ней, – это разверзшаяся каменистая почва, покрытая провалами и трещинами… На второй изображен реально живший в ее доме олененок с лицом Фриды. И он пронзен стрелами, его раны кровоточат, он явно накануне гибели. Художница использует метафору умирающего природного явления, чтобы заявить о своей боли, муке, страдании. Налицо отзвуки мифологического, языческого сознания, апофеозом которого явилась картина «Любовное объятие вселенной: Земля (Мексика), Диего, я и сеньор Ксолотль» (1949), где на грандиозных руках огромной женщины с лицом каменного идола восседает Фрида, держащая на руках Диего. А маленький мексиканский зверек уютно прикорнул где-то сбоку. Иными словами, Фрида чувствовала себя защищенной именно в таком плотном соприкосновении с изначальными природными явлениями.

Напомним, что и Зиновьева-Аннибал тоже писала своих героев-животных со своих друзей детства – журавленка, с живущих в усадьбе медвежат и осликов. Но взаимоотношения человека с животным миром русская писательница рисует несколько по-иному. Она жестко разделяет одухотворенный мир людей, для которых принципиально важна свобода выбора, способных различать добро и зло, и мир имморальной природы, для которой такого выбора не существует, как не существует и понятия онтологического Зла, поскольку «хищничество»,

убийство является фундаментом ее развития и воспроизводства. Она чувствует себя соприродной этим основам, когда ощущает в себе способность содействовать и подчиняться злу. Об этом рассказ «Чудовище». Вопрос, который заключен в нем, звучит так: «Может ли на себя брать человек миссию Бога, решая, кому жить на земле, а кому нет? И должен ли человек препятствовать злому явлению, если он в силах это сделать, но не уверен, что его миссия заключается в этом?» Зиновьева-Аннибал занимает этико-экологическую позицию в вековечной тяжбе человека и природного мира и выступает правозащитницей природы, видя гибельные последствия ее взаимодействия с человеком. Ее рассказы повествуют о безответственности человека по отношению к братьям меньшим, о жестокости, которая исходит от него, о разрушениях, которые приносит в обезбоженную природу безрелигиозный человек.

Эти позиции и определили принципиальную несхожесть двух творческих натур в обретении положительного идеала, хотя здесь стоит указать и на различие исторических этапов, в которых формировался талант писательницы и художницы. Увлекшись в юности социалистическими идеями и даже написав под их влиянием чувствительный рассказ «Неизбежное зло» (о страданиях крестьянки, которую нужда разлучает с младенцем), Зиновьева-Аннибал вскоре навсегда распрощалась с ними и прониклась христианской верой в возможное чудо воскресения. Недаром последними словами, сказанными ею в бреду, были «Христос родился», а одним из самых экстатических, исступленных лирических возгласов стал рассказ «Пасха». Фрида же осталась верна своим революционным идеалам.

Есть, правда, еще одна область, разделяющая их. Это несостоявшееся материнство Фриды в результате полученной травмы. И счастливое материнство – четверо детей – Зиновьевой-Аннибал. Поэтому Зиновьева-Аннибал творчество воспринимает в эстетических и духовных (порой мифологических) категориях, хотя в целом интерпретация взаимоотношений матери и детей не столь благостна, как принято думать (стоит указать на отвратительные подробности чадолюбия в отрывке «Лондон»). Для Фриды же в большей степени характерна интерпретация творчества как акта рождения. В качестве примера можно привести литографию «Фрида и аборт». На ней тело женщины обнажено и поделено на две части – темную и светлую. У женщины три руки – третья отведена в сторону. В ней палитра, напоминающая младенца в утробе; женщина плачет… Творчество и материнство слиты воедино и неотделимы одна от другой. И в то же время они не полностью характеризуют женщину: у нее остаются другие две руки, которые определяют ее «человеческое, слишком человеческое» начало. Доказательством того, что и материнство, и творчество – это акты, вопреки традиционным представлениям дарующие не только радость, но и горе, служат слезы на лице женщины. И то и другое – предельно мучительно.

Несомненно, общим в творчестве Фриды Кало и Лидии Зиновьевой-Аннибал были поиски нового языка художественной выразительности. Этим определяется то, что Фрида тянулась к сюрреализму (Андре Бретон высоко ценил ее живопись), хотя и опровергала свою принадлежность к нему: «Они думали, что я была сюрреалистом, но это не так. Я никогда не писала сновидения. Я писала свою собственную реальность» [11, с. 331]. Формально Зиновьеву-Аннибал причисляют к символизму. Для этого есть основания. Но, думается, более прав был один из современников, назвавший ее метод «стихийным реализмом» [10]. Современное литературоведение склонно обозначать его как неореализм, т.е. обогащенный совершенно новыми приемами реализм, реализм, пытающийся схватить неуловимое, передать движение, рассекающий и преодолевающий время и пространство.

Последние исследования литературоведов и искусствоведов с неоспоримостью доказали, что каждой из них – Зиновьевой-Аннибал в области литературы и Фриде Кало в области живописи – на самом деле удалось проложить новые пути в искусстве XX века. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, что их творческие прорывы были оценены уже современниками. После смерти Зиновьевой-Аннибал Блок сказал, что «того, что могла она дать русской литературе, мы и вообразить не можем». В ее творчестве, по его же замечанию, «страсть» соединилась со «страданием», а «дикое, порывистое, тревожное» было обуздано, чтобы возродиться в переплетении «детски-дерзостного» и «женски-таинственного» [1, с. 226]. О картинах Фриды Кало с восторгом отзывались выдающиеся художники, например, П. Пикассо.

Но лишь сегодня в связи с появлением попыток нахождения специфического угла зрения

в подходе к анализу женского творчества стало возможным создание полного представления о значительности вклада, который сделан обеими талантливейшими женщинами в копилку художественных открытий XX столетия. Перекличка тем, образов, идей в их творчестве – несомненна. Их обеих в первую очередь интересует природное женское начало, связь женщины со всем живущим на земле, процесс формирования женского естества, его «пуповинное» соединение с первородной материей и Праматерью мира. Поэтому в текстах Зиновьевой-Аннибал и картинах Кало так много природных явлений, буквально прорастающих, пронизывающих, разрывающих женский организм, но и объединяющий его со Вселенной, так много шокирующих своей откровенностью сцен, так много боли и страданий, которые принимает на себя именно женщина, так отчетливо прослежены все стадии «роста», так обнажена мука соприкосновения с инородным, «чужим». А историко-культурное и типологическое сопоставление наследия двух замечательных творцов XX века может многое прояснить в истоках и источниках женского дарования, открывает перспективу изучения природы женского творчества вообще.

Библиографический список

1. Блок А. Собр. Соч. в восьми томах. М.; Л., 1962. Т. 5.
2. Богомолов Н. Петербургские гафизиты // Серебряный век в России. М., 1993.
3. Городецкий С. Огонь за решеткой // Золотое руно. 1908. № 3–4.
4. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода. М., 1999.
5. Иванов Вяч. Собр. соч.: В 7 т. Брюссель, 1974. Т.2.
6. Кочук Г., Шевцов Н. Одиночество Фриды // Сударушка. 2004. № 41.
7. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976.
8. ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед.хр. 3. Л. 30.
9. Сабашникова М. Зеленая змея // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990.
10. Чулков Г. «Трагический зверинец» Л. Зиновьевой-Аннибал // Товарищ. 1907. № 269.
11. Эррера Х. Фрида Кало. М., 2004.

Н.А. Мицюк

Россия, г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Мне посчастливилось работать над докторской диссертацией (2012–2016 гг.) под руководством Натальи Львовны Пушкарёвой. Наталья Львовна – одна из самых удивительных личностей, с которыми я была знакома. Сам факт того, что выдающийся ученый с мировым именем, создатель мощного направления и школы женской истории в российской исторической науке, чьи книги я штудировала на 1-2 курсах истфака Смоленского педагогического института, моментально ответила на моё электронное письмо, дав согласие стать научным консультантом, казался и до сих пор кажется чем-то нереальным. Уже после защиты диссертации я задала Наталье Львовне вопрос, почему она помогает многим молодым провинциальным исследователям, почему так быстро откликнулась на моё послание, предложив поступить в докторантуру Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая? «Мой отец, вышедший из глубокой деревни Тульской губернии, прошедший войну, покоривший Москву, защитивший докторскую диссертацию, говорил мне о том, что я должна всегда помогать тем, кому помочь больше некому», – ответила мне Наталья Львовна. Эти слова навсегда врезались мне в память, став для меня напутственными.

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ, № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)».

* * *

Анализ исследовательских тем по гендерной истории, исторической феминологии и собственно женской истории в России показывает, что основной исследовательский фокус сосредоточен вокруг политической истории, женского участия в публичной сфере, борьбы женщин за свои права и свободы, изучения их значительного вклада в политическую, социальную, культурную историю [45]. Такая исследовательская парадигма сохраняется с появления первых работ по истории женщин России вплоть до настоящего времени. В то же время развитие междисциплинарных исследований, проникновение подходов и методик этнографии, антропологии, социологии, лингвистики в исторические исследования, развитие направления повседневной истории, гендерный подход к изучению исторической памяти вносит существенные коррективы в гендерную историю. Благодаря смелым и настойчивым исследованиям основательницы направления гендерной истории в России, ныне профессора, доктора исторических наук, заведующей сектором этногендерных исследований Натальи Львовны Пушкарёвой, частная жизнь русской женщины впервые была изучена не с описательной, исключительно этнографической стороны, а через перспективу гендерного подхода и феминисткой антропологии [46; 47; 55; 57]. Н.Л. Пушкарёва показала, что казалось бы, традиционные темы женского быта (домашняя работа, девичество, брак, замужество, деторождение, материнство и др.) в условиях патриархата и невовлеченности женщин в публичную сферу также дают возможность анализировать такие темы, как гендерные роли, стереотипы, влияние патриархатных установок на частную жизнь женщины. Последователи Н.Л. Пушкарёвой, ее ученики и ученицы, анализируя различные стороны женской повседневности (крестьянок, дворянок, горожанок, участниц военных конфликтов) стали активно применять гендерный подход при анализ структур женской повседневности [14; 15; 18; 26; 33; 42; 43; 66].

Изучение частной жизни женщин в различные исторические периоды вызывает особый интерес к анализу материнских практик, так как они были существенной частью повседневности рядовых женщин. Материнство – важнейший социокультурный феномен как в историческом прошлом и настоящем человечества, так и в жизни отдельно взятой женщины. Вопреки трансформации социально-экономических и политических отношений, оно остается наиболее стабильным из социальных институтов. Классик культурной антропологии М. Мид полагала, что материнство – институт, скрепляющий все разрозненные сферы человеческого бытия [23]. В то же время материнство – пластичный социальный институт, поскольку материнские практики существенно отличаются в различные исторические периоды. Культурные и социальные антропологи (М. Мид, Ш. Китзингер, Е. Левин, Г. Мур, Р. Рапп и др.) [28], доказав различия материнских практик не только у разных народов и в контексте различных культур, но и в исторических периодах, актуализировали необходимость изучения трансформации материнства в прошлом человечества. Современный психоаналитик, философ с мировым именем Юлия Кристева увидела в материнстве «ключ к свободе» женщины, а следовательно, важность изучения материнства для понимания места и роли женщины в обществе [22]. Нэнси Чодороу, авторитетная американская исследовательница, в известной работе «Воспроизводство материнства…» подчеркивала, что игнорирование материнских исследований ведет к игнорированию женщины как исторического субъекта [2, p. 14]. О существовании особой истории материнства писала социолог Андриенна Рич – одна из основательниц motherhood studies в современной западной науке: «Материнство, не упоминаемое в историях завоеваний и войн, имеет свою историю, свою идеологию» [13, p. 21].

Существует ли целесообразность в институциализации истории материнства в контексте социальной антропологически-ориентированной женской истории? Возможно ли традиционную область женской повседневности рассматривать также через гендерный подход? Что нам может дать данная исследовательская стратегия? Какие аспекты материнства будут важны для феминисткой антропологии и гендерной истории? Наконец, какие новые темы, исторические источники, научно-исследовательские методы актуализирует история материнства для российской исторической науки? Ответы на эти вопросы отражают цель и задачи представленной аналитической публикации.

История материнства в зарубежной историографии

Выделение истории материнства в качестве особого направления в исследовании прошлого человечества произошло в 1970–1980-е гг. в историографии США, Великобритании, Германии, Франции, позже Канады. История материнства представляла важную часть в зарождавшемся междисциплинарном направлении материнских исследований (motherhood studies), объединившем историков, антропологов, философов, культурологов, социологов, психологов, психиатров, филологов, представителей медицинского сообщества. Путь к институциализации материнской темы на Западе проходил в рамках социальной и культурной антропологии, а также параллельно в различных направлениях социальной истории: истории семьи, детства и женской истории (women's studies). Классическими работами в области истории материнства являются исследования Э. Бадинтер, Р. Эпл, К. Эрнап, А. О' Релли, Дж. Грант, Э. Дэвис и др. [28]

Изучение семьи и детства в прошлом актуализировало историю родительства и споры о сути «хорошего» и «плохого» материнства. Возникновение материнства в качестве особого социального института большинство историков связывало с развитием буржуазного общества, просвещением народа, трансформацией семейных моделей и роли ребёнка в обществе. Антропологический ракурс исследований обратил внимание историков на изучение изменений в материнских практиках (прокреативном поведении, проведении беременности, подготовке к родам, родах, грудном вскармливании, материнской сексуальности, уходе за ребёнком) и эмоциональных переживаниях матери. В рамках историко-материнских исследований было убедительно доказано, что материнская забота и любовь не являются универсальными категориями. Они зависят от исторических, культурных, географических, климатических условий, этнической, расовой, классовой, групповой, религиозной принадлежности индивидов. Историю материнства в современных американских, западноевропейских исследованиях отличает широта тематики и глубина изучаемых вопросов, среди которых: трансформация института материнства в историческом прошлом, эмоциональные переживания матери, «плохие» и «хорошие» матери, материнская любовь и взаимоотношения с детьми, антропология беременности и родов, социальное законодательство о матерях, процесс «интенсификации материнства» в век буржуазной модернизации, мать и война, материнская сексуальность, материнское тело, матери и социально-экономические катаклизмы, феминизм и материнство, взаимоотношение матерей с дочерьми, сыновьями, отказ от материнства [31]. Основными спорными моментами в зарубежной историографии были и остаются: соотношение между биологическим и социальным материнством; противоречия между запросами общества к «хорошим» матерям и восприятием самими женщинами собственной фертильности; материнская любовь и ее проявления. В Канаде несколько лет успешно существует издательство (Demeter Press), специализирующееся на публикации научных работ по материнству, в странах Западной Европы, США, Канаде, Австралии ежегодно проводятся междисциплинарные конференции по проблемам материнства в разные исторические периоды.

Сторонники материнских исследований ввели в научный оборот много новых источников, среди которых значительную часть составили женские эгодокументы, позволившие «услышать» матерей прошлого и сделать их равноправными субъектами исторического, а также источники медицинского характера. Историки материнства широко применяли в собственных исследованиях антропологически ориентированный, социально-конструктивистский, феминистский подходы, гендерно-чувствительные методы, этнометодологию. В настоящее время история материнства на Западе представлена солидной библиографией, интерес историков к этой проблеме не угасает.

Гендерная история в России и история материнства

На фоне значительных достижений в изучении истории материнства за рубежом, институциализации материнских исследований (motherhood studies) в качестве самостоятельного междисциплинарного направления исследования материнской заботы слабо представлены в отечественной исторической науке. Материнство изучалось преимущественно с пози-

ции современности в рамках социологических, психологических и биомедицинских подходов. К сюжетам, связанным с материнством, традиционно обращаются этнографы (А.П. Редько, В.Н. Харузиной, Г.И. Кабакова, Т.Б. Щепанская, Е.А. Белоусова и др.) [27]. Однако материнские практики интересуют их исключительно в контексте родительства, семейных обрядов в рамках традиционной культуры, носителями которой являются по большей части сельские жители [29]. В то же время известный отечественный антрополог Т.Б. Щепанская отмечала, что культура материнства требует особого изучения в различных социальных слоях и средах [65]. Уязвимость отечественных этнографических исследований, по мнению Н.Л. Пушкарёвой, и в том, что: «… *этнографы, изучавшие быт и историю брака, положение женщин как жен и матерей, сделавшие видимыми женщин в составе семейных союзов (невестки, жены, матери, бабушки, вдовы), но не проблематизировавшие женский опыт с его особенностями*» [45, с. 59]. Среди множества аспектов частной жизни россиянок важнейшее место в исследованиях Н.Л. Пушкарёвой занимала проблема материнства [49; 51–53; 57]. Учитывая междисциплинарность темы, она использовала этнографические, гендерно-чувствительные методы, методы повседневной и гендерной истории. Гендеролог подчеркивала важный недостаток материнских исследований – «цеховую ограниченность», которая заставляет историков и этнографов работать автономно, собирая «мозаику фактов», редко соотнося их с философскими и социологическими концепциями [51]. Придерживаясь социально-конструктивистского подхода, Н.Л. Пушкарёва показала зависимость между социально-экономическими, политическими, культурными условиями и восприятием материнства в обществе. Особое внимание она обратила на изучение эмоциональных переживаний матерей доиндустриальной России. Ею был собран и проанализирован большой массив женских эгодокументов, которые ранее относились к разряду второстепенных источников. Н.Л. Пушкарёва впервые представила анализ существующих подходов и методов в освещении материнской темы на Западе, а также достигнутых зарубежными исследователями результатов [48–51]. Характеризуя отечественные работы по материнству, она отметила крайнюю разбросанность темы в разных отраслях знаний – этнографии, демографии, социологии, социальной истории, а также отсутствие обобщающих трудов. Заслуга Н.Л. Пушкарёвой состояла и в том, что она наметила для российских исследователей широкий круг проблем, связанных с материнством. Хорошо знакомая с методами и подходами зарубежных исследователей, еще в 1990-е гг. Наталья Львовна обосновала важность применения междисциплинарного подхода и необходимости модификации источниковой базы в исследованиях по материнству. Ежегодно проводимая с 2000-х гг. конференция РАИЖИ способствует единению специалистов различных направлений и развитию междисциплинарности гендерных исследований. Изучение материалов сборников конференций демонстрирует, что интимная жизнь женщины, а также проблемы материнства, отцовства, детства, вызывают устойчивый интерес ученых.

Нерепрезентированность исторических, социальных особенностей материнской заботы, недооцененность материнских чувств и практик в российском научном дискурсе, а также противоречивое восприятие женщины-матери на протяжении веков актуализируют исследования материнства в истории России. Изучение материнства в качестве сложного социального института имеет особую актуальность для нынешнего российского общества в период трансформации семейных ценностей, гендерных ролей и статусов, противоречивости демографических процессов, интенсивного развития новых медицинских технологий, оказывающих существенное влияние на культуру материнства и деторождения.

Исследовательские ракурсы: «mothering» и «motherhood»

При обращении к изучению истории материнства следует учитывать, что термин «материнство», который в русском языке не имеет синонимов или близких по значению слов, может изучаться с различных исследовательских позиций и ракурсов. В английском языке присутствуют несколько терминов, отражающих понятие «материнство». Среди них термины «mothering» и «motherhood». Первый термин обозначает «материнство» в качестве социального института, который, соответственно, обладает важнейшими социальными функциями,

в той или иной степени поддерживаемыми государством [10, p. 4]. В данном случае исследовательский ракурс предполагает изучение материнства с позиции важнейшего социального института, характеризующегося особыми социальными нормами, запросами и идеалами в адрес материнского поведения. Историк может сосредоточиться на изучении того, каким образом, под воздействием каких факторов изменялись требования к материнской заботе. От чего зависели эти требования? Как они меняли гендерную асимметрию общества? Как были связаны с решением так называемого женского вопроса, с женской эмансипацией? В рамках данной исторической позиции возможен анализ социальной политики в области материнства.

В частности, изучение общественно-политического, медицинского и публицистического дискурсов второй половины XIX – начала XX в. продемонстрировало, что процесс формирования культурного императива материнства начался не в условиях советского этакратического гендерного порядка, а уже во второй половине XIX в. [25, 35]. До середины XIX в. в России не было жёстких стандартов, определявших материнское поведение. Мы полагаем, что обращение к теме материнства со стороны широких общественных кругов второй половины XIX в. в России было вызвано не только проблемой детской смертности (она касалась прежде всего социальных низов), но и явилось ответной реакцией на женскую эмансипацию. Российские врачи, педагоги, литераторы стали предъявлять к матерям широкие требования, тем самым конструируя модели их поведения. Материнство превращалось в важнейший социальный статус. Противоречивость истории женской эмансипации (не только в России, но и в США, Великобритании, Германии, Франции) состояла в том, что параллельно развитию первой волны феминизма со стороны властных институтов, части медицинского сообщества, публицистического дискурса конструировались новые запросы в отношении материнского поведения. В американской историографии XIX в. стал рассматриваться как «век материнства», когда активно создавались идеалы материнского поведения. Материнство из биологической, естественной функции превращалась в мощнейший социальный институт. В конечном итоге создавалась противоречивая ситуация, и некоторые исследователи видят в этом «пористость» патриархата. С одной стороны, развивалось женское движение за политические права, образование, репродуктивную свободу. С другой, продвигаемые в официальном дискурсе «идеалы» материнства, сформированные стереотипы материнского поведения все больше и больше «привязывали» женщин к семье и заботе о детях, в то время как мужчина (отец) был выключен из этого процесса. С конца XIX в. материнство стало рассматриваться в качестве важнейшего направления социальной политики в области охраны материнства и детства [30]. Трансформация института материнства привела к модернизации института детства в России с конца XIX в. как в области социальной политики, так и сфере ухода за детьми, практик воспитания [34; 39].

Материнские роли существенно отличаются не только от исторических, территориальных, пространственных факторов, но и от социальных слоев. В частности, изучение материнских практик в дворянском сословии XIX в. продемонстрировало, что рецепция «новых идеалов» материнства, продвигаемых публичным дискурсом, могла произойти в среде образованных и относительно обеспеченных групп населения. Женщины из низших сословных групп, в большинстве своем безграмотные, занятые в ежедневной трудовой деятельности, не могли стать адептами «нового материнства», в их среде сохранялись традиционные практики деторождения, ухода за детьми и их воспитания. Формирование новой культуры материнства у дворянок происходило на всем протяжении второй половины XIX в. Если для первой половины XIX в. было характерно сдержанное отношение дворянок к материнским обязанностям, которые зачастую ограничивались деторождением, то вследствие экспертного дискурса второй половины XIX века и политики «детоцентризма» происходила легитимация представлений о хорошей («сознательной») и «плохой» матери, оказавших значительное влияние на материнскую повседневность. Материнские обязанности превратились в важнейшую область гендерной идентичности женщин.

Помимо институционального подхода к определению «материнства», данный термин отражает поведенческую, эмоциональную сторону, область женских переживаний. В данном контексте материнство может рассматриваться как особый женский опыт, женская практика.

Как происходила материнская социализация в разных социальных группах в различных исторических периодах? Что чувствовали женщины разных эпох во время беременности, как переживали родовой акт, как воспринимали собственное материнство? Как женщинам удавалось совмещать область личного, семейного и сферу публичной деятельности? Каким образом зарождалось «интенсивное материнство», предполагавшее активное совмещение женщинами материнства и трудовой деятельности? И что при этом чувствовали женщины? К примеру, анализ женских нарративов первой и второй половины XIX в. показал, что произошли существенные изменения в восприятии женщинами собственного опыта вынашивания и деторождения [36]. Изучение «текстов рожениц» демонстрирует легитимацию важнейшей телесной практики в жизни женщины не только на уровне женского *письма* (как формы самопрезентации), но и на уровне гендерного самосознания. Тот факт, что женщины стали описывать свой опыт подготовки к родам, сами роды, послеродовой период – свидетельство в пользу трансформации гендерного порядка. Многочисленные факторы, среди которых сокращение количества деторождений в жизни женщины, формирование культа «сознательной матери» и концепта «идеального материнства», делали опыт деторождения значимым в жизни женщины.

Социально-конструктивистский подход в изучении материнства

Отказ от эссенциалистского подхода в пользу социально-конструктивистского позволяет изучать не только различные материнские роли, смену поведенческой парадигмы и запросов общества в адрес женского поведения, представления о «плохих» и хороших» матерях, но и дает понимание того, что материнская любовь в различные исторические периоды имела разное смысловое выражение. Согласно социальным конструктивистам, материнские роли, проявление материнской любви – не данность от природы, не биологическая обусловленность, а исторически трансформирующееся выражение общественных ожиданий в отношении материнского поведения. Данный подход позволяет определить процесс социального конструирования «сознательного», «профессионального», «расширенного», «интенсивного» материнства в экспертном дискурсе (политическом, медицинском, литературном, педагогическом) различных исторических периодов. Современные трактовки материнства, ориентированные на феминистский подход, перестали связывать материнство с женской природой, полагая, что оно исключительно выражение социальной роли [9].

Обращаясь к теме материнства, изучая частную жизнь русской женщины, Н.Л. Пушкарёва пришла к выводу, что в обществе доиндустриальной России существовало амбивалентное отношение к материнским ролям [52; 56; 57]. Она утверждала, что для «для абсолютного большинства женщин» XVIII в., в отличие от их предшественниц, «материнство оставалось ценностью вне моды и вне времени» [57, с. 65]. Однако эта «ценность» была обусловлена безысходностью женского бытия, для которого деторождение было единственно возможной сферой самореализации и приобретения собственной идентичности. Материнство являлось не осмысленной, а вынужденной женской практикой, что оказывало существенное влияние на самоощущение матерей. Н.Л. Пушкарёвой были отмечены случаи «спокойного» отношения женщин к смертям собственных детей и скудность эмоциональных переживаний беременности.

Социально-конструктивистский подход дает возможность установить зависимость между политическими, социально-экономическими процессами в российском обществе и эволюцией культуры материнства [63]. Обратимся к истории советского материнства, которая была тесно связана с политикой советского государства в области охраны материнства, семейной и женской политикой, направленной на «освобождение женщин» и их активное вовлечение в дело строительства нового социалистического общества. Политика «освобождения женщин» от домашнего быта, их вовлечение в производственную деятельность 1920-х гг. и наступление на семью как элемент буржуазного общества обернулась целым комплексом социальных проблем: резко увеличилось количество абортов, возросли случаи инфантицида, росла беспризорность, детская преступность и проч. [27]. Это привело к провалу концепции «новой социалистической семьи» и «великому откату» в области семейной политики, что состояло в условном «возвращении» женщи-

ны в семью и формировании новых идеалов советского материнства [6]. Так утверждалась советская модель «интенсивного материнства», состоящая в активном совмещении женщинами обязательной трудовой деятельности и материнства, что трактуется многими гендерологами как система «двойного рабства». При этом от мужчины не требовалось вовлеченности в семейных быт и родительство, формировался тип «советского отца» [17; 64]. Государственные институты приходили на помощь советской женщине в реализации материнских ролей и заботе о детях. Формировался так называемый этакратический гендерный порядок. В 1960-е гг. начал создаваться новый конструкт материнства. Если в довоенное время акцент делался на распространение общественных форм воспитания детей, то в 1960-е гг. общество захлестнула волна популяризации материнского воспитания («правильного материнства»). «Материнство представляется как гражданский долг по отношению к социалистическому государству, поддерживающему его целевой социальной политикой», – писала А.А. Тёмкина [62, с. 103–104]. По мнению исследователей, идеология «работающей матери» являлась важным элементом в этакратическом гендерном порядке советского общества [59].

Междисциплинарность сюжетов и модернизация исследовательского фокуса

История материнства обладает значительным междисциплинарным потенциалом. Анализ материнства может осуществляться в трех основных категориях: медицинско-антропологической (в данном контексте актуализируются проблемы полового созревания в период пубертата, женская фертильность, трансформация репродуктивного поведения, протекание беременности и родов, грудное вскармливание), социальной (материнская социализация и сексуальное просвещение в период девичества, социальное конструирование материнских ролей, материнские типы, процесс воспитания ребенка, меры по охране материнства) и психической (эмоциональные переживания, связанные с состоянием беременности, родовыми процессами, кормлением ребенка).

Изучение истории материнства в рамках феминисткого подхода обладает возможностью существенно дополнить историю сексуальности, телесности в России, существенно обновить такое достаточно консервативное по выводам, по использованной методологии и источниковой базе направление, как история медицины. К примеру, традиционная история акушерства в рамках истории медицины ориентирована на изучение прогресса в научном акушерстве, на институциональную историю акушерских клиник и учебных заведений. Еще в 1970-е гг. американский историк медицины Рой Портер писал о важности методологического поворота в этой области. «Фокусировка на враче чревата значительными искажениями, – предупреждал он, – ведь в медицинском взаимодействии двое участников – доктор и больной» [12]. С 1970-х гг. исследования родильной культуры за рубежом пережили новый методологический поворот, вызванный развитием гендерной теории, социальной истории медицины, повседневной истории, феминисткой антропологии [5]. Он выражался в проблематизации новых тем (эмоциональные переживания родов, сравнительная характеристика практик родовспоможения в различных культурах и обществах, контроль над рождаемостью, медикализация родов, противостояние акушерок и мужчин-врачей, статус женщины в больничных учреждениях, патологизация родов и др.), что вызвало привлечение новых источников (женские эгодокументы, визуальные источники, отчеты родильных отделений, карты беременных и рожениц). Деторождение стало рассматриваться в широком социальном контексте, позволившим анализировать социальное конструирование запросов относительно женского поведения, устанавливать неявные области проявления патриархата, выявлять неоднозначность гендерной теории, связывать репродуктивную политику с гендерными ролями и идентичностью [58].

В контексте истории материнства и деторождения особый смысл приобретают термины «медикализация», «биовласть», «политики тела», введенные в научно-исследовательский оборот классиком постструктурализма М. Фуко, американскими социологами И. Зола, П. Конрадом [61]. Согласно данным подходам, фокус исследователя сосредотачивается не на истории медицинского знания, а на истории медицинской практики [24], на пациенте, его чувствах и переживаниях, страхе и боли [11; 12]. Исследователь способен установить, каким образом прогресс в области медицинских знаний отражался на социальной действительности, как он

менял женскую повседневность. В фокусе исследователя могут оказаться как история институциональных учреждений (родильных клиник, через которые внедрялась технократическая модель родов с жесткими представления о норме и патологии, где женщина рассматривалась не в качестве активного участника, а как «пациентка», «больная», над которой эксперты должны выполнять определенный набор манипуляций), так и женский опыт, связанный, к примеру, с грудным вскармливанием. Гендерная теория и антропологический поворот в исторических исследованиях способствуют решительной ревизии традиционной истории деторождения в последнее десятилетие. Новые социальные историки России, историки повседневности, женской и гендерной истории предложили рассматривать родильную культуру в широком социальном контексте, смещая акценты с изучения «институтов» и «науки» на «историю пациентов». Ими обозначены новые аспекты, ранее считавшиеся второстепенными, а ныне приобретшие огромную значимость: взаимодействие между врачами и обратившимися к ним за помощью, между санитарками и акушерками (повитухами) и мужчинами-врачами, тема мужского контроля и женского социального опыта, лишений и положительных следствий от внедрения клинического родовспоможения [38].

Материнские исследования способны обновить и существенно дополнить знания в области истории тела и сексуальности. Выдающийся отечественный ученый И.С. Кон, подобно К. Хорни, М. Фуко, Ю. Кристевой, которые видели в материнстве проявление женской сексуальности, рассматривал материнство через призму анализа сексуальной культуры. Одним из наиболее популярных его трудов стала монография «Сексуальная культура в России…» (1997 г.), к настоящему моменту имеющая несколько переизданий [28]. Он впервые обратил внимание на перверсию женского репродуктивного поведения, связывая его с социальными трансформациями в российском обществе. История материнства затрагивает такие темы, как половое воспитание, рационализация сексуальности, внедрение в повседневную жизнь новых средств контроля над рождаемостью, процесс материнской социализации, тесно связанный с «воспроизводством» (Н. Чодороу) практик материнства, «техники тела» (М. Мосс) при родах, грудном вскармливании. Сопоставляя данные этнографов и историков медицины, привлекая новые источники (журналы родильных отделений, женские эгодокументы), можно проследить, каким образом изменялась родильные позы при переходе от народного к организованному (научному) акушерству [40; 41]. Из традиционной, естественной позы «на корточках» утвердилась единственная легитимная в больничном пространстве поза «лежа». Женщина из активной участницы родового процесса превращалась в объект для медицинских манипуляций, контролируемый профессионалами в родильных клиниках [37].

Вовлечение в научный оборот новых источников

Исследовательская задача рассмотреть феномен материнства как сложное социокультурное явление, анализируя его одновременно извне (в качестве создаваемого экспертным сообществом определённого конструкта) и изнутри (как важную, субъективно переживаемую часть женской повседневности), безусловно, требует привлечения разнообразных по типу источников. Изучение практик материнства в исторической ретроспективе способно актуализировать и вовлекать в научный оборот ранее не освоенные (или практически не освоенные) источники («материнские тексты», «тексты рожениц», «родительские дневники», девичьи дневники).

Пожалуй, наиболее плодотворным источником при изучении материнства с позиции женского опыта, женских переживаний являются женские автобиографические документы (эгодокументы), которые до сих пор в отечественной историографии остаются маргинальными и второстепенными [8; 45; 60]. Отечественный филолог И. Савкина назвала автобиографии россиянок источниками «тройной маргинальности» [60, с. 3]. Известный славист Б. Хельдт отмечала сконцентрированность русской автобиографической традиции на социально-политических проблемах. В связи с этим эгодокументы женщин, не отличившихся в политике, науке, общественной деятельности, длительное время не рассматривались российскими исследователями как социально значимые свидетельства [7; 16]. К важнейшим женским эгодокументам в контексте истории материнства можно отнести девичьи дневники, тесты

рожениц, материнсткие тексты, которые по форме могут быть в виде дневников, записных книжек, альбомов, воспоминаний, писем. Если в этнографической литературе понятие «тексты рожениц» вполне устоявшееся, то под «материнским текстом» мы понимаем ту часть женских эгодокументов, в которой женщины рассказывали не о важных исторических событиях, описывали не значимых исторических деятелей, а вели повествование о собственном опыте материнства.

Преследуя цель изучить женскую субъективность в историческом контексте, когда «устные истории» «респонденток» не доступны, чрезвычайную важность приобретают женские автобиографические тексты. Женское переживание повседневности существенно отличается от мужского, особенно в условиях доминирования патриархатного гендерного порядка. Современные феминистские исследовательницы, гендерологи полагают, что женская автодокументалистика – ведущий источник, позволяющий репрезентировать женскую субъективность [1; 4; 20]. Э. Шоуолтер в работе «Женское безумие. Женщины, безумие и английская культура, 1830–1980», а также С. Гилберт и С. Губар в книге «Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое в XIX веке» доказывают, что основной формой женского литературного письма является автобиографическое, так как именно в нем авторы находят способ собственного признания [19, с. 33]. Об особой миссии женского текста, помогающего «раскопать» подлинный женский опыт, «услышать» настоящий голос женской личности писала Х. Сиксу [3]. В связи с этим автобиографические нарративы оказались едва ли не единственным источником, легитимирующим эмоциональность женщин, их субъективность, а также женские телесные практики (сексуальные отношения, беременность, роды, кормление грудью), табуированные в официальных источниках. Женщины в автобиографических текстах выступали в роли носительниц и трансляторов знаний о повседневном, в то время как мужские тексты воспроизводили события в социально-политической, событийной сфере [45]. Мужчины, если и писали о семейной жизни, детях, то их тексты редко передавали эмоции и переживания, особенности межличностной коммуникации членов семьи.

Особую ценность в контексте изучения истории материнства представляют *женские дневники*, так как в них женщины фиксировали свои мысли, изливали собственные чувства, самопрезентировали себя в формате «здесь и сейчас» [32]. Дневники обладают рядом преимуществ перед устным рассказом респондента, часто применяемым в этнографии. В дневнике отражена субъективность автора на момент происходящего события, сохраняется рефлексивность размышлений, в то время как в устных историях «*на воспоминания накладываются впечатления современности и срабатывает эффект места и времени*» [67, с. 45]. В свою очередь, анализ женских переживаний, связанных с материнством, вносит вклад в новое направление исторических исследований – эмоциологию. Дневники по большей части были рассчитаны на собственное прочтение, а следовательно, в меньшей степени, чем воспоминания и автобиографии, были ориентированы на самопрезентацию. В них «информантки» концентрировались не столько на описании происходивших событий, сколько на передаче своих внутренних ощущений от пережитого [36].

Несмотря на то, что женские эгодокументы позволяют «услышать» матерей, раскрыть мир женской субъективности, вести повествование от лица авторов, данный источник не совершен и требует привлечения иных материалов с целью верификации практик, описанных в женских текстах. Создается благоприятное поле для привлечения мало-востребованных в архивах источников медицинского характера – отчетов врачей и акушерок, родильных карт и журналов, больничных листов, отчетов акушерских отделений, результатов судебно-медицинской экспертизы, судебных дел. Например, касаясь такой темы, как ограничение рождаемости и вхождение в повседневную жизнь женщин средств, ограничивающих деторождение, в XIX в. в женских нарративах часто авторы критиковали данную практику, относя ее к разряду аморальных. В то же время отчеты акушерских клиник и отделений, родильные карты, отчеты судебно-медицинской экспертизы, досудебные расследования показывают, что к концу XIX в. преступные выкидыши, аборты по так называемым медицинским показаниям, искусственная контрацепция становились важной частью новой репродуктивной культуры.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что история материнства – крайне междисципли-

нарная тема, способная обеспечить существенное обновление не только областей исторического знания (социальной истории, истории семьи, повседневной, гендерной истории, истории медицины), но и других дисциплин (культурной и социальной антропологии, социологии, демографии, филологии). Невозможно изучать, описывать, анализировать материнские практики прошлого без привлечения знаний в области антропологии, этнографии, истории, психологии, социологии, демографии. Изучение материнской повседневности прошлого в определенной степени дает нам понимание отечественной национальной традиции, женской, гендерной, социальной, повседневной истории России. Полноценное включение материнства в отечественные исторические и антропологические исследования в качестве самостоятельного предмета научного рассмотрения – новый важный шаг в развитии женской истории, новое выражение ее феминистского проекта, заставляющего признать самоценность объективного изучения женского социального и индивидуально-личного опыта посредством анализа субъективных переживаний. Без такого включения действительное обновление российского научного гуманитарного знания было бы, как мне представляется, неполным. Развитие материнских исследований[1] стимулирует развитие и продвижение тем, связанных с изучением отцовства, как социального института и практики.

[1] Финансовая поддержка гранта Президента РФ для молодых докторов наук, проект МД-3743.2018.6 «Формирование и развитие института материнства и младенчества в истории России XVII–XX вв.».

Библиографический список

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX в. СПб., 2010.
2. Белова А.В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 167–185.
3. Белова А.В. Женская эпистолярная культура в России // Культура и текст. 2016. № 2. С. 167–185.
4. Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М., 2010.
5. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2009.
6. Жеребкина И. «Прочти мое желание…». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.:, 2000.
7. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сб. ст. под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Тёмкиной. СПб., 2002. С. 549–558.
8. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997.
9. Кристева Ю. «Матери владеют ключом свободы» (Интервью). [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/_article/julia-kristeva-materi-vladeyut-klu4em-ksvobode/3/ (дата обращения: 13.03.2019).
10. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
11. Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–313.
12. Мицюк Н. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21–33.
13. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013.
14. Мицюк Н.А. История материнства (motherhood studies) в России // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 128–146.
15. Мицюк Н.А. История материнства в англоязычной историографии // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 167–175.
16. Мицюк Н.А. История материнства в России на страницах зарубежной (англоязычной) историографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т.17. № 4. С. 162–177.
17. Мицюк Н.А. Охрана материнства и младенчества в России в условиях Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 86–101.
18. Мицюк Н.А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2. С. 124–135.
19. Мицюк Н.А. Родительский дневник – важный источник в репрезентации истории семьи, детства дореволюционной России // Вестник Пермского университета: Серия «История». 2015. № 4. С. 56–63.
20. Мицюк Н.А. Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск, 2015.

21. Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. 2015. № 3. С. 91–105.
22. Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2 (71). С. 17–28.
23. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2015. № 13. Вып. 35. С. 133–142.
24. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Домашние роды в российских дворянских семьях (конец XIX – начала XX в.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 167–183.
25. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. История деторождения как объект социально-гуманитарных исследований в России // История медицины (в печати).
26. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX – начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 30–39.
27. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX века // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 73–89.
28. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. У истоков медикализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 4. С. 515–530.
29. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л., Мухина З.З. Рец. На: Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 157–160.
30. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб, 2018.
31. Пушкарёва Н.Л Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72–79.
32. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. 496 с.
33. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
34. Пушкарёва Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.
35. Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.
36. Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы / Ред. И.В. Власова. М., 1998. С. 104–136.
37. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9–24.
38. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник «Запад-Восток». 2014. № 7. С. 103–118.
39. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 226–249.
40. Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 311–347.
41. Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 91–101.
42. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000: материалы к библиографии. М., 2002.
43. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011.
44. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) М., 1997.
45. Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А. Родовспоможение и культура деторождения в новейшей зарубежной историографии // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 147–163.
46. Российский гендерный порядок: социологический подход / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2007. С. 116–119, 178–184.
47. Савкина И. «Пишу себя…». Женские автодокументальные тексты в русской литературе XIX века. Tampere, 2001.
48. Тёмкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321–336.
49. Тёмкина А. Половое просвещение как моральное воспитание // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2009.
50. Чернова Ж.В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб., 2008.
51. Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб., 2013.
52. Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27.
53. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов, 2004.
54. Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адамы и Евы. М., 2001.

55. Bauer P.J., Stennes L., Haight, J.C. Representation of the inner self in autobiography: Women's and men's use of internal states language in personal narratives // Memory. 2003. № 11. Pp. 27–42.
56. Chodorow N. Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978.
57. Cixous H. The Laugh of the Medusa // Signs. 1976. № 1. Pp. 875–899.
58. Davis P.J. Gender Differences in Autobiographical Memory for Childhood Emotional Experiences // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. № 76. Pp. 498–510.
59. Dye N.S. History of Childbirth in America // *Signs*. 1980. Vol. 6, No. 1. Pp. 97–108.
60. Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
61. Heldt B. Terrible Perfection. Women in Russia Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1987.
62. Kelly C. An Anthology of Russian Women's Writing, 1777–1992. Oxford: Oxford University Press, 1994.
63. O`Reilly. Feminist Mothering. State University of New York Press. 2008. N.Y.
64. O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York: State University of New York Press, 2004.
65. Porter R. Pain and Emotion in Modern History / ed. R.G. Boddice. Palgrave Macmillan, 2014.
66. Porter R. The Patient's View Doing Medical History from Below. Theory and Society. 1985. Vol. 14. N 2. Pp. 175–198.
67. Rich A. Of Woman Born. London: Virago Press. 1977.

О.М. Морозова

Россия, г. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет

Т.И. Трошина

Россия, г. Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ЖЕНЩИНА КАК ЖЕРТВА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война возродила самые мрачные обычаи Древнего мира и Средневековья, когда женщина врага обязательно подвергалась надругательству, что символизировало унижение самого врага. Женщина во время любой войны подвергается в первую очередь сексуальному насилию либо добровольно уплачивает такую жертву в обмен на сохранение жизни своей и детей, на возможность их прокормить [24]. Хотя, по мнению П.А. Сорокина, сексуальная жизнь во время Гражданской войны, во всяком случае в тылу, была притушена общим понижением уровня жизни, в частности элементарным голодом. Ему как современнику и очевидцу виднее. Но в то же время нами обнаружены дневники женщин, датированные теми годами, переполненные эмоциями, страстями, влюбленностями. Хотя, возможно, что платонические чувства выступали заменой плотской любви.

Широкая практика наказания женщин взамен недоступных мужчин связана с тем, что братоубийственная война приобрела особенно обостренные, личностные формы. Жену красного комкора Б.М. Думенко запороли насмерть. Жена комдива Я. Балахонова Наталья два года скрывалась от белых по чердакам и подвалам; ее родных пороли, требуя ее выдачи. Чтобы белые не опознали ее шестилетнего сына, того одевали в девчачье платье [2, с. 32]. Жен терских красных партизан, скрывавшихся в густых камышевых зарослях в пойме Кумы, белые принародно нещадно пороли. Мария Шейко после такой порки была отдана умирать родным и месяц висела на полотенцах вниз лицом, пока заживали раны на теле. Татьяну Соколову не запороли до смерти, так как ее смогла выкупить за продукты питания мать. Другую «камышанку» замучили, отрезав ей груди, пальцы, уши, выколов глаза, после чего отрубили голову. Ее детей прятали от белых в кадушках, в подвале; один ребенок в таких условиях умер [21, с. 122–130, 132–134]. Партизаны-камышанцы стремились забрать семьи из сел: вместе с мужчинами в камышах укрывалось до 30 женщин с 45 детьми. То же делали партизаны и в других районах.

Жена архангельского рабочего Валентина Агапудова уехала после «белого» переворота в деревню. Она вспоминала: «С приходом белых… было сделано донесение, что я заодно с мужем руководила восстанием, меня арестовали и посадили в баню, в которой продержали три дня, все время избивая плетками и приговаривая: а, попалась, коммунистка, теперь не спустим, убьем, ни к чему таких развратниц дер-

жать. Дети мои все время бегали вокруг бани и громко плакали» [9, л. 19]. Под давлением односельчан ее все же отпустили.

Даже если там не было примеров особой жестокости, находиться на территории, занятой врагами мужа или отца, было непросто. На «белой» территории жен красноармейцев (и особенно красных партизан) нагружали дополнительными трудовыми нарядами.

Идею общесемейной ответственности за политический выбор главы семьи принимали и красные. В Пинежском уезде Архангельской губернии жен белых партизан направляли копать окопы на линию соприкосновения с неприятелем. После того, как одну из женщин ранили, белые перестали обстреливать красные позиции. В Печорском уезде красноармейским отрядом были взяты в заложники «семьи бандитов и их укрывателей» (это были женщины, девушки, старики и старухи, дети) и перевезены на «красную» сторону, где те ходили по селу и христарадничали, поскольку система обеспечения таких арестантов не была предусмотрена [14]. Заключенных «контрреволюционеров» и «белобандитов» в советских тюрьмах практически не кормили, считая, что это дело родственников. При этом их семьи в первую очередь подвергались продразверсткам и различным реквизициям. В архиве Архангельского ФСБ сохранились письма пожилых крестьян, родителей белого партизана М. Ракитина и его братьев, взятых в плен и находившихся в Вологодской тюрьме. Содержание этих писем пронзительно по содержанию, отражает обычную для крестьян покорность судьбе. Послать сыну продукты, о чем тот просил в своих письмах, они не могли – никто не соглашался отвезти, да и нечего было: «Мы бы и рады помочь, да не можем». Отвечая на вопросы о жизни, старики пишут: «А мы что, мы дома живем, хоть не богато, да дома. Только вот лошади нет, дак плохо. Лошадь каждый день нужна. Ну, что будешь делать… Скорбим и жалеем вас, а что будешь делать. Судьба так сыграла… Дай бог вам здоровья и терпения перенести все это» [1, л. 176, 178].

В Печорском уезде в 1920 г. проходила карательная экспедиция по «вылавливанию» остававшихся там белогвардейцев и белых партизан. Большая часть уезда – тундра и тайга, в которых легко было затеряться. Каратели арестовали родственников белогвардейцев и «белобандитов», посадили их в староверческий скит, приспособленный под тюрьму. Однако те никак не желали выдавать своих близких. Допрашивали не только жен и других взрослых родственников, но и детей. Тогда устроили «фиктивный расстрел» жены Кириллова, которого считали инициатором белого партизанского движения, а также его племянника, который не выдержал и сообщил о месте нахождения «бандитов». Этот «расстрел» повлиял и на других родственников, которые поняли, что за укрывательство будут наказаны.

В условиях идеологического противостояния ценность традиционных родственных уз, казалось бы, понижалась. Однако в истории Гражданской войны немало было и свидетельств, когда командиры шли на все, чтобы спасти собственных жен, даже ценой жизни других своих товарищей. На Пинеге были взяты в качестве заложников члены уездного исполкома, среди которых находилась жена комиссара фронта Кулакова. После длительных переговоров ему удалось «вытащить» свою жену, остальные были предоставлены своей злой судьбе [27].

В ту войну обычным было, когда командирская жена пребывала при муже (а иногда и другие его родственники – например, в Польском походе с комкором Г. Гаем находилась не только его юная беременная жена, но и старик-отец [3]). Так же поступали и белые – возили с собой близких, чтобы уберечь их от судьбы заложников.

В войну гражданскую женщина могла потерять своего мужа прямо на глазах; лишиться материальной опоры, без которой ей трудно, почти невозможно было бы поднять детей. Когда мужа «угнали» на войну, где его и «убило» – такое абстрактное понимание потери позволяю ее пережить. Но если его расстреливали на глазах жены – она готова была пожертвовать собой, лишь бы сохранить «кормильца». Когда сотрудника Кемского уездного исполкома «вели в одной рубашке, окровавленного, со связанными руками, за офицером с распущенными волосами и диким истерическим плачем тащилась его жена с пятью ребятами до шести лет. Офицер ее пинает, а она все равно хватает его за сапоги и просит не расстреливать ее мужа…» [10, л. 7]. В воспоминаниях современников часто встречаются описания эмоциональных проводов мужей, которых вели на расстрел или в тюрьму.

Женщины стремились воспользоваться любой возможностью, пойти на все, унизиться – лишь бы спасти своего мужа.

Маймаксанская работница, муж которой, профсоюзный работник, «сидел в одиночной как политический», обивала пороги, чтобы получить с ним свидание. «Пропуска к нему не давали, иной раз посмотрю только, как их поведут на работу… Получив [наконец] разрешение, я пошла к мужу. Он был уже назначен к военно-полевому суду. Поговорила с ним через две решетки. Муж сказал, что помилования, наверное, не будет, доказали на меня Яреньгин и Тихонов… Вернувшись на завод, сходила я к [ним], просила их, чтобы они спасли моего мужа, смягчили бы свои показания против него… [На суде] Яреньгин и Тихонов, хотя они и сами донесли на моего мужа, но давали показания более мягкие, не договаривали. Мужа моего осудили на два года… Я после суда стала просить прокурора, чтобы дали смягчение. А прокурор задает такой вопрос: зачем же твой муж шел председателем? Шурка, сынок мой, и отвечает: что вы, дяденька, папа только с войны пришел, завод не работал, есть мы хотим, вот он и согласился быть председателем. Прокурору, видимо, понравились такие бойкие слова, он погладил сынишку по голове, попросил подождать, а сам ушел в другую комнату. Через некоторое время приходит и говорит: Ваш муж свободен, детишки, бегите, целуйте своего папу. Ребята все к отцу бросились, тут была такая сцена, что судья, сидя за столом, и полный зал публики смотрят да руками разводят: “Ну и неожиданность!”» [9, л. 32].

В переполненном иностранными войсками Архангельске спрос на проституток был особенно велик. Отсутствие санитарного контроля вело к распространению через проституток венерических заболеваний, что заставило командование вооруженных сил интервентов под страхом наказания запретить своим солдатам и офицерам посещать проституток; однако эти требования не выполнялись. На территории, контролируемой советской властью, проституция, судя по всему, не имела такого распространения. Провозглашаемые идеи «свободной любви» были восприняты не только мужской, но и женской частью населения. В обозах красных войск ездили десятки «красноармейских жен» (после отмены церковного брака женой могла именоваться любая сожительница даже при наличии венчанной жены при условии, что та находилась дома при детях или родителях).

При этом советские органы социального обеспечения особое внимание уделяли поддержке одиноких девушек, чтобы они не оказались вынужденно заниматься сексуальными услугами и не стали жертвами сексуального насилия.

Революция разрушила многие препятствия, в том числе и нравственные. Вседозволенность и половая распущенность становились нормой жизни. От этого более всего страдали женщины, поскольку результатом всевозможных «легких связей» могла оказаться нежеланная внебрачная беременность и последующее за тем общественное презрение.

В худшем положении оказывались те женщины и девушки, кто не имели защиты в лице сильных и авторитетных мужчин – мужа, отца, брата; а также – «чужие», не имеющие традиционной защиты со стороны местного населения. Они же казались и более доступной добычей. Всевозможные «скоропалительные браки», заключавшиеся военнослужащими и командированными работниками (после замены церковного венчания «записью» в отделе ЗАГС исполкома), были, вероятно, либо обманом с целью получить желанную девушку, либо просто «прикрытием» случайной связи, в которой не могли отказать «влиятельному человеку». Командированный из Петрограда краском в феврале 1919 г. в Усть-Сысольск «на скорую руку женился и через два дня уехал. Это был первый советский брак в этой волости» [11, л. 29].

Не о таких ли «браках» писал в своей корреспонденции летом 1919 г. журналист И.В. Шергин? По его словам, после нашествия в Печорский край отряда Мальденбаума «богатая и жизнерадостная Ижма» была разорена; красноармейцы «шелковыми платками обертывали ноги, из риз шили табачные кошельки», а уезжая, «вывезли девушек и бросили» [7, л. 43об.–46].

Описанная в советском мюзикле «Свадьба в Малиновке» история «потешной свадьбы» предводителя банды на дочери женщины-беженки была характерной для того времени. Командир работавшего в Вятской губении вологодского продотряда Гантимуров прихватил в одной из деревень девушку, назвав ее женой и пообещав в ближайшее время отпустить обратно. Этот отряд своим пьянством, производимым шумом и безобразиями привлек внимание советских работников, которые, придя в дом, увидели такую картину: «На полу в полном обмундировании спят три продармейца, на столе ведро самогона. Сам Гантимуров спит пьяный

на кровати. Рядом плачет юная девушка, говорит… что просится домой, а тот не отпускает» [8, л. 22–23].

Матрёна Кулиничева, войсковой фельдшер, служила в белой казачьей части и попала в плен к кавалерийскому эскадрону под командованием Кочергина, где, «желая расположить к себе бойцов, отдалась всему эскадрону… после чего ее возили в тачанке с почетом за отрядом, и она стала затем женой т. Кочергина… В отряде она никакой работы не вела даже как сестра, а разъезжала с отрядом просто как жена командира» [19, л. 21]. В дальнейшем Матрёна следовала за мужем по фронтам, попадая в боевые переплеты; пережила вместе с ним махновский плен, ожидание расстрела.

Вседозволенность, предоставленная войной и революцией, вела к нарушению важных моральных правил, в отношении, прежде всего, девиц, соблюдавшихся в «обычное» время. Они становились жертвами «мужских игр» не только в условиях военных действий. В архангельских лагерях принудительных работ начальство «интеллигентных девушек делали своими любовницами» под угрозой лишить продовольственного пайка весь барак [23, с. 354–357].

Секретарь Вологодской горкома РКП(б) Усталович, человек с богатой партийной биографией (член партии с 1904 г.), возглавлял в ноябре 1918 г. комиссию по мобилизации буржуазии и, «пользуясь служебным положением, привел к себе 20-летнюю девушку. Изнасиловал и убил ее – якобы она хотела его отравить» [13, с. 1–3]. Военный комиссар Петрозаводского уезда Трифонов изнасиловал 16-летнюю девочку, служившую курьером при комиссариате, чем, по мнению трибунала, «подорвал авторитет учреждений советской власти в глазах населения… тем более, что преступление было совершено им в пьяном виде и в помещении комиссариата» [19, л. 1, 5]. Вельский коммунист Белозеров был отдан под суд «за изнасилование арестованной» [6, л. 84 об.].

Работавшие в мужском коллективе женщины (а это во время войны стало встречаться все чаще) испытывали в отношении себя «случаи нетоварищеского отношения». Повариха или уборщица-матрос на водном транспорте «на судне нередко является игрушкой для команды, а если она не будет выполнять приказание командира или из команды кого-нибудь, ее моментально спишут на берег.…» [18, л. 119].

Отрывочные сведения, которые можно почерпнуть из источников, указывают на достаточно широкое распространение сексуальных домогательств по отношению к женщинам и даже девушкам. Те иногда и сами летели «словно бабочка к огню» к губительным связям. Все же они были молоды, хотели романтики. А мужчины, находясь в травмирующем состоянии постоянного риска, не задумывались о последствиях, желая получить от жизни какие-то радости.

Один женский дневник запечатлел обстоятельства приезда в Воронежскую губернию двух высокопоставленных московских большевиков – Л.М. Карахана и М.П. Томского. Карахан охарактеризован как «большевик, но идейный, честный, добрый и милый» [26, л. 122 об.]. В январе 1918 г. он приехал в Воронежскую губернию к своей знакомой Ольге Ростовцевой, чтобы жениться на ней. Они действительно поженились 15 января, правда, не сообщено, по какому обряду была проведена церемония. Известно, что в это время Карахан занимался ключевым для советской власти вопросом внешней политики – мирными переговорами с немцами, но среди трех известных истории жен Карахана фамилии Ростовцевой нет.

Весной 1919 г. в прифронтовой губернии оказался другой большевик – Томский. В тот момент он жил со своей женой раздельно и «мучительное чувство оскорбленного мужского самолюбия» заглушал «общественной работой, службой, связями с женщинами, мечтами о постройке города-сада». Он повстречал юную учительницу Олю Буранову, которая его полюбила и пожалела, «но он испугался и отошел», заведя связь с женой доктора. А Оля Буранова решила выйти замуж за библиотекаря [26, л. 271].

Одна из советских активисток вспоминала историю своей подруги, молоденькой учительницы, которая, работая в собесе, ездила по монастырям в поисках помещений и материальных средств для организации детских приютов: «В одном влюбилась в монаха, бывшего гвардейского офицера; он потом скрылся, а она осталась беременной. Ее приютила учительская семья; усыновили ребенка…» [5, л. 28]. То, что в монастырях давали приют скрывающимся от чекистов офицерам, известно из разных источников. Но зачем было раскрывать себя перед советской служащей? Вариантов истолкования может быть два. Возможно, это был какой-то прощелыга, искатель приключений, который,

чтобы вызвать интерес наивной девушки, и выдал себя за офицера, да еще гвардейского. Женщины издавна питали слабость к военным. Но советские работницы «чепчики в воздух» бросать не стали бы, их рука непременно должна была потянуться к револьверу. Второе толкование как раз и лежит в русле классового подхода: коварный обманщик и соблазнитель был без колебаний отнесен к категории врагов.

И все же, видимо, не такая жизнь, не такая деятельность воспринималась большинством женщин того времени как «жизненный успех». «Успешными» казались женщины, нашедшие свое место рядом с удачливыми мужчинами, ставшие их боевыми подругами. Не только бандформирования, но и регулярная армия – как красная, так и белая – отдаленно напоминали средневековые вооруженные отряды, сопровождаемые женщинами. Недовольство населения вызывало «присутствие в обозах женщин, которые разъезжают на [крестьянских] лошадях». Комиссар VI армии настаивал на немедленном изъятии «из всех батальонных, полковых, бригадных обозов… женщин, разъезжающих, гоняющих лошадей и в момент неудачи наводящих панику» [12; 22].

Кажется, столько неудобств приходилось терпеть именно женщинам, которые вели бивачную жизнь. «Не было топлива, мыла», – и жене чекиста, ездившей за ним по всем фронтам, «пришлось остричь косы» [16, л. 1–2]. Крестьянская женщина, прибившись к отряду красных и заведя там себе «второго мужа» (первый остался в деревне), помогала тем, что светила лучиной «в штабе, [поскольку] керосину не было», а днем стирала белье красноармейцам [15, л. 1–2]. Но, «прилепившись» к своему мужчине, женщины не хотели менять эту жизнь, находя в ней воплощение чисто бабьего смысла. Как правило, женщина традиционного мира в своих поступках отвечала требованиям, которые предъявлял к ней муж.

Как было защититься женщинам в резко изменившихся для них обстоятельствах, когда нельзя было рассчитывать ни на помощь близких мужчин, ни на охраняющую их традицию? Революция дала такую возможность, реализация которой в условиях Гражданской войны стала для многих привлекательной. Это – смена социальных ролей, поиск новых способов защиты, вплоть до самоорганизации. В 1917 г. это были союзы солдаток, затем – делегатское движение [24, с. 124–146]. Не надеясь больше на «уставшую от благотворительности» общественность, солдатки, прежде всего вдовы погибших, жены военнопленных, увечных воинов, а также остававшихся еще на фронтах солдат, стали самоорганизовываться в первую очередь для того, чтобы сохранить за собой рабочие места в условиях массового возвращения фронтовиков, также нуждающихся в трудоустройстве. Для многих женщин, особенно вынужденных самостоятельно содержать детей, а также несчастных в браке, исполнение должностей в «союзах солдаток» способствовало переходу к деятельности политического характера, а потом и к партийности – эсеровской или большевистской. Наибольшей активностью отличались женщины-работницы; они и прежде были «бесшабашными головами» – возможно, по причине вынужденного отклонения своего поведения от традиционно принятых норм [4, с. 557]. Так, жительница Ростова-на-Дону А. Ряженцева, мать шестерых детей и жена пьяницы-столяра, включилась как солдатка в общественную жизнь и уже в марте 1917 г. выступала на митингах не только в Ростове, но и в других городах. Обладая нереализованными социальными амбициями, она быстро поняла логику общественной деятельности и сама организовала «союз домашних работниц», которыми была избрана в гласные Ростовской городской думы [21, с. 141–144]. Для женщин с такой непростой личной судьбой общественная деятельность становилась возможностью получить защиту «мандата».

Так в годы Гражданской войны появлялась современная российская женщина: избавляясь от роли жертвы и становясь активно действующим субъектом.

Библиографический список

1. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-17697.
2. Балахонов Н.Я. Страницы из жизни Якова Балахонова. Карачаевск, 1957.
3. Вербов С.Ф. «Даешь Варшаву!…» (из воспоминаний) // Русская мысль (Париж). 1967. 26 окт.
4. Визе В. Из путевых заметок по р. Умбе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 12.
5. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 1332. Оп. 3. Д. 37.

6. ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 6. Д. 110.
7. ВОАНПИ. Ф. 3837. Оп. 3. Д. 223.
8. Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории (ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61.
9. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 160.
10. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3 Д. 181.
11. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 284.
12. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 285.
13. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 314.
14. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 437.
15. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 777.
16. ГААО ОДПИ. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 144.
17. ГААО ОДСПИ. Ф. 8860. Оп. 5. Д. 68.
18. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 1674.
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 12.
20. Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. / Сост. И. Разгон, В. Горбункова и А. Мельчин. Б.м., 1938.
21. Кузьмин Н. Об отношении крестьян к красноармейцам // Наша война. 1919. 18 июля.
22. Лапин Я.Н. Архангельская тюрьма в 1920 г. // Красный террор глазами очевидцев: сборник / Под ред. С.В. Волкова. М, 2009.
23. Морозова О. М., Трошина Т. И. Красные делегатки как вариант советского феминизма // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2014. № 22.
24. Нарский В. «Комплекс мачо», продажная любовь и вкус человечины: гендерные составляющие выживания в русской революции. [Электронный ресурс]. URL: http://www.genderstudies.info/sbornik/sbornik5.php (дата обращения: 15.11.2014).
25. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 752. Оп. 2. Д. 2.
26. Трошина Т.И. Пинежские «валеты»: восстание перевертышей в ноябре 1919 года // Родина. 2011. № 2.

В.Л. Нестерова

Россия, г. Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема гендерных отношений сегодня находится в ряду наиболее актуальных, вместе с этим постоянно изменяющихся и потому явно недостаточно исследованных. Многие ученые пишут о кризисе традиционных представлений о роли мужчин и женщин в обществе, расплывчатости понятий маскулинности и феминности, о формировании «среднего» пола. Однако социологические исследования реального положения представителей различных полов показывают, что большое количество гендерных стереотипов фиксируют действительное положение вещей. Распространенными стереотипами до сих пор являются: «у женщин проблемы с самооценкой», «женщины не стремятся к высоким достижениям», «женщинам присуще тщеславие», «женщины слишком эмоциональны», «женщины не разбираются в технике», «женщины – слабый пол», «женщины – плохие начальники», «женщины более романтичны, чем мужчины», «женщины транжирят деньги», «женщины хотят быть вечно молодыми» и т.п. История формирования взглядов и гендерных стереотипов на господствующее положение мужчин и на понятие мужественности идет, несомненно, из глубины веков и связана с защитой племени от набегов соседей и диких животных, чуть позже – с укреплением частной собственности и появлением законов о наследовании, в которых мужчина был закреплен собственником.

На протяжении всей эпохи патриархальной культуры женщине и девушке приписывались свойства нерациональности, вплоть до иррациональности, духовной неполноценности, принципиальной незавершенности без мужа, мужчины. Философская школа психоанализа усматривает комплексы женщины проистекающими из ее физического несовершенства по сравнению с мужчиной, однако эти комплексы скорее воспитаны многими поколениями традиционного общества. В традиционном обществе женщину рассматривают как товар, но не

как личность.

Современная женщина занимает более независимое положение, ее самостоятельность проявляется в активной жизненной позиции, которую она занимает в просвещенном мире. В области экономики происходит активное развитие женского бизнеса. Практика показывает, что женщины быстрее приобретают опыт управления фирмами в нестандартных и неопределенных ситуациях. В экономической сфере, где фактор неопределенности доминирует, оказываются уместными и позитивными именно феминные качества, такие как умение налаживать контакты с людьми, слушать и говорить «по душам», эмоциональность, сопереживание, интуиция, добросовестность, ответственность не только за себя, но и за других, желание понять все самой и научиться всему, что необходимо по работе.

Современные экономические отношения вынуждают своих субъектов овладевать традиционными чертами маскулинности – логичностью, рациональностью, склонностью к быстрым волевым решениям, объективностью, находчивостью, но также и чертами феминности – интуицией, хитростью, ситуативностью. В современной экономике происходит постоянное переопределение личностных качеств субъекта. Для достижения наилучшего результата личность должна демонстрировать знаки, присущие определенным гендерным стереотипам, постоянно находиться в состоянии гендерной репрезентации, т.к. только в этом случае может быть обеспечена высокая конкурентоспособность.

Женщины современного информационного, просвещенного общества все более активны в сфере политического бытия, и это дает позитивные результаты. По данным социологов и социальных психологов, государство стабильно, если 30–40% его руководителей составляют женщины. В Швеции почти половина кабинета министров – женщины, в парламенте свыше 60% депутатов женщины. В России же очень сложно проходит внедрение женщин в политическую сферу, не более 11% российских женщин участвуют в политике [2, с. 163]. Активное участие женщин в экономике и политике вызывает у женщин стремление достичь успеха в производственной и общественной деятельности за счет репрезентации маскулинных качеств и вынужденного соблюдения мужских правил игры через коммуникативную систему символов.

Гендерные модели поведения женщин и мужчин отражают происходящие изменения в глубине социального и национального самосознания людей современного общества. Во многом это связано с трансформациями глобального общемирового характера, с переосмыслением духовно-нравственных устоев общества, с процессами всеобщей унификации, глобализации и потерей самобытности во всех областях, в том числе и в сфере гендерной идентичности.

Наряду с коммуникацией семья продолжает играть фундаментальную роль в формировании модели всего социального поведения личности и появления определенного рода мировоззренческих установок. Семья представляет собой самое прочное социальное образование, изменения в которой могут смещать все социальные ситуации. Постмодернистская перестройка культурного основания кардинальным образом меняет представление о внутреннем смыслообразующем компоненте семьи, являясь естественным продолжением ценностного переворота. Такие конструктивные деформации семейного ядра, которые ранее считались абсолютным отклонением от необходимой нормы, теперь приобретают статус ориентированной желаемости. Брак не является пожизненным, его логическим завершением, не представляющим никакой системной сложности, является развод. Наличие неполных семей больше не полагается шокирующим, постыдным фактом, более того, смысловая значимость термина «брак» теряет свою изначальную значимость, заменяя ее на субъективные представления, находящие отражение даже в сфере правового определения семьи. Чтобы вступить в брак или являться участником брачных отношений, в общем представлении больше не требуется традиционной формы, определенной наличием государственной регистрации совместного проживания.

Возникли такие новые брачные образования, как гражданский брак (совместное проживание без регистрации и правовых обязательств); коммунальный брак (проживание вместе нескольких семейных пар); открытый брак (одобрение участниками семейных отношений интимных связей на стороне); корпоративный брак (являющийся иногда самобытной формой брачного образования или присутствующий в качестве компонента других форм брака, основанных на материальном расчете).

Данные изменения, произошедшие в струк-

туре семейной ячейки, становятся отражением происходящего внутри общества, реагируя на ускоряющийся темп общественной жизни, становясь своего рода вызовом современности, заставляющим человека находить способы личного уединения. Другой причиной существования подобного рода явлений выступает усложнение структуры производственно-экономической сферы общества, результатом чего становится невозможность поддержания традиционной формы семейного образования из-за выполняемой профессиональной роли.

Таким образом, являясь ранее первостепенным и общим условием для выполнения правильной, успешной социализации в обществе, сегодня семья в процессе формирования личности является значимой лишь на первых этапах ее формирования.

Другой взгляд на дальнейшее развитие влияния семьи в процесс социализации получил свое развитие благодаря статусному возрастанию информатизации, ведущей к образованиям информационных цивилизаций, распространению новых компьютерных технологий, что, по мнению американского социолога и футуролога О. Тоффлера (1928), приведет к возможности получать знания и работать не выходя из дома. Это послужит, в свою очередь, возвращению главенствующего статуса в процессе социализации семьи, хотя сейчас и наблюдается кардинально обратный процесс [5, с. 95].

Гендерная идентификация, которая имеет исключительную важность как для каждого индивида, так и самого общества, формируется в процессе коммуникации. Обществу необходимо отыскивать новые возможности контроля над формированием, трансляцией и возможной деформацией гендерных ролей, являющихся ориентирами для гендерной идентификации. В условиях глобализационного общества процессы идентификации усложняются. Из социального пространства традиционные гендерные технологические средства, такие как семья, религия, образование, постепенно вытесняются, заменяясь более эффективными и массовыми технологиями, аудиовизуальной культурой: кино, телевидением, Интернетом, СМИ, рекламой.

Современная информационная среда обитания индивида насыщена образными сообщениями о том, что представляют собой гендерные эталоны, каково различие между ними. Информационное воздействие СМИ, особенно телесериалов и Интернета, изменяет баланс между различными элементами гендерной идентификации, которая проецируется во все составляющие социальной идентичности, поэтому гендерное измерение можно выделить во всех элементах ее самоидентификации.

В коммуникационном пространстве ее большую часть составляют социальные мифы, стереотипы, традиции. Гендерные стереотипы облегчают взаимопонимание в обществе в вопросах о значении понятий маскулинного и феминного и создают предпосылку для эффективного межличностного общения. Кроме того, стереотипы позволяют раскрыть в коммуникации не общее значение мужского и женского, а индивидуальные особенности субъектов. Функционирование гендерных стереотипов в современном социуме имеет позитивное значение, которое состоит в обеспечении взаимопонимания между мужчинами и женщинами, а также в создании условий преемственности такого понимания.

Транслируемые гендерные стереотипы должны соответствовать действительным представлениям мужчин и женщин друг о друге и о себе, в этом случае общество будет стабильным. Особенно это важно в современном информационном обществе, где традиционные этнические, культурные и религиозные объединительные идеи утрачивают свое собирательное значение, а гендерный аспект концепции гражданского общества еще не до конца прояснен. В этом случае межличностная коммуникация будет включать обмен гендерными значениями, в большей степени сводиться к взаимному выяснению значений мужского и женского, а не общению индивидов. Если не будет истинного понимания мужского и женского, маскулинного и феминного, то может возникнуть отчуждение между мужчинами и женщинами, а также между поколениями. Гендерные стереотипы должны обновляться, и они обновляются под воздействием вновь возникших исторических условий. Но этот процесс не прост: традиционные стереотипы консервативны, вступают в конфликт с новыми тенденциями в развитии гендерных отношений. Процесс коммуникации, не учитывающий изменения гендерной ситуации, не сопровождающий интенсивным обменом гендерных значений, может быть только поверхностным, механическим, утилитарным.

Для нормального функционирования социума и человека большое значение имеют сте-

реотипы, потому что в современном мире темп жизни заметно увеличился, а поток информации возрос. Социальные стереотипы выполняют функцию «экономии мышления», содействуют «сокращению» процесса познания и понимания происходящего в мире и вокруг человека, а также принятию необходимых решений. Велика роль стереотипов в коммуникационных процессах. Они закрепляют информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях. Кроме того, стереотипы позволяют людям обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать одинаковую ценностную ориентацию, единое мировоззрение. Социальные стереотипы, в том числе гендерные стереотипы, ускоряют возникновение поведенческой реакции на основе эмоционального принятия или неприятия информации. Наконец, стереотипы способствуют созданию и сохранению положительного, защите групповых ценностей, объяснению социальных отношений, сохранению и трансляции культурно-исторического опыта.

Все вышеотмеченные функции выполняют гендерные стереотипы, аккумулируя опыт поколений относительно поведения женщины и мужчин, их черт характера и стиля поведения.

Гендер – философская категория, которая обозначает совокупность культурных характеристик, определяющих социальное поведение мужчин и женщин, их взаимоотношения. Гендер относится не просто к женщинам или мужчинам, отношениям между ними, а к способу социального конструирования этих отношений, к тому, как общество «выстраивает эти отношения взаимодействия полов в социуме» [6, с. 9].

С понятием гендера органично связано понятие «гендерные стереотипы», выражающее внутренние установки в отношении места мужчин и женщин в обществе, их функций и социальных ролей. Гендерные стереотипы делятся на традиционные и постмодернистские. Многие традиционные стереотипы являются своеобразным барьером в установлении подлинного равенства в современном обществе. В них даны образы и указано предназначение представителей разных полов, распространенные в тот или иной период. Так, в дореволюционной России в качестве положительного идеала доминировал образ патриархальной матери, хозяйки, христианки. В России периода построения коммунистического общества, когда осуществлялась индустриализация страны и требовался напряженный физический и умственный труд, активное участие в нем женщин, господствовал тип «работницы и матери». Однако идеология «естественного предназначения женщины» продолжала существовать наряду с феминистским взглядом о полном равенстве с мужчинами. В период перестройки СМИ активно начали формировать положительное отношение к возрождению традиционной роли женщины как хранительницы домашнего очага. Для укрепления семьи и повышения рождаемости М.С. Горбачев в 1987 г. предложил «новую» систему моральных ценностей, заявив: «женская эмансипация зашла слишком далеко, женщина должна вернуться к своей женской миссии» [4, с. 8].

Распределение ролевых функций между мужчинами и женщинами разнообразно, характер, особенности гендера зависят от региона, этноса, образования, воспитания, темперамента субъекта. Патриархальный тип отношений между полами интенсивно стал разрушаться в СССР раньше, чем в других странах. Самостоятельность женщины, независимость от семьи и мужа, увлечение комсомольской, профсоюзной и партийной деятельностью широко распространялись по стране, порождая позитивные и негативные последствия. Неоднозначность в характере гендерных отношений сохраняется и сегодня, патриархальное и современное сосуществуют повсеместно. Эта ситуация отражена в современных средствах коммуникации. Например, в известном еженедельнике «Аргументы и факты» женщины часто предстают либо как потребители, либо как маргинальная группа (проститутки, деклассированные элементы, преступницы). В других массовых печатных изданиях объем по женской тематике очень скромный. Зато женское тело во всех ракурсах во всех газетах и журналах, как глянцевых, так и неглянцевых, смакуется до неприличия. Для того чтобы еще больше привлечь внимание ко всем частям женского голого тела, печатают фотографии популярных в шоу-бизнесе женщин.

Особый разговор о присутствии женского образа в рекламе. Там женщина фотографируется чаще всего на фоне кухонного интерьера и спальни или с бесчисленными стиральными порошками и средствами для чистки посуды. На телевидении в рекламных роликах или в телесериалах, в шоу-программах женщина ярко показывается как искусная соблазнительница, а муж-

чина – как сексуальный охотник. И.В. Грошев, автор статьи «Рекламные технологии гендера», отмечает, что «успех рекламы зависит от обращенности к устоявшимся гендерным конструктам и стереотипам», к неосознанным на рациональном уровне шаблонам нашего восприятия межполовых отношений мужчины и женщины [7, с. 185]. Акцент на экранной коммуникации делается на интимных частях женского тела: оголенные плечи, почти полностью оголенные груди, ярко окрашенный и широко открытый рот, пышные ягодицы – все это превращено в главные ценности и эстетические идеалы.

Определенную картину о заботах, интересах, потребностях, стиле жизни женщин дают женские журналы, например такие как «Лида», «Она», «Домашний очаг» и т.д. Подобные журналы учат женщину быть красивой и привлекательной, уметь развлечь мужчину и доставить ему удовольствие. Предназначение женщины – умение хорошо вести домашнее хозяйство, вкусно готовить, уметь пользоваться косметикой, быть искусной в постели. Женщина рассматривается вне производственной, общественной работы, вне мировых событий, вне культурной жизни страны.

Взгляд на женщину как на подчиненного человека, зависимого от мужчины, существует столько, сколько существует патриархальное общество, т.е. до сегодняшних дней. Царь Вавилона Хаммурапи в XVIII в. до н. э. сформулировал законы, в которых, в частности, говорилось: «…женщина должна постоянно находиться в зависимости от своих мужчин вследствие собственной глупости: отца в детстве, мужа в зрелости и сына в старости» [7, с. 107]. Прошло много времени, исторических событий, социальных изменений, однако гендерные стереотипы продолжают существовать, представляя собой рецидив патриархального сознания.

Несмотря на то, что женщины составляют большую часть населения страны, они фактически отстранены от принятия государственных решений. По-прежнему в Государственной думе России женщин около 10%, в то время как в Верховном Совете СССР женщин было 40%. В правительстве России женщин единицы, а, к примеру, в правительстве Франции – 50%. К сожалению, ситуация складывется «по глубокой старинке»: мужчинам – власть, женщинам – семья и дети. Этот стереотип прочно проник в массовое сознание. Мужчины делают карьеру, реализуют себя как личность, а женщины готовят, стирают, нянчат детей, ублажают мужчин. Эти образы мужчин и женщин предстают перед нами довольно стереотипно.

Нарушения прав женщин в России носят систематический и массовый характер. И как мы видим, полного демократизма удастся достичь лишь тогда, когда будут реализованы во всех сферах общественного бытия принципы равных прав и равных возможностей женщин и мужчин. Одним из важнейших средств борьбы против патриархальных предрассудков является устранения сексизма, т.е. дискриминация по признаку пола. Средства массовой коммуникации не должны закреплять и транслировать патриархальные гендерные стереотипы. Гендерная неграмотность препятствует осмыслению идеи равенства прав и равенства возможностей для женщин и мужчин. В стране должны действовать законы, запрещающие сексизм в СМИ, важно, чтобы средства массовой коммуникации не укрепляли отжившие свой век гендерные стереотипы, а помогали их изменять.

Проблема взаимоотношений мужского и женского начал, мужчин и женщин – вечная философская проблема, которая существует столько, сколько существует человечество или весь мир. Именно исходя из этого нельзя согласиться с утверждением О.Ю. Марковой, сделанным в 2003 г., что гендерные исследования ведутся в мире более тридцати лет [3, с. 160]. В данном случае точкой отчета возникновения гендерных исследований является появление в конце 60-х гг. термина «гендер».

На самом деле интерес мужчин к женщинам, а женщин к мужчинам всегда существовал на обыденном, повседневном уровне, в астрологии, затем в философии проблема мужского и женского была поднята на теоретический уровень. Изучение функционального содержания мужского и женского начал происходило успешно с древнейших времен. Термин «гендер» пополнил категориальный аппарат гуманитарных наук, ведущих исследование междисциплинарной научной проблемы прошлого, настоящего и будущего деления человечества на мужчин и женщин.

Библиографический список

1. Баранов С.Т., Нестерова В.Л. Проблемы гендерной культуры в условиях глобализации. Ставрополь, 2013.
2. Макаров В.В., Василенко И.В. Философия и социология пола. Волгоград, 2002.
3. Маркова О.Ю. Женщина и общество: проблемы наступающего века // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В.В. Парцвания. СПб., 2003. С.160–180.
4. Скорнякова С.С. Женщина и власть в России – уроки демократии. СПб., 2000.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001.
6. Шведова Н.А. Просто о сложном: гендерное просвещение. М., 2002.
7. Якобсон В.А. Законы Хаммурапи // История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982. С. 103–108.

Н.С. Нижник

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

МИЛИЦИОНЕРКА: НОВЫЙ ОБРАЗ ТРУДЯЩЕЙСЯ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ

Качественному изменению исследований статуса женщин, женской повседневности, проблем самоорганизации женщин и их адаптации к различным социальным катаклизмам в российском государстве способствовало оформление в исторической науке нового направления – истории женщин и появление Российской ассоциации исследователей женской истории. Важный вклад в углубление знаний о женщине внесла историк, антрополог Наталья Львовна Пушкарёва. Доктор исторических наук, профессор Н.Л. Пушкарёва – основоположница исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке, президент Российской ассоциации исследователей женской истории, член исполкома Международной федерации исследователей женской истории (МФИЖИ) и глава Российского национального комитета МФИЖИ. Н.Л. Пушкарёва разработала теорию и методологию гендерных исследований; своими работами [27; 25; 26; 23; 29; 32; 28; 22; 31; 30; 24] она определила основные направления научных исследований в сфере этнологии русской семьи, пола, сексуальности, расширила представления об истории женского движения в России, истории русского традиционного быта и повседневности.

Одно из направлений гендерных исследований – история вовлечения женщин в общественное производство. В этой области исторических знаний исследованными не в полной мере остаются проблемы, касающиеся использования труда женщин на производстве и государственной службе, и фактически неизученными – вопросы привлечения женщин на службу в правоохранительные органы России.

Возможность работать в органах полиции женщины России получили в годы Первой мировой войны, которая оказала существенное влияние на самоидентификацию россиянок, на определение их роли в общественной жизни страны и системе государственного управления. Война сформулировала новые требования к рынку труда и в условиях мобилизации мужчин на фронт придала женскому труду особую востребованность. Женщины заняли мужские места в тяжелой промышленности, транспорте, телеграфном ведомстве. В некоторых отраслях женщины стали составлять более половины работающих. Женщинам стали доступны многие, ранее закрытые для них профессии: адвокатов, инженеров, агрономов, фабричных инспекторов, государственных служащих, преподавателей. Широкую востребованность получили женщины-врачи. Женщины приобрели доступ к высшему университетскому образованию (1915 г.) и возможность получить профессиональную подготовку различного профиля. В военные годы в привычный обиход вошли названия женских профессий: «юристка», «журналистка», «докторша» «музыкантша», «композиторша» [19, с. 211]. В повседневном словаре появилось слово «гражданка» [16, с. 37], которое отражало реальные процессы создания нового типа женщины, свободной от стереотипов и привычек прежней повседневной жизни, и формирования коллективной женской идентичности в России. Отношение социума, властей, духовенства к женской роли и положению россиянок в обществе в начале XX в. изменилось: война внесла существенные коррективы в представления о гендерных ролях и традиционной

фемининности. Война позволила женщинам не только продемонстрировать свои организаторские способности, но и реально добиться равноправия в профессиональной сфере и общественной жизни российской провинции. Российские женщины одними из первых в Европе добились равноправия и в политической сфере.

Постановление Совета министров Российской империи «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов» от 23 октября 1916 г. [1, с. 345–346] позволило женщинам наравне с мужчинами занимать должности до VIII класса Табели о рангах включительно в канцеляриях уездных исправников, полицмейстеров и приставов. Служебные права сотрудников мужского и женского пола не различались. Существенные различия имели лишь перспективы карьерного роста: производство женщин-сотрудников в чины и на награждение их орденами нормативными актами Российской империи предусмотрены не были.

Февраль 1917 г. принес кардинальные перемены в жизнь России: Российская империя на политической карте мира существовать перестала, царская полиция была упразднена. Попытки Временного правительства создать новый орган охраны правопорядка привели к созданию народной милиции, правила комплектования которой и возможность службы женщин в ней не успели получить развернутого урегулирования. Октябрь 1917 г., «до основания» разрушивший прежний «мир насилия», создал новое российское государство с новой формой правления и новые органы управления страной.

В соответствии с Постановлением Народного комиссариата внутренних дел РСФСР от 28 октября 1917 г. «О рабочей милиции» [2] при всех советах рабочих и солдатских депутатов должны были быть созданы отряды рабочей милиции. Характеристиками советской милиции в первые месяцы ее существования были волонтёрство, отсутствие постоянных кадров и безвозмездность работы [9, с. 7], но напряжённая социальная борьба внутри государства и нарастающая опасность со стороны внешних врагов требовали создания штатного государственного органа для охраны революционного порядка и борьбы с преступностью. На проходившем в июле 1918 г. I Всероссийском съезде председателей губернских советов и заведующих губернскими отделами управления была принята резолюция «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции», в которой говорилось о необходимости организации милиции, имеющей штат сотрудников, постоянно выполняющих возложенные на них обязанности. Вскоре при исполнительных комитетах советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов начали создаваться подразделения милиции, соответствующие новым требованиям [5, № 23. С. 2]: штатными милиционерами могли стать признававшие советскую власть граждане РСФСР старше 21 года, наделенные в соответствии с советской Конституцией активным и пассивным избирательным правом и имевшие определенный уровень грамотности [5, № 23, с. 3].

Наряду с мужчинами, к службе в советской милиции были допущены и женщины. «Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? – рассуждал В. И. Ленин. – Действительно народная, то есть … состоящая из всего поголовного населения, из всех взрослых граждан обоего пола…» [21, с. 20]. «Не привлекая женщин к общественной службе, к милиции … не вырывая женщин из их отупляющей домашней обстановки, нельзя обеспечить настоящей свободы, нельзя строить даже демократии, не говоря уже о социализме», – подчеркивал глава первого советского правительства [21, с. 20]. Служба в милиции попала в сферу профессиональных интересов женщин [20, с. 21].

Становление советской милиции существенно осложняли Гражданская война и мобилизации в действующую армию, которым милиционеры подлежали на равных со всеми трудящимися основаниях [5, № 21–22, с. 2]. Из милиционеров формировались отряды для участия в боевых действиях на фронтах. Из Петрограда, находившегося в непосредственной близости к трём боевым фронтам, в 1918–1919 гг. на фронт отправились более 1,5 тыс. сотрудников петроградской милиции, в числе которых были милиционерки М. Елесина, А. Кожацай, М. Коступис, М. Лазарева, М. Маркова, Т. Рожкова, Ю. Юрвич [11, с. 50].

Работа милиции, на которую возлагались важные задачи по организации общественной жизни, нехваткой сотрудников была существенно осложнена. В Петрограде нормой стали дежурства продолжительностью в несколько дней. «Трудно это, что и говорить, но другого выхода нет», – констатировали петроградские корреспонденты журнала «Красный милици-

онер» [7, 1919, № 3]. Требовались меры для привлечения дополнительных сил в милицию. 2 мая 1919 г. отдел управления Петроградского совета возбудил ходатайство перед Народным комиссариатом внутренних дел об организации в Петрограде женской милиции [34, с. 67].

«Призыв Петроградского совета: «Работницы, на охрану тыла, в милицию!» встретил дружный отклик среди т. т. женщин, – сообщала «Красная газета» 27 мая 1919 г. – … В желающих поступить в милицию не чувствовалось ни малейшего недостатка; едва успевали регистрировать и принимать явившихся» [6, № 116, с. 2]. В первый день работы комиссии по записи в милицию явилось около 100 женщин [6, № 116, с. 2], столько же – во второй [6, № 117, с. 3] и в два раза больше – в третий [6, № 118, с. 2].

Для отбора из всех кандидаток лиц, соответствующих необходимым требованиям, комиссия по записи женщин в петроградскую милицию потребовала от них заполнения опросных листов и сообщения сведений о своем семейном положении, имеющейся профессии и партийной принадлежности. Кандидатки должны были выдержать испытания, подтверждающие их грамотность, – написать диктант. Член приемной комиссии в течение всего рабочего дня без перерывов читал текст, который женщины должны были писать под диктовку. Прибывшая с заявлением женщина садилась за общий стол, за которым находился и диктующий, и кандидаты на службу, и начинала писать диктант с первой услышанной фразы. Когда испытуемая исписывала лист до конца, она шла к следующему столу, где диктант проверяли другие члены приемной комиссии. По результатам проверки диктанта делался вывод о грамотности кандидатки [20, с. 22]. Организационными основаниями для зачисления женщин на службу в подразделение милиции должны были стать рекомендации партийных организаций или комитетов бедноты, а также итоги собеседования, в ходе которого кандидатки должны были ответить, например, на такие вопросы: «Куда вы денете, если найдете, утерянную продовольственную карточку?» [20, с. 22].

Малосообразительным в приеме на службу сразу отказывали. Тех, кто справлялся со всеми испытаниями и соответствовал иным требованиям, направляли на медицинский осмотр [20, с. 22]. После прохождения медицинского осмотра, в случае полной годности по всем параметрам, работница направлялась в Рабоче-крестьянский университет [6, № 116, с. 2] на профессиональную подготовку.

Из первого выпуска женщин-слушательниц отделения советской милиции Рабоче-крестьянского университета 152 милиционерки были направлены в районные отделения милиции, 370 милиционерок пополнили сводный боевой отряд Управления городской милиции [20, с. 22]. 40 лучших выпускниц были назначены старшими милиционерами, выполнявшими в то время обязанности участковых уполномоченных [34, с. 69]. Только за июнь–июль 1919 г. на службу в петроградскую милицию было принято более 600 женщин [9, с. 19]. Из 982 выпускников отделения советской милиции Рабоче-крестьянского университета, прошедших обучение летом 1919 г. – зимой 1920 г., большую часть составляли женщины: обучение успешно закончили 183 милиционера-мужчины и 799 сотрудников милиции – женщин [20, с. 23].

После обучения милиционерки направлялись в различные подразделения для дальнейшего прохождения службы. Они обеспечивались обмундированием [36, с. 84, 88], красноармейским пайком и должностным окладом. Наравне с мужчинами они несли постовую и патрульную службы в трудных условиях военного времени [10, с. 373–374]. Они охраняли промышленные объекты, общественные склады и учреждения, детские приюты и места заключения женщин, работали в подразделениях уголовного розыска, тщательно выполняли возложенные на них обязанности по борьбе с детской преступностью и проституцией, выполняли другие служебные поручения [34, с. 70; 10, с. 374].

Не редкостью были участки, на которых женщины становились основной рабочей силой. Никаких различий в условиях службы милиционеров-мужчин и милиционерок-женщин практически не было. Трудности службы в условиях Гражданской войны были очевидными: продолжительность службы в июле–октябре 1919 г. составляла 12 часов в сутки, а в октябре–ноябре 1919 г. – 24 часа [10, с. 374]. В условиях нахождения на службе по несколько дней «портянки на ногах сопрели, завелись неприятные насекомые» [7, 1919, № 3, с. 3]. В зимнее время жизнь постовых милиционеров усложняли погодные условия: ветра, морозы при высокой влажности, короткая продолжи-

тельность светового дня. В ноябре 1919 г., когда в Петрограде стояли сильные морозы, а на складах обмундирования ватников и валенок на всех не хватало, милиционерки стояли на посту в лёгком пальто без смены по четыре часа [12, с. 95–96]. Отдыхать и обогреваться после дежурства часто было негде: помещения участковых управлений милиции плохо отапливались [13, с. 23–24].

Несмотря на трудности объективного и субъективного характера, «милиционерки ревностно выполняют все возложенные на них обязанности… Своим примером они даже положительно влияют на милиционеров-мужчин» [36, с. 57]. Один из них, милиционер 19-го участка Петрограда М. Боков, милиционеркам первых лет советской власти посвятил свои незамысловатые восторженные стихи:

Пришла зима суровая, –
Морозно на мосту.
А ты стоишь безропотно
С винтовкой на посту.
Тебя призвала Родина
Исполнить долг святой,
И ты стоишь на страже
Как верный часовой [7, 1919. № 6, с. 1].

Образцовое поведение милиционерок становилось предметом общественного внимания. Руководству управления петроградской милиции было известно о том, как милиционерка 16-го участка милиции Петрограда Лариса Цветкова, сопровождая арестованного в Комиссариат труда, заметила стоящего у трамвайной остановки бежавшего накануне из участка арестанта Голофеева. Она подошла к нему и предложила следовать за ней в участок. Голофеев снова попытался бежать, но под угрозой оружия был доставлен Цветковой в участок. Другой арестованный при этом был предварительно сдан в место назначения. За умелые и энергичные действия милиционерке Л. Цветковой была объявлена благодарность [20, с. 23]. Милиционерка 36-го участка Хильда Рюзак нашла на территории участка платок, в котором было завернуто 2470 руб. Деньги милиционерка сдала в управление участка. За честное и ревностное отношение к служебным обязанностям Х. Рюзак была объявлена благодарность [20, с. 24].

Сотрудник НКВД, делегированный с поездом «Октябрьская революция» по линии Москва – Пенза – Самара – Оренбург для проверки работы милиции в регионах, 27 сентября 1919 г. в отчёте о работе милиции посещенных городов писал, что женщины-милиционеры вполне справляются со своими обязанностями, удачно заменяя мужчин [8, с. 46]. Осенью 1919 г. женская милиция существовала уже не только в Петрограде и Москве, но и в иных городах Советской Республики, правда, не получив широкого распространения в провинции [20, с. 23–24].

Неукомплектованость подразделений милиции сотрудниками, обусловленная мобилизациями и увольнениями по болезни, сложные условия службы и быта, плохое материальное обеспечение способствовали росту в 1919 г. числа дисциплинарных проступков и иных правонарушений работников петроградской милиции. Среди правонарушителей были и милиционерки, которые получали взыскания: за самовольный уход с поста или из караульного помещения (часто для того, чтобы согреться от мороза); за упуск арестованного (часто потому, что приходилось конвоировать арестованного одной, хотя для выполнения такого задания полагалось два конвоира); за опоздание, самовольный уход из караульного помещения и передачу записок от арестованных; за «спань на посту» и отобрание лепёшек у торговок в свою пользу; за побег при перестрелке и принятие от арестованных взятки; за грубое отношение к начальникам и расхищение дров; за непроверку печатей при вступлении на пост, небрежное обращение с казённым обмундированием, выдачу неправильной расписки в принятии папирос, присвоение найденного чемодана, несвоевременную явку из отпуска, поощрение воров, способствование побегу арестованных, систематическое нарушение служебных правил, неоднократное нарушение постовой службы и безнравственное поведение и др. [13, с. 24; 20, с. 24]. За правонарушения милиционерки подвергались наказаниям. Но были и такие случаи, когда объяснение причин своего недолжного поведения женщинами – сотрудниками милиции находило сочувствие органов правосудия, и народный суд или суд военно-революционного трибунала оправдывал милиционерку и восстанавливал ее в должности [13, с. 24; 20, с. 24].

При этом служба женщин в милиции в целом получала общественную поддержку и высокую оценку. Газеты и журналы неоднократно писали о том, как в тяжёлых условиях военного времени милиционерки, занимая должности конторщиц, делопроизводителей, караульных, старших милиционеров, выполняли на участ-

ках самые разнообразные обязанности. Были такие сферы деятельности, где милиционерки, по свидетельствам современников, тщательнее, чем мужчины, выполняли возложенные на них обязанности. «Работница и вдумчивей, и с большей любовью, будет вести, например, наблюдение по внешнему порядку, по борьбе с детской преступностью и торговлей, по предупреждению и развитию преступности и проституции», – констатировал журнал «Красный милиционер» [7, 1919, № 1, с. 5]. Милиционеры-мужчины, относившиеся с иронией к женщинам в своих рядах в первые дни создания женской милиции, отмечалось на страницах «Красного милиционера», перестали снисходительно смотреть на них: в любую погоду, днём и ночью женщины стояли на своём посту, стойко и мужественно перенося тяготы милицейской службы, ничем не уступая милиционерам [7, 1919, № 1, № 5].

Деятельность женской милиции была признана эффективной в Петрограде, Москве и других городах [8, с. 46]. В Иваново-Вознесенске, например, милиционерки полностью справлялись с возложенными на них обязанностями и «своим отношением к службе показывали пример всему личному составу, положительно влияя на общую дисциплину» [7, 1928, № 11, с. 55]. Женская милиция смогла заменить ушедших на фронт милиционеров-мужчин [36, с. 84, 88]. Но после окончания Гражданской войны перед милицией были поставлены новые задачи [34, с. 86], был взят курс на упрощение и удешевление аппарата управления, «ликвидацию излишних звеньев, волокиты и бюрократизма» [36, с. 79], реорганизацию милиции. В таких условиях женская милиция была упразднена, приём женщин на службу в милицию фактически был прекращен. К 1928 г. женщины в милиции уже не служили (единицы женщин-сотрудников составляли исключение) [18, с. 35–37]. По решению НКВД РСФСР от 30 июля 1928 г. привлечение женщин на службу в органы милиции осуществлялось в количестве, не превышающем 10 % штатного состава работников данного органа [4, 1929, № 10, с. 61] (в Иваново-Вознесенском губадмотделе, например, летом 1928 г. было принято на службу 19 женщин, что составило 7 % от общего числа сотрудников [4, 1928, № 11, с. 55]).

Рассмотрев представленные с мест материалы о результатах работы женщин в милиции, НКВД признал нецелесообразность ограничения приёма женщин в ряды милиции и рекомендовал производить их приём наравне с мужчинами [4, 1929, № 10, с. 61]. Однако практика привлечения женщин в органы милиции широкого распространения не получила, и к началу 1930 г. количество женщин в органах милиции составляло всего 1,8 % от общего числа сотрудников [4, 1930, № 5, с. 6–9].

Таким образом, в начале XX в. российские женщины освоили еще одну сферу профессиональной деятельности – службу в милиции. Массовое привлечение женщин на службу в органы милиции в первые годы Советской власти было обусловлено расширением круга поставленных перед милицией задач и стало возможно в связи с предоставлением женщинам права на труд и образование, равного с правом мужчин. Женщины, придя на службу в милицию в трудные годы войны, смогли освоить профессию милиционера, продемонстрировав при этом большую самоотдачу и высокую работоспособность при выполнении своих служебных обязанностей [36, с. 118, 120, 124].

Сегодня в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации над реализацией задач, определенных Федеральным законом «О полиции» [3], работает свыше 170 тыс. женщин [15, с. 2]. Ежегодно число сотрудников полиции – женщин увеличивается. На должностях рядового и младшего начальствующего состава в ведомстве состоят свыше 34 тыс. женщин, а на должностях среднего и старшего начальствующего состава – более 143 тыс. [35, с. 2]. В подразделениях по делам несовершеннолетних доля сотрудников-женщин составляет свыше 80 % [33, с. 14–15], в подразделениях по работе с личным составом – 77 %, в подразделениях дознания – 72 %, в следственных подразделениях – 58 % [35, с. 2]. 30–40 % курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России – девушки, которые в ближайшей перспективе будут составлять треть российских полицейских [17, с. 14]. Более 700 сотрудниц замещают руководящие должности, а 8 из них возглавляют органы внутренних дел [14, с. 2]; женщины есть в руководстве Министерства внутренних дел, ведомственных образовательных учреждений и территориальных органов. Эффективность их служебной деятельности имеет высокую общественную оценку. Только в 2018 г. 42 сотрудницы российской полиции

были удостоены государственных наград [15].

Возрастающая роль женщин в работе органов полиции в разных странах была отмечена на втором (Москва, 2016 г.) международном форуме женщин-полицейских: выросло число женщин-полицейских, расширился круг их профессиональных возможностей, увеличилась роль женщин в решении важных государственных задач в правоохранительной сфере. Полиция в XXI в. приобретает женское лицо.

Библиографический список

1. Постановление Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». 23 октября 1916 г. // Полиция России: Документы и материалы. 1718–1917 гг. / Авт.-сост. А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев и др. Саратов, 2002. С. 345–346.
2. Постановление Народного комиссариата по внутренним делам РСФСР «О рабочей милиции». 28 октября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. М., 1942. № 1. Ст. 15.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 1 апреля 2019 года) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; № 27. Ст. 3880, 3881; № 30. Ч. 1. Ст. 4595; № 48. Ст. 6730; № 49. Ч. 1. Ст. 7018, 7020, Ч. 5. Ст. 7067; № 50. Ст. 7352; 2012. № 26. Ст. 3441; № 50. Ч. 5. Ст. 6967; 2013. № 14. Ст. 1645; № 26. Ст. 3207; № 27. Ст. 3477; № 48. Ст. 6165; № 52. Ч. 1. Ст. 6953; 2014. № 6. Ст. 558, 559, 566; № 30. Ч. 1. Ст. 4259; № 42. Ст. 5615; № 52. Ч. 1. Ст. 7542; 2015. № 7. Ст. 1021, 1022; № 10. Ст. 1393; № 29. Ч. 1. Ст. 4374; 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3870; № 27. Ч. 1. Ст. 4160; № 27. Ч. 2. Ст. 4238; 2017. № 22. Ст. 3071; № 25. Ст. 3591; № 31. Ч. 1. Ст. 4821; № 50. Ч. 3. Ст. 7562; 2018. № 7. Ст. 900; http://www.pravo.gov.ru – 01.04.2019.
4. Административный вестник.
5. Вестник Народного Комиссариата Внутренних дел. 1918.
6. Красная газета. 1919.
7. Красный милиционер.
8. Биленко С.В. Советская милиция России: организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и ее деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.): Учебное пособие. М., 1976.
9. За 8 лет: Материалы по истории советской Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска за 1917 – 12 ноября 1925 гг. Л.: Изд. журн. «На посту», 1925.
10. Засовенко А. Ю. Журнал «Красный милиционер» о работницах-милиционерках первых лет советской власти // Российская полиция: три века служения Отечеству. Материалы юбилейной межд. науч. конф., посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 372–376.
11. Засовенко А.Ю. Милиционерки: расширение сферы профессиональной деятельности женщин в России // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы XI-ой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: В 2 т. / Отв. ред.: Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. Т. 1. М., 2018. С. 50–53.
12. Засовенко А.Ю. О служебной дисциплине сотрудниц петроградской милиции в годы Гражданской войны // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы всерос. научн.-практ. конф. (18 мая 2018 г.) / Ред. Ю. В. Сапронов, Т. Ю. Пантелеева, Н. В. Винникова, А. С. Пеструилов, К. С. Смирнова, Л. Г. Литвяк, В. М. Палий, М. Р. Кангезов. Краснодар, 2018. С. 94–100.
13. Засовенко А.Ю. О состоянии служебной дисциплины среди работниц Петроградской милиции в начале 1920-х годов // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Старостина. Калининград, 2018. С. 22–26.
14. Колокольцев. В. Дорогие женщины! Уважаемые коллеги! // Щит и Меч. 2018. 7 марта. С. 2.
15. Колокольцев. В. Поздравление с Международным женским днем. 8 марта 2019 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://mosday.ru/news/item.php?1814666&view=full (дата обращения: 16.03.2019)
16. Крадецкая С.В. Особенности феминистской периодической печати в России в начале XX века // Женская история и современные тендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей междунар. науч. конф. РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), 1–3 ноября 2010 г., Череповец. Т. 2. М., 2010. С. 34–39.
17. Кузнецова Е. Лучшие женщины в погонах // Щит и меч. 2018. 7 марта. С. 14.
18. Лобанов С. О службе женщин в милиции // Административный вестник. 1928. № 5. С. 35–37.
19. Нижник Н.С. Периодическая печать как источник по истории самомобилизации российских женщин в годы Первой мировой войны // Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования. Материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г. / отв. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2013. С. 207–214.
20. Нижник Н.С., Засовенко А.Ю. Из кухарок в милиционерки: опыт создания женской милиции в Петрограде // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6. № 4. С. 21–25.
21. О пролетарской милиции. Из письма тов. Ленина из-за границы в марте 1917 г. // Делегатка. 1925. № 2(23). С. 20.

22. Пушкарёва Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетейя, 2007.
23. Пушкарёва Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений: дис. … докт. ист. наук. М., 1997.
24. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб., 2017.
25. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
26. Пушкарёва Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.
27. Пушкарёва Н. Л. Положение женщины в семье и обществе Древней Руси, X–XV вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 1985.
28. Пушкарёва Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000. М., 2002.
29. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997.
30. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.
31. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии. М., 2011.
32. Пушкарёва Н. Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях. СПб., 1997.
33. Работаем, не жалея души // Полиция России. 2015. № 3. С. 14–15.
34. Скилягин А.Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди ленинградской милиции: очерки истории. Л., 1967.
35. Сколько женщин служит в МВД России // Щит и меч. 2014. № 9 (1409). С. 2.
36. Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987.
37. Через годы и века… Имперская полиция, советская милиция, российская полиция в исторических фотографиях: фотоальбом / Автор-сост. Н.С. Нижник. СПб., 2018.

Д.А. Николаева

Россия, г. Улан-Удэ, Восточно-Сибирский государственный институт культуры

КУЛЬТ МАТЕРИ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ БУРЯТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Я познакомилась с Натальей Львовной осенью 2010 г., когда приехала в Москву для экспертизы своей докторской диссертации по теме «Женское пространство в традиционной культуре бурят». Надо сказать, что я уже была знакома с ее работами как очень серьезного ученого, которая одной из первых занималась теорией и историей гендерных исследований в России и за рубежом. Меня сразу же привлек ее фундаментальный подход к проблемам женского вопроса. Неудивительно, что труды Натальи Львовны легли в основу моей теоретико-концептуальной базы исследования.

Но когда в Институте этнологии и антропологии меня направили в сектор этногендерных исследований, которым заведует Н.Л. Пушкарёва, я была очень взволнована и напугана, т.к. представляла, что там меня встретит величавая солидная дама с седым пучком на голове. Каково было мое изумление, когда я увидела молодую, красивую и улыбчивую женщину. Она встретила меня очень доброжелательно, внимательно выслушала и сразу же показала себя как опытный и деловой человек, т.к. буквально на моих глазах она организовала обсуждение моей работы, привлекая специалистов из разных городов РФ и СНГ. Примерно через месяц, когда было назначено заседание секции, где зачитывались отзывы рецензентов, я увидела, каким авторитетом и уважением она пользуется среди коллег. Немного позже я узнала ее как талантливого организатора, свидетельством чему являются регулярные научно-практические конференции РАИЖИ, КАИЭ в разных городах РФ, где обсуждаются актуальные проблемы, связанные с гендерными вопросами.

Безусловно, Наталья Львовна сыграла значимую роль в моей жизни. Как весьма разносторонне талантливый и интересный человек, она не только ввела меня в мир гендерной науки, но показала, что каждая встреча с ней – это мои университеты, демонстрируя свою убежденность, внутренний стержень в вопросах феминистского движения. Не зря говорят, что талантливый человек талантлив во всем.

От всей души и от всего сердца – здоровья, успехов, долгих лет жизни, исполнения и реализации всех мечтаний.

* * *

Целью данной статьи является выявление материнского культа в ключевых элементах системы жизнеобеспечения традиционного общества, ориентированного на сакральное осмысление окружающей действительности через женское плодотворящее свойство, обладающее не только пронимальной символикой, но и магической защитой. Это нашло отражение в формировании структуры общества, рода, семьи, обрядовой сферы, организации жилища, поселений, а также в костюмном комплексе женской одежды и украшений.

Так, структура поселений и общего пространства у бурят были выдержаны в форме круга/окружности. К ним относится отдельный жилой комплекс, в котором концентрический принцип формирования жизненного пространства представлен в пространственной структуре кочевого стойбища по кругу. Центральной частью таких поселений (хотоны) выступал общий загон для мелкого рогатого скота и жилой комплекс социума. Внешне хотон у кочевников XIX века выглядел следующим образом: посредине в степи ставилось жилище (юрта) старейшего члена хотона (аха), *вокруг* нее размещались юрты младших членов хотона, весь круг юрт обводился изгородью. Данный принцип основывался на архаических представлениях об уроборосе – символическом чреве-круге матери-прародительницы, в которых концентрированные структуры в соответствии с мифологическими законами наиболее безопасны и надежны (аналог надежной материнской утробы).

Аналогичный подход был характерен для древних насельников, которые выстраивали городища–крепости, убежища и святилища, окруженные тремя рядами стен и валов на территории Предбайкалья. М.М. Содномпилова, выявляя их сакрально-оборонительное предназначение, полагает, что сооружения выполняли мифологические защитные функции. Это связано с тем, что первая ограда была выложена из костей диких животных, птиц и рыб – представителей иного лесного мира – источника тайной силы. Следующая ограда сделана из черного камня, а внутренняя ограда – из коричневого [18, с. 30].

Представляется интересным выявление связи строительного материала указанных оград и родильной обрядности в контексте защитной функции. «В обряде захоронения последа в ямку с последом помещали три черных камня и говорили: «*хара шулуун хаалга, хүрин шулуун хорёо*» (черный камень – преграда, коричневый камень-ограда) [18, с. 30]. По нашему мнению, здесь проявляется материнская функция, связанная с идеей рождения/перерождения, позволяющая выстраивать отношения с иным миром, с целью защиты жизненной субстанции (сульдэ). В данном случае огромную роль играет не только природа материала, где сам камень является материальным вместилищем души ребенка, но и его цвет. Так, согласно архаическим воззрениям, если черный цвет выступает в значении силы, жизни «душа родившегося ребенка должна быть крепка и тверда как камень в отношении злых духов» [5, с. 76], то коричневый выступает в значении защиты/оберега этой души.

Следует отметить распространенность концентрического принципа в жилищно-ритуальных построениях и организации пространства. Так, Б.А. Рыбаков, анализируя ритуальные комплексы в Ржавинцах, Тушемле и полукруговые помещения на Благовещенской горе, обращает внимание именно на круглую форму требищных построек. Он пишет: «именно к этой архаичной и повсеместной форме больших ритуальных строений и относится термин «хоромы», обозначающий в последующее время большую, богатую постройку, но этимологически восходящий, по-видимому, к понятию круга … после крещения – круглое паникадило в церкви, восходящее к греческому χορος – хор, собрание … Понятия «собрание» и «круг» остаются сближенными и в дальнейшем; казачий круг… являлся именно собранием всех полноправных казаков [17, с. 217]. Как видим, ученый ставит в единый ряд славянские и греческие слова, обозначающие «круг», «округ».

Что касается структуры отдельного жилища, то известно, что мифопоэтическая модель мира архаических и традиционных обществ коррелирует с макро- и микрокосмом. Существуют многочисленные примеры изоморфности человеческому телу космического пространства и жилища: «человек творит дом, как Бог мир – по своему образу и подобию» [8, с. 12]. Данные представления довольно широко распространены. «Обозначение деталей жилища частями человеческого тела – естественный акт включения объекта в сферу человеческого мира» [16, с. 288]. Например, М.М. Маковский писал, что в традиционном представлении, дом (жилище, храм) соотносится

со значением половых органов» [13, с. 377].

Мы обращаем внимание на то, что жилище человека воспринималось не просто с «копией человеческого тела», а именно как женский образ. Реликтовыми отголосками данных представлений являются такие элементы конструкции жилища, как «материнская» свая в индонезийском доме, матица в русской избе. При обозначении термина «дом» в древнегреческом языке выступают такие понятия, как «служанка», «пленница», а в родительном падеже – «супруга» [7, с. 842]. У бурят же особую семантическую нагрузку жилища (юрты) выполняет дымовое отверстие, которое можно интерпретировать как родовой путь. Данный момент подтверждается ритуалом протаскивания за веревку сквозь него нового морин хуура (струнный музыкальный инструмент) и пролезание неофита-шамана во время обряда посвящения. По нашему мнению, здесь как раз прослеживается репродуктивная материнская символика жилища, где отверстие символизирует vulva, а веревка – пуповину.

Материнское лоно кинетически и вербально моделировалось также и в обрядовой практике бурят. Например, во время исполнения кругового танца ёхор. Так, в заключительной части девичника участники хоровода (подружки невесты) перемещались непосредственно к дверям юрты, невеста изымалась из числа исполнителей, составляющих круг ёхора, помещалась в его центр и покрывалась шалью. В данной части ёхора это подтверждало статус невесты. Она находится в центре круга, именно вокруг нее танцуют. В данном случае такое положение может символизировать зародыш с последом, как уже указывалось выше. Когда круг ёхора разрывался, невесту выносили на руках, сажали на коня или телегу, затем свадебный поезд отправлялся к жениху. Данный процесс символизировал идею рождения нового человека из круга ёхора, который на данный момент выступал в значении знака женского детородного органа. «В космогоническом коде ёхора можно, на наш взгляд, выделить два мотива. Один достаточно эксплицитно выражается в самой форме хоровода … На мезо- и микроуровнях круг ёхора маркирует материнское чрево, рождающее новое (общество или человека), которое одновременно закрепляет их новый статус» [15, с. 192].

Данный момент подчеркивается также и текстом ёхора:

Хара дала гэхэн урра
Хара шулун оёрто.
Хамаг зон гэхэн урра
Ума эхэ төрөлтө.
Үһан дала гэхэн урра
Улан шулун оёрто.
Улад зон гэхэн урра.
Ума эхэ төрөлтө.
Хөхө дала гэхэн урра.
Хөхө шулун оёрто.
Хөтхө зон гэхэн урра
Ума эхэ төрөлтө.

Черное море, нами называемое,
Имеет дно из черного камня.
Весь народ, называемый нами,
Имеет рождение (из единой утробы).
Водяное море, нами называемое
Имеет дно из красного камня.
Люди и народы, нами названные,
Имеют рождение (из единой) утробы.
Синее море, нами названное,
Имеет дно из синего камня.
Множество народа, нами названное,
Имеет рождение (из единой) утробы.

[20, с. 52].

Как видим, слова, которые завершают каждый куплет, акцентируют происхождение/рождение из материнского чрева всех членов социума.

К сказанному можно добавить, что у бурят культ матери являлся одним из способов, содействующих достижению слитности разнородных сфер. В том числе, он лежит в основе формирования социообразующей системы родства. Например, согласно мифопоэтическим воззрениям, первоначальная семья состояла из праматери и всех восходящих поколений по женской линии. Данное представление отражено в бурятском пантеоне божеств. Так, праматерью всех богов является Эхе-бурхан (Великая богиня). От солнца она родила добрую Манзан Гурмэ (Прародительницу света/ жизни), от которой произошли 55 добрых божеств, от месяца – злую Маяс Хара (Прародительницу тьмы/ болезней), родившую 44 злых божества [21, с. 136, 144]. Благодаря Эхе-бурхан появились на земле и первые люди. На стороне заката солнца она создала женское начало, на стороне восхода – мужское. Они встретились, соединились, отчего родились первые мужчина и женщина [4, с. 263].

Как видим, структура первоначальной семьи, которую С.Г. Фатыхов охарактеризовал как «три матери, живших «там и тогда» [19, с. 27], была образована как интегрированный комплекс матери-прародительницы космического пространства, оказавшего влияние на организацию пространственно-социальной структуры. При переходе материнской семьи в кровнородственную, она включала в себя уже не только праматерь, дочь, детей дочерей, но и мужских потомков. Это можно проследить в сюжетах бурятских эпосов-улигеров. Так, в улигере «Молодец Эрэ Хабтас» есть две матери: одна – мать богатыря, другая – его суже-

ная (жена), затем мать его детей. Как пишет Е.Н. Кузьмина, «таким образом складывается семья: бабушка – глава семьи, ее сын, невестка и внуки» [11, с. 75]. Мы обращаем внимание, что мужские потомки, создавая свои семьи, все еще принадлежали семьям своих матерей.

Материнский культ прослеживается и в родовой структуре традиционного общества. Так, у бурят каждый род распадался на отдельные *уруки/ ураки*, означающие родство по материнской линии. К сказанному можно добавить, что с культом матери связано также возникновение ряда бурятских родов.

Следует отметить, что материнский культ можно выявить и в семейно-брачных отношениях, а именно в сохранившемся у бурят авункулате. Как институт он находит свое объяснение как в материнском роде, так и в организации общества на началах материнства [15, с. 121].

С культом матери-прародительницы связан семантический ряд архаических образов. В первую очередь можно упомянуть образа солярного божества в виде круга, что в свое время привело, как указывалось выше, к появлению круговых коллективных танцев, организации жилища, жилищных поселений в форме замкнутого круга. Это связано в первую очередь с тем, что ориентиром являлось движение солнца. Так, исполнение хороводного танца всегда подразумевает направление движения танцующих «по ходу солнца» («посолонь»), что указывает на связь танца с культом Солнца. Т. Д. Скрынникова пишет: «Западные буряты танцуют ёхор – круговой танец, семантика которого, наряду с другими значениями, состоит в том, чтобы быть символом солнца. Кроме изоморфности круга ёхора солнцу доказательством его безусловной связи с культом солнца является время его исполнения – от заката до восхода, т.е. рождения солнца» [15, с. 114].

Кроме того, можно выявить также связь лексического обозначения бурятского корня хор/ хур, русского «ярый», «Ярило», тибетского «Ярлунг» с индоевропейским термином, обозначающим «солнце» [18, с. 73–74]. Б. А. Рыбаков пишет о понятии круга: «хоро (коло) – круг, хоровод … в языческие времена в этот семантический пучок входил и Хорс – солнце» [17, с. 217].

С другой стороны, антропоморфный облик солнечного божества символизирует трансформацию тотемного животного в образ матери-прародительницы, выполняющей функции плодородия, наделения людей благодатью. При рассмотрении танца ёхор в первую очередь следует обратить внимание на образ животного, который проявляется как на вербальном, так и невербальном уровнях. Аргументируя данными лексического анализа текстов ёхоров, Д.С. Дугаров выявил, что припевные слова-восклицания (ябо ойдо, ойдо ош) выполняли древнюю обрядовую функцию заклинания с целью поднятия на небо душ жертвенных животных, шамана, умерших, а семантика этих слов связана с бегом копытного животного [10, с. 94–96]. Данный образ проявляется и в кинетическом коде ёхора, когда танцующие своими прыжками и скачкой сами изображают бег животного. Т.Д. Скрынникова предлагает обратить особое внимание на пол животного, в данном случае это самка. По этому поводу она пишет: «в этом тексте совершенно отчетливо просматривается движение самки марала, которая приносит в мир живых порожденное ею солнце» [15, с. 187]. В этой связи интересно исследование С. Б. Болхосоева, который выявил в костюмном комплексе женской одежды бурят Предбайкалья орнитозооморфный образ Матери-прародительницы/ Матери-Земли/ Матери-копытного Зверя/ Матери-Природы/ Матери-Солнца [3, с. 133]. Таким образом, в женской одежде отражена картина мира, обладающая родильным и апотропейным потенциалом, а декоративный орнамент символизирует путешествие материнского образа (в разных ипостасях) из иного мира в этот.

Кроме того, в бурятской культуре существуют следы первичности материнского культа в организации обрядового поклонения и его обозначения. Во-первых, мы обращаем внимание на исследование Н.Б. Дашиевой бурятских календарных праздников-тайлганов в языках тюрко-монгольских народов. Она пришла к выводу, что первоначальным значением корня «тай» было понятие «мать, божество». Исследователь полагает, что название этих праздников генетически восходит к тому времени, когда родственники по материнской линии совершали поклонение своим родовым божествам – покровительницам семьи и рода, способствующим размножению, хранительницам потомства и их благополучия в повседневной жизни [9, с. 67, 69].

С материнским культом связан и цикл свадебных обрядов *hаал хургэхэ* (доставлять/ посылать/ провожать жениха/ зятя), сохранившийся у западных бурят. Обряд начинался в доме невесты,

когда жених приезжал к невесте с отцом и родственниками, пригонял условленное количество скота в уплату калыма, привозил вино, мясо и разные подарки для невесты и ее родственников. По мнению Г.Р. Галдановой, матрилокальность данного цикла брачных обрядов подтверждается тем, что первоначально «замуж» выдавали сыновей, а не дочерей [6, с. 135]. Мы согласны с мнением К. Д. Басаевой, которая полагает, что сущность данного обряда заключает более глубокий смысл: умилостивление родовых божеств невесты, выкуп ее у сородичей, а также приобщение жениха к роду невесты [2, с. 67].

Помимо внешней организации обрядовой сферы, культ матери лежит в основе ее внутреннего наполнения. Так, в бурятской культуре существует термин, обозначающий понятие «корень, происхождение» – удха. Традиционно считается, что это слово означает происхождение или наследственность от шаманов, шаманок, кузнецов, родовых начальников. Люди, не имеющие в своем роду удха шаманов, кузнецов, родовых старост, не имели права стать таковыми, за исключением окказиональных случаев. Например, если человек выжил после удара молнией, то считалось, что он как «избранник духов» получил удха и мог стать шаманом. Однако С.П. Балдаев выдвигает предположение, что данный термин возник в материнском строе, а при патриархальном он стал обозначать не происхождение от материнского рода, а наследование профессии или положения [1, с. 25]. Мы согласны с его мнением, поскольку в термине присутствует корень «уд», связанный со жрицами-удаганками, которые в статусе матерей-прародительниц, проводили обряды, связанные с огнем и солнцем для обеспечения благополучия и плодородия в далекую эпоху. Таким образом, данный термин маркировал наследственность членов общества в период культа матерей-прародительниц выполнявших различные жреческие посвятительные функции.

Следует отметить, что в традиционной культуре именно с материнским влиянием буряты связывали собственно наследственность и чистоту крови [12, с. 53]. Так, при выборе невестки большее значение придавали ее качественной генетике: «не было ли среди предков умалишенных, хронически больных, бездетных, алкоголиков, инвалидов, калек» [14, с. 5].

Следует отметить, что актуальность родства по матери подтверждается бытованием у бурят особого статуса «брат матери» (нагаца/ нагаса). Например, до недавнего времени существовали обычаи, по которым он должен был оказывать своему племяннику материальную и моральную поддержку, а также помощь во всех жизненно важных событиях, особенно при женитьбе: обязательно участвовать при сватовстве, принимать или передавать калым и т.д. «Брат по матери должен был своему племяннику дать верхового коня с хорошим седлом и потником, <…> на свадьбу <…> дядя должен был привести откормленного коня или быка для угощения гостей, а также поднести невесте приличный подарок» [1, с. 10]. О его особом положении свидетельствует то, что на свадьбе нагаца/ нагаса занимал самое почетное место, первым получал почетные части именного мяса, молоко, водку. Племянник должен был проявлять к нему всяческое почтение и уважение, даже если дядя был младше по возрасту. Это свидетельствует о том, что в архаические времена женщина искала покровительства и защиты у своих братьев, а не у мужа: «он (брат матери) выполнял и охранные, и наставнические функции. Брат матери-прародительницы не мог безответственно оставлять беззащитных членов рода, как это делал половой партнер матери <…> Если мать-прародительница была в матриархате нравственным и социальным стержнем рода-племени, то ее брат – организационно-силовым стрежнем» [19, с. 63].

Как видим, материнский культ являлся ключевой основой в формировании жизненно важных элементов общества: его внешних структур, лингвистического определения и внутреннего наполнения. Все это говорит о полифункциональности генетических и культурных процессов, в свете которых расширяются наши представления об историческом этнокультурном наследии общества, что играет определенную роль как в истории бурят, так и в сохранении памяти об их самобытной культуре, уходящей в последние десятилетия в прошлое. Кроме того, это дает возможность глубже ставить и решать проблемы, связанные с гендерным исследованием семейных и общественных положений. Реконструкция латентно сохранившихся мифоритуальных представлений, их анализ, а также отдельные разрозненные свидетельства, которые генетически, будучи весьма архаичными, сохранились до наших дней в основном в виде примет, обычаев, фольклора, показывают, что культ матери способствовал комплексной реализации процессов жизнеобеспечения социума.

Библиографичекий список

1. Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.
2. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Новосибирск, 1980. 224.
3. Болхосоев С. Б. Зооморфный образ Матери-прародительницы в декоративном орнаменте традиционной женской одежды бурят Предбайкалья // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2018. Т. 23. С. 124–139.
4. Буряты / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М., 2004.
5. В мире традиционной культуры бурят: сб. статей. Улан-Удэ, 2006.
6. Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 131–159.
7. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2 / Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Тбилиси, 1984. С. 433–1328.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999.
9. Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. М., 2015.
10. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М., 1991.
11. Кузьмина Е. Н. Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск, 1980.
12. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте Агинских бурят. Улан-Удэ, 1972.
13. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики и индоевропейских языках. М., 1996.
14. Николаева Д. А. Мифологические представления о материнстве в традиционной культуре бурят // Религиоведение 2010. № 2. С. 3–15.
15. Обряды в традиционной культуре бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
16. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М., 2008.
17. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 2001.
18. Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005.
19. Фатыхов С.Г. Межпоколенная связь в доистории человека // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 26–29.
20. Хангалов М.Н. Собр. Соч. в 3-х т. Т.2. Улан-Удэ, 2004.
21. Чагдуров С.Ш. Поэтика Гэсэриады. Иркутск, 1993.

Л.В. Петрич

Россия, г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДОСУГА ГОРОЖАН КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Конец XIX – начало XX вв. характеризовался процессами модернизации и урбанизации, формированием массовой культуры населения. С данными процессами связана досуговая сфера городов России, в том числе Оренбургской губернии. В рассматриваемый период многократно усиливается тяга населения к повышению своей грамотности, образованию, с чем было связано соответствующее проведение досуга.

В повседневном образе жизни горожан большую роль играют библиотечное дело, народные чтения, массово возникают культурно-просветительные учреждения. В данной статье мы рассмотрим деятельность некоторых культурно-просветительных учреждений, которые занимались культурной организацией досуга горожан губернии.

Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения России, в городах Оренбургской губернии проживало 43,56% грамотных жителей. Из них грамотных мужчин было 43,56%, женщин – 32,03% [10, с. XVII]. Этот показатель был ниже, чем в среднем по России. В 1897 г. грамотность всего городского населения России составляла 45,3%, из них мужского – 54,0%, женского – 35,6 [11, с. 297].

* При написании использованы материалы статей: Павлова (Петрич) Л.В. Культурно-просветительная деятельность попечительств народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв. // Пятые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: науч. образ. и культурно-проветительный альманах / Ред. С. В. Любичанковский. Оренбург, 2011. С. 301–309; Павлова (Петрич) Л.В. Роль общественной инициативы в работе по внешкольному обучению населения Оренбургской губернии в начале XX в. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. Ч. 2. Специальный выпуск по материалам декабрьских научных чтений. Оренбург, 2012. С. 140–143.

Все это указывало на необходимость широкомасштабной работы в сфере народного образования, и особенно внешкольного, ориентированного на взрослых людей, у которых уже не было возможности сесть за школьные парты. Страну охватило мощное культурно-просветительное движение, которое вылилось в создание большого количества обществ и учреждений, главная задача которых состояла в просвещении трудящегося населения, в организации его культурного досуга. Внешкольное образование представляло собой новое крупное общественное явление дореволюционной России, которое положило начало процессу демократизации науки, образования и культуры, имевшему огромное прогрессивное значение. Приоритетное внимание к повышению образовательного уровня населения граждан являлось ярким показателем наличия модернизационных процессов в государстве.

«Временные правила об обществах и союзах» (4 марта 1906 г.) дали толчок организации массовой сети культурно-просветительных обществ. «Временные правила» были первым и единственным в истории дореволюционной России специальным законодательным актом, который определял основы функционирования общественных организаций, явились логическим завершением происходившего на протяжении XIX – начала XX в. процесса децентрализации государственного контроля над обществами и союзами, переданного из ведения центральной власти в местные учреждения. Для заведования делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов образовывались особые губернские (а в больших городах – городские) общества или союзы по делам об обществах присутствия [3, с. 202].

В 1894 г. оренбургскому губернатору поступил запрос от департамента полиции о наличии и деятельности в губернии обществ или отделений обществ, имеющих целью распространение образования и грамотности в народе. Из рапортов уездных исправников видно, что ни в одном уезде Оренбуржья, в том числе и в губернском городе, в конце XIX в. не была зафиксирована деятельность ни одного просветительного учреждения с указанной целью [1, ф. 10, оп. 1, д. 128, л. 1, 4–7, 10–11]. Только в начале XX в., после выхода в 1906 г. «Временных правил об обществах и союзах», в Оренбургской губернии получили широкое распространение различные просветительные, благотворительные, профессиональные общества, курсы и союзы, которые ставили своей целью культурно-просветительную деятельность населения. Указанные общества регистрировались Оренбургским губернским по делам об обществах присутствием и вносились в реестр обществ и союзов по Оренбургской губернии [1, ф. 10, оп. 1, д. 248, л. 1–2, 51]. Учредителями их выступали, как правило, частные лица, а финансирование осуществлялось путем членских взносов, пожертвований частных лиц, а также доходов от устраиваемых обществами мероприятий.

Перечислим выявленные нами культурно-просветительные, благотворительные и другие общества и организации, работавшие в начале XX столетия на территории Оренбургской губернии и ставившие своей целью обучение грамоте взрослого населения:

1. Оренбургское общество содействия народному образованию (г. Оренбург и Оренбургская губерния, 1906 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 255, л. 2–12].
2. Высшие курсы Киселева (Оренбургский вольный университет) (г. Оренбург, 1906 г.) [1, ф. 21, оп. 2, д. 626, л. 202–204].
3. Мусульманское общество (Оренбургская губерния, 1906 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 386/1, л. 2–11].
4. Профессиональное общество приказчиков и конторщиков г. Оренбурга (г. Оренбург, 1907 г.) [15, с. 1–5].
5. Оренбургское общество взаимного вспоможения книгопечатников (г. Оренбург, 1907 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 293/1, л. 56–62].
6. Мусульманское общество в городе Орске (г. Орск и Орский уезд, 1908 г.) [1, ф. 47, оп. 1, д. 1, л. 1–3].
7. Вечерние общеобразовательные курсы (г. Троицк) [1, ф. 21, оп. 2, д. 626, л. 202].
8. Вечерние общеобразовательные курсы (г. Челябинск) [1, ф. 21, оп. 2, д. 626, л. 202].
9. Верхнеуральское общество для устройства и содержания начальных и средних школ (г. Верхнеуральск и Верхнеуральский уезд, 1909 г.) [1, ф. 10, оп. 2, д. 136, л. 1–33].
10. Троицкое мусульманское благотворительное общество (г. Троицк и Троицкий уезд, 1909 г.) [1, ф. 10, оп. 2, д. 202, л. 3–9].
11. Кочкарское приисковое общество народного образования (прииски Кочкарской

системы Троицкого уезда, 1909 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 262, л. 7–7 об.].

12. Оренбургское мусульманское женское общество (Оренбургская губерния, 1912 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 340, л. 1–7].
13. Профессиональное общество торговых служащих г. Оренбурга (г. Оренбург, 1913 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 377/3, л. 1–5].
14. Дмитриевское (с 1915 г. – Сухомлиновское) общество народного просвещения (Дмитриевская, Добринская, Белозерская и Васильевская волости Оренбургского уезда, 1914 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 386/1, л. 1–26].
15. Кружок самообразования (г. Оренбург и Оренбургский уезд, 1916 г.) [1, ф. 10, оп. 1, д. 430, л. 1–3].
16. Польский Дом (г. Оренбург, 1917 г.) [1, ф. 10, оп. 2, д. 263, л. 6].
17. Оренбургский союз женщин (г. Оренбург, 1917 г.) [12].
18. Киргизское национальное общество «Еркин дала» (Оренбургская губерния, 1917 г.) [13, с. 1–3].

Остановимся подробнее на деятельности некоторых из названных организаций. «Высшие курсы Киселева» (другое название – «Оренбургский вольный университет») в Оренбурге основал в 1906 г. преподаватель Оренбургской мужской гимназии Александр Онуфриевич Киселев [1, ф. 10, оп. 1, д. 255, л. 2]. Слушатели указанных курсов изучали широкий круг учебных дисциплин, причем преподавателями являлись высококвалифицированные учителя. На всех трех отделениях преподавались русский, латинский, немецкий и французский языки, а также история, литература, алгебра, геометрия, физика, психология, логика и другие предметы. Занятия на историко-филологическом отделении велись по университетской программе [1, ф. 21, оп. 2, д. 626, л. 204–205].

При Оренбургском народном доме с 1906 г. действовало «Оренбургское общество содействия народному образованию», председателем которого был А.Н. Геппенер, членами – представители местной интеллигенции И.М. Расторгуев, П.А. Крючков, К.К. Безин и др. В уставе было указано, что «общество имеет целью содействовать народному образованию в г. Оренбурге и в Оренбургской губернии», а для достижения данной цели общество должно было устраивать «повторительные классы, дневные и вечерние школы типа воскресных, а также вечерние и воскресные курсы» [1, ф. 10, оп. 4, д. 10/12, л. 5]. В начале 1910 г. оно ассигновало 150 рублей для приглашения из Самары находящегося там петербургского лектора Е. Елачина, чтобы он провел в Народном доме Оренбурга ряд лекций. В то же время «Оренбургское общество содействия народному образованию» за свое либеральное отношение к местной группе РСДРП и за стремление присоединиться к петербургскому просветительному обществу «Лига образования» находилось под наблюдением Оренбургского губернского жандармского управления [1, ф. 21, оп. 2, д. 379, л. 12].

В 1916 г. в Оренбурге было создано общество «Кружок самообразования», большинство членов которого были из числа рабочих. В уставе названного общества значилось, что своей целью «Кружок самообразования» ставил «способствовать своим членам получать общие и технические знания и содействовать их умственному и нравственному развитию» [1, ф. 10, оп. 1, д. 430, л. 3]. Все члены названного общества, желающие обучаться грамоте, были разделены на три группы: неграмотные, грамотные и хорошо грамотные, требующие занятий по расширенной программе. Было принято решение, что при обучении неграмотных членов кружка следует пользоваться услугами оплачиваемых преподавателей с целью обеспечить высокое качество приобретаемых рабочими знаний [6].

В начале XX столетия по частной инициативе прогрессивных граждан были открыты общества с целью просвещения нерусских народностей Оренбургской губернии. Широко развивалось обучение грамоте взрослого мусульманского населения. В уставе «Мусульманского общества» значилось, что его целью является «просвещать лиц магометанского вероисповедания» [1, ф. 10, оп. 1, д. 386/1, л. 19]. Указанное общество для реализации поставленных целей устраивало общеобразовательные курсы и лекции для взрослого мусульманского населения Оренбургской губернии [1, ф. 10, оп. 1, д. 386/1, л. 17]. В уставе «Оренбургского мусульманского женского общества» было записано, что «общество имеет целью просвещать женщин мусульманского вероисповедания» [1, ф. 10, оп. 1, д. 340, л. 6]. Для достижения поставленной задачи названное общество устраивало курсы для обучения грамоте женщин-мусульманок. Задачу обучения грамоте взрослого

мусульманского населения ставили перед собой «Мусульманское общество в г. Орске», которое функционировало с 1908 г., и «Троицкое мусульманское благотворительное общество» – с 1913 г. [1, ф. 47, оп. 1, д. 1, л. 1–3]. Киргизское национальное общество «Еркин дала» было создано с целью распространения «начал цивилизации» среди киргизского населения, для чего планировалось устраивать культурно-просветительные учреждения, в том числе курсы для обучения взрослых киргизов [13, с. 1–2].

Целью общества «Польский дом» ставилось объединение поляков, проживающих в г. Оренбурге, «для культурного сотрудничества и взаимопомощи». Для реализации установленной цели общество планировало открывать школы не только для детей, но и для взрослых поляков Оренбурга [1, ф. 10, оп. 2, д. 263, л. 6].

В мае 1916 г. произошло объединение представителей потребительских обществ Оренбургской губернии в кооперативный союз, который ставил одной из своих целей культурно-просветительную деятельность. Директор Оренбургского общества взаимного кредита Петр Антонович Крючков называл культурно-просветительную деятельность «залогом процветания кооперативов и их влияния на массы населения» [1, ф. 21, оп. 2, д. 590, л. 53]. Местные кооперативы содействовали устройству различных просветительных мероприятий, в том числе созданию курсов для обучения грамоте взрослого населения [1, ф. 21, оп. 2, д. 590, л. 52–53].

Следует отметить, что все внешкольные учреждения Оренбургской губернии состояли под гласным или негласным надзором полиции. Повышенное внимание властей к культурно-просветительной деятельности свидетельствовало о стремлении держать под контролем всю образовательную работу. С другой стороны, сами власти мало что делали для развития образования взрослого населения губернии. Большинство непосредственных организаторов культурно-просветительной деятельности были убеждены в том, что одной из главных задач внешкольного образования является политическое просвещение народа. В свою очередь, значительная часть посетителей культурно-просветительных учреждений требовали лекций политического характера, а не чисто научных [9, с. 159]. 14 мая 1917 г. в местной газете «Свободное слово солдата» появилось обращение «Ко всем грамотным». В нем прозвучал призыв ко всем грамотным гражданам, учителям, учащимся, офицерам помочь неграмотным научиться читать и писать, мотивом для этого послужил предстоящий созыв Учредительного собрания [12]. С 1917 г. в Оренбурге существовало два независящих друг от друга комитета военных писарей Оренбургского гарнизона. Цели у организаций были культурно-просветительные. Комитеты устроили у себя бесплатные библиотеки-читальни и вели политическую пропаганду в преддверии созыва Учредительного собрания [2].

Пристальный надзор и опека за работой культурно-просветительных организаций со стороны государства сами по себе не являлись негативным явлением: внешкольные учреждения зачастую организовывались недостаточно компетентными и опытными людьми. Однако постоянный контроль и запретительная политика без положительной конструктивной работы и помощи в создании учреждений по обучению взрослого населения не способствовали стабильному росту числа культурно-просветительных организаций в стране и в исследуемом регионе.

Проблема пьянства неоднократно становилась предметом оживленных дискуссий в российском обществе, которые иногда сопровождались организацией массовых антиалкогольных кампаний. В последней трети XIX в. борьба с алкоголизмом приобрела организованный характер и стала одним из направлений государственной политики. По мере роста численности населения, ускорения урбанизации изменялся образ жизни большого количеств людей. В 1894 г. по инициативе С.Ю. Витте началось введение государственной винной монополии, оправдываемое «заботой о народном благе».

Идею «Попечительства о народной трезвости» выдвинул С.Ю. Витте и активно поддержал император Александр III. Это было обусловлено как индустриализацией страны (алкоголизм – сопутствующая ей проблема), так и стремлением примкнуть к общеевропейскому антиалкогольному движению. Попечительства должны были заниматься организацией досуга населения вместо ликвидированных кабаков, которые являлись местом не только распития вина, но и общения, причем такое «общение» часто заканчивалось скандалами и драками; предстояло сделать досуг более цивилизованным, использовать свободное время для просвещения населения.

По уставу, принятому 20 декабря 1894 г. и в течение десяти лет трижды существенно

менявшемуся, попечительство должно было, прежде всего, осуществлять контроль над продажей крепких напитков. Однако его практическая деятельность имела социально-благотворительный характер и состояла, прежде всего, в изыскании средств на проведение культурно-просветительной и нравственно-религиозной работы в пролетарской среде для отвлечения от пьянства и осуществления безалкогольного досуга.

В состав губернских (уездных) комитетов попечительств входили обязательные члены – высшие должностные лица: губернатор, управляющий акцизными сборами, управляющие палатами, то есть люди, по роду занимаемых должностей участвовавшие в работе попечительств. Кроме того, в состав попечительств входили члены, назначаемые министром финансов и приглашенные председателем губернских или особых комитетов. Непосредственными делами попечительств на местах занимались особые участковые попечители. Они избирались на трехлетний срок из кандидатов, представляемых председателю губернского попечительства земскими начальниками, и обладали правом голоса в уездных и городских комитетах. Участковые попечители заведовали учреждениями и предприятиями комитетов, осуществляли надзор за ходом питейной торговли.

Социальный состав участковых попечителей был довольно разнообразный, сюда входили представители дворянства и духовенства, чиновники, городская интеллигенция, крестьяне и казаки. Кроме перечисленных лиц в работе попечительств принимали участие члены-соревнователи, избиравшиеся на три года и обладавшие совещательным голосом. Из приведенных данных видно, что правительство создало сильную бюрократическую структуру, которая должна была заботиться о соблюдении торговли спиртными напитками и способствовать правительству в деле отрезвления населения. Попечительства о народной трезвости обладали значительными средствами, которые выделялись из казны и получались от эксплуатации чайных, столовых, а также сбора от народных гуляний и театральных зрелищ.

Финансирование попечительства осуществлялось Министерством финансов на доходы от винной монополии, на пожертвования и сборы, на средства, вырученные от продажи антиалкогольных изданий, билетов на гуляния и представления, театральных программок. Как государственная организация оно имело налоговые льготы, ему бесплатно предоставлялись помещения. Свои услуги попечительство предоставляло населению за малую часть реальной стоимости, но не бесплатно, что имело воспитательное и нравственное значение.

В 1895 г. на расходы попечительства по четырем восточным губерниям было ассигновано 200 тыс. руб., пропорционально количеству населения: для Пермской – 63 тыс. руб., Самарской – 59 700, Оренбургской – 30 700, Уфимской – 46 тыс. руб. Главным образом деятельность попечительства сосредоточилась на устройстве чайных, которых было открыто в 1895 г.: в Уфимской губернии – 16, в Оренбургской – 20, в Самарской – 24, в Пермской – 60 [4, с. 182].

По данным на 1906 год, общее количество попечительств и их отделов было 756. Приход их равнялся более 10 млн руб., из которых половина (51,6%) была получена от правительства. Расход выразился суммою более 9 млн руб., из которых 46% пошло на содержание чайных и столовых, 9% – на содержание театров, 3,5% – на содержание читален и библиотек, 2,5% – на народные чтения [4, с. 182].

Народ полюбил чайные, чайно-столовые и библиотеки. Число чайных в 1906 г. достигло 3857, библиотек и читален – 3266, книжных складов – 415, народные чтения устраивались в 5493 пунктах, вечерних и воскресных классов было 379, состоялось 4832 театральных представления [4, с. 182–183].

Губернские и уездные комитеты попечительств о народной трезвости, а также заводские и сельские организации подобного профиля сосредоточились на пропаганде вреда пьянства и на организации «разумных развлечений», способных отвлечь простой народ от тяги к «зеленому змию». Пропаганда велась с помощью издания различных брошюр, плакатов, показывавших вредные последствия пьянства, а также с помощью лекционной работы и народных чтений, в которой особую роль играли врачи и педагоги.

В библиотеках и столовых читались бесплатные лекции и проводились нравственно-религиозные беседы, раздавались брошюры с характерными названиями: «Пора опомниться!», «Что должна знать мать о спиртных напитках» и др., показывались световые картины соответствующего содержания. К стенам помещений

прикреплялись красочные антиалкогольные плакаты. В 1894–1917 гг. попечительством издавался ежемесячный «Вестник трезвости» (ред. доктор медицины Н.И. Григорьев).

В феврале 1895 г. Оренбургский губернатор утвердил открытие Губернского комитета попечительства о народной трезвости. Одновременно появились уездные комитеты в Орске, Верхнеуральске, Троицке и Челябинске [5].

Под эгидой комитетов попечительств о народной трезвости в нашем крае проводилась значительная работа по просвещению народных масс, утверждению в их сознании духовно-нравственных ценностей.

Для реализации указанной цели избирались самые разнообразные формы. В 1903 г. в 9-и чайных имелись музыкальные ящики «Фортуна», играющие при опускании туда 2-х копеечных монет, граммофоны, шашки, биллиард и др. [7, с. 19] Также при чайных устраивались библиотеки. Следует отметить, что поначалу чайные не были популярны среди посетителей Оренбургского уезда и были убыточны.

Наиболее популярными учреждениями, создаваемые Попечительствами, были библиотеки. Часто сельское население бесплатно предоставляло для библиотек и читален свои помещения с отоплением и освещением [1, ф. 10, оп. 1, д. 293/2, л. 8 об.]. В сельских библиотеках особым спросом пользовались книги исторического, религиозного, сельскохозяйственного содержания, а посетители городских библиотек чаще всего спрашивали книги беллетрического и научного содержания [1, ф. 10, оп. 1, д. 299/1, л. 5 об.]. Заведующий Богородской библиотекой отмечал: «В праздничные и воскресные дни (в зимнее время) по окончании службы в местном храме народ валит в школу, где помещается библиотека, и, чтобы получить книгу, ожидает «череду» около часа времени… Большинство читателей спрашивают книги духовно-нравственного содержания и исторические» [7, с. 6–7]. Заведующий Куюргазинской библиотекой в своем отчете писал: «Семилетнее существование народной библиотеки… повлияло благотворно на местное население. Любовь к чтению полезных книг в населении довольно уже развилась, окрепла, и чтение книг в свободное время для грамотных в приходе стало потребностью. Число абонентов, получающих на дом книги, с каждым годом увеличивается, и число наличных книг в библиотеке для читающих стало недостаточно» [7, с. 20]. Во все библиотеки Оренбургского уезда выписывались следующие периодические издания: «Свет», «Оренбургская газета», «Русский паломник», «Читальня народной школы», «Беседа», «Нива», «Новое время» и др. [7, с. 16–17]

Согласно уставу бесплатной народной библиотеки-читальни Орского уездного комитета попечительства о народной трезвости в селе Воскресенском Тангауровской волости Орского уезда, цель ее состояла в том, чтобы «дать полезное чтение» жителям села и его окрестностям [1, ф. 10, оп. 1, д. 283, л. 19]. Комплектование библиотеки происходило только теми книгами и периодическими изданиями, которые были указаны в «Правилах о бесплатных народных читальнях», утвержденных Министерством внутренних дел 15 мая 1890 г. Пользоваться книгами имели право все желающие, независимо от возраста, пола, национальности, социального положения [1, ф. 10, оп. 1, д. 283, л. 19]. В течение 1897 г. библиотеку при Орской чайной посетило 5115 чел., в основном это были приказчики, служащие, казаки, учащиеся местных школ. В указанную библиотеку выписывался довольно широкий круг периодических изданий, таких как: «Сельский всходник», «Беседа», «Сын Отечества», «Родина», «Природа и люди», «Деревня», «Оренбургские губернские ведомости», «Тургайская газета», «Нива» и др. [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 130 об.–131]

В 1907 г. в Орском уезде насчитывалось 13 народных бесплатных библиотек-читален, открытых на средства Орского уездного комитета попечительства о народной трезвости [1, ф. 10, оп. 1, д. 293/2, л. 5 об.]. В библиотеке-читальне г. Орска имелось 2 498 названий книг в 4604 томах, большинство из которых относились к художественной литературе. В библиотеке было записано 520 абонентов, 75 из которых были женщины. Наибольшим спросом пользовались книги религиозно-нравственного и литературно-исторического содержания. Читальный зал за отчетный год посетили 14 843 чел., большим спросом в читальне пользовались газеты, освещающие текущие политические события [1, ф. 10, оп. 1, д. 293/2, л. 5 об. –6].

С 1904 г. при Губернском комитете был открыт центральный книжный склад, находящийся в ведении особой комиссии из членов Губернского комитета. Целью данного книжного склада была «организация народных библиотек и чтений по

всей губернии» [1, ф. 10, оп. 1, д. 293/2, л. 5 об.]. Деятельность книжного склада заключалась в составлении библиотек по определенным спискам, во все читальни Губернского комитета рассылались периодические издания, «волшебные фонари» и картины к ним.

Особенно эффективно в борьбе с пьянством использовались народные чтения. Большинство тем было посвящено разъяснению вреда от неумеренного потребления спиртных напитков. Из отчетов комитетов попечительств видно, какой популярностью пользовались народные чтения: чтобы удовлетворить всех желающих, часто проводилось по два чтения в день. Посещение данного мероприятия в основном было бесплатным. Наиболее популярными в народе были чтения духовно-нравственного и исторического содержания [1, ф. 10, оп. 1, д. 293/2, л. 5 об.]. В качестве лекторов выступали священники, учителя, члены комитета. В основном чтения проходили по праздничным и воскресным дням.

Согласно отчету Орского уездного комитета попечительства о народной трезвости в 1897 г. в Орском уезде велись чтения религиозного и светского содержания. В Орской чайной в отчетном году прошло 20 духовных чтений, которые посетили 7 450 чел. всех возрастов, причем посетителей могло бы быть больше при наличии более просторного помещения [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 118]. Всех светских чтений в 1897 г. в Орской чайной было 431, их посетили 20 600 чел. Число посетителей чтений в праздничные дни доходило до 650 в день [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 121 об. –122]. Особенной популярностью у местного населения пользовались беседы врача Позднякова. Его лекции, посвященные пагубным последствиям пьянства, сопровождались демонстрацией скелета человека, использованием микроскопа.

Согласно отчету Челябинского уездного комитета попечительства о народной трезвости в 1897 г. в 13-и селениях были открыты чайные с народными читальнями, в 15-и селениях Челябинского уезда велись чтения с волшебным фонарем [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 14–14 об.].

Попечительства о народной трезвости большое внимание уделяли обучению населения. Оренбургский уездный комитет финансировал создание мужской воскресной школы в Оренбурге и воскресной школы в населенном пункте Павловка Оренбургского уезда. В числе обучающихся были в основном рабочие заводов и мастерских, чернорабочие, мастеровые, ремесленники и приказчики. В воскресных школах велось преподавание Закона Божьего, русской грамоты, чтения, чистописания, арифметики, русской истории и географии [7, с. 28–29]. В 1908 г. уездный комитет организовал в г. Оренбурге общеобразовательные курсы при Народном доме и при седьмом приходском женском училище [1, ф. 41, оп. 1, д. 1332, л. 36].

Обучением основам грамоты жителей губернии активно занимался Орский уездный комитет попечительства о народной трезвости. На средства уездного комитета содержалась воскресная школа, открытая в 1897 г. в здании городского училища г. Орска [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 134–134 об.]. В соответствии с образованностью и возрастом учащиеся указанной школы делились на четыре группы: неграмотные, малограмотные, грамотные и взрослые [1, ф. 10, оп. 1, д. 247/3, л. 18, 22 об.]. Троицкий уездный комитет финансировал деятельность Троицкой воскресной школы, открытой в 1896 г., и Миасской женской воскресной школы, открытой в 1900 г. [8].

Необходимо отметить большое желание местного населения обучаться грамоте. В результате усердных занятий неграмотные вскоре обнаруживали заметные успехи в обучении. «Они в течение зимы, – указывалось в отчете о деятельности Орского уездного комитета попечительства о народной трезвости, – научаются разбирать слова, писать буквы и считать в пределах первой сотни» [1, ф. 10, оп. 2, д. 112, л. 73–73 об.]. В воскресных школах попечительств о народной трезвости был довольно высокий уровень преподавания, там работали исключительно профессиональные работники – учителя местных школ [1, ф. 10, оп. 1, д. 201 а, л. 45 об.].

Для отвлечения народа от пьянства и организации его разумного досуга использовались и другие методы. На сцене Орской чайной любителями ставились спектакли. Средства от 4-х поставленных в 1897 г. спектаклей были направлены на покрытие нужд Орской чайной. Кроме того, при Орской чайной действовал хор любителей духовного чтения из 25 чел. Пением часто сопровождалось проведение в чайной народных чтений [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 13–7137 об.].

Верхнеуральским уездным комитетом в 1898 г. было организовано два певческих хора: при Николаевском соборе и при народной чайной Верхнеуральска. В отчете уездного Комитета отмечалось, что число молящихся в собо-

ре в связи с этим значительно увеличилось, а в чайной «число посетителей увеличилось до того, что многие женщины посещают чтения и пения» [1, ф. 10, оп. 2, д. 108, л. 37].

Всего в 1908 г. по неполным данным в Оренбургской губернии действовало 10 чайных, 139 народных библиотек-читален, было устроено 1020 народных чтений с применением волшебного фонаря и световых картин. Чайные посетило 275 431 чел., библиотеки-читальни – 189 849 чел., народные чтения – 141 291 чел.; было произведено 144 344 выдачи книг. В губернии работало 5 воскресных школ, открытых на средства попечительства, действовал книжный склад [1, ф. 10, оп. 1, д. 299/1, л. 5]. Почти все уездные комитеты (кроме Троицкого) имели собственные народные дома.

Председатель Оренбургского губернского комитета Попечительства о народной трезвости в 1909 г. сообщал в своем отчете губернатору, что население с каждым годом все более интересуется культурно-просветительной деятельностью попечительства и «очень охотно посещает библиотеки-читальни и чайные». Отмечалось, что лица, принимающие участие в работе попечительств, охотно отдавали этому делу свое свободное от служебных занятий время, т.к. все они состояли на государственной службе или занимали общественные должности [1, ф. 10, оп. 1, д. 299/1, л. 5 об.].

Таким образом, попечительства о народной трезвости имели возможности реализовать инициативу правительства по организации и распространению борьбы с пьянством в обществе, но речь не шла о полном искоренении пьянства, поэтому возникло мнение о формальности их деятельности.

Созданные попечительства о народной трезвости не дали ожидаемого обществом результата в борьбе с пьянством. Объяснение здесь может быть только одно: создавались они зачастую «сверху», без учета инициативы со стороны общества, поэтому и деятельность их носила формальный характер. Стало ясно, что проблему пьянства нужно решать вместе с другими социальными проблемами, а именно: повышение жизненного уровня трудящихся, установление правовых гарантий, защищающих свободу личности, просвещение населения, особенно в вопросах сохранения собственного здоровья.

22 августа 1914 г. Высочайшим указом в связи с началом Первой мировой войны был введен «сухой закон». Культурно-просветительская и медицинская благотворительность попечительств была свернута, а его работа свелась к выпуску журнала и публикациям по вопросам трезвости. После 1917 г. деятельность попечительства прекратилась.

Следует отметить, что учреждения, организованные попечительствами о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв., широко использовали в своей деятельности педагогические методы и внесли существенный вклад в просвещение и воспитание населения страны, отвлечение его от антисоциальных явлений путем пропаганды книги и чтения. Это было серьезное и полезное начинание в области организации досуга: Россия в то время была единственной страной, в которой за казенный счет содержались учреждения, отвлекавшие народ от пьянства.

Заслуга культурно-просветительных объединений в деле организации культурного досуга населения несомненна. Благодаря их разнообразной и многогранной деятельности открылся широкий доступ к знаниям и культурным ценностям. Все это существенно повлияло на образ жизни и образ мыслей населения, которое включило просвещение в круг своих жизненных интересов и потребностей.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10, 14, 21, 41, 47.
2. Заря. Оренбург, 1917. 6 июня (24 мая).
3. Именной Высочайший указ, данный Сенату о временных правилах об Обществах и Союзах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. Третье. Т. XXVI. 1906. Отд. I. № 27173–28753 и доп. СПб., 1909.
4. Народная энциклопедия. Т. 10. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914 / Харьков. О-во распространения в народе грамотности / Т. 10: Народное образование в России: пособие для самообразования / Сост. И. П. Белоконский [др.].
5. Оренбургские губернские ведомости. Оренбург, 1895. № 9.
6. Оренбургское слово. Оренбург, 1916. 26 авг.
7. Отчет о деятельности Оренбургского уездного комитета попечительства о народной трезвости за 1903 г. Оренбург, 1904.
8. Отчет Оренбургского Губернского комитета попечительства о народной трезвости за 1904 г. Оренбург, 1905.

9. Пархоменко Т. А. Культура России и просвещение народа во второй пол. XIX – нач. XX в.; Российский институт культурологии. М., 2001.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. СПб., 1899–1905. Оренбургская губерния. 1904. Вып. XX.
11. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки / Под ред. С. Г. Струмилина. М., 1956.
12. Свободное слово солдата. Оренбург, 1917.
13. Устав Киргизского национального общества «Еркин дала». Оренбург, 1917.
14. Устав Оренбургского общества взаимного вспоможения книгопечатников с приложением и расчетной книжкой. Оренбург, 1907.
15. Устав профессионального общества приказчиков и конторщиков г. Оренбурга. Оренбург, 1907.

Л.Н. Пивоварова

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

ГЛАВЕНСТВО В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В декабре 2008 г. в Старом Осколе проходила Международная научно-практическая конференция «Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук». Конференция завершала цикл мероприятий в рамках Года семьи в Российской Федерации. Организаторами конференции были наш институт (СТИ МИСиС), Российская ассоциация исследователей женской истории, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Я была в оргкомитете конференции. Мы впервые проводили мероприятие такого уровня и сильно волновались. Основным докладчиком на пленарном заседании была заявлена Наталья Львовна Пушкарёва. В период подготовки к конференции я много слышала о Наталье Львовне от моих коллег, познакомилась с ее научными работами, ждала с большим нетерпением ее приезда. И вот в наш рабочий кабинет вошла молодая, хрупкая женщина с приветливым взглядом и очень приятным тембром голоса. Мы познакомились, она сразу же завоевала наши симпатии, как магнит притягивала к себе окружающих и делала это искренне и с удовольствием! Прошло уже более 10 лет. Мы с Натальей Львовной регулярно встречаемся на конференциях РАИЖИ, общаемся в социальных сетях. Я всегда удивляюсь и одновременно задаю себе вопрос: «Откуда у этой хрупкой женщины хватает сил на такую активную научную работу, общение с коллегами, с друзьями в нашей стране и за рубежом, участие в жизни общественных объединений?». И одновременно отвечаю на него: «Наталья Львовна – человек с высокой работоспособностью, большим творческим потенциалом, с любящим сердцем и открытой душой не только к своим близким, но и к коллегам, к друзьям. И самый главный ее секрет обаяния – естественность!».

* * *

Для Курской губернии, как и в целом для Центрально-Черноземного региона этого периода, были характерны две основные формы крестьянской семьи: так называемой большой (неразделенной) и малой. Численный состав семей в зависимости от периода менялся.

Состав родственников большой неразделенной, сложной семьи был следующим: родители (старшая брачная пара), женатые сыновья с детьми и без детей, неженатые и незамужние дети старшей брачной пары. Состав большой семьи включал чаще всего три поколения. Как отмечал А. Дмитрюков, русские жили обыкновенно большими семействами, которые иногда состояли из сорока и более человек, живших в одном дворе и составлявших одно семейство, управляемое старшим в роде – дедом или дядею, у которого все находились в повиновении как у отца [6, с. 267]. Большие семьи периодически делились между отцом и женатыми сыновьями.

Наряду с большими семьями существовали малые семьи, состоящие из супружеской пары без детей или с детьми, включая взрослых, но неженатых сыновей. Такие семьи состояли из одного или двух поколений: родители и дети. Численность членов в малых семьях обычно не превышала 8-10 человек в зависимости от количества детей. С.С. Крюкова, исследовавшая семью русской пореформенной деревни южнорусских губерний России, отмечает, что к концу XIX века «численный состав крестьянской семьи стабилизировался, достигнув в среднем 6-8 человек на двор, что составляло, видимо, оптимальный вариант семьи, необходимый для поддержания хозяйства в условиях сочетания земледелия с промысловыми занятиями» [8, с. 71].

Крестьянская семья на рассматриваемой территории во второй половине XIX века сохраняла традиционные черты и жесткую авторитарную семейную структуру. Традиционно русская крестьянская семья формировалась по патрилокальному принципу – женатые сыновья оставались в доме родителей, а дочь после замужества переходила в семью мужа, но если в семье были одни дочери, то для укрепления хозяйства принимали зятя-примака.

В повседневной жизни все внутрисемейные отношения в русских крестьянских семьях строились на иерархическом подчинении детей родителям, младших членов семьи – старшим, женщин – мужчинам. Мужчинам (если в семье было несколько трудоспособных мужчин) принадлежал дом, сельскохозяйственный инвентарь, лошади, продуктивный скот, рабочая одежда и деньги, полученные в результате их труда. Даже деньги, заработанные кем-либо из членов семьи в «отходе», полностью поступали в распоряжение главы семьи и могли быть использованы только на общесемейные нужды.

Главой семьи являлся старший, зрелый мужчина, обладающий всеми характеристиками полноценного по народным представлениям человека, имевший семью и детей. Обычно зрелым человеком называли того, кто находился в периоде стабильности, в самой продуктивной стадии развития. Глав семей (мужчин) односельчане чаще всего называли «большаком», «хозяином», «старшим», «домохозяином» [2, д. 70, л. 7.]. Домочадцы же чаще всего называли его «отцом», «папашей», «тятенькой» и другими терминами, определяющими степень его родства с тем или иным членом семьи. «Главенство мужчины в семье – черта характерная для культуры многих народов, не только русских. Оно обусловлено множеством обстоятельств как экономического, так и идеологического порядка. В традиционном русском быту это объяснялось совокупностью причин, среди которых большую роль играло право мужчины на владение землей. Община наделяла ею только мужчин, достигших восемнадцатилетнего возраста, а после женитьбы надел земли увеличивался в два раза» [13, с. 369–370]. По русскому законодательству женщины не могли владеть пахотной землей. Именно владение землей и работа на ней рассматривались в традиции как основа статуса и залог власти мужчины–хозяина.

На главе семьи всецело лежало руководство семейным хозяйством, он был наделен неограниченной властью как над имуществом семьи, так и над ее членами, в частности и над своими несовершеннолетними детьми. «Большой в дому, что хан в Крыму», «Муж в дому, что глава (что крест) на церкви» – так это было представлено в пословицах. Хозяин – отец семейства – обладал всей полнотой власти до тех пор, пока его сыновья не вырастут – «не придут в пору», тогда бесконтрольную власть отца могли ограничить сыновья-работники. Обязанностью хозяина-отца было обеспечить благополучие семьи, воспитать детей, которых он должен был «поставить на ноги», вспоить, вскормить, женить и долю дать. Статус главы семьи еще больше повышался, если мужчина обладал следующими личными качествами: был физически крепким, трудолюбивым, знал и владел ремеслами, отличался уравновешенным характером, любил землю и умел хорошо организовать работу, был способен побеждать в драках и кулачных боях, мог вести беседы и отстаивать свою точку зрения на крестьянских сходах.

Характер его родства с другими членами семьи зависел от структуры семьи. В малых семьях, а также в неразделенных отцовских семьях главой семьи в подавляющем большинстве был отец. В больших сложных семьях, в которых совместно проживали два или несколько женатых братьев, семью обычно возглавлял отец или старший брат. Главенство в семье сына при отце или младшего брата при старшем брате было редкостью. Управление семьей и хозяйством сменялось лишь со смертью хозяина и допускалось только в случае болезни или старческой дряблости отца (старшего брата). Когда отец старился настоль-

ко, что был не способен заниматься хозяйством и полевыми работами, он в большинстве случаев заявлял об этом перед всем семейством: «Ну, детки, я вспоил, вскормил вас, поднял, на ноги поставил, а у меня уже сила пала, часто прихварывать начал и сметка стала не прежняя. Пусть старший из вас Василий будет «большаком», я сдаю ему всю «большину» [13, с. 64]. С этого момента он был не властен распоряжаться имуществом и землею. Письменно обряд введения в «большину» не фиксировался, обычно это была устная передача старшинства – «на словах».

Смена главы семьи происходила и от неумения вести семейные дела, а также если он был злостным пьяницей, имел много других пороков, приводящих к расстройству хозяйства и разбазариванию семейного добра [2, д. 2037, л. 2]. Нерадивого хозяина за растрату семейного имущества (пропивал лошадь, одежду и т.д.) наказывала община. Она могла передать управление хозяйством старшему сыну, а если он не достиг совершеннолетия, то и хозяйке. Известны случаи, когда лишали прав на управление имуществом и крестьянским семейным хозяйством беспутного и разгульного мужика лишь в том случае, когда он достигал 60-летнего возраста. Существовала также возможность для его взрослых детей лишить его права управлять хозяйством через волостной суд, но такие случаи были редкими.

Главенство переходило по старшинству или по завещанию главы семьи. Завещание отца могло утвердить во власти в некоторых случаях даже младшего сына. При этом ему гарантировались те же права, какие имел при жизни родоначальник. При отсутствии завещания к исполнению обязанностей главы семьи приступала или жена умершего, или старший сын [2, д. 70, л.7–8]. Иногда главами становились по выбору, по соглашению. В этих случаях предпочтение отдавалось более опытному, сведущему и смышленому в хозяйственных делах мужчине [2, д. 32, л. 1–2]. Управление могло перейти и к зятю-примаку, но в том случае, если вдова главы семьи давала на это согласие. Однако все его действия находились под контролем тещи [1].

При наличии главы семьи мужского пола («большака») отношение к мужчине как безусловному главе семьи в сложных (неразделенных) семьях поддерживала «большуха», «старшуха» – жена старшего по возрасту и положению в семье мужчины. Обычно это была мать и свекровь для остальных женщин. При вдовых «большаках» (деде, отце, дяде или брате) «большухой» бывала старшая невестка или незамужняя сестра «большака». Она подчиняла себе весь женский состав семьи, пользуясь своим положением самого приближенного к ее главе человека, могла быть (и часто бывала) советчицей своего «повелителя». На ней лежала ответственность за нравственный климат в семье, поддержание в ней порядка, покоя и согласия. Она должна была предотвращать и унимать различные ссоры и конфликты, проявления насилия в семье. Недаром гласит народная пословица: «Муж – голова, жена – душа».

Распределение домашних работ между женской частью семьи осуществляла именно «большуха». Она раздавала «наряд» на работы на следующий день другим женщинам, конкретные указания по кухонным и другим делам. В случае нерадивости, неряшливости или не выполнения работ младшими женщинами «выговаривала» и поучала, особенно невесток. От невесток же требовалось особое почитание всех родственников мужа, даже если они были младше ее по возрасту.

Продукты, одежду для семьи чаще всего покупала хозяйка-«большуха», причем делала она это исключительно по своему усмотрению. Остальные члены семьи могли лишь попросить матушку или бабушку купить что-либо. «Большуха» могла согласиться на просьбу или же отказать в ее выполнении. Торговаться на базаре тоже считалось не мужским занятием, успешно осуществляла это именно она. Общие женские работы начинали выполнять только после молитвы «большухи». Она же по православному обычаю крестила оставляемую на ночь воду и всю пищу. «Большуха» вела все домашнее женское хозяйство, была как бы правой рукой «большака», являлась регулятором эмоционального климата в семье.

Главенство женщин в большей семье было большой редкостью. В случае если в семье не было взрослых мужчин, главой семьи могла стать жена (вдова) умершего хозяина [2, д. 51, л. 2–3]. Однако, когда подрастал сын или вдова выходила замуж, она теряла право на главенство.

В малой же семье после смерти мужа жены значительно чаще становились главами семейства. Особенно при малолетних детях вдова сама вела хозяйство и распоряжалась имуществом. «При твердом и энергичном характере, способности самостоятельно вести хозяйство, умении

поставить свой родительский авторитет над детьми положение матери-вдовы находилось на такой высоте, что почти не уступало положению отца. При такой матери даже совершеннолетние сыновья и «пикнуть не смели», как она распоряжалась, то дети и делали. Против такой матери ничего не давало и судебное разбирательство, так как суды вставали на ее сторону, поскольку все ее действия были направлены на увеличение благосостояния хозяйства» [14, с. 374]. Встав во главе семьи, женщина-вдова порой становилась хранительницей патриархальных порядков. Вдова, ставшая главой семьи, принимала участие в сходах общины как самостоятельная хозяйка крестьянского двора, платила подати, справляла повинности. При этом она еще исполняла свои материнские обязанности: кормила, растила и ставила детей на ноги. «Возросшая экономическая роль стимулировала утверждение личности женщины, рождение нового самосознания. У вдовы, не вышедшей замуж, новые качества усиливались вследствие относительной свободы, когда над ней не тяготела власть мужа и свекра со свекровью» [14, с. 433].

Случалось и так, что муж (бесхарактерный, недалекий), наблюдая ум и энергичность жены, фактически передавал в ее распоряжение хозяйство и во всем поступал сообразно ее советам. Вообще спрашивать совета у жены для мужа в крестьянском сообществе считалось делом недостойным, как и выполнение ряда «женских» работ. Например, топить баню или готовить обед мужчине не полагалось. Сосредоточение власти в руках жены воспринималось как безусловное принижение мужского статуса, ущербность мужественности: «Не скот в скоте коза, не зверь в зверях еж, не рыба в рыбах рак, не птица в птицах нетопырь, не муж в мужах, кем жена владеет». Мужа, у которого всем в доме распоряжалась жена, называли «дурковатым», «подкаблучником», чаще всего к нему обращались уничижительно, обращаясь по имени жены, например, «Дунькин муж», оно же закреплялось за его потомками. Такое обращение считалось большим позором, он не пользовался уважением у своих односельчан. Соседки обычно судачили на завалинке: «У нее (у Дуньки) муж по ниточке ходит (т.е. она им помыкает)». На Руси широко бытовала поговорка: «Лучше умереть в поле, чем в бабьем подоле» [13, с. 378].

Молодые девушки семьи никогда не возглавляли, ведь их пребывание в семье рассматривалось как временное. Главой семьи изредка могла стать «старая дева» (вековуха, перестарка, домовуха, домовая девица) – дочь главы семьи, если после его смерти некому было руководить домом. Чаще всего «перестарки» были хорошими, физически крепкими работницами с твердым характером. «Вековуха» жила в семье до конца своих дней и передача ей главенства и семейного имущества не угрожала благосостоянию семьи [12, с. 73].

В жизни больших и малых семей отмечалось безраздельное господство старшего в доме. Основу взаимоотношений членов семьи и хозяина дома определяла традиция безоговорочного послушания и подчинения главе семьи его ближних.

В результате начала действия Положения от 28 декабря 1881 г. о переходе с 1 января 1883 г. оставшихся временнообязанных крестьян на обязательный выкуп все бывшие помещичьи крестьяне становились крестьянами-собственниками. Поэтому домохозяин как лицо, ответственное за взнос выкупных платежей, становился теперь собственником усадебного и полевого надела с вытекающими отсюда правами: отчуждать, закладывать, отдавать в наем и проч. свои участки [17, с. 166–170].

Глава представлял свою семью перед общиной, мог быть избран на сельские должности. Он участвовал в мирских сходах, где решались вопросы о переделах, аренде земли; организации выпаса скота и наймах пастухов; раскладке налогов и сборов; распределении общественных работ [2, д. 1048, л. 1]. О принятых решениях глава семьи сообщал членам семьи и обеспечивал их выполнение как ответственное перед общиной лицо. Через него осуществлялась связь семьи с общиной в плане регулирования социальных отношений [2, д. 1048, л. 2]. Крестьянин-собственник вовлекался в систему новых социально-экономических отношений, получал свободу распоряжаться имуществом, предусмотренную законодательно.

В сложных семьях, состоящих из отца, сыновей и внуков, а также в простых семьях глава семьи мог наказывать детей по поводу, иногда даже без повода. Общественное мнение требовало от него, прежде всего, строгости в воспитании детей, «ненаказанный сын – бесчестье отцу». В народных судах свидетельство с его стороны пользовалось более значительным весом, чем показания подчиненных ему членов.

Хозяин дома распределял все работы в хозяйстве среди взрослых сыновей, следил за сохранностью орудий труда и домашней утвари, приводил их в порядок, чинил [10, с. 6–7]. «Основная работа мужа-главы дома – умело распорядиться рабочей силой и показать пример в работе» [2, д. 5, л. 18–19]. По собственному усмотрению он мог отдать любого члена семьи в работники, послать в отход, не спрашивая на то их согласие. Отправляя сыновей в отхожий промысел, отец внимательно следил за тем, чтобы сыновья регулярно отправляли домой заработанные деньги [3]. Глава семьи являлся своего рода судьей при разрешении семейных конфликтов (не выходящих за рамки семьи). Если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то последний, как правило, занимал позицию отца-домохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу.

За столом также распоряжался глава семьи. Он занимал место под образами в красном углу, на самом почетном месте в избе. Справа от него размещались по старшинству сыновья, слева – дочери. Хозяйка подавала на стол пищу, сидела слева от мужа или напротив него, около печи. Глава начинал трапезу, резал хлеб, крошил мясо, пробовал и досаливал мало посоленное кушанье, ударами ложки о чашку давал разрешение «хлебать и таскать мясо», все члены семьи ели одну и ту же пищу [16, с. 405]. Хозяин следил за тем, чтобы на столе не оставалось недоеденной пищи. За нарушение порядка он наказывал провинившихся членов семьи ударами ложки по лбу или выгонял из-за стола [2, д. 1087, л. 1]. Он контролировал установленный нормой порядок: кто за кем ест, порядок приема пищи, что стабилизировало благополучие и равновесие в семейном коллективе [13, с. 64].

В ведении «большака» были и вопросы, связанные с духовной жизнью. Под его руководством проводились утренние, дневные и вечерние молитвы перед началом и после трапезы. Все важные дела традиционно начинали с молитвы, которую читал отец семейства. «В поучениях церкви говорилось, что мужчина – глава семьи, как Иисус Христос глава церкви. Считалось, что мужчине эту роль предназначил сам Бог по признаку первородства и предоставил ему прекрасный сад – рай, чтобы он возделывал и хранил его» [13, с. 370]. Священники объясняли: «Со времени падения прародителей жена как первая грешница подчинена господству мужа, увлеченному ею во грех» [9, с. 55].

Глава дома проводил все необходимые по хозяйству расходы из общего имущества. Он следил, чтобы кому-либо не было преимущества, например в платье, обуви. У него хранилась семейная касса. Как правило, хозяин постоянно носил на поясе ключ от сундука, где хранились деньги, документы и другие ценные вещи.

Иногда для обсуждения вопросов о женитьбе сына, замужестве дочери, о приеме зятя в дом, о строительстве новых хозяйственных и жилых помещений и т.п. собирались «семейные советы». Право участия в них представлялось взрослым мужчинам, иногда к ним привлекались женщины, чаще всего женщина-«большуха». Женщина-«большуха» имела обычно совещательный, а не решающий голос. Основное решающее слово оставалось за хозяином. Поведение хозяина дома считалось внутрисемейным делом. Его никто не имел права ни осуждать, ни поучать.

Вместе с тем следует отметить, что в конце XIX века эмансипация крестьянства коснулась и внутрисемейных отношений. В результате развития товарно-денежных отношений рушились культивировавшиеся веками единство и спаянность крестьянской патриархальной семьи, «большак» терял свои былые позиции [15, с. 134].

После «большака» и «большухи» в семье наибольшим авторитетом пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались по имени и отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Так, отец посылал его иногда на ярмарку продавать и покупать необходимые для семьи товары.

Большие семьи, состоящие из женатых братьев, отличались более демократическим характером. В этих семьях власть главы семьи контролировалась ее членами. Если глава семьи по каким-либо обстоятельствам (старости, грубости, заносчивости и т.п.) переставал удовлетворять предъявленным к нему требованиям, то его переизбирали на семейном совете [2, д. 35, л. 8об; д. 52, л. 3].

Семейные советы в этих коллективах родственников представляли собой своеобразный орган регулирования в управлении семьей и хозяйством.

Большие семьи периодически делились на малые. Семейный раздел означал отказ отхо-

дящих членов семьи работать в данном хозяйстве, вкладывать заработанные на стороне деньги в общую кассу семьи и подчиняться ее порядкам. Для раздела семьи было множество причин: ее многочисленность, теснота помещения, семейные ссоры [7, с. 283], контроль над половой жизнью сына с женой [5, с. 15], излишний деспотизм, поведение отдельных членов семьи. «Частой причиной разделов служат также бабьи дрязги – по пословице «Где черт не сможет, туда бабу пошлют» [2, д. 6. Л. 8об.–9об.]. В 1884 г. Курский губернатор в своем отчете императору сообщал: «Семейные разделы крестьян продолжали и в отчетном (1884 г.) составлять печальное явление в народной жизни, объясняемое падением у крестьян патриархальных нравов» [18, д. 4454, л. 16–17]. Разделение семей большей частью происходило осенью – ближе к храмовым праздникам, хотя могло произойти и в любое другое время. Отец отпускал выбывающего члена семьи с назначенной ему долей, частью урожая. В случае выделения нескольких семей или когда возникали споры и замешательства применяли жеребьевку. [3, с. 90].

Следует отметить, что отхожие промыслы значительно повлияли на структурную и функциональную формацию семьи. При отлучке главы малой семьи на заработки управлять семейным хозяйством приходилось жене. На женщину ложилась ответственность перед властями за экономическое состояние хозяйства, она принимала участие в сельских сходах, возрастало самосознание женщин.

Аграрная реформа 1861 г. не только освободила крестьян от крепостной зависимости, но и начала разрушение общины. Экономические и социальные изменения, вызванные реформой, стали факторами разрушения патриархальной крестьянской семьи, способствовали ускорению процесса раздела больших семей на малые. Когда появилась возможность получить средства к существованию независимо от хозяйства семьи, возникло противоречие между коллективным началом, которое представлял глава семьи, и частным, представленным детьми и внуками, поскольку в распределении продуктов большой семьи существовало стремление к уравниловке (как и в общине), это не могло устраивать всех.

Анализ источников и литературы по истории крестьянской семьи показывает, что сохранившие на протяжении второй половины XIX в. свое практическое значение нормы обычного права закрепляли общность семейного имущества. Эти меры поддерживались и государственным законодательством.

Государство в области семейно-имущественных отношений крестьян стремилось сохранить патриархальные традиции, предельно ограничивая имущественные права отдельной личности, однако объективные условия социально-экономического развития были сильнее консервативного направления официальной правительственной политики. Благоприобретенное имущество способствовало формированию у крестьян частнособственнических отношений. Власть денег подтачивала традиции имущественной общности, «…патриархальный мир сельского социума рушился под напором «власти денег» [4, с. 110]. Все это вело к распаду больших патриархальных семей. Исследователи крестьянской семьи отмечают, что в Центральных губерниях уже к концу XIX в. у крестьян-отходников превалировала малая семья (до 70%) [4, с. 109]. Семья как хозяйственная ячейка, состоящая из мужа и жены, была в новых условиях оптимальной формой организации. Взаимоотношения в малых семьях были более демократичные, чем в семье неразделенной.

Модернизационные процессы в деревне во второй половине XIX в., ставшие одним их механизмов разложения общины, способствовали изменению семейных ролей, взаимоотношений поколений, изменению положения женщины. Женщины-крестьянки становились по сути и по факту главами крестьянских домохозяйств на время отсутствия их мужей в доме [15, с. 139].

Одновременно шел процесс социального расслоения внутри общины, выделения группы зажиточного крестьянства, заинтересованного в свободе распоряжаться накопленным имуществом [11, с. 31], а следовательно, в ревизии обычно-правовых норм и укреплении правового статуса благоприобретенной собственности.

Библиографический список

1. Архив СТИ МИСиС. Кафедра гуманитарных наук. Папка 4. Из беседы с уроженками с. Никольское Горшеченского района Курской области.

2. Архив Российского этнографического музея. Фонд 7. Опись 2.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004.
4. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897– 1959 гг. (историко-демографический аспект). М.-Тула, 2009.
5. Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.
6. Дмитрюков А. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831. №10. С. 267.
7. Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М. 1987.
8. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
9. Лещенко В.Ю. Семья и русское православие: XI – XIX вв. М., 1999.
10. Мейендорф. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права, и затруднительность его применения. СПб., 1909.
11. Милоголова И.Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 гг. // Вестн. МГУ. Сер.8. История. 1995. № 1. С. 22–31.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 2000.
13. Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия/ Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2005.
14. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века) СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018.
15. Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Курские крестьяне в пореформенной России (вторая половина XIX- начало XX века). Старый Оскол, 2016.
16. Никулов А.П. Старый Оскол. (Историческое исследование Оскольского края.). Курск, 1997.
17. Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий. ПСЗ. Собр. 2.Т. 36. № 36659.
18. РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.4454. Л. 16–17.

Н.Л. Пушкарёва

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

С.В. Любичанковский

Россия, г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ*

Мне посчастливилось быть знакомым и общаться как по научным, так и по не очень научным поводам с Натальей Львовной. Наверное, не у всех молодых и начинающих есть в биографии такие встречи – с по-настоящему ведущими учеными, мировыми величинами, настоящими «классиками при жизни». И, наверное, не все такие встречи, даже у тех, кому повезло их иметь, перерастают в какое-то длительное творческое общение. Конечно, это везение, что Наталья Львовна обратила на меня свое внимание. Общение с красивым во всех смыслах этого слова человеком заставляет расти, развиваться, пытаться соответствовать. Может быть, в этом и есть Миссия Н.Л. Пушкарёвой (или даже правильнее сказать – династии Пушкарёвых)?

В предлагаемой вашему вниманию статье, написанной в соавторстве с Натальей Львовной и впервые опубликованной в 2014 году, содержится научно-популярный теоретико-методологический анализ «истории повседневности» – одного из тех научных направлений, в становление которых на российской почве Наталья Львовна внесла огромный вклад; без ее работ сегодня это направление просто непредставимо. Есть ли в России хотя бы одна диссертация по истории повседневной жизни, в которой не упомянуты основополагающие публикации Н.Л. Пушкарёвой? Я не встречал. Почему так сложилось? На мой взгляд, потому, что внимание к теории – это то, что отличает Н.Л. Пушкарёву от многих прочих. Именно поэтому хотел бы предложить юбилейному сборнику этот текст.

* Статья является переработанным вариантом публикации: Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы «Анналов» к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. Т.4. История. №1. С.8–22.

* * *

«История повседневности» (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова «повседневность» – будничность, ежедневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день» [20]. Однако ключевым в определении «повседневного» является как раз регулярно повторяемое.

Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый полагает, что может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так проста: во-первых эта сторона действительности очень широка, всеохватна, во-вторых у историка часто нет источников (или слишком много) относимых именно и только к ней. Почему же необходимо научное знание повседневности? Повседневность – первична, безусловна для всех людей, везде и всегда, хотя и неоднородна, неодинакова по содержанию и значению. В понимании философа она – «природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [5].

В России понятие «повседневность» в исторических исследованиях употребляется с середины 1980-х годов, в настоящее время оно прочно утвердилось в отечественном научном лексиконе [Об этом подробнее см.: 1; 3; 8–10; 14–17]. Отчасти на его внедрение в наш научный тезаурус повлияло падение «железного занавеса» и расширение возможностей знакомства наших ученых с западной литературой, а отчасти – риторика этнографических исследований, в которых под изучением повседневной жизни подразумевалось изучение трудового и внерабочего быта.

Структура и содержание понятия «повседневность»

Как остроумно заметила в начале 1990-х германский этнограф и антрополог Карола Липп, похоже, в литературе «существует столь же много «повседневностей», сколько есть авторов, ее [повседневность] изучающих» [21]. Изучение повседневной жизни есть попытка вникнуть в человеческий опыт, потому вопрос о содержании понятия «повседневность» предполагает вопрос о том, какой человеческий опыт следует рассматривать при этом, а какой нет. Специалисты по истории социальных конфликтов и движений полагают, что сопротивление насилию, если оно ежедневно или хотя бы систематично, тоже есть часть истории повседневного. С такой точки зрения, повседневность с неизбежностью должна включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях», в том числе и самых экстремальных. Поэтому постановка таких тем, как повседневность военной поры или эпохи революций вполне оправданна.

Дискуссионным является вопрос, может ли повседневность быть трудовой, рабочей, производственной. Большинство отечественных исследователей подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни и только некоторые включают в сферу анализа и жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Однако социологи и этнографы обеими руками за понятия «производственного быта» и «повседневности труда».

Попробуем точно определять собственное понимание категории повседневного. На наш взгляд, она включает:

- Событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира.
- Обстоятельства частной (личной) домашней жизни, быт в самом широком смысле.
- Эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов

и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей.

- Отделяя «историю повседневного» в жизни простых и великих людей от «истории неповседневного», к последнему обычно склонны (вслед за Н. Элиасом) относить:
- Праздники, точнее – праздничное и небудничное в обыденной жизни – если оно, конечно, не разыгрывается по одному и тому же сценарию – тогда даже праздники (как что-то необычное, яркое, неповторимое) «оповседневливаются», рутинизируются.
- Нечто чрезвычайное и значимо-событийное (но уже переживание события в повседневности, последствия того, что оно случилось, – относится к повседневному).
- Разнообразные, в особенности – необычные формы отдыха и праздности в противовес обыденной работе, труду.
- Жизнь необычных людей, необычный образ жизни, который никем не повторяется, могут быть описаны как повседневье этих чудаков, но какие-либо обобщения невозможны.

Ставшее социологической классикой определение повседневной жизни как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [2] мало известно историкам. Это определение подчеркивает двойственную природу повседневности: ее реальность организуется вокруг того, что являет собой «здесь» и «сейчас» для каждого конкретного человека, и потому глубоко субъективна. Но одновременно повседневная жизнь представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными.

Историк и социолог обладают инструментами анализа определенного явления не только в индивидуальном контексте (страсти, аффекты, депрессии и т.п.), но и в контексте социально-хронологическом, политическом, этнокультурном и т.д. Историк может проследить, как на обломках одного уклада жизни и одной обыденности, в результате их разрушения, возникает новая обыденность и повседневность, которая, по сравнению с предыдущей, кажется странной и «неповседневной». Подобный анализ содержит в себе перспективу прогнозирования будущего, поскольку позволяет проследить развитие системы ценностей, роль в этом отдельных личностей, пытавшихся и пытающихся «изменить жизнь» как в государственном масштабе, так и на локальном уровне, как в прошлом, так и сегодня.

Предмет истории повседневности

В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности – как приема реализации методики микроисторического анализа и как реконструкции ментального макроконтекста событийной истории. Вполне объяснимо и то, что к первому примыкают социологи-практики и значительная часть историков, краеведов и археографов, а ко второму – философы и культурологи.

Примером второго подхода является книга «Изобретение повседневности» французского философа, литературоведа, теолога Мишеля де Серто [19]. Эта книга вышла в период расцвета постструктурализма, и ее автор вслед за М.Фуко и П. Бурдьё отказался от стремления видеть структуры и иерархии в изучении культурно-исторических моделей. С точки зрения М. де Серто, в «повседневности» можно выявить формы культурных практик, типические для эпохи или этноса и их взаимосвязь со Словом – «великим фабрикатором, источником всякой Власти» [19, с. 233]. В истории повседневности он увидел не столько повторяемость, сколько поле постоянного творчества, в котором рождается будущее. Для него объективное теоретическое знание также невозможно, как невозможен человек, лишенный свойств. Потому он не старался объективировать собственный анализ, а рассматривал свои собственные субъективные оценки как неотъемлемую часть собственного исследования.

В германской историографии прочно утвердилось противопоставление категории повседневности как всего повторяющегося, обыденного тому, что выходит за эти рамки как яркое, необычное или уникальное. Такой подход противопоставил повседневность в качестве «жизни масс» «жизни отдельных, уникальных и необычных личностей». Это привело к появлению германского варианта «истории повседневности», который можно охарактеризовать как микроисторию обычных, незаметных, типичных для своего времени и социального слоя индивидов. К «оппозициям» повседневного герман-

ские ученые обычно относят «праздники» как проявление чего-то особенного, необыденного, а также «экстремальные ситуации», которые при определенном стечении обстоятельств могут перейти в разряд обыденных и составить повседневность. Работа, труд, игра, учёба в подобных классификациях оказываются включенными в понятие «повседневного» (а не противопоставленными ему). Их изучение и составляет задачу истории повседневности, считает один из ее главных современных идеологов А.Людтке [12]. Понимание «истории повседневности» как микроистории негативно повлияло на степень признания этого направления научным истеблишментом Германии. Сторонники микроистории рассматривались как покусившиеся на святое, поэтому их перестали допускать к конкурсам на замещение должностей в университетах и научных центрах. Вследствие этого в Германии возник параллельный официальному мир «мастерских историков» и особых журналов. Примером тому является журнал «Историческая антропология», а также региональная группа активистов в Геттингене, действовавшая под девизом «take history in our hands». Одной из главных задач этих активистов, – среди которых были и профессиональные историки, и обычные граждане, – была борьба за переименование улиц и сохранение памяти о преступлениях нацизма в каждом конкретном городе Германии.

Особенностью российского понимания истории повседневности является ее отнесение к разделу культурологии или даже почти этнологии, а потому при исследовании повседневного пользуются этнологическими методами и приравнивают ее к истории быта. Однако соотношение истории быта (как предмета этнографических описаний) и истории повседневности (как нового направления именно в исторических исследованиях) не столь просто.

Самое скрупулезное *описание* быта не способно было представить мужчину или женщину прошлого, наделенных замыслами, которые осуществились, или мечтами, которые не удалось реализовать. Быт – по крайней мере, в восстановленном исследователями виде – выглядит медленно и малоизменчивым, сопротивляющимся переменам. Любая из книг русских бытописателей XIX в. и советских этнографов представляла человека раз и навсегда скованным рамками жизненного сценария, за пределы которого никому было не вырваться. Подробности быта рисовали его понятным человеку более позднего времени, и до поры до времени эта понятность вполне устраивала исследователей.

Под влиянием социальной и культурной антропологии – направлений гуманитарного знания, пришедших в Россию из англоязычного мира – эта бытовая понятность была поставлена историками под сомнение. Историки повседневности многое позаимствовали у этнографов и «бытописателей» XIX в., в частности интерес к типично этнографическим темам – исследованию жилища, системы питания, стиля одежды и т.д. Этнографический метод включенного наблюдения позволяет историкам приметить такие стороны жизни людей, от которых не остается следов в исторических, документальных источниках.

Принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании *значимости событийной истории,* в стремлении показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий. Взгляд через призму повседневности позволяет увидеть историю в другой перспективе. Например, исследования повседневной жизни 1930–50-х годов в Германии открыли для историков несколько неожиданный факт: в субъективном восприятии населения окончание войны как неблагополучного периода жизни и возвращения к «нормальному» приходится не на 1945, а на 1948 год – год проведения денежной реформы [21].

Этнограф-специалист по истории материальной культуры является терпеливым искателем «мелочей», которые он подвергает тщательному анализу. Состав глины, из которой произведена посуда, красителей, которыми окрашены ткани, приемы лечения больных – все это является темой этнографических исследований. История повседневности ставит задачу не разглядывания мелочей, а рассмотрения в подробностях, поскольку ставит на первое место не само описание материального предмета, но отношение к нему людей. Бытовые детали помогают исследователю отыскать в истории то, что выражало на тот момент «дух времени», соотнести частное существование человека с ходом исторических событий.

Концепция повседневности К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова и методология ее применения к анализу исторического процесса

История повседневности давно уже переросла влияние «научной моды», прочно утвердилась в качестве серьезного самостоятельного академического направления. В его основе лежит определенная теоретическая база, которая постоянно развивается. На наш взгляд, сегодня в русскоязычной научной литературе наиболее глубоко разработана концепция повседневности К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова [11]. В настоящей статье мы базируемся на предложенном ими сущностном понимании повседневности как формы непосредственной человеческой деятельности, которая осуществляется в конкретной фактичности событийных ситуаций и представляет собой совокупность повседневного бытия (то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей) и обыденного сознания (то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей) [11, с. 260]. Таким образом, процесс повседневного существования является двуединым, включающим в себя повседневное взаимодействие конкретного человека с разными реалиями окружающего его мира и субъективной *интерпретацией* этого взаимодействия.

Следует обратить внимание на то, что применение этой теоретической конструкции в историческом исследовании таит в себе ряд методологических сложностей. Одной из них является определение субъекта повседневности.

К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов понимают субъект повседневности совершенно однозначно – это отдельный человек. Действительно, нельзя не признать, что повседневность конкретных людей, пусть даже одной и той же социальной группы, отнесенная к одному и тому же пространству и времени, часто не совпадает. Один дворянин из Самары может служить мелким чиновником, а другой – жить в родовой усадьбе, даже не находясь на государственной службе. Их повседневная жизнь не будет одинаковой, несмотря на общность сословного происхождения и места проживания. Очевидно, что повседневность конкретного человека как минимум будет зависеть от пола, возраста, образования, семейного положения, национальности, вероисповедования, типа основной деятельности, места проживания, социального происхождения и др.

Вместе с тем нельзя не видеть, что по каждому из вышеперечисленных параметров люди образуют группы, и принадлежность к каждой из них позволяет предполагать определенный уровень сходства повседневной жизни (безусловно, в ее усредненном варианте) по тому или иному направлению (в семейном, профессиональном, этноконфессиональном, возрастном и прочих планах). Чаще всего в центре исторического исследования стоит не отдельный человек, а какая-либо группа людей. Следовательно, правомерен и вопрос о том, как принадлежность человека к той или иной группе влияет на его повседневную жизнь. Вот почему при обращении к изучению истории повседневности представляется возможным рассматривать в качестве ее субъекта и отдельного человека, и (очень часто) выделенные по определенным признакам группы людей. Важно уточнить, что в самом узком, самом точном смысле слова субъектом повседневности по-прежнему может и должен рассматриваться отдельный человек во всех своих ипостасях (возрастной, семейной, профессиональной и т.п.). Однако при этом повседневность – это процесс, который становится видимым наблюдателю только в случае, если последний рассматривает в качестве субъекта своего изучения группу людей, выделенную по определенному признаку. Поскольку проблема исторического исследования заключается не только в выделении конкретных особенностей повседневности строго определенного субъекта, отнесенного к определенному пространству и времени, но и описания конкретных факторов, которые влияют на формирование, сохранение и изменение этой повседневности, субъектом повседневности в историческом исследовании могут и должны выступать группы людей.

Такое понимание субъекта истории повседневности накладывает на само исследование, его программу существенные ограничения. В первую очередь они связаны с тем, что исследователь сознательно абстрагируется от ряда признаков субъекта повседневности ради более глубокого, «незатенённого» изучения других его признаков. Поэтому при исследовании, например, такой профессиональной группы, как торговцы, необходимо сосредоточиться на изучении того влияния, которое на их повседневную жизнь оказывала именно их профессиональная

деятельность; при исследовании повседневной жизни старообрядцев – их религиозная жизнь; студентов – процесс обучения и т.д. Влияние других срезов повседневной жизни ни в коем случае не отрицается, однако признается дополнительным. Иными словами, выбор в качестве субъекта повседневности определенной группы людей обязывает исследователя соответствующим образом ранжировать условия повседневности, каждый раз придавая одним из них статус центральных, а другим – периферийных.

Как легко можно увидеть, выделение субъекта повседневности возможно по самым разным основаниям, в результате чего классификации, конечно, будут накладываться друг на друга, пересекаться, находиться в дополнительном отношении друг к другу. Все это создает сложную мозаичную структуру субъектов повседневности любого региона. Однако нельзя объять необъятное. Человек – настолько многообразное существо, что изучение всех его ипостасей в рамках одного исследования является при существующем уровне развития науки фикцией, которая только лишь будет способствовать поверхностности анализа. Начиная конкретно-историческое исследование повседневности, автору следует четко определиться, какого именно субъекта он изучает, какая классификация лежит в основе выделения субъекта. И дальнейший анализ должен быть жестко привязан к этому выбору. Например, если речь идет о выделении субъекта по профессиональному признаку (скажем, торговец), то основное внимание необходимо обратить на те условия повседневности, которые определяют его повседневную жизнь именно как торговца, а не как жителя села, семьянина, мусульманина, буддиста и проч. В случае же изучения повседневной жизни сельского жителя, напротив, вперед должны выйти условия повседневности, связанные с состоянием места его проживания, а не с его профессиональной деятельностью. Естественно, мы понимаем, что все условия взаимосвязаны, но также нужно понимать, что достижение необходимой глубины анализа требует ранжирования условий повседневности в зависимости от принципа выделения субъекта. Потом уже, после проведения таких исследований (причем по единому алгоритму), возникнет возможность синтезировать их результаты и добиться более комплексного взгляда на повседневную жизнь представителя того или иного региона, понять, какие же условия повседневности (профессиональные, религиозные, возрастные и проч.) оказывали в тот или иной период наиболее существенное влияние на жизнь человека, а какие выступали только дополнением. Но перескочить сразу на решение этой задачи было бы научно некорректно.

Выбор исследователем субъекта повседневности влияет даже на выбор территориальных рамок исследования, поскольку региональная специфика для разных типов деятельности субъекта (профессиональной, семейной, конфессиональной и проч.) может выглядеть по-разному. Региональная структура России может видеться по-своему в зависимости от задач научного анализа. Наиболее распространенное историко-географическое деление страны (на Урал, Поволжье, Северо-Запад и проч.) может быть использовано далеко не всегда, поскольку абстрагируется от многих существенных параметров. Так, если ставится задача изучить повседневную жизнь земских деятелей, то говорить о земствах Уральского региона означает объединять в единых рамках как классические Вятское и Пермское земство, созданные уже в шестидесятых годах XIX века (1867–1870 гг.), Уфимское земство, учрежденное в ходе следующей крупной «волны» территориального расширения земской реформы (1875 г.), так и Оренбургское земство, которое в силу социокультурных особенностей территории стало действовать только в 1913 г.

Более обоснованным является выделение земских регионов в соответствии с сущностной структурой империи как сложного и неоднородного в культурном плане пространства. Империя, по мнению современных специалистов, включала в себя т.н. ядро, окраины и промежуточную территорию – «внутреннюю периферию» [7]. Миссия империи заключалась в перераспределении регионов внутри этой системы, в подтягивании окраин до статуса внутренней периферии, а последней – до внутренних стандартов империи. Именно в соответствии с этой логикой и судебная, и городская, и земская реформы распространялись на территории государства не повсеместно, а «волнами», в зависимости от готовности губерний соответствовать предлагаемым стандартам. Последней группой губерний, получивших земское самоуправление только в 1913 г., явились Астраханская, Оренбургская и Ставропольская. Эта сово-

купность территорий в управленческом плане может рассматриваться как единый регион, именуемый условно «Юго-Востоком России». И изучение земской повседневности будет корректным именно в таких рамках.

Итак, следует выделять кластеры однотипных субъектов повседневности, а в них выделять «ядра» и «периферию», выделять и характеризовать «контактные зоны» каждого субъекта повседневности. Возможно, историку следует обратить особое внимание на анализ особенностей именно контактных зон субъектов повседневности, ибо они позволяют предсказывать возможную эволюцию того или иного типа повседневности, что исключительно важно для понимания особенностей исторического процесса в регионах. От того или иного определения субъекта будет зависеть вся дальнейшая программа исследования.

Также важно подчеркнуть, что каждый субъект повседневности по своей сути является, очевидно, нелинейной системой, то есть состоит из очень большого числа элементов, связи между которыми носят случайный характер. Если не брать крайние случаи, то взаимодействие субъектов повседневности региона с окружающим миром должно вести его к прогрессивному развитию, к накоплению количественных изменений и последующему качественному скачку. Задача исторического исследования состоит в выявлении доминанты развития повседневности разных субъектов в разных регионах в разные исторические периоды.

Результат влияния на эволюцию субъекта разных типов повседневности зависит от устойчивости последних. В общем плане устойчивость тех или иных сторон повседневной жизни субъекта в рамках того или иного региона может зависеть: а) от географического расположения региона (климатических условий, наличия плодородных почв, водных ресурсов, полезных ископаемых, лесов и т.д.); б) от моноконфессионального или поликонфессионального, мононационального или полинационального состава его населения; в) от специфики культурного наследия региона и умения властей его использовать для развития региона; г) от уровня вписывания конкретного типа повседневности региона в культурное пространство страны; д) от уровня творческой инициативы населения региона и т.д. и т.п.

Любой процесс есть единство изменчивости и устойчивости. Такова и повседневная деятельность. Скорость изменения разных параметров любого сложного открытого нелинейного процесса (а именно таковым является повседневность) различна. Это может быть рост одних параметров и одновременное убывание других, а третьи при этом останутся стабильными, причем все это – на разных временных промежутках. Эта динамика делает бессмысленным желание установить исчерпывающую специфичность повседневности вообще, так как она на разных временных отрезках и применительно к разным своим сторонам (что в данном случае как раз и означает – к разным субъектам повседневности) будет проявлять себя по-разному. Нельзя объять необъятное. Однако реалистичной является задача установить тенденции изменения повседневности применительно к определенному субъекту повседневности на определенном историческом периоде, причем необходимо учитывать, что в краткосрочном периоде специфичность будет одна, в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе – другая, может быть – вообще противоположная.

Методы изучения истории повседневности

Для этого направления свойственно особое отношение к источнику.

«Повседневноведы» отказываются от все еще распространенной в отечественной историографии установки («тексты способны говорить сами за себя»), превращающей исторический текст в подробное описание источника.

Для анализа повседневности мало подробно описать источник или можно даже пропустить этот шаг. Зато необходимо тщательно и скрупулезно вникнуть в текст источника, в его внутренние смыслы, учитывая недоговоренное и случайно прорвавшееся. Историк, ставящий задачу реконструировать с помощью сохранившихся источников «типичное» для определенного времени и определенной социальной группы, старается *выяснить мотивацию действий* всех исторических акторов и через это приблизиться к их пониманию. При этом специалисты по истории повседневности отказываются выступать в роли объективного судьи прошлого или, как они любят повторять, отка-

зываются от желания встать «над» источником и над его автором. Вместо этого они ведут «диалог» с источником, пользуясь теми приемами, которые в состоянии обеспечить это общение, ставят перед текстом вопросы, которые его составитель или автор сами бы никогда не поставили, поскольку они порождены современным состоянием научных знаний.

Специалист по истории XX в. имеет возможность обратиться к методу устной истории. Сбор и запись «жизненных историй», интервью всех видов являются не просто сбором материала, но и в ряде случаев созданием нового вида источника – «вторичного». Так писалась «История фабрик и заводов» в 1920–1930-е гг. (и тем самым создавался «вторичный источник» из воспоминаний тех, кто помнил историю своих предприятий; таково и издание «Рабочее движение в России 1895–1917. Хроника», более опирающееся на статистику и отчеты фабричных инспекторов, но также и на биографии и автобиографии участников [13]. В более поздней советской историографии к воспоминаниям как к источнику было принято обращаться, изучая прежде всего историю Великой Отечественной войны [6].

В последние 20 лет устная история завоевала заметное место в отечественных исследованиях по истории повседневности. Историки-повседневноведы считают полезными методы работы с автобиографическими текстами, разработанные психологами и социологами, в особенности зарубежными. В частности, одна из таких методик предполагает свободный рассказ, перед которым интервьюер просит интервьюируемого рассказать о себе и своей жизни, не умалчивая ни о чем существенном. Сопоставляется повторяемость тем и жизненных коллизий, что позволяет делать обобщения [4].

Исследователи, не располагающие возможностями «задать прошлому вопрос», а их большинство, вынуждены работать с имеющимися традиционными источниками, среди которых для истории повседневности особенно велика роль источников личного происхождения. У медиевиста и специалиста по истории раннего Нового времени, не говоря уже о Древней истории, зачастую нет и их – ни писем, ни дневников, ни воспоминаний. На помощь исследователю истории повседневности здесь приходит этнология. Приблизиться к чужой культуре можно путем поиска и *анализа символических форм* – слов, образов, институтов, поступков, посредством которых люди проявляют себя. Таким образом, для медиевиста или специалиста по XVI–XVII вв. главными в реконструкции истории повседневности становятся толкования смыслов и символов, обнаруживаемых при чтении сложившегося корпуса источников.

Пользуясь психологическими приемами вживания и эмпатии в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. Труд исследователя повседневности – интерпретация чужих мыслей и слов – всегда является «переводом» с чужого эмоционального языка. В этом случае он сближается с исследователями истории психологии и специалистами по истории частной жизни.

Этнографические и социологический методы *включенного наблюдения* применяются, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и «ведет наблюдение» за ее автором. В этом случае он пользуется информацией из иных источников о контексте написания данного текста этим человеком, например его возрасте на тот момент, семейной ситуации, психологическом настрое. Анализ стенограммы какого-то важного форума, учитывающей реакцию зала, может быть превращен в методику *анализа фокус-группы* – при изучении повседневности историк часто использует эти этнолого-социологические методы работы.

Радости и страдания, мечты и надежды людей предшествующих поколений часто оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же представленные «зашифровано». Поэтому иногда единственным способом выйти из тупика становится *переоценка тех свидетельств*, которые уже использовались раньше в ином ракурсе (скажем, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет обыденного быта), привлечение свидетельств иностранцев, которым больше бросаются в глаза культурные отличия в повседневном быту.

Но историк, в итоге, должен привести свои микроисторические изыскания в единую систему взаимосвязей, только в таком виде маленькие элементы помогут ответить на большие вопросы. Не случайно критики истории повседневности как «трогательных рассказов из жизни

людей из массы» [22] утверждают, что авторам работ по истории повседневности есть чему поучиться у специалистов по социальной истории. Они имеют в виду сложность преобразования множества «историй» в цельную картину. Пути такого преобразования хорошо известны социологам. В собранном однородном массиве источников (например, в записях судебных процессов, автобиографиях или агитационных брошюрах) выделяются отрывки текста (т. наз. «секвенции»), которые структурируются по темам «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида», а затем этот материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости информации. Большим подспорьем для микроисторика является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции, через привлечение иных источников, – но такая возможность предоставляется историку не всегда.

В идеале исследования по истории повседневности должны *писаться иным языком*, в который исследователь может вложить и свое собственное эмоциональное восприятие предметного мира, окружавшего человека прошлого.

Структуры повседневности, составляющие почву порядка, власти, познания, определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами общества. Изучая структуры таких пространств, существовавших в прошлом, люди способны по-иному оценить свой каждый день, его мимолетность, малость, стремительность и в то же время связанность с другими такими же днями, своими и чужими. Каждый из таких дней предстает не случайностью, но неотъемлемой частичкой внутреннего содержания, наполнения всей культурной традиции.

С другой стороны, изучение истории повседневности заставляет разглядеть типологию там, где она хуже всего просматривается: в индивидуальных решениях, принимаемых в различных ситуациях. И тогда выясняется, что история повторяется потому, что так медленно меняемся мы сами – не отвлеченные, виртуальные социальные структуры, а именно мы, живые люди. «История повседневности» доказывает: люди не одинаково движутся по одной и той же колее, а потому индуктивный путь – путь к постижению общего (представлений о мире некоторой группы людей или всего общества) через отдельное (жизни, «повседневности» отдельных людей) – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших столетий.

Библиографический список

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 38.
3. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России. СПб., 2007.
4. Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1976. С. 93.
5. Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С.22.
6. Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР // Археографический ежегодник. 1973. М., 1974. С. 22–53.
7. Любичанковский С.В. (науч. ред.). Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург-Ижевск, 2010. С. 484.
8. Любичанковский С.В. «Условия повседневности» как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7. С. 154–157.
9. Любичанковский С.В. Критерии и параметры повседневной жизни в историческом исследовании: возможные методологические «ловушки» // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междун. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. СПб., 2012. С.13–17.
10. Любичанковский С.В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т.14, № 3. С. 150–153.
11. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007.
12. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус-1999. М., 1999. С. 121.
13. Пушкарёва И.М. (отв. ред.) Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып.1 «1895 год». М., 1992; Вып. II «1896 год». М.-СПб.,1993; Вып.III «1897 год». М.-СПб., 1995; Вып. IV «1898 год». М.-СПб., 1997; Вып.V «1899 год». М. 1998; Вып.VI «1900 год». М. 1999 год; Вып. VII «1901 год». М., 2000.
14. Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005. С. 93–113.
15. Пушкарёва Н.Л. (отв. ред.). Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарёва. М., 2013.

16. Пушкарёва Н.Л. История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd). 2005. № LIII. З. 21–34.
17. Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. №5. С. 3–19.
18. Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история. 2007. М., 2007. С. 9–21.
19. Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб., 2013.
20. Словарь русского языка в 4 тт. Т. 3. М., 1983. С. 162.
21. Lipp C. Alltagskulturforschung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts // Zeitschrift für Volkkunde. 1993. № 1. S. 2–3.
22. Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1985. H. 6. S. 403.

Н.К. Радина

Россия, г. Нижний Новгород, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МЕЖДУ КРИТИКОЙ И ПОИСКОМ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНДЕРНЫХ ДИСКУССИЙ

И кто-то вскрикнет: – Нет, не уезжайте!
Я пропаду! Пущусь за вами следом!..–
А будет это с нами иль с другими –
в конечном счете, суть уже не в этом.
«Вместо эпилога» Ю.Левитанский

Гендерные проблемы общества – захватывающие и горячие дискуссионные поля как в публичных пространствах (исследовательских полях или полях общественных дискуссий), так и в приватных мирах, в ситуации межличностных отношений. Исследовать гендер или говорить/писать о гендере – означает быть замеченным, вызывать отклик, возможно, споры и критику, но практически никогда – равнодушие. Тем не менее в большинстве случаев не рефлексируется факт, что проблема «гендера» в его современном звучании рождена в недрах философии феминизма [8]. Все дискуссии о гендере так или иначе выходят на проблемы свободы, самоопределения, идентичности, социального неравенства, то есть на те социальные феномены, которые проблематизируются после того, как кто-то указывает на половые различия и половое разделение в социальном контексте. Можно сказать, что характер интерпретации гендерных проблем непосредственно указывает на экзистенциальные координаты и притязания в социальных иерархиях субъектов интерпретаций гендера.

Гипотеза об «экзистенциальном потенциале» гендерных дискуссий была проверена нами в одном из исследований с использованием методов психолингвистики [4]. Материалом для анализа выступили 115 комментариев к статье А. Солнцевой «Мужчина под елочку» [7] об особенностях мужской социализации в России.

В качестве инструмента определения интенций, заключенных в комментариях к электронным публикациям, был использован количественный интент-анализ [6]. По своей процедуре интент-анализ является закрытым кодированием (для анализа имеющихся текстов используется готовый словарь интенций). В данном случае был использован словарь Н.К. Радиной [5], ориентированный на типологию коммуникативных стратегий М.Ю. Олешкова (типология коммуникативных стратегий в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией) [1], включающая информативно-воспроизводящий блок (цель – сообщение, репродукция и обобщение), волюнтивно-директивный блок (волеизъявление, управление), контрольно-реактивный блок (оценочная и экспрессивно-оценочная реакция), эмотивно-консолидирующий блок (предложение собственной картины мира для кооперативного взаимодействия), манипулятивный блок (социальное доминирование, установление иерархии).

В качестве специалистов, анализирующих комментарии, выступили 10 начинающих экспертов, которые по итогам анализа дискуссии выделили 141 интенцию. По блокам коммуникативных стратегий интенции распределились следующим образом. Информативно-воспроизводящий блок коммуникаций (интенции «удивление», «вопрос», «несогласие», «согласие»,

«поддержка», «непринятие», «отказ от коммуникации», «проявление симпатии») занял 24% от всего объема комментариев. Например, выражение несогласия/сомнения: «*Ну, насчет того, что пьют и опускаются из-за женщин, не соглашусь. Сами виноваты»*[1].

Эмотивно-консолидирующий блок коммуникативных стратегий (интенции «самопрезентация», «привлечение внимания», «успокоение аудитории», «прогнозы», «самооправдание») захватывает около трети всех комментариев (32%). Например, самопрезентация: «А *я гей. И мой БФ – тоже».* Или оправдание: «*Я и не пытался вас обидеть. Это просто классификация».*

Манипулятивный блок (интенции «оскорбление», «угрозы», «дискредитация», «демонстрация силы без явной угрозы» и «морализаторство») в онлайн-дискуссиях о гендере выражен умеренно и составляет 13%. Например, оскорбления: «*Среднестатистическая женщина в России – бытовая проститутка*». Или дискредитация: «*Интересно, зачем Солнцева переписала эту статью из журнала Работница за апрель 1967 года, если ее уже три раза перепечатали в журнале Советская женщина за 1976 год и Литературной газете 1983 года?».*

Волюнтивно-директивный тип коммуникаций (интенции «побуждение к позитивному действию и рекомендации», «подстрекательство к негативному», «обвинения», «предупреждение о последствиях», «отвод обвинений») – 7%. Например, обвинение: «*Ни одна страна в мире не ухайдакала столько своих мужиков как наша».* Контрольно-реактивный тип коммуникаций (интенции «похвала», «сарказм», «критика», «ирония» и «разоблачение») – 24%. Например, ирония: «*А вы и вправду считаете, что любой критический отзыв женщин о мужчинах может быть порожден только одиночеством, а отсутствие "присутствующего мужика" – страшная трагедия и неизбывная боль?:)».*

Итак, судя по доминированию интенций из блока эмотивно-консолидирующих коммуникативных стратегий (самопрезентация, привлечение внимания, успокоение аудитории, прогнозы, самооправдание) (треть всех комментариев), желание вступить в дискуссию после чтения статей феминистской ориентации, «гендерных статей» обусловлено желанием предложить собственную картину мира для взаимодействия. Действительно, «гендер» как термин, понятие и феномен оказывается триггером, запускающим гамму переживаний и оживляющим дискуссионные поля, «гендерные дискуссии», как правило, имеют оживленный и вовлекающий характер. Но в тоже время четверть коммуникаций в обсуждениях – из критического поля, поэтому гендерные дискуссии – не только коммуникативные пространства для поиска и презентации идентичности, это еще и сложные поля столкновения мнений, коммуникативные площадки споров и конфликтов.

Баланс между конфликтами, критикой и поиском истины и идентичности на площадках гендерных дискуссий оказывается возможным (и рукотворным), если появляется человек, способный своим участием поддержать тенденции консолидации и смягчить тенденции критики и конфликта. Подобный баланс рождает сообщества (организации), поддерживающие гендерные исследования в России. Такой организацией и является РАИЖИ (Российская ассоциация исследователей женской истории) [2]. Консолидация как альтернатива критике и конфликту внутри гендерного сообщества – ключевая установка Натальи Львовны Пушкарёвой, оказавшей решающее влияние на создание и развитие не только РАИЖИ, но и на институционализацию гендерных исследований в России в целом [3]. Когда другие критикуют, не соглашаются, сражаются за иерархии и влияние, она объединяет, вдохновляет, примиряет и делает все возможное для сохранения единства разрозненного научного гендерного сообщества несмотря на время. И – о чудо! – консолидация оказывается важнее, весомее, сохраняя наше гендерное сообщество.

[1] Сохранена грамматика и пунктуация авторов комментариев.

Библиографический список

1. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006.
2. Белова А.В., Пушкарева Н.Л. Круг обсуждаемых проблем и задачи РАИЖИ (Вместо предисловия) // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 20–23.

3. Пушкарёва Н.Л. Женские исследования и женская история в России и за ее пределами (о Российской ассоциации исследователей женской истории и не только о ней) // Женщины в истории. Недостающие фрагменты исторического полотна / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, С.Л. Дударев. Армавир, 2010 С. 5–11.
4. Радина Н.К. Мотивационные основы комментирования материалов в сети интернет: об интерпретации феминистски-ориентированных текстов // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Т.И. Трошина. М., 2017. Т. 3. С. 140–143.
5. Радина Н.К. Интент-анализ online-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ру) // Медиаскоп. 2016. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediascope.ru/2238 (дата обращения 15.03.2019).
6. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / Ред. Т.Н. Ушакова, Н.Д. Павлова. СПб., 2000.
7. Солнцева А. Мужчина под елочку // Gazeta.ru. 01.01.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/solnceva/10457321.shtml (дата обращения 15.03.2019).
8. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. Ред. О.А. Ворониной. М., 2001.

Р. Ратчайлд

США, Университет Брандейса

НЕПОСЛУШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА*

1917 год – самый изученный год в истории России XX в. Тем не менее, за небольшими исключениями, в рассказах об этом революционном годе звучат по большей части мужские голоса: несмотря на успехи, достигнутые учеными, изучающими женскую историю, вопрос о роли женщин и гендера в самых значимых событиях России 1917 г. по-прежнему малоисследован и слишком заметно зависит от традиционных (по сути же – советских еще) стереотипов.

Признание значения женщин и вопросов пола – это не вопрос политкорректности. Это вопрос точности. Полная картина событий 1917 г. не полна без тех, кто составлял большинство населения России, без включения темы гендера в критически-значимые события года. К тому же в женских и гендерных исследованиях касающихся как всего позднеимперского времени, начала XX в., собственно 1917 г. и начала советского периода, достигнут очевидный прогресс. Но включение этих новых разработок в господствующий исторический нарратив все еще проблематично. Многое из случившегося в 1917 г. достойно тщательного гендерного анализа – стремительное начало Февральской революции, демонстрация женщин с требованием предоставления избирательных прав 19 марта 1917 г., создание женского батальона и выборы в Учредительное собрание. Эти события в случае применения анализа специалистом в области гендерных исследований по-иному освещают 1917 г.

Стремление российских женщин добиться права голоса, относительно быстрое достижение ими успеха – важная и недооцененная тема в изучении женской социальной и политической активности в тот революционный год. Она обогащает дискуссии о гражданском обществе и может повлиять на оценку политической отсталости России. Никакой сводный обзор о российских событиях 1917 г. не может считаться полным без упоминания о борьбе женщин за избирательные права и об их получении ими. По сути, это была одна из наиболее масштабных демократических реформ XX в., сыгравшая роль объединяющего начала в революционном воодушевлении того времени.

Успешность борьбы женщин за право избирать и быть избранными коренится в характере российских оппозиционных движений. В середине XIX в. российские радикалы и инакомыслящие, в отличие от политических активистов множества других стран, сделали «женский вопрос» едва ли не главной проблемой общественных споров. Россия не была изолирована от Запада. Русские женщины участвовали в международных женских встречах, обсуждавших вопросы избирательного права, многие из этих участниц обучались в западноевропейских университетах. Их было столь много, что численность русских студенток иногда превосходила число местных. На протяжении более чем полувека женщины сохраняли заметное

* Сокращенный вариант ранее опубликованного автором материала из книги: Ruthchild R. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010.

место в освободительном движении, их долговременная включенность в общественные и политические события определила успех в борьбе за право голоса. Так что Временное правительство, а впоследствии и советские руководители не просто даровали женщинам право голоса; они ответили на требования демонстранток.

Международный женский день, Февральская революция и право женщин участвовать в голосовании

То, что Февральская революция началась в столице Российской империи Петрограде в Международный женский день (23 февраля по старому стилю соответствует 8 Марта по новому), – неоспоримо. Однако в дискуссиях о том, какова была в 1917 г. реальная роль женщин как социальной группы, связь между конкретными действиями как проявлениями женской социальной активности и борьбой женщин за свои права обычно преуменьшается. Рабочие и крестьянки, в соответствии с традиционным историописанием, в основном были озабочены экономическими потребностями. Если за женщинами признается хоть какая-то роль в Февральской революции, то их изображают обычно как спонтанных участниц «хлебных бунтов», а не сознательных политических акторов. Сам факт того, что женские демонстрации, ставшие триггером Февральской революции, состоялись в день международной женской солидарности, считается менее важным, нежели то, что начатое женщинами поддержали рабочие-мужчины как революционный авангард.

Без понимания значимости Международного женского дня не разобраться в том, почему он сыграл столь важную роль в бурных событиях февраля 1917 г. в Петрограде. Первый и единственный социалистический женский праздник был новым; впервые социалисты о нем заговорили 26 августа 1910 г. Именно тогда в поисках путей приобщения женщин к идеалам социализма ведущая деятельница международного социалистического движения Клара Цеткин призвала создать «специальный женский день», а основной целью празднования сделать «пропаганду борьбы женщин за право голоса». На Второй международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене Клара Цеткин говорила о необходимости предоставления женщинам права принимать участие в выборах как о назревшей демократической реформе, проведение которой выгодно пролетариату. Клара Цеткин именовала этот праздник праздником всех женщин, а не только трудящихся (работниц), подчеркивая тем самым, что женщины – самостоятельная социальная категория.

Многие социалистические лидеры женского пола не сразу пришли к признанию необходимости борьбы за избирательные права женщин. Первоначально они враждебно относились к этой цели общей борьбы, полагая, что требование избирательных прав для женщин является «буржуазным». В 1908 г. Александра Коллонтай заявила, что феминистская ориентация на борьбу «за права и справедливость» несовместима с ориентацией женщин-работниц на борьбу «за корку хлеба», но со временем, заметив понимание целей общей борьбы за права женщинами-работницами, активистки социалистического движения пересмотрели отношение к вопросу об избирательном праве. Призыв отмечать Международный женский день – первый и единственный социалистический женский праздник – отражает факт этого пересмотра, а также признание того, что достижение равного с мужчинами права избирать и быть избранными в органы власти может считаться одной из ключевых задач и для женского пролетариата.

Впервые Международный женский день отмечался в России в 1913 г. Однако празднование дня международной солидарности женщин в России немедленно вызвало конфликт, поскольку активистки социалистического спектра заявили о том, что их праздник – особый, являющийся поводом к мобилизации женщин из среды рабочего класса к объединению со своими братьями в революционной борьбе. Так или иначе, но в 1917 г. Международный женский день праздновался не впервые, уже имея резонанс среди представительниц разрозненных секторов женского населения Петрограда. При этом нет никакого основания считать, что именно петроградские социалистические лидеры могли предположить, что празднование Международного женского дня станет катализатором революции.

Зато тема женского «непослушания» весьма явно присутствует в мемуаристике, записях нескольких мужчин-социалистов о начале революции. Весьма злобно на него пожаловался, говоря о вышедших на улицы 23 февраля, Лев

Троцкий («Несмотря на все директивы, женщины на нескольких фабриках бастовали»). Большевик Василий Каюров также утверждал, что еще накануне призвал работниц демонстрировать «сдержанность и дисциплину, но они все же объявили забастовку». Подобные высказывания формировали образ женского «непослушания», «не соблюдения дисциплины», который соседствовал с образом «отсталости» – отсталой работницы, нуждающейся в помощи и наставничестве со стороны грамотных и просвещенных товарищей-мужчин. Международный женский день в 1917 г. был между тем отмечен лишь одним бюллетенем, распространенным в виде листовки, изданной Петербургским межрайонным комитетом РСДРП и ставшим предметом многочисленных научных дискуссий. В начале этой листовки были провозглашены известные лозунги («Долой самодержавие!», «Да здравствует международная солидарность пролетариата!», «Да здравствует объединенная РСДРП!»). Далее же следовало некое разъяснение, неожиданно выстраивавшее иерархию: женщины, говорилось в тексте листка, «только недавно стали частью семьи рабочих», а потому якобы «часто боятся и не знают, как следует предъявлять требования». Владельцы предприятий, утверждал автор листовки, «эксплуатируют темноту и страхи женщин-работниц», которые должны участвовать в борьбе, начатой мужчинами. Таким образом, работниц заранее рисовали «отсталыми элементами» пролетариата, восприимчивыми призывам не к партийной, а к гендерной солидарности, о которой пели сирены феминизма.

Подчеркивая озабоченность соблюдением революционной дисциплины женской частью пролетариата при наличии феминистской угрозы женского межклассового единства, листовка Межрайонного комитета РСДРП категорично отошла от первоначальной идеи праздника – объединения всех женщин социалистической ориентации. Главным в ней была тема классовой солидарности и никакого упоминания об избирательном праве в ней не было. Содержание праздника – Международный женский день – трансформировалось в некий «День трудящихся женщин», «Женское 1 Мая» [9].

Как точно подметила Элизабет Вуд, взгляд на женщин как на отсталые, импульсивные, ненадежные социальные «элементы» стал особенно очевиден после прихода большевиков к власти. Но в самом начале развертывания Февральской революции, как это показали Чой Четтерджи и Ирина Юкина, действия женщин прямо противоречили этому стереотипу. Женщины претворяли в жизнь свои революционные уроки даже более успешно, чем их товарищи-мужчины, часто были смелее, в то время как мужчины колебались, убеждая своих братьев-пролетариев прекращать работу и присоединяться к ним [6; 4; 12].

Незамеченная демонстрация

Демонстрация петроградских женщин 19 марта 1917 г., требовавших предоставлениям им избирательных прав, не упоминается ни в советском, ни в русском историописании. Если же о ней что-то и говорится, то содержание и сущность ее представлены устрашающе – как мероприятие «буржуазных феминисток». Фотографии этого марша часто используются для иллюстрации февральских событий, что совершенно неверно. Сами демонстрантки, вышедшие на улицы 19 марта, обычно бывают явлены как злобные непослушницы, вышедшие на улицы под влиянием неожиданного порыва души. Достаточно, однако, внимательного вчитаться в источники, чтобы убедиться, что история этого шествия может немало рассказать о женском политическом участии, немало добавить к спорам о том, насколько скоро складывалось в России гражданское обществом и о связи этой темы с темой предоставления женщинам избирательных прав, равно как и с мировым движением суфражизма.

После того как было свергнуто самодержавие и старое правительство, борьба за право голоса стала частью общих революционных демократических устремлений к реформированию, которым мешали как классовые, так и гендерные барьеры. Цель получения избирательных прав была созвучна интересам не только образованных женщин, интеллигенции, но также работниц и крестьянок. Сам факт включить требование распространения избирательных прав на женщин говорит о том, насколько заметным стало женское политическое участие в революционных событиях для левых активистов столицы. Решимость женщин добиваться немедленного предоставления им избирательных прав перестала осуждаться как необоснованная прихоть представительниц привилегированного класса,

став признанным и закономерным последствием включения женщин в политическую борьбу, выхода на демонстрации, продвижения вперед революционных событий.

Пожалуй, требование предоставления женщинам избирательных прав было единственным в своем роде требованием, которое поддерживалось и женскими организациями, и организациями левых социал-демократов. Александра Коллонтай усилила позиции последних тем, что добавила свой голос. Она утверждала, что закрепление в законе равных прав мужчин и женщин, скорее всего, завершит революцию. Это суждение опубликовано ею в ее первой (после возвращения из ссылки) статье в «Правде» от 18 марта 1917 г. В ней А.М. Коллонтай, в частности, писала: «Разве женщины – не первые женщины, кто вышел на улицы? Почему же сейчас, когда свобода завоевана героическим пролетариатом обоего пола, солдатами и солдатками, игнорируется половина населения освобожденной России?» [2].

Неудовлетворенные тем, что Временное правительство повело себя нерешительно и не смогло быстро принять решение по вопросу о предоставлении женщинам избирательных прав, политические активистки развернули действительно масштабное выступление женщин 19 марта 1917 г. Среди тех, кто возглавил работу по его организации, Поликсена Шишкина-Явейн, врач-гинеколог по профессии и президент «Лиги равноправия женщин». В крупнейшей в истории страны женской демонстрации, участницы которой требовали предоставления женщинам равных прав, в том числе в политической сфере, приняли участие около 40 тысяч человек, свыше 90 женских организаций столицы. Шествие взяло начало от Городской думы на Невском проспекте, то есть от самого центра города, откуда направилось в Государственную думу, к Таврическому дворцу. В начале колонны демонстранток ехала открытая машина, в ней стояли женские лидеры – Поликсена Шишкина-Явейн и Вера Фигнер.

Изучение истории этой демонстрации и ее последствий даёт возможность рассмотреть, как Временное правительство и Советы непротиворечиво сотрудничали в первые дни революции. Феминистки на тот момент были решительны и воинственны, позиции их были прочны. В общей неопределенности первых недель свершившейся революции возможностей противодействовать феминисткам как у лидеров Советов, так и у Временного правительств было мало, применение силы против женщин было немыслимым, невозможным.

В тех ранних событиях 1917 г. женщин как бы слышали, но солидаризироваться с ними не спешили. Но 19 марта женщины-лидеры оказались уже вполне заметны, названы и столкнулись с влиятельными мужчинами на публичной демонстрации. В заметках, написанных членом «Женской лиги» Ольгой Закутой сразу после событий, можно найти подробную информацию о переговорах П. Шишкиной-Явейн с Временным правительством и руководством Советов [1]. Именно П. Шишкина-Явейн от имени тысяч демонстрантов заставила Председателя совета Николая Чхеидзе и Председателя думы М.В. Родзянко дать ответ на запрос о предоставлении женщинам права голоса и (с согласия князя Георгия Львова – главы Временного правительства) добиться реализации этого запроса, то есть получить согласие лидеров и Временного правительства, и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Избирательный закон от 20 июня ратифицировал право российских женщин голосовать и баллотироваться на предстоящих выборах в Учредительное собрание [5, с. 455].

Почему в России лидеры Временного правительства капитулировали после одной лишь женской демонстрации, в то время как во многих развитых западных демократиях бесчисленные выборы в избирательные органы были почти что бессильны? Тут сыграли свою роль сразу несколько факторов. В России, в отличие от более старых демократий, не было политиков, убежденно выступавших против предоставления женщинам избирательных прав. Ни Временное правительство, ни руководство Петросовета в этом замечены не были, и даже лидер кадетов П.Н. Милюков, изначально выступавший против участия женщин в голосовании, давно изменил свою позицию. Поддержка идеи женского равноправия давно стала стандартом в документах социалистических и иных левых партий. Что же касается более консервативных членов правительства, вроде М.В. Родзянко, то и они были вынуждены в тех обстоятельствах признать, что предоставление избирательного права женщинам – неотъемлемая составляющая современного государства.

Женский батальон и гражданство

М.В. Родзянко, как и другие члены правительства, явно считал возможность предоставления женщинам гражданских прав способом заручиться поддержкой женщин в вопросе об отношении к событиям на фронтах [10, с. 74–76]. Действительно, многие лидеры женского движения, получив обещание предоставить женщинам всю полноту гражданских прав, сочли себя обязанными увязать свои требования и с военным вопросом. На встречах, организованных ими, вдохновленные данными правительством обещаниями, они обсуждали тему предоставления женщинам гражданских прав наравне с темой поддержки воюющих на фронтах. М.В. Родзянко, узнав в мае 1917-го о существовании Марии Бочкаревой, специально встретился с нею и попросил об агитации за «войну до победного конца» в войсках Петроградского гарнизона и среди делегатов съезда солдатских депутатов Петросовета [8, с. 160]. По сути, с этого взяло начало создание женского батальона. Идея не была нова ни для столичного общества, ни для военных кругов; ухудшающаяся военная обстановка и надежды, которые всколыхнула революция, лишь подтолкнули к ее осуществлению. Набор в женский батальон делал видимыми новые права и обязанности женщин как равноправных граждан. Создание батальона было способом аккумуляции средств на военные нужды, в том числе за рубежом, в странах-союзниках. Так, Эммелин Панкхерст, лидер британских женских организаций, поощряемая британским премьером Д. Ллойд-Джорджем, стараясь помочь укреплению позиций в борьбе за предоставление избирательных прав женщинам в своей стране и, поддерживая русских женщин в стране-союзнице, посетила боевые рубежи, бараки русского женского батальона, а также присутствовала на вручении белого знамени батальона в Исаакиевском соборе Петрограда.

Выборы Учредительного собрания и участие в них женщин

К вечеру 3 апреля, когда В.И. Ленин прибыл на Финляндский вокзал и сформулировал свои знаменитые «Апрельские тезисы», призывавшие большевиков не оказывать никакой поддержки Временному правительству и союзным с ним социалистам, избирательное право для русских женщин было уже почти законом. Шесть с половиной месяцев спустя В. И. Ленин и большевики захватили власть во второй и решающей русской революции 1917 г. По большому счету ночь с 24 на 25 октября, когда большевики свергли Временное правительство, может считаться завершением истории российской демократии, поскольку «при однопартийной системе право голоса политически малозначимо» [11, с. 83]. И все же установление однопартийной системы произошло не сразу. В начальный период после октябрьских событий направление развития революции было еще неясным. Полагаясь на мандат огромной популярности, Ленин разрешил провести выборы в Учредительное собрание, подготовка к которому началась 12 ноября 1917 г. и продолжалась большую часть этого месяца. Женщины, которые вышли на улицы в начале развертывания революционных событий, сильно повлияли на их ход, но их политическая активность, по сути значимая для всей страны, имела место именно в столице. Право участвовать в голосовании касалось всех взрослых россиянок. Но, согласно стандартному выводу, женщины не слишком позаботились о том, чтобы их право было реализовано на практике. Правда, скрупулезные исследования тамбовского историка Л.Г. Протасова бросают вызов и этому расхожему убеждению [3, с. 46–54].

Выборы в Учредительное собрание стали первыми выборами, на которых русские женщины старше двадцати лет могли не только голосовать, но и баллотироваться сами, это были самые свободные выборы в российской истории с 1917 до 1991 г. В выборах приняли участие (как полагают Дж. К.Кордер и К.Уолбрехт) более 40 миллионов жителей страны. В отличие от таких стран, как США, где официальные и неофициальные расовые и классовые барьеры неоднократно влияли на итоги голосования, в многонациональной революционной России таких барьеров не было. Несмотря на то, что страна в то время продолжала вести бои на фронтах, россияне пришли на выборы, и массовость их участия не сопоставима с картиной выборов в США – известной стране западной демократии, где первые общенациональные выборы, в которых принимали участие женщины, проводились в мирное время. Исследовавшие

историю президентских выборов 1920 года в США полагают, что женщины тогда составили примерно 37% участников, мужчины – в среднем около 55% [7, с. 139].

С феминистскими организациями и феминистскими журналами в конце 1917 года расправились с большевистским триумфом, поскольку новое советское правительство запретило деятельность любых независимых групп, равно как публикации оппозиционных мнений. Оказавшиеся у кормила власти большевики заявили о своей победе в предоставлении всем женщинам страны избирательных прав, представив это событие частью собственных усилий и закономерным итогом всей истории женского эмансипационного проекта, поспешив стереть и обесценить достижения российских феминисток.

Спустя двадцать пять лет после распада Советского Союза большевистский нарратив о событиях 1917 г. остается несправедливо бесспорным. Современным исследователям еще предстоит тщательно проанализировать связи между событиями февраля 1917 года, когда петроградские женщины вышли на улицы в Международный женский день и разожгли огонь революции, демонстрацией за предоставление женщинам избирательных прав 19 марта 1917 г., созданием женского батальона и летним постановлением правительства, ставшим избирательны законом. История его, предоставившего женщинам полноту демократических прав, равно как история выборов в Учредительное собрание заслуживают дальнейшего изучения. Предоставление женщинам России избирательных прав – самое убедительное достижение Временного правительства; не стоит забывать, что В.И. Ленин и большевики получили в октябре контроль над государством, в котором женщины уже имели опыт формального обретения гражданских прав и участия в политической жизни путем голосования.

Обобщение данных о том, как проходило включение женщин в общественную жизнь в 1917 г, путем изучения женского участия в демонстрациях, маршах, шествиях, проходивших под политическими лозунгами, анализ различных форм женской активности и борьбы за право принимать участие в голосовании расширяет понимание той революционной эпохи, углубляет наши знания о том, как воспринимались демократические реформы, развивались представления о формах и пределах женского социально-политического участия. Диапазон голосов, повествующих об истории России 1917 г., должен быть полным.

(Перевод с англ. Н.Л. Пушкарёвой)

Библиографический список

1. Закута О. Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин // Aspasia. 2012. Vol. 6. P. 117–124.
2. Коллонтай А.М. Работницы и Учредительное собрание // Правда. 1917. 21 марта. С. 1–2.
3. Протасов Л.Г. Женщина и Всероссийское Учредительное собрание / От мужских и женских к гендерным исследованиям: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. центр гендер. исслед. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2001.
4. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007.
5. Browder R., Kerensky A., eds. The Russian Provisional Government, 1917. Stanford: Stanford University Press, 1961.
6. Chatterjee Ch. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.
7. Enderlein É. Yesterday was tomorrow: Reflections on the First All-Russian Women's Congress of 1908 // In New sources and new methodologies in women's studies research / Guyonne Leduc. Paris: L'Harmattan, 2004. Pp. 129–143.
8. Edmondson L. "Women's Rights, Gender and Citizenship in Tsarist Russia, 1860–1920: the Question of Difference" // Grimshaw P., Holmes K., Lake M. Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2001.
9. Longley D.A. "The Mezhraĭonka, the Bolsheviks, and International Women's Day: In Response to Michael Melancon" Appendix F (Pechatnyĭ listok Peterburgskogo Mezhduraĭonnogo Komiteta posviashchennyĭ Mezhdunarodnomu dniu rabotnits–23 fevralia 1917g.) // Soviet Studies. 1989. Vol. 41, №. 4. Pp. 625–645.
10. Stoff Laurie S. They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence: University Press of Kansas, 2006.
11. Vishniak M. Vserossiĭskoe uchreditel'noe sobranie [The All-Russian Constituent Assembly]. Paris: Izd. Sovremennyie zapiski, 1932.

12. Wood Elizabeth A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

Е.С. Рябкова

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЖЕНСКИЙ БЫТ В СССР СЕРЕДИНЫ 1950 – СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Как много хочется сказать и как мало можно уместить в печатных строчках юбилейного сборника!

О профессоре Н.Л. Пушкаревой я впервые услышала на лекциях В.В. Керова, преподававшего дисциплину «История повседневности». Во время занятий он часто упоминал о конференциях РАИЖИ, участником которых являлся. Он «привел» меня к Наталье Львовне. Её доброе, искреннее преподавательское сердце откликнулось, и она в 2014 году стала моей научной руководительницей. За годы моей учебы в аспирантуре Наталья Львовна стала не просто Учителем, но и Другом. В период, когда опускались руки, она заставляла поднять их вверх; когда было радостно, она всегда разделяла эту радость со мной; когда было трудно, она переживала и была рядом; когда нужен был совет – не заставляла себя ждать.

Это удивительный Человек, это удивительная Женщина. Совмещая научную, творческую, организаторскую деятельность, Наталья Львовна успевает быть заботливой дочерью, матерью и бабушкой. И в жизни, и в науке она является примером для меня.

Я желаю Вам, дорогая Наталья Львовна, крепкого здоровья, вдохновения, сил и терпения, побольше времени на себя − на того, кто все это создал, начал и продолжает развивать в российской и мировой науке, объединяя всех нас. Желаю еще исполнения желаний − тех, которые еще не удалось осуществить, но они непременно сбудутся!

Введение

Период «оттепели» уже полвека привлекает внимание историков и социологов. В настоящее время есть возможность взглянуть по-новому на многие процессы, которые открыл свежий ветер XX съезда КПСС. Многочисленные изменения в образе жизни людей огромной страны были тесно связаны с крутым поворотом в политике. О том, как воспринимались эти перемены рядовыми советскими людьми, прежде всего женщинами, теперь можно судить по воспоминаниям. Иной ракурс дает анализ научной литературы, выпущенной в те годы и позже, содержащей информацию о городском женском быте. Актуальность темы диктуется современным историографическим этапом, поскольку, анализируя особенности жизни людей 1950–1960-х гг. и стремясь понять детали их адаптивных стратегий, мы экстраполируем факты и события тех лет на современные, тем самым пытаясь понять, какие из них оказались наиболее жизнеспособными и готовыми к решению современных задач.

Исследования женского быта периода «оттепели» с первой половины 1950-х до середины 1960-х гг.

Изучение «женской истории» интересовало исследователей, хотя сама тема быта долгие годы не считалась актуальной в отечественной историографии. Продолжительное время тема быта простых людей считалась второстепенной и малозначительной. В 1950-е гг. под словом «быт», с одной стороны, понималась «сфера внепроизводственной социальной жизни. Она включала в себя как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ, культуры, человеческое общение, отдых, развлечения». С другой стороны, под бытом понимался уклад повседневной жизни [9, с. 73]. Исходя из данного определения, первые публикации касались и женского быта начала 1950-х гг., в настоящее время эти научные работы дают возможность

косвенно оценить охрану женского труда и здоровья в стране, продолжавшей восстанавливаться после разрушительной войны. В трудах А.А. Абрамовой [1], Н.Д. Араловец [3], В.Л. Бильшай [8], Т.Н. Зуевой [20], М.Д. Овсянниковой [29], А.П. Ус [36] отразилась партийная и государственная забота о благе народа, а вместе с ней – о женщинах-работницах, особенно жёнах и матерях. В работах положительно оценивался рост городской инфраструктуры, улучшение трудовых условий и увеличение разнообразия досуговых возможностей для работников и работниц, а также утверждалось, что «женский вопрос» был решен в СССР, что являлось лейтмотивом всех указанных работ.

В.Л. Бильшай писала, что сам «женский вопрос» необходимо рассматривать как неотъемлемую часть «рабочего вопроса», поскольку «полное освобождение женщин – как личности, так и работницы, – может быть достигнуто как результат победы социализма над капитализмом» [8, с. 61]. В своих работах И.Н. Овсянникова, В.Л. Бильшай, К.Г. Горшенин убедительно доказывали, что новый социалистический тип женщины – это тип «советской работающей матери», а представления об охране женского труда было тесно связано с «воспитание коммунистического отношения к труду».

С середины 1950-х гг. внимание исследователей было обращено к теме женских бытовых практик. Первым в советской «женской» историографии этого времени о быте горожанок писал О. Куприн, указывая, что «быт не был частным делом». Ранее созданные советские общественные институты – партия, комсомол – были призваны «задавать стандарты поведения советского человека, давая поэтапные инструкции по четырем важнейшим направлениям – секс, любовь, замужество и воспитание детей» [25, с. 77–78].

В начале 1960-х гг. в советской историографии также делались выводы о том, что советские женщины окружены государственной заботой. Так, А.Б. Горбачев [12, с. 37–39], Д.С. Матвеев [27, с. 23–25] , И.Н. Овчинникова [30, с. 13–14] и другие исследователи в своих работах, описывая повседневность советских женщин, опирались на собственный жизненный опыт, который позволял взглянуть на женский быт глазами современников. В историографии этих лет наиболее распространены работы, в которых описывался так называемый социалистический вариант решения женского вопроса, при этом акцент делался только на положительные моменты. По идеологическим причинам недостатки и трудности эпохи часто замалчивались. Абсолютно все труды того времени не считали детали женского быта важными, о них писали лишь случайно, как и в 1950-х гг. Например, о травматизме на производстве, о вредных для здоровья направлениях производства, о нехватке времени для семьи и воспитания детей.

Исследования женского быта периода «оттепели» (середина 1960-х – начало 1980-х гг.)

С завершением эпохи надежд и политической оттепели в историографии усилилась сложившаяся ранее тенденция писать о «женской доле» как о динамично меняющейся к лучшему. В этот период утверждалось, что «женский вопрос» в СССР решен всецело и полностью. Он понимался как неотъемлемая часть общей борьбы рабочего класса за свое освобождение, о чем ранее указывалось в трудах В. Бильшай. В эти годы впервые стали писать не просто о триумфальном решении «женского вопроса», а о женщинах, «вынужденных работать на равных с мужьями, в то же время рожать и воспитывать детей, а также уделять время семье и формировать досуговую деятельность своей семьи» [6, с. 4–5]. Тогда впервые заговорили о вопросах внерабочего времени трудящихся, в том числе женщин, которым были посвящены работы первых российских социологов Л.А. Гордона и Н.М. Римашевской [15], Б.А. Грушина [18] и других.

Наиболее значительным, в том числе для всего последующего развития социологии свободного времени, было исследование, осуществленное в 1963–1966-х гг. под руководством Б.А. Грушина и положенное в основу его известной книги. Он считал, что «быт» следует понимать как простор для свободной деятельности и развития способностей личности. Исследователь выделил две главные функции свободного времени – восстановление сил человека и его духовное и физическое развитие, а также сформулировал определение: «часть внерабочего времени, остающегося после его расходования на разного рода непреложные занятия и обязанности». [18, с. 41] Это позволяло, по его мнению, содержательно интерпретировать соответствующую эмпириче-

скую информацию. Вслед за социологическим проектом Грушина был организован масштабный проект «Таганрог», начатый в 1968 г. и продолжавшийся до конца 1990-х гг., включивший в себя исследования семейных бюджетов, качества жизни советских семей, вопросов их стабильности и нестабильности [18, с. 42].

С середины 1970-х до середины 1980-х гг. исследований вопросов женского труда, социального обеспечения, правовой защищенности и внерабочего времени стало на порядок больше. Это было связано с резолюциями, принятыми Организацией Объединенных Наций. В частности, 1975 г. был объявлен годом женщин, а последующее десятилетие было провозглашено как Десятилетие женщин ООН. В рамках этого периода Генеральной Ассамблеей ООН был принят первый в мире так называемый билль о правах женщин – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [32].

В работах этого времени отмечались не только успехи, но и значительные нарушения в вопросе равноправия женщин, а исследователи стремились предложить пути их решений. В работах В.Г. Чуманенко [41], В.С. Беловой [5], Е.М. Зуйковой [21], В.С. Языковой и Э.Е. Новиковой [29] и др. отмечалось, что государство рассматривает материнство как социальную функцию женщины, а охрану здоровья матери и ребенка полагает своей прямой обязанностью. Также были отражены проблемы женского труда, которые ранее изучались в отдельности от важнейшей роли женщины в процессе воспроизводства и воспитания детей дома. Кроме того, была выражена необходимость научного обоснования и пересмотра норм для перенесения тяжестей, а также списка работ, к которым не должны допускаться женщины.

Как отмечала в своей работе В.С. Белова, наблюдалась «положительная динамика в масштабном строительстве роддомов, школ с продленным днем для удобства работниц-матерей, яслей и детских садов, а также поиск оптимальных решений для устройства наиболее удобного процесса приготовления, хранения питания и бытового обслуживания семей работниц. Техническое переоснащение предприятий, механизация и автоматизация процессов производства, новые изобретения в области борьбы с болезнями работниц – все это благотворно сказывалось на положении женщин» [5, с. 23], – писала она, будто забывая о том, что эта «благотворность» приводила к усилению отдаленности женщин от воспитания детей.

В 1970-х гг. были впервые поставлены вопросы об отставании в квалификации и чрезмерной перегруженности работающих женщин, плохого качества еды в общественных столовых, высокой стоимости обедов в отличие от самостоятельно приготовленных домашних блюд. Неудобный режим посещения столовых для работниц, а также «равенство обоих полов в получении заработной платы только на бумаге», «экономическая незаинтересованность работниц в активном труде» стали центральными темами в дискуссиях советских исследователей [6, с. 13–15]. В то же время ученые в области социологии семьи по итогам социологического опроса отмечали, что домашний труд занимает у работающих мужчин около 1 часа в сутки, у женщин, имеющих детей, – до 4–5 часов в день [14, с. 91].

Говоря о расширении деятельности профсоюзов, призванных защищать права женщин на производстве, отмечалось, что «профсоюзным органам порой не хватало политической воли отстоять права женщин. В силу объективных и субъективных причин их действия и решения наталкивались на отсутствие понимания со стороны партийных и хозяйственных руководителей предприятий» [28, с. 17–18]. Закономерно, что в советской историографии тема быта исследовалась завуалировано и преподносилась в рамках марксистско-ленинской парадигмы.

С наступлением социально-политических и экономических изменений в СССР, отходом от идеологического давления и провозглашением гласности в работах по данной теме появляется широкий спектр освещаемых вопросов. Все больше материалов посвящается семейным заботам женщин, их участию в общественно-политической жизни. Пристального внимания заслуживает вопрос материнства – особое положение работниц, которое требовало смягчения рабочих нагрузок и перевода беременных женщин на более легкую работу, но с сохранением заработной платы, равной зарплате рабочего [24].

Авторы положительно отмечали решение вопроса «работа или материнство». Особенно это касалось послевоенных лет, поскольку ленинские заветы о внимании к материнству не были забыты даже в годы военного и послевоенного лихолетья [24]. Также было уделено внимание нерешенности вопроса бытового равноправия полов и нечеткости разделения домашних задач.

По мнению исследователей, главной причиной в этом были не ошибки и просчеты советской власти, а позиция самих женщин, которые выбирали себе удобный график выполнения домашних работ, деля их поровну с мужчинами или возлагая на себя бóльшую ответственность.

Таким образом, период с середины 1970-х до середины 1980-х гг. советской историографии отличался привлечением достаточно широкого круга фактического материала для оценки положения советских женщин не столько на производстве, сколько в решении бытовых задач.

Исследования женского быта периода «оттепели» во второй половине 1980-х и в течение 1990-х гг.

Модернизация общества с конца 1980-х – 1990-х гг. способствовала освобождению исторической науки от устоявшихся в сознании людей ценностей социализма и расширению границ научного познания. Перед исследователями возникла необходимость переосмысления разнообразных и противоречивых событий, устранения пробелов в изучении отдельных тем, переоценки «достижений» советского периода. Кардинальные изменения привели к появлению новых концептуальных исторических исследований, посвященных широкому кругу проблем государственного, общественно-политического и социально-экономического развития России. На ином уровне начали изучаться и вопросы женской истории.

В это время проводятся конференции, посвященные положению и роли женщин в истории страны. Исследователи все чаще дискутировали о тяжелой, двойной нагрузке на советских женщин, причинах их слабого участия в общественно-политической жизни, сохранении традиционного домашнего хозяйства и консервации традиционных взглядов на роль мужчины как добытчика, а женщины как домашней хозяйки. В работах С.Г. Айвазовой [2], М.Г. Панкратовой [33], Н.Н. Козловой [22] и других исследователей были проанализированы итоги «решения женского вопроса» в СССР с новых позиций, который, по мнению авторов, так и остался нерешённым. Действительно, патернализм государства оказал влияние на повседневные практики и изменение гендерных ролей советских женщин. В данном направлении интересен труд О. Хасбулатовой [39], посвященный этапам участия женщин в выборных органах власти, государственной политике в области гражданских и политических прав, образования и занятости. Особое внимание автор уделил негативным и позитивным сторонам этой политики.

Таким образом, как было показано в исторических исследованиях, на протяжении всего советского периода сохранялось фактическое неравенство в оплате труда женщин, особенно на вредных производствах. Кроме того, неразвитыми оставались службы быта и дошкольные учреждения. Однако вовлечение женщин в общественное производство и достижение высокого уровня их образования без отрыва от производства авторы оценивали положительно. В это время продолжает всесторонне исследоваться вопрос быта советской женщины, а с началом гласности авторы начинают критически подходить к анализу бытовых практик советских горожанок.

Исследования женского быта периода «оттепели» на современном этапе

С начала 2000-х гг. появляется больше монографий и научных статей по женской тематике, чем в предыдущие периоды. На современном этапе исследователями используются методы гуманитарно-социальных наук, таких как история, философия, социология, политология, психология, где приводится все меньше статистики по сравнению с предыдущими периодами. Исследователи рассматривают прежде всего эмоциональное состояние женщин, их психологические потребности и расстройства, взаимоотношения с различными социальными группами, увлечения и личные заботы. Стоит подчеркнуть, что большинство работ написано на материалах женской периодической печати как основном историческом источнике.

Как отмечал М.С. Петров, анализируя выпуски журналов «Работница» середины XX в., в эпоху хрущевской оттепели «изменение тона и формата подачи материалов более полно раскрывает личные занятия и интересы женщин» [34]. Автор указал и на тот факт, что «ближе к середине 1950 гг. на обложках журналов появились не сильные, мужеподобные труженицы, а женственные и изящные девушки – представительницы разных советских республик» [34, с. 137].

Эту же точку зрения высказала Е.В. Гамелько, указывая на появление более изящных черт у изображенных на обложках номеров журнала «Работница» и «Крестьянка» советских работниц в первый послевоенный период [11, с. 44].

Как и Е.В. Гамелько, В.В. Смеюха в своем труде обратила внимание на важность советских женских журналов в определении советской женской идентичности [36, с. 58–59]. В частности, образ советской женщины, по ее мнению, на страницах периодической печати определялся влиянием ряда факторов, среди которых наиболее значительными были политические, социальные, культурные, оказывавшие воздействие на отношение социума к женской группе, ее роли в общественном производстве, жизни, в быту. По мнению автора, журналы «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» были отражением общественных взглядов на роль женщины и прямо влияли на формирование образа и концепции ее поведения на работе и в быту [36, с. 310–311].

В работах Т. Дашковой [19] и Е.А. Шабатуры [42] образ советской женщины проиллюстрирован на основе плакатов, фотографий, статей, художественной прозы, писем и заметок читателей, опубликованных дискуссионных материалов. Они являются «репрезентативным материалом для отражения не только государственной идеологии в отношении женщин, но для оценки внешнего вида женщин, их мимики, жестов и настроения» [19, с. 103]. По мнению Дашковой, «важен не только зрительный образ в деле агитации и пропаганды, но и тексты, публикуемые редакциями женских журналов. Необходимо сочетание вербального и визуального подходов в исследовании женской повседневности в СССР» [19, с. 108]. О сочетании сразу двух методов в историческом исследовании женской повседневности писала А. Усманова, указывшая на то, что «с точки зрения гендерной истории визуальные источники иногда предоставляют больше информации для размышления, чем письменные документы, в которых лакун гораздо больше в том, что касается репрезентации женщин»[38, с. 49].

Помимо создания образа советской женщины, исследователи в настоящее время вновь возвращаются к вопросу о государственной политике по отношению к женщине-матери и ее влиянию на женскую повседневность. Об этом продолжает писать О. Хасбулатова, отмечая, что «репродуктивные права женщин, семейные отношения, бюджет времени работающих женщин – все это жестко контролировалось государством и в послевоенный период, и в 1950-е гг.». Кроме того, «наблюдалась регламентация повседневных практик работающих женщин и выполняемых ими работ, лишь в конце 1950-х – начале 1970-х гг. можно говорить о либерализация в отношении не только семьи, но и самих женщин, которые теперь являлись не объектом регулирования и распределения обязанностей, а объектом улучшения и заботы – об их здоровье, благополучии» [39, с. 256].

Патронажу молодых матерей и «поддержке природного предназначения женского организма» со стороны советского государства, а к началу 1970-х гг. – и со стороны профсоюзных организаций посвящена статья Ю. Градсковой [16]. В ней указывается на концепцию «социального материнства», направленную на защиту здоровья и достойных условий жизни матерей и детей. В то же время автором рассматривается ряд серьезных недостатков социальной (и прежде всего медицинской) помощи семьям и молодым матерям в СССР, которая оказывалась низкоквалифицированными кадрами без специального медицинского или иного соответствующего образования и материальной поддержки со стороны государства [16, с. 298]. Интересен вывод автора о том, что «такой контроль женщин через «социальную помощь» был частью репрессивных мер по отношению к «нерадивым» семьям в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Во второй половине 1950-х гг. общественная деятельность социальных работниц расширилась: психологическая помощь стала оказываться матерям на дому [16, с.308–309].

В исследовании Ж. Черновой отмечается, что, несмотря на облегчение трудового графика работающих матерей в 1950-е гг., «ввиду недостаточного социального обеспечения и своей загруженности советские работницы-матери вынуждены были пользоваться сторонней помощью – родственников, знакомых, друзей, которые могли бы оказать помощь в уходе за детьми. В противном случае работающая женщина-мать оказывалась в невыгодном положении» [40, с. 110–115]. О трудовых буднях работниц также писала А.Г. Григорьева [17, с. 5–6], указавшая на нерешенность жилищного вопроса, низкий уровень заработной платы и доходов основной части советского народа, недостаточную обеспе-

ченность бытовой техникой, что не могло не сказаться на быте советских женщин в этот период.

Значительным этапом в изучении городского быта советских людей является труд Н.Б. Лебиной [26], в котором получили отражение такие аспекты городской повседневности, как питание, одежда, жилье, мода, досуг и использование свободного времени.

Анализировать особенности советских и постсоветских исследований быта советских женщин в период «оттепели» не представляется возможным без опоры на известную статью профессора Н.Л. Пушкарёвой [35], в которой автор обратила особое внимание на смену парадигмы в тоталитарном советском обществе, четко разделяя идеологические концепции гендерного подхода. Этот период (до середины 1950-х гг.) был назван ею «тотальная андрогиния» [35, с. 9–10] и далее получил название «кризис этакратического гендерного порядка». Для первого выделяемого ею периода была характерна особая гендерная мобилизация ввиду начавшейся Великой Отечественной войны, в период которой произошло «половое стирание» в профессиях, поскольку женщины осуществляли совсем не женскую, подчас вредную для их здоровья работу.

После войны, при возрастании «символической ценности» мужчин наблюдалось разделение труда по половому принципу. Мужчины были больше задействованы на производстве с использованием мужских навыков, а также на руководящих должностях, с которых смещались женщины, погружаясь в домашние дела в условиях дефицита. Несмотря на наступление «оттепели», государство регулировало все стороны повседневной жизни [35, с. 11–12]. Н.Л. Пушкарёва подчеркивает, что идеальной советской женщиной была та, которая должна была отработать в день две смены: в качестве работницы на производстве и жены-матери дома.

Наряду с профессором Н.Л. Пушкарёвой, о методах гендерных исследований писала А.В. Белова в статье «Женская повседневность как предмет этнологического изучения» [4]. Где отмечается «дополнительность», «вторичность» и даже «экзотичность» исторической феминологии, несмотря на проведение фундаментальных исследований в области женской повседневности (в том числе и советских женщин) и применение конкретно-исторических методов [4, с. 93].

Женский быт в период «оттепели» стал объектом изучения И. Виниченко, которая рассматривала женщину сквозь призму моды и охарактеризовала женский костюм «как исторический адресат, как маленькую частицу жизни народа». Выделив особенности создания «советского стиля», она указывала на то, что исследование практик обращения с одеждой является одним из наглядных аспектов, поскольку дает возможность рассмотреть невидимые моменты повседневности советских женщин [10, с. 4–5].

Выводы

Согласно обозначенным нами тенденциям женских исследований, историю изучения повседневности советских женщин можно разделить на четыре периода: 1. 1950-е – первая половина 1960-х гг. 2. Вторая половина 1960-х – начало 1980-х гг. 3. Вторая половина 1980-х – 1990-е гг. 4. Современный (начиная с 2000-х гг.) – по настоящее время.

Первый период характеризовался повышенным вниманием партии к проецированию образа новой женщины в общественное сознание, наделением образа характерными чертами и отождествлением его с действительностью. В подавляющем большинстве трудов говорилось о решенном «женском вопросе» в СССР. При этом практически ни слова не было сказано о быте, досуге, привычных предметах, окружавших хозяек. Однако в этот период и появились первые социологические исследования, посвященные внерабочему времени, о чем ранее не писали совсем.

Труды исследователей второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. сохранили многие схожие черты с предшествующим историографическим периодом. В них уделялось внимание не только решению «женского вопроса» и получению общественных благ и прав женщинами под руководством правящей партии. В это время появился серьезный вопрос: «успевает ли советская женщина совмещать две роли: общественно-производственную и семейно-домовую?». Вопросы такого плана чаще стали появляться с середины 1970-х гг., когда было написано большое количество трудов в связи с объявленным Годом женщины в 1975 г.

Следующий период был обусловлен повышенным интересом к женской истории, совпавший со временем масштабных политических и

экономических реформ. Этот период отличался множественностью исследовательских подходов к изучению женских бытовых практик, в которых был привлечен большой круг исторических источников, внедрены компаративный и вербально-визуальный подходы, а также использован метод устной истории для получения более богатого иллюстративного материала.

В настоящее время исследователями повсеместно подчеркивается, что, несмотря на материальную поддержку матерей государством, на женщину ложилась двойная ответственность. Женщина была мобилизована не только как репродуктивная сила, но и как работница на производстве и как трудовой ресурс для повышения производительности труда. На современном этапе привлекается все больше фотографических, кинематографических, мемуарных материалов и интервью, что позволяет наиболее полно реконструировать быт горожанок в период «оттепели».

Библиографический список

1. Абрамова А.А. Охрана трудовых прав женщин в СССР. М., 1954.
2. Айвазова С. Идейные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 20–25.
3. Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954.
4. Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // Этнографическое обозрение. М.: Издательство ИЭА РАН, 2004, № 4. С. 86–95.
5. Белова В.С. Положение женщин в СССР. М., 1975.
6. Белоглазова Г.В., Савинова Л.Н. Советская женщина – активная участница комму-нистического строительства, М., 1977.
7. Большая советская энциклопедия. Том. 3. М.. 1970.
8. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959.
9. Большая советская энциклопедия. Том. 3. М.. 1970.
10. Виниченко И.В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Автореферат канд. диссертации. Омск, 2009. С. 4–5.
11. Гамелько Е.В. Образ советской женщины на страницах журнала «Работница» // Молодой ученый. 2009. С. 174–177.
12. Горбачев А.Б. Девушка из России. Оренбург, 1962.
13. Гордон А., Возьмитель А., Журавлева И., Клопов Э., Римашевская Н., Ядов В. Социология быта, здоровья и образа жизни населения // Социология в России. М., 1998. С. 438–445.
14. Гордон Л., Клопов Э., Оников Л. Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 49–60.
15. Гордон Л.А., Римашевская Н.М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М., 1972.
16. Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики в 1930-е – 1950-е годы // Нужда и порядок: история социальной работы в России в 20 веке. М.: Саратов, 2005. С. 304–315.
17. Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2003.
18. Грушин Б.А. Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1967.
19. Дашкова Т. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920-х-1930-х гг. // Культура и власть в условиях коммуникационных революций 20 века. Форум немецких и российских исследователей / Под ред. К. Аймермахера, Т. Бордюгова, И. Грабовского. М., 2005. С. 139–145.
20. Зуева Т.М. Роль советских женщин в развитии науки, культуры и искусства. М., 1956.
21. Зуйкова Е.М., Плаксина Н.Н. Решение женского вопроса в СССР и его международное значение. М., 1976.
22. Козлова Н.Н. Советская представительная система: к вопросу участия женщин в деятельности местных органов власти // Женщины в социальной истории России: сб. науч. тр. Тверь, 1997. С. 12–20.
23. Костаков В. Женская работа // Крылова З.П., Акивис Д.С., Костыгова Т.М., Журавская И.А. Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987. С. 48–49.
24. Крылова З.П. Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987.
25. Куприн О. Быт – не частное дело. М., 1959.
26. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.
27. Матвеев Д.С. Дочь завода. Оренбург, 1962.
28. Новикова Э.Е., Сидорова Т.Н., Турчанинова С.Я. Советские женщины и профсоюзы. М., 1984.
29. Новикова Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. М., 1977.
30. Овсянникова М. Д. Факты и цифры о положении женщин в СССР. М., 1954.
31. Овчинникова И.Н. Советские женщины – активные строители коммунизма. Л., 1961.
32. ООН и женщины // Объединение Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/

sections/issues-depth/women/index.html (дата обращения 12.07.2017).
33. Панкратова М.Г. Русская женщина сегодня // Женщины России вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С. 12–24.
34. Петров М.С. Эволюция образа работающей женщины в отечественной журналистике (по материалам журнала «Крестьянка») // Труд и социальные отношения, № 5, 2010. С. 47–49.
35. Пушкарёва Н.Л. Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. Москва, 2012, № 5.С. 8–24.
36. Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012.
37. Ус А.П. Что дала советская власть женщинам. Минск, 1950.
38. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002. С. 36–57.
39. Хасбулатова О.А. Этапы российской государственной политики по вовлечению женщин в сферу государственного управления (1990–1999 гг.) // Женщина в Российском обществе. 1999. № 3. С. 33–42.
40. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и в России: гендерный анализ. СПб., 2008. С. 110–115.
41. Чуманенко В.Г. Положение женщины при капитализме. М., 1975.
42. Шабатура Е.А. Образ советской женщины в журналах «Коммунистка» и «Красная сибирячка»// Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 8. С 138–149.

И.В. Синова

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

«ЦВЕТЫ» В ПЫЛИ: ДЕТСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ФОРМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

С книги «Женщины Древней Руси» для моих студентов всегда начиналось изучение истории России. Это было непременным и обязательным условием и неким стартом не только для освоения фактического материала, но и для развития их аналитического мышления. При этом автор этой классики долгое время для меня был бесспорным авторитетом, окутанным ореолом недосягаемости.

А общение, первоначально виртуальное, началось с поиска мною «жёлтого билета» в одном из архивов Санкт-Петербурга и дальше была удивительная переписка по этому поводу. Потом благодаря Наталье Львовне, я стала исследовать историю детства с точки зрения гендера, что позволило дополнить ее новыми подходами и сюжетами. И теперь я являюсь частью этого замечательного сообщества.

* * *

Буржуазный путь развития России привел к обострению и углублению социальных противоречий и аномическому состоянию общества. Следствием этого стало значительное увеличение численности городского населения в конце XIX (особенно к началу XX в.) и ухудшение его экономического положения. В связи с этим поиск средств к существованию приводил к росту нищенства, преступности и проституции, в том числе детской. Эта проблема стала предметом широкого обсуждения российской общественности на международных и всероссийских съездах, среди законодателей и педагогов, вызвала усилия и меры полиции, общества защиты детей, а также многочисленных благотворительных организаций и разнообразных комиссий.

Юрист М.Н. Гернет отмечал, что «официально проституции малолетних нет, а в действительности тысячи детей гибнут ежедневно на тротуарах» [3, с. 368–369]. Публикации и отчёты общественных и благотворительных организаций свидетельствовали, что детская проституция, несмотря на латентный характер и на нелегитимность, фактически росла год от года.

Причины проституции в целом и детской в частности специалисты видели прежде всего в социально-экономических условиях, но помимо этого были ещё и другие факторы, влиявшие на развитие этого явления. С. Ломброзо и Г. Ферреро отмечали следующие причины: «а) потеря невинности: многие девочки нравственно падают и становятся проститутками, соблазнённые обещанием жениться на них или же лишённые невинности путём изнасилования; б) обман и изнасилования: молодых девушек обманом завлекали в притоны разврата, лишали

их там невинности, и потом насильно заставляли отдаваться мужчинам; в) нищета и дурные примеры со стороны окружающих и совращение в разврат родителями своих собственных детей» [7, с. 437–438].

В преддверии Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщин в обществе формировалось мнение об основных причинах, вызывающих и содействующих развитию проституции, среди которых были следующие: «экономические, алкоголизм, бесправное положение женщин, заброшенность детей, низкий уровень понятий в обществе по вопросам о проституции» [18, л. 6]. И предлагались меры общественной борьбы с этим социальным явлением, среди которых назывались: «поддержание молодых женщин в их экономическом положении, борьба с алкоголизмом, улучшение правового положения женщин, попечение о бесприютных детях, просветительная деятельность среди молодых женщин, устройство жилищ для молодых женщин в городах, приюты для девушек-матерей, встреча приезжающих девушек на железных дорогах, развитие нравственных взглядов в обществе по вопросу о сближении с женщинами» [18, л. 6].

В докладе о положении надзора за проституцией, подготовленным Врачебно-полицейским комитетом и направленном помощнику Петербургского общественного градоначальника в 1861 г. говорилось: «Неоднократно выяснялось, что частные квартиры проституток представляют собою дома терпимости в миниатюре. Там кроме зарегистрированных проституток проживали или допускались для непотребства тайные проститутки, нередко малолетние» [19, л. 139]. В связи с этим предлагалось «принять самые строгие меры к недопущению разврата малолетних (одна из мер – изолирование подрастающего поколения от совместного проживания с проститутками)» [19, л. 140]. Но фактически, несмотря на запрет, подобные факты встречались и в начале XX века.

Детская проституция в этот период делилась главным образом на две разновидности: или малолетних девочек арендовали прямо для проституции, или же для какого-либо сравнительно невинного ремесла, которым обычно прикрывалась истинная цель аренды. Аренда производилась или с ведома и согласия родителей, или же в глазах последних ловко прикрывалась какой-либо другой работой [15, с. 75]. В отчёте Попечительского комитета Санкт-Петербургского Дома милосердия за 1907 г. отмечалось, что «торговля малолетними в Петербурге принимает все большие и большие размеры: продают детей и родители, и подруги, и специальные фактории» [11, с. 10].

Доктор Б. Бентовин проанализировал причины роста детской проституции в начале XX в. и связал их с социально-экономическими проблемами и падением общественных нравов: «Теперь детская торговля любовью ведётся с удивительною откровенностью и широтой, без всякой маскировки и ширм. По улицам, где обычно скопляются проститутки, вы встретите теперь целые группы девочек 10-12 лет, которые заглядывают вам в глаза, обещают удивительные наслаждения и изрыгают скверные фразы… Тут обильное предложение начинает повышать спрос…» [2, с. 3]. И в развитии детской проституции «экономическое стимулирование играет, конечно, первенствующую роль… За коробку конфет, за красивую ленту ребёнок готов на многое» [2, с. 6, 13] .

Степень нравственного падения некоторых родителей настолько была велика, что эгоизм, тунеядство и пьянство доминировали в их сознании и образе жизни, они не только затмевали нравственные принципы и чувства, а пересекли черту, разделяющую человека, даже не от животного, а от недочеловека, простейшего существа, фактически потерявшего жизненные приоритеты и ценности. При этом, как это не парадоксально, но чаще не отцы, а матери продавали своих дочерей. Публицист и писатель В.О. Михневич с возмущением описывал факты, когда сами родители не только толкнули детей к падению, но и использовали их как источник получения денежных средств [8, с. 239].

В отчёте Попечительского комитета Санкт-Петербургского Дома милосердия написано, что на причину роста детской проституции повлияли «социальные условия последнего времени, создавшие нагло-циничный разврат. Не говоря уже о той дразнящей рекламе, скрываемые или подавляемые до сего времени инстинкты, проповеди безнравственности в литературе и со сцены, которая доступна классам более или менее культурным. Можно видеть, что дух разложения и нравственного упадка широко охватил и низшие классы… Если одних на улицу гонит голод и нежелание честно трудиться, то другими руководит просто жажда развлечения» [11, с. 7].

Аренда детей для проституции была широко развита в Петербурге, Москве и на юге России. «Нигде проституции так много нет, нигде с такой откровенностью проститутки не торгуют своим телом или вернее, не торгуют их телом, как это делается в Киеве и Петербурге» [10, с. 7]. Центром «торговли детским телом служит Невский по ту сторону Знаменской площади» [10, с. 8].

В начале XX века отмечали, что «в Петербурге явление малолетней проституции усилилось до такой степени, что стоит вам вечером выйти на Невский проспект и так называемые улицы, где промышляют проститутки, как вы непременно встретите среди них малолетних девочек, открыто пристающих к проходящим мужчинам. Иногда они гуляют группами в сопровождении своих сутенёров, тоже малолетних мальчишек, с которыми перебрасываются вслух самыми нецензурными словечками» [6, с. 101].

В городах, и особенно в столицах, увеличилось число случаев, связанных с пропажей несовершеннолетних девочек. Как правило, поиск приводил в притоны или был связан с совращением или развратом: «9 декабря 1913 г. в Петербурге без вести пропала 13-летняя Александра Дмитриева. Куда деваются пропавшие девочки, это давно всем известно. В ночь на 13 декабря того же года член общества защиты женщин. М. при содействии полиции произвел обыск в гостинице «Черногорье» с целью выяснить, не является ли она притоном для малолетних проституток (самой старшей 13 лет, младшей 11 лет). Господина отправили в участок, но там к нему отнеслись так благосклонно, что он скрылся. Девочки его знают. Но это не может служить гарантией, что он будет наказан соответственно его преступлению» [1, с. 22]. Правда, подобные факты больше волновали общественность, чем правоохранительные органы. Особое внимание случаям насилия над детьми уделяли многочисленные женские организации и женская печать, стремясь привлечь общественность к проблеме, а правительство к ужесточению законодательства: «Такие вопиющие факты говорят нам, как беззащитны дети в России. Они беззащитны не только на практике и по закону. Русские законы наказывают только за растление малолетних, но не за пользование малолетними проститутками. Раз девочку растлили, закон предоставляет ее в полное распоряжение желающих безнаказанно. Как будто главная суть в дефлорации, а не в нравственном растлении малолетней! Для того чтобы наказать за последнее, надо идти обходным путем и привлечь потребителя детского тела за оскорбление. Но и тут за великое преступление – развращение малолетней, такое ничтожное наказание – 15 дней ареста. И этого можно добиться только с большим трудом…» [1, с. 22].

Врач Е.С. Дрентельн в одной из своих работ упоминала о приглашении иолотанскими гражданскими властями для расположенных в их городе войск проституток из Самарканда, среди которых оказалась 11-летняя девочка, по словам ее матери, с 9-летнего возраста знакомая с мужчинами. По статистике, половина проституток были растлены в малолетстве между 10 и 16 годами, причем маленькие девочки уступали обману добровольно, «за куклу» [4, с. 4].

Российское законодательство предусматривало наказание за развращение несовершеннолетних и привлечение их к занятию проституцией. Но при вступлении в интимные отношения с девушкой 10–14 лет «суд каждый раз разрешает вопрос о том, воспользовался ли обвиняемый невинностью и неведением пострадавшей, или она участвовала сознательно», в последнем случае деяние обольстителя было ненаказуемо [14, с. 135]. Фактически действовавшее законодательство благоприятствовало обольстителям, и прежде всего обольстителям подростков, которые являлись преимущественно сиротами из беднейших классов и были лишены защиты, предоставлены воле случая, а поэтому нередко ещё детьми пополняли ряды проституток.

Одним из препятствий в борьбе с торгом несовершеннолетними было отсутствие закона, который наказывал бы за пользование детской проституцией. Закон карал за растление малолетних и сводничество, но не за «потребление». Этот пробел в законодательстве, позволявший безнаказанно пользоваться несовершеннолетними, вызывал особое негодование общественности.

Средства массовой информации периодически писали о вопиющих фактах виктимизации малолетних. В журнале «Женский вестник» упоминался судебный процесс над 36 мужчинами, привлеченными за пользование девочками моложе 14 лет. При постановке приговора суд сделал снисхождение по той причине, что девочки были уже растлены, «потому жертвами являются не они, а мужчины, у которых не хватило моральной силы, чтобы противустоять искушению» [9, с. 21–22].

В 1914 г. в Петербургский суд для малолетних был привлечен генерал за пользование малолетними проститутками. Его адвокат говорил на суде, что генерала «соблазняли девочки, потому он ими и пользовался. Дико слышать, что двенадцатилетние девочки могут соблазнить старика, и он оказывается не в силах им противостоять. Этому невозможно верить…» [9, с. 21]. Оказывается, так просто можно было оправдаться на суде, даже приводя такие незатейливые аргументы в своё оправдание и переводя вину на малолетних девочек. И самым страшным в данном случае является то, что судья признавал эти оправдания убедительными и исходя из них выносил приговор.

Несовершенство и нелогичность российского законодательства проявлялась в том, что до 21 года женщина ни в гражданском, ни в уголовном отношении не признавалась зрелой и ответственной, но при этом считалась вполне зрелой для вступления во внебрачную половую связь. Поэтому специалисты считали, что уголовная защита половой сферы женщины должна быть доведена до 17 лет, как это признано в гражданском кодексе. Статья 44 Устава о наказаниях предусматривала за сводничество и отдачу малолетних посредством обмана в дома терпимости и торговлю детским телом арест максимум на месяц или 100 рублей штрафа [3, с. 377]. Поэтому законодательство не решало проблем, связанных с ограничением развращения малолетних, а тем более борьбы с детской проституцией.

Комитет Российского общества защиты женщин (РОЗЖ) обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о незамедлительном введении в действие статей Уголовного уложения 1903 г., где за всякое любодеяние с ребёнком, не достигшим четырнадцати лет, следовала каторга. Но как эта просьба, так и законопроект, выработанный обществом за наказание лиц, пользующихся малолетними для удовлетворения своего полового инстинкта так и не были рассмотрены.

Возмущаясь приводимыми на Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщин фактами, делегаты поручили комитету Российского общества защиты женщин оказать воздействие на правительство о введении смертной казни или пожизненной каторги за изнасилование и уголовного наказания за всякое любострастное действие с малолетними [17]. В итоге съезд по вопросу о детской проституции по предложению докторов Б.И. Бентовина и В.В. Сланского принял резолюцию, в которой было указано «на настоятельную необходимость установления возможно более строгого взыскания для лица, прибегнувшего в целях разврата к услугам несовершеннолетней, имеющей менее 16 лет. Кроме уголовной ответственности, виновный в таком деянии должен оплачивать стоимость содержания несовершеннолетней в соответствующем воспитательном учреждении» [5, с. 146–147]. Но данная резолюция так и не была законодательно реализована.

В принятом в 1910 г. «Законе о мерах по пресечению торга женщин в целях разврата» содержались и положения, касавшиеся проституции несовершеннолетних. В нём предусматривалось наказание в виде тюремного заключения для виновных в сводничестве или приёме в притон лиц женского пола, не достигших 21 года. Но эти меры из-за сложности доказательной базы в суде не смогли существенно задержать развитие проституции малолетних и несовершеннолетних.

По данным статистики Российской империи о проституции по обследованию на 1889 г., более четырёх пятых от общего числа проституток, т.е. 83,5%, происходило из бедных семей [16, с. XXVII]. По возрасту, в котором женщины стали заниматься проституцией, более четырёх пятых от общего числа проституток обратились к своему занятию ранее достижения гражданского совершеннолетия, а около четверти, т.е. 23,1%, начали продавать свое тело ранее достижения физической зрелости [16, с. XXVIII]. Около 30% составляли девочки, не достигшие 16 лет [16, с. 54]. И это несмотря на то, что официальной регистрации Врачебно-полицейским комитетом девушки подвергались только с 16-летнего возраста. По данным Санкт-Петербургского детского суда за 1910 год, 10% от всего числа девочек, прошедших перед судом, продавали себя [3, с. 367].

Вопиющая, бросающаяся в глаза ситуация развращения среди малолетних девочек побудила убежище, специализировавшееся на приёме такого рода девушек, передавать их с разрешения и согласия Попечительного комитета в специальное исправительное отделение для несовершеннолетних, приёмный возраст в котором был понижен в 1907 г. до 14 лет [11, с. 9]. Безусловно, понятия «дразнящая реклама», «дух разложения» и «нравственный упадок» в

рассматриваемый период в значительной степени отличались от современных взглядов, оценок и восприятия представителями социума. Они соотносились с общей культурой общества, принципами морали, воспитания и, конечно, сословной принадлежностью.

В отчёте Санкт-Петербургского Дома милосердия за 1908 г. приводятся слова девочки-проститутки 11–12 лет, которая с убеждением и охотой занималась своим промыслом: «Ничего тут нет худого. Гораздо лучше, чем дома. Пью все сладкое да вкусное… А платья какие у меня… Дядьки все больше смешные да добрые… Если же что вздумают худое, я спуску не дам. Как напьюсь – сама очень я буйная… Да и весело как» [12, с. 14]. В то же время некоторые девочки были не в силах вынести позор и унижения и кончали жизнь самоубийством.

Таким образом, необходимое воспитание и образование беспризорным и развращенным детям вместо расшатанной и распавшейся семьи обязаны были дать государство и общество путем жестких законов против использования детей для сексуальных утех взрослых, создания приютов и специальных исправительных учреждений, предоставления обществам защиты детей и женщин права осуществлять юридическую защиту малолетних. Материальные средства для этого предлагалось изыскивать из хозяйственной деятельности воспитательных учреждений, пожертвований от обществ и частной благотворительности. Со стороны государства, к примеру, в виде доступных кредитов общественным культурно-просветительным учреждениям, финансовых отчислений от винной монополии и специальных налогов. Наилучшими средствами предотвращения проституции признавались образование и воспитание.

Искоренение детской проституции зависело не только от неравнодушных людей, которых было не мало, и не от количества денежных средств, расходуемых на приюты, эта проблема являлась одним из самых унизительных и позорных явлений российской действительности и частью социально-экономических проблем общества, решение которых затягивалось.

Библиографический список

1. Беззащитность детей // Женский вестник. 1914. № 1. С. 22.
2. Бентовин Б.И. Дети-проститутки. СПб., 1910.
3. Дети-преступники. Сборник статей с предисловием и под ред. М. Н. Гернета. М., 1912.
4. Дрентельн Е.С. О проституции с точки зрения динамики жизни. М., Харьков, 1908.
5. Елистратов А.И. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией. М.: Общество борьбы с детской смертностью. 1911.
6. Канкарович И. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб., 1907.
7. Ломброзо С., Ферреро Г. Женщины-преступницы и проститутки. Киев, 1897.
8. Михневич В.О. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 2003.
9. Мужской суд // Женский вестник. 1914. № 1. С. 20–22.
10. Мукалов М. К. Дети улицы. Малолетние проститутки. СПб., 1906.
11. Отчёт попечительского Комитета СПб Дома милосердия, состоящего под высочайшим покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Ольденбургской за 1907 год. СПб., 1908.
12. Отчёт попечительского комитета СПб Дома милосердия, состоящего под высочайшим покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Ольденбургской за 1908 год. СПб., 1909.
13. Российское общество защиты женщин в 1900 и 1901 г. СПб., 1902.
14. Рубиновский А. Л. Некоторые легко устранимые причины проституции // Вестник права. 1905. № 5. С. 132–137.
15. Синова И.В. Детская проституция как форма отклоняющейся социализации в российском обществе во второй половине XIX – начале XX веков // Клио. 2013. № 2. С. 73–76.
16. Статистика Российской империи. XIII. Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 года. / Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890.
17. Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. Т. 2. СПб., 1911–1912.
18. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) Ф. 569. Оп. 13. Д. 91.
19. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 474.

А.П. Скорик
Россия, г. Новочеркасск,
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕКТАЦИИ В СУДЬБЕ МОЛОДОГО ДОНСКОГО КАЗАКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В индивидуальной человеческой траектории нередко встречаются случаи, когда можно наблюдать стойкое стремление к исполнению определённой социальной роли, в том числе путём приобретения конкретной профессиональной квалификации. Скажем, в начале XX в. профессия учителя считалась преимущественно мужским и весьма почётным занятием, правда, не всегда поощряемым. Об одном из характерных примеров устойчивого желания молодого человека стать народным учителем и пойдёт речь в настоящей статье, когда хуторской казачок реализовал целый комплекс образовательных экспектаций, в чём и проявилась гендерная идентичность его личности.

При работе с фондом Донецкой окружной контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ) в Центре хранения архивных документов города Шахты Ростовской области (ЦХАД ШРО) среди стандартных выписок из протоколов, заключений, служебных писем и иных бумаг бюро жалоб рабоче-крестьянской инспекции нам удалось обнаружить личные документы казака-репатрианта Петра Ивановича Утишева, большей частью исполненных им в рукописной форме. На 73 листах архивного дела открылась удивительная судьба донского казака, одного из десятков тысяч вернувшихся на Родину из-за границы вынужденных эмигрантов, отказавшихся от перспективы устраивать свою жизнь в чужой стране.

На основании заверенной в установленном порядке выписи № 523 из метрической книги (часть I), выполненной на бланке Московской синодальной типографии, о родившихся за 1900 г. с приложением однорублёвой гербовой марки и с подписями священника, отца Феодора Одолламского и псаломщика Владимира Орлова, выданной причтом Предтеченской церкви хутора Земцов 23 октября 1916 г. [2, л. 61–61об], мы достоверно установили дату рождения нашего героя. Пётр Иванович Утишев родился 9 февраля 1900 г. в хуторе Земцов, одном из 39 хуторов зажиточной Еланской станицы Донецкого округа Области Войска Донского в казачьей православной семье Ивана Феодотовича Утишева и его законной жены Агриппины Трофимовны. Пётр Утишев стал 39-й по счёту душой мужского пола, зафиксированной в метрической книге (часть I) хуторской церкви. Его крестили 13 февраля 1900 г. в Иоанно-Предтеченской церкви хутора Земцов священник Фёдор Матвеевич Одолламский «с причтом» (в 1900 г. в составе причта состояли: диакон Степан Сысоевич Широков, псаломщик Владимир Алексеевич Васильев, церковный староста, урядник Александр Евлампиевич Чернушкин, просфирница, дочь пономаря Павла Гаврилова Семёновна). Как видим, состав причта отражал характерную гендерную репрезентацию низовой церковной организации. На таинстве крещения присутствовали восприемники (крёстный отец и крёстная мать) – урядник Евфрем Георгиевич Калмыков и жена урядника Александра Ивановна Реуцкова, православные гаранты народившийся человеческой судьбы. Заметим, в отдельной графе выписи № 523 «Рукоприкладство свидетелей записи по желанию» прописана фраза «не оказалось». Полагаем, что в данном случае это отражает уровень грамотности свидетелей записи.

Буквально с ранних лет Пётр Утишев проявил исключительную тягу к получению знаний. Общее начальное образование подросток получил в Земцово-Боковском (название происходило от двойственного именования хутора) приходском училище, которое успешно окончил в 1911 г. Одновременно он помогал отцу по хозяйству и по мере сил участвовал в обычных земледельческих делах своего семейства с типичными гендерными ролями и распределением трудовых обязанностей. В 1915 г. Пётр окончил 2-х классное Земцово-Боковское училище, что соответствовало курсу неполной средней школы. По существовавшим тогда нормативам образования, если в первом классе в течение трёх лет давалось начальное образование, то во втором классе училища в течение двух лет

в обязательном порядке изучались: русский язык, арифметика, физика, геометрия, история, черчение, давались элементарные сведения по естествознанию, а также ученики по желанию и при наличии в училище материально-технических возможностей занимались прикладными вещами, к примеру осваивали ремёсла, садоводство, огородничество, пчеловодство, делали комплекс гимнастических упражнений. После окончания обучения в 2-х классном Земцово-Боковском училище Пётр целый год занимался с отцом земледелием – старший мужчина в семье приучал младшего сына к определённой модели социального поведения и стремился подтолкнуть к типичному выбору жизненного пути, то есть молодой человек проходил стадию принятого гендерного воспитания.

Большое патриархальное семейство обычного казака-хлебороба Ивана Феодотовича Утишева в 1915 г. состояло в общей сложности из 22 человек, представлявших сразу четыре поколения казачьего рода Утишевых. Первым поколением неразделённой казачьей семьи для нашего героя являлись дедушка и бабушка. Второе поколение (его родителей) объединяло двух главных лиц семейства: отца Ивана Феодотовича и мать Агриппину Трофимовну. Третье поколение, где числился уже сам Пётр, объединяло девять братьев, трёх сестёр и двух невесток, жён двух старших братьев. Четвёртое поколение рода Утишевых составляли два племянника (сыновья самого старшего брата) и две племянницы (дочери второго по старшинству брата), если родство в семье считать от имени рассматриваемого нами лица [2, л. 26].

Земледельческий род Утишевых происходил из левобережного донского хутора Андроповского Еланской станицы, откуда в 1860–1861 гг. отец и дед Петра Утишева переселились в правобережный хутор Земцов той же станицы Еланской, но на берег речки Вербовка, впадающей в реку Чир, правый приток Дона, с расчётом лучше устроить своё индивидуальное хозяйство. Их надежды на более зажиточное состояние стали оправдываться только лишь к 1907 г., когда заметно подросли дети, а долгая работа по найму позволила Утишевым обрасти хозяйством. Видимо, не случайно казака нарекли именем Феодот, или «Богом дарованный»: его мечты стали сбываться. Теперь глава семейства (отец Петра и сын Феодота, инициатора переселения) мог заниматься исключительно домашними делами, а его старшие сыновья уходили на заработки, нанимались в сезонные работники к более богатым людям. По воспоминаниям П.И. Утишева, в подростковом возрасте 9–10 лет он работал в течение полевых сезонов 1908–1910 гг. вместе с братьями у помещика Каргина, но зимой он старательно навёрстывал упущенное и учился в школе, куда его тянуло с непреодолимой силой. В 1911 г. Пётр вместе с братьями опять трудился по найму (заметим, уже на своих собственных быках) у помещика Кузнецова [2, л. 26].

В 1907–1908 гг. в Еланском станичном юрту происходил очередной земельный передел. Поскольку казачий надел-пай считался исключительно на мужскую душу, то Иван Утишев получил сразу 10 паёв из расчёта по 4 десятины на один пай. В итоге у семьи Утишевых получилось в общей сложности 40 десятин земли (которую, как и в Центральной России, лаптем не перемеряешь), что дало возможность значительно расширить посевные площади. Большое семейство самостоятельно управлялось со всеми земледельческими работами, наёмных работников не привлекало [2, л. 26], а у каждого члена семьи существовала своя социально-трудовая роль.

В 1916 г. Пётр стал настойчиво просить своего отца о продолжении полученного им образования, причём с учётом материальных возможностей семьи: не важно, где продолжить образование, лишь бы учиться дальше. Однако Иван Утишев, с большими трудами поднявший своё хозяйство, основательно поразмыслил и в ученье сыну отказал, ибо вот так «на ветер» тратить добытые тяжёлым трудом средства посчитал не очень разумным делом, да и жизненная перспектива Утишеву-старшему более привычной виделась в земледельческом промысле. Тогда осенью 1916 г. по окончанию полевых работ и в период «германской войны» Пётр попросил отца отпустить его «в ученики на почту», на что теперь отец своё родительское согласие дал. По профессиональному совету начальника Боковского почтового отделения П.И. Утишев в сентябре месяце 1916 г. подал заявление начальнику Ростовского почтово-телеграфного округа о принятии на службу в качестве почтальона в одну из почтово-телеграфных контор, поскольку профессия почтальона отличалась тогда большой востребованностью на региональном рынке труда, в связи со значительным ростом объёма оказываемых почтово-телеграфных ус-

луг, во многом обусловленном продолжающейся войной 1914–1917 гг. В конце ноября 1916 г. молодой работник наконец-то получил ожидаемое назначение: его зачислили на должность почтальона (опять-таки мужскую по определению) в Мигулинское почтово-телеграфное отделение, куда он и прибыл для исполнения своих обязанностей. В приличной для тех лет должности почтальона Мигулинского почтово-телеграфного отделения П.И. Утишев трудился всего лишь 4 месяца, хотя работы в густонаселённом юрту станицы Мигулинской Донецкого округа Области Войска Донского для почтальона хватало, ибо в 1914 г. здесь проживало свыше 30 тыс. человек. Пётр днём разносил пешком письма по огромной станице, а ночью дежурил на телеграфе и с нескрываемой жаждой познания осваивал новую технику социальной коммуникации. Тем не менее, известные преимущества молодого возраста не обеспечили ему достаточной физической закалки для выполнения должностных обязанностей почтальона. Он не смог справиться с огромным объёмом работы по разноске получаемых ежедневно с фронта писем, и в феврале 1917 г. по собственному желанию уволился со службы. Молодой человек вернулся домой с прибытком, ведь у него остались сэкономленные средства по оплате за съёмную квартиру и «стол» (питание по месту проживания) в размере 30 руб. [2, л. 26 об].

Немного отдохнув на очень приятных душе домашних хлебах, 10 марта 1917 г. неугомонный П.И. Утишев снова подал заявление начальнику Ростовского почтово-телеграфного округа о зачислении на должность почтальона в Ростовскую главную почтово-телеграфную контору. В первых числах апреля 1917 г. он получает ожидаемое назначение о зачислении по личному ходатайству начальника Боковской почтовой конторы почтальоном в главную Ростовскую почтово-телеграфную контору, но эту упавшую благодатным бальзамом на сердце новость Пётр скрыл от своего отца, не желавшего давать сыну родительское согласие на работу в крупном городе, поскольку мудрый казак правомерно считал, что в полном сомнительных соблазнов Ростове н/Д юноша может нечаянно попасть в неприятную историю, а то и вовсе станет отпетым хулиганом. Но сердобольная мама Груня из своей тайной женской заначки (!) дала сыну 3 сбережённых рубля, и он, имея в запасе сэкономленные на прежней работе 30 руб. своих денег, украдкой от патриархального отца уехал с очередным почтовым транспортом в манящий неизвестностью Ростов н/Д. В середине апреля 1917 г. П.И. Утишев прибыл в торгово-купеческий Ростов н/Д, где с огромными трудностями разыскал главную Ростовскую почтово-телеграфную контору, ведь до сего времени он ещё ни разу своими глазами не видел железную дорогу, да и вообще никогда не бывал в городах. Окружающая действительность казалась ему неимоверно пугающим, кошмарно-страшным сном-былью. Но Пётр стоически сумел преодолеть свалившиеся на него страхи нового окружающего мира и явился к начальнику Ростовского почтово-телеграфного округа, от которого получил назначение на желанную должность разъездного почтальона [2, л. 26 об–27].

В должности разъездного почтальона П.И. Утишев прослужил всего лишь 2 месяца, после чего стал настойчиво ходатайствовать о переводе в посылочный отдел, чтобы у него имелось больше свободного времени для дальнейшего продолжения учёбы. Просьбу молодого человека к его неслыханной радости удовлетворили и перевели на работу в посылочный отдел, где Пётр трудился ещё 2 ½ месяца. При этом он одновременно посещал «школу надсмотрщиков» с перспективой получить должность классного надзирателя, занимавшегося наблюдением за порядком и являвшегося помощником классного наставника в мужских гимназиях и реальных училищах того времени. Однако окончание «школы надсмотрщиков» и получение должности классного надзирателя в гимназии оказалось вовсе не той заманчивой перспективой, на которую П.И. Утишев изначально рассчитывал, хотя и в той социально-трудовой сфере, куда он стремился. Ему хотелось учиться ещё дальше и стать в конце концов народным учителем, в чём, собственно, и заключалась его заветная юношеская мечта [2, л. 27].

Для достижения своей жизненной цели, как вскоре выяснил Пётр, необходимо заработать побольше денег, чтобы иметь возможность брать частные уроки у преподавателей и хорошо подготовиться для поступления в учительскую гимназию. Поэтому молодой человек вновь упрашивает своё начальство перевести его на более высокооплачиваемую должность разъездного почтальона. Теперь он получал, кроме основного жалования по должности за разноску почтовых отправлений, ещё допол-

нительную плату в размере 2–3 руб. в день за своевременную доставку горожанам заказных писем. В таком рабочем графике П.И. Утишев проработал ещё 2 ½ месяца и начал готовиться к испытаниям на звание учителя, но свободного времени на учёбу у него практически не оставалось. Поэтому он вновь обращается с просьбой к начальству перевести его в отдел по отправке заказных писем, и тогда у парня появилось больше свободного времени для подготовки к заветному экзамену. Пётр стал тщательно экономить зарабатываемые деньги и не тратить свои кровные по пустякам. Все своё жалование он сразу же клал на счёт в сберкассу, а уже оттуда по мере надобности получал необходимые для повседневного житья-бытья денежные средства. Молодой человек очень скромно питался в «обжорке» (дешёвой столовой, забегаловке), расположенной на новом ростовском базаре (ныне на этом месте находится здание правительства Ростовской области) всего лишь за 5 копеек, чего хватало ему на порцию (зелёных) щей с чёрным хлебом один раз в сутки. Пётр снимал частную квартиру с месячной оплатой в размере 10 руб. с ежедневно подаваемым чаем, но спал он при этом на полу в одной комнате с хозяевами, и все это ради экономии средств на получение образования. В результате за девять месяцев работы на разных должностях в главной Ростовской почтово-телеграфной конторе П.И. Утишеву все-таки удалось накопить приличную по тем временам сумму 750 руб. [2, л. 27–27об]

Однако бережливый казачок на этом не остановился, и в ходе переписки со своими товарищами, проживавшими в то время в городе Новочеркасске, он выяснил, что в столице донского казачества съёмное жильё и ежедневное питание обходятся значительно дешевле, нежели материальные затраты на подобные вещи в Ростове н/Д. Но, главное, в Новочеркасске имеются хорошие преподаватели, которые подготовят Петра к экзамену на звание учителя, и он сможет получить «аттестат зрелости». После получения такой жизненно важной для него информации П.И. Утишев быстро увольняется со службы в Ростове н/Д, переезжает в декабре 1917 г. на постоянное место жительства в Новочеркасск и поступает на частные курсы учителей Бондарева и Калабухова для подготовки к экзамену на звание учителя. 12 февраля 1918 г. Пётр держал экстерном экзамен на звание учителя при Новочеркасской 2-й мужской гимназии, но, к сожалению, не смог преодолеть эту квалификационную планку. Сын казака хутора Земцов Еланской станицы Области Войска Донского сдаёт следующие дисциплины: Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, алгебру, историю, географию, то есть минимальный объём для профессиональной компетенции учителя начальных классов. Экзаменаторы ставят ему тройки по всем предметам (за исключением алгебры), он набирает достаточные 18 баллов и на основании Устава о воинской повинности Российской империи (ст. 193 и ст. 195, п. 2) и правил о производстве испытаний для вольноопределяющихся получает «право поступить в военную службу вольноопределяющимся на правах второго разряда» [2, л. 62], о чём в архивном деле имеется копия свидетельства № 95 о сдаче экзамена «по программе, установленной для лиц, желающих поступить на службу вольноопределяющимся второго разряда». Но таким шансом своего жизнеустройства П.И. Утишев не воспользовался.

С занятием отрядами красных Новочеркасска Пётр покидает город и уезжает домой к родителям, где становится помощником по хозяйству, а уже после Гражданской войны наследует двухкомнатный флигель [2, л. 31об]. В сентябре 1918 г. он снова возвращается в Новочеркасск и продолжает готовиться к экзамену на звание учителя. Говоря современным языком, П.И. Утишев получает среднее профессиональное образование учителя начального училища с правом преподавания в двухклассном училище. Он сдал экстерном положенный экзамен («подвергся специальному испытанию») 7 декабря 1918 г. педагогическому совету Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-калмыцкой гимназии, открытой на долевых началах в начале XX в. земским обществом села Воронцово-Николаевское (ныне находится в городской черте г. Сальска Ростовской области) и правлением Большедербетовского улуса [1, с. 75] (одной из территорий кочующих народов в составе Медвеженского уезда Ставропольской губернии, где проживали калмыки) и располагавшейся в селе Воронцово-Николаевское. В подтверждение успешно сданного экзамена П.И. Утишеву выдали «свидетельство за надлежащими подписями и казённой печати гимназии». Документ под № 79 подписали директор гимназии, три члена педагогического совета и инспектор [2, л. 63]. Судя по фамилии и ме-

сту сдачи экзамена, вероятно, наш герой имел калмыцкие корни, но фотографии из архивного дела удалены чьей-то неблагодарной рукой, а в документах об этом не упоминается. С другой стороны, в те смутные времена может быть именно в Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-калмыцкой гимназии как раз и оценили стремление к получению знаний и к работе учителем молодого казачка из далёкого донского хутора, в результате чего П.И. Утишев и приобрёл квалификацию учителя [2, л. 31]. Вполне возможно (судя по общему направлению жизненной траектории, когда молодой человек опирается на межличностные связи), что Пётр нашёл какого-то взрослого и влиятельного помощника в достижении желаемого результата и воплощении его заветной юношеской мечты, но об этом имеющиеся в нашем распоряжении документы ничего не сообщают.

После сдачи экзамена в Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-калмыцкой гимназии и получения долгожданного свидетельства о звании «учителя начального училища с правом преподавания в двухклассном училище», П.И. Утишев возвращается из села Воронцово-Николаевского Медвеженского уезда Ставропольской губернии в Новочеркасск, являвшийся тогда столицей Всевеликого Войска Донского. Пётр советуется со своими товарищами о том, как быть дальше, и решает готовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости, свидетельствующий об окончании гимназии (или прохождении испытания для вольноопределяющихся с целью получения прав 1-го разряда), чтобы поступить без экзамена в учительский институт. В мае 1919 г. наш герой выдержал экстерном экзамен в Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-калмыцкой гимназии для вольноопределяющихся на право 1 разряда [2, л. 31]. Но уже в июне 1919 г. П.И. Утишев мобилизуется в состав «молодой армии» Всевеликого Войска Донского, формировавшейся по инициативе атамана П.Н. Краснова. Его направляют в военный лагерь, располагавшийся на железнодорожной станции Персиановка под Новочеркасском, где зачисляют в первую сотню 4-го Донского казачьего полка, и Пётр становится рядовым второго взвода [2, л. 27об]. Но это, как говорится, уже совсем другая, хотя и тоже мужская, история.

Таким образом, на примере индивидуальной жизненной траектории донского казака П.И. Утишева мы наблюдали комплекс поведенческих реакций, направленных на исполнение образовательных экспектаций, когда молодой человек готовился к реализации гендерной роли народного учителя, но все же обстоятельства непреодолимой силы привели к смене ожидаемой гендерной роли на другую гендерную роль военнослужащего, которая в условиях Гражданской войны оказалась более востребованной. Избежав повторения судьбы своего отца, вырвавшись из круга династии воинов-хлеборобов и, по сути, сконструировав свою мужскую биографию, наш герой, к сожалению, угодил в другой социальный капкан, захлопнувшийся для него в группе казаков-репатриантов, ставших чужими для своей Родины, которая зашагала другим, советским политическим курсом.

Библиографический список

1. Манжикова Л.Д. Очерки истории Большедербетовского улуса. Элиста, 2003.
2. Центр хранения архивных документов города Шахты Ростовской области (ЦХАД ШРО). Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 32.

Е.А. Сорокина

Россия, г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

ДЕТИ И РОДИТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ*

Отношение общества и государственных структур к семье, детям, женщине является видимым показателем общего социального, экономического и политического уровня развития. В свою очередь, и степень общественной активности граждан зависит от того, насколько социальная политика государства соответствует уровню ожиданий общества. Или, иными словами, на-

* НИР «Многообразие культур и стратегии развития. Институты и управление в полиэтничных обществах. Европейский образ жизни в диалоге культур».

сколько государственная социальная политика доходит до каждой семьи, помогает жить, работать, воспитывать детей, решать проблемы конкретной семьи. Даже беглый анализ дает возможность увидеть, что на протяжении многих десятилетий общественное мнение Швеции оказывало существенное влияние на формирование и осуществление на практике социально-экономической политики властей. Предложения, касающиеся решения актуальных социальных вопросов, еще на стадии идей, как правило, широко обсуждались общественностью на страницах газет и журналов. Нередко результаты таких общественных обсуждений становились основанием для принятия тех или иных конкретных политических решений, корректировки направления социальной политики правительства.

Наряду с журналистами и простыми гражданами в таких обсуждениях и дебатах участвовали видные общественные и государственные деятели. Такие, к примеру, как Эва Муберг, Альва Мюрдаль и некоторые другие, которые в своих публицистических работах много внимания уделяли, в частности, проблемам народонаселения, необходимости повышения рождаемости в стране, изменению положения женщин в семье и обществе, необходимости привлечения мужчин-отцов к воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства [1, гл. 3]. Как известно, общественные дискуссии на подобные темы начались еще в 1930-х гг. Впоследствии повышенный интерес общества к этим темам объяснялся демографическим спадом, падением рождаемости в 1950–1960-е гг. Так называемая семейная политика, проводимая шведским правительством, приобрела многие свои характерные черты именно в результате широких общественных дебатов. Еще в 1930-е гг. государственная политика, направленная на решение различных вопросов, касающихся оказания поддержки семьям с детьми, получила название «семейной политики» (familjepolitik). Тогда же детские учреждения попали в сферу интересов государства, стали появляться детские сады, в которые ходили дети из разных социальных слоев, в том числе и из обеспеченных семей. Создание в обществе условий, которые помогали бы выполнению родительских обязанностей, становилось государственной задачей. В решении такой сложной социальной задачи помимо государства участвовали сами наемные работники и работодатели. Когда речь идет о традициях и новациях семейной политики, надо иметь в виду, что и само понятие «семья» практически стало понятием государственной политики. Отметим, что существует понимание того, что именно в семье в первую очередь происходит воспитание детей, знакомство детей с традициями и правилами жизни. Государство (в лице парламента, органов муниципальной власти и пр.) является активным участником совершенствования социальной системы страны. Перераспределение общественного дохода, как известно, происходит через системы налогов и социальных выплат, социальные статьи муниципальных бюджетов, выплаты страховых (не только пенсионных) фондов.

Важными элементами государственной «семейной политики» на протяжении второй половины XX века являлись принимаемые властями разного рода законы и постановления, затрагивающие различные сферы жизни. Это, например, область общественных услуг (куда входили система детских дошкольных учреждений, система ухода за пожилыми людьми), вопросы социального страхования, в том числе выплаты разных пособий, и т.д. Также вводились налоговые льготы для семей с маленькими детьми, раздельное налогообложение супругов, система родительского страхования (предполагающего равную ответственность родителей за ребенка) и введение сокращенного рабочего дня для родителей, имеющих маленьких детей.

Последовательная реализация в стране социально и гендерно ориентированной политики на практике привела к вполне конкретным результатам. Широкое развитие в стране системы детских учреждений позволило решить ряд проблем, обострившихся в период 1960–1970-х гг., когда женщины, жены и матери стали активно трудиться вне семьи, на рынке труда, требовавшем все новые рабочие руки и ресурсы, что отвечало потребностям экономики и общества. Это стало возможно во многом благодаря тому, что муниципальные детские сады стали принимать и маленьких детей, уже начиная с конца первого года жизни ребенка. Как правило, группа в детском саду насчитывает около 15 детей, с которыми работают два воспитателя. Осуществление властями практики родительского страхования (предполагающее выплаты пособий на детей, законодательное сокращение рабочей недели для работающих родителей малолетних детей и некоторые другие

нормы) позволяло родителям проводить больше времени с малолетними детьми, находясь с ними определенное время дома и заниматься их воспитанием. При этом родители не несли никаких финансовых потерь, т.к. в этом случаев в соответствии с законами потери в зарплате покрывались по принципу «упущенной выгоды». Вследствие предпринятых мер Швеция на протяжении последних лет занимает одну из самых высоких позиций по уровню рождаемости среди европейских высокоразвитых стран на протяжении последнего десятилетия – в среднем два ребенка на семью [6, с. 9].

Большое значение для успешной реализации в стране «семейной политики» и политики равенства полов также имело упоминавшееся «родительское страхование» (föräldraförsäkring), позволяющее отцам активно участвовать в уходе за ребенком и его воспитании с момента рождения. Этому процессу способствовало шведское законодательство, определяющее право отцов на специальный отпуск по уходу за ребенком и на пользование рядом льгот. В последние годы отмечается, что шведские отцы стали значительно больше времени и внимания уделять детям и участию в домашних делах семьи. До недавних пор (начала 2000-х годов) далеко не все молодые отцы использовали полагающийся им по закону в связи с рождением малыша так называемый отцовский отпуск (который нельзя передать, поэтому в случае неиспользования он просто пропадает). В последние годы уже значительная часть молодых отцов пользуется разрешенным правом находиться дома с новорожденными малышами [6, с. 74]. Необходимо особо подчеркнуть, что равноправие и равенство полов в Швеции понимается не только как равные совместные обязанности, но и равная ответственность супругов и родителей по отношению к детям и семье.

В сегодняшней Швеции существуют разные типы детских учреждений: государственные и частные, муниципальные и церковные детские сады, также группы продленного дня и досуговые центры – как правило, для детей постарше. Родители, особенно имеющие маленьких детей, спокойно работают, а дети, находящиеся в это время в различных детских учреждениях, имеют возможность развиваться, получать различные практические навыки и приобретать знания. Другими словами, широко развитая система таких детских заведений, рассчитанная на детей самого разного возраста, создает условия для максимально успешной социализации ребенка в обществе. Надо особо отметить, что этими возможностями могут пользоваться абсолютно все дети, независимо от материального, финансового, социального и даже гражданского (мигранты) статуса [4, с. 552]. На протяжении 1990-х гг. большинство детей проходило социализацию более успешно, посещая детские сады и школы, чем находясь только в семье [9, с. 21]. В работе различных детских учреждений – детских садов, досуговых центров и других – активно участвуют и родители. Одним из важных результатов политики оказания поддержки семьи и детям стал рост рождаемости в конце 1990-х гг. Важным социальным и, не побоимся сказать, гендерным следствием такой политики стало также и то, что дети из различных семей и самых разных социальных слоев, получили равные стартовые возможности для своей дальнейшей жизни.

Значительную роль в социализации детей играет и школа, которая готовит детей к дальнейшей общественной и семейной жизни, в частности умению формировать и распоряжаться бюджетом семьи. В начальной школе детей помимо получения образования по различным дисциплинам и программам знакомят и с началами родительских обязанностей. Так, к примеру, обучают не только девочек, но и мальчиков пеленать малышей и начальным навыкам ухода. Формирование у детей в школе отношения к будущей семейной жизни ориентировано на создание убеждения в том, что оба родителя в равной степени несут ответственность за семью и детей. И этому можно и надо учить и учиться – этот принцип очень важен для шведов. Система образования в Швеции в целом предусматривает различные виды и уровни общеобразовательной подготовки, которые зависят от возраста, потребностей и индивидуальных предпосылок детей. Цели и задачи дошкольного образования, групп продленного дня, обязательного и полного школьного образования были установлены риксдагом Швеции в Законе об образовании (2010 год). Дошкольное образование воспринимается шведскими родителями как необходимая часть общего образования. По официальным данным, основная часть детей – около четырех пятых в возрасте от одного года до шести лет – посещают детские сады хотя бы на несколько часов в день. В шведской системе дошкольного воспитания

акцент делается на воспитание у детей понимания таких демократических ценностей, как терпимость и уважение к другим, а также того, что называется гендерное равенство. Отметим, что результаты такого гендерного воспитания с самого детства можно увидеть на примере молодых шведских отцов, которые значительно чаще (по сравнению с другими странами) сидят дома и ухаживают за детьми, чаще принимают участие в домашних бытовых делах [6, с. 11].

В 1970-е гг., когда шведские женщины, в своем недалеком прошлом – домохозяйки, активно и массово вышли на рынок труда, практически все политические партии Швеции внесли в свои политические программы специальные разделы, посвященные вопросам достижения равенства полов (jämställdhet). Важнейшими практическими задачами считалось создание реальных условий для того, чтобы мужчины и женщины могли иметь равные возможности для личностного и профессионального, карьерного роста и могли бы в равной степени реализовывать эти возможности в самых разных направлениях и областях. Задачи реализации равных возможностей для мужчин и женщин охватывали самые разные области: профессиональную сферу, рынок труда, семью, общественно-политическую жизнь. Не менее важными практическими задачами считалось и достижение работающими женщинами своей экономической независимости, свободы для женщин в выборе формы брачных отношений, создание условий для развития детей независимо от положения родителей.

Надо отметить, что шведы различают понятие «равенство» (jämlikhet) и «равенство полов» (jämställdhet). Первое понятие как объемлющее и более широкое подразумевает равенство как одинаковое, равное, справедливое положение для различных индивидов и социальных групп независимо от пола, социальной принадлежности, вероисповедания, этнической принадлежности. Понятие «равенства полов» (jämställdhet) фокусирует внимание на достижении определенного гендерного баланса в обществе, создании равных возможностей как для мужчин, так и для женщин во всех сферах экономической и социальной жизни. Отметим, что мужчинам также необходимо прикладывать определенные усилия для достижения равенства с женщинами например, в деле воспитания детей и заботы о семье. И это «равенство полов» в трудовой жизни, в вопросах воспитания детей и благополучия семьи является важной и актуальной составной частью общего процесса достижения социального равенства в обществе.

Задачи обеспечения равенства мужчин и женщин и на рынке труда, и в семье (обязанности супругов и родителей) решались обществом практически параллельно. Государственная политика, направленная на достижение равноправия полов, расценивалась и как самостоятельная цель, и как составная часть общей социально-экономической политики по достижению в обществе консенсуса в вопросах занятости, уровне зарплаты и распределения доходов. В Швеции существует определенная система контроля за соблюдением принципа «равенства полов» в социально-экономической и политической жизни страны, существует даже должность министра по вопросам равенства (Jämställdhetsminister). В функции этого министра входит координация правительственной политики в указанной области. Кроме этого, глава каждого министерства лично несет ответственность за соблюдение политики «равенства полов» в подведомственной области. Специальное Управление по делам равенства, помимо координации деятельности и контроля над исполнением поручений, выступает с инициативами по вопросам равноправия в обществе. Также действует Ведомство представителя по равным возможностям полов (Jämställdhetsombudsmannen), финансируемое государством, где отслеживается соблюдение законов о равенстве полов. В ленах (административно-территориальная единица Швеции) работают специальные эксперты по реализации политики равенства полов. Действует также специальная Комиссия по равным возможностям (Jämställdhetsnämden), в функции которой входят анализ гендерного равенства на рынке труда и при необходимости указания работодателям на нарушения баланса равенства и необходимость его соблюдения. Функционирует и специальный Совет по делам равенства, являющийся рекомендательным органом, но в котором представлены как различные женские организации, так и профсоюзы и представители работодателей.

На протяжении последних двух десятилетий на рынке труда Швеции представлено практически равное количество трудящихся женщин и мужчин в работоспособном (от 20 до 64 лет) возрасте. В последние годы около 80% женщин и 84% мужчин трудоспособного возраста рабо-

тают по найму. Отмечаются определенные колебания в уровне занятости мужчин и женщин в различных отраслях производства (в зависимости от отраслей с преимущественно женской или мужской занятостью) [10, с. 11]. Также имеются свои особенности и в структуре распределения трудящихся женщин и мужчин по разным секторам экономики – в общественном и частном секторах. Так, в общественном секторе работает 51% женщин трудоспособного возраста и лишь 19% мужчин. В частном – наоборот: 81% мужчин и 49% женщин от общего числа работающих [10, с. 3]. Наиболее типичные для женщин рабочие места в государственном секторе предполагали, как правило, более низкую заработную плату по сравнению с частным сектором. Это имело свои объяснения. Например, женщины-матери малолетних детей пользовались часто своим правом на неполный рабочий день. Вместе с тем также отмечались определенные тенденции к снижению числа женщин – владельцев частных предприятий, женщин-руководителей. Отметим, что современные исследователи видят перспективы возможных гендерных конфликтов в Швеции именно в противостоянии государственного и частного секторов [8].

Одним из последствий осуществляемой государственной социальной политики является тот факт, что женщинам из менее благополучных слоев общества уже нет острой необходимости искать заработок, т.к. для них самих и их детей вполне достаточно получаемого социального пособия [1, с.157; 4, с. 553]. Все чаще отмечаются случаи, когда люди (это касается мигрантов в первую очередь) даже не ищут работу, а довольствуются достаточно хорошим социальным пособием. Это нередко вызывает все большее недовольство в обществе. Постепенно проблема привлекает все более широкое общественное внимание. В немалой степени это относится к так называемым новым шведам – мигрантам, имеющим больше детей по сравнению с самими шведами и достаточно скромные личные потребности. Однако обращаем еще раз внимание на то, что все граждане страны и легально находящиеся в Швеции мигранты имеют равные права на работу, обучение, социальную защиту, медицинское и социальное обеспечение и т.д. Все без исключения дети и родители (независимо от типа и состава семьи) имеют равное право пользования общественными социальными благами [8].

На протяжении последних лет в Швеции стали проявляться определенные трудности в осуществлении ряда социальных программ. Государственная «семейная политика» формировалась и начинала осуществляться в обществе с полной занятостью граждан. Но в последние годы в стране (как, собственно, и в других регионах мира) отмечаются определенные экономические затруднения, рост безработицы и, как следствие, – попытки властей сокращать социальные и коммунальные расходы, нацеленные в первую очередь на реализацию различных муниципальных программ, в числе которых и содержание системы детских учреждений.

Для современной Швеции, как и для других промышленно развитых стран, характерен рост числа разводов. Увеличение количества разводов имеет двоякие последствия: с одной стороны, растет число неполных семей, состоящих из родителей-одиночек и детей, а с другой – увеличивается количество повторных браков и новых семей со сводными братьями, сестрами и приемными родителями. Рост числа повторных браков является также оборотной стороной происходящих в обществе социально-экономических и психологических процессов. В настоящее время разведенные женщины, в том числе и имеющие детей, имеют возможность существовать экономически стабильно и независимо, опираясь на социальную помощь государства. Да и само общество уже давно спокойно воспринимает неполные семьи. Ныне четверо из пяти детей в возрасте до 17 лет живут с обоими биологическими родителями. В абсолютном выражении это составляет около 1,5 млн детей. В то же время каждый пятый ребенок живет лишь с одним из биологических родителей. В последние годы возросло число матерей-одиночек, живущих с детьми после развода, около 16% детей (или 300 тыс.) живет с одним из родителей, разведенным и не состоящим в данный момент в другом браке. Представляется важным обратить особое внимание на детей, у которых оба родителя или один из них является иммигрантами – таких детей около 450 тыс. (или 23%) [7, с. 34]. В последние годы в Швеции (как, впрочем, и других промышленно развитых странах) все большее распространение получает и такое явление, как “отложенное материнство”, когда молодые женщины до 27–29 лет активно работают, строят карьеру, отчего рожают детей в более позднем возрасте, чем их матери [8].

В Швеции, как известно, с 2000 г. церковь отделена от государства. Тем не менее, шведская церковь старается активно участвовать в социально-экономической жизни страны. Этим объясняется то, что на страницах церковных газет очень активно обсуждаются самые разные темы, представляющие интерес для широких слоев шведского общества. Шведская церковь стремится строить свою практическую деятельность, опираясь зачастую на запросы социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране. Так, к примеру, на протяжении 1970–1980-х годов большое внимание в практической деятельности церкви уделялось проблемам женщин и молодежи, антивоенной деятельности, в 1990-е годы на первый план вышли проблемы безработицы [2, с. 450]. Рост иммиграции приводит к увеличению числа действующих в стране конфессий и числа прихожан, не принадлежащих к шведской церкви. Однако шведская церковь помогает иммигрантам, в том числе принадлежащим к иным конфессиям – католикам, мусульманам, православным. В этом случае церковная община нередко становится для иммигрантов национальным культурным центром и местом, где они могут получить реальную помощь в поисках работы, жилья, контактах с местными властями [2, с. 503]. Необходимо отметить и роль церкви в воспитании гражданских чувств у подрастающего поколения, несмотря на то, что в целом сами шведы все реже ходят в церковь. Шведская церковь, ее сотрудники пытаются активно занять свое место в современном обществе и зачастую находят возможности своей работы именно там, где необходимо оказывать помощь и поддержку малообеспеченным семьям, семьям иммигрантов в своих приходах.

Опыт Швеции в области гендерной политики демонстрирует, что положение семьи, женщин, детей в обществе отражает общий уровень развития общества вместе с существующими проблемами и коллизиями. Процесс смены гендерных стереотипов в обществе и семье возможен только при наличии необходимых и достаточных социально-экономических условий развития. Конечно, это не означает отсутствие в обществе социальных противоречий и конфликтов. Рост рождаемости, активное участие женщин на рынке наемного труда, успешное движение общества на пути к гендерному паритету является результатом проводимой в стране семейной, социальной и жилищной политики. Все отмеченные позитивные перемены свидетельствуют о стремлении общества к обеспечению насущных запросов женщины в различных сферах жизни, об изменении общепринятой шкалы традиционных ценностей и переноса акцента с частной, приватной сферы жизни женщины на общественную сферу. Эти изменения также являются результатом проводимой в стране социально-экономической политики, что приводит в итоге к процессу смены традиционных гендерных стереотипов.

Шведский опыт становления и существования современной семьи, функционирования школьного образования и подготовки молодых людей к самостоятельной жизни и работе представляется весьма ценным и востребованным. Социальная и гендерная интеграция людей в обществе и, в частности, молодежи – не автоматический процесс. Этот процесс обусловлен целым рядом факторов, в том числе уровнем потребления социальных благ и степенью участия граждан в их создании. Другими словами, успешная социальная и гендерная интеграция содействует успешному экономическому развитию общества, с одной стороны, а с другой – совершенствование социальных институтов способствует развитию общества в целом.

Библиографический список

1. Павлова А.Н. Семейная политика Швеции в 1960-70-е годы // Северная Европа. Проблемы истории. М., 2003. Вып. 4.
2. Религия и церковь Швеции. От эпохи викингов до начала XXI века / отв. ред. О.В. Чернышев. М., 2015.
3. Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001.
4. Сорокина Е.А. Некоторые современные реалии повседневной жизни Швеции // Частное и общественное в повседневной жизни населения России. Сборник материалов международной научной конференции / Под общ. ред. В.А. Веременко, отв. ред. С.В. Степанов. Т. 3. СПб., 2018. С. 549–554.
5. Facts sheets on Sweden. Stockholm. 2000.
6. Living conditions. Örebro, 1995.
7. Barn idag. Stockholm, 1996.
8. Borevi K. Väldfärdsstaten i det mångkulturella samhället. Uppsala,2002; Välfärdedens förutsättningar. Arbetsmark-

nad, demogragi och segregation. Stockholm, 2000.
9. Ty makten är din.Stockholm, 1998.
10. På tal om kvinnor och män. SCB, Stockholm, 2004.

Р.Н. Сулейманова
Россия, г. Уфа, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

ВОПРОС О РАВЕНСТВЕ ПОЛОВ В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Жизнь порой преподносит нам удивительные подарки, если можно это так назвать, она готовит нам встречи на жизненном пути, значение которых осознаем позже, спустя время. Вот и мое знакомство, и встречу с Натальей Львовной можно воспринимать именно так.

Я – одна из большого числа учеников Натальи Львовны. Знакома я с ней не так давно, с 2010 г. Хотя с ее научные публикации, посвященные женщине в русском обществе, известны мне еще с аспирантских лет. Читала я ее работы и по гендерной истории. Это потому, что вела исследования по женской истории в региональном аспекте, на примере Башкирии в новейший период. Когда завершила работу над докторской диссертацией, решила обратиться к ней с просьбой стать моим научным консультантом. Было страшновато, ведь такая величина, такой высокий уровень, такое положение в науке. Но осмелилась и написала ей. Каково же было мое удивление, когда она сразу ответила и попросила прислать работу. С волнением ожидала ее мнения, почему-то думала, что «зарубит» ее полностью. Но Наталья Львовна прислала письмо с добрыми и поддерживающими словами, посоветовала, как улучшить ее содержание. Она корректно и умно направляла мои доработки, поправляла меня, обращала внимание даже на мелочи, какие-то технические погрешности. Наверное, она понимала мое волнение, отчасти усталость, из-за чего и появлялись ошибки, неточности в тексте. При этом в ее словах не было ничего такого, что могло бы задеть или унизить. Конечно же, такое отношение окрыляло и жуткое желание все бросить исчезало.

Хотя я на публичных мероприятиях всегда спокойна и сдержанна, но здесь очень волновалась. Наталья Львовна в качестве научного консультанта была на моей защите, выступала. Я была очень рада этому и благодарна Наталье Львовне за поддержку. Все прошло замечательно, но я и сегодня помню все до мельчайших подробностей.

С Натальей Львовной всегда поддерживаю научные связи, участвую (правда, в основном заочно) в конференциях Ассоциации, конгрессах этнографов и антропологов. Так, мы встречались на конференциях РАИЖИ в Оренбурге, в Твери. Быть в числе ее учеников ко многому обязывает и потому стараюсь не пропускать ее новые научные труды, всегда с интересом читаю их.

Наталья Львовна – человек удивительного такта, высокой культуры, душевности и понимания. Она всегда на связи, всегда рада встрече и общению. Человек она строгий и требовательный, прежде всего – к себе, что мне очень нравится. Она внесла и вносит большой вклад в отечественную историческую науку, в женскую историю. Желаю ей научных достижений, верности науке и в дальнейшем, сил и крепости духа!

* * *

Начало XX столетия было наполнено бурными событиями, ставшими поворотными в судьбе России. Одним из них является первая российская революция 1905–1907 гг., которая потрясла всю империю, дала серьезный толчок оживлению общественно-политической жизни и вовлечению в нее всех слоев населения. Под ее влиянием в российском обществе начавшийся политический подъем вызвал зарождение народовластия и парламентаризма. Наблюдавшиеся новые веяния актуализировали женский вопрос, вовлечение и участие женщин в общественно-политической жизни. Они и явились предметом обсуждений и дискуссий на заседаниях I Государственной думы при подготовке ответа на тронную речь перед депута-

тами, обсуждении законопроектов «Основных положений закона о гражданском равенстве», о народном образовании и пр. Рассмотрим в статье, как в российском парламенте проходило обсуждение одного из насущных вопросов – уравнение женщин и мужчин в правах, а также принятие по нему решения.

С началом создания в 1906 г. в России парламента предпринимались неоднократные попытки его использования в борьбе за предоставление женщинам равных с мужчинами прав в обществе. Здесь особо выделялись женские организации. Они действовали через депутатов, направляли делегации в думские комиссии с прошениями. На сессии Думы в июне 1906 г. выступил депутат от Уфимской губернии А.А. Ахтямов, который известил присутствующих о факте обращения мусульманской делегации к одному из депутатов с просьбой рассмотреть вопрос неравноправности мусульманок и встать на их защиту, так как религиозные законы «ограничивают» их права [4, с. 16]. Ахтямов рекомендовал к подобным «ходатайствам» относиться «насколько возможно осторожнее». Заметим, что в Думе интересы населения Уфимской и Оренбургской губерний представляли 9 депутатов мусульман [1, с. 3]. В целом отношение депутатов мусульманской фракции, а также представителей мусульманской интеллигенции к этому вопросу было неоднозначным. Одни поддерживали, другие категорически возражали. Депутат от Уфимской губернии Ш.Ш. Сыртланов был откровенен в высказывании: «…когда будет идти разговор в комиссии о равноправии, ... то [нужно], чтобы шариат был принят во внимание» [4, с. 16].

Однако сами женщины проявляли настойчивость в достижении своих целей. Показателен в этом плане случай, который приводится в одной работе: «…оренбургские мусульманки выработали для членов мусульманской фракции в Государственной думе наказ: чтобы они требовали все права для мусульманок, должны они добиться создания закона, который мог бы оградить их от произвола деспотов-мужей, от гнета и мучений» [5, с. 11]. Или другой случай: письменное обращение башкир одного из уездов Оренбургской губернии к депутату Т.И. Седельникову, в котором просили его «настоять на уравнении в правах с их мужьями» мусульманских женщин ввиду их бесправного положения [4, с. 14, 15]. Удивительно то, что оно написано мужчинами. Известный российский ученый Н.Л. Пушкарева пишет, что «в русской истории первыми эмансипаторами женщин выступили мужчины (и в этом одно из отличий способов формирования русского варианта феминизма от западного)» [6, с. 55]. Согласимся с ней и заметим, что подобных примеров из истории региона можно привести немало.

На думских заседаниях в ходе обсуждения представленных законопроектов предметом бурных дискуссий неоднократно становился вопрос о равенстве полов. Необходимость правового уравнения женщин с мужчинами тесно увязывалась с «переустройством всей государственной жизни России на демократических началах». Выступавшие депутаты обращали внимание на важность его скорейшего разрешения. Они призывали не забывать «о русской женщине, которая наряду с другими боролась за свободу», потому что «сын рабыни не может быть гражданином». На это указывал в своей речи депутат Алексинский: «бесправие женщины в настоящее время является унижением не только для женщины, но еще более для мужчины». Поддержал его депутат Ломшаков, заявив, что «…женщина равноправна с мужчиной, равноправна не только политически, но и граждански, равноправна вполне и без исключений» [3, с. 7, 8, 9]. Подобных выступлений в поддержку «назревшего вопроса» в Думе было немало.

Но звучали и другие мнения. Граф Гейден заявил, что «… не нужно еще непременно распространять равные права и на женщин», так как еще самим нужно привыкнуть «к парламентской деятельности». Примерно в таком же духе говорил член комиссии Набоков: «… мы не берем на себя смелости утверждать, что единодушная воля народа требует политического равноправия для женщины, и мы не говорили о такой единодушной воле народа» [3, с. 12, 18]. Более категоричен был князь Шаховский, требуя «... отложить решение вопроса о прямом голосовании и о женских правах» ввиду неубедительности высказанных «аргументов» [3, с. 14].

Все это указывало, что при подготовке ответного адреса на тронную речь перед депутатами, в ходе обсуждения поставленных в Думе законопроектов, в частности «Основных положений закона о гражданском равенстве», складывалась довольно напряженная ситуация и разворачивались серьезные дебаты. Различными были мнения членов мусульманской фрак-

ции. Так, депутат А.А. Ахтямов заявил: «…раз наша Государственная дума стремится провозгласить в законодательном порядке равноправие всех граждан обоего пола, то лишать этого права женщин, которые составляют половину 20-миллионного почти населения магометанского, обитающего в Российской империи, … было бы верхом несправедливости» [3, с. 57].

Часть фракции (правда, небольшая) поддержала его. Однако значительная часть в категорической форме возражала. Депутат Ш.Ш. Сыртланов как «представитель мусульманского народа» относительно положения «равенство всех народов и национальностей перед законом» высказался резко: «… у нас в России нет равноправия по отношению к мусульманам, … такого рода стеснения отзываются очень дурно на мусульманах как в политическом, так и в хозяйственном отношении…». Однако по женскому вопросу он придерживался другого мнения и заявил, что «…мусульманским женщинам права и свободы не нужны. Это противоречит шариату», потому они «в гражданском отношении стеснены гораздо меньше, чем по русским гражданским законам» [1, с. 22, 23]. Все это указывает, что депутаты фракции в вопросе о предоставлении мусульманкам равных с мужчинами прав занимали двойственную позицию. Причиной тому являлось имевшееся опасение войти в противоречие с требованиями религии. Они обратились к муллам с просьбой дать разъяснение по данному вопросу. Последние вскоре направили письмо депутату от Оренбургской губернии Ш.С. Сейфитдинову, в котором указали на отсутствие в Коране запретов на участие женщин в общественных делах, равноправие не противоречит шариату.

На думских заседаниях неоднозначными были позиции представителей политических партий и фракций. Одним из тех, кто являлся «ревностным сторонником равноправия полов», был депутат Петражицкий, возглавивший подкомитет по правам женщин [8, с. 291, 292]. В своих речах он призывал уравнять женщин в правах с мужчинами и давал этому следующее пояснение: «… нас не должно смущать то, что матери будут интересоваться политикой; напротив, именно важно, чтобы матери сами интересовались общественными делами и могли внушить такие же интересы детям. Дети таких матерей впитают в себя общественную культуру, будут выдающимися работниками на почве общего блага. Интересы общего блага и культуры требуют от нас, чтобы мы предоставили женщинам политические, т.е. общественные, права и обязанности» [3, с. 42].

Однако были и другие высказывания относительно законопроекта. Депутат Ковалевский заявил о необходимости считаться «… с невыгодными последствиями признания принципа, что мужчины и женщины в правах равны». Ведь, по его мнению, «равные права предполагают равные обязанности», что вызывает вопрос «распространим ли мы на женщину и воинскую повинность, образуем ли мы корпус амазонок или нет?». Выражая сочувствие введению в российском законодательстве «начала равенства», он лишь заметил о его «начале». Граф Гейден высказался более откровенно: «…вполне признаю желательность равноправия, но я думаю, чем вопрос важнее, чем он сложнее, тем к нему надо приступать осторожнее и основательнее». И далее заявил: «Нельзя в одном законопроекте…затронуть изменение законодательства девяти томов Российской империи» [3, с. 32, 33].

Выступление депутата Кругликова касались интересов крестьянского населения империи. Относительно равноправия женщин он сказал следующее: «…нас, крестьян, заставляют бабам равные права дать, что же тогда выйдет? ...чтобы им старшинами и на сходках бывать, то крестьяне совсем не согласны женскому полу права давать, а совсем согласны, чтобы мужчина был старший, но не женщина … что же тогда будет, если мы им права дадим? … еще мы и себе прав не достали, а всем права начинаем давать». По поводу предоставления им избирательного права он заявил: «…когда нас провожали сюда, то весьма многие крестьяне и не знали об общем избирательном праве, без различия пола. Женщинам у нас не до общего избирательного права, женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой» [3, с. 17, 43, 44].

Эти высказывания депутатов получили широкий резонанс в российском обществе. В парламент хлынул поток писем и обращений с требованием прекратить унижения женщин. Тому подтверждением является письмо воронежских крестьянок. В нем говорилось: «Мы узнали из газет, что воронежский выборный Кругликов заявил в думе, что крестьянин признает за женщиной работу только в семье и уверяет, что сами крестьянские женщины не желают ника-

ких прав. В Думе нет выборной женщины, которая могла бы сказать за всех баб, а почем он знает. Он неправильно говорит, что крестьянка не желает прав, спрашивался он у нас? Мы, бабы из Воронежской губернии, Воронежского уезда, понимаем хорошо, что права и земля не помешают нам работать в семье, а если на женскую душу будет дана земля, то сколько убавится бабьих слез и попреков бабе? Не будет баба в тягость семье. Мы желаем себе права не только для себя: с правами мы можем тогда заступиться за своих мужей и детей… Мы тужим, что в Думе нет выборных женщин; спасибо тем выборным, какие вспомнили о бабе и хлопочут за наши права» [7]. Депутат Аладьин в своем выступлении в поддержку равноправия российских граждан без различия пола прочел обращение к нему симбирских крестьянок из села Ногаткино. Они приветствовали депутатов Думы и выражали надежду, что они «добудут народу землю и волю, ... добьются гражданских и политических прав как для себя, так и для нас, бесправных и обездоленных, даже в своей семье, русских женщин». Свое письмо к депутату они завершали следующими словами: «Помните, что женщина-раба не может быть матерью свободного гражданина» [3, с. 51]. Подобных обращений в российский парламент, когда обсуждались законопроекты, было немало, но среди них не удалось нам обнаружить писем из Башкирского края.

Депутаты Государственной думы неоднократно возвращались к вопросу о равенстве полов, в частности при обсуждении законопроекта по народному образованию. В своих выступлениях на заседаниях, оценивая российское законодательство о положении женщины в стране с точки зрения европейских норм, они заявляли о его отсталом, «средневековом» характере. Призывали к его реформированию, подчеркивали важность предоставления женщинам равных с мужчинами публичных прав, обусловленных интересами общества и самого государства [3, с. 27]. Но все эти призывы оставались лишь благими пожеланиями. Законопроект, вызывавший такие прения во время обсуждений на думских заседаниях, логического завершения не получил, так как не был поддержан большинством депутатов.

15 мая 1906 г. на заседании Государственной думы было заслушано заявление, подписанное 111 депутатами, в том числе избранниками от Уфимской губернии, по законопроекту «Основных положений закона о гражданском равенстве». В нем предлагалось Думе приступить к выработке законопроектов на основе положения: «Все граждане обоего пола равны перед законом» [3, с. 22], то есть признать равенство российских граждан в правах без различия пола. Но это вновь вызвало дебаты и противостояние депутатов в принятии окончательного решения. Несмотря на это, подготовительная работа по законопроекту продолжалась. Однако завершить ее не удалось, в июле 1906 г. правительство распустило I Государственную думу.

Вопросы о равенстве полов, об уравнении в правах женщин с мужчинами, предоставлении им избирательного права рассматривались не только в I Государственной думе. Они обсуждались во II Государственной думе, но опять без положительного результата. В III Государственную думу был внесен законопроект об избирательных правах женщин, в котором говорилось: «Лица женского пола пользуются равными с мужчинами правами избирать и быть избираемыми в Государственную думу». Он вновь не был поддержан правительством [2, с. 78].

Несмотря на довольно прогрессивные позиции ряда фракций и значительного числа депутатов российского парламента, в том числе из Башкирского края, его деятельность в постановке и обсуждении назревших в обществе вопросов о равенстве полов, об уравнении мужчин и женщин в правах, о предоставлении женщинам избирательных прав была малорезультативной. За 11 лет деятельности думы так и не смогли принять по этим вопросам окончательного решения, которого так долго ожидало население страны, особенно женское. Однако сам факт их постановки и обсуждения на думских заседаниях показывает, что, прежде всего под влиянием событий российской революции 1905-1907 гг., иным становилось общество, да и сами граждане. Но не все политические партии и фракции, депутаты жаждали скорейшего разрешения этих вопросов, словно не предчувствовали приближения грядущих перемен.

Библиографический список

1. Башкиры-депутаты Государственной думы России I–IV созывов. 1906–1917 гг. / Сост. сб. Р.Н. Сулейманова.

Уфа, 2009.
2. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959.
3. Женский вопрос в Государственной Думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы. СПб., 1906.
4. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941. Сб. документов и материалов / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2008.
5. Остроумов Н.Н. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911.
6. Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6.
7. РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 4. 1906–1907 гг.
8. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. Пер. с англ. М., 2004.

М.А. Текуева

Россия, г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

СЕКСУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ

История моего знакомства, сотрудничества и дружбы с Натальей Львовной Пушкарёвой – это иллюстрация истины о том, что жизнь преподносит нам встречи именно с теми людьми, в которых мы нуждаемся.

Полтора десятка лет назад, когда задумывалась, а затем и писалась моя докторская диссертация, именно имя Натальи Львовны стало для меня одним из главных научных ориентиров. Это проявлялось не только в том, что я восприняла ее идеи или руководствовалась принципами научного подхода, но прежде всего в том, что именно ее исследования дали мне веру в правильность избранного мной подхода к изучению гендерных моделей в адыгском обществе. Ее работы о русских женщинах, об их месте в семье, роли в воспитании детей, значении в обществе, их творческих возможностях, страстях и повседневных заботах при всей своей строгой научности способны вдохновлять и читаются запоем.

Следующим этапом стало наше личное знакомство в 2005 году на Конгрессе антропологов и этнологов в Петербурге. Из того впечатления, что возникло у меня о Пушкарёвой-ученом, рисовался образ величественного авторитета в науке, умудренного жизненным опытом, написавшем уже тогда более четырехсот работ. Меня ожидал сюрприз: я увидела миниатюрную, совсем молодую женщину, с внимательным взглядом, стремительной мыслью, живой речью и искренним интересом к каждому выступающему на секции. Неожиданно возникшая между нами простота в общении, душевная и искренняя симпатия позволили мне решиться обратиться к Наталье Львовне с просьбой оппонировать на защите моей докторской диссертации. Она сразу же согласилась и так, как умеет, кажется, только она, двумя-тремя быстрыми вопросами уловила суть моей работы и выразила свою заинтересованность в ней.

Сложная по многим причинам защита состоялась в конечном итоге благодаря именно ее поддержке. И, несмотря на то, что сама Пушкарёва не смогла приехать в Дагестан, где я защищалась, помню, с каким воодушевлением ее отзыв был зачитан секретарем диссертационного совета. Конечно, для меня было важно ощутить такое принятие своей работы – и эмоционально, и интеллектуально Наталья Львовна в тот день была рядом.

Сейчас уже с гордостью и радостью могу сказать, что мы – близкие подруги, оказалось, что у нас очень много общего, а почти полное отсутствие разницы в возрасте создает особое взаимопонимание. В той большой стране, откуда мы с Наташей родом, у нас у всех было общее детство. А также молодость наших родителей, совпавшая в Москве, в МГУ, их профессиональный выбор – стать историками. И мы обе – принявшие его, словно бы по наследству. Сегодня уже дружат наши семьи, даже наши внуки, что тоже своеобразное наследие для них. Наташа, которую я всегда видела впереди себя в науке и не сразу решилась попросить о поддержке, оказалась близким и понятным человеком, две грани ее личности – ученого и подруги – гармонично сочетаются.

Для нас как подруг и единомышленниц очень значимым событием стало проведение в Кабардино-Балкарском государственном уни-

верситете VI международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории «Российская гендерная история с «Юга» на «Запад»: прошлое определяет настоящее» (3-4 октября 2013 г.). Именно Наталья Львовна выступила инициатором проведения ее в Нальчике и мне до сих пор лестно читать ее отзыв о форуме, данный в одном из интервью: «тот, кто становится директором ближайшей конференции, является инициатором основной темы и структуры обсуждения, круглых столов, что, соответственно, формирует круг участников. Ясно, что когда мы проводили конференцию, например, в Петрозаводске, то там были представлены в основном северо-западные регионы, представители стран победившего феминизма – это в основном скандинавские страны. А Юг России практически на все наши встречи по разным причинам приезжает малочисленными группами.

Словом, была поставлена задача дать возможность высказаться Югу России, показать, что существует связь между западным феминизмом, о котором здесь мало знают, и своеобразным пониманием традиции, с особым пониманием равенства и уважения к женщине, существующих на Кавказе и на Юге России».

Символично, что представленная здесь статья основана на тезисах того самого доклада, с которого началось наше знакомство с Натальей Львовной.

* * *

Изучая взаимоотношения мужчин и женщин и их социальные статусы, невозможно оставить в стороне сексуальный аспект этих взаимоотношений. До недавних пор исследование сексуальности адыгов – группы родственных народов, проживающих на Северном Кавказе и более известных под этнонимом «черкесы», казалось невозможным. Публичное изъявление чувств у них было табуировано, а свободное обсуждение этой темы – неприлично. При отсутствии письменной культуры не может быть и речи об аутентичных письменных источниках. Значит, нет и никаких личных документов, приоткрывающих завесу тайны чувственных переживаний черкешенки. Но проблема с источниками – лишь одна сторона нерешаемой задачи. Вторая состояла в том, что кавказские этнографы и историки обходили стороной тему сексуальной культуры своих народов в силу пуританской традиции замалчивания деликатного предмета.

Однако возрастающий во всем мире интерес к «особой «женской истории», особая скрупулезность и внимание к деталям повседневности,… особому эмоционально окрашенному ракурсу исторического видения» [14, с. 5] привел наконец и кавказологов к необходимости расширения исследовательского поля. Ведь изучение сексуальной культуры может подвести к пониманию истоков социальных конструктов, определяющих систему власти и подчинения, взаимопомощи и взаимоподавления, свободы поведения и самооценки индивидуума. Половые отношения, являющиеся, казалось бы, самым непосредственным проявлением «естественного», при ближайшем изучении представляют из себя культурные модели, суть которых зависит от исторических и культурных стереотипов. Сексуальность, понимаемая в обыденном сознании как интимное дело двоих, оказывается на деле тщательно институализированной и подчиненной идеологии конкретного общества (Фуко). Регулирование сексуального поведения мужчин и женщин достигается с помощью обычаев и традиций, ритуалов брачного поведения, сексуальных запретов. По определению Гейл Рубин «реальность сексуального имеет свои собственные внутренние политики, структуры неравенства и модусы поведения» [3, с. 465].

Нерешимость автора настоящей статьи к публикации первых своих изысканий в области этнографии сексуальной культуры адыгов была побеждена в результате знакомства с блестящими работами ведущего специалиста в области исторической феминологии, основоположника российской «женской истории» Н.Л. Пушкарёвой [13, 14, 15, 16, 17. Помимо названных, это еще более 600 научных статей и книг]. Ее строгий научный анализ (априори мужское качество) и одновременно чуткий взгляд (женское исследовательское преимущество) в прошлое, населенное не только мужчинами, но и женщинами, имевшими свою систему ценностей и предпочтений, вдохновил меня на поворот в гендерной этнографии Северного Кавказа.

Итак, реконструкция интимных переживаний женщины и мужчины в традиционной жизни адыгов представляется весьма сложной

задачей. В распоряжении исследователя лишь мифологические и фольклорные материалы, записки иностранных путешественников, отмечавших экзотическое в быту и нравах местных жителей, и рассказы стариков, заставших тех, кто не знал трансформирующего влияния модернизации на семейно-родственные отношения. Мы по крупицам попытаемся восстановить картину повседневных переживаний влюбленных, супругов, выяснить возможность любви вне брака в традиционном адыгском обществе. Особое внимание будет уделено женскому восприятию любовных переживаний, во-первых, потому, что мужчины были свободнее в выражении своих чувств и своего взгляда на отношения полов. Будучи профессиональными сочинителями и исполнителями народных песен, они имели больше возможностей для вербального выражения любовных переживаний. Они же были законодателями, фиксировавшими норму и ее нарушение в вопросах супружеской верности. Мужская точка зрения на любовь и секс, таким образом, лучше известна. Во-вторых, монополизировав частную сферу жизни, женщина являлась тонким «экспертом» в области любовных отношений. Особое внимание уделяется женской сексуальности потому, что в условиях патриархальной половой сегрегации сфер деятельности «постель становилась [почти] единственным местом, где могли излиться женские чувства» [4, с. 134]. Традиционное общество принимает женщину в образе матери-кормилицы: материнский статус превращает женщину из дочери в выжидательной позиции, из невесты (или бездетной жены) в промежуточном состоянии в символ и объект особого почета. Но ведь обязанность женщины рожать не исключает, а наоборот, предполагает ее сексуальную привлекательность, знание любовных приемов, глубину душевных переживаний женщины.

Поэтому бросается в глаза раскованность в изложении подробностей интимных отношений мифологических героев рассказчиками народных сказаний. И то, что они преподносятся как нечто обыкновенное, без позднейших оговорок и пояснений, наводит знатоков строгой кавказской морали на размышления. Мифологические тексты не совпадают полностью с идеальными представлениями ценностно-нормативной системы патриархальной культуры адыгов. Мы имеем здесь дело с коллективными бессознательными представлениями, которые содержат в себе изначальный тип усвоения этносом чувственного опыта. Эти этнические архетипы сознания в дальнейшем предопределяют структуру образов, в которые укладываются новые человеческие восприятия, но осознано в чистом виде не обнаруживаются. Философы предупреждали историков о серьезной ошибке тех, кто, желая составить мнение о жизни человека или эпохи, пытается судить о них по сумме идей данного времени, не проникая глубже в слой верований, всего того, что обычно не выражается [12, с. 467]. Архетипическое сознание «проглядывает» сквозь исторически изменчивые модификации.

В первом среди мифов нартского эпоса – о рождении Сосруко – содержатся весьма интимные подробности: «Придя на реку, Сатаней закатила рукава, подняла подол выше колен, оголив свои белые ноги до колен, присела на камень и так – сидящую – ее увидел с другого берега реки нартский пастух Сос. Затрепетало его сердце, рассыпавшись на мелкие кусочки, размягчив его силу, неудержимо охватило пламенем его тело, и, не владея собой, Сос почувствовал к Сатаней сильное влечение. Не умея сдержать свое семя, он пустил его поверх реки, и волны не потопили его, а понесли дымящимся прямо к Сатаней. Когда Сатаней почувствовала его приближение, она встала с камня и уклонилась. Волны выплеснули семя на камень, и он забеременел. Сатаней загадала последить за этим камнем девять месяцев и девять дней и принесла его домой»[1] [10, с. 41].

В другом варианте: «От взгляда Сатаней пастух вспыхнул. И этот огонь опалил сердце Сатаней так, что она в изнеможении присела на прибрежный камень»[2] [10, с. 68].

Тексты сочетают в себе физиологически натуралистическое описание сексуального влечения и зачатия с высоко опоэтизированным описанием эротических переживаний персонажей. В то же время эти подробности имеют пределы, позволяющие создать миф о непорочном зачатии, сюжет которого является сквозным в мировой мифологии. В контексте нашего исследования важен не только и не столько символический смысл мифа, а его прикладной характер в процессе сексуального воспитания молодежи. Опубликованные записи нартских сказаний сделаны со слов народных исполни-

[1] Перевод автора.

[2] Перевод автора.

телей разного возраста в разное время (с XIX в. до второй половины XX в.), но рассказывались они почти всегда старшими для младших. При подчеркнутой сдержанности в выражении чувств и почтительном отношении к старикам подобные публичные откровения между поколениями и полами кажутся несовместимыми с традиционными нормами морали адыгов. Однако подобные устные формы воспитания играли роль теоретической подготовки к «взрослой» сексуальной жизни. Это, видимо, имело свои положительные последствия, так как ни полевой, ни фольклорный материал не дают нам ни одного примера душевных расстройств на сексуальной почве, как нет примеров и явного сексуального насилия в быту.

Сексуальная культура общества содержит набор стереотипов мышления и поведения, моделей сексуальности. Мифология, сконцентрировав основные архаические понятия и воззрения, формирует сексуальное сознание народа. Рассказываемые без купюр в любой аудитории, мифологические тексты способствовали выработке в социуме признания права женщины на эротическую инициативу. Это указывает на ментальную свободу адыгских женщин распоряжаться своим телом и проявлять половые потребности, хотя в европоцентристском сознании принято считать это привилегией мужчин. Таким образом, это не согласуется с устоявшимся взглядом на горянку как на пассивное существо, подавляемое властью мужа или отца.

Интериано приводит любопытное свидетельство свободного ухаживания за девушкой: «У них позволяется лапать девушек, их дочерей по всему телу от головы и до ног, особенно в присутствии родителей, хотя полового акта никогда не допускают. А когда чужеземец-конак расположился отдохнуть или же уснет и пробудится ото сна, эти девушки самым любезным образом ищут у него блох…» [5, с. 51].

Первую часть приведенного свидетельства многие исследователи расценивают как указание на пережиток бытования на Северном Кавказе древних обычаев гостеприимного гетеризма. Так ли это? Истребление вшей – это, конечно, гигиеническая процедура, но имеющая вполне общественное значение. Интериано подчеркивает, что таким образом дочери хозяина дома ухаживают за гостем, с которым установлены куначеские отношения искусственного родства, то есть этот интимный жест вежливости избирателен и обращен к кунаку – почти родственнику. Автор знаменитой книги «Монтайю, окситанская деревня» Ле Руа Ладюри считал, что в сознании средневекового обывателя «давить друг у друга вшей было знаком доброй дружбы… Отметим, что роль ищущего вшей всегда исполняется женщиной, причем не обязательно служанкой с низким статусом… Искание вшей укрепляет или намечает семейные узы и нежные связи, оно предполагает отношения родства и даже близости» [7, с. 166–167].

Продолжением этой гигиенически интимной стороны гостеприимства можно считать обычай омовения рук и ног гостей. Это также было женской обязанностью. Префект доминиканской миссии в Каффе в первой половине XVII века Джиованни Лукка, хорошо знакомый с черкесским бытом, восхищался гостеприимством адыгов: «девушки прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги» [8, с. 71]. Абри де ла Мотрэ, путешествовавший по земле черкесов в 1711–1712 гг., рассказывал о приеме, который был ему оказан местными жителями, и среди прочего отмечал внимание и уход за ним хозяйки дома и ее дочерей. «Две дочери, младшей из которых могло быть лет одиннадцать и которая являлась совершенством красоты, старались наперебой услужить мне. Старшая из ее дочерей принялась снимать с меня обувь. Вначале я противился, рассматривая этот поступок ниже ее достоинства и считая неудобным его допустить, но мой татарин дал мне понять, что не сделать того, что она делает, противоречило бы обязанностям гостеприимства, и что это вынуждена была бы сделать сама хозяйка, если бы у нее не было дочерей… Моя обувь была не только снята, но она разула меня целиком, а ее сестра, поливая теплую воду в умывальник, поместила в него мои ноги и вымыла» [1, с. 131].

Все эти действия носят интимный характер ухаживания, но не следует их рассматривать прямолинейно сексуально. В кавказоведении законы гостеприимства и обычаи искусственного родства во многом аналогичны, следовательно, запрет на близкородственные браки и невозможность сексуальных отношений с гостем находятся в одной смысловой плоскости. Гость является – по удачному определению Я. Чеснова – лицом с исключительно ритуальным статусом, лишенным пола и потому безопасным в сексуальным отношении. Так как подобные обычаи гостеприимства соблюдались до сере-

дины двадцатого века, мы располагаем полевым материалом, подтверждающим приведенную точку зрения. Канкулова Лейля (с. Куба Баксанского района, 1926 г. рождения) рассказывала, что когда ей было лет четырнадцать-пятнадцать, она подчеркнуто ухаживала за приезжавшим к ее дяде другу, всегда мыла ему ноги, потому что он был в куначеских отношениях с семьей («он был все равно, что старший брат», то есть воспринимался как близкий родственник), но никогда не делала этого для других гостей.

Свобода в общении адыгских женщин с гостями-мужчинами всегда обращала на себя внимание иностранцев. Приведем несколько свидетельств очевидцев. Адам Олеарий в 30-х годах XVII в. писал, что черкесские женщины «даже приглашали нас зайти в их дома. Говорят, у них такой обычай: если заходят чужие посетить жен, то мужья добровольно удаляются и предоставляют гостям беседовать с женами» [11, с. 84]. Не следует, однако, преувеличивать свободу женщин и путать ее с распущенностью поведения. Тот же Олеарий признает, что «жены, тем не менее, верны своим мужьям и не соединяются плотски с другими. Побужденный любезными кивками и речами молодых женщин один из наших военных офицеров отправился к ним в дом; здесь он искал способа испытать их, дав омыть свою голову и сшить себе носовые платки; эту службу ему охотно оказали, но когда он пожелал большего, ему было отказано со словами “их мужья им доверяют, вследствие чего они должны непременно хранить им верность; в противном случае, если бы дело обнаружилось, их не стали бы держать ни мужья, ни община”. Во всем остальном, кроме сожития, они позволяли делать с собой что угодно» [11, с. 84]. От этого источника почти не отличаются записи Я. Стрейса (конец 60-х годов XVII века): «Они (*черкешенки – М. Т.*) весьма общительны и приветливы и с большой охотой позволяют, чтобы их целовали и любезничали с ними, не считаясь с тем, чужой это человек, черный или белый, и даже тут же присутствующий муж не выражает недовольства. Некоторые из наших принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними и в более близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь; но тот, кто хотел добиться большего, должен был отступить» [18, с. 101–102]. С цитированными источниками хорошо коррелируются выводы, сделанные французским этнографом Паскалем Диби о поведении европейских девушек в феодальном замке (конец XIV в.): «Невинные создания, несмотря на свои тринадцать, четырнадцать лет, не отличались показной стыдливостью в общении с кавалерами, которые, устав после утомительного пути, прибывали в замок. Вместе с другими благородными девицами они раздевали, купали гостя и натирали его тело <…> не переходя при этом определенных рамок, ибо хорошо знали, как сдержать пыл горячего кавалера и сохранить свою невинность» [4, с 104].

Независимость адыгских женщин в общении с мужчинами представляет интерес с точки зрения гендерной стратификации. Здесь не столько представлена сексуальная раскрепощенность – источники убеждают нас в целомудрии женщин, сколько отражаются неброские признаки сравнительного равенства мужчин и женщин в частной жизни, отсутствие жесткой власти или демонстративного подавления в гендерном отношении.

Однако не стоит переоценивать свободы поведения адыгских женщин. Этнографические факты и письменные источники содержат разнообразную информацию о строгости нравов адыгов. На принципе изолированности полов основываются общеизвестные установки, не допускающие нечаянных касаний (например, во время танца), праздных разговоров мужчин и женщин, в том числе – обращения друг к другу мужа и жены в присутствии посторонних, не говоря уже о взаимных ласках на людях, даже таких безобидных, как объятие после разлуки. Так, Мазиза Зашаева из селения Старый Лескен (1910–1993) рассказывала, как она встречала мужа Мурадина Зашаева после Великой Отечественной войны, с которой он вернулся на много лет позже из-за плена и последующих лагерей: «Я не посмела кинуться к нему на шею при людях, хотя сердце, казалось, разорвет грудь, и он стоял и просто смотрел на меня полными слез глазами…».

Зато скрытые стенами *лагунэ* – супружеской комнаты – муж и жена должны были быть предупредительны друг к другу в выполнении супружеского долга. В этом отношении представляет интерес пример фольклорного характера, содержащийся в истории о Коджебердуко Мхамате [2; 9, с. 86–93]. Мхамат получил смертельное ранение, отбив пушку у неприятеля. Это было брачным условием, поставленным ему невестой – Кази Ханифой. Когда стало ясно, что ее жених умирает, для испол-

нения своей части договора девушка потребовала официального оформления брака, и в единственную ночь их супружеской жизни она разделась донага и легла рядом с умирающим мужем, крепко обняв его и согревая своим телом. Оставляя в стороне другие значения этого поступка (романтику любовных отношений, готовность к самопожертвованию, верность принятым на себя обязательствам), следует отметить здесь конкретное, неформальное понимание девушкой супружеского долга, ее своеобразной попытки избежать фиктивного брака.

Любовные интимные переживания женщин выражались языком высокой народной поэзии. Для примера приведем песню-плач о Мыхамате Хатхове, которая иллюстрирует и традиционные требования социума к женской скромности в определении чувств к мужчине, и в то же время является ярким образцом художественного выражения внутренних сексуальных переживаний женщины. Сюжет песни состоит в следующем. Основным занятием героя песни Мыхамата было наездничество. Однажды, когда он был в походе, его сестра с женой отправились к реке за водой. В это время они увидели, что в стороне от них реку переходит вброд какой-то всадник. Золовка, не узнавая в нем брата, спросила невестку: «Если тот всадник сможет перейти вышедшую из берегов разбушевавшуюся реку, то кем бы ты предпочла иметь его – братом или мужем?». Невестка, узнавшая своего мужа, ответила: «Он перейдет реку, не ища брода, потому что по нему видно его мужество. И я бы хотела иметь его мужем». Мыхамат не сразу заехал домой, а его сестра, восприняв слова своей невестки как легкомыслие и несдержанность, рассказала своей матери, что их невестка пожелала иметь проезжего всадника мужем. Когда же Мыхамат вернулся, мать категорически потребовала, чтобы он развелся с женой. Мыхамат, из уважения к материнскому авторитету, не расспрашивая о причинах подобного заявления, отвез жену ее родителям. Покинутая женщина сочинила песню-плач о своей любви к мужу, которая содержит такие сравнения: «Мне бы вернуть тебя всего на один день – [мои чувства были бы равнозначны тому, как если бы] насытить всех наших голодных; мне бы вернуть тебя на один день – [все равно, что] детей оборванных – одеть» [6].

То есть разлука с любимым равнозначна потери жизненно необходимых тепла и еды. Далее откровения женщины более интимны: «Мне бы вернуть тебя всего на день – я бы уложила тебя [уютно у себя на груди, как] под мягким лосиным выменем; мне бы вернуть тебя на денек – длинная осенняя ночь прошла бы для тебя без сна [в любовных утехах]».

Скромность в поведении адыгов и сдержанность в публичном проявлении чувств не подразумевала пуританства или полового воздержания супругов. Так, 80-летняя Альжан Дышекова (приблизительно 1885 года рождения) поучала в 60-х годах молодых соседских невесток, ссылаясь при этом на авторитет своего мужа-эфенди. Она утверждала, что Коран запрещает ложиться в супружескую постель в нижнем белье, что это все равно, что выступить против своего мужа с кинжалом (информатор Хаишат Мальбахова, 1939 г.р., с. Куба, Баксанского р-на КБР). Подобного рода беседы были своего рода «школой для молодых жен».

Допускание некоторой фривольности в отношениях полов подтверждается довоенным фольклором, распространением в сельской традиционной среде песенных текстов следующего содержания:

(от имени мужчины)

Подвинься, подвинься,
Подвинься, подвинься,
Побойся бога и пусти меня к себе

(Информатор Кулюх Кипова, 1906 г.р., с. Малка, Зольского района КБР).

Второй фрагмент – от имени женщины:

Ты протягивал губы,
Чтобы я присосалась к ним,
Называя меня «ясноглазая»,
Погубил меня.

(Информатор Кулюх Кипова, 1906 г.р., с. Малка, Зольского района КБР).

Осознавая невысокую художественную значимость этих текстов, мы, тем не менее, приводим их для сопоставления мужской и женской системы ценностей, полагая, что в подобных образцах народного творчества зафиксированы характерные для данного времени способы понимания мира, обыденные понятия, общие «фреймы» опыта, в том числе сексуального, как особого языка в рамках сексуально-репрессивной культуры. Для реконструкции картины сексуальных отношений в традиционной семье нами было опрошено несколько пожилых сельских женщин в 1998–2000 гг., рассказавших о своих старших родственниках, годы жизни которых приходятся на последнюю четверть XIX – первую половину XX вв. В целях сохранения тайны личности наших респонден-

тов, что было условием дачи интервью, мы не имеем права называть некоторые имена – это условие объясняется нетрадиционностью задаваемых вопросов, ответы на которые были получены только в силу родственных связей автора с опрашиваемыми женщинами.

В результате проведенных расспросов выяснилось, что практически во всех семейных парах гармоничные интимные отношения, предполагающие предварительные ласки, частоту сексуальных актов, их независимость от возраста, были нормой и залогом семейного благополучия. Но даже самые откровенные респонденки не признали открыто, что они сами испытывали какие-то эротические переживания. Этикетные предписания требовали проявлять чувственную сдержанность даже с наедине с мужем, или хотя бы декларировать ее. Только одна из моих собеседниц оговорилась, что «если бы женщины не испытывали определенных чувств, у них и детей бы не было», то есть беременность расценивалась как результат полученного женщиной чувственного удовлетворения. Таким образом, она соединяла понятия сексуальности и зачатия: факт ощущения оргазма, который может переживать женщина, связывается с ее репродуктивными возможностями, то есть не видится отличия женской физиологии от мужской, в которой сексуальная активность прямо пропорциональна репродуктивной активности.

Одна из женщин рассказывала о своих родственниках М-вых – Темрюко (приблизительные годы жизни 1879–1966) и Маржан (1882–1962), у которых регулярные сексуальные отношения продолжались до самой смерти. По рассказам домочадцев, то же относится к А-вым Тыре (1870–1841) и Гуашене (1885–1960), Т-вым Мухамед-Мырзе (1871–1953) и Нашхо (1870–1969), которые по старости, когда многие условности могут уже не соблюдаться, позволяли себе не скрывать особых чувств по отношению друг к другу перед младшими. Эти чувства не демонстрировались явно, а высказывались в полушутливой форме. Видимо, относительная свобода в проявлении чувств должна была подразумевать снижение сексуального интереса у стариков, как вышедших из репропродуктивного возраста. Однако это противоречило реальному положению дел. А.Р. родилась у своих родителей, когда ее отцу было уже 68 лет. Значительно более молодая жена стеснялась перед соседями столь явного подтверждения супружеской страсти и рассказывала потом дочери, что чуть не спровоцировала выкидыш.

Вопрос о контрацепции напрямую связан с вопросом раскрепощения женщин в сфере интимных чувств. Факт владения различными противозачаточными приемами до начала XX в. не представляется очевидным. И так как наши опросы о народных способах контрацепции не дали определенных ответов, то надо полагать, что женщина именно в период менопаузы, позволявшей избежать нежелательной беременности, могла быть менее чувственно сдержанной.

Все сказанное подводит нас к заключению о том, что в сознании адыгов сексуальные отношения не носили греховный характер, а женщина не считалась источником этого греха, как это было свойственно средневековой христианской морали. Более того, женщина обладала правом на удовлетворение своих сексуальных потребностей. Ее сексуальность не носила характера жертвы, подчиненной в интимной жизни агрессии и власти мужчины. Половые отношения воспринимались как условие воспроизводства жизни и мирового порядка, а значит, являлись святой обязанностью каждой женщины и каждого мужчины. Посторонние не должны быть к этому причастны ни своим присутствием, ни разговором на эту тему. Интимные отношения между мужчиной и женщиной не выносились за пределы супружеской спальни не потому, что считались чем-то постыдным, а потому, что это следовало скрывать. Распущенность нравов могла нанести ущерб, а то и разрушить семейные узы, положить конец процессу продолжения рода. Дело не в «мерзостях плоти», а в сакральности процесса. Ни мифологический, ни литературный, ни этнографический материал не дает нам примеров сексуально патологического поведения адыгов, каких-либо извращений и отклонений. Мы склонны это связывать со сложившимся в адыгском этническом сознании уважительным отношением к женщине, не ассоциируемой с грехом, и с ментальным отношением к сексу, как естественному явлению, практически лишенному ограничений, но требующему строгого сохранения интимности, такта и некоторых форм избегания.

Библиографический список

1. Абри де ла Мотре. Путешествие господина А.де ла Мотре в Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.
2. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.
3. Гейл Рубин. Размышляя о сексе // Введение в гендерные исследования. Ч.2: Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков, СПб., 2001.
4. Диби П. Этнология спальни. М., 2004.
5. Интериано Д. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 43–52.
6. КъардэнгъущI Зырамуку. Хэтх Мыхьэмэт и гъыбзэ // Адыгэ псалъэ. 24.12.2005.
7. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.
8. Лукка Д. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жака де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.
9. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 3. Ч. 2. Сост. В. Барагунов, З. Кардангушев.
10. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
11. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.
12. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Эстетика. Философия культуры. М., 1992.
13. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб, 2017.
14. Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
15. Пушкарёва Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.
16. Пушкарёва Н.Л.. Русская женщина: история и современность. М., 2002.
17. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
18. Стрейс Я.Я. Описание города Терки // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974.

Е.И. Трофимова

Россия, г. Москва, Союз писателей г. Москвы

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРЫ КОЛЛОНТАЙ

Критика феминизма заняла прочное место в общественном сознании. Причём молнии мечутся с разных сторон: и слева и справа. Однако существует проблема, которая весьма запутывает все это критиканское многообразие, порой превращая его в хаотическую ругань. Дело в том, что «феминизмов», а точнее – эмансипационных проектов, существует довольно много: от крайне радикальных до весьма умеренных, стремящихся к постепенной, осмысленной эволюции гендерных стереотипов.

И вопрос этот возник не сегодня. В декабре 1908 г. на I-ом Всероссийском женском съезде разыгралась весьма острая баталия между представительницами буржуазного феминизма и сторонницами марксистского подхода к решению «женского вопроса». Все были недовольны существующим положением, все говорили о необходимости равноправия. Однако исходные позиции были разные. Одним казалось, что нужно сосредоточиться на культурной и образовательной работе, расширять сеть благотворительных организаций помощи женщинам, другие считали, что без радикальной смены политического и экономического порядка никаких реальных перемен не будет. К сторонницам последней точки зрения относится одна из ярчайших представительниц марксистской версии феминизма Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), обладавшая недюжинными публицистическим и литературным талантами.

Провозглашённый К. Марксом «Коммунистический манифест» предполагал коренную революцию не только в политике, экономике, социальной сфере или культуре. Не менее важной мыслилась и коренная перестройка человеческих отношений. Говоря современным языком, предполагаемый основателями коммунистической доктрины «прыжок из царства необходимости в царство свободы» должен был с неизбежностью трансформировать и гендерные стереотипы, понятия о мужественном и женственном, об отношении и взаимодействии полов и их культурно-символической репрезентации в обществе.

Данный проект, по сути, представлял новую эманацию хилиазма, т.е. попытки построения на земле тысячелетнего царствия Божия, правда, без самого Бога, функции которого передавались новому «общественному человеку», должному возрасти из самого передового класса – пролетариата. Мессианская подоплёка проекта проявилась не только в том, что ставилась задача осуществить в грешном дольнем мире полное торжество многих евангельских заповедей, но и в том, что построение коммунистического общества означало конец прежней истории с ее постоянной борьбой добра и зла и сменой исторических формаций. Имманентный хилиазм провоцировал превалирование веры и воли в идеологической и государственной практике большевизма, приуменьшение или даже игнорирование им роли материальных и бытовых сторон реальной жизни. В этом контексте мы можем более полно понять и правильнее оценить идейное наследие и деятельность выдающихся революционеров, в том числе и такой яркой фигуры, какой была А.М. Коллонтай.

Стремление кардинально изменить реальность не появляется на пустом месте. Социальные утопии рождаются от вопиющей несправедливости. Этим объясняется факт, что в революцию нередко идут и те, кто принадлежит к привилегированным или материально обеспеченным слоям. Для Коллонтай толчком, приведшим ее к активной революционной деятельности, стало посещение в марте 1896 г. крупнейшей текстильной фабрики России близ Нарвы. Ее потрясло то, что она увидела: «Рабочие жили как в тюрьме. <…> ужасны были санитарные условия труда <…> Комнаты были заполнены деревянными нарами <…> Спали вповалку – женатые и холостые». На вопрос о лежащем мёртвом ребёнке «шестилетняя няня спокойно ответила: “С ними это бывает, они помирают среди дня. В шесть часов тётя придёт и его уберёт”» [3, с. 167–168]. Неудивительно, что в среде людей, низведённых капитализмом на уровень животных, вызревала жгучая ненависть, которая дала кровавые плоды в Октябре 1917 г.

Основные представления о женщине будущего складывались у Коллонтай, вероятно, в первое десятилетие XX в. по мере все большей и большей вовлечённости в деятельность российской социал-демократии, изучения марксистской теории и знакомства с “женским вопросом”[1] как в России, так и за рубежом. Здесь важно отметить, что до 1906 г. основной акцент в своих статьях она делала на общесоциальные проблемы: на положение рабочих, на классовую борьбу, на разъяснение позиций социал-демократии. При этом изучение “рабочего вопроса” давало обширную информацию о ещё более бедственном положении женщин на работе и в семье. Можно также предположить, что и брачная интрига собственной жизни заставила ее более глубоко задуматься над этими сторонами современного бытия.

К концу 1905 г. основные представления о путях решения “женского вопроса” в целом у нее сложились. Социалистические идеи соединились с приобретённым опытом. Основной мыслью для Коллонтай стала аксиома органической связи развития классовой борьбы, социалистического переустройства общества с изменением места и роли женщины в системе социальных и культурных отношений. Говоря современным языком, изменение гендерных стереотипов для Коллонтай было неразрывно связано с системной и радикальной модификацией общественных институтов. Таким образом, вырабатывалась определённая позиция, позволявшая вести полемику со сторонниками иных путей по изменению статуса женщины в обществе. «Зимой 1906 г. мне приходилось <…> сражаться с феминистками, отстаивая мысль, что для социал-демократии нет отдельного женского вопроса, <…> читать ряд открытых лекций на тему о роли женщины в хозяйстве в связи с задачей всестороннего раскрепощения женщины» [3, с. 209].

Следует заметить, что поведенческие, в том числе и гендерные, стереотипы были весьма сильны и среди тогдашних сторонников освобождения человечества. Сочувствие Коллонтай «встречала только среди самих работниц», партийные же товарищи к ее словам относились «либо скептически, либо равнодушно» [3, с. 209].

В 1908 г. она приняла участие в I Всероссийском женском съезде и опубликовала статью «Женщина-работница в современном обществе», где системно и развёрнуто изложила свои взгляды. Работа построена на полемике с участницами феминистского движения, на критике тех

[1] См.: Коллонтай А.М., Жилища финляндских рабочих // Русское богатство. 1902. № 7; Социализм в Финляндии // Заря. 1902. № 4; К вопросу о классовой борьбе. СПб.,1905; Проблема нравственности с позитивной точки зрения // Образование. 1905. № 9, 10; Финляндия и социализм. СПб., 1906; Кто такие социал-демократы и чего они хотят? СПб., 1906.

позиций, которые отрывали женщину от происходивших в обществе социально-экономических процессов. Коллонтай указывает, что важнейшим стимулом борьбы за равноправие стало все более значительное участие женщин в общественном производстве: «Напрасно воображают борцы за женское равноправие, что двери профессиональной деятельности <…> откроются перед женщиной вместе с ростом ее самосознания; нет, это <…> наступает лишь с приобщением женщины к армии самостоятельно трудящегося населения» [2, с. 792]. Итак, базовым фактором, характеризующим женщину будущего, становится ее активное участие в экономических процессах, равноправие в отношении доступа к профессиям и по оплате труда, что представляется важнейшей целью нового государства. Эта идея, с которой как будто бы были согласны и феминистки, и социалистки, в действительности понимается ими по-разному. И здесь А. Коллонтай усматривает роль классового принципа, разграничивающего понимание экономического равенства. «…В то время как буржуазная женщина с гордо поднятой головой вступает в открывающиеся перед ней двери интеллигентных профессий, пролетарка уже давно успела проклясть ту хвалёную свободу труда и профессий. [И она], изведавшая до дна весь ужас капиталистической эксплуатации наёмного труда, требует от государства вмешательства в область “свободы договора” между трудом и капиталом. Не свободы труда добивается она, а нормировки рабочего дня, запрета ночной работы и других постановлений, ставящих предел алчному использованию капиталом ее трудовых сил» [2, с. 793]. В данной антитезе Коллонтай конкретизирует смысл и способ экономической эмансипации женщины, подчёркивая, что она не должна быть «верхушечным» формальным действием, но – затрагивать женскую проблематику во всей ее глубине и разнообразии. Здесь содержится мысль, что в движении к будущему нельзя ориентироваться лишь на группу избранных, как бы очевидны и справедливы ни были их требования. Без решения проблем и подлинной эмансипации женских трудовых масс движение вперёд невозможно.

Значительное место в статье уделяется и такой вопиющей форме проявления угнетения и эксплуатации женщины, которой является проституция. Вполне в духе марксисткой теории Коллонтай усматривает два источника проституции: меркантильный дух буржуазного брачного договора и безжалостную эксплуатацию трудящихся женщин, у которых заработок «достаточно высокий, чтобы не умереть с голоду, но слишком низкий, чтобы жить человеческой жизнью». Автор говорит о колоссальных размерах современной проституции, особенно в больших городах: в Лондоне было свыше 250 тысяч проституток, в Париже – 100 тысяч, в Петербурге – от 30 до 50 тысяч. Проституция начинает охватывать самые различные слои европейского общества, это не только обманутые «девушки, но нередко и законные жены рабочих, крестьян <…>, которые только этим оказываются в состоянии поддерживать существование своих близких». Коллонтай показывает всю тщету мер, предлагаемых феминистками того времени, для лечения этого социального порока. Ни приюты «кающихся Магдалин», ни общества для духовно-нравственного воспитания работниц, ни борьба с врачебно-полицейским надзором результатов не дадут. «…Капитал… день за днем будет выбрасывать все новые и новые жертвы «общественного темперамента». Загнанная в подполье или нагло выставляющая себя напоказ, проституция будет продолжать отравлять общественную атмосферу, служа источником наслаждения для одних, неся болезнь, отчаяние и горе другим…» [2, с. 795–796].

В противоположность современному положению женщина должна быть избавлена от ситуаций, принуждающих ее к торговле своим телом. Важную роль, конечно, имеет экономическое равенство – равная с мужчиной и справедливая оплата труда. Немаловажное значение имеет и сокращение рабочего времени, что не только сохранит здоровье и силы, но и предоставляет женщине досуг для ее внутреннего развития через образование, приобщение к культуре. На страницах ее статьи затрагивается и тема «свободной любви», которая займет особое место в предреволюционной и послереволюционной дискуссии по «женскому вопросу». Не отрицая важности этой проблемы и подчёркивая, что брак должен стать свободным союзом свободных людей, А. Коллонтай в то же время не видит возможности его осуществления при капиталистической системе и указывает, что призыв феминисток к свободе любви, сожительства и материнства уже существует де-факто среди женщин рабочего класса. Но вместо освобождения эти «свободы» приносят им лишь дополнительные невзгоды. Так что же

предлагают им феминистки? «“Отбрось ветхие моральные заботы, стань свободной возлюбленной и свободной матерью. <…> Как будто эти лозунги уже давно не стали для женщины рабочего класса слишком реальной действительностью! Как будто все дело во внешних обрядовых формах, а не в окружающих социально-экономических отношениях, определяющих собой сложные семейные обязанности пролетарской женщины!» [2, с. 794–795].

Здесь же автор обращает внимание и на вторичную, казалось бы, для ее классовой позиции проблему, касающуюся эмансипации женщины и в области любви. Патриархальная гендерная калька предусматривает обязательную для женщины сферу домашнего труда, ведение хозяйства, так называемую заботу о членах семьи. По сути, это способ дополнительной эксплуатации женщины, лишения ее творческого досуга, преграда на пути обретения реальной свободы. Именно поэтому в будущем социуме должен быть решён вопрос о кардинальной реформе устройства быта, развитии социальных институтов, освобождающих женщину от изнуряющего бремени бытовых забот. «Брачный и семейный вопрос лишь в том случае утратил бы свою остроту для большинства женщин, если бы общество дало ей социальную защиту, сняло с нее все мелочные хозяйственные заботы, неизбежные сейчас при ведении расчленённых хозяйств, если бы оно охраняло материнство и вернуло бы мать ребенку в первые месяцы его жизни» [2; с. 794–795].

Мысль о любви, а точнее, о сущности и проявлении интимных отношений в новом обществе стала актуальной для Коллонтай после победы Октябрьской революции, когда, как казалось многим, появились широчайшие возможности для коренного изменения социальных связей, в том числе и отношений полов (подобного рода перемены наблюдались и в реальной жизни). Мессианская природа большевистской революции провоцировала всякое явление бытия рассматривать в широком философском, социальном, культурном и экономико-политическом контексте. Тем более, что корни марксизма частично уходили в глубины классической немецкой философии с ее метафизической, универсалистской традицией. И Коллонтай считала, что понятие любви как одной из наиважнейших сторон бытия не может оставаться частной проблемой отдельного индивида, но должно быть вписано в общую аксиологию преображённого революцией человека.

Она чувствовала необходимость осмысления происходивших в обществе процессов, включение их в то, что она понимала как репрезентацию новой женщины. Здесь следует отметить, что большевизм, как впрочем и практически все другие современные ему движения, концентрировался в основном на экономико-политических аспектах, и Коллонтай «была одной из немногих марксистов, сомневающихся в автоматическом решении женского вопроса посредством социалистической революции и была единственной авторитетной женщиной в руководстве, способной какое-то время влиять на гендерную политику в России» [5, с. 11].

Показателен ее рассказ «Любовь трёх поколений» (1923 г.). Там повествуется об эволюционном понимания свободной любви на примере судеб трёх женщин одного семейства – бабушки, дочери и внучки. Причём все они представляют передовые слои русского общества: старшая, Мария Ольшевич, была типичной «культурницей» 90-х годов XIX века, исповедовавшей народнические взгляды; ее дочь Ольга Веселовская стала марксисткой-подпольщицей, а самая младшая, Женя, – молодая большевичка постреволюционных десятилетий. Итак, для рассказа выбраны те персонажи, в которых наиболее остро должны были проявиться тенденции к эмансипации, прежде всего – в любовной сфере.

Бунт бабушки выразился в уходе от мужа-офицера и двоих сыновей к земскому врачу Сергею Веселовскому, которого Коллонтай характеризует как персонажа, «взято[го] из Чехова, со всем неопределённым идеализмом, вечным стремлением куда-то, в неизвестное, с большой любовью вкусно поесть…[и]…скорб[ью] о “народной темноте” …» [4, с. 9]. Разрыв брака не был спонтанной данью возникшей страсти: Мария имела достаточно твёрдые убеждения по этому вопросу. «Она… не боролась со своей любовью, считая, что любовь имеет больше прав, чем “супружеский долг”. И “играть с чувством” – она не умела и не считала достойным» [4, с. 10].

Следующее поколение (дочь Ольга) явило иное понимание свободной любви: она одновременно поддерживала связь с двумя мужчинами. Первый, Константин, революционер-подпольщик, видный член «Союза борьбы», под влиянием которого Ольга превратилась в марк-

систему. Следует отметить с виду формальную деталь: если ее мать, уйдя к любимому, стала жить с ним в рамках законного брака, то дочь сознательно игнорирует этот институт: «Мы сошлись. Но из «принципа» брака не заключили». Вторым ее партнером стал либерально настроенный инженер М. Если с первым ее объединяли, прежде всего, политические взгляды, то ко второму Ольгу влекло непреодолимое страстное чувство. «Я ненавидела его взгляды, привычки, образ жизни и до тоски любила его самого, со всеми его слабостями, со всеми свойствами, которые так противоречили тому, что я ценила и любила в людях…» [4, с. 19].

Третий этап эмансипации – это рациональное разделение чувства и страсти, душевной близости и физиологического влечения. Женя «хладнокровно» вступает в связь с несколькими мужчинами, в том числе и с нынешним гражданским мужем матери Андреем Рябковым. И это не разврат, не слепое следование страсти. Женя исповедует то, что можно назвать принципом «приятельства и равенства» в интимных отношениях. «Мама не решила [проблемы], потому что любила обоих и оба ее любили… Все страдали и изводили друг друга, а потом возненавидели и разошлись врагами <…> Я ни с кем “врагом” не расстаюсь. Кончилось, перестал нравиться – ну и все тут» [4, с. 46]. Она достаточно ясно проводит раздел между понятиями «нравится» и «люблю». «Если мне предложили бы жить всегда с Андреем, нет: покорно благодарю! С ним хорошо, весело, просто, но…» [4, с. 45]. Здесь, по сути, говоря сегодняшним языком, формулируется позиция сексуального эгалитаризма, где женщина в сфере любовных отношений наделяется теми же правами свободного выбора партнёра, какими обладает мужчина. Правами свободной ассоциации и диссоциации, правами следования своим чувствам и внутренним импульсам, правами устанавливать связи и их прекращать. Но новая ипостась свободы, этот воплощающийся в жизни проект «новой женщины» смущает не только Ольгу, но и рассказчицу, которая слушала все эти исповеди. «…Я ищу ответа: на чьей стороне будущая правда? Правда нового класса, с новыми чувствами <…> понятиями, устремлениями?» [4, с. 51].

Коллонтай пытается дать ответ на этот вопрос в статье 1923 г. «Дорогу крылатому Эросу!». Там, наряду с историческим очерком эволюции концепта любви, понимаемой автором как дихотомия «Эроса крылатого» и «Эроса бескрылого» (т.е. любви духовной и плотской), даётся развёрнутое определение «любви-товарищества», что должно, по мнению автора, стать базовым принципом межполовых отношений в новом социалистическом обществе. Суть этого принципа заключается, прежде всего, в том, что «мораль рабочего класса… отбрасывает внешнюю форму, в которую выливается любовное общение полов» [1, с. 289]. Коллонтай подчёркивает, что внешняя, юридическая, форма союза между мужчиной и женщиной, столь важная для буржуазного общества, а также хронологическая длительность этого союза в рамках новой морали не имеют никакого значения. То есть, имущественная сторона партнёрства в новом обществе должна отмирать вместе с отмиранием института частной собственности. Акцент переносится на внутреннюю, сущностную сторону любви: нужно требовательнее относиться «к содержанию любви, к оттенкам чувств и переживаний», то есть к тем душевно-духовным качествам, которые, по мнению Коллонтай, служат развитию и закреплению чувства товарищества. «Признание взаимных прав и умение считаться с личностью другого, <…> стойкая взаимная поддержка, чуткое участие и внимательная отзывчивость на запросы друг друга, при общности интересов или стремлений – таков идеал любви-товарищества, который выковывается пролетарской идеологией взамен отживающему идеалу «всепоглощающей» и «все исключающей» супружеской любви буржуазной культуры» [1, с. 290]. Нет сомнения, что перед нами программа гендерной деконструкции, пересмотра символико-культурной репрезентации полов в социуме, аксиологическая перестройка общественного сознания, всеобъемлющая ревизия смыслов, наполняющих понятия «женственности» и «мужественности».

Работы Коллонтай содержат некоторые тенденции, которые в дальнейшем были глубоко осмыслены и разработаны в трудах таких представителей постструктурализма и феминизма, как Ю. Кристева, Л. Иригарэй, С.де Бовуар, М. Фуко, Ж. Бодрияр, Ж. Деррида и др. Одна из этих тенденций – попытка ввести в оборот новую терминологию через понятия «Эрос крылатый», «Эрос бескрылый», «любовь-товарищество», «товарищ-соратница», которые должны

были не столько выражать, сколько создавать новые смыслы, трансформируя язык и делая его более гендерносбалансированным. Конечно, это были ещё трудноуловимые, латентные усилия генерации новых лингвистических инструментов для освобождения речи от патриархатных клише. Другим важным аспектом была мысль о движении к равенству полов через десексуализацию общества, то есть через отказ от отношения к женскому телу как объекту потребления. Именно этим обусловлено резко отрицательное отношение Коллонтай к проституции, которой она противопоставляет истинную свободу любви, основанную на принципе взаимного равенства и уважения полов.

Все это достаточно органично вписывается в тот авангардистский историко-культурный проект, который пытались осуществить большевики в России. Полное преображение общества, радикальная трансформация всех без исключения социальных институтов, замена принципа целесообразности и выгоды принципами равенства и справедливости. Важным моментом была системность этих изменений, каждый элемент был взаимосвязан с другим: экономика влияла на политику и наоборот, материальный и духовный мир постоянно взаимодействовали, сфера любви распространяла перемены на всю сознательную ткань общества. «Коллективизм духа и воли, – писала Александра Михайловна, – победит индивидуалистическое. Исчезнет “холод душевного одиночества”, от которого люди при буржуазной культуре искали нередко спасения в любви и браке: вырастут многообразные нити, переплетающие людей между собой душевной и духовной спайкой. Изменятся чувства людей, и без следа пропадет, затерянное в памяти былых веков, неравенство между полами и какая бы то ни было зависимость женщины от мужчины» [1, с. 291].

Авангардистская идея гендерной революции получила довольно широкий отклик в 1920-е годы. В элитарных слоях социума она обретала форму «семейных партнерств» (вспомним сожительство Бриков и Маяковского). В более низких стратах общества широко применялась практика свободного «схода-развода», неформального сожительства, игнорировавшего институт брака[1]. Материализацию идеи «любви-солидарности» можно усмотреть и в конструировании новых социально-бытовых пространств, в частности нескольких домов-коммун, где архитектурные и планировочные решения как бы провоцировали новые формы контактов населяющих их жильцов.

Однако к концу НЭПа этот процесс явно пошел на спад. Во-первых, менялась общая философия большевистского проекта. Стало очевидным, что мировая революция откладывается: неудачи коммунистических восстаний в Германии и Венгрии лишали «мировой пожар» перспективы и ослабляли позиции пассионариев-авангардистов в большевистском руководстве. Это вызывало к жизни второй фактор: на смену романтикам-ультрареволюционерам приходили трезвые государственники, которым предстояло строить социализм уже в отдельно взятой стране. В-третьих, менялся и демографический состав партии: в нее, особенно в периоды чрезвычайных наборов, массово вливались не только пролетарии, но и крестьянские массы. Понятно, что у этих людей, в лучшем случае имевших весьма поверхностные представления о марксизме, преобладали, особенно в семейно-любовной сфере, архаические, патриархатные архетипы.

Итак, процесс гендерной деконструкции, активным участником и мотором которой была Коллонтай, сначала замедлился, а затем пошёл вспять. К 1930-м годам в Советском Союзе был восстановлен институт регистрируемого брака, семья вновь обрела символико-культурную дифференциацию с жёсткой маркировкой «женского» и «мужского», проблема равенства полов стала связываться в основном с областью экономики и политики. Абсолютизировалась роль производства как средства «перековки» старого человека в нового, теоретическое же наследие предыдущих десятилетий стало забываться.

Преображение женщины для А.М. Коллонтай были невозможно без коренного изменения внешних обстоятельств и внутренней ментальности. Внешние перемены она связывала с социалистической революцией, призванной заменить формальное, буржуазное равенство на реальное правовое пространство, где полностью исчезали какие-либо признаки подчинения одной общественной группы другой.

[1] См. Кісь О. Українки в ГУЛАГу: вижити значить перемогти / Інститут народознавства. – Львів: Інститут народознавства, 2017. Глава. Материнство за гратами. С. 235–252; Максимова Л.А. Материнство в лагерях ГУЛАГа // Гендерная теория и историческое знание: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Павлов. Сыктывкар, 2003. С. 271–277.

Однако Коллонтай прекрасно понимала, что самые радикальные новации автоматически не отменяют норм обычного права, в котором консервируются вековые патриархатные отношения. Но в последних все же идёт процесс ломки гендерных стереотипов, трансформация смыслов, переосмысление понятийного арсенала, напрямую влияющих на поведенческую практику социума. Именно поэтому так волновала ее проблема любви, именно поэтому она так настойчиво стремилась принизить значение ее сугубо сексуальной стороны в пользу бихевиористского аспекта.

В понятии «свободная любовь» для нее принципиально важным было первое слово, понимаемое не как апология анархических, беспорядочных сочетаний, но как правда и неангажированность чувства. Свобода для Коллонтай представлялась тем мощным внутренним инструментом, который был способен демонтировать бытующие в сознании представления и предрассудки патриархатной власти, генерировать не декларативное, а сущностное равенство женщины и мужчины.

В чём же актуальность взглядов Коллонтай для современной России? Ответ связан с пониманием того исторического поворота, который переживает наша страна. Реставрация капитализма, произошедшая в начале 1990-х годов, реанимировала социальные реалии, которые советским людям представлялись навечно погребёнными историческими мертвецами, это касается и буржуазных форм угнетения женщин. Чтобы там ни говорилось о советском периоде (а в нём было и плохое), все же тогда было немало сделано для женского равноправия и в политическом, и в экономическом, и в бытовом отношении. Женщины получили равный с мужчинами доступ к любому виду образования, почти к любой профессии, к любой форме политической деятельности. Огромные успехи были достигнуты в санитарном просвещении, в женском здравоохранении, охране детства, в образовании и просвещении общества в целом. Доказательством служат данные о постоянном росте продолжительности жизни как женщин, так и мужчин. Стоит упомянуть и об огромном количестве яслей и детских садов, которые значительно расширяли возможности активности женщины во всех сферах жизни. А сколько в эти годы появилось выдающихся писательниц, поэтесс, художниц, композиторов, режиссёров!

Увы, сегодня во многих областях наблюдается регресс и деградация. Женщина все более и более становится объектом экономической и сексуальной эксплуатации. И не только у нас в России. Проституция, местами окультуренная, огламуренная, принимающая вид различного рода «экскортных» служб или салонов тайского массажа, «радует» глаз туриста на всех континентах. Всякая, вызывающая эротические ассоциации, часть женского тела тиражируется и смакуется в рекламной продукции. Даже спортсменок для подманивания публики на стадионы заставляют рядиться в сексуализированные наряды. А появившиеся стаи «стерв» – охотниц на олигархов – наглядно демонстрируют «железную пяту» капитала, готовую при необходимости принуждать женщину к самым унизительным формам поведения и давить любые ростки женского равноправия.

Все это, на мой взгляд, подтверждает правоту Александры Коллонтай о поверхностности, недостаточности буржуазных моделей феминизма, так и не сумевших внести подлинные изменения в жизнь российского общества. Это же заставляет нас вновь внимательно перечитывать ее работы.

Библиографический список

1. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу // А.Коллонтай: радикальный проект женской эмансипации. Тверь, 2001.
2. Коллонтай А.М. Женщина-работница в современном обществе // Труды I-го Всероссийского женского съезда. СПб. 1908.
3. Коллонтай А.М. Летопись моей жизни. М., 2004.
4. Коллонтай А.М. Любовь трёх поколений // Любовь пчёл трудовых. Из серии рассказов «Революция чувств и революция нравов». М., 1923.
5. Успенская В.И. А. Коллонтай: радикальный проект женской эмансипации // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Материалы междунар. науч. конф., 11 марта 2002 г., г. Тверь. Тверь, 2003. С. 11–29.

В.О. Шаповалова
США, г. Сан-Диего, Университет штата Калифорния

МАТЕРИНСТВО: ГОЛОСА ИЗ ГУЛАГА

В женской мемуаристике тема материнства – одна из самых главных. Как пишут о материнстве женщины, прошедшие тюрьмы и лагеря советской эпохи? Материнство в ГУЛАГе[1] представляет собой уникальное явление в силу того, что тюрьма и лагерь по сути своей не предназначены для пребывания в них ни женщин, ни тем более женщин с детьми. Тема материнства в местах лишения свободы в Советском Союзе никогда глубоко не рассматривалась ни историками, ни социологами, ни литературоведами[2].

Свой анализ я основываю на женских мемуарах, письмах, записанных и отредактированных интервью, в которых отражена тема материнства. Из более сотни мемуаров для данной работы я выбрала те, которые были написаны представителями всех слоев общества, и которые охватывают практически весь период существования ГУЛАГа.

Советская карательная система никогда не была направлена специально на женщин, за исключением преследования по законам, связанным с сексуальной сферой: женщины преследовались за проституцию[3] и за совершение криминального аборта[4]. В подавляющем большинстве случаев женщины *входили* в состав различных общественных и социальных групп и, таким образом, попадали в разряд классовых, уголовных и политических преступников. Они становились неотъемлемой частью населения ГУЛАГа. В ГУЛАГ попадали женщины из всех слоев общества, женщины разных национальностей и вероисповеданий. У каждой из них был свой образ хорошей матери и свой стереотип материнства, основанный на идеологии, традициях, ритуалах, нормах поведения и политических доктринах того общества, из которого они попали в ГУЛАГ. В свою очередь, ГУЛАГ формировал свои правила и законы жизни.

Жизнь в лагере или в тюрьме – это жизнь в экстремальных условиях, связанная и с физической, и с психологической травмой. Воспоминание о травме (и тем более запись событий, связанных с ней) – это вторичное переживание этой травмы, что часто становится непреодолимым препятствием для мемуариста. Об этой травме писала в дневнике Ольга Берггольц: «Я даже здесь, в дневнике (стыдно признаться) не записываю моих размышлений только потому, что мысль: «Это будет читать следователь» преследует меня ... Даже в эту область − в мысли, в душу ворвались, нагадили, взломали, подобрали отмычки и фомки ... И что бы я не писала теперь, так и кажется мне – вот это и это – будет подчеркнуто тем же красным карандашом со специальной целью, – обвинить, очернить и законопатить .... о позор, позор!» [3, с. 35–36]. В то же время запись событий, связанных с физической и психологической травмой, во многих случаях ведет к обретению внутреннего покоя и эмоционального равновесия[5]. Отсюда и проистекает неосознанное стремление рассказать или написать о событиях, которые оставили тяжелый след в памяти[6]. В русской женской литературно-мемуарной традиции XIX века существовали определенного рода табу на детальное описание физиологических функций, родов, физического насилия над женщинами и т.д. Эти темы не подлежали обсуждению и не являлись предметом литературного повествования. Лагерь с его упрощенной моралью, казалось бы, должен был свести на нет многие табу «большой зоны». Тем

[1] О проституции в Советской России. См.: Бонер В.М. Проституция и пути ее ликвидации, Москва-–енинград, 1934; Лебина Н.Б., Шкаровский М.Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) М., 1994.

[2] По постановлению ВЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. врач, совершивший незаконный аборт, подвергался тюремному заключению сроком от трех до пяти лет. Женина, сделавшая аборт и отказавшаяся сотрудничать с властями, получала срок от года до трех лет.

[3] Скриптотерапия была отмечена еще Фрейдом, когда он посоветовал Хильде Дулитл записать все события, связанные с травмой, нанесенной Первой мировой войной.

[4] По постановлению ВЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. врач, совершивший незаконный аборт, подвергался тюремному заключению сроком от трех до пяти лет. Женина, сделавшая аборт и отказавшаяся сотрудничать с властями, получала срок от года до трех лет.

[5] Скриптотерапия была отмечена еще Фрейдом, когда он посоветовал Хильде Дулитл записать все события, связанные с травмой, нанесенной Первой мировой войной.

[0] Шошана Фельман считает, что именно потребность рассказать о пережитом заставляла заключенных выживать в самых экстремальных условиях (19, с. 78).

не менее, большинство женских лагерных мемуаров продолжают эту традицию.

Тема материнства – одна из наиболее сложных тем для женщин, прошедших тюрьмы и лагеря. В европейской культуре сложился стереотип идеальной матери – любящей, лишенной всякого эгоизма, спокойной, отдающей себя детям без остатка. Этот стереотип был создан патриархальным обществом и превалировал во всех областях культуры и быта. Изменения, которые советская власть стремительно вносила в концепции материнства, не достигали так называемой «малой зоны» – тюрем и лагерей. Карательная система при тоталитарном строе имеет примитивно-патриархальный характер во всех своих проявлениях, в том числе и в гендерном аспекте. Материнство в ГУЛАГе было одним из видов наказания женщин. В примитивном патриархальном обществе роль женщины сводится к удовлетворению мужских сексуальных потребностей, рождению детей и уходом за домом. Лишение свободы лишает смысла роль женщины-хранительницы очага, оставляя активными две другие функции. Тюремно-лагерный язык определяет женщин в терминах материнства («мамки») и сексуальности («подстилка», «п**да» и т. д.). Словом «мамка» в тюремно-лагерном языке называли заключенных женщин с грудными детьми. Рядом с «мамками» отбывали свой срок матери, разлученные с детьми.

Материнство ни в лагере, ни на воле далеко не всегда было делом выбора. В то время как на территории Советского Союза действовало постановление ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов», лишающее женщину права распоряжаться своим телом, в тюрьме и лагере аборты не были под запретом, а наоборот, поощрялись лагерной администрацией. Более того, «каторжанкам»[1] аборты делались в принудительном порядке. Нет статистики о женщинах, которых заставили сделать аборт в тюрьме или в лагере. Нет статистики о спонтанных абортах или выкидышах, которые произошли в результате побоев и пыток. Аида Басевич вспоминала: «В коридоре, по которому меня дважды в неделю водили, лежал плод, женский плод примерно 3–4 месячной беременности. Ребенок лежал ... Это еще не человек, но уже есть ручки и ножки, и даже пол можно было различить. ... Все делалось для того, чтобы нас устрашить» [2]. Мария Капнист не была «каторжанкой», но администрация лагеря заставляла ее сделать аборт. Причиной этого послужила ревность одного из начальников лагеря, который безуспешно пытался склонить Марию к сожительству. Мария же была беременна от человека, которого она любила. Капнист рассказывала, что во время беременности работала в рудниках по 12 часов в день. Чтобы заставить ее избавиться от ребенка, ее опускали в ледяную ванну, обливали холодной водой, били сапогами. Вспоминая об этом времени, Капнист рассказывала о своей беременности как об испытании, которое выдержала не она, а ее дочь: «Как ты выжила? Это же вообще невозможно!» [11, с. 153].

Беременность могла быть и последствием изнасилования, и сознательным выбором женщины. Сам факт *выбора* материнства давал иллюзию контроля над своей жизнью. Материнство давало сознание своей необходимости для ребенка, делало возможными проявления заботы любви к своему ребенку. Хава Волович писала: «Просто до безумия, до битья головой об стенку, до смерти хотелось любви, нежности, ласки. И хотелось ребенка – существа самого родного и близкого, за которое не жаль было бы отдать жизнь» [5, с. 479].

Дочь прожила чуть больше года и, несмотря на все усилия матери, умерла в лагере. Волович не разрешили выйти за зону и похоронить свою дочь, за чей гроб она отдала пять паек хлеба. Именно свой выбор – материнство – Хава Волович считает преступлением: «я совершила самое тяжкое преступление, единственный раз в жизни став матерью» [5, с. 483]. Анна Скрипникова, побывав в подвале ЧК в 1920 г. и увидев умирающую от голода заключенную женщину с умирающим ребенком на руках, приняла сознательное решение «не быть матерью при социализме» [18].

Тамара Петкевич, автор воспоминаний «Жизнь – сапожок непарный», была студенткой Фрунзенского медицинского института, когда ее арестовали в 1943 г. В лагере Петкевич познакомилась с вольным врачом, который спас ей жизнь, направив ее в больницу и тем самым освободив от тяжелых работ. «Если бы он не

[1] В 40-е – начале 50-х годов XX в. каторжные работы применялись на основании двух секретных документов: Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и Указа от 9 октября 1951 г. Осужденные к каторжным работам размещались отдельно от остальных заключенных в специальных лагерных отделениях. К ним применялся «наиболее строгий режим содержания и изоляции, особенностями которого являлись: увеличенный рабочий день (10 часов вместо 9 в ИТК); усиленная охрана и т.д.» [10, с. 280].

выхватил меня с той лесной колонны, я давно была бы сброшена в свалочную яму. Но в этот момент вопреки здравому смыслу я поверила: этот человек любит меня. Пришло скорее смятенное, чем радостное чувство обретения. Я не знала − кого. Друга? Мужчины? Заступника?» [14, с. 231–232]. Петкевич работала в лагерной больнице и в театральной бригаде. «Факт беременности как внезапное "стоп", как протрезвляющий удар... Глодали, мутили разум сомнения. Ведь это же лагерь! После рождения ребенка предстоит пробыть здесь еще более четырех лет. Справлюсь ли?» [14, с. 258]. Ей казалось, что с рождением ребенка начнется новая жизнь. Петкевич подробно описывает тяжелые роды, которые принимал врач, отец ее ребенка. Ребенок не принес ожидаемого счастья и новой жизни: когда ребенку исполнился год, отец мальчика взял его у Петкевич и вместе со своей женой, у которой не могло быть детей, воспитал его.

Материнство в лагере часто определяло социальное место заключенных. Женщины, которые решались на рождение детей в лагерях, подвергались унижениям со стороны определенных групп женщин-заключенных – ЧСИРов, преданных коммунистов и «монашек». Анна Зборовская, арестованная в Ленинграде при облаве, родила сына в Соловецком лагере. «Мамки» на Соловках помещались на Заячьем острове, рядом с заключенными «монашками». По свидетельству Зборовской, в Соловецком лагере монашки ненавидели женщин-заключенных с грудными детьми: «Монашек было больше, чем мамок. Монашки были злые, нас и детей ненавидели» [9].

Елена Сидоркина, бывший член Марийского обкома ВКП(б), в Усольских лагерях работала в больнице медсестрой и помогала принимать роды. «Рожали женщины из числа уголовниц. Для них лагерные порядки не существовали, они почти свободно могли встречаться со своими приятелями, такими же ворами и жуликами» [17, с. 108]. Евгения Гинзбург, обладавшая несомненно более широким кругозором и более восприимчивая к новым идеям, пишет о «мамках» в лагере, приходивших кормить детей в деткомбинат: «... каждые три часа приходят на кормежку мамки. Среди них есть и наши политические, рискнувшие произвести на свет эльгенское дитя. <...> Однако основная масса мамок – это блатные. Каждые три часа они устраивают погром против медперсонала ... грозя убить или изуродовать в тот самый день, как умрет Альфредик или Элеонорочка. Они всегда давали детям роскошные заграничные имена» [6, с. 127].

Соблюдались ли законы о материнстве в местах заключения? Исправительно-трудовые кодексы РСФСР 1924 и 1933 гг. устанавливали законы о материнстве в местах заключения и давали льготы беременным женщинам и матерям[1]. Уже в 1924 г. беременным женщинам предоставлялась льгота – начиная с 5 месяца беременности женщин не должны были посылать на работы вне лагеря и обязаны были освобождать от работы перед родами. Однако де-факто законы, особенно по отношению к женщинам, часто не соблюдались. Здесь играли роль и патриархальные традиции, и географическое положение лагпункта, и заданные нормы выработки, и т.п. Одна из главных причин – отсутствие строгого контроля за исполнением правил и законов. Все аспекты жизни заключенных в исправительно-трудовых лагерях зависели в первую очередь от начальника лагеря и от руководства края или области[2].

Мемуаристы часто описывают случаи, когда детей осужденных женщин брали на воспитание чужие люди, воспитывали как своих и дети, позднее, не хотели признавать своих матерей. Мария Капнист вспоминала: «Я испытала такие страшные лагеря, но более страшные пытки я испытала, когда встретила дочь, которая не хотела меня признавать» [11, с. 176]. О таких же случаях пишут и Тамара Петкевич, и Елена Глинка, и Ольга Адамова-Слиозберг. По «житейской мудрости» детям лучше жить в семье, а не с бывшей заключенной, безработной или работающей на физической, низкооплачиваемой работе. А для женщины, которая была осуждена за вымышленные преступления, многократно унижена и которая жила надеждой на встречу

[1] См.: Омельченко О.А. Условия отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, во времена ГУЛАГа // История государства и права. 2014. № 5 (173). С. 707–718.

[2] Э.П. Берзинь (1894–1938), директор треста Дальстрой (часть ГУЛАГа) по многочисленным свидетельствам «...обеспечивал заключенным отличное питание, одежду, рабочий день зимой 4–6 часов, летом – 10 часов, колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им [заключенным] помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми.... Тогдашние кладбища заключенных настолько малочисленны, что можно было подумать, что колымчане – бессмертны». См.: Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2004. Т. 1. Колымские рассказы. Зеленый прокурор. С. 578–616.

с ребенком и началом другой жизни – это было еще одной пыткой, которая продолжалась всю оставшуюся жизнь.

Материнство и охрана младенчества широко пропагандировались в Советском Союзе. Начиная с 1921 г. распространяются плакаты и открытки, призывающие к правильному уходу за грудными детьми: «Не давайте ребенку жеванных сосок!», «Грязное молоко вызывает поносы и дизентерию у детей» и т. д. Плакатные изображения матери и ребенка надолго отпечатывались в памяти. Женщинам, арестованным с грудными детьми (или родившим в тюрьме), могли разрешить взять грудного ребенка в лагерь. Наиболее подробное описание этапа с грудными детьми дает Наталья Костенко, осужденная в 1946 г. как участница организации украинских националистов. Она вспоминала: «Потом, когда я поняла, на какие муки взяла ребенка (и это случилось скоро), я не раз жалела: надо было отдать его хоть Гертруде, хоть бы мужу» [12, с. 404–405]. Этап был физически труден и для взрослых здоровых людей. Для детей питание не выдавали. Женщинам-заключенным выдавали селедку и немного воды: «Жарко, душно. Дети стали болеть, поносить. Пеленки, тряпочки их не то что постирать – замыть нечем. Наберешь в рот воды, когда есть, и не пьешь ее (а пить же хочется) – льешь изо рта на тряпочку, хоть смыть обделанное, чтобы потом ребенка в нее же завернуть» [12, с. 405]. Елена Жуковская пишет об этапе, который прошла ее сокамерница с грудным ребенком: «Так с этим слабеньким крохой ее отправили в этап. Молока в груди не было вовсе. Рыбный суп, баланду, которую давали в этапе, она цедила через чулок и этим кормила младенца. Ни о каком молоке – коровьем или козьем – не могло быть и речи» [8, с. 287]. Этап с детьми был не только испытанием для ребенка – он был пыткой для женщин: в случае болезни и смерти ребенка мать испытывала чувство вины за свою «некомпетентность» и беспомощность.

Материнство для тех, кто оставил детей на воле, было темой, мучительной во всех смыслах. Многочисленными были случаи пыток детьми. Убежденный анархист Аида Басевич в ссылках и лагерях родила троих детей. В июне 1941 г. она была арестована вместе с дочерьми и помещена в тюрьму г. Калуги. Сначала дочери были помещены в Дом малолетнего преступника той же тюрьмы, впоследствии были переведены в детский дом. Следователь требовал, чтобы Басевич подписала показания против своего знакомого. В течение четырех дней Аиду Басевич допрашивали безостановочно – «на конвейере». При этом следователь иногда снимал трубку телефона и якобы разговаривал с Домом малолетнего преступника: «... и говорит, что надо эвакуироваться (Калуга же эвакуировалась, в первые же дни бомбили), а один ребенок заболел, что делать? Она тяжело заболела, что с ней делать? – Ну и черт с ней, пусть останется фашистам! А кто такая? И он называет имя и фамилию моей младшей дочери...» [2]. В отличие от Аиды Басевич, Лидию Анненкову не допрашивали на конвейере, не били и даже не кричали на нее. «Но каждый день показывали фотографию дочери, очень похудевшей, наголо остриженной, в большом, не по размеру, платье и под портретом Сталина. Следователь твердил одно и тоже: “Ваша девочка очень плачет, плохо ест и спит, зовет маму. А вот вы не хотите вспомнить, кто у вас бывал с японской концессии?”» [1, с. 59].

Память об оставшихся на воле детях преследовала всех женщин. Наиболее часто в мемуарах встречается тема разлуки с детьми. «Большинство из нас печалилось о детях, об их судьбе», – пишет Людмила Грановская [7]. Это наиболее «безопасная» тема, так как разлука вызвана силами, независящими от женщин-мамуаристов, и, таким образом, позволяет сохранить стереотип идеальной матери. Ирэна Верженская пишет о подарке, который она смогла послать сыну из лагеря: «А бригадирша разрешила мне взять остатки мулине для вышивки рубашечки моему трехлетнему сыну. Мама по моей просьбе в одной из посылок прислала метр полотна, и я в перерывах между работой ... вышивала и шила дорогую рубашечку. Весь цех радовался, когда я читала письмо. Что Юра ни за что не хотел отдавать рубашечку и клал ее на ночь на стул около себя» [4, с. 45]. Воспоминания о детях часто оказывались еще одним мучением. Массовую истерику, вызванную воспоминаниями о детях в лагере, описывает Грановская: «Грузинки ... начали плакать: “Где наши дети?” “Что с ними?”. За грузинками стали рыдать и все другие, а было нас пять тысяч, и стоял стон, да такой силы, как ураган. Прибежало начальство, стало спрашивать, угрожать. <...> обещали разрешить писать детям» [7]. Евгения Гинзбург пишет о массовых слезах: «Вспышка массового

отчаяния. Коллективные рыдания с выкриками: “Сыночек! Доченька моя!”. А после таких приступов – назойливая мечта о смерти. Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас» [6, с. 272]. Действительно, были случаи попыток самоубийства после массовых истерик: «Вскоре пришли и первые ответы от детей, которые, конечно, вызвали горькие слезы. Человек десять молодых, красивых женщин сошли с ума. Одну грузинку вытащили из колодца, другие, не переставая, пытались покончить с собой» [7].

В томском лагере Ксения Медведская была свидетелем того, как плакали женщины, видевшие расставание матери с годовалой дочерью Елочкой, которую взяла на воспитание бабушка: «В нашей камере все плакали и даже рыдали. У одной из наших женщин начался приступ эпилепсии – одни держали ей руки, другие – ноги, а третьи – голову. Старались не дать ей биться об пол» [13]. О расставании с полуторагодовалым ребенком вспоминает Наталья Костенко: «Стали у меня его из рук брать. Он за мою шею цепляется: “Мама, мама!” Я его держу и не отдаю... Ну, конечно, принесли наручники, заковали меня и потащили силой. Игорь у надзирателя из рук вырывается, кричит. Я и не помню, как меня на этап отправили, можно сказать, без сознания была. Кто-то из женщин мои вещи собрал, кто-то в этапе их вез. Привезли в другую зону, на швейку. Я и работать не могу, и ночами не сплю, плачу и плачу» [12, с. 411]. Чаще всего малолетних детей заключенных из лагерей отправляли в детские дома. Государство действовало в полном соответствии с буквой и духом законов – ведь именно общественное коллективное воспитание считалось лучшим для формирования советского человека[1]. Декрет от 31 декабря 1917 г. провозглашал всех несовершеннолетних детей «детьми Советской республики, а забота о детях должна была быть «прямой ответственностью общества». На одном из первых советских плакатов «Дети – будущее Советской России» изображен пухлый младенец на фоне красивого здания с надписью «Дом ребенка». На долгие годы детские дома станут неотъемлемой частью советской системы воспитания и образования.

Материнство в лагере было мучением для большинства женщин[2]. Карательная система работала так, что и по выходе на волю материнство часто становилось невозможным. Наказания, которым подвергались женщины, навсегда лишали их возможности иметь ребенка. О заключении в ледяной карцер или штрафной изолятор (ШИЗО) пишут очень многие – и жертвы, и свидетели. В ледяной карцер сажали и Ариадну Эфрон, и Валентину Иевлеву, и Анну Зборовскую. В пост-сталинские годы лагерное начальство откровенно и со знанием дела говорили о ШИЗО Ирине Ратушинской: «Как там холодно, да как там плохо, да как там здоровые калеками становятся. Бьет по самому уязвимому месту женской души: “Да как же вы рожать будете после ШИЗО?”» [16, с. 73].

Пребывание в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях всегда особенно тяжело для женщин, хотя бы в силу того, что места заключения были созданы мужчинами и для мужчин. Насилие над женщинами в заключении рассматривается как естественный порядок вещей: насилие − это власть и контроль, а власть и контроль в местах заключения принадлежали и принадлежат преимущественно мужчинам. Методы работы ГУЛАГа в целом, и в частности преступления против женщин, не изучены и до сегодняшнего дня. Во время массовых реабилитаций жертв репрессий сами жертвы практически не имели возможности ни привлечь преступников к уголовной ответственности, ни сделать сами преступления достоянием гласности и общественного осуждения. Впрочем, заявления женщин не стали бы и рассматриваться – эти преступления практически недоказуемы, а время работало против справедливости: ушли из жизни жертвы преступлений, свидетели, да и сами преступники. Доминантой в коллективной памяти эпохи ГУЛАГа стало не преступление против личности, а страх перед силой и властью. Сын Натальи Костенко,

[1] В первое десятилетие советской власти превалировала доктрина об отмирании семьи и семейных отношений. Дети дольны были воспитываться в коллективе – детских яслях и садах. Эта доктрина была настолько распространена, что советские архитекторы еще в начале 1930-х гг. строили жилые здания без кухонь в квартирах, но с большим помещением для пребывания детского коллектива на 1-м этаже. В Ленинграде такой дом получил народное название «Слеза социализма». Подобные дома сохранились в Смоленске, Нижнем Новгороде, Витебске.

[2] Тема «материнство и так называемые уголовницы» в воспоминаниях заключенных всегда носит отрицательный характер. В то же время деление заключенных по статьям обвинения неправомерно. Например, Евгения Польская пишет об уголовных преступниках, которые стремились получить «политическую статью» ст. 58.14 за саботаж в лагере. Пока шел суд и расследование, эти заключенные не работали или избавлялись от отправки на этап. «А то, что они получали «политическую» добавку к своему первоначальному сроку, их не беспокоило: «тюрьма – мать родна!» – было у них убеждение» (15, с. 119).

по ее словам, «ничего не помнит. Да и не хочет помнить» [12, с. 411]. Официальные документы не могут дать полной картины преступлений пенитенциарной системы против женщин. Именно поэтому так важны письма и мемуары, которые рассказывают о страшном опыте материнства в ГУЛАГе.

Библиографический список

1. Анненкова Л.Б. Жизнь под конвоем: из воспоминаний Л.В. Анненковой // Сазанович В.П. Боль людская: Книга памяти пушкинцев, репрессированных в 30-е – 40-е и начале 50-х годов. М., 1994.
2. Басевич Аида Иссахаровна. Интервью с Ириной Резниковой. 15.12.1997. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург.
3. Берггольц О. Запретный дневник, СПб., 2010.
4. Верженская Я. И. Эпизоды моей жизни // Вестник Мемориала. № 2 (8). НИЦ Мемориал. 1993.
5. Волович Х. О прошлом // С. Виленский. Доднесь тяготеет. М., 1989
6. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М., 1990.
7. Грановская Л.И. Записки Аэлиты. Рукопись. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург.
8. Жуковская Е. Г. Я – СОЭ //... Иметь силу помнить: рассказы тех, кто прошел ад репрессий. Сост. Л. М. Гуревич, М., 1991.
9. Зборовская Анна Петровна. Письма к А.П. Мельник. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург.
10. Иванова Г.М. Женщины в заключении // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
11. Капнист М.Р. В огне непоколебимы / беседу вела Л. Ельникова // Кино: политика и люди (30-е годы): К 100-летию мирового кино / Роскомкино, НИИ киноискусства. М., 1995.
12. Костенко Н. Судьба Натальи Костенко, запись Л. Богораз // Память. Исторический сборник. Вып. 4. Париж, YMCA, 1981.
13. Медведская К.Д. Всюду жизнь. Рукопись. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург.
14. Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок непарный. Воспоминания. СПб.,1993
15. Польская Е.Б. Это мы, Господи, пред Тобою… Невинномысск, 1998.
16. Ратушинская И. Серый – цвет надежды. London, 1989.
17. Сидоркина Е. Годы под конвоем // С. Виленский. Доднесь тяготеет. М., 1989.
18. Скрипникова А.П. Соловки. Рукопись. Архив НИЦ Мемориал, Санкт-Петербург.
19. Felman Shoshana, Laub Dori, Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History, New York, 1992.

С.П. Шаповалова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ИЗМЕНЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ В КОНЦЕ XIX – 30-Х ГГ. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНЫХ ЧАСТУШЕК)

Ментальность является базовым критерием для определения эволюционных и революционных изменений в конкретном обществе. Имея гендерную специфику, менталитет можно считать и критерием для отношения социума к женщине во всех его проявлениях. Особенно это хорошо просматривается на стыке переломных эпох, когда ментальность всех социальных общностей подвергается существенным деформациям, на что особенно акцентировано внимание в настоящей работе.

Менталитет русской крестьянки, сформированный на основе патриархального уклада жизни, на протяжении многих столетий практически не менялся. Главное предназначение женщины состояло в материнстве, создании семьи и полном подчинении мужу. Такое положение определялось не только законами, но и публичным правом. До XVIII в. личные права женщины полностью поглощались властью мужа, и жена, переходящая в его семью, становилась на положении младшего члена семьи и фактически оказывалась бесправной. Данная ситуация сохранялось во многих патриархальных крестьянских семьях плоть до 1917 г., то есть до первых декретов Советской власти. Показательной в этом плане является статья 107 Свода законов Российской империи, в которой, в частности, говорится: «Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании…» [35, с. 12].

Образ русской крестьянской женщины не-

разрывно связан с семейно-брачными отношениями. Роль семьи в обществе трудно переоценить. О важности этого социального института, как в рамках отечественной, так и зарубежной историографии, написано достаточное количество работ [1; 2; 6; 8; 11; 25; 28; 30; 31; 44].

Но источниковую базу при изучении данного аспекта социальных отношений можно расширить. Прежде всего, это относится к различным видам фольклора (пословицам, поговоркам, песням, сказкам и др.) и, в частности, к частушкам. Это связано с тем, что по своей информативности, объемности создаваемых образов частушки не уступают указанным жанрам народного фольклора, а в отдельных случаях по концентрации информации даже превосходят.

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона частушке дается следующее определение: «Частушка – современный тип народной песни, состоит из коротких строк и куплетов, содержание берется из текущей жизни» [42, с. 2007]. С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» дополняет это определение: «Частушка. Народная песенка – четверостишие или двустишие лирического, злободневного, задорно-шутливого содержания» [26, с. 875].

Исследователи полагают, что возникновение и широкое распространение частушек приходится на вторую половину XIX века. Впервые термин «частушка» употребил в очерке «Новые народные песни» известный русский писатель и публицист XIX века Г. Успенский, указавший, что в народе активно стала использоваться короткая припевка, «народные стишки», называемые в разных местах по-разному (коротушка, припевка, матаня, прибаска и т.д.) [19, с. 186]. Частушка имела множество разновидностей (собственно частушки, плясовые, «страдания», «Семеновна» и др.), исполняемых по-своему в пределах одного района и даже села [12, с. 63; 13, с. 130].

Частушка постепенно вытесняет лирическую песню, быстро откликаясь на меняющуюся жизнь. От традиционных песен частушки отличает многое: и оперативность оценок ситуации, и то, что они могли импровизироваться. Частушки – это преимущественно творчество молодежи, поэтому один из первых сборников частушек 1903 г., составленный Д.К. Зелениным, так и называется: «Песни деревенской молодежи». В предисловии к сборнику автор дает расширенную характеристику новому фольклорному направлению. Д.К. Зеленин указывает: «Кроме широкого отражения народной души и народного быта в современную нам переходную эпоху, – частушка в высшей степени интересна как особый, новый тип народного песенного творчества. Самим своим появлением тип этот многое говорит о совершающихся в недрах народной жизни процессах, о происходящем там грандиозном переломе» [15, с. 4].

О частушках написано достаточное количество исследований (П.А. Флоренский «Собрание частушек Костромской губернии»; В.И. Симаков «Сборник деревенских частушек»; П.И. Калецкий «О поэтике частушки»; С.Г. Лазутин «Композиция частушек» и др.), но все они носят литературоведческий характер [23, с. 4–15]. Тем не менее, частушки практически не использовались и не используются исследователями в качестве исторического источника. Редкое исключение – это предисловия или вводные статьи к сборникам народных частушек, где указывается их важность для понимания тех или иных исторических событий [33, с. 3–16; 43, с. 5–28]. Содержание частушек очень разнообразно, оно определялось самой жизнью. Частушки по многообразию тем и широте затрагиваемых вопросов очень близки народной песне, пословицам, поговоркам и другим жанрам, всесторонне отражающим личную, семейную, общественную жизнь человека.

В настоящей статье рассматриваются частушки, в которых наиболее отчетливо прослеживаются тенденции трансформации ментальности русской крестьянки в конце XIX – 30-х гг. XX вв. Как отмечалось выше, частушки – творчество молодежи деревенской либо с городских окраин, то есть равных по менталитету и социальному статусу. Основной художественный принцип частушек – веселая игра со словом. Здесь множество остроумных рифм, обыгрывания современной официальной лексики, масса неологизмов. Частушки никогда не пелись по одной – десятками сыпались они на деревенских вечерках и городских гулянках [22, с. 284]. Очень многие частушки после исполнения забывались, другие существовали более продолжительное время, видоизменялись, дополнялись различными нюансами, третьи были записаны. Они представлены в сборниках советского фольклора, пройдя серьезное цензурное «сито». Видимо это и дало повод американскому ученому Р. Дорсану назвать совет-

ский фольклор на девять десятых фейклором (анг. *Fake* – подделка, фальшивка) [22, с. 284]. Естественно, в советские официальные сборники не могли войти частушки антикоммунистической направленности. Например:

Нет ни плугов, нет ни борон,
На березе кличет ворон
Живем мы в ленинском раю
У могилы на краю.

Хорошо тому живется,
Кто записан в бедноту, –
Хлеб на печку подается,
Как ленивому коту [27].

Для примера антисоветской направленности выбраны частушки самого «невинного» характера. Естественно, народ создавал и распространял тексты более острого и зачастую совершенно циничного, бесстыдного содержания, попирающие нравственные нормы. Действительно, не все и не сразу приняли советскую власть, и данные частушки отражали настроения определенной части общества. Такие частушки выражают только негативное отношение к власти большевиков, к коммунистам, к отдельным историческим личностям, в частности к революционным вождям, но в них нет той информации, которая необходима для раскрытия темы.

Тем не менее, значительная часть советской деревни в 20–30-е гг., особенно молодежь, была настроена просоветски, и частушки из официальных сборников отражают мировоззрение этой части советского крестьянства. Хотя определенное недовольство отдельными сторонами колхозной жизни проявлялось и у них. В мягкой, ироничной форме это нашло отражение в народных частушках.

Рассмотрим традиционные моменты, связанные с созданием молодой семьи: взаимоотношениями дочерей с родителями, выборами жениха, свадебным обрядом, а затем проанализируем новации в семейно-брачной сфере и ментальности советской крестьянки. Брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и социального статуса в обществе, но это был еще и моральный долг, и главное условие порядочности человека. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить надел земли, завести самостоятельное хозяйство. Отсюда высокий уровень брачности в русской пореформенной деревне [32, с. 419]. Такой же насущной необходимостью был брак и для женщин. Замужество освобождало их от положения временного, лишнего человека в семье отца, в которое они попадали по достижении брачного возраста. Поэтому, несмотря на исключительно тяжелое положение женщины в семье мужа, замужество было заветной мечтой каждой крестьянской девушки [16, с. 21–22; 9; 34].

В народном фольклоре имеется большое количество частушек, в которых отразилось идеальные представления девушек о будущем суженом. Так, девушки считали привлекательными парней высокого роста, с полным, румяным лицом. Особенно ценились широкие плечи («косая сажень в плечах»), говорившие о силе, которая подразумевала и смелость:

Встало солнце золотое
Из тумана белого.
Мое сердце молодое
Любит парня смелого [33, с. 417].

Вероятно, смелость являлась проявлением способности защитить девушку от всевозможных невзгод и отсутствия боязни самостоятельно принимать решения.

Немаловажным элементом была внешняя привлекательность:

Чернобровенький, молоденький,
Не стой передо мной,
Разгорится мое сердце,
Не зальешь его водой.
[33, с. 411].

Сероглазый паренек
Моё сердечушко зажег.
Без лучины, без огня
Горит сердечко у меня [33, с. 415]

Девушки предпочитали «гулять» с хорошо одетыми, щеголеватыми парнями. В моде это времени были: зонты, калоши, часы на цепочке, брюки-галифе. Немаловажным условием успешности было умение играть на гармони или баяне:

Вот они идут, идут
Наши миленьки.
У них брюки-галифе,
Рубашки синеньки [33, с. 415].

Ах ты Ваня – Ванечка,
Ты ведь мне не парочка;
У тебя часы – колоши,
У меня платочка нет [15, с. 62].

А что это за гармошка?
А что это за баян?
А что это за парнишка
Хорошо играет нам? [33, с. 412].

Помимо внешней привлекательности в почётниках (женихах) ценилась немногословность и трезвость:

У меня на сарафане
Длинная оборочка.
Мой миленок – редкобай,
Я – частоговорочка [33, с. 414].

Хорошо дрова рубить,
Которые березовы.
Хорошо ребят любить,
Которые тверезые [33, с. 416].

В пореформенное время именно за родителями было главное слово в выборе жениха для дочери. Зачастую девушкам не нравился выбор родителей, которые в этом вопросе руководствовались большей частью экономическими выгодами, а не романтическими взглядами молодых [17, с. 142; 3, с. 135.]:

Кого люблю я, уважаю,
За того дома бронят.
Кого я в жизни ненавижу,
Под венец ставить хотят [33, с. 171].

Меня тятенька просватал –
Засевали в поле рожь.
Дом высокий, хлеба много,
Только парень не хорош [33, с. 172].

Обычно девушки не могли повлиять на решение родителей. Но ужаснее всего для молодых был страх вместо благословения получить родительское проклятье, отношение к которому было очень серьезным: «Тогда эти родительские проклятия были в большом ходу, и каждый боялся пуще смерти накликать их на себя». [28, с. 125] Поэтому мы встречаем и грустные частушки, призывающие не ходить замуж, в которых будущее с нелюбимым человеком выглядит очень печально, а порою трагично. Девушкам представляется, что уж лучше смерть, чем такой брак:

Не ходите, девки, замуж
Не за милого дружка:
Лучше в реченьку скатиться
Со крутого бережка [43, с. 66].

Захотела меня мать
За немилого отдать.
Все равно не покорюсь,
Лучше в море утоплюсь [33, с. 169].

Был и другой выход избежать замужества – принять статус чернички. Чернички, юродивые, блаженные, странники и странницы со старцами были непременным элементом русской духовной жизни. Чернецами на Руси называли монахов за черный цвет их одежды. Чернецами и черничками также называли монашествующих в миру, то есть людей, которые вели монашеский образ жизни, но не были пострижены и продолжали жить среди односельчан или странствовать из села в село [18, с. 337].

Принято считать, что черничками становились засидевшиеся в девках, потерявшие всякую надежду выйти замуж девушки. После смерти родителей они оставались жить в семьях братьев и должны были терпеть постоянные попреки и укоры. Современники отмечали, что многие чернички вынужденно оставались незамужними из-за физической неспособности к тяжкому крестьянскому труду. Но среди черничек были и такие, которые совершенно сознательно отказывались от брака во имя служения Богу. Для физически здоровой девушки это был уважительный единственный предлог, чтобы отказаться от брака [35, с. 244]. Отголоски этого социального явления мы находим в следующих частушках:

Я надену черно платьице,
Подальше отойду:
Дала себе навеки клятву,
Что я замуж не пойду [43, с. 67].

Я надену платье черно,
Буду как монашенька.
Как приедут меня сватать,
Откажи, папашенька! [43, с. 68].

Упомянутое в частушках черное платье не случайно, так как черный цвет издревле на Руси обозначал печаль, траур, смерть [14, с. 597]. В других частушках, в которых девушки не хотят выходить замуж не за своего избранника, или дролю (милого), причинами этого нежелания являются перспективы изменения привычного, комфортного уклада жизни. В частушках сопоставляется веселая жизнь в родной семье и горькая доля, которая ждет девушку после замужества:

Весела моя головушка,
Охоча песни петь,
Веселись, покуда в девушках,
А там будешь реветь [43, с. 66].

Не ходи, подружка, замуж,
Там – не родненькая мать:
Она на улицу не пустит,
Не даст досыта поспать [43, с. 67].

Частушки данного цикла перекликаются с одним из традиционных элементов свадебного обряда – прощание с девичеством (девичником), который предварял само свадебное действо. В большинстве русских деревень невеста в это вре-

мя носила «печальную» одежду (то есть одежду белых и темных тонов), у нее были распущенные волосы, покрытые надвинутым на лицо платком. Она мало выходила из дому, а при посторонних демонстрировала печаль [44, с. 271; 32, с. 482].

Девичник, как правило, заканчивается свадьбой. Вот как народный фольклор подводит итог неизбежности будущей новой замужней жизни:

Не о всяком горе плакать,
Не о всяком и тужить.
Хотя замужем и худо,
Но и в девках худо жить [43, с. 68].

У тяти лестница крутая,
Тяжело воду носить.
Участь девичья такая –
Надо замуж выходить [43, с. 69].

Но несмотря на то, что представления о будущем избраннике родителей и невесты не всегда совпадали, свадьба для девушки была самым ярким и радостным событием. Девушка радовалась тому что, выполнила свой моральный долг перед Богом, людьми и родителями, главное условие добропорядочной жизни. Девушку, которой, как говорили, «на долю не выпало замужество», называли обычно «старой девой», «вековухой», «непетым волосьём», «седой макушкой». В русской деревне безбрачие считалось явлением ненормальным, противоречащим природе, а к старой деве относились как к человеку неполноценному, ущербному, даже грешному [44, с. 233]. В частушках мы находим подтверждение этому факту, что лучше для девушки брак с нелюбимым, чем угроза остаться «старой девой»:

Меня сватают сваты,
Просватайте, родители:
Старой девушкой останусь, –
Братья не кормители.
Дура я, урра я,
В гору льна несеяла.
Отдай, маменька меня,
Покамест не просмеяна [43, с. 69].

Таким образом, частушки подчеркивают, что каждая девушка должна создать семью, лучше если по любви и суженый будет красив, смел, трезв, хорошо одет (как видим об учености речи не идет), а если по принуждению родителей, то такой брак все же лучше, чем угроза остаться незамужней.

Рассмотрим, как менялись эти представления под влиянием коренной ломки старого традиционного общественного уклада после Октября 1917 г. и последующих за этим экономических и социальных преобразований, которые непосредственно воздействовали на семейно-бытовую сторону жизни. Получив равные права с мужчинами, женщины вовлекались в производство и общественную жизнь, ломались старые морально-психологические принципы, на которых строились отношения в семье. Послеоктябрьские преобразования создали условия для формирования новых брачных отношений.

Революционные декреты советской власти о браке и разводе круто изменили патриархальные представления и нанесли тяжелый удар по семье старого типа. Одновременно они запустили механизм дальнейших трансформаций матримониального поведения населения. С этого времени в Советской республике начался мучительный этап переоценки и критики традиционных семейных ценностей. В печати и жарких политических спорах о дальнейшем развитии общества патриархальная семья полностью отрицалась.

Радикальная реформа семейно-брачного законодательства коснулась и деревни, хотя она еще долго не принимала гражданские браки, по-прежнему предпочитая браки по церковному обряду [5, с. 61–62]. Этнографы, изучавшие в середине 1920-х гг. свадебные обычаи русского народа, тем не менее отмечали признаки начавшегося разложения традиционных элементов добрачного поведения у сельской молодежи. «Вообще девушки теперь стали уже не те, и старые женщины отзываются о них так: «Теперь бабы, особенно девушки, не сидят дома, а бегают в клуб. В прежние годы они все сидели дома да готовили приданное, а теперь выходят так, ни у кого ничего нет» … Или: «Все (девушки) теперь стали бесстыжие, идут с парнями под ручку не только ночью, даже днем не стыдятся» [24, с. 23]. Таким образом, характер межполовых отношений молодежи претерпевал изменения. Общение постепенно становилось все более открытым. Это прежде всего было связано с ростом экономической независимости молодежи, самостоятельности брачного выбора, изменения мотивов вступления в брак.

Перемены стали ощутимы уже в 1920-е годы. Правда, еще значительной оставалась роль родителей в брачном выборе детей. С годами самостоятельность молодежи росла, и в 1930-е годы, судя по этнографическим данным, выбор брачного партнера в основном становится независимым [32, с. 436; 17, с. 150]. Именно в этот период

наступает расцвет частушки. В ней отражались ежедневные важные события, содержание которых передавалось в юмористической или сатирической форме. Она легко творилась, поскольку оперировала преимущественно несложными, уже готовыми средствами художественной выразительности. С музыкальной точки зрения частушкам свойственны ритмоформулы, на которых основывались шуточные традиционные песни и в дооктябрьское время.

Являясь жанром, который активно откликается на все социальные перемены, частушка хорошо вписалась в политическую и социальную ситуацию первых советских десятилетий. Согласно мнению исследователя Н. Скрадоль, частушка, как никакой другой жанр фольклора, отвечала и целям партийных идеологов: «Краткость и стилистическая незатейливость, легкая запоминаемость и тематическая всеядность частушечных текстов сделали их особенно привлекательными в глазах идеологов, видевших в создании нового, советского фольклора безграничное поле деятельности для легитимизации истинно народного статуса новой власти и народности как основного качества художественного творчества масс» [37].

Будучи жанром, отображающим все аспекты жизни человека, частушка во многом откликается также на женские проблемы. В ней рисуются и бытовые, и социальные аспекты жизни новой советской женщины. Но при этом еще раз отметим, что частушка является жанром, характерным в основном для села, а значит, большую часть жизни советской женщины она не отображает, т.к. не касается горожанок.

Большинство частушек 20-х–30-х гг. XX в. так или иначе связано с коллективизацией и колхозной жизнью. Некоторые женщины при этом вообще не осознают себя частью семьи, ассоциируя свою личность с колхозом:

Я не тятина, не мамина
И, дроля, не твоя, –
Я теперича девчоночка
«Коммуны Октября» [43, с. 152].

При этом героини гордятся и своей новой жизнью, и своей новой ролью. Женщины ударно работают, их портреты помещают на доски почета, премируют, они становятся делегатками различных слетов. Например в газете «Сталинец», выходящей в городе Белгороде ЦЧО, за март 1934 г. в статье «Работаю не хуже мужчины», посвященной ударнице Шопинского колхоза «Пламя Сталина», П.Ф.Калиннченко, читаем: «В колхоз я вступила с момента его организации в 1930 г. Работаю по-ударному, с временем не считаюсь. Несколько раз премирована правлением колхоза за хорошую работу. До мая месяца 1933 г. я работала рядовой колхозницей. В мае меня назначили на работу звеньевой …В декабре месяце меня выбрали делегаткой на областной слет колхозниц-ударниц. На слете меня премировали грамотой ударницы и библиотекой. С декабря месяца 1933 г. работаю заместителем председателя правления колхоза. В 1934 г. окончила курсы бригадиров. Сейчас уже работаю бригадиром. Теперь я на руководящей колхозной работе…. «Женщина в колхозе – большая сила». Так сказал тов. Сталин о колхозницах. Его слова мы оправдаем своей ударной работой в колхозе» [39].

И в частушках часто звучит мысль о том, что женщина является не просто колхозницей, а передовиком, ударницей и даже занимает руководящую должность:

На подружке платье бело,
А на мне в полосочку,
Нас с подружкой поместили
На почетну досочку [43, с. 157].

Я в колхозе бригадиром,
Сердце, ой, волнуется!
Моя первая бригада
С третьей соревнуются! [33, с. 308].

На веселый на мотив
Заводи тальяночку:
Председателем совета
Выбрали крестьяночку [43, с. 252].

Товарочка моя
Товарочка верная,
В нашем ты колхозе
Ударница первая! [43, с. 152].

Если в частушках предыдущих исторических периодов девушки могли вступать в соперничество за «новое платье» или за любовь парня, то теперь они соревнуются за количество трудодней:

Балалайка, тренькай, тренькай,
Не угнаться мне за Фенькой,
Платье новое на ней –
Полна книжка трудодней! [21].

О соцсоревновании женских бригад много подтверждений в периодической печати. Например, в указанной газете «Сталинец» за октябрь 1933 г. в статье «Вести с свекловичных плантаций», читаем: «Колхозницы колхоза

«День Урожая» Беловского сельсовета по ударному работают на свеклоуборочном фронте. Звенья и отдельные колхозницы между собой соревнуются…» [38]. Советские колхозницы соревнуются не только между собой, но и вызывают на соревнование мужчин. Конечно, не следует забывать, что частушка является жанром, открытым для смеховой традиции, то есть такой вид соревнований мог переосмысливаться и в ироническом плане:

Я с миленком соревнуюсь,
Говорю при всем звене:
«Если только сдашь в работе
Не показывайся мне!» [33, с. 308] .

Еще один немаловажный аспект прослеживается в частушках этого периода. Женщина не только формально получила равные права с мужчинами, но она это транслировала окружающим:

С обушком мы раньше были,
А теперь с машиною.
Права равные добыли
Женщины с мужчиною [33, с. 308].

В реальной жизни женщины в своей эмансипации идут еще дальше. Они не признают авторитет мужчин и считают даже себя выше, статуснее, умнее. В газете «Сталинец» за август 1933 г. помещена статья колхозницы Н. Лукьяненко под заголовком «Не уважу мужчине». В.И. Даль дает такое определение слову «уважить» – почитать, чтить, признавать чьи либо достоинства; ценить высоко [41]. Уже в самом заголовке данной статьи звучит женское превосходство, а в тексте прямая критика мужчин, которые работают хуже [40].

В частушках, посвященных созданию новой социалистической семьи, также прослеживается новая женская ментальность.. Если раньше девушки мечтали выйти замуж за веселого, красивого парня, гармониста, щеголя, богатого, из крепкой семьи, то в новых условиях такой вариант становиться неприемлемым, так как это – классовый враг (кулак, лишенец – лишенный голоса):

Предложил мне Ванька брак,
Отказала Ване я.
Ванькин тятька есть кулак –
Не нашего звания.

Не ходи, ты милый, жать,
Не рви рожь по колосу;
Не пойду с тобой гулять,
Ты лишенный голосу [33, с. 240].

На конец 1920-х – начало 1930-х годов пришелся окончательный удар по кулакам. В конце 1928 г. было запрещено принимать кулаков в колхозы, а в 1929 г. началась конфискация их имущества и выселения [4, с. 352]. Как следствие, в советской деревне лучшими женихами становятся «новые хозяева жизни» – комсомольцы и коммунисты. На первый план выходят общественно-значимые критерии. Парень должен быть комсомольцем или коммунистом:

Хорошо тебе, калина,
На тебе широкий лист.
Хорошо тебе, подружка,
Тебя любит коммунист [33, с. 241].

Ой, давай, моя товарка,
С комсомольцами гулять, –
Комсомольцы нас научат
Книги Ленина читать [33, с. 243].

Объяснение этому тоже находим в частушках. Коммунист – «просвещает мужиков». Комсомолец – «самогонку не пьет», «в карты не играет», «книжки читает». А самое главное – они власть:

Мой залетка-комсомол
В сельсовете за столом,
Перед ним бумаги много
И чернильница с пером [33, с. 243].

Еще один немаловажный аспект появляется в отношениях молодежи – это образованность. Девушки одобрительно посматривают на молодых людей, которые обучаются в школе или даже являются студентами:

На шоссе большая школа,
Выше средних елочек.
В этой школе, в этом доме
Учится миленочек [33, с. 158].

У околицы стою
С молодым студентом
Страсть люблю поговорить
С таким интеллигентом [43, с. 158].

На протяжении 1920-х годов особенно быстро повышался образовательный уровень деревенского актива, и прежде всего членов партии. Следует подчеркнуть, что поскольку социальная активность выступала мощным фактором культурного развития крестьян, перспективы быстрой ликвидации неграмотности у деревенских активистов были значительно более благоприятными, чем у остальной массы сельских жителей [20, с. 158]. С появление в колхозах новой техники, в частности тракторов, именно трактористы рассматриваются девушками в качестве завидных женихов:

Из колодца вода льется,
Вода чистая.
Эх, подружки, полюбила
Тракториста я [7, с. 376].

Милый пашенку пахал
Не сохой, а трактором.
Не гонюсь за красотой,
Гонюсь за характером [7, с. 376].

Но советская женщина не только мечтает выйти замуж за тракториста, но и сама учиться работать на тракторе. При этом для большинства крестьянских женщин престижные профессии были недоступны, поскольку требовали не только профессиональной подготовки, но и немалой физической силы. В 1930-е годы был выдвинут лозунг «Женщины – на трактор», нашедший отклик у определенного числа последовательниц:

Устюг-город сердцу дорог.
И краса его мила.
Я на курсах трактористов
В нем три месяца жила [33, с. 302].

Ни о ком я не скучаю,
Спешно трактор изучаю.
Скоро буду у руля
Обрабатывать поля [33, с. 302].

Забегая вперед, отметим, что в начальный период Великой Отечественной войны и в последующие военные годы система обучения женщин работе на тракторах и комбайнах получила значительное развитие. Например, Старооскольская районная газета «Путь Октября» за июнь 1941 г., писала: «В связи с мобилизацией мужского населения на фронт при Пушкарской МТС Старооскольского района открылись двухнедельные курсы трактористов-комбайнеров, где ускоренным путем должны будут проходить обучение женщины и девушки» [29].

Когда появилось новое законодательство советской власти о браке, изменились формы заключения брака. После 1917 г. еще существовали преимущественно браки «венчанные», сопровождающиеся народным свадебным обрядом. От последнего, связанного с большими затратами, отказывались лишь бедняцкие семьи. К началу 1930-х гг. церковное венчание стало заметно уступать регистрации браков в сельсоветах [32, с. 437]. Частушка быстро откликалась на новое положение вещей. Государственная регистрация браков приветствовалась деревенской молодежью:

Батька любит покричать,
Чтоб нас в церкви обвенчать.
А я батюшке в ответ –
Отвези меня в Совет [33, с. 240].

Не брани меня, мамаша,
Не ругай меня, отец,
Что я в церкви не венчалась,
А ходила в сельсовет [33, с. 240].

С введением новых законов о браке видоизменяется не только форма заключения брачного союза, но и традиция, связанная с приданым невесты. Если раньше девушка не имела приданого (часть имущества, которая выделялась семьей – одежда, ткани, предметы быта, деньги и т.п.), то она была объектом насмешек всей деревенской округи и находилась в униженном социальном положении. В 1920–1930-х гг., когда уровень жизни в деревне был низким, от приданого практически отказались. И это отражалось в советской агитации за новые обычаи и комсомольско-молодежные свадьбы: подобный атрибут она относила к пережиткам прошлого. [11, с. 62].

Мать венчать меня хотела
По старинке – кольцами.
По-другому вышло дело –
В клубе с комсомольцами [33, с. 240].

За игривой рифмой четко прослеживается и экономический подтекст – сыграть «свадьбу в клубе с комсомольцами» значительно дешевле, чем провести традиционный обряд, а значит, девушка может выбирать жениха и «без оглядки» на родительское мнение.

Большое влияние на трансформацию семейно-брачных отношений оказал декрет от 18 декабря 1917 г. о разводе [10]. Разводы очень быстро проникли в деревню, особенно в молодые семьи. Легкость развода с нелюбимыми мужьями звучит в следующей частушке:

Советская власть –
Мужа не боюся.
Если будет меня бить,
Пойду разведуся [33, с. 225]

Осознав предоставленные ей права, крестьянка, у которой не складывалась семейная жизнь, уже не боялась полного разрыва с мужем. Исследование материалов народных судов Костромской губернии, например, показало, что в середине 1920-х гг. свыше 60% бракоразводных дел было возбуждено по инициативе женщин-крестьянок. Поводом к разводу выступали разные причины, в том числе побои и оскорбления, но чаще всего «несходство характеров», подразумевавшее различные взгляды

супругов на равноправие женщины. Вот конкретный пример из судебной практики: «Крестьянка просит у мужа развода, так как он запрещает ей бывать на собраниях, участвовать в общественной работе. Как-то он набросился на нее и избил за участие в делегатских собраниях». В итоге супруги развелись, дети остались с матерью, а она, добившись «равноправия», стала активной общественницей в местном Кресткоме [5, с. 145]. Частушек, посвященных новому быту и новому мышлению советских женщин, большое количество:

Хоть ругайте, не ругайте,
А по вашему не быть,
На ячейку, на собранье
Не закажите ходить [33, с. 250].

Пойдем, девки, на собранье
Делегатку выбирать,
Надоело по избушкам
Нам с ребятами гулять [33, с. 251].

Эй, подруженька моя,
Что тебя не видно?
На собрание не ходишь –
За тебя обидно [33, с. 252].

Делегаткой чтобы быть –
Надо измениться:
На собрания ходить,
Грамоте учиться [33, с. 252].

Таким образом, на примере частушек можно проследить изменения женского менталитета в период серьезных социальных трансформаций. Разрушение патриархальных отношений приводит не только к изменению женской мотивация в отношении будущего мужа, но и к самому институту брака. В 1930-е годы советские женщины эффективно использовали равноправие для резкого повышения своего социального статуса. Колхозы и совхозы дали женщинам самостоятельный заработок. Тем самым их вклад в благосостояние семьи, ранее скрытый, стал наглядным и не зависящим от произвола старшего в доме. Расширение возможностей, открывшихся перед женщиной, способствовало формированию новых качеств в ее характере. Это и повышенное чувство ответственности за вверенное дело, и стремление к самостоятельности в работе, и желание освободиться от всякой снисходительности, и чувство собственного достоинства, и стремление вперед.

Надо еще раз отметить, что частушка не передавала реального отношения к какому-либо событию, главное в ней – это юмор, озорство, веселая игра со словом. В этом ее отличие от других фольклорных жанров, особенно от лирических песен, наполненных болью и страданиями. Тем не менее, они отражали изменения психологии советской крестьянки в годы большевистской модернизации российской деревни.

При социопсихологическом подходе анализа частушек в качестве исторического источника становится очевидным, что они несут в себе определенный заряд ценной информации, подтверждающий или опровергающий имеющиеся версии социально-экономического, политического, культурного планов. В контексте исследования семейно-брачных отношений в русской деревне частушки помогают акцентировать внимание на эволюционных процессах ментального характера, оттеняя нюансы различных сторон переходных эпох. Краткость, ироничность, нацеленность на главные сюжеты сельской жизни делают частушки ценным источником по деревенской действительности конца XIX – 30-х гг. XX вв. При этом частушки, представленные в официальных сборниках советского периода, не отражают весь спектр воззрений советской деревни, а только той ее части, которая приняла большевистскую революцию.

Библиографический список

1. Engel B. Work and Family in Russia. 1861–1914. Cambridge, 1994.
2. Stites R. The Women's liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. N.Y. 1978.
3. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М., 1997.
4. Беловинский Л.В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. М., 2017.
5. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.-Тула, 2009.
6. Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937.
7. Гой еси вы, добры молодцы: русское народно-поэтическое творчество / сост. П.С. Выходцев, Е.П. Холодова. М., 1979.
8. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
9. Гура А.В.Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.
10. Декрет ВЦИК от 18 декабря 1917. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/28231 (дата обращения: 15.09.2018).

11. Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке. Брак. Семья. Быт. М., 2007. Серия «Памятники исторической мысли».
12. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.
13. Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. Белгород, 2003.
14. Забелин М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды и суеверия. М., 2003.
15. Зеленин Д.К. Песни деревенской молодежи. Записаны в Вятской губернии. Вятка, 1903.
16. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М., 2004.
17. Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983.
18. Иникова С.А. Черничество и сектантство в Воронежской губернии в 1850-е годы // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы / О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская. М., 2002. С. 377–399.
19. Кичигин В.П. Народная культура юга России. Опыт систематизации этнофольклорного материала Белгородской области. Белгород, 2000.
20. Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство 1921–1927 (по материалам Европейской части РСФСР). М., 1983.
21. Колхозные частушки 20-х – 30-х годов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.biografia.ru/arhiv/chast07.html (дата обращения: 15.06.2017).
22. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору: учеб. Пособие для вузов. М., 2004.
23. Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. М., 2000.
24. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / Отв. В.Г. Дыренков, Л. Комис по устройству студенч. Этногр. Экскурсий. 1926.
25. Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века), СПб., 2018.
26. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
27. Политические частушки. [Электронный ресурс]. URL: https://tapirr.livejournal.com/1655264.html. (дата обращения: 12.12.2018).
28. Пономарева В.В, Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2009.
29. Путь Октября. 1941. 27 июня. № 150.
30. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социально-культурных изменений. М., 1997.
31. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002.
32. Русские / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М., 1999.
33. Русские частушки / Сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жислина. М., 1956.
34. Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
35. Свет В.Н. О черничках // Этнографическое обозрение. Императорское общество любителей естествознания, археологии и этнографии. 1889. Кн. 1.
36. Свод законов Российской империи / Ред. И.Д. Мордухай-Болтовский. СПб., 1912. Т. X.
37. Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Журнальный зал [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/s14.html (дата обращения: 25.05.2017).
38. Сталинец. 1933. 6 октября № 47.
39. Сталинец. 1934. 8 марта. № 37 (105).
40. Сталинец. 9 августа. 1933. № 32.
41. Уважить // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1998. С. 460.
42. Частушка // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь. СПб., 1909. Т. II, Вып. IV. С. 2007.
43. Частушки // Библиотека русского фольклора. Т. 9. / Сост. Ф.М. Селиванов. М., 1990.
44. Шангина И.И. Русские девушки. СПб., 2007.

М.Г. Шендерюк

Россия, г. Калининград, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

БЕРБЕРОВА VS ОДОЕВЦЕВА: ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ЭГО-НАРРАТИВА

Мемуаристика занимает едва ли не ведущее место в литературе русского зарубежья. Оказавшись в изгнании после лихолетья революции и Гражданской войны, русские эмигранты (видные политики и генералы, художники и балерины, маститые литераторы и никому не известные шоферы парижских такси) брались за перо, движимые ностальгической памятью об оставлен-

ных «других берегах». Именно ей, «ушедшей России», посвящено большинство эмигрантских воспоминаний, и лишь немногие из них рисуют панораму политической и культурной жизни зарубежной России межвоенного двадцатилетия. К числу последних относятся мемуары Нины Берберовой [1] и Ирины Одоевцевой [6].

Обе мемуаристки, принадлежа к эмигрантскому поколению «молодых» писателей, находились в гуще событий литературной жизни русского Парижа 1920–1930-х гг. и на склоне лет обратились к мемуарному жанру, оставив после себя воспоминания, принесшие им, литераторам второго ряда, пожалуй, большую известность, чем проза или поэзия. Творческие судьбы писательниц удивительным образом похожи (хотя литературоведы традиционно противопоставляют как их самих, так и их мемуарные тексты). Красавица-брюнетка Нина Берберова (1901–1993) и очаровательная блондинка Ирина Одоевцева (1895–1990) успели заявить о себе еще в поэтических кругах Петрограда, заслужив похвалу мэтров. Гумилев признал Одоевцеву своей «лучшей ученицей», а Берберова стала для него «последней музой». Появились они в эмиграции как жены двух больших поэтов Серебряного века – Владислава Ходасевича и Георгия Иванова, сразу попав в мир творческой элиты зарубежья.

Нина Берберова становится сотрудницей одного из самых популярных эмигрантских изданий – «Последних новостей» П.Н. Милюкова. Дмитрий Мейснер, встречавший Берберову в редакции, был ею очарован: «В этой комнатке можно было увидеть молодую, очень красивую женщину, такую, каких трудно скоро забыть. Заговорив же с ней, в самом деле невозможно было не развесить уши. Уж очень бойко, складно и интересно умела говорить эта молодая женщина, на которую и на улице, и в любом большом общественном зале сразу вокруг невольно обращали внимание» [5, с. 218]. К концу 1920-х гг. имя Берберовой приобретает в эмиграции широкую известность благодаря циклу иронических рассказов о жизни русских эмигрантов «Биянкурские праздники». В 1930-е гг. она издает три романа («Последние и первые», «Повелительница», «Без заката») и две художественные биографии русских композиторов («Чайковский, история одинокой жизни» и «Бородин»).

«Маленькая поэтесса с огромным бантом» Ирина Одоевцева в эмиграции расстается со своим черным бантом, почти не пишет стихов и обращается к прозе. Уже первый рассказ «Падучая звезда» вызывает хвалебные отзывы читателей, в том числе отклик Бунина, пожелавшего познакомиться с молодой писательницей, о которой слышал, что «она прелесть какая хорошенькая» [6, с. 229]. В конце 1920-х – 1930-е гг. из-под ее пера выходят три романа («Ангел смерти», «Изольда» и «Зеркало»).

В 1920-е гг. обе писательницы вместе со своими мужьями часто бывают на знаменитых «воскресеньях у Мережковских» – встречах маститых и молодых литераторов в доме стареющих мэтров русского декаданса – Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус. Мемуаристки позволяют читателю окунуться в атмосферу собраний на 11-бис авеню Колонель Боннэ в Пасси, вглядеться в лица хозяев квартиры и их гостей. При этом любопытно отметить, что друг друга они практически не замечают. Трудно сказать, чем вызвано столь откровенное взаимное игнорирование – былым соперничеством или старыми обидами, но на шестистах страницах «Курсива» Нины Берберовой имя Ирины Одоевцевой не встречается ни разу, Одоевцева же упоминает Берберову вскользь и только в связи с Ходасевичем («Теперь на «воскресеньях» бывали уже и Ходасевич с Ниной Берберовой…» [6, с. 45]). Зато хозяйке салона Мережковских – некогда «блистательной Зинаиде» Гиппиус – авторы воспоминаний посвящают целые страницы не слишком лестных описаний, детально изображая ее внешность.

«Но как мог Блок называть ее «зеленоглазой наядой»… Как он мог?.. – восклицает Ирина Одоевцева. – У нее мутно-болотистые, бесцветные глаза. Лицо без рельефа. Плоский лоб. Довольно большой нос. Узкие, кривящиеся губы… Она очень сильно набелена и нарумянена. Морковно-красные волосы…<…>.

На ней пестрое платье какого-то небывалого фасона, пестрое до ломоты в глазах. И, будто этой пестроты ей еще мало, на груди большая ярко-зеленая роза и корралово-красная ленточка на шее.

<…> У нее тонкие ноги в узеньких, остроносых, бронзовых туфельках и стройная, изящная фигура» [6, с. 38].

«Она всегда любила розовый цвет, который «не шел» к ее темно-рыжим волосам… – вторит Одоевцевой Нина Берберова. – … Худые маленькие руки с ненакрашенными ногтями

были сухи и безличны, ноги, которые она показывала, потому что всегда одевалась коротко, были стройны, как ноги молодой женщины прошлых времен» [1, с. 281].

Немало пишут авторы о капризности, манерности Зинаиды Николаевны, ее желании удивлять, поражать («… посмотрите на меня, какая я, ни на кого не похожая, особенная, удивительная…» [1, с. 286]). Единодушны они и в признании «блестящего, острого, неженского ума» [6, с. 40] Гиппиус. Однако мемуаристкам настолько претит сама мысль о том, что другая женщина может обладать блистательным умом и талантом, что они просто отказывают Зинаиде Николаевне в «женском» и «женственности» («… она не была женщиной» [1, с. 282], «Гиппиус являлась мужским началом, а Мережковский – женским» [6, с. 45]), проявляя свою гендерную идентичность в постоянном противопоставлении Гиппиус себя – «вечно женственной». Берберова даже пытается объяснять скверный характер и душевную глухоту Гиппиус ее гермафродитизмом [1, с. 286].

Следует заметить, что если к воспоминаниям Одоевцевой отношение было благосклонным, то мемуары Берберовой вызвали бурную негативную реакцию современников. И дело не только в том, что книга Берберовой была издана на полтора десятилетия раньше, когда еще были живы и творчески активны многие герои воспоминаний, ведь первая книжка дилогии Одоевцевой «На берегах Невы» вышла даже раньше «Курсива». В 1989 г., давая интервью Феликсу Медведеву, Зинаида Шаховская сказала о Берберовой: «Берберову я мало знаю. Но я не люблю ее книгу «Курсив мой». Она, по-моему, неблагородно плохо пишет. Ирина Одоевцева в своих мемуарах благожелательна, у нее какая-то есть *фантазия* (*курсив мой – М. Ш.*). А Берберова, я не знаю почему, но вся такая озлобленная, ощеренная» [4, с. 255].

Действительно, в «Биографическом справочнике», который Берберова прилагает к своим воспоминаниям и который является самой субъективной и противоречивой частью повествования, даны характеристики многих героев книги (хотя далеко не всех), вряд ли справедливые. Так, Романа Гуля, который до конца своих дней не принимал Советскую Россию, о чем красноречиво свидетельствует трехтомник его воспоминаний «Я унес Россию», Берберова укоряет в сотрудничестве с советскими издательствами в конце 1920-х гг., поставив его в один ряд с Ильей Эренбургом [1, с. 652], а давая оценку Георгию Адамовичу, отсылает читателя к разгромной статье Марины Цветаевой «Поэт о критике» и малосимпатичному герою набоковского «Дара» Христофору Мортусу [1, с. 630].

Возмущение «незаслуженно обиженных» было столь велико, что начинаются обвинения Берберовой в коллаборационизме. В своих воспоминаниях Гуль ничего не пишет о былой дружбе с Ниной Николаевной (а ведь именно Гуль встречал ее на пристани в Нью-Йорке, когда она в 1950 г. перебралась из Франции в США), рассуждая лишь о ее прогитлеровских симпатиях [см.: 3, с. 127–128].

Вопрос об истинном или мнимом коллаборационизме Нины Берберовой и ее мужа, художника Николая Макеева, работавшего в годы оккупации в Лувре, и Ирины Одоевцевой и Георгия Иванова, живших «под немцами» в Биаррице, – отдельная проблема. Важно подчеркнуть схожесть судеб мемуаристок, подвергшихся остракизму в первые послевоенные годы.

Негативное отношение к «Курсиву» сохранили и некоторые потомки первых эмигрантов. Так, в беседе со мной в 2002 г. Д.М. Шаховской холодно заметил, что, хотя книгу и не читал (!), хорошо знает, что Берберова не только «много наврала», нелестно отозвалась о своих собратьях-литераторах или вовсе их проигнорировала, но и оставила больного мужа, чего эмиграция ей не простила. Сама Нина Николаевна довольно откровенно объясняет, как жизнь с Ходасевичем стала все сильнее тяготить ее: «Я иногда больше не чувствовала себя живой, я чувствовала себя надломленной внутри всеми этими годами, этой жизнью, всем, что случилось со мной» [1, с. 394–395]. Она хотела «быть одной, свободной, сильной, с неограниченным временем на руках» [1, с. 396], разрыв был неизбежен.

Берберова ушла от Владислава Ходасевича в 1932 г., однако так никогда и не освободилась ни от его творческого влияния, ни от памяти о нем, ни от неизменного желания оставаться в глазах окружающих его единственной женой и музой. Действительно, их дружба и переписка продолжались до самой смерти Ходасевича в 1939 г., а с его вдовой, Ольгой Марголиной, отношения сохранялись вплоть до ее гибели в 1942 г. Страницы о Ходасевиче – лучшие в «Курсиве». Нина Николаевна стала издательницей собраний его поэзии и прозы. Тщательно оберегая

свое особенное значение в жизни Ходасевича от каких-либо посягательств, Берберова практически замалчивает явно счастливые годы жизни со вторым мужем, Николаем Макеевым, и даже ни разу не называет его имени и фамилии в тексте (только в биографическом справочнике она расшифровывает аббревиатуру М., Н.). Резкие высказывания Берберовой в адрес Георгия Адамовича и Георгия Иванова отчасти объясняются извечным противостоянием поэта и критика Владислава Ходасевича двум Жоржам, «царствовавшим» на Монпарнасе.

Ирина Одоевцева прожила с Георгием Ивановым в эмиграции почти сорок лет (до его смерти в «старческом доме» в Йере в 1958 г.), неизменно оставаясь его верной подругой и спутницей. В мемуарах она напишет: «Если бы меня спросили, кого из встреченных в моей жизни людей я считаю самым замечательным, мне было бы трудно ответить – слишком их было много. Но я твердо знаю, что Георгий Иванов был одним из самых замечательных из них» [6, с. 156]. Однако слагая панегирик Иванову на страницах своих воспоминаний, Одоевцева вовсе не уходит в тень мужа, как принято считать. Достаточно внимательнее вчитаться в мемуарный текст, чтобы увидеть, что, несмотря на заверения автора («я терпеть не могу писать о себе» [6, с. 187]), репрезентация себя как социально значимой фигуры и самокомплиментарность являются такими же характерными чертами эго-нарратива Одоевцевой, как и «Курсива» Берберовой.

Ирина Владимировна не только неоднократно подчеркивает, что именно на ней лежала главная ответственность при разрешении жизненных коллизий («все тяжести и катастрофы падали на меня, а его касались только рикошетом» [6, с. 187]), но и утверждает, что являлась не просто соавтором, но фактически автором некоторых статей Иванова, опубликованных в «Возрождении» [6, с. 192]. (Берберова, кстати, тоже заявляет, что писала за Ходасевича литературные обзоры в «Возрождении» под псевдонимом Гулливер [1, с. 368]).

Одоевцева декларирует, что избирает роль лишь простого свидетеля, «живой памяти» о тех, кого вспоминает, но это отнюдь не так, Ирина Владимировна все время оказывается в центре событий. Все, о ком пишет мемуаристка в своих главках-очерках (Сергей Есенин, Георгий Адамович, Юрий Анненков, Константин Бальмонт, Иван Бунин) непременно хотят провести с ней время, «изливают душу», восхищаются ее внешностью и творчеством. «Я никак не предполагал в вас такой глубины…», – «взволнованно» говорит ей Мережковский [6, с. 55]. «Я читал вашу статью двадцать семь раз и еще буду читать!» – заявляет ей Сергей Шаршун, настолько восхитившийся ее статьей о себе, что «стал читать ее каждую ночь перед сном» [6, с. 105–106]. «Вы только наденете свое голубое платье, в котором блистали на новогоднем балу в «Лютеции», – уговаривает ее Дон Аминадо «конферировать» на своем вечере в «Плейель» [6, с. 98]. «Бегите себе весело домой. Благо у вас дома тепло и уютно, и обед вкусный, и любящий муж», – говорит ей, прощаясь после совместной прогулки, Надежда Тэффи [6, с. 94]. Цитирование можно продолжить… Текст изобилует подобными диалогами. Когда журналист Борис Носик спросил уже 88-летнюю Ирину Владимировну, не записывала ли она в свое время, раз в мемуарах сплошные диалоги, Одоевцева безапелляционно заявила, что у нее была фотографическая память (!).

Было бы странно обвинять авторов воспоминаний в субъективности, а тем более браться за практически безнадежное дело – решать проблему достоверности мемуарных источников. Свое право на субъективное отражение событий прошлого блестяще сформулировала Нина Берберова: «…Я пишу сагу о своей жизни, о себе самой, в которой я вольна делать, что хочу, открывать тайны и хранить их для себя, говорить о себе, говорить о других, не говорить ни о чем… Я беру на себя одну всю ответственность за шестьсот написанных страниц и за шестьсот ненаписанных, за все признания, за все умолчания. За речь и за паузы» [1, с. 432] (правда, исследование литературоведа Ирины Винокуровой прекрасно демонстрирует, что без стимулирующего воздействия автобиографической прозы Симоны де Бовуар «Курсив» был бы совсем другим или вовсе не был бы написан [см.: 2]).

При всех кажущихся жанровых и стилистических различиях мемуарные тексты Нины Берберовой и Ирины Одоевцевой, безусловно, принадлежат к типично женскому эго-нарративу, главным объектом гендерной рефлексии в котором выступают сами авторы.

Библиографический список

1. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. М., 1996.
2. Винокурова Ирина «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?..» // Вопросы литературы, 2012, № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2012/2/v3.html (дата обращения: 22.02.2019).
3. Гуль Р.Б. Я унес Россию: апология эмиграции. Т. 3: Россия в Америке. М., 2001.
4. Медведев Ф.Н. После России. М., 1992.
5. Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966.
6. Одоевцева И.В. На берегах Сены. М., 1989.

П.П. Щербинин

Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОЛДАТСКИХ ЖЕН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ*

Любое научное исследование имеет свою собственную историю, отражая импульс и мотивацию изучения темы, ее актуальность и востребованность, в том числе причины, пробудившие научный интерес и потребность обращения к тем или иным сюжетам. Признаюсь, что для меня как ученого и исследователя такой музой и вдохновительницей, а затем и научным руководителем, консультировавшим и направлявшим меня в лабиринтах гендерной и женской истории России, стала профессор Наталья Львовна Пушкарёва. Впервые я услышал ее лекцию на летней школе в Тарусе, которую проводил Московский общественный научный фонд (МОНФ) двадцать лет назад. И меня, вполне «традиционного» историка, занимавшегося проблемами влияния военного фактора на повседневную жизнь российского общества в имперский период отечественной истории, буквально потрясли наблюдения и выводы Натальи Львовны Пушкарёвой о гендерной методологии и вообще и месте женщин в российской истории. Это был «иной» мир и неизвестная реальность, о которой мы все, слушатели школы МОНФ, почти ничего не знали. Наталья Львовна была как «инопланетянка», которая рассказывала на о неведомой и «потаенной» женской цивилизации, о женщинах, которые были скрыты от исторического наблюдения, оставаясь малозаметными и непонятными для большинства исследователей в историческом сообществе.

После лекции я подошел к Наталье Львовне и стал задавать ей многочисленные вопросы, которые возникли так неожиданно и на которые я не знал ответа. Удивительно, но профессор Пушкарёва, услышав мои сомнения, что женщины так малозаметны в военной и социальной истории, сказала: «Почему бы Вам не заняться изучением повседневной жизни солдатских жен, других женщин в годы военной повседневности!?». Эти слова и напутствия окрылили и вдохновили меня так, что вернувшись в родной Тамбов, я стал искать в архивах «женские следы», пытаясь раскрыть тайну того, что о солдатских женах никогда не писали и они оставались малоизвестными акторами отечественной истории. Признаюсь, что мой интерес к женской и гендерной истории вызывал откровенные насмешки и удивление коллег-историков. Расхожими были фразы: «Ну, что ты суешь везде свой гендер!», «Женская история не имеет никаких научных перспектив», «Перестань заниматься чепухой и вернись к традиционным походам и оценкам социальной истории России». Таким были высказывания маститых профессоров-мужчин, но и женщин-историков озадачивало мое увлечение гендерными сюжетами. Одна из коллег задала волнующий ее вопрос на одной из научных конференций: «Как Вы, мужчина, можете понять женщину-солдатку, если Вы не женщина?». Подобные примеры можно было бы продолжать долго, но признаюсь, что уже через несколько лет симпатии и увлеченность «женскими» вопросами охватила моих студентов и моих аспирантов. Они охотно выбирали спецкурсы по гендерной истории

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494.

России, выступали с докладами, а однажды случилось событие, которое все изменило в гендерных стереотипах тамбовского исторического сообщества. Наталья Львовна любезно согласилась приехать в Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина и прочитать спецкурс по методологии гендерной истории России. Это была ПОБЕДА гендерных штудий и гендерной идеологии. После выступления и дискуссии, ответов профессора Н.Л. Пушкарёвой на вопросы рассеялся мрак подозрений в гендерном взгляде на социальную историю, а число убежденных историков-гендеристов резко возросло. Наталья Львовна, как заправский революционер, переломила общественное мнение и вскоре многие явные противники женской истории стали охотно публиковать свои статьи и вести исследования по этой прежде «табуированной» женской и гендерной проблематике.

Для меня лично этот визит в Тамбов Натальи Львовны стал дополнительным импульсом в работе над докторской диссертацией на тему «Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века». Наша переписка по электронной почте велась практически ежедневно, и это было по сути онлайн консультирование. Мы регулярно встречались на научных конференциях, при прохождении зарубежных стажировок и эта тесная связь с научным руководителем позволила мне избежать многих ошибок и неточностей, помогала оттачивать выводы, вести изучение источников и необходимой научной литературы. Наталья Львовна была при необходимости строгой и требовательной, заставляя меня не отвлекаться на разные интересные «водовороты» изучения темы, рекомендуя все силы бросить на работу над текстом диссертации. Очень полезными для меня были и советы, консультации и критика, которая звучала от родителей Натальи Львовны: Льва Никитича и Ирины Михайловны Пушкарёвых. Они не жалели времени на споры и рекомендации для провинциального историка, позволяли окунуться в их опыт и видение концептуальных проблем отечественной истории. Таким образом, семья Пушкарёвых – это целый мир в исторической науке, и я горжусь тем, что соприкасался с этими уникальными историками и прекрасными людьми.

Десятилетие работы над докторской и чуткая опека Н.Л. Пушкарёвой принесли свои добротные научные результаты: десятки научных статей, издание монографии, научные гранты и стипендии, но главное – успешную защиту диссертации в Институте российской истории РАН. Я счастлив, что был «первенцем» – первым защищенным докторантом моей научной руководительницы. Важным было и то, что Наталья Львовна продолжала и после защиты поддерживать меня, как она поддерживала и поддерживает многих «птенцов гнезда Пушкарёвой». Наталья Львовна была и остается лидером и имеет непререкаемый авторитет в мировой исторической науке, а ее работы имеются во всех крупнейших книгохранилищах России и зарубежных стран.

Публикация в этом сборнике – большая честь для меня, я очень рад, что могу поделиться некоторым результатами изучения истории русской солдатки.

* * *

Вне всякого сомнения, современное научное сообщество уделяет особое, пристальное внимание изучению повседневной жизни, настроений и социального облика русских женщин в различные исторические эпохи. На интенсификацию этого научного и общественного интереса к прошлому россиянок оказывали и оказывают влияние развитие феминистской теории, институциализация гендерных исследований в системе социального знания. Данный интерес к развитию «женского вопроса» и внимание к частной жизни русских женщин традиционно поддерживается научными фондами и общественными организациями. В то же время среди трудов по женской и гендерной истории не так много фундаментальных исследований по истории повседневности «обычных» россиянок, далеких от политической жизни, нередко малообразованных, живших своей скромной, малозаметной жизнью, в то время как таковых было большинство. Одну из таких «забытых» категорий женского социума в России составляют и женщины-солдатки – жены и матери тех, кто был призван на службу в вооруженные силы. В их собственных повседневно-бытовых реалиях ведущую, а нередко и определяющую роль играл «военный фактор». К нему следует отнести сами войны и мобилизации, а также то,

что им сопутствовало – расквартирование войск, реквизиции, военные заготовки, военно-санитарную деятельность и т.п.

Исследование фундаментальной проблемы влияния военного фактора на повседневную жизнь российского общества через призму женского восприятия позволяет выявить индивидуальный и коллективный опыт личности, семьи, поколений и социальных групп, выяснить обстоятельства, конструировавшие конкретно-исторический контекст повседневности женщин-солдаток в военное и мирное время. «Человеческое измерение» войны, социокультурное восприятие проявлений милитаризма обществом и отдельными людьми, рассмотрение военного опыта с позиций истории повседневности, военно-исторической антропологии и истории частной жизни может и должно проводиться сквозь призму гендерных подходов, которые выработала профессор Н.Л. Пушкарёва.

Данная постановка проблемы подразумевает сочетание макро- и микроистрических подходов, использования традиций изучения гендерной и женской истории, реконструкцию социальных и правовых коллизий, индивидуальных и коллективных практик выживания «обычных» русских женщин в условиях кризиса повседневной жизни, отягощенного военным фактором, что позволяет выявить особенности традиционного и уникального, стереотипного и новаторского в развитии российского общества имперского периода отечественной истории XVIII – начала XX в. [7, с. 8].

При проведении исследования было важно выявить не только силу воздействия военного фактора на повседневную жизнь, социокультурный облик солдатских жен в часто воевавшей стране, но и определить векторы воздействия милитаризма на модернизационные и цивилизационные процессы в российском социуме. Подразумевалась реконструкция взаимоотношений русских женщин с властью, обществом, внутрисемейным окружением, включая правовые, экономические, психологические, межличностные связи, анализ этнокультурных традиций, психоэмоциональных особенностей российского общества [8].

Основные результаты изучения повседневной жизни российской солдатки в имперский период отечественной истории:

Кто же она такая – русская солдатка? Солдаткой (солдатской женой, рекруткой, женой нижнего воинского чина) называли в Российской империи как в законодательстве, так и в повседневной жизни женщину, муж которой был взят в рекруты или призван солдатом в армию. Впервые определение «солдат», «солдатская жена» вошло в употребление с 30-х гг. XVII в., когда при царе Михаиле Федоровиче, а потом и при Алексее Михайловиче были сформированы полки «нового строя», названные солдатскими [11, с 749]. Сотни тысяч россиянок в XVIII – начале XX в. назывались солдатками и составляли особый слой населения России, а их социально-экономический облик, правовой статус, эмоциональный мир являлись уникальными, вбирая в себя сложные социокультурные, сословно-групповые, общественные и политико-социальные процессы российского государства в XVIII – начале XX в.

Важно иметь в виду и то обстоятельство, что термин «солдатка» активно использовался в российском военном и гражданском законодательстве [4], а также и в повседневной речевой практике россиян и россиянок, церковных и светских властей. В Своде законов Российской империи специально выделены статьи о солдатских женах [1]. Фольклорные и другие этнографические источники также сохранили самобытную, яркую характеристику повседневной жизни и менталитета российской солдатки [12]. Не случайно о солдатках часто упоминалось и в художественной литературе [5].

2) *Источниковедческие лабиринты в поиске сведений о солдатских женах.* Военное министерство тщательно следило за численностью представителей военного сословия, так как именно оно позволяло иметь надежный резерв русской армии, призывая на службу всех солдатских сыновей (кантонистов). Однако сами солдатские жены и солдатские дочки не вызывали никакого интереса и не учитывались в военно-статистических сводках. Этот статистический парадокс вполне четко и убедительно отражал гендерную специфику политики государства по отношению к женщинам в солдатских семьях [9]. Впрочем, когда в советский период проводилась «чистка» и оптимизация архивного фонда в Российском государственном историческом архиве (РГИА), то в первую очередь списанию и уничтожения подвергались единицы хранения с обращениями солдаток за защитой своих прав и прав своих детей [10]. Но «спасли» ситуацию материалы провинциаль-

ных архивохранилищ, где сохранились огромные массивы первичных архивных документов, которые, впрочем, в своем большинстве так и остались неизученными историками и краеведами. Их привлечение способно помочь оценить региональную (губернскую и уездную) специфику воздействия военного фактора на повседневные реалии россиянок.

3) *Маргинальный статус и отсутствие легальных возможностей самореализации.* Солдатские жены имели немного перспектив развития в своей повседневной жизни, которая резко отличалась от судеб других – «невоенных» – женщин. С известной долей условности можно разделить все замужнее женское население (представительниц податных сословий) России в XVIII – начале XX в. на три группы: 1) женщины, мужья которых уже служили в армии; 2) россиянки, которые с тревогой и опаской ждали часа неминуемого «изъятия» главы семьи для военных надобностей; 3) жены, мужья которых по состоянию здоровья, льготам и другим причинам не могли служить «пушечным мясом», и именно эти женщины считали себя самыми счастливыми и удачливыми. Очевидно, что ни одна женщина податного сословия не могла быть спокойна, пока ее муж находился в «призывном возрасте» и мог в любой момент угодить под «красную шапку».

Таким образом, солдатские жены, являясь особой социальной группой, имели нечеткую социально-правовую идентификацию. По сути, власти и законодательство не стремились к урегулированию противоречий статуса и места солдатских жен в социальной иерархии Российской империи, а лишь активно отслеживали рождаемость в семьях солдаток, имея в виду воспроизводство представителей военного сословия. В известной степени солдатки были предоставлены самим себе, и маргинальный характер их положения устраивал социальное окружение солдаток и власти, которые не были обязаны оказывать им поддержку и нести дополнительные расходы.

Не имея, как правило, собственных средств и возможностей заработка, не обладая сословным иммунитетом, женщины-солдатки до 1874 г. являлись социальными маргиналами и должны были сами заботиться о перспективах своего семейного и повседневного положения, а также о будущем своих детей [2, с. 103]. Призыв мужа в рекруты превращал солдатку в полувдову, лишал ее нормальной семейной жизни и неизбежно толкал к поиску альтернативной жизненной стратегии. Исследование выявило несколько типов семейно-брачного поведения солдатских жен в период действия рекрутчины (1705–1874 гг.). Большая часть солдатских жен терпеливо несли крест одиночества, являлись «соломенными вдовами», предпочитали сохранять привычное для социального окружения одинокое проживание. Другая часть солдаток, как правило, бездетных, принималась самостоятельно решать свои брачные проблемы и изменять семейный статус. Не получая известий от мужа-рекрута на протяжении многих (порой десятков) лет, эти женщины-солдатки порой вступали в невенчанные браки, рожали незаконных детей и старались приписать их к мещанскому или крестьянскому, но не военному, обществам.

Привлечение таких источников, как метрические книги, материалы расследований из фондов духовных консисторий показало, что православная церковь всегда была на стороне традиций брачного регулирования, категорически отклоняя любые попытки солдаток заново устроить свою семейную жизнь. Все вторые браки солдаток объявлялись незаконными, даже если они продолжались десятки лет, а дети от этих «новых» браков всегда приписывались к военному сословию. Однако подобная практика власти и церкви не всегда совпадала с мнением общины и социального окружения солдатских жен. Нередко представители городских и сельских обществ признавали де-факто пусть и незаконное сожительство солдаток с новыми мужьями, которые брали на себя заботу о детях солдатки и вели с ней совместное хозяйство. Для окружающих важны были не формальные критерии брака, а обыденные повседневные реалии семейной жизни солдаток. Таким образом, общинная традиционная психология русского общества допускала безбрачное сожительство солдатских жен, так как в таком случае социальное окружение солдаток не несло дополнительных расходов для оказания помощи солдатским семьям.

Очевидно, что семейная жизнь солдатки и попытки ее регулирования властью и церковью входили в явное противоречие. Не случайно расследования о незаконных браках солдаток занимали лидирующее положение среди подобных церковных разбирательств. Семейно-брачные отношения солдатки явно не соответство-

вали традиционным устоям и юридическим предписаниям имперского периода российской государственности.

4) *Незаконные дети – солдатские дети?* В семейной жизни русских солдаток ярко проявлялась тенденция незаконных браков и преобладающего рождения солдатскими женами незаконных детей. Эта незаконность рождения мальчика-кантониста обрекала его на неизбежную службу в армию. Матери-солдатки демонстрировали удивительную изобретательность для спасения детей от призыва, скрывали факт рождения, предавали младенцев на воспитание родственникам и знакомым, в сиротские заведения, надеясь потом усыновить их как подкидышей. За такое незаконное потомство солдатских жен активно боролись и помещики, причисляя детей к своим крепостным крестьянам.

Однако сами солдатки не желали быть безмолвными статистками в защите прав своих детей. Установлено, что именно солдатские жены являлись наиболее активными участницами судебных процессов, подавали прошения в период сенатских ревизий, решительно апеллировали к местным и центральным властям, в том числе и на Высочайшее имя, добиваясь соблюдения буквы закона, защищая права своего потомства как представителей военного сословия. Солдаткам достаточно часто удавалось добиваться решения судов в свою пользу, что являлось свидетельством модернизационных явлений в правосознании русских женщин, демонстрировало новые тенденции в развитии механизмов регулирования межсословных противоречий. Очевидно, что именно солдатки одними из первых оценили возможности судебной защиты при решении своих семейно-бытовых проблем, а их правовая активность свидетельствовали о развитии России по направлению к формированию гражданского общества.

5) *Поиск средств для выживания солдаток и их детей.* Паспорт солдатке для самостоятельно проживания мог быть выдан только по разрешению мужа, хотя все же отмечались и случаи, когда рекрутские присутствия выдавали бездетным рекрутским женам виды на свободное жительство в городах и поселениях (где пожелает) при условии «честного поведения». Этим порой пользовались и в большой семье, чтобы избавиться от лишнего рта, «выдавить» «соломенную вдову» из крестьянского двора. Да и сами солдатки нередко обращались с прошениями на Высочайшее имя выдать им отдельный постоянный вид на жительство «для свободного проживания и прокормления».

По данным военно-статистических описаний губерний России середины XIX в., «незамужние солдатки занимаются работами или в домах родственников, или по найму, а редко живут своим хозяйством: переторговывают, пекут калачи, шьют рукавицы, перчатки, белье и стирают в домах поденно» [3, с. 59]. Заметим, как оценили положение солдатки офицеры Генштаба, проводившие описание губернии. Солдатка, то есть жена солдата, названа ими «незамужней». В этой игре слов заключалась вся трагедия семейной жизни российской солдатки: да, она жена, но в то же время незамужняя женщина…

Конечно, солдатка после ухода мужа в армию могла остаться и в семье свекра или деверя, если она жила там долго, или уйти из семьи мужа к отцу или братьям, а также могла жить с детьми отдельной семьей. Немало солдаток оседало в городах или торгово-промышленных селах, где они могли найти какое-то пропитание и доход. Главными занятиями солдаток в городах являлись работа в услужении, на фабрике, занятия мелкой торговлей или проституцией [12, с. 71]. Можно ли осуждать за сомнительные промыслы женщину, которая оказывалась вне рамок государственной или общинной поддержки, вне привычной социальной среды, брошенной на произвол судьбы? В городских условиях, когда надо было самой оплачивать и свой кров, и свое пропитание, обеспечивать потребности детей, женщины брались за любую работу и промысел. Понятно, что их заработки и доходы оставались весьма ограниченными. Статистические данные по городским эпидемиям показывают, что у городских маргиналов, в том числе и у солдаток, смертность была в два раза выше, чем у крестьян, проживавших в городе. Это объясняется тем, что у крестьян была либо защита хозяина, либо они могли вернуться в свой дом в деревню. А у солдаток этого не было, и они рассчитывали только на свои силы и возможности [13, с. 155].

Лишь некоторые солдатки своей активностью и трудолюбием, а порой удачливостью обретали экономическую независимость и благополучие, становясь владелицами ремесленных мастерских и доходных заведений [2, с. 234]. Однако это было скорее исключение,

чем правило в повседневной жизни российской солдатки. Большинство солдаток в силу обстоятельств, общественного мнения и традиций российского общества обречены были на мучительный поиск стратегии выживания себя и своей семьи. По сути, солдатка теряла свои социальные корни после призыва мужа на службу и вынуждена была вести активный поиск нового положения в обществе [14].

6) Специальный анализ системы призрения семей, призванных из запаса нижних чинов в периоды русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. позволил определить наиболее существенные изменения в повседневной жизни солдатских жен в эти кризисные периоды отечественной истории. Так, лишь первая, относительно массовая мобилизация запасных и отпускных солдат в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заставила правительство юридически оформить ответственность органов местного самоуправления за призрение солдатских семей, часто лишавшихся единственного кормильца и нуждавшихся в срочной помощи. 25 июня 1877 г. были утверждены «Временные правила о призрении семейств запасных, призванных на военную службу». Сопоставляя результаты социальный поддержки семей призванных на войну солдат, можно определенно констатировать, что выплаты пособий от местных самоуправлений были неполными, назначались лишь при признании нуждаемости в получении пособия, что в условиях провинциальной России создавало почву для злоупотреблений и коррупции. Кроме того, пособия выплачивались нерегулярно и не могли существенным образом компенсировать ущерб, нанесенный уходом главы семьи на войну. Таким образом, социальная защита семей призванных на войну солдат оказалась несовершенной, поэтому экономическое положение большинства таких семей резко ухудшалось, что отражалось на структуре потребления, способствовало социальной напряженности и дефициту семейного бюджета.

Русско-японская война 1904–1905 гг. привела к дестабилизации многих сторон повседневной жизни русских женщин, подтвердив несовершенство механизмов социальной поддержки семей нижних чинов, призванных на театр военных действий. Закрепление за земствами обязанности по выплате пособий семьям солдаток не могло быть реализовано в полном объеме. Данные выплаты назначались не всем нуждающимся в пособии солдатским семьям, а лишь тем, кто мог подтвердить «нуждаемость».

Тотальные изменения в женскую повседневность внесла Первая мировая война 1914–1918 гг. Важнейшей чертой в военные годы было обретение солдатками экономической, а в ряде случаев и общественной самостоятельности и самодеятельности. Имеется в виду то, что многие солдатские жены, видя безвыходность положения и не надеясь на земскую или общественную помощь, брали хозяйство в свои руки. Кроме того, война способствовала активному включению женщин в промышленное производство, освоению новых профессий в сфере обслуживания и управления. Война привела к «феминизации» и активному вовлечению женщин в прежде запретные для них отрасли и профессии [6, с. 162].

Таким образом, война сыграла в женской судьбе и конструировании будущего русских женщин важную роль. Являясь трагедией в семейной, личной жизни, она смогла уничтожить те препятствия и барьеры, которые в мирное время всегда стояли на пути женщин в ликвидации неравенства, достижении равноправия в профессионально-общественном статусе и повседневной жизни.

Библиографический список

1. Алфавитный указатель к своду законов Российской империи. СПб., 1844. С. 682–683.
2. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. Пер. с англ. Т.П. Вечериной / Под ред. А.Б. Каменского. М., 2002.
3. Военно-статистическое описание Российской империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. СПб., 1850.
4. Гражданские законы (Свод законов, Т. X. Ч. 1.) с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената. Изд. 14. СПб., 1880.
5. Некрасов Н.А. Стихотворения. (Арина – мать солдатская и др.). М, 1985.
6. Пушкарёва Н., Щербинин П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал социальной политики и социальной работы. Саратов, 2005. Т.3. №. 2. С. 147–163.
7. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

8. Щербинин П.П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений [Soldiers' wives from the XVIIIth to the XXth century : the reconstruction experience of social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments] // The Journal of Power Institutions In Post-Soviet Socities, Pipss.org : Issue 4/5. 2006 – «Military and Security Structures in/and the Regions» & «Women in/and the Military» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pipss.org/document493.html (дата обращения – 15.03.2019).
9. Щербинин П.П. Солдатские девки: правовой статус и повседневная жизнь в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Частное и общественное: гендерный аспект: мат-лы Четвертой межд. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 г., Ярославль. М., 2011. Т. 1. С. 451–454.
10. Щербинин П.П. Повседневная жизнь русской солдатки по документам Госархива Тамбовской области. XIX – начало XX в. // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 56–66.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. СПб., 1900. Т. XXX.
12. Beatrice Farnsworth. The Soldatka: Folklore and Court Record // Sr. 49. 1990. Pp. 58–73.
13. David L. Ransel. Mother of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988.
14. Wirtschafter E.K. The common soldier in eighteenth-century Russians Drama // Reflection on Russia in the Eighteenth Century. Koeln, 2001. Pp. 370–371.

Е.И. Якушкина

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЖЕНСКОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

Своим интересом к данной теме я обязана Наталье Львовне Пушкарёвой – уникальному человеку, многогранной личности, в которой сочетается множество талантов. Мы познакомились с Натальей Львовной на Пятой международной летней школе по гендерным исследованиям «Пересекая границы: гендер в постсоветских социальных науках», которая проходила в 2001 году в Форосе. На занятиях и после них мы много говорили о тогда еще новой гендерной учебной дисциплине и возможности институционализации ее в вузе, о женской истории. В тот момент и определился для меня основной вектор моих научных интересов и исследований – история женского активизма в России. Поскольку мы оказались с Натальей Львовной за одним столом в столовой, часто беседовали о семьях, о детях. Так и повелось с тех пор: при встрече, кроме деловых новостей о публикациях и конференциях, обязательно поговорить об успехах уже взрослых детей, о здоровье родителей. Для меня Наталья Львовна не только абсолютный авторитет в науке, она стала по-настоящему важным человеком в моей жизни, в жизни моей семьи. Я всегда знаю, что в сложный момент она обязательно даст верный совет, предложит помощь. Уверена, что не только я чувствую ее внимание и участие, но и другие ее ученики и коллеги. Человек большой душевной щедрости, сердечной теплоты, Наталья Львовна неизменно демонстрирует высочайший уровень профессионализма во всем, являясь безусловным авторитетом и ориентиром в науке и жизни для всех нас.

* * *

Сегодня, оглядываясь на длительную историю женского активизма в России, мы видим его взлеты и падения, моменты бурной активности и периоды затишья в развитии. О женском движении написано множество монографий и статей, выявлены источники его формирования, этапы становления и развития, дана его типология и определена региональная специфика [1; 2; 5; 6; 8; 9; 10; 11]. Безусловно, женщинами-активистками в России сделано немало и, главное, пожалуй, в том, что многие идеи и понятия гендерной теории, феминизма стали неотъемлемой частью жизни современного российского общества. Но можем ли мы сказать, что женское движение сегодня четко структурировано и юридически оформлено? Стало ли понятие «женское движение в России» устойчивым научным термином, таким, например, как «рабочее движение», «крестьянское движение» или «национальное движение»? Является ли оно сегодня влиятельной силой, определяющей развитие гражданского общества? Какова природа и специфика женского активизма в России?

Истоки женского активизма в России

Первые женские организации в России, как и в европейских странах, появляются в середине XIX века, даже ранее. В 1812 г. было создано первое «Женское патриотическое общество», целью которого стало «вспомоществование бедным, от войны пострадавшим». Главной идеей созданных в 1859 «Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» и «Общества для оказания материальной помощи беднейшему населению» также являлась идея помощи нуждающимся. Отметим, что при широком разнообразии женских организаций в наши дни большую их часть по-прежнему образуют организации помощи женщинам, многодетным семьям, особенно это касается женских групп в регионах.

Итак, первые русские феминистки направляли свою деятельность на благотворительность и образование. Само значение слова «феминизм» у первых представительниц этого течения отличалось от западного толкования. Согласимся с мнением исследовательницы женской истории Н. Новиковой, что феминизм предстает как свойственный многим культурам феномен, своеобразие которого в том или ином обществе зависит от национальных традиций, от возможности выражать оппозиционное мнение и от многих других факторов [3, с. 1].

Россия середины XIX в. оставалась страной феодально-крепостнической, патриархальной. При отсутствии возможности выдвигать либеральные требования, требования равного участия мужчин и женщин в политической жизни общества, женский активизм в России сформировал особые черты, отличные от западноевропейских. Женщины считали себя полноправными и равными участниками движения за освобождение всего народа от многовекового рабства, от пут абсолютизма, не выделяя собственных интересов.

Можно предположить, пишет доктор политических наук С.Г. Айвазова, что, несмотря на глубокую патриархальность русской жизни, а может быть именно вследствие этой патриархальности, женщина не была существом, абсолютно зависимым от мужчины. Скорее напрашивается другой вывод. Поскольку и мужчина и женщина находились под опекой мира, общины, государства, в значительной мере взявшего на себя еще и функции рода, то между ними существовало некое подобие равенства в рабстве – в рабской зависимости от всех властных структур. «Такой традиционный социум не предполагает разделения на сферы «общественной» и «частной» жизни, которое произошло в буржуазной Европе… В патриархальной России не было места, где могла бы формироваться независимая личность, не было пространства для автономии индивида, а без автономного индивида не могла сложиться новая либеральная цивилизация» [1, с. 47–48]. С.Г. Айвазова приходит к обоснованному выводу о том, что «феминизм рассматривался в России в первую очередь как движение за освобождение человеческой личности – любой, будь то женщина или мужчина, – из-под опеки рода» [1, с. 49].

«Женский вопрос» в 50-60-е годы прошлого века оставался одним из самых острых, обсуждаемых в журналистских и литературных кругах. Он являлся важным индикатором перемен, признаком, по которому судили о прогрессивности общества, буквально стал центром внимания русской общественности. Именно приверженность вопросам женской эмансипации определяла степень свободы отдельного человека, радикальный характер его настроений. Поэтому многие важные идеи равноправия женщин в социально-политической жизни озвучивались мужчинами – либерально настроенными преподавателями университета: физиологом И. Сеченовым, историком Т.Н. Грановским, а также хирургом Н.И. Пироговым, литературным критиком М.Л. Михайловым. Позже репутацию ярого поборника равенства прав женщин получил депутат первой Государственной думы, профессор права Л.И. Петражицкий.

Женщины-активистки не противопоставляли себя мужчинам и, как справедливо замечает российский историк, автор многочисленных работ по истории женщин Н.Л. Пушкарёва, полагали необходимым использовать в своих целях общественные структуры и движения, инициированные и созданные мужчинами. В то же время западные феминистки всегда стремились отделиться от мужской иерархической системы и создать свою, свободную от иерархий и авторитаризма [4, с. 425].

И все же в передовой мысли России женщинам отводилась скорее роль объектов политики, тогда как возможность их активного участия в качестве субъектов политического процесса се-

рьезно не рассматривалась. Женское участие расценивалась как часть, весомая подпитка движения народовольцев, эсеров, социал-демократов, позже революционеров или любого другого общенародного движения, но само по себе женское движение не считалось значительным, важным для общества.

Действительно, замечает Н. Новикова, как только в результате первой русской революции 1905 года женщины получили возможность самостоятельно заявить о своих требованиях в политике, их инициатива не получила должной поддержки не только в широком общественном мнении, но и среди товарищей по оппозиции. Любые попытки заявить об особых притязаниях женщин встречали многочисленные обвинения в сектантстве и буржуазности [3, с. 15]. Феминистское движение в дореволюционной России не располагало своими представителями в государственных организациях, не имело возможности оказывать постоянное давление на власть, лоббировать свои интересы. Даже когда в результате Февральской революции 1917 г. женщины добились равных гражданских прав, а после Октября 1917 г. эти права были закреплены формально-юридически, женские организации, преобразовавшись в женсоветы, продолжали быть частью борьбы за «общее дело» социализма, коммунизма и т.д., пока «высшие цели и задачи» построения «светлого будущего» не поглотили «частные» вопросы прав женщин, а потом и женскую проблематику в целом.

Построение и развитие советского государства требовали постоянного пополнения рынка труда, поэтому экономическая и политическая мобилизация женщин стала насущной необходимостью. Конституция СССР зафиксировала право женщин на труд, была организована система социальной защиты женщин в виде льгот, пособий, отпусков в связи с рождением ребенка и уходом за ним, что можно отнести к достижениям советской системы, но за это государство потребовало полной вовлеченности женщин в общественное производство.

Существование женских самостоятельных организаций в Советской стране было недопустимым по идеологическим соображениям. С другой стороны, массовое участие советских женщин в различного рода общественных группах было проблематичным из-за двойной загруженности на работе и дома, что впоследствии исследователи назовут «двойным контрактом» работающей советской женщины. Хотя в условиях советской власти и единоначалия КПСС женсоветы были лишены особой самостоятельности, но им была определена огромная компетенция: это и планирование средств предприятий и организаций на бытовые нужды, культурные вопросы, спортивно-массовые мероприятия; распределение мест в детских дошкольных учреждениях, детских санаторных путевок и т.д.; вынесение на рассмотрение общих собраний трудовых коллективов вопросов, касающихся женщин.

Женсоветы подверглись серьезной критике за их недемократичность, идеологизацию, отношение к женщине как к объекту, а не субъекту политических реформ. Надо признать, что женсоветы, наравне с другими факторами, были у истоков женского независимого движения в СССР в конце 80-х гг., а затем и в России, стали частью этого движения. По мнению В. Сперлинг, известной американской исследовательницы, Комитет советских женщин и женсоветы стали «инкубатором для женских групп, которые позже стали неформальными. Многочисленные женсоветы, которые существовали на предприятиях, а также в структуре районных, городских, областных советов, трансформировались в независимые, негосударственные ассоциации» [21, с. 23]. Это был один из путей формирования неправительственных организаций.

Сегодня женсоветы по-прежнему активны и объединяют только в Воронежском регионе около 10 000 женщин-активисток. Каждый муниципалитет, каждое сельское поселение Воронежской области имеет свой женсовет. Например, только в Калачеевском районе 26 женских советов, в Аннинском районе работает 23 женсовета и т.д.

Женские трудовые бригады, стахановское движение, первые трактористки, героини-ткачихи, строительницы Комсомольска-на-Амуре – это образцы беспримерного героизма и активизма советских женщин. Женский активизм в России, особенно в советскую эпоху, не автономизировался, он всегда являлся частью общенациональных социальных проектов и движений (революционных, трудовых, партийно-политических и т.д.), поскольку любые формы социального активизма – это следствие запроса, имеющегося в обществе в определенный исторический период.

Сложные, во многом драматичные годы перестройки оказали огромное влияние на жен-

скую активность. Государство, перестав оказывать поддержку социально незащищенные группам населения, в первую очередь, детям с различными заболеваниями, буквально вынудило женщин самоорганизоваться и совместно преодолевать трудности. В обществе сложились условия для гражданской и политической активности женщин.

Первые независимые женские группы, которые образовались в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг., ставили перед собой совершенно конкретные задачи. Среди них были организации, защищавшие права женщин, кризисные центры, комитеты солдатских матерей. Реформенные 1990-е гг. способствовали формированию организаций, помогавшим женщинам, их семьям, выжить в нелегкое время. Так, в Воронеже самую многочисленную группу до сих пор составляют организации, общественная работа которых связана с помощью семьям с детьми с различными заболеваниями (такие, как Воронежская городская общественная организация инвалидов и родителей детей-инвалидов с детским церебральным параличом «Надежда», многодетным семьям (Воронежская городская общественная организация «Большая семья», Воронежская областная общественная благотворительная организация «Многодетная семья» и др.), семьям пострадавших и погибших военнослужащих (Воронежское регионального отделения Общероссийской общественной организации «Комитет солдатских матерей России», Воронежская областная общественная организация «Объединение семей военнослужащих, погибших в Чечне» и др.).

В начале 1990-х гг. у женщин возникла потребность и в подлинно феминистских идеях и организациях, формированием и развитие которых стали заниматься О.Г. Липовская, председательница Петербургского центра гендерных проблем, О.А. Воронина, председательница Московского центра гендерных исследований, Н.Л. Пушкарёва, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, а также другие, последовательно отстаивающие принципы женского равноправия и ярые критики сексизма в нашей стране. Правда, немногие феминистские организации существуют сегодня, поскольку нет достаточной социальной базы для развития этого движения. Нет социального запроса на развитие и практическое применение сложной теории феминизма, особенно у женщин из провинциальных городов.

90-е гг. XX века вселили большой оптимизм в женщин-активисток и ученых, занимающихся гендерными исследованиями. Казалось, что наконец-то женское движение осознало себя как социальную группу с собственными интересами, консолидировалось и сможет влиять на властные структуры. Подтверждением этому было включение нормы, предусматривающей равенство возможностей мужчин и женщин, в текст Конституции РФ (статья 19, часть 3 Конституции РФ). В научной сфере началось теоретическое осмысление гендерных проблем, в учебных планах вузов появились гендерные дисциплины, на страницах средств массовой информации публично обсуждались проблемы пола. Не случайно философ И. Жеребкина назвала этот период «гендерные 90-е».

Влияние западного опыта на развитие женского активизма в России.

Женский активизм в России, который стал набирать силу в начале 90-х гг., ориентировался на западную модель организации, на уже существующие формы и методы борьбы.

Современный западный феминизм формировался в контексте мощных социальных протестов «новых левых» 60-х годов, опираясь на гуманистические идеи о ценности автономной личности, либеральные и марксистские теории, позже вбирая идеи психоанализа, затем распавшись на множество направлений в эпоху постмодернизма. Гендерная теория развивалась в контексте либерально-правовой идеологической доктрины с акцентом на индивидуальную свободу человека, верховенство права и свободу частного предпринимательства. Женское движение, выдвигая требования законодательного равенства, равной оплата труда за равный труд, равные образовательные возможности, свободу в планировании своей семьи и т.д., сформировало мощный инструментарий для достижения своих целей – большое количество неправительственных организаций, различные формы борьбы за свои права, в частности массовые протестные формы, такие как марши, демонстрации и пр. В университетах были созданы центры женских и гендерных исследований. Женщины добивались важных результа-

тов – изменения политических институтов и общественного сознания, принятия законов в их собственных интересах.

Уже с конца 1980-х гг. в англо-американской историографии возник большой интерес к зарождавшемуся женскому движению в СССР. К женской теме в совктской стране, а затем в России обратились многие авторы, среди них – М. Бакли, С. Эшвин, К. Некемиас, С. Бриджер, Р. Кей, Р. Марш и другие. Их внимание всецело было обращено к феномену гласности и его влиянию на «женский вопрос» в России, появлению первых независимых женских организаций, участию женщин в гражданской и политической деятельности. Западные авторы, имея более чем полувековой опыт развития методологии исследования женских движений, начали оперативно осваивать женскую проблематику в России, давали свои рекомендации [14; 12; 18; 13; 17].

Со второй половины 1990-х гг. появился целый ряд обстоятельных англо-американских исследований о месте женщины в российском обществе, о проблемах женщин на рынке труда, социальной защите, о политическом участии женщин. Среди них работы В. Сперлинг, ее монография «Организация женщин в современной России», статья «Демократия без женщин – не демократия»; книга С. Хендерсон «Построение демократии в современной России», исследование Р. Кей «Российские женщины и их организации: гендер, дискриминация». Иностранные ученые пытались разобраться в специфике женского движения в нашей стране и его роли в построении гражданского общества. По мнению вышеуказанных авторов, женское движение в России выявило ряд острых проблем, касающихся женщин (домашнее насилие, женская безработица, использование женщин на работах с вредными условиями труда и др.). Благодаря деятельности женского движения повысился статус женщины в социально-экономической и политической сферах, создавались женские сообщества. Женское движение, по мнению авторов, способствовало институционализации и значительному росту гендерных исследований как научного направления и учебной дисциплины в вузах. В то же время вышеуказанные авторы отмечали, что распространение женского движения тормозилось наличием устойчивых гендерных стереотипов в российском обществе и недостатком у российских женщин гендерного самосознания [20; 21; 15; 16].

Интеллектуальная и финансовая поддержка западных общественных фондов и исследовательских организаций, прямые контакты активисток женского движения сыграли большую роль в становлении женских организаций, центров гендерных исследований в России. Грантовая поддержка ученых способствовала их участию в международных конференциях, развитию научного дискурса, а также институционализации гендерных дисциплин в высших учебных заведениях.

По мнению зарубежных исследователей Дж. Рихтера, С. Хендерсон, помощь западных фондов смогла усилить третий сектор в России, помогла женщинам-активисткам организовать свою работу. Наряду с этим, по мнению вышеуказанных авторов, она препятствовала естественному формированию гражданского общества в России. Борьба за гранты отдалила, изолировала женские организации друг от друга, способствовала бюрократизации женского движения, особенно в столичных городах [19; 15]. Поддержка западных фондов, внеся, несомненно, большой вклад в оформление женского активизма в нашей стране, не способствовала консолидации женского движения.

Сегодня отношения с западными женскими организациями и теоретиками женского движения трансформировались в диалог, участники которого отмечают наличие одинаковых гендерных проблем: домашнее насилие, заниженная по сравнению с мужчинами заработная плата, сексуальное домогательство, сокращение рабочих мест, нехватка детских садов и т.д. Есть множество методов и приемов в повседневной работе американских женщин, которые интересны и важны для наших организаций. Сегодня, например, нет притока молодых активисток в женское движение в России. В то время как почти в каждом университете США существуют женские студенческие центры, в которых студентки обретают гендерную социализацию, учатся лидерству, ораторскому искусству, пополняют ряды женщин-активисток. Во многих школах и колледжах обязательным зачетом, трудовой практикой является деятельность в какой-либо общественной организации. Некоторые крупные корпорации ввели для своих сотрудников один специальный день в каждом месяце для участия в благотворительных акциях, для работы в различных неправительственных организациях, в том числе женских.

В общественную работу вовлечены почти все возрастные группы.

К вопросу о современном женском активизме в России

Согласимся с известным теоретиком гендерных исследований А. Темкиной, что особенности нашей культуры заставляют относиться к интерпретации проблем пола и изменения положения женщины достаточно осторожно, не забывая о различиях и возможной несопоставимости с западным опытом, возвращаясь к историческому контексту, помня об остроте феминистских тем и болезненности реакции на них [7, с. 10].

Сегодня в России появляются новые формы работы женских-активисток, меняются уже традиционные модели. Понятие «женсовет» давно уже не включает в себя только политическую социализацию женщин. Так, в Воронеже с 2013 г. супруги воронежских бизнесменов, состоящих в Гражданском собрании «Лидер», объединились в женсовет, который ведет социальную и благотворительную деятельность в Воронежском регионе. На их счету немало крупных социально значимых проектов, среди которых поддержка одаренных детей, помощь онкобольных детям, а также содействие в осуществлении региональных культурных и спортивных проектов.

Современный этап развития женского активизма характеризуется, с одной стороны, ориентацией на очень конкретные социальные задачи, среди них – достижение социального партнерства со структурами власти и партнерами по «третьему сектору», решение острых социальных проблем, таких как проблемы насилия, включая насилие в семье, и т.п. С другой стороны, на повестке дня женских организаций стоит масштабная задача по выработке, наконец, национального механизма по обеспечению принципа равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Женская социально-политическая активность, культурные практики женских организаций требуют пристального изучения, поскольку выявляют национальный контекст гендерного порядка, гендерной расстановки сил в российском обществе и вносят свой вклад в формирование полноценного политического и социально-культурного пространства в современной России.

Схлынул поток поддержки из-за рубежа, сократилось количество женских организаций, изданий, кризисных центров, уменьшился приток женских активисток в организации. Но возникают новые формы женского активизма, порой далекие от феминистических идей. Это благотворительные организации, культурно-просветительские, православные женские организации. Остался дух взаимопомощи, поддержки, благотворительности. Начался новый этап борьбы женщин за признание в России.

Библиографический список

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
2. Белякова Н.А., Успенская В.И. Новое женское движение в постсоветской России // Социально-политические процессы в меняющемся мире. Межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией В.П. Гавриковой. Тверь, 2018. С. 10–17.
3. Новикова Н.В. Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа. М., 2000.
4. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
5. Пушкарёва Н.Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // Социальная история. Ежегодник. 2003. М., 2003.
6. Пушкарёва Н.Л. Феминизм в России: формы женской социальной активности // Пушкарёва Н.Л. (ред. и сост.) Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие). Калуга, 2001.
7. Темкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 5–17.
8. Успенская В.И. По дороге к гендерному равенству: краткая хронология женского движения // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002.
9. Хасбулатова О.А., Правкина И.А. Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1. С. 14–21.
10. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
11. Якушкина Е.И. Политическое участие женщин в современной России (Воронежский регион)/ Е.И. Якушкина // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова, А.Д. Попова. Том. 1. С. 548–552.
12. Ashwin S. Development of Feminism in the Perestroika Era, Report on the USSR. Vol. 3. #35, August 30. 1991.
13. Bridger S., Pinnick K., Kay R. No More Heroines? Russia, Women and the Market, London; New York, 1996.

14. Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. AnnArbor: University of Michigan Press, 1989.
15. Henderson S. L. Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organizations, Ithaca and London: Cornell University Press, 2003.
16. Kay R. Russian Women and Their Organizations: Gender Discrimination and Grassroots Women s Organizations 1991 – 96. St. Martin's Press, 2000.
17. Marsh R. "Introduction: Women's Studies and Women's Issues in Russia, Ukraine and the Post-Soviet States." In Marsh, Rosalind, ed. Women in Russia and Ukraine. New York: Cambridge University Press, 1996. Pp. 1–3.
18. Nechemias C. The Prospects for a Soviet Women's Movement: Opportunities and Obstacles in Perestroika from below: social movements in the Soviet Union / ed. By J. B. Sedaitis and J. Butterfield. Boulder: Westview, 1991.
19. Richter J. "Evaluating Western Assistance to Russian Women's Organizations," in S. Mendelson and J. Glenn, eds. The Power and Limits of NGOs: Transnational Democracy Networks and Post-Communist Transitions, New York: Columbia University Press. 2002. Pp. 54–90.
20. Sperling V. "Democracy without Women is not Democracy:" The Struggle Over Women's Status and Identity During Russia's Transition. In Identities in Transition: Eastern Europe and Russia After the Collapse of Communism, edited by Victoria E. Bonnell. Berkeley, Calif.: International and Area Studies, 1996. Pp. 45–67.
21. Sperling V. Organizing women in contemporary Russia, Cambridge University press, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Елена Вениаминовна	доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург
Безгин Владимир Борисович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета, г. Тамбов
Белова Анна Валерьевна	доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, г. Тверь
Белова Наталья Андреевна	кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Валькова Ольга Александровна	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва
Васеха Мария Владимировна	кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Веременко Валентина Александровна	доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург
Годовова Елена Викторовна	кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Оренбург
Горячева Анна Николаевна	студентка отделения «Культурология» Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва.
Громова Анна Игоревна	младший научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва

Долгов Вадим Викторович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
Жидченко Александр Владимирович	кандидат исторических наук, координатор проекта «Школьный музей» Российского движения школьников, начальник отдела проектов и программ ФГБУ «Российский детско-юношеский центр», г. Москва
Заболотная Лилия Павловна	доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Национального музея истории Молдовы, г. Кишинев
Кабакова Галина Ильинична	доктор филологических наук, доцент кафедры славистики Университета Париж–Сорбонна, Франция.
Калачева Ирина Ивановна	доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск
Канныкин Станислав Владимирович	кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г. Старый Оскол
Керов Валерий Всеволодович	доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
Котовская Мария Григорьевна	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Крюкова Светлана Станиславовна	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела русского народа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Курто Ольга Игоревна	кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Левин Ева	профессор в Университете Канзаса, США
Лисицына Ольга Игоревна	кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета, г. Тверь

Любичанковский Сергей Валентинович	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург
Меньшикова Евгения Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород
Икута Митико	профессор в Университете Осака, Япония
Михайлова Мария Викторовна	доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва
Мицюк Наталья Александровна	доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины, биоэтики Смоленского государственного медицинского университета, г. Смоленск
Морозова Ольга Михайловна	доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону
Мухина Зинара Зиевна	доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г. Старый Оскол
Нестерова Валерия Львовна	кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь
Нижник Надежда Степановна	доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург
Николаева Дарима Анатольевна	доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии и народной художественной культуры Восточно-Сибирского государственного института культуры, г. Улан-Удэ
Петрич Лариса Владимировна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург

Пивоварова Лидия Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г. Старый Оскол
Пушкарёва Наталья Львовна	доктор исторических наук, профессор, зав. сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Радина Надежда Константиновна	доктор политологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород
Ратчайлд Рошель	профессор Гарвардского университета, ассоциированный член Центра Дэвиса по изучению России и Евразии, г. Бостон, США
Рябкова Екатерина Сергеевна	аспирантка Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Семёнова Ольга Александровна	младший научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург
Синова Ирина Владимировна	доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург
Скорик Александр Павлович	доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории Южно-Российского государственного политехнического университета им. М.И. Платова, директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов, г. Новочеркасск
Сорокина Елена Анатольевна	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
Сулейманова Рима Нугамановна	доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа.
Текуева Мадина Анатольевна	доктор исторических наук, заведующая кафедрой этнологии и истории народов КБР Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик
Трофимова Елена Ивановна	литературовед, член Союза писателей, г. Москва

Трошина Татьяна Игоревна	доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
Шаповалова Вероника Орестовна	профессор, директор Русской программы кафедры Европеистики Университета штата Калифорния, г. Сан-Диего, США
Шаповалова Светлана Петровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород
Шендерюк Марина Геннадьевна	кандидат исторических наук, доцент Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград
Щербинин Павел Петрович	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии Института права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов
Юдина Татьяна Николаевна	доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Российского государственного социального университета, г. Москва
Якушкина Елена Ивановна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского госуниверситета, г. Воронеж

Научное издание

Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности

Отв. редакторы:

З.З. Мухина, А.В. Белова,
Н.А. Белова, С.В. Канныкин

ISBN 978-5-4211-0240-3

9 785421 102403

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Компьютерная верстка *Н.А. Белова*
Художественное оформление *Е.В. Орлова*
Подписано к печати 15.08.2019
Формат 84×108 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии ФГБНУ «Росинформагротех»
141261, пос. Правдинский Московской обл., ул. Лесная, 60
Тел. (495)933-44-04